

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2021

№ 74

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джеозефон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Сайдов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бугров К.Д. Между горой и рекой: формирование городского пространства Златоуста 1930–1940-х гг.	5
Бушуева А.А., Козельчук Т.В. Религиозная публицистика «Тобольских епархиальных ведомостей» конца XIX – начала XX века: проблемы источниковедческого изучения	14
Воробьева В.С. Феномен регионализма и региональной идентификации в России в 1990–2000-е гг.	25
Гангур Д.И., Гангур Н.А. Дома моделей и тренды советской моды 1950–1970-х гг.: общероссийское и региональное измерения	31
Гильминтинов Р.Р. Политическая экономика пространства: крестьянский вопрос и проблематика ренты в СССР в 1920-е гг.	41
Голикowa О.А. Кадровый состав дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа	50
Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В., Шок Н.П. Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного гуманистического диалога	55
Расколец В.В., Сорокин А.Н. Теория и практика исторического исследования третьей роли высшей школы (на примере вузов г. Томска в конце XIX – первой половине XX в.)	66
Фандо Р.А. Князь Е.Н. Трубецкой и решение «университетского вопроса»	79
Шевелев Д.Н. «А пока необходимо потесниться»: жилищный вопрос в городской повседневности и информационной повестке Томска в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)	87

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Konstantin D. Bugrov. Between the mountain and the river: making the urban space of Zlatoust, 1930–1940s	5
Anna A. Bushueva, Tatiana V. Kozelchuk. Religious publicism of “Tobolsk diocesan gazette” in the end of XIX – beginning of XX century: problems of source study	14
Veronika S. Vorobyeva. Phenomenon of regionalism and regional identification in Russia in the 1990–2000s	25
Dmitry I. Gangur, Natalya A. Gangur. Soviet fashion houses and fashion trends of the 1950–1970s: all-Russian and regional dimensions	31
Roman R. Gilmintinov. Political economy of space: the peasant question and the problem of rent in the USSR in the 1920s	41
Olga A. Golikova. The staff of the directorate of primary schools in the West Siberian educational district	50
Nikita Iu. Pivovarov, Vitaly V. Tikhonov, Nataliya P. Shok. The peacemaking movement of the USSR in the late 1940s – early 1960s: christian denominations and the ethics of international humanistic dialogue	55
Viktor V. Raskolets, Aleksandr N. Sorokin. Theory and practice of historical research of the third role of higher education (on the example of universities in Tomsk at the end of the XIX – the first half of the XX century)	66
Roman A. Fando. Prince E.N. Trubetskoy and the decision of the “university question”	79
Dmitriy N. Shevelev. “In the meantime, we need to move up”: the housing shortage in the information agenda of Tomsk during the Civil War (1918–1919)	87

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бетмакаев А.М. Образ США в текстах А. Гитлера в годы Веймарской республики	98
Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Воздействие внешних акторов на современные интеграционные процессы в Центральной Азии	106
Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. Принятие государственной символики в странах Центральной Азии в начале 1990-х гг.: основные маркеры идентичности	115
Мальшева Н.С. «Политика памяти» правительства Г. Трумэна в отношении стран Латинской Америки	125
Менщикова Ю.В. Дж. Мейджор в оценках британского общества: вчера и сегодня	132
Парфирьев Д.С. Закарпатье в планах украинских политиков Австро-Венгрии в 1914–1918 гг.	138
Сизова А.А. Создание российского консульства в Уляссутае в контексте стратегического взаимодействия Российской и Цинской империй начала XX в.	144

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Alexei M. Betmakaev. US image in Hitler's texts during the Weimar republic	98
Ainur E. Dzhorobekova, Evgeny F. Troitskiy, Sergey M. Yun. The impact of external actors on ongoing integration processes in Central Asia	106
Anna D. Derendyaeva, Yury G. Chernyshov. Adoption of state symbols in Central Asian countries in the beginning of the 1990s: main markers of identity	115
Nina S. Malysheva. The Truman's administration's “memory policy” toward Latin America	125
Yulia V. Menshchikova. J. Major in assessments of British society: yesterday and today	132
Dmitry S. Parfiriyev. Transcarpathia in the plans of Austro-Hungary's Ukrainian politicians in 1914–1918	138
Alexandra A. Sizova. The establishment of the Russian consulate in Uliassutai in the context of the strategic interaction between the Russian and Qing empires of the early 20th century	144

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Николаев Н.Ю., Юрченко Д.С. «Битвы за прошлое» или медиатизация исторической политики и исторической пропаганды в современной Украине	152
Худолеев А.Н. Историко-критические отзывы и размышления В.О. Ключевского в дореволюционной периодической печати и изданиях	160

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Nikolay Yu. Nikolaev, Daria S. Yurchenko. “Battles for the past” or mediatization of historical policy and historical propaganda in modern Ukraine	152
Aleksey N. Khudoleev. The historical and critical reviews and reflections of V.O. Klyuchevsky in pre-revolutionary periodicals and publications	160

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Идиатуллоев А.К., Бураков С.О. Путешествие интеллектуала: взгляд этнолога	167
Цветкова О.В. Региональная идентичность как фактор формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности	173

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Водясов Е.В. Миф о кулайской черной металлургии: историография проблемы и перспективы ее решения	178
Горбунов В.В. Использование доспехов в погребальной практике населения Западной Сибири эпохи Средневековья	183

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Еремеева А.Н., Заман М.Х. Однокурсницы. Зинаида Ермольева и Нина Клюева: путь в профессию	191
Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Профессиональное сообщество томских ученых-радиофизиков в первой половине XX века: центр-периферийные отношения	200

РЕЦЕНЗИИ

Пученков А.С. Белогвардеец-романтик? Рец. на кн.: Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.	209
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Терехов О.Э., Терехова О. Н. История Германии в судьбе сибирского ученого	214
Шарапов С.В., Зиновьев В.П. Всероссийская научная конференция «Российские экономические реформы в региональном измерении» (г. Новосибирск, 16–17 сентября 2021 г.)	218
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	221

PROBLEMS OF ETHNOLOGY, ANTROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Azat K. Idiatulloev, Sergey O. Burakov. The journey of the intellectual: an ethnologist's view	167
Olga V. Tsvetkova, Regional identity as a factor in the formation of the cultural-historical and socio-territorial community	173

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Evgeny V. Vodyasov. The myth of the Kulay iron metallurgy: historiography of the problem and the prospects of its solution	178
Vadim V. Gorbunov. The use of armour in the burial practice of the population of Western Siberia in the Middle Ages	183

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNICS

Anna N. Eremeeva, Muhammad Hamid Zaman. Classmates. Zinaida Ermol'eva and Nina Klyueva: the way to the profession	191
Anton G. Kosterev, Viktor V. Raskolets, Maksim Yu. Kim. Professional community of Tomsk scientists-radiophysicists in the first half of the XX century: center-peripheral relations	200

REVIEW

Alexandr S. Puchenkov. White guard romantic? Review of the book: Larkov N.S. Siberian white general. Tomsk: Publishing house of Tomsk university, 2017. 312 p.	209
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Oleg E. Terekhov, Oksana N. Terekhova. History of Germany in the fate of a Siberian scientist	214
Sergey V. Sharapov, Vasily P. Zinoviev. All-Russian scientific conference "Regional dimension of the Russian economic reforms" (Novosibirsk, September 16–17, 2021)	218
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	221

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/74/1

К.Д. Бугров

МЕЖДУ ГОРОЙ И РЕКОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЗЛАТОУСТА 1930–1940-х гг.

*Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».*

Рассмотрен процесс формирования городского пространства Златоуста в 1920–1940-х гг. Златоуст мыслился как конгломерат рабочих поселков на горных склонах при предприятиях, занимающих долину реки. Фрагментированность городской инфраструктуры привела в условиях Великой Отечественной войны к коммунально-хозяйственной катастрофе конца 1941 г. В конце 1940-х гг. архитектор Златоуста П.А. Сибрин попытался остановить фрагментацию города, организовав строительство нового центра в долине реки. Однако специфика рельефа привела к тому, что довоенные тенденции в развитии города взяли верх.

Ключевые слова: Златоуст, Урал, советская архитектура, градостроение, городской ландшафт, индустриализация.

История советского градостроения – это история скрытых за ширмой идеологического единства противоречий между централизаторским стремлением к планированию города как единого целого и фактической самостоятельностью застройщиков – ведомственных промышленных организаций. Как справедливо отмечает Ю.Л. Косенкова, «промышленно-ведомственная система руководства строительством, сложившаяся в предвоенный период, прочно удерживала при себе большую часть материально-технических средств строительства. Раздробленность и рассогласованность действий этой системы были прямым следствием “хозяйственного” способа строительства, который господствовал в стране до 1936 г., – каждый наркомат строил сам для себя, исходя только из своих интересов» [1. С. 857]. С другой стороны, процессы развития городов определялись их территориальным положением, характером окружающего ландшафта. Поэтому формирование пространства конкретных городов СССР требует анализа не только отмеченных выше противоречий, но и специфики хозяйственно-географического положения.

Особенности этого процесса ярко видны при изучении градостроительного и социально-экономического развития города Златоуста в XX столетии. Этот важный промышленный центр является самым высокогорным из городов Уральского региона, он расположен на высоте около 500 м над уровнем моря. Сложный рельеф Златоуста не был большой проблемой для развития города в XVIII–XIX вв., пока он существовал на относительно небольшой территории: старый центр на левом берегу реки Ай, зажатый между территорией завода, рекой и склонами двух гор – Бутыловки (Уреньги) и Кладбищенской. В начале XX в. Златоуст был вполне характерным уральским горнозаводским поселением, с четким делением на богатую и бедную

части города: «Топографический характер местности города определил неодинаковое его санитарное состояние. Если в центре, несмотря на отсутствие мощения улиц, город выглядел благополучно, жизнь в домах, находящихся в ущелье (улицы Мастерская, Большая, Нижне-Заводская и др.), в санитарном отношении часто была невозможна вследствие сырости, туманов и дыма заводских труб. Интеллигенция города жила по преимуществу на улицах Большой и Малой Немецких, Ключевской и Никольской. Здесь были расположены лучшие дома» [2. С. 87]. Таковы были хозяйственно-географические константы, определявшие пространство Златоуста на момент вступления города в фазу интенсивного демографического и индустриального развития.

Развитие это определялось двумя ключевыми факторами. В конце XIX в. через город пролегла железная дорога Уфа–Челябинск, бывшая частью основного маршрута Транссибирской магистрали. Через Златоуст дорога проходила по берегу реки Ай: участок Уфа–Златоуст был сдан в 1890 г., а участок Златоуст–Миасс–Челябинск – в 1892 г. [3. С. 173–174]. Правда, в сам старый город из-за особенностей рельефа железная дорога не заходила: станция Златоуст располагалась примерно в 5 км к востоку. А в 1903 г. было создано новое доменное производство в 3,5 км ниже по течению реки Ай: здесь расположилась Ермоловская домна, получившая имя в честь министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, деятельно поддерживавшего расширение чугуноплавильного производства [4. С. 321]. На момент пуска Ермоловская домна входила в число крупнейших древесно-угольных металлургических печей [5. С. 206]. В 1925 г. новые металлургические производства, сконцентрированные вокруг Ермоловской домны, были выделены в Златоустовский металлургический завод.

Таким образом, в начале XX в. Златоуст объединял три жилых района: старый город, выстроенный близ плотины пруда, район вокзала и район Ермоловской домны на северо-западе. Металлургические производства разместились вдоль реки Ай, занимая удобные, ровные участки на ее берегах. Жилое пространство старого города находилось главным образом к западу от старого завода, на левом берегу реки Ай, на склоне горы Бутыловки, вдоль которого стекала речка Громатуха. Город прирастал деревянными поселками на склонах гор правобережья: в долине реки Каменки расположились поселки Закаменский, Назаровский и Зареченский, в долине реки Каменки 2-й – Ермоловский поселок (в 1936 г. переименован в Чапаевский поселок), застроенные деревянными одноэтажными домами. Здесь тоже велось кое-какое строительство: так, в 1920-х гг. на восточной окраине Назаровского поселка было выстроено несколько рубленых двухэтажных деревянных домов, этот квартал стал известен как Рабочий городок. Вне зависимости от того, на каком берегу располагалась златоустовская селитьба, жилые кварталы росли от реки вверх, словно бы «карабкаясь» в гору. В пояснительной записке к плану озеленения Златоуста на 1948–1959 гг. главный архитектор Златоуста П.А. Сибрин и главный инженер Горкомхоза С. Алексеев констатировали характерную особенность: «Единой компактной застройки в пределах городской территории нет. Город рос, приспособляясь к рельефу, по долинам и склонам гор, оставляя между застроенными частями свободные гребни и наиболее крупные склоны горных хребтов... Таким образом, части города, возникшие на отдельных склонах, разделены между собой или горными хребтами, или речными долинами и занимают территории с абсолютными высотами от 410 до 600 м. Жилая застройка, приспособляясь к местности, вытягивалась по общему направлению тальвегов, в результате чего направление главных улиц в каждой долине почти в точности отражает все изменения в направлении тальвегов» [6. Л. 71].

С конца 1920-х гг. металлургический завод, получивший в 1930 г. имя Сталина, стал расширяться, был оснащен электропечами и налажен выпуск специальных сталей. Строительство вел трест «Златстрой» (позднее – «Златоустметаллургстрой»), бывший в 1930-х гг. крупнейшей строительной организацией города. Старый завод, теперь именовавшийся Златоустовским инструментальным заводом имени Ленина, начал выпуск инструмента (в частности, топоров), а также сохранял оборонную специализацию – выпуск снарядов. Рост предприятия на протяжении столетия привел к тому, что в конце 1920-х гг. «завод превратился в собрание старых и новых корпусов с многочисленными и разнообразными в нескольких местах котельными установками, сложной и нерентабельной системой энергопитания, запутанной сетью широко- и узкоколейных железнодорожных путей, неудовлетворительной организацией трубопроводов для пара, воды и нефти, недостаточным складским хозяйством и вспомогательными обслуживающими отделами и цехами» [7. Л. 42]. В условиях рынка производство могло бы быть закрыто и демонтировано, открыв пространство для роста

жилой или общественной застройки, но в условиях плановой экономики всем заводским мощностям старались найти хоть какое-то применение. Так, в 1930-х гг. заводу пришлось начать выпуск прессов «Толидо», в послевоенный период – выпуск зерноуборочных комбайнов, экскаваторов, холодильников.

Златоустовское руководство стремилось к дальнейшему расширению промышленного комплекса города. Об этом говорит «Экономический очерк Златоустовского района», составленный Уралпланом в 1931 г. Данный очерк включал план превращения всего района Златоуста в могучую индустриальную агломерацию: «Имея у себя природные богатства, громадный производственный опыт, Златоустовский район имеет все данные дальнейшего своего развития. Его промышленное строительство должно идти по двум направлениям. С одной стороны, по строительству новых заводов и предприятий, и с другой – по линии реконструкции существующих заводов. В нашем районе должны быть построены следующие заводы: металлургический комбинат, Бакальский металлургический завод, завод бурового оборудования и мерительного инструмента, завод нержавеющей сталей и изделий, завод шарикоподшипников, автомобильный комбинат, завод по строительству стандартных домов и коксохимкомбинат... Среди работников центра и области было нездоровое убеждение, что в Златоустовском районе нет площадок для строительства новых заводов. На этом основании многие заявляли, что Златоуст имеет потухающую кривую в своем промышленном развитии. Этот взгляд был основан на недостаточной изученности самого района и знакомства с его геологическим строением» [Там же. Л. 19]. Составители проекта предлагали семь площадок для развертывания «промышленных гигантов», расположенных к югу, северо-западу и северо-востоку от исторической части Златоуста на расстоянии от 8 до 25 км. Результатом воплощения этого чрезвычайно амбициозного плана строительства стало бы преобразование Златоуста в колоссальный индустриальный центр, не имеющий себе равных на Южном Урале. География всего городского района полностью бы изменилась: возникла бы обширная промышленная агломерация. В ее центре должен был оставаться старый Златоуст, расположенный в долине реки Ай у подножия горы Косотур, а новые стройки охватывали бы его огромным полукольцом. С юга, на берегах речки Орловки, планировалось разместить завод нержавеющей стали и шарикоподшипниковый завод, с северо-запада – огромный Бакальский металлургический комбинат, с севера – металлургический завод на титаново-магнетитовых рудах. На северной оконечности этой агломерации располагались бы Куса и Магнитка, становившиеся рудной базой для металлургических производств.

Составители плана вполне отдавали себе отчет в том, что даже имеющаяся стройка стала для города непосильным бременем. Уже к 1934 г. ожидался рост населения города до 118 тыс. человек. Между тем с 1929 по 1931 г. население Златоуста выросло на 32,4%, тогда как прирост жилой площади составил лишь 23,1%; в целом «условия рабочих Златоуста значительно ху-

же, нежели в основной металлообрабатывающей промышленности Урала» [7. Л. 72]. В Златоусте не могли достроить водопровод и канализацию, остро не хватало больниц и школ. Огромные проблемы доставляло отсутствие транспортной сети: в условиях разбросанного по горным долинам Златоуста рабочим предприятий приходилось проделывать по 6–7 км пешком ежедневно, и это на довольно-таки ограниченной территории старого поселения. Кризис стал бы невыносимым, если бы амбициозный план индустриального строительства начал воплощаться в жизнь. Помехой строительству поселка металлургического завода и трамвайной ветки, соединяющей старую часть с этим поселком, был и кварцитовый рудник на юго-восточном склоне горы Татарки (строить рядом с ним было опасно: разработки велись взрывным способом), а также разработки глины, ведшиеся прямо на берегу

реки Ай. Мешали расширению также цеха керамического завода – производства огнеупоров и абразивных материалов (бывшей фабрики искусственных точил), располагавшиеся на правом берегу реки Ай. К тому же городское руководство не ладило с промышленным. В июле 1933 г. «Известия» опубликовали статью М. Комарова под характерным названием «Оградить сверхударную стройку от златоустовских помпадуров»; в ней бичевались златоустовские городские руководители, не оказывающие реконструкции металлургического завода должной помощи и даже вредящие ей [8].

Вновь обретаемый Златоустом статус индустриального гиганта поддерживался интенсивным строительством, которое развернулось в центральной части города. Златоуст обзаводился крупными зданиями, выдержанными в конструктивистской стилистике и, безусловно, игравшими презентационную роль.

Рис. 1. Схема городского пространства Златоуста 1920–1940-х гг. (снимок Google Maps, 2021 г.): 1 – Инструментальный завод; 2 – Металлургический завод; 3 – Керамический (абразивный) завод; 4 – старый центр (ул. Ленина); 5 – поселок металлургического завода; 6 – седловина горы Татарки; 7 – новый центр (ул. Карла Маркса)

В 1932 г. был выстроен клуб металлистов на площади III Интернационала; к середине 1930-х гг. сформировался целый ансамбль парадных зданий вдоль ул. Ленина, в той части старого города, где исторически проживала местная элита. Ряд жилых домов, появившихся в этой части города в 1-й половине 1930-х гг., был известен как «дома горсовета»; здесь же вел жилищное строительство инструментальный завод. Кроме того, в городе появились две новые бани, началось строительство фабрики-кухни инструментального завода. В 1934 г. в Златоусте начало работать трамвайное движение: первая ветка соединила металлургический и инструментальный заводы, а вторая ветка протянулась от инструментального завода до вокзала, соединив все три главные части города. К северу, на северном склоне горы Татарки, возник поселок металлургического завода (рис. 1).

В 1920-е гг. городское руководство начало попытки внести упорядоченность в этот стихийный рост. С 1929 г. разрабатывался проект общей планировки Златоуста; первый проект был подготовлен архитектором Д.Е. Шибаевым. Затем работы были переданы в Свердловск, и к 1935 г. располагавшийся здесь институт Уралгипрогор закончил создание плана, согласно которому население города должно было составить 200 тыс. человек. В Ермоловском и Закаменском районах, находившихся в зоне вредного влияния промышленных предприятий, а также в районах Бутыловки и Ветлуги ввиду их сложного рельефа новое строительство было запрещено. Все строительство должно было развернуться на горах левого берега реки Ай на шести пологих склонах: «Учитывая гористый рельеф местности гор. Златоуста расположить по отлогим склонам гор, а именно: в седловине горы Татарки до р. Ай, по склону горы Гурьихи до реки Чувашки, по склону Кладбищенской горы до речки Громатухи, по склонам горы Уреньги до заводского пруда, в нижней части горы Косотур вдоль р. В. Тесьмы и в районе ж. д. станции Златоуст» [9. Л. 16]. Трехчастное деление, возникшее еще до революции, сохранялось: большая часть жителей должна была проживать в Центральном и Демидовском районах (85 тыс. человек), в поселке металлургического завода на склонах гор Татарки и Гурьихи (65 тыс. человек) и в районе вокзала (25 тыс. человек). Каждый район должен был иметь свою главную магистраль, ведущую к основному производству, а также свой районный «административно-культурный центр».

Приоритетом в хозяйственном отношении было декларировано расширение двух заводов: инструментального и металлургического. Инструментальный завод-комбинат расширялся на северо-запад (новые цеха заняли береговую территорию, где ранее проходили Барочные улицы) и на восток (на правом берегу Ая был выстроен новопрокатный цех) [10. С. 98–99]. Металлургический завод рос на северо-запад по долине реки Ай. Конкретики в отношении новыхстроек не было, однако златоустовские руководители продолжали – как и в 1931 г. – рассчитывать на рост промышленной базы, и план фиксировал площадку «для промпредприятия металлообрабатывающей промыш-

ленности, которое, возможно, возникнет в третьей пятилетке», на юге, в районе Габовой пашни.

При этом горсовет настаивал на том, что общегородская центральная площадь должна расположиться между ул. Карла Маркса и рекой Ай, в районе Петропавловской площади; здесь было запланировано строительство Дома советов, Дома связи, Дома союзов, театра, дома культуры, дома контор и гостиницы [9. Л. 20]. В 1933 г. жилого строительства по ул. Карла Маркса, шедшей вдоль берега реки Ай и соединявшей старый город с поселком металлургического завода, не предусматривалось, так как она была стеснена защитной зоной металлургического, абразивного, инструментального производств; строить на этой улице разрешалось только здания административного и общественного значения, и то «лишь с одной стороны» [Там же. Л. 15]. Здесь планировалось расположить единый профтехкомбинат для металлургического и инструментального производств. При обсуждении плана в секторе планировки научно-технического совета Наркомхоза РСФСР такое расположение центра было отвергнуто как «неприемлемое с санитарной точки зрения, поскольку находится в зоне вредного действия керамической промышленности» (абразивного завода). Более удачным, на взгляд участников обсуждения, был альтернативный вариант размещения центра «на месте существующего рынка центрального района», т.е. в старой части Златоуста, на ул. Ленина, где и так уже была сосредоточена «вся административно-общественная жизнь» [Там же. Л. 26].

Однако превращения Златоуста в главный промышленный центр Южного Урала не произошло, расширение металлургического завода осталось последним большим успехом городской индустрии времен первых пятилеток. Бакальский комбинат начали строить в Челябинске, стройка остальных предприятий даже не началась, и к концу 1930-х гг. масштабы строительства в Златоусте сформировали пресловутую «затухающую кривую». Памятником амбициям планировщиков высылось над старым городом пустующее здание гостиницы: крупное конструктивистское сооружение начали возводить в 1930 г., но в 1933 г. законсервировали стройку [11. Л. 156], а под гостиницу был переоборудован дом-коммуна на ул. Ленина. Не удалось завершить и фабрику-кухню, а крупная баня на ул. Карла Маркса работала с перебоями из-за изъянов строительства. Правда, новое индустриальное строительство в южной части города все же было начато, но не в районе Габовой пашни, а еще южнее, на Уржумской площадке, на расстоянии 12 км от Златоуста. Летом 1938 г. правительство СССР приняло решение о создании в районе Златоуста завода по производству винтовок (завод № 54), строительство началось летом 1939 г., для чего был образован специализированный строительный трест. Рядом со стройкой завода возник рабочий поселок Уржумка [12. С. 15]. Население Златоуста выросло в 1939 г. вдвое по отношению к 1926 г.; однако, как отмечает В. А. Журавлева, «темпы прироста населения Златоуста оказались ниже, чем в целом городского населения Челябинской области» [13. С. 32]. Не была выстроена адекватная

система канализации: в 1931 г. в строй были введены маломощные временные сооружения, рассчитанные на трехлетний срок эксплуатации. К 1944 г. нагрузка на канализацию более чем втрое превысила плановые показатели, достигая 1 500–1 700 м³ в сутки [6. Л 198].

Когда к 1934 г. Уралгипрогор завершил, наконец, работу над планом, масштабы гражданского строительства в городе сократились. В 1937 г. проекты Уралгипрогора подверглись критике, и генеральный план был отвергнут. Новым подрядчиком златоустовского горсовета стал ленинградский Госстрой, подготовивший в 1939 г. собственный проект; утвердить его помешало начало Великой Отечественной войны [14. С. 35–36]. Данный проект предполагал смещение центра Златоуста на запад, в район седловины гор Татарка и Гурьиха. Здесь должен был разместиться поселок Златоустовского металлургического завода: гигант электрометаллургии оставался сильнейшей организацией города, определявшей пути строительства Златоуста. Для увеличения транспортной доступности района планировалось создать трамвайно-автобусное кольцо вокруг горы Большая Татарка.

Война создала новые вызовы для Златоуста, и без того изнемогавшего в борьбе с трудным рельефом. Город стал одним из центров эвакуации. Осенью 1941 г. в Златоуст были переброшены 1-й Московский часовой завод, занявший здания городского театра и школы № 2, Киевская швейная фабрика, Свесский насосный завод, Лужский абразивный завод. На площадку металлургического завода им. Сталина прибыли оборудование и коллективы заводов «Днепроспецсталь» из Днепропетровска и «Электросталь» из Подмосковья. На площадку завода № 54 перебросили завод № 66 из Тулы, Подольский механический завод и завод № 507 из поселка Лопасни; ни завод, ни поселок Уржумка не были еще построены, разместить 6 500 эвакуированных работников здесь было невозможно. Добираться до удаленной площадки, по воспоминаниям эвакуированных, приходилось так: «Утром вставали в 5 часов, на трамвае добирались до вокзала, потом поездом до Уржумки и 5 км – пешком до проходной» [12. С. 168]. Жилищный дефицит и нагрузка на коммуникации выросли еще больше: «Свободной жилой площади не было... В частном секторе разместилось около 14 тыс. человек. За счет уплотнения в 1941 г. удалось расселить эвакуированных на жилой площади горжилуправления 1 950 человек, завода им. В.И. Ленина – 834, металлургического завода – 3 000. Но жилья не хватало. И тогда эвакуированных разместили в школах № 9, 24, 4, 5, клубах» [Там же. С. 22]. Кроме эвакуированных в город прибывали трудмобилизованные работники, в основном из советских республик Средней Азии; их численность к 1942 г. достигла примерно 17 тыс. человек [Там же. С. 39–40]. Всего же за полгода войны население Златоуста выросло на 38 294 человек за счет приезжих [15. С. 38]. Снабженческая и коммунальная катастрофа военных лет осталась в памяти златоустовцев. Так, главный инженер металлургического завода А.И. Маркелов, в годы войны трудившийся сталеваром, в своих воспоминаниях о войне замечал: «Говорят, что Златоуст по смертности гражданского

населения занимал второе место после Ленинграда. Такому городу нужны хорошие вместительные продовольственные склады» [12. С. 142].

Кроме того, Златоуст столкнулся с санитарными трудностями. Имеющаяся канализационная система была чудовищно изношена и перегружена, к тому же она сбрасывала отходы в реку Ай, ниже по течению которой находились абразивный и металлургический заводы, использовавшие загрязненную воду для технических нужд. Хотя в городе работал водопровод (черпавший воду, к счастью, не из загрязненного шлаком и нечистотами Ая, а из речки Тесьмы), большая часть города не имела к нему доступа и использовала в качестве источников воды ключи и колодцы. Население было слабо обеспечено услугами прачечных и бань – в городе имелось всего 4 бани, при этом эффективно работала лишь одна из них, расположенная в старом центре. Безусловно, слабость санитарной инфраструктуры стала одной из причин того, что в 1942 и 1943 гг. в городе происходили вспышки заболеваемости дизентерией и брюшным тифом [15. С. 39]. К декабрю 1941 г. острейший коммунально-хозяйственный кризис вылился в кризис политический: 13 декабря 1941 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О плохом руководстве Златоустовского горкома ВКП(б) делом материально-бытового обслуживания трудящихся» [16. С. 34], первый секретарь Златоустовского горкома А.И. Устинов был снят с должности и исключен из партии. Хотя эвакуация стала суровым вызовом для всех уральских городов, златоустовский случай остался единственным в своем роде.

В середине 1940-х гг. «Златоустметаллургстрой» вновь приступил к жилищному строительству, следуя ленинградскому плану конца 1930-х гг. Строительство жилья металлургического завода развернулось в 1944–1945 гг. на западном склоне Татарки, над рекой Ай (поселок Матросова), а в 1946 г. должно было начаться и на южных склонах горы – именно там, где планировалось большое строительство согласно довоенному плану. Кроме того, завод готовился построить несколько четырехэтажных домов на 2-й Генераторной улице, на узкой террасе северо-восточного склона Татарки прямо над заводской территорией. С точки зрения развития общей географии города подобное строительство означало бы окончательное складывание в Златоусте двух центров (старого в районе ул. Ленина и нового в седловине гор Татарки и Гурьихи), разделенных сугубо промышленным пространством по берегам реки Ай в районе бывшего Нижнезаводского пруда. Корреспондент «Правды» Л. Огнев в 1948 г. восторгался: «Трудно найти другой город такой своеобразной, неповторимой красоты, как Златоуст. Он расположен в самом центре Южного Урала. Его территория рассечена путаным узлом гор, на склонах которых и раскинулся город» [17]. Градостроение Златоуста этот автор характеризовал как совокупность рабочих поселков – большого Новозлатоустовского района и поселка в районе металлургического завода им. Сталина, фактически новый город, равнозначный старому Златоусту: «Строительство идет и сейчас. Все дальше и дальше в гору прокладываются улицы с большими

многоквартирными домами, сложенными из кирпича и шлакоблоков» [17].

Однако городские власти продолжали преследовать свою цель, впервые обозначенную в планировочных разработках середины 1930-х гг. – создание нового общегородского центра вдоль ул. Карла Маркса на равном удалении от старого центра на ул. Ленина и от поселка металлургического завода. Наиболее энергичным сторонником создания такого центра был главный архитектор Златоуста П.А. Сибрин, занявший данный пост в 1944 г. Улица Карла Маркса теперь приобретает значение главного проспекта, требующего «престижной» застройки. Активизация металлургического завода в области жилищного строительства вызвала энергичные протесты главного архитектора и городских руководящих органов, которые к этому времени считали нужным переместить стройку из седловины гор Татарки и Гурьихи на ул. Карла Маркса. В 1945 г., составляя «План-правила застройки города Златоуста на 1946–1950 гг.», П.А. Сибрин отталкивался от разработок 1930-х гг., однако трансформировал их примечательным образом. Теперь Златоуст состоял из Северо-Западного района (седловина Татарки и восточный склон Гурьихи), Центрального района («собственно центральная часть города, расположенная в излучине реки Ай, на левом ее берегу», а также западный склон Уреньги, т.е. старый город), Южного района (Демидовка на восточном склоне Уреньги, пространство к югу от нее и Ново-Златоустовский район) и Северо-Восточного района (близ вокзала). Берега реки Ай теперь должны были стать благоустроенной каменной набережной [11. Л. 268].

Таким образом, к 1946 г. обозначились две позиции по дальнейшему развитию Златоуста: основной застройщик, металлургический завод в лице «Златоуст-металлургстроя», стремился строить в седловине горы Татарки, как и было предусмотрено довоенными разработками ленинградских планировщиков, тогда как городское руководство рассчитывало на застройку ул. Карла Маркса, которую главный архитектор города П.А. Сибрин считал центром Златоуста. Возник конфликт. Второй секретарь Златоустовского горкома ВКП(б) Л.А. Светлов жаловался начальнику управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР, архитектору В.А. Шкварикову: «На данном этапе городу необходимо застраивать капитальными зданиями центр города и основные его магистрали, прекратив дальнейшее расширение его по периферии, поэтому необходимо отпускаемые государством средства вкладывать в реконструкцию центральной части города, а не строить новые улицы на окраинах города, тем более что это обойдется много дешевле. Ни в коем случае нельзя согласиться с размещением Дворца культуры металлургов (как бы это ни выглядело выигрышно с архитектурной точки зрения) на 53 м выше основной магистрали (ул. Карла Маркса), что предлагается Ленгипрогором. Дворец нужен трудящимся не как картинка, а как культурное учреждение, которое легко и доступно посещать. Также категорическое возражение размещению около Дворца культуры нескольких многоэтажных домов, опять-таки из-за высо-

кой отметки, на которой они размещаются, и из-за сильных ветров, которые постоянно имеют место на этой приподнятой части города Златоуста... Нет никакой практической целесообразности в том, чтобы сталеваров, прокатчиков, проработавших рабочий день при высоких температурах у своих агрегатов и также членов их семей заставлять подниматься в день по несколько раз на 60–80 м. для того, чтобы попасть к себе домой» [6. Л. 41–42]. Ленгипрогор в лице архитектора К.А. Купченко продолжал защищать старый план: «Место, выбранное для центра, равноудалено от капитальной застройки жилого района завода, хорошо обслуживается транспортом. В архитектурном отношении выбранное плато, хорошо обозреваемое со многих мест города, а также с железнодорожной линии Уфа–Челябинск, создает красивый архитектурный ансамбль, увязанный с природными особенностями города» [18. Л. 38].

К 1947 г. давление со стороны горсовета и главного архитектора дало результат: металлургический завод согласился перенести стройку на ул. Карла Маркса. Оставалось, однако, очистить площадку: ведь именно сюда с конца 1930-х гг. сваливал шлак и «козлы» своих мартеновских печей Златоустовский инструментальный завод, который даже самовольно протянул к месту свалки железнодорожную ветку. Военная необходимость требовала наращивать производство, рос и объем шлака, образовавшего в конечном счете целые валы высотой до 6 м, а сама река Ай сузилась с 60 м до 12. Еще в 1940 г. горсовет направлял инструментальному заводу предписания прекратить сброс и очистить местность, однако эффекта эти указания не возымели. Теперь же на инструментальщиков жаловался металлургический завод, не способный приступить к строительству на загрязненной территории. Горсовет потребовал убрать свалку, пригрозив в противном случае закрыть железнодорожную ветку, ведущую к месту свалки. Главный архитектор бил тревогу: «Завалка реки ведет к сужению живого сечения русла р. Ай, тем самым создается угроза затопления и может привести к нежелательным последствиям как для города, так и для промышленных предприятий, расположенных ниже по течению реки» [6. Л. 158]. Особенно большой вред отходы инструментального завода наносили металлургам: часть шлака, сносимая течением реки Ай вниз, оседала в прудке металлургического завода и наносила ущерб водоснабжению этого предприятия. Впрочем, металлурги и сами сваливали в упомянутую зону мусор, особенно отличался этим огнеупорный цех металлургического завода. Его действия вызвали протест со стороны абразивного завода, поскольку из-за завалки русла воды реки Ай размыли мостовую близ моста к проходной абразивного производства [Там же. Л. 212].

Одновременно горсовету приходилось отражать натиск со стороны других промышленных организаций, имевших виды на участки городской территории. Летом 1947 г. управление по делам архитектуры при Совете министров РСФСР запросило главного архитектора Златоуста о возможности построить в городе алюминиевый завод в здании недостроенной фабрики-

кухни на ул. Карла Маркса; санитарная инспекция города отклонила предложение как не соответствующее генеральному плану и санитарно-гигиеническим требованиям градостроительства [18. Л. 118]. Спустя год, летом 1948 г., с просьбой закрепить за часовым заводом участок площадью в 4 га в самом центре Златоуста (рядом со зданием школы, которое завод занял при эвакуации) обратился руководитель Главчаспрома Боганов. Руководителям города пришлось отражать и эту атаку. Архитектор Сибрин сообщал о невозможности передать Главчаспрому такой участок в центре города, поскольку это потребует сноса 30 двухэтажных зданий частноговладельческого сектора. Даже если снести эти здания, строительство корпусов завода в самом центре повлечет неоправданно большие расходы на архитектурное оформление. Да и в целом, оставаясь на базе школьного здания, часовой завод не имеет возможностей для развития (даже надстроить здание не представляется возможным). Сибрин резюмировал: «Занятие территории площадью в 4 га в центре города под промышленное предприятие лишит возможности осуществить намеченную генеральным планом планировку центра города. Перенесение же последнего с исторически сложившегося места в другое – невозможно» [6. Л. 82 об.]. Единственный выход – перенести завод из центра города в одну из зон, отведенных для промышленной застройки по генеральному плану.

Ю.Л. Косенкова характеризует градостроительно-планировочную практику конца 1940-х гг. следующим образом: «Город, разваливающийся в функциональном отношении, все еще продолжали пытаться “собрать” художественными средствами» [19. С. 6]. Именно это в Златоусте пытался сделать архитектор П.А. Сибрин. С 1949 г. началось строительство жилых домов по ул. Карла Маркса [20. С. 160]. В борьбе против природных (горы и реки) и рукотворных (заводы) препятствий главный архитектор одержал победу: план строительства в седловине Татарки и Гурьихи был отброшен, ул. Карла Маркса объявлена новым центром города, берег реки Ай очищен от шлаковых отвалов, металлургический завод приступил к возведению жилых домов – к концу 1950-х гг. здесь вырос величественный ансамбль в духе советской неоклассики. Однако победа была тактической. Ведь Златоустовский машиностроительный завод им. Ленина (такое имя с 1948 г. носил инструментальный комбинат) продолжал расширяться: вместо того чтобы сносить старые цеха, по-прежнему стоявшие у старой плотины, не имевшей больше никакого производственного значения, завод наращивал мощности в пойме реки Ай, занимая место, освободившееся еще в 1920-х гг. с осушением Нижнего пруда: прямо за кварталом парадных домов со шпилями и колоннадами в 1960-х гг. разместился цех производства холодильников. Кроме того, в 1960-х гг. на юг продвинулась и производственная зона металлургического завода. Борьбу за реку заводы выиграли: к 1970-м гг. извилистая береговая линия реки Ай протяженностью более 8,5 км от старой плотины до моста на Кусинском шоссе оказалась сплошной промышленной зоной. Выстроенный благодаря настойчивости архитектора П.А. Сиблина эффектный архитек-

турный ансамбль на ул. Карла Маркса не имел пространства для роста, так и оставшись зажатым между откосами горы Кладбищенской, рекой Ай и заводскими цехами.

Не удалось остановить и фрагментацию городского пространства – разбросанный на громадной территории, рассеченный горными вершинами и быстрыми речками, Златоуст продолжал существовать как конгломерат поселков, растущих вверх по горным склонам. С 1951 г. развернулась застройка того места, где Ленгипрогор предлагал поместить новый центр – здесь был создан поселок треста «Златоустметаллургстрой», в основном деревянный, с капитальным зданием клуба строителей, законченным в 1953 г. Стройка велась на террасах, связанных между собой лестницами; в 1958 г. были построены два крупных дома на ул. Металлургов [21], и образовался целый район, поднимавшийся уступами от трамвайной линии в западном направлении примерно на 20 м. В 1970-е гг. к югу от поселка строителей был выстроен новый район Северо-Запад, и освоение седловины Татарки и Гурьихи завершилось. К югу от старого города вырос поселок Златоустовского машиностроительного завода. В конце 1940-х гг. городские руководители вряд ли предвидели будущую траекторию развития этого предприятия, ставшего в 1950-е гг. важным звеном ракетно-ядерного комплекса СССР и организовывавшего интенсивную застройку собственного поселка (Машзавод). В 1960-х гг. началось крупное строительство обширного жилого массива вдоль пр. Гагарина – в планировочных установках 1930-х гг. этот район именовался «резервной селитебной зоной к югу от района Демидовского» [9. Л. 15.]. Златоуст «расползался» вдоль реки Ай. По-видимому, чтобы переломить визуально-пространственное восприятие старого центра как полузаброшенного, в 1980-х гг. на берегу заводского пруда к югу от площади III Интернационала было построено новое здание администрации города и два 9-этажных общежития. Некоторые из промышленных предприятий, оказавшихся эвакуированными в Златоуст в годы войны, удалось переместить из центра города в специально отведенные производственные зоны. Так, своим зданием в начале 1960-х гг. обзавелась швейная фабрика. Зато часовой завод не только не покинул центр Златоуста, сохранив за собой здание школы, но и поглотил-таки окружающий квартал: в 1950-х гг. здание школы было надстроено, в 1960–1980-х гг. рядом появились новые цеха.

Случай Златоуста можно сравнить с другими примерами городского проектирования в сложном ландшафте. Так, задача, во многом аналогичная златоустовской, стояла в 1940-х гг. перед кузбасскими архитекторами, которые старались «решать» город как цельный ансамбль, организованный вдоль главной магистрали, в противовес более раннему опыту создания отдельных шахтных поселков. В то же время в Кузбассе многоэтажная застройка проектировалась вдоль рек, поскольку пойменные земли были непригодны для добычи угля [22. С. 96]. Другой сходный пример – строительство Хибиногорска (Кировска), центра добычи апатитов на Кольском полуострове,

основанного в 1929 г. Подобно Златоусту, Хибиногорск представлял собой череду рабочих поселков, росших вдоль железной дороги, шедшей через долину реки Белой и озера Большой Вудъявр. Лучшую часть территории у озера занимала обогатительная фабрика, и город, согласно проекту архитектора О.Р. Мунца, начал в 1930-х гг. расти вверх по склону горы. Следствием этого стали многолетние транспортные проблемы из-за крутого уклона улиц. К 1950-м гг. в городе сложилась «одновысотная террасная застройка с четко выраженным городским центром» [23. С. 6–9].

Как мы видим, перед Златоустом с 1930-х гг. раскрывались две перспективы: одна – предполагавшая

рост города в гору, другая – требовавшая создания городского центра в долине реки. Первая из них реализовывалась в основном стараниями заводов и закреплялась сложным рельефом, словно бы подталкивавшим Златоуст к фрагментации. Попытка городского руководства переломить ситуацию и сместить городской центр в долину, на берег реки Ай, дала результат в конце 1940-х – 1950-е гг., но осталась, по существу, тактическим успехом. Совокупность ландшафтных факторов и хозяйственных потребностей в советском городе была весомей сугубо архитектурной политики, не подкреплявшейся отсутствовавшим в плановой экономике рыночным спросом на жилье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское градостроительство. 1917–1941. М. : Прогресс-Традиция, 2018. Кн. 2. С. 831–1490.
2. Пономаренко Е.В. Формирование ансамбля города-завода Златоуста в XVIII – начале XX века // *Academia. Архитектура и строительство*. 2009. № 2. С. 82–87.
3. Лоскутов С. Ворота в Сибирь // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2003. № 2. С. 173–182.
4. Шумкин Г.Н. Государственные доменные заводы Урала как металлургическая база военной промышленности России в конце XIX – начале XX вв. // *Бакунинские чтения*. Екатеринбург : АМБ, 2004. С. 315–325.
5. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 536 с.
6. Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-407-1-9. Д. 26.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 1. Ед. хр. 851. Экономический очерк Златоустовского района. 1931.
8. Комаров М. Оградить сверхударную стройку от златоустовских помпадугов // *Известия*. 1933. 14 июля, № 174.
9. АЗГО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 471.
10. Верзаков Н.В. Златоустовский имени Ленина. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1971. 160 с.
11. АЗГО. Ф. Р-407-1-2. Д. 7.
12. Златоуст – фронту. Златоуст : ФотоМир, 2010. 368 с.
13. Журавлева В.А. Численность населения Златоуста в 1920–1930-е годы // *Гуманитарные и педагогические исследования*. 2020. Т. 4, № 3. С. 26–35.
14. Журавлева В.А. О городском строительстве в Златоусте в 1928–1937 гг. // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г. Екатеринбург : УРО РАН, 2018. Т. 2. С. 33–38.
15. Журавлева В.А., Мирошниченко М.И. Население Златоуста в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки*. 2020. № 4. С. 37–42.
16. Трифонов А.Н. Партийное руководство организацией снабжения продовольствием рабочего класса Урала (1941–1942) // *Рабочий класс Урала (1937–1975)*. Свердловск : УрГУ, 1979. С. 30–38.
17. Огнев Л. Златоуст сегодня // *Правда*. 1948. 20 дек., № 355.
18. АЗГО. Ф. Р-407-1-6. Д. 19.
19. Косенкова Ю.Л. Профессиональная самооценка советских архитекторов в переходный период (первая половина 1950-х годов) // *Электронный журнал АМИТ*. 2015. № 5. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/special/kosen/kosen.pdf>
20. Сергеев С.А. Уникальные места города Златоуста. Сталинский ампиризм улицы имени Карла Маркса // *Архив в социуме – социум в архиве : материалы Второй регион. науч.-практ. конф.* Челябинск, 2019. С. 159–163.
21. Письма из одного дома // *Златоустовский рабочий*. 1958. 5 дек., № 239.
22. Духанов С.С. Архитектурно-планировочные особенности городов угольной промышленности Западной Сибири 1940–1950-х гг. // *Вестник ТГАСУ*. 2017. № 5. С. 88–98.
23. Иголкин Н. В. Развитие пространственно-планировочной структуры г. Кировска до конца 1950-х гг. // *Вестник гражданских инженеров*. 2019. № 4 (75). С. 5–12.

Konstantin D. Bugrov, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation), Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

BETWEEN THE MOUNTAIN AND THE RIVER: MAKING THE URBAN SPACE OF ZLATOUST, 1930–1940s

Keywords: Zlatoust, Urals, soviet architecture, city-building, city landscape, industrialization.

The paper deals with the process of development of the urban and territorial structure of the city of Zlatoust during the era of forced industrialization and war, 1920s to 1940s. This process was largely determined by the difficult landscape of the city which is located in the mountain valley of Ai river in Southern Urals, and by the specifics of industrial development under planned economy. The author shows that Zlatoust started to grow as a major industrial center since the early 20th century, when the new metallurgical plant was constructed in the northern part of the city, and the city was connected by the railroad in its easternmost part. The subsequent planning of Soviet period was aimed at developing Zlatoust as a key industrial center of Urals by placing 5 or 6 large plants into the city. That would transform Zlatoust into a large conglomerate of settlements scattered across the mountain landscape along the small tributaries of Ai river, while the valley of Ai would be occupied by the industrial enterprises. But the tempo of industrial development was too low and by the end of 1930s the construction works in the city faded. The new city plan was aiming at creating new district at the metallurgical plant, which reflected this plant's leading role in the urban development of the period, but this plan was not implemented due to the start of the war against Germany. When the massive evacuation from the western regions of USSR had started, the weakness of Zlatoust city infrastructure led to the communal and economic disaster of the fall of 1941, when the city was unable to provide housing and nutrition for the newcomers. By the end of 1940s, however, the construction was started anew to somehow manage the consequences of the disastrous growth of the city. The city government and personally city's chief architect P.A. Sibrin tried to halt the fragmentation driven by the efforts of industrial developers and to promote the new city center in the valley of river Ai, along the Karl Marx street. In doing

so, they managed to construct an architectural ensemble serving as a symbol of new Zlatoust. However, due to the specificity of landscape and economic structure of Zlatoust the pre-war tendency of fragmentation of urban space prevailed: the growing Zlatoust plants devoured most of the territory in the valley of Ai. The same tendencies were influencing the formation of urban space in different locations with difficult landscape (for instance, in Kuzbass coal-mining region or in Kirovsk in Kola peninsula), but the particular way of making up the urban space was determined by the features of local industries.

REFERENCES

1. Kosenkova, Yu.L. (ed.) (2018) *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941* [Soviet Urban Planning. 1917–1941]. Vol. 2. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Ponomarenko, E.V. (2009) Formirovanie ansamblya goroda-zavoda Zlatousta v XVIII – nachale XX veka [Formation of the Zlatoust city-plant ensemble in the 18th – early 20th century]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 2. pp. 82–87.
3. Loskutov, S. (2003) Vorota v Sibir' [Gateway to Siberia]. *Evraziyskiy zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy – Eurasian Journal of Regional and Political Research*. 2. pp. 173–182.
4. Shumkin, G.N. (2004) Gosudarstvennye domennye zavody Urala kak metallurgicheskaya baza voennoy promyshlennosti Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [State blast-furnace plants in the Urals as a metallurgical base for the Russian military industry in the late 19th – early 20th centuries]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya* [The Industrial Ural. The Bakunin Readings]. Proc. of the 6th Conference, April 7, 2004. Vol. 1. Ekaterinburg: AMB. pp. 315–325.
5. Alekseev, V.V. (ed.) (2001) *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv.: entsiklopediya* [Metallurgical plants of the Urals of the 17th – 20th centuries: Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga.
6. The Archive of the Zlatoust Urban District (AZGO). Fund P-407-1-9. File 26.
7. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund P-241. List 1. File 851.
8. Komarov, M. (1933) Ogradit' sverkhudarnuyu stroyku ot zlatoustovskikh pompadurov [To protect the super-shock construction from the Zlatoust pompadours]. *Izvestiya*. 14th July.
9. The Archive of the Zlatoust Urban District (AZGO). Fund P-180. List 1. File 471.
10. Verzakov, N. V. (1971) *Zlatoustovskiy imeni Lenina* [The Zlatoust factory named after Lenin]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo.
11. The Archive of the Zlatoust Urban District (AZGO). Fund P-407-1-2. List 1. File 7.
12. Kozlov, A.V. & Yablonskiy, F.N. (2010) *Zlatoust – frontu* [Zlatoust to the front]. Zlatoust: FotoMir.
13. Zhuravleva, V.A. (2020) Chislennost' naseleniya Zlatousta v 1920–1930-e gody [Numbers of population of Zlatoust in the 1920s – 1930s]. *Gumanitarnye i pedagogicheskie issledovaniya*. 4(3). pp. 26–35.
14. Zhuravleva, V.A. (2018) O gorodskom stroitel'stve v Zlatouste v 1928–1937 gg. [On urban construction in Zlatoust in 1928–1937]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya* [The Industrial Ural. The Bakunin Readings]. Proc. of the Conference. Vol. 2. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 33–38.
15. Zhuravleva, V.A. & Miroshnicheko, M.I. (2020) Naselenie Zlatousta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The population of Zlatoust during the Great Patriotic War]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities*. 4. pp. 37–42. DOI: 10.14529/ssh200405
16. Trifonov, A.N. (1979) Partiynoe rukovodstvo organizatsiy snabzheniya prodovol'stvem rabochego klassa Urala (1941–1942) [Party leadership in providing working class of Urals with nutrition, 1941 – 1942]. In: Samatov, V.A. (ed.) *Rabochiy klass Urala (1937–1975)* [The Working Class of the Urals (1937–1975)]. Sverdlovsk: UrSU. pp. 30–38.
17. Ognev, L. (1948) Zlatoust segodnya [Zlatoust today]. *Pravda*. 20th December.
18. The Archive of the Zlatoust Urban District (AZGO). Fund P-407-1-6. List 1. File 19.
19. Kosenkova, Yu.L. (2015) Professional'naya samootsenka sovetskikh arhitektorov v perekhodnyy period (pervaya polovina 1950-kh godov) [Professional self-assessment of Soviet architects in the transition period (the first half of the 1950s)]. *Elektronnyy zhurnal AMIT*. 5. [Online] Available from: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/special/kosen/kosen.pdf>
20. Sergeev, S.A. (2019) Unikal'nye mesta goroda Zlatousta. Stalinskiy ampир ulitsy imeni Karla Marksa [Unique places in Zlatoust. The Stalinist Empire style street named after Karl Marx]. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v archive* [The Archive in Society – Society in the Archive]. Proc. of the Second Conference. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 159–163.
21. Anon. (1958) Pisma iz odnogo doma [Letters from one house]. *Zlatoustovskiy rabochiy*. 5th December.
22. Dukhanov, S.S. (2017) Architecture and Planning of Coal Industry Cities in West Siberia in the 1940-50s. *Vestnik TGASU – Journal of Construction and Architecture*. 5. pp. 88–98. (In Russian).
23. Igolkin, N.V. (2019) Development of spatial-planning structure of Kirovsk until the end of the 1950-s. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov – Bulletin of Civil Engineers*. 4(75). pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.23968/1999-5571-2019-16-4-5-12

УДК 930.2
DOI: 10.17223/19988613/74/2

А.А. Бушуева, Т.В. Козельчук

РЕЛИГИОЗНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Выявляются проблемы источниковедческого изучения религиозной публицистики на примере публикаций в «Тобольских епархиальных ведомостях» конца XIX – начала XX в. Особенности источниковедческого изучения названных текстов связываются со спецификой публицистического жанра и обстоятельствами их происхождения. Подчеркивая широкий информационный потенциал публикаций «Тобольских епархиальных ведомостей», авторы среди традиционных источниковедческих проблем особое внимание уделяют проблеме интерпретации содержания данного источника.

Ключевые слова: религиозная публицистика, Тобольские епархиальные ведомости, исторический источник, история Сибири, Русская православная церковь.

В отечественной историографии до сих пор не существует специальных работ по источниковедческим особенностям церковной (религиозной, православной) публицистики XIX – начала XX в. Филолог Е.Г. Позднякова отметила, что «церковная журналистика дореволюционной России представляет собой сложный и до сих пор почти не изученный памятник истории общественной мысли» [1. С. 17]. Близко к теме прилегает монография Р.В. Жолудя [2] о зарождении православной публицистики и ее изначальных чертах (о чертах раннехристианской проповеди писала и Н.Б. Мечковская [3]). Большой вклад в развитие этой тематики вносят филологические разработки понятия и специфики «религиозного дискурса» Е.В. Бобыревой [4, 5], Е.А. Кожемякина [6], А.С. Стаценко [7], В.И. Карасика [8], А.Н. Смолиной и О.А. Лубкиной [9], Е.Г. Ясиновской [10] и др. Отдельные аспекты бытования «Тобольских епархиальных ведомостей» (далее – ТЕВ) можно проследить в работах К.Е. Нетужилова [11, 12], И.Ф. Верещагина [13], А.А. Валитова [14, 15], О.А. Петровой и А.А. Андреевой [16], Е.Н. Коноваловой [17], О.П. Цысь [18]. Названные авторы изучали историю церковной периодики, в том числе организацию, финансирование, состав редакции ТЕВ, источники внешнего влияния на это издание, – все это позволяет более объективно рассматривать публицистическое содержание указанного журнала. Оценка информационного потенциала епархиальных изданий содержится в трудах О.С. Стрелковой [19, 20], Н.А. Лысенко [21], А.В. Васильевой [22], Н.Н. Морозовой [23], И.В. Воронцовой [24] и др.

Данная статья призвана восполнить нехватку теоретико-методологического материала, необходимого для полноценного изучения религиозной публицистики: авторы выявляют особенности, функции, жанровую специфику этого источника, рассматривают проблему его происхождения, очерчивают информационный потенциал, намечают пути интерпретации и верификации, наконец, дают собственное определение понятию «религиозная публицистика».

Такой вид церковных периодических изданий, как епархиальные ведомости, появляется в российском информационном пространстве во второй половине XIX в. Их двухчастный формат и программа были во многом скопированы с губернских ведомостей. К концу XIX в. такое периодическое издание имелось в большинстве епархий Российской империи [12. С. 140], включая Тобольскую. При этом оно могло быть «единственным церковным средством массовой информации на местном уровне» [Там же. С. 137]: остальные региональные повременные издания Тобольской губернии, за исключением так называемых «листочков» Тобольского епархиального братства (издавались с 1894 г.) [17. С. 202–204], представляли светское крыло местной периодики. Всего, по данным «Тобольских губернских ведомостей», на 1896 г. в губернии выходило 45 наименований повременных изданий [25. С. 330].

Тобольские епархиальные ведомости издавались с 1882 по 1919 г. [15]. Святейший Синод способствовал распространению ведомостей, так как журнал был полезен и с административной стороны, поскольку обещал «сокращение консисторской бюрократической переписки», «надежный способ сообщения» между учреждениями епархии, и как «новый способ пастырского воздействия на паству» [11. С. 175]. Кроме того, издание выполняло функцию посредника «сразу в нескольких плоскостях: внутри духовенства епархии, между клиром и паствой, во взаимоотношениях церкви и светского мира» [13. С. 12]. Следует отметить, что в современной историографии нет устоявшегося мнения по поводу принадлежности епархиальных ведомостей к газетному или журнальному типу (при этом губернские ведомости принято относить к газетам, как делали и современники издания [26, 27]). Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Укажем только, что мы, вслед за рядом авторов [15, 23, 28], считаем, что более корректно называть епархиальные ведомости «журналом», принимая во внимание и позицию самих издателей (на обложке ТЕВ в № 11, 12 за 1918 г. прямо указано – «журнал»).

«Тобольские епархиальные ведомости» издавались на деньги (субсидии) 433 церквей губернии (общая сумма около 2 тыс. руб.), и этих средств не всегда хватало на все необходимые расходы [17. С. 210–211]; подобный способ финансирования был характерен для всех изданий этого типа. С 1890 г. ведомости печатались в типографии местного новообразованного Тобольского епархиального братства святого великомученика Димитрия Солунского, членами которого стали многие сотрудники ТЕВ, в том числе первый редактор П.Д. Головин, протоиерей А.А. Грамматин, протоиерей Н.Г. Грифцев [18. С. 86–88]. В связи с этим издание испытывало влияние братского устава: в уставе значились такие приоритеты деятельности братства, как «распространение просвещения в духе православной церкви, охранение чистоты нравов и искоренение обычаев и явлений, нежелательных с православной точки зрения» [Там же. С. 64–65]. Кроме того, братство было тесно связано с государственной властью (губернатор признавался почетным членом и покровителем) и пользовалось ее поддержкой [Там же. С. 78]. Ведомости состояли из двух разделов: официального (для публикации документов и материалов делового характера) и неофициального [11. С. 176; 15. С. 408–409]. В неофициальном разделе публиковались произведения, которые мы можем назвать публицистическими. Именно эти тексты являются предметом настоящего исследования.

Прежде чем анализировать заявленный источник, необходимо определить сущность публицистики как явления, возникшего в ответ на определенные общественные потребности и в определенных достаточно устойчивых формах, выявить ее основные черты. Тем более что при использовании публицистических источников исследователь сталкивается с отсутствием однозначного определения публицистики в рамках не только исторической науки, но и литературоведения (публицистика в XIX–XX вв. часто трактовалась именно как область литературы [20. С. 82; 30. С. 97]). Это обусловлено сложностью самого источника: публицистикой в широком смысле является «тип творческой деятельности, подразумевающей открытое, не опосредованное авторское слово и прямой контакт с аудиторией в выражении своих мыслей» [30. С. 98], «любая статья, критическая заметка, которая позволяет начать диалог с читателем на страницах повременного издания» [29. С. 89], в то же время публицистика «находится в постоянной динамике», обрастая новыми функциями в ответ на изменение социальных потребностей, а ее главная социальная функция – одновременно формирование (цель, присущая в большей степени периодической печати) и выражение общественного мнения [Там же. С. 90].

Современная научная литература, посвященная рассматриваемому жанру, позволяет выделить основные черты публицистики:

- 1) неразрывная связь с актуальными вопросами на широкую тематику бытия индивида и общества («может потенциально охватывать все явления действительности» [30. С. 99]);
- 2) цель автора – воздействовать на аудиторию, убедить, внушить, побудить к чему-либо, сформиро-

вать «социально-оценочную позицию» [31. С. 109]. Автор публицистического произведения заведомо выступает не как независимый наблюдатель, а как активный, «ангажированный» участник явной или скрытой идейной полемики [2. С. 8; 29. С. 84];

- 3) стремление автора достаточно четко формулировать и аргументировать свою позицию, не допуская ее множественных интерпретаций [30. С. 102], хотя, безусловно, есть исключения из этого правила, когда автор оставляет простор для читательского воображения, но это именно редкие исключения (их можно встретить, например, в церковных некрологах, где зыбкая тема загробной жизни сама по себе предполагает наличие тайны и умолчания [32]);

- 4) принадлежность автора к какой-либо общности, от имени которой он выступает и на авторитет которой опирается [24. С. 169; 30. С. 100], и одновременно высокий уровень свободы авторского творчества, а значит, и субъективности;

- 5) трансляция прежде всего через каналы массовой коммуникации (в нашем случае это церковная периодическая печать). На автора при этом оказывают влияние «расчетная аудитория, функциональная направленность, жанровые модели, тематика и проблематика, позиция, периодичность, потенциально допустимый объем публикации и другие типологические характеристики издания» [30. С. 103];

- 6) лингвистические характеристики, особый «публицистический» стиль, а именно: оценочные высказывания, противопоставление «правильного» и «неправильного», наличие призывов, глаголов в повелительном наклонении и т.д.; использование литературных приемов, в том числе средств выразительности (гипербола, метафоры, оксюмороны и пр.), «эстетическая обработка» [31. С. 115].

Перечисленные особенности публицистического жанра в целом не исчерпывают специфику религиозной публицистики, для которой характерны авторитарный стиль обращения к аудитории, «назидательность» в сочетании с исповедальностью, использование религиозных речевых формул, цитат, взгляд на человека как на одновременно избранное и падшее существо, принцип брэнности земного мира и др. [2. С. 91–96, 98–100]. Религиозная публицистика нацелена на описание и интерпретацию основ православного учения, сохранение и воспроизводство общественного порядка и системы ценностей и поведенческих норм, установление и поддержание интеграции верующих на основе репрезентации конкретных моделей опыта и мировоззрения [6. С. 35, 36].

Отсутствие общепринятого четкого определения публицистики и как метажанра, и как вида источников, многофункциональность, разнообразие форм порождают проблему выявления публицистических статей в церковной периодической печати, поскольку практически все содержание епархиальных ведомостей в той или иной степени обладает публицистичностью. Е.А. Кожемякин считает, что в рамках религиозного дискурса «каждая рутинная ситуация может быть оценена с позиций религиозного учения, ей может быть приписан определенный ценностный статус...» [Там же.

С. 40], описание любой ситуации носит заведомо оценочный характер [6. С. 41]. Это соответствует и мнению исследователей о том, что публицистика в XIX в. «срачивается с периодикой» [29. С. 81].

При выявлении публицистических текстов следует учитывать содержание понятия «религиозная публицистика». Очевидно, главным ее признаком является отчетливо религиозное мироощущение автора, освещение событий прежде всего с религиозных позиций, что можно выявить при анализе материалов: цитаты из религиозных текстов, упоминания о фактах церковной истории, религиозных символах, ценностях, авторитетах. Это не только произведения, созданные представителями духовенства, поскольку в составе епархиальных ведомостей присутствуют и тексты выходцев из иной среды, относящиеся к православной публицистике в связи со спецификой темы, стилистическими особенностями, включенностью в «метатекст» официального периодического издания РПЦ, а также отчетливо «православной» позицией автора. При этом далеко не все публицистические сочинения о религии или иных вопросах, написанные людьми «христианской культуры» с использованием соответствующих цитат и стереотипов, можно отнести к «православной публицистике». Также и сочинения, написанные с использованием религиозных идей, терминов, цитат и тому подобного, отнюдь не всегда являются ею. Не следует забывать, что публицист представляет некую социальную группу и вполне осознанно соотносит себя с ней, хотя рамки этой группы могут быть весьма расплывчатыми.

В качестве проблемного примера можно привести статью «Освящение новой часовни в селе Шатровском, Ялуторовского округа» [33]. С одной стороны, она посвящена частным обстоятельствам отдельного события из жизни села, с другой стороны, автор поднимается на уровень религиозной проповеди: «...будем твердо содержать православную веру... Сия вера правая, сия вера истинная хранится в церкви православной, которая есть столп и утверждение истины...», «...будем царелюбивыми и верными сынами Царя и Отечества...» [Там же. С. 8]; использует стилистические приемы, характерные для публицистики (призывы, риторические вопросы, оценочные высказывания и др.). С нашей точки зрения, данная статья может быть отнесена к публицистическим источникам: рядовое событие в изложении автора стало лишь контекстом, поводом для религиозной проповеди. Однако другая статья – «Освящение храма при селе Бутаковском, Тарского округа» – несмотря на внешнее сходство с вышеописанной, имеет меньший потенциал публицистичности, поскольку ее автор сосредоточен на описании обстоятельств освящения сельского храма, а не на духовной проповеди [34].

В ТЕВ встречается и нецерковная публицистика, в частности статья врача Н. Де-Карлино «О явлениях, предшествующих смерти, и признаках мнимой и действительной смерти», в которой врач убеждает читателя использовать научные данные для «правильного суждения о том, жив человек или мертв» [35. С. 293]. Данная статья не может быть отнесена к православной

публицистике из-за особенностей фигуры автора и содержания самого текста, хотя она и носит убеждающий характер. Встречаются и материалы по сельскохозяйственной тематике, например статьи о мерах борьбы с вредителем посевов [36].

Религиозная публицистика, по мнению Р.В. Жолудя, является в широком смысле «проповедью» христианского учения, т.е. это «метажанровое явление» [2. С. 98], скорее метод, чем строгая жанровая форма. При этом конкретные жанры (или формы, с помощью которых воплощаются цели публицистики) все-таки имеют свою специфику: важно обращать внимание на то, в какой степени и какими способами «форма» определяет содержание статьи. О.С. Стрелкова писала о специфике жанра проповеди для сельского населения (к этому жанру она отнесла публикации под заглавиями «Почтение...», «Слово...», «Речь...») и ее многотемности, связи с народной культурой (за счет использования публицистом фольклорно-этнографического материала) [19. С. 135]. Она же выявила специфику жанра рассказа о чудесах на страницах «Курских епархиальных ведомостей»: он был призван укрепить православную веру и противостоять распространению атеизма, сектантства, других религий, предоставить «подтверждение» церковных догматов [20].

Оценить влияние жанровых стереотипов на характер публицистических текстов ТЕВ и одновременно на особенности их источниковедческого изучения позволяет пример некролога, или, точнее, «некролога-эпитафии». А.А. Тертычный обозначает этот жанр как «напоминание о достоинствах умершего человека, представленных в их социальном аспекте», когда главное – рассмотреть добродетели человека как «авторитетные критерии, по которым оценивается поведение» [37]. Именно оценочный характер отличает некролог-эпитафию [38, 39]. В большинстве случаев мы не находим в некрологах упоминаний о недостатках покойного, что влияет на достоверность изображения конкретного человека. Данный принцип выразил один из некрологистов ТЕВ: «Человек не совершенство. Можно конечно... отыскать темные пятна и слабые стороны, но где и у кого их не было?.. Не судите, сказал Спаситель, да не судимы будете» [32. С. 293]. Это позволяет говорить о сходстве данного жанра с «жизнями» святых: важно создать пример для подражания, позитивный образ священнослужителя как посредника между людьми и богом. Поэтому многие индивидуальные черты, особенно нейтрального (внецерковного, бытового) или негативного характера, опускались. Следовательно, анализируя некрологи-эпитафии, необходимо учитывать определенную условность их содержания, достаточно однотипный характер: их авторы стремились запечатлеть в истории и умах современников положительный облик умершего, его добродетели и достоинства, а не дать объективно-правдивый рассказ о его жизни и личности [40, 41]. Очевидно, что в некрологах отражены идеалы публицистов – в том числе идеальные черты абстрактного христианина (мирянина или духовного лица) и образцы «идеальной смерти»; менее очевидный пласт информа-

ции – это пространственные аспекты смерти («жизненный путь», его цели, ориентиры, варианты, восприятие окружающего пространства, «якорные места» – наиболее значимые для отдельного человека, путь души и путь тела, связанные с кладбищем религиозные сюжеты и народные суеверия, пространственные стереотипы и др.), а также восприятие «смерти Другого» – переживание авторами некрологов смерти ближнего, защитные реакции при мысли о собственной смерти.

Кроме того, можно выделить жанр «беседы» православного священнослужителя со старообрядцами или представителями иных конфессиональных групп: в формате «беседы» православный автор стремится доказать несостоятельность религиозных верований своих оппонентов и обратить их в свою веру [42]. В близком по стилю и задачам жанре «житейской истории» приводятся личные истории (записанные «со слов») рассказчика или же им самим, а также не исключено, что выдуманые бывших старообрядцев, ушедших из «раскола» в православие [43, 44].

Жанровое разнообразие и объем публикаций позволяют говорить о богатом информационном потенциале этой разновидности источников. Вот некоторые из тем, нашедших отражение в публикациях ТЕВ: борьба обличительно-поучительного характера с теми явлениями, которые церковь определяла как человеческие «пороки» (проституция, пьянство, курение, карточные игры, пристрастие к кино и светской развлекательной литературе); отношение к женщине в христианском учении, положение женщины в обществе (в браке и семье, в церковной жизни, в образовательной деятельности); повседневность духовенства и крестьян, крестьянский менталитет, суеверия и отношение к «чуждым»; война как феномен в осмыслении православных авторов (русско-японская, Первая мировая война, Гражданская война); идеал христианина – мирянина или священнослужителя; ценности православного человека, в том числе понимание «греха» и «добродетели», «зла» и «добра», жизни и смерти; отношение к телу и телесности, к сексуальности; миссионерство и отношение к раскольникам, сектантам и иным конфессиям; история Тобольской епархии, местные события (открытие часовен, освящения церквей и др.); взаимоотношения РПЦ и государства (монархии), освещение публицистами важных государственных событий и моментов из жизни царской семьи; образование (главным образом народное и церковное); вопросы богословия, основы учения в изложении авторов конца XIX – начала XX в.; понимание публицистами феномена церковного института и их мнения о возможных улучшениях (реформах) в его функционировании; естественнонаучные концепции и отношение РПЦ к активно развивающимся в этот период светским наукам; участие РПЦ в благотворительной деятельности.

Обозначенное содержательное наполнение религиозной публицистики ТЕВ определяет ее источниковедческие возможности, диктует целесообразность вовлечения рассматриваемых текстов в исторические реконструкции, что может быть корректно осуществлено только после проведения источниковедческого исследования.

Принципиальное значение в источниковедческом изучении публицистики приобретает проблема происхождения источника. Епархиальные ведомости являлись официальным изданием РПЦ: глава епархии назначал и смещал редактора (с 1906 г. этим занимался Синод), цензора и других должностных лиц, ответственных за издание. Соответственно, «умонастроение и общий кругозор преосвященного владыки играли решающую роль при формировании специфики издания. Круг потенциальных сотрудников редакции ограничивался одним или несколькими просвещенными и деятельными чиновниками консистории либо преподавателями семинарии» [11. С. 178, 179]. Журнал создавался совместными усилиями преподавателей Тобольской духовной семинарии, выполнявшими главным образом редакторскую и корректорскую работу, членами статкомитета и губернского музея. Первым редактором ТЕВ стал ректор семинарии П.Д. Головин (1845–1910), кроме него редактуру осуществляли преподаватель Тобольской духовной семинарии Н.А. Городков (с 1892), учитель Тобольской духовной семинарии, начальник Тобольского мужского духовного училища А.А. Городков (с 1901), протоиерей, ключарь Тобольского кафедрального собора Г.С. Тутолмин, преподаватель географии и природоведения духовного мужского училища А.А. Зырянов (с 1914), член Тобольского епархиального училищного совета Я.П. Афанасьев (с 1915) [15, 16].

Свидетельства о роли редакции в выборе материалов для печати и содержании статей находятся на страницах ТЕВ. Так, в № 2 за 1895 г. есть интересное примечание от редакции к статье «Разбор данного старообрядцем Иоанном Журавлевым ответа на вопрос православного миссионера...»: «Редакция обыкновенно поставляется в немалое затруднение слишком обширным размером... статей, который объясняется исключительно пространством изложением мыслей. Такое без нужды и явно... неудобное изложение – довольно обычный и часто наблюдаемый недостаток сочинений противораскольнических миссионеров вообще... Всякого рода печатные “ответы”, “возобличения”, “замечания” нужно излагать ясно, просто, кратко, точно; здравая... мысль не усугубится в своей истинности от длинных выписок... обличительного красноречия... В ответе старообрядца Журавлева исправлено правописание...» [45. С. 21]. Мы видим, что редакция журнала осуществляла правку материалов.

Однако ведомости выражали не только мнение редакции, часто созвучное мнению церковного начальства: сама редакция испытывала воздействие идей внештатных корреспондентов-читателей [13. С. 12], представлявших общественное мнение, и в ряде случаев допускала его до публикации. Внештатными корреспондентами в основном были активные священники, преподаватели духовных учебных заведений, законоучители в светских школах, т.е. провинциальная церковная интеллигенция [Там же. С. 19], а также, крайне редко, миряне (например, помещик М. Тарасов), протоиереи М. Лебедев, М. Боголепов, преподаватели проф. Ивановский, И. Сырцов, приходские священники В. Арефьев, В. Тверин, А. Коровин,

противораскольничьи миссионеры К. Беллюсов, Н. Богословский [16, 42, 46–48].

При источниковедческом изучении публицистики, кроме прочего, складывается проблема разделения собственно авторского, индивидуального вклада и того идеологического фундамента, на котором базировался публицист. В православной публицистике, где автор в обязательном порядке опирается на объемную христианскую традицию и ощущает себя частью особой «православной» среды, его личность нередко оказывается на периферии – на первый план выходит «среда». Кроме того, среди духовенства одним из основополагающих было стремление опереться на авторитеты прошлого, найти ответы в созданных ранее текстах, а не предложить «авторские» варианты. В первую очередь это касается тем, издавна волновавших христианских мыслителей и успешных образцы многочисленными истолкованиями и комментариями. Например, мнения авторов 1890–1910-х гг. по поводу сексуальности лежали строго в русле многовековой традиции церковной регуляции сексуальной жизни и не отличались оригинальностью: статьи пестрят ссылками на жития святых (Четьи-Минеи, Пролог, Киево-Печерский патерик) [49], ветхозаветную историю Оана [50. С. 154] и библейские послания апостола Павла [51. С. 25–26], высказывания христианских авторитетов IV–VI вв. (Иоанна Кассиана, Ефрема Сирина, Исая Отшельника, Иоанна Лествичника, Иоанна Постника [50. С. 153–163]) и Никодима Святогорца (XVIII в.) [50]. Отсюда – необходимость предварительного изучения исследователем истории церкви, идейного наследия христианских богословов для понимания «фундамента» церковной публицистики.

В то же время публицисты конца XIX – начала XX в. не могли обойти вниманием новые и не имеющие толкования в традиции проблемы, поставленные перед церковью. Именно в попытках сформулировать отношение к этим проблемам наиболее сильно проявлялись личностные черты авторов, возникало пространство для внутрицерковных дискуссий. Два показательных примера – статья журналиста, политэконома А.Е. Богдановского [52] и «поучение» епископа Тобольского Антония [53], отразившие отнюдь не одинаковые точки зрения насчет внерелигиозной этики, усилившей свои позиции на фоне успехов науки. Обе статьи были одобрены редакцией ТЕВ, в противном случае они не могли быть напечатаны; это говорит о готовности редакторов к восприятию умеренно различающихся мнений. Часть публикаций ТЕВ была анонимной. В среде христианских писателей анонимность имеет корни в традиции библейской и в целом древневосточной литературы, сочетается с пониманием автора как посредника между «божественным словом» и людьми, а не как самостоятельного мыслителя-индивидуалиста [2. С. 35, 37]. При этом средства для раннехристианской проповеди черпались, помимо прочего, из античного наследия в виде риторики (способы доказательств, риторические обращения), теории диалога (диалектики), эристики (искусства спора), с чем был связан рост значимости авторского Я вопреки восточной библейской традиции «анонимности» [Там же. С. 41–43].

Но не все статьи в ТЕВ анонимны и не везде чувства автора скрыты. Например, в некрологе священник Николай Богословский передал свою тоску по сослуживцу: «Ах, о. Алексей, о. Алексей!.. Жить бы тебе да жить!..» [54. С. 275]. Указанная проблема соотношения традиции и авторского начала в православной публицистике диктует необходимость подходить к каждому тексту и выраженности в нем личной позиции писателя в индивидуальном порядке и избегать неоправданных обобщений.

Другим немаловажным обстоятельством при источниковедческом изучении ТЕВ является характеристика аудитории журнала: «подписчиками по обязанности являлись приходы, духовные училища, монастырские библиотеки, братства, а также ряд губернских и земских учреждений»; тираж ведомостей «обычно равнялся числу приходов плюс еще сто экземпляров» [11. С. 180–181]. Тираж ТЕВ доходил до 600 экземпляров, полностью расхodoвавшихся по церковным причтам, не считая примерно 20 экземпляров, оставляемых в редакции для обмена или даровой рассылки [15. С. 410]. По словам А.А. Валитова, частные лица на ТЕВ вообще не подписывались [14. С. 51]; это соответствует замечанию из статьи одного автора «Минских епархиальных ведомостей» за 1906 г. о том, что миряне не только не читают это издание, но часто и не знают о его существовании [12. С. 145]. Ведомости были рассчитаны на духовенство, а не на мирян; духовенство могло выступать в качестве посредника между содержанием журнала и своими прихожанами.

Указанные выше обстоятельства происхождения и бытования публицистических текстов из ТЕВ имеют важное значение для их источниковедческого анализа: направление и тематика статей определялись утвержденной программой издания, все материалы проходили контроль цензуры (каждый номер содержал помету «дозволено цензурою») и отбор в редакции, что практически исключало появление оппозиционных официальных мнений. Это обуславливает необходимость с осторожностью делать общие выводы о «состоянии умов», о господствующих в среде духовенства идеях и наиболее обсуждаемых проблемах. Как указывает С.Л. Фирсов, церковные власти стремились «не допустить двусмысленного понимания официальных распоряжений и нарушения “христианского спокойствия”» [55. С. 271]. Кроме того, К.Е. Нетужилов отмечает склонность епархиальных изданий «уходить от обсуждения волновавших околоцерковную общественность проблем» как от «опасного смутьянства» [11. С. 180]. Епархиальные ведомости, по словам Н.Н. Морозовой, при освещении политических вопросов транслировали официальную государственную идеологию [23. С. 37]. Особенно яркое выражение этот принцип нашел в верноподданнических статьях к праздничным датам из жизни членов царской семьи [56, 57]. Как заметила Е.Н. Коновалова, только с 1905 г. ТЕВ превратились в издание «острополитического характера», активно критикующее распространенные (антимонархические) теории переустройства общества [17. С. 212]. Действительно, на фоне либерализации режима и обострения политической борьбы после Манифеста 1905 г. в жур-

нале резко выросло количество статей, посвященных общественно-политическим вопросам [58, 59].

Самым ответственным этапом источниковедческого изучения религиозной публицистики является интерпретация. Свои взгляды церковные публицисты часто выражали не напрямую, а посредством художественных образов и религиозных символов. Например, автор, восторженно принявший Февральский переворот, приравнивал «свободу» к «свежему воздуху», подразумевая, что преобразования, ожидаемые после свержения монархии, необходимы, как воздух [60. С. 202]. Другой автор, более критично отнесшийся к новой власти, написал, что «воздух свободы... пьянит... как крепкое вино», тем самым уподобив свободу вину – опасной и вредной страсти, имеющей тяжелые социальные последствия [61. С. 237]. Картина «дней холодного ужаса, зимней, темной, заполненной анархически, стихийно-порывистой бурей ночи» [62. С. 632] – характерный пример публицистической образности, нуждающейся в расшифровке: стихия – подразумеваются анархия, разгул народа, массовый выход за рамки прежних повседневных правил, холод – жестокость, отчуждение между людьми, темнота – противопоставление «свету», идеалам христианства, ночь и буря – социальный и военный кризис. Следует учитывать, что подобное истолкование не может претендовать на полную объективность: скорее всего, сами авторы не анализировали каждый использованный образ, интуитивно понятный им, – при этом уже читатели 1917 г. могли вкладывать разные смыслы в понятия «тьма», «анархия», «упадок» и пр.

Образность, широкое использование средств художественной выразительности выполняют функцию эмоционального воздействия на читателя. Характерная черта церковной публицистики – ее обращение прежде всего к чувствам, а не к рассудку читателя, к «духовным», а не «материальным» вопросам. Неслучайно на страницах журнала нашла место формула «оскорбление религиозного чувства» – в связи с «неподобающим» изображением Христа в фильме [63] или обыском патриарха советскими органами власти [64].

Особой выразительностью отличаются образы России, приведенные публицистами на фоне событий 1917 г. Россия как место проживания народов крайне редко изображалась в качестве формального государственного механизма: она одушевлялась, наделялась антропоморфными признаками, представала в текстах как живое тело – чаще всего женское. Россия в глазах протоиерея И. Восторгова – женщина, которая «обнажена», «раздета», «повержена», «опозорена», «осуждена», «окружена палачами и злобствующими врагами» [65. С. 556]. Для автора статьи «Ужас молчания» Россия – страдающая женщина, которой угрожает «меч Вильгельма-наильника»; она плачет, «изболелась от горя» [62. С. 632]. Публицист в данном случае апеллировал к традиционному гендерному стереотипу мужского «долга» ограждать «свою» женщину от посягательств «чужого» мужчины (защищать свою страну от «меча» наильника-захватчика). Евг. Кондратьев уподобил Россию 1917 г. роженице, страдающей от тяжелых родов [66. С. 460]; А. Егоров – матери («мать родная» Родина) [67].

Кроме того, среди духовенства одним из основополагающих было стремление опереться на авторитеты прошлого, найти ответы в созданных ранее текстах или произошедших ранее событиях, а не предложить «авторские» варианты. Почти каждый автор считал своим долгом подтвердить свою позицию, процитировав текст Библии или слова выдающихся богословов. Реже встречаются попытки привести аргументы из истории (всемирной или отечественной) или сослаться на «опыт предков». Е.А. Кожемякин отметил, что обладание авторитетом обуславливается «наличием пережитого мистического опыта» и безоговорочной религиозной верой, причем высшим авторитетом наделяется не человек, а сакральный текст [6. С. 40].

Еще одним типом аргументации, вошедшим в церковную публицистику во второй половине XIX – начале XX в., является объяснение событий через взаимодействие элементов из современных авторам социальных учений (с использованием терминов «капитал», «капитализм», «буржуазия», «классовые интересы», «демократизм» и др.) и естественных наук. Эти теории преломляются сквозь призму христианского миропонимания: «...служители Церкви не могут облачаться ни в нарядные пиджаки демократизма, ни в компрометированные фраки буржуазии» [68], приход как «народная община самого демократического типа» [69], духовенство стремится быть «демократичным» и избегать репутации «слуг буржуазии» [70]. В подобных случаях остро стоит проблема интерпретации авторских мыслей: кого именно автор относит к буржуазии? перед кем и чем именно, с его точки зрения, она себя «компрометировала»? это проявление «политической моды» революционного времени или же действительное авторское представление о социальных процессах?

Религиозный текст интертекстуален (содержательно связан с предшествующими текстами и в целом с культурным контекстом эпохи), что проявляется в форме цитирования, аллюзий (намёков на известные факты), реминисценций (включения в авторский текст хорошо узнаваемых фрагментов чужого текста без упоминания их происхождения) [9. С. 269]. Цитаты из библейского корпуса и авторитетных богословских трудов выполняют функции аргументации и создания образности, смыслообразующую, эстетическую, оценочную и др. [Там же]. Соответственно, исследователь должен погружаться в пространство скрытых смыслов, «расшифровывать» авторские намеки, устанавливая связи между фрагментами сакральных текстов (прежде всего Библии) и проблематикой статей. Сложность интерпретации религиозной публицистики обусловлена также необходимостью перевода на рациональный научный язык иррациональных религиозных рассуждений, которые отличаются высокой степенью эмоциональности, метафоричности, символичности, многозначности. Решить проблему понимания текста помогают филологические разработки в теории «религиозного дискурса», а также герменевтический метод.

В завершение обратимся к проблеме верификации как одной из базовых задач источниковедческого анализа. В целом публицистические материалы ТЕВ с высокой степенью достоверности отражают, во-первых,

ментальность духовного сословия (прежде всего его интеллектуальной элиты – авторов текстов), во-вторых, официальную позицию РПЦ по многим вопросам, в-третьих, набор наиболее дискуссионных тем и серьезных вызовов, стоявших перед церковью в конце XIX – начале XX в. Например, тема успехов, угроз и пределов научного знания, дарвинизм, атеизм, сексуальная эмансипация, революция 1917 г. и пр. Однако следует учитывать ограничения, налагаемые как обстоятельства бытования источника (ограничения официальной церковной идеологии, наличие цензуры, ориентация на читателей из духовенства, а не мирян), так и жанром. Ряд тематических подборок – по мемориализации умерших в некрологах, по внешней политике (строго в официальном духе до 1917 г.) и некоторым другим темам – содержит откорректированную и даже недостоверную информацию. Например, авторы некрологов целенаправленно избегали упоминаний о негативных чертах личности умершего, создавая образ добродетельного и ретивого служителя веры [71]. Цели и обстоятельства создания данного источника во многом снимают проблему верификации, точнее, сводят ее к необходимому минимуму – проверке достоверности отдельных упоминаемых авторами фактов.

Таким образом, религиозная публицистика – это разновидность исторических источников, характеризующаяся определенными особенностями фигуры автора (религиозное мировоззрение, в большинстве случаев – включенность в соответствующую социальную группу), спецификой содержания, заданными религи-

озной традицией темами, подходами и истолкованием фактов, заведомо иррациональным (религиозным) предметом осмысления и стилем произведения (интертекстуальность, символизм, эмоциональность), а также часто – обстоятельствами публикации (под цензурой представителей церкви, с ориентацией на православную аудиторию). Религиозная публицистика, представленная в ТЕВ, обладает рядом источниковедческих особенностей – жанровых, функциональных, содержательных, связанных с обстоятельствами происхождения и прочих, которые определяют, в свою очередь, проблемы ее источниковедческого изучения. Среди таковых можно обозначить комплекс проблем, связанных с происхождением изучаемых текстов. Однако одной из наиболее сложных является задача интерпретации церковно-публицистических текстов. Сложность ее обусловлена необходимостью перевода на рациональный научный язык иррациональных религиозных рассуждений, которые отличаются высокой степенью эмоциональности, метафоричности, символичности, многозначности. Трудности в интерпретации также связаны с интертекстуальностью церковной публицистики: она пронизана аллюзиями и цитатами из обширной богословской традиции, в связи с чем для адекватного понимания смысла требуется интеллектуальное умение видеть в тексте эти элементы. Проблема понимания текста не может быть решена без обращения к достижениям филологии в области исследования «религиозного дискурса», а также без обращения к герменевтике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднякова Е.Г. Церковная журналистика: история и современность. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 76 с.
2. Жолудь Р.В. Начало православной публицистики. Библия, апологеты, византийцы. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 192 с.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М. : ФАИР, 1998. 352 с.
4. Бобырева Е.В. Эмоциональный аспект коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 23–30.
5. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
6. Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. № 2 (97). С. 32–47.
7. Стаценко А.С. Православный дискурс: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 3 (145). С. 75–78.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. С. 221–230.
9. Смолина А.Н., Лубкина О.А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5. С. 268–270.
10. Ясиновская Е.Г. О специфике религиозного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 616. С. 179–186.
11. Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 21. С. 174–182.
12. Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 268 с.
13. Верещагин И.Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Европейского Севера России) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013. 24 с.
14. Валитов А.А. История Тобольских епархиальных ведомостей // Труды Тобольской Духовной семинарии. Тобольск : Тобольская духовная семинария, 2011. Вып. 2. С. 48–56.
15. Валитов А.А. Тобольские епархиальные ведомости как источник по истории Западной Сибири // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 407–416.
16. Андреева А.А., Петрова О.А. Издание религиозной литературы и епархиальных ведомостей в Тобольской губернии // Студопедия. URL: http://studopedia.ru/14_97276_izdanie-religioznoy-literaturi-i-eparhialnih-vedomostey-v-tobolskoy-gubernii.html (дата обращения: 10.04.2017).
17. Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг. : сводный каталог местных изданий. Новосибирск : Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2006. С. 202–213.
18. Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. 277 с.
19. Стрелкова О.С. Жанр проповеди для сельского населения на страницах «Курских епархиальных ведомостей» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). С. 134–141.

20. Стрелкова О.С. Жанр рассказа о чудесах на страницах курской духовной периодики XIX – начала XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 6. С. 253–259.
21. Лысенко Н.А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 222 с.
22. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.
23. Морозова Н.Н. Освещение политических вопросов в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1882–1905 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 35–38.
24. Воронцова И.В. Роль и место церковной публицистики 2-й половины XIX в. в модернизации традиционного религиозного сознания в России // Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 2012–2014 гг. М. : Модест Колеров, 2015. С. 164–190.
25. Тобольские губернские ведомости. 1896. № 12.
26. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.
27. Мандрика Ю.Л. Тайна «Губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий российской провинции (1857–1917 гг.) // Библиосфера. 2012. № 2. С. 9–14.
28. Лепилкина О.И. Становление и типологические характеристики епархиальных ведомостей в XIX начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 103–107.
29. Плавская Е.В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 81–93.
30. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 97–105.
31. Кузнецова Н.В., Трофимова О.В. Публицистический текст. Лингвистический анализ. М. : Флинта ; Наука, 2010. 304 с.
32. О.К. Смотритель Тобольского духовного мужского Училища, священник о. Алексей Беллавин // Тобольские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1895. № 17, отд. неофиц. С. 284–293.
33. К-пов В. Освящение новой часовни в селе Шатровском, Ялуторовского округа // ТЕВ. 1894. № 1, отд. неофиц. С. 5–8.
34. Горизонтов Ам. Освящение храма при селе Бутаковском, Тарского округа // ТЕВ. 1895. № 2, отд. неофиц. С. 37–38.
35. Де-Карлино Н. О явлениях, предшествующих смерти, и признаках мнимой и действительной смерти // ТЕВ. 1894. № 16, отд. неофиц. С. 284–293.
36. О борьбе с кобылкой в Тобольской губернии // ТЕВ. 1894. № 7-8, отд. неофиц. С. 92–102.
37. Тertychnyy A.A. Жанры периодической печати : учеб. пособие // EVARTIST. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
38. Гончар М.И. Некролог как специфический источник изучения жизнедеятельности личности (на материалах «Подольских епархиальных ведомостей») // Global international scientific analytical project. URL: <http://gisap.eu/ru/node/49957> (дата обращения: 15.05.2017).
39. Урванцева Н.Г. Жанр некролога в «Епархиальных ведомостях» XIX – начала XX в. (на примере журнала «Олонекские епархиальные ведомости») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). С. 156–158.
40. Волков Иоанн : некролог // ТЕВ. 1894. № 1, отд. неофиц. С. 8–10.
41. Г.А. Некролог // ТЕВ. 1904. № 7, отд. неофиц. С. 111–114.
42. Арефьев В. Беседа со старообрядцами о том, что общество их не может именоваться церковью, как неимеющее полноты таинств // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 9, отд. неофиц. С. 191–206.
43. Смирнов В. Присоединение к православной церкви старообрядца Никиты Ямова // ТЕВ. 1895. № 9, отд. неофиц. С. 165–170.
44. Скородумов М., Шалабанов А. Как я избежал сетей раскола? // ТЕВ. 1895. № 15, отд. неофиц. С. 262–268.
45. Разбор данного старообрядцем Иоанном Журавлевым ответа на вопрос православного миссионера свящ. о. Н. Богословского // ТЕВ. 1895. № 2, отд. неофиц. С. 21–33.
46. Лебедев М. Поучение при погребении секретаря Консistorии С.И. Никольского // ТЕВ. 1884. № 2, отд. неофиц. С. 42–45.
47. Ивановский В. К вопросу о времени учреждения в христианской церкви церковной иерархии // ТЕВ. 1894. № 9, отд. неофиц. С. 103–117.
48. Богословский Н. Поучение на день Покрова Пресвятой Богородицы // ТЕВ. 1903. № 19, отд. неофиц. С. 472–474.
49. Догматические и нравственные уроки, заимствованные из житий святых // ТЕВ. 1892. № 3-4, отд. неофиц. С. 57–68.
50. Антоний, еп. Тобольский и Сибирский. О средствах к борьбе с малярией и с хульными и нечистыми помыслами // ТЕВ. 1905. № 12, отд. неофиц. С. 153–163.
51. Слово в неделю блудного сына // ТЕВ. 1898. № 2, отд. неофиц. С. 25–30.
52. Богдановский А.Е. Основные положения христианской морали, наука и жизнь // ТЕВ. 1898. № 10, отд. неофиц. С. 257–276.
53. Антоний, еп. Тобольский и Сибирский. Поучение, произнесенное за вечерней Великого Пятка после выноса плащаницы в Тобольском кафедральном соборе 15 апреля 1905 г. // ТЕВ. 1905. № 10, отд. неофиц. С. 109–113.
54. Поникаровский Н., Памфилов Ф., Богословский Н. Речи, произнесенные при гробе смотрителя Тобольского духовного училища, священника Алексея Беллавина // ТЕВ. 1895. № 16, отд. неофиц. С. 269–275.
55. Фирсов С.Л. Церковь в империи : очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб. : Сатис ; Держава, 2007. 464 с.
56. С. М. Л. Годовщина Священного Коронования Государя Императора Александра III // ТЕВ. 1884. № 10, отд. неофиц. С. 215–218.
57. Пр. П. Г. Слово в день коронации государя императора Николая Александровича // ТЕВ. 1897. № 15, отд. неофиц. С. 323–327.
58. Тихомиров Н. Поучение по прочтении Высочайшего Манифеста 17 Октября 1905 года о даровании русскому народу прав гражданской свободы // ТЕВ. 1906. № 1, отд. неофиц. С. 1–3.
59. Матвеев Д. Отношение духовенства к современным политическим партиям // ТЕВ. 1906. № 6, отд. неофиц. С. 103–106.
60. Гражданин-священник. Из летописи церкви Успения Б. Матери // ТЕВ. 1917. № 13, отд. неофиц. С. 199–202.
61. Время не прав, но обязанностей // ТЕВ. 1917. № 16, отд. неофиц. С. 237–238.
62. Ужас молчания // ТЕВ. 1917. № 45, отд. неофиц. С. 631–632.
63. Кошунство // ТЕВ. 1917. № 21, отд. неофиц. С. 305–306.
64. Н. А. Ч. Обзор гражданских и церковных событий минувшего года (продолжение) // ТЕВ. 1918. № 6, отд. неофиц. С. 59.
65. Восторг И., протоиерей. Предкрестие // ТЕВ. 1917. № 40, отд. неофиц. С. 554–556.
66. Кондратьев Евг., протоиерей. Долг любви // ТЕВ. 1917. № 32, отд. неофиц. С. 460–461.
67. Егоров Алексей, священник. Страдающей Родине // ТЕВ. 1917. № 43, отд. неофиц. С. 597.
68. О беспартийности православного духовенства // ТЕВ. 1917. № 25, отд. неофиц. С. 346–348.
69. Борьба за религиозное мировоззрение // ТЕВ. 1917. № 27, отд. неофиц. С. 368.
70. Отношение духовенства Казанской епархии к переживаемым событиям Русской государственной жизни // ТЕВ. 1917. № 21, отд. неофиц. С. 303.
71. Беллавин А., смотритель Тобольского духовного мужского училища // ТЕВ. 1895. № 17. С. 284–293.

Anna A. Bushueva, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: mizuki_arashi@mail.ru

Tatiana V. Kozelchuk, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: netanja-k@mail.ru

RELIGIOUS PUBLICISM OF “TOBOLSK DIOCESAN GAZETTE” IN THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY: PROBLEMS OF SOURCE STUDY

Keywords: religious publicism, “Tobolsk Diocesan Gazette”, historical source, history of Siberia, Russian orthodox church.

The purpose of this article is to identify and characterize the problems of the source study of religious publicism. The specific sources for this study were the publications of the Informal part of the journal “Tobolsk Diocesan Gazette” of the late 19th – early 20th centuries. The relevance of study is motivated by the absence of clear definition of publicism as metagenre and as kind of sources, as well as by necessity of introduction of text complexes with a wide informative potential into scientific circulation. On the pages of the indicated journal religious journalism is presented in different forms – conversations, teachings, obituaries-epitaphs, speeches, words and others. In spite of all these it is possible to specify such of its features as religious worldview of the author (in most cases – his inclusion into a certain social group); the aim of the publications at preservation and reproduction of society order, system of values and manners, and at maintenance of believers’ integration on the basis of representation of concrete models of experience and worldview; at address to the actual questions for a religious person (the understanding of “sin”, “virtue”, “evil”, “good”, life, death, love, belief, duty); authoritarian style of appeal to the audience, “edification” in combination with the confession; approaches to fact interpretation and style of writing given by religious tradition (quotations from sacred texts, references to religious authorities, allusions, symbols), special circumstances of origin (under censorship of church representatives, with a focus on Orthodox audience). Identified peculiarities of the study of publicism texts of “Tobolsk Diocesan Gazette” – genre, functional, content-related – in the combination with circumstances of their origin and existence determine the problems of the study of religious publicism. The authors of the article single out among these there is a complexity of interpretation: researcher should soak himself into the space of hidden meanings, “decipher” irrational religious arguments, which are very emotional, metaphoric, symbolic, polysemic, should establish connection between fragments of ancient sacral texts and the problem of the article. The problem of authorship is aligned with interpretation, in particular the separation of author’s own individual contribution and that ideological foundation on which the publicist based on. The authors conclude that while characterizing the source under consideration, we should consider that the direction and subject matter of the articles have been defined by the program of the issue of the bulletin, all the materials underwent censorship control and were chosen by editorial office, which practically excluded the appearance of opinions opposed to official ones.

REFERENCES

- Pozdnyakova, E.G. (2010) *Tserkovnaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost'* [Church Journalism: Past and Present]. Kurgan: Kurgan State University.
- Zholud, R.V. (1998) *Nachalo pravoslavnoy publitsistiki. Bibliya, apologety, vizantiytsy* [The start of Orthodox journalism. The Bible, apologists, the Byzantines]. Voronezh: Voronezh State University.
- Mechkovskaya, N.B. (1998) *Yazyk i religiya* [Language and Religion]. Moscow: FAIR.
- Bobyreva, E.V. (2014) Emotional aspect of communicative competence in the religious discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 10(95). pp. 23–30. (In Russian).
- Bobyreva, E.V. (2008) Religious discourse: values and genres. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 162–167. (In Russian).
- Kozhemyakin, E.A. (2011) Religioznyy diskurs: metodologiya issledovaniya [Religious discourse: research methodology]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(97). pp. 32–47.
- Statsenko, A.S. (2014) Pravoslavnyy diskurs: k postanovke problemy [Orthodox discourse: to the formulation of the problem]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(145). pp. 75–78.
- Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. pp. 221–230.
- Smolina, A.N. & Lubkina, O.A. (2012) Intertextuality is a style feature the church-religious texts. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*. 5. pp. 268–270. (In Russian).
- Yasinovskaya, E.G. (2011) O spetsifike religioznogo diskursa [On the specificity of religious discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 616. pp. 179–186.
- Netuzhilov, K.E. (2006) Eparkhial'naya periodicheskaya pechat' v dorevol'yutsionnoy Rossii [Diocesan periodicals in pre-revolutionary Russia]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 21. pp. 174–182.
- Netuzhilov, K.E. (2007) *Tserkovnaya periodicheskaya pechat' v Rossii XIX stoletiya* [Church periodicals in Russia in the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Vereshchagin, I.F. (2013) *Tserkovno-eparkhial'naya periodicheskaya pechat' v obshchestvennoy zhizni rossyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Evropeyskogo Severa Rossii)* [Church-diocesan periodicals in the public life of the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the European North of Russia)]. Abstract of History Cand. Diss. Arkhangel'sk.
- Valitov, A.A. (2011) *Istoriya Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostey* [History of the Tobolsk Diocesan Gazette]. *Trudy Tobol'skoy Dukhovnoy seminarii*. 2. pp. 48–56.
- Valitov, A.A. (2015) Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti kak istochnik po istorii Zapadnoy Sibiri [Tobolsk Diocesan Gazette as a Source on the History of Western Siberia]. *Vestnik Orenburgskoy dukhovnoy seminarii – Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2(4). pp. 407–416.
- Andreeva, A.A. & Petrova, O.A. (n.d.) *Izдание religioznoy literatury i eparkhial'nykh vedomostey v Tobol'skoy gubernii* [Publication of religious literature and diocesan statements in Tobolsk Province]. [Online] Available from: http://studopedia.ru/14_97276_izdanie-religioznoy-literaturi-i-eparkhialnih-vedomostey-v-tobol'skoy-gubernii.html (Accessed: 10th April 2017).
- Konovalova, E.N. (2006) *Kniga Tobol'skoy gubernii. 1790–1917 gg.: svodnyy katalog mestnykh izdaniy* [Books of Tobolsk Province. 1790–1917 : a consolidated catalogue of local publications]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 202–213.
- Tsys, O.P. (2008) *Pravoslavnye obshchestvenno-religioznye organizatsii Tobol'skoy eparkhii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Orthodox social and religious organizations of the Tobolsk diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk University for the Humanities.
- Strelkova, O.S. (2011) Zhanr propovedi dlya sel'skogo naseleniya na stranitsakh “Kurskikh eparkhial'nykh vedomostey” [Genre of sermon for the rural population on the pages of “Kursk Diocesan Gazette”]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(18). pp. 134–141.
- Strelkova, O.S. (2011) Zhanr rasskaza o chudesakh na stranitsakh kurskoy dukhovnoy periodiki XIX – nachala XX vv. [The genre of the story about miracles on the pages of the Kursk religious periodicals of the 19th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Oryol State University*. 6. pp. 253–259.

21. Lysenko, N.A. (2014) *Ideal sibirskogo svyashchennika-missionera v ofitsial'nykh periodicheskikh izdaniyakh russkoy pravoslavnoy tserkvi vtoroy poloviny XIX–nachala XX v.* [The ideal of a Siberian missionary priest in the official periodicals of the Russian Orthodox Church of the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
22. Vasilieva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Omsk.
23. Morozova, N.N. (2012) *Osveshchenie politicheskikh voprosov v "Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostyakh" (1882–1905 gg.)* [Political issues in the "Tobol'skit eparkhial'nye vedomosti" (1882-1905)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 35–38.
24. Vorontsova, I.V. (2015) *Rol' i mesto tserkovnoy publitsistiki 2-y poloviny XIX v. v modernizatsii traditsionnogo religioznogo soznaniya v Rossii* [The role and place of church journalism in the 2nd half of the 19th century in the modernization of traditional religious consciousness in Russia]. In: Kolerov, M.A. (ed.) *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: ezhegodnik za 2012–2014 gg.* [Research on the History of Russian Thought: Yearbook for 2012–2014]. Moscow: Modest Kolerov. pp. 164–190.
25. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. (1896) 12.
26. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX nachala XX veka)* [Government periodicals in Siberia (the second half of the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Mandrika, Yu.L. (2012) The secret of "Provincial Gazette": on the history of the first periodical publications of the Russian province (1857–1917). *Bibliosfera – Bibliosphere*. 2. pp. 9–14. (In Russian).
28. Lepilkina, O.I. (2009) *Stanovlenie i tipologicheskie kharakteristiki eparkhial'nykh vedomostey v XIX nachale XX vv.* [Formation and typological characteristics of diocesan newspapers in the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*. 2. pp. 103–107.
29. Plavskaya, E.V. (2008) *Publitsistika kak vid istoricheskikh istochnikov: problema opredeleniya* [Journalism as a type of historical sources: the problem of definition]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 81–93.
30. Kaminskiy, P.P. (2007) Principles of research of publicism at the present stage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 97–105. (In Russian).
31. Kuznetsova, N.V. & Trofimova, O.V. (2010) *Publitsisticheskiy tekst. Lingvisticheskiy analiz* [The publicistic text. The linguistic analysis]. Moscow: Flinta; Nauka.
32. O.K. (1895) *Smotritel' Tobol'skogo dukhovnogo muzhskogo Uchilishcha, svyashchennik o. Aleksey Bellavin* [Superintendent of the Tobolsk Religious Male School, Priest Fr. Alexey Bellavin]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 17. pp. 284–293.
33. K-pov, V. (1894a) *Osvyashchenie novoy chasovni v sele Shatrovskom, Yalutorovskogo okruga* [Consecration of a new chapel in Shatrovskoe, Yalutorovsky district]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1. pp. 5–8.
34. Gorizontov, Am. (1895) *Osvyashchenie khrama pri sele Butakovskom, Tarskogo okruga* [Consecration of the temple in Butakovskoe, Tara district]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 2. pp. 37–38.
35. De-Karlino, N. (1894) *O yavleniyakh, predshestvuyushchikh smerti, i priznakakh mnimoy i deystvitel'noy smerti* [About the phenomena preceding death, and signs of imaginary and real death]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 16. pp. 284–293.
36. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1894a) *O bor'be s kobylky v Tobol'skoy gubernii* [About the fight against grasshoppers in Tobolsk Province]. 7-8. pp. 92–102.
37. Tertychnyy, A.A. (n.d.) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. [Online] Available from: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (Accessed: 10th May 2017).
38. Gonchar, M.I. (n.d.) *Nekrolog kak spetsificheskii istochnik izucheniya zhiznedeystel'nosti lichnosti (na materialakh "Podol'skikh eparkhial'nykh vedomostey")* [Obituary as a specific source of the study of the vital activity of the individual (based on the materials of "Podolsk Diocesan Gazette")]. [Online] Available from: <http://gisap.eu/ru/node/49957> (Accessed: 15th May 2017).
39. Urvantseva, N.G. (2015) Genre of obituary in "Diocesan Bulletin" of the 19th – early 20th century (a case study of "Olonets Diocesan Bulletin"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 6(48). pp. 156–158. (In Russian).
40. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1894b) *Volkov Ioann: nekrolog* [Volkov Ioann: Obituary]. 1. pp. 8–10.
41. G.A. (1904) *Nekrolog* [Obituary]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 7. pp. 111–114.
42. Arefiev, V. (1884a) *Beseda so staroobryadtsami o tom, chto obschestvo ikh ne mozhet imenovat'sya tserkov'yu, kak neimeyushchee polnoty tainstv* [Conversation with Old Believers about the fact that their society cannot be called a church, as lacking the fullness of the sacraments]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 191–206.
43. Smimov, V. (1895) *Prisoedinenie k pravoslavnoy tserkvi staroobryadtsa Nikity Yamova* [Old Believer Nikita Yamov Joining the Orthodox Church]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 165–170.
44. Skorodumov, M. & Shalabanov, A. (1895) *Kak ya izbezhал setey raskola?* [How did I avoid the nets of the schism?]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 15. pp. 262–268.
45. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1895a) *Razbor dannogo staroobryadtsa Ioannom Zhuravlevym otveta na vopros pravoslavnogo missionera svyashch. o. N. Bogoslovskogo* [Analysis of the answer given by Old Believer Joann Zhuravlev to the Orthodox missionary priest O.N. Bogoslovsky]. 2. pp. 21–33.
46. Lebedev, M. (1884) *Pouchenie pri pogrebenii sekretarya Konsistorii S.I. Nikol'skogo* [Instruction at the burial of the Secretary of the Consistory S.I. Nikolsky]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. pp. 42–45.
47. Ivanovskiy, V. (1894) *K voprosu o vremeni uchrezhdeniya v khristianskoy tserkvi tserkovnoy ierarkhii* [On the time of church hierarchy establishment in the Christian church]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 103–117.
48. Bogoslovskiy, N. (1903) *Pouchenie na den' Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy* [Teaching on the Day of the Protection of the Most Holy Theotokos]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 19. pp. 472–474.
49. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1892) *Dogmaticheskie i nraivstvennyye uroki, zaimstvovannyye iz zhitiy svyatykh* [Dogmatic and moral lessons taken from the lives of the saints]. 3-4. pp. 57–68.
50. Anthony, Bishop of Tobolsk and Siberia. (1905a) *O sredstvakh k bor'be s malakieyu i s khul'nymi i nechistymi pomyslami* [On the means to fight against malakia and against blasphemous and unclean thoughts]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 153–163.
51. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1898) *Slovo v nedelyu bludnogo syna* [Word in the week of the prodigal son]. 2. pp. 25–30.
52. Bogdanovskiy, A.E. (1898) *Osnovnyye polozenie khristianskoy morali, nauka i zhizn'* [The main provisions of Christian morality, science, and life]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 257–276.
53. Anthony, Bishop of Tobolsk and Siberia. (1905b) *Pouchenie, proiznesennoe za vecherney Velikogo Pyatka posle vynosa plashchanitsy v Tobol'skom kafedral'nom sobore 15 aprelya 1905 g.* [The lesson delivered during the evening Great Heel after the removal of the shroud in the Tobolsk Cathedral on April 15, 1905]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 109–113.
54. Ponikarovskiy, N., Pamfilov, F. & Bogoslovskiy, N. (1895) *Rech'i, proiznesennyye pri grobe smotritelya Tobol'skogo dukhovnogo uchilishcha, svyashchennika Alekseya Bellavina* [Speeches at the grave of the caretaker of the Tobolsk Theological School, priest Alexei Bellavin]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 16. pp. 269–275.
55. Firsov, S.L. (2007) *Tserkov' v imperii : ocherki iz tserkovnoy istorii epokhi imperatora Nikolaya II* [The Church in the Empire: Essays from the Church History of the Epoch of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg: Satis"; Derzhava.
56. S.M.L. (1884) *Godovshchina Svyashchennogo Koronovaniya Gosudarya Imperatora Aleksandra III* [Anniversary of the Sacred Crowning of the Sovereign Emperor Alexander III]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 10. pp. 215–218.

57. Pr. P.G. (1897) Slovo v den' koronovaniya gosudarya imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Speech on the day of the coronation of Emperor Nicholas Alexandrovich]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 15. pp. 323–327.
58. Tikhomirov, N. (1906) Pouchenie po prochtenii Vysochayshego Manifesta 17 Oktyabrya 1905 goda o darovanii russkomu narodu prav grazhdanskoy svobody [Teaching on reading the Supreme Manifesto of October 17, 1905, on granting the rights of civil freedom to the Russian people]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 1. pp. 1–3.
59. Matveev, D. (19096) Otnoshenie dukhovenstva k sovremennym politicheskim partiyam [The attitude of the clergy to modern political parties]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 103–106.
60. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917a) Grazhdanin-svyashchennik. Iz letopisi tserkvi Uspeniya B. Materi [Citizen-priest. From the chronicle of the Church of the Assumption of God Mother]. 13. pp. 199–202.
61. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917b) Vremya ne prav, no obyazannostey [Time of responsibilities rather than rights]. 16. pp. 237–238.
62. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917c) Uzhas molchaniya [The horror of silence]. 45. pp. 631–632.
63. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917d) Koshchunstvo [Blasphemy]. 21. pp. 305–306.
64. N.A.Ch. (1918) Obzor grazhdanskikh i tserkovnykh sobyitij minuvshego goda (prodolzhenie) [Review of civil and church events of the past year (continued)]. 6. p. 59.
65. Vostorgov, I. (1917) Predkrestie [Forerunner]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 40. pp. 554–556.
66. Kondratiev, E. (1917) Dolg lyubvi [Debt of love]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 32. pp. 460–461.
67. Egorov, A. (1917) Stradayushchey Rodine [To the Suffering Motherland]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 43. p. 597.
68. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917e) O bespartynosti pravoslavnogo dukhovenstva [On the non-partisan nature of the Orthodox clergy]. 25. pp. 346–348.
69. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917f) Bor'ba za religioznoe mirovozzrenie [The struggle for a religious worldview]. 27. p. 368.
70. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1917g) Otnoshenie dukhovenstva Kazanskoy eparkhii k perezhivaemym sobyitiyam Russkoy gosudarstvennoy zhizni [The attitude of the Kazan clergy to the events of the Russian state life]. 21. p. 303.
71. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1895b) Bellavin A., smotritel' Tobol'skogo dukhovnogo muzhskogo uchilishcha [Bellavin A., superintendent of the Tobolsk Religious Male School]. 17. pp. 284–293.

УДК 94(470)

DOI: 10.17223/19988613/74/3

В.С. Воробьева

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛИЗМА И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИИ В 1990–2000-е гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Рассматриваются основные этапы и факторы формирования федерализма и взаимоотношений между федеральным центром и регионами в 1990–2000-е гг. в России. Особый акцент делается на выявлении возможности связи четырех понятий – «федерализм», «регионализм», «либерализм» и «трансграничность». Актуальность данной темы в настоящее время обусловлена наличием противоречий между центр-периферийной (авторитарной) моделью и ренессансом регионализма или либерализма, воспринимающимся региональными сообществами как начало региональной идентификации и поляризованного автономного регионального развития.

Ключевые слова: регионализм, федерализм, либерализм, трансграничность, регион.

После распада СССР руководство РСФСР столкнулось с рядом проблем, главной из которых был выбор форм дальнейшего существования «новой» страны. Сложившаяся политическая ситуация в начале 1990-х гг. способствовала возрождению региональных интересов, дроблению политической власти и формированию локальных идентичностей, что в конечном счете привело к актуализации вопроса о формировании «новой» модели отношений между федеральным центром и регионами. Также нельзя было не учитывать тот факт, что регионализм всегда считался одним из основополагающих признаков федерализма, а федерализм, в свою очередь, до сих пор считается основным элементом либеральной демократии как политического режима или либерализма как идеологии. Современный регионализм (не сепаратизм) подразумевает, что интересы региона ставятся превыше интересов федерального центра, и означает, что ни федеральная, ни региональная власть не может принять решение, которое противоречит интересам основных акторов регионального политического процесса. Под акторами регионального политического процесса подразумеваются региональная элита, население региона и региональная власть.

Данное базовое противоречие в системе отношений «центр–периферия» неразрывно связано с другим противоречием современного мира – глобализацией и регионализацией (локальностью). С одной стороны, экономическая и политическая глобализация делает необратимой культурную и языковую интеграцию, с другой – все чаще она сопровождается неприятием национальных, этнических и конфессиональных элит [1. С. 28–29]. В России как государстве с федеративным устройством этот ценностный конфликт усиливается разрывом между центр-периферийной (авторитарной) моделью управления и стремлением региональных сообществ отстаивать свои интересы и «право на идентичность».

Таким образом, актуальность предлагаемого исследования обусловлена наличием противоречий между современной центр-периферийной (авторитарной)

моделью, навязываемой федеральным центром, с ее ориентацией на сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов РФ и ренессансом регионализма или либерализма, воспринимающимся региональными сообществами как начало региональной идентификации и поляризованного автономного регионального развития. Если несколько десятилетий назад эти процессы затрагивали прежде всего территории, которые принято называть фронтальными и «национальными», то сегодня, возможно, вслед за европейскими странами, они проявляют себя в регионах со срединным геополитическим положением, где воздействие глобализации может считаться косвенным и очаговым. Кроме этого, в настоящее время периферийность перестала рассматриваться как характеристика культурной отсталости, напротив, удаленные от центра регионы анализируются как обладающие дополнительными возможностями экономического и социокультурного развития [2]. Такой подход к феномену трансграничности и регионализма в современной России в какой-то степени переосмысливает национальный историко-культурный контекст и создает свой уникальный региональный дискурс. Цель данного исследования состоит в выявлении основных этапов и факторов формирования и трансформации такого явления, как регионализм, в 1990–2000-е гг. в России.

В исследовательской литературе существует два базовых подхода к понятию «регионализм»: рассмотрение его как политической идеологии и как социокультурного явления [3. С. 14–16]. В первом случае под регионализмом подразумевается исторический или политический процесс, трансформирующий существующее пространство, – дробление суверенных государств на множество региональных единиц разного масштаба (так называемая «региональная дифференциация» [4]), где одной из основных действующих сил могут стать как региональные элиты, так и федеральная власть. С точки зрения второго подхода регионализм используется для обозначения ряда внутренних региональных социокультурных процессов, выражен-

ных, как правило, в максимальной свободе культурного развития, что, по мнению некоторых авторов, может запустить процесс формирования новых региональных идентичностей и тем самым создать угрозу для социокультурного единства российского общества [3. С. 15; 5]. Оба этих подхода основаны на синтезе теорий «старого» и «нового» регионализма [6], в соответствии с которыми регионы формируются под воздействием множества факторов и условий и с помощью различных акторов политического или иного процесса.

В данной статье регионализм будет пониматься как процесс возрастания субъектности регионов (региональной политической идентификации) на основании учета потребностей заинтересованных акторов. Понятие «регион», в свою очередь, исходя из специфики построения федерализма в 1990–2000-е гг. в России, будет трактоваться как пространственная единица, обладающая правом самоуправления и регионального участия на федеральном уровне в пределах того объема полномочий, которое определено Конституцией, федеральным законодательством и индивидуальными соглашениями между федеральными и региональными органами власти.

Происходившие в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессы, связанные с реформированием российского общества, существенно изменили социально-экономическую и политическую ситуацию как в масштабах государства в целом, так и в регионах в частности. «Второе пришествие либерализма» в Россию в конце XX в. продемонстрировало актуализацию либеральных идей в условиях системного кризиса, что, в свою очередь, открыло возможность для ускоренного процесса регионализации страны. Получив право «брать столько суверенитета, сколько можно проглотить», как высказался Б.Н. Ельцин в Казани в 1990 г., региональные лидеры стали формировать собственную правовую, политическую и экономическую систему внутри отдельно взятого региона, входившего тогда в состав РСФСР. В то же время Б.Н. Ельцин предпринял ряд шагов по снятию угрозы для территориальной целостности страны, в числе которых:

– подписание в марте 1992 г. федеративного договора [7], распространившего федеративные отношения на все регионы и закрепившего их положение в качестве 87 субъектов Федерации (договор не подписали Республики Татарстан и Чечня. – *В.В.*);

– принятие в декабре 1993 г. Конституции РФ [8], заложившей основы российского федерализма. Отныне федеративное устройство страны было закреплено на законодательном уровне и основано на государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий и равноправии самоопределения народов в РФ;

– прямые выборы в 1993 г. состава обеих палат нового парламента – Федерального Собрания, что за счет политического плюрализма способствовало дроблению политических сил;

– подписание внутри федеральных договоров индивидуальных договоров о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и субъекта

федерации, что являлось признаком индивидуализации отношений и попыткой обеспечить элитный консенсус.

Кроме этого, с целью фиксации сформировавшейся политической ситуации федеральные власти предложили политическим партиям и движениям (в том числе и региональным) подписать Договор об общественном согласии [9]. В нем содержался призыв достигнуть политической стабильности в обществе на основе соблюдения Конституции, уважения прав и свобод человека, принципов демократического государства, упрочить федеративное устройство, включая национальные отношения, преодолеть социально-экономический кризис и т.д. [Там же].

Эти шаги, с одной стороны, позволили достичь компромисса между центром и регионами, сместив баланс отношений в сторону последних, с другой – узаконили асимметричный характер федерализма, разделив субъекты РФ на неравные группы по объему политических и экономических прав. Такой федерализм некоторые исследователи называют «обособленным регионализмом», приведшим к юридической и экономической раздробленности страны [10.]. Можно выделить следующие факторы, способствующие появлению такого регионализма:

1) «двойственный федерализм», основанный на советской системе этнофедерализма, когда пространственная структура государства формируется одновременно и по национальному, и по территориально-административному принципу;

2) слабость центральной российской власти и существование большого разнообразия типов региональных политических режимов, некоторые из которых принимали все более авторитарные формы;

3) слабость и неразвитость автономного плюрализма в данной общественной системе, понимаемые как незрелость гражданского общества, которая привела к усилению автономии региональных лидеров;

4) появление региональных политико-экономических блоков, представленных различными комбинациями руководителей бывших государственных предприятий, представителей новых деловых кругов, аграрного сектора и сферы малого и среднего предпринимательства [Там же].

К этим факторам, по мнению автора данной статьи, необходимо еще добавить тот факт, что, несмотря на отсутствие в России «естественной среды» для либерализма, все же были проведены реформы, имевшие некую либеральную составляющую. Именно эти особые условия возникновения и развития либерализма в 1990-е гг. определили специфику становления и трансформации федерализма как формы государственного устройства. Поэтому связь федерализма (и одного из его признаков – регионализма) как процесса региональной идентификации и либерализма как политической идеологии прослеживается не только в сходстве идеологических принципов, основанных на свободе действий, приоритете интересов и самостоятельности субъектов. Несмотря на некоторые идеологические различия между либеральными партиями того времени – ДВР, «Яблока» и «Союза правых сил», – их позиции

в принципиальных вопросах государственного строительства совпадали: все три политических объединения выступали сторонниками «небольшого и эффективного государства», децентрализации власти на основе принципов реального федерализма и разделения властей [11, 12]. Это говорит о том, что именно либеральные партии и их сторонники стали главными популяризаторами «истинного» федерализма и регионализма.

Таким образом, в 1990-е гг. Россия пережила первый процесс регионализации, когда на базе единого народнохозяйственного комплекса и однородного государственно-правового пространства возникло 89 субъектов федерации, каждый из которых получил в ведение большую часть экономических объектов, расположенных на его территории, сформировал собственную политическую и правовую систему. В итоге получилась ассиметричная федерация, которая характеризовалась разностатусностью ее субъектов, что в дальнейшем усугубило дисбаланс территориального развития страны. Кроме того, предоставив регионам значительную политическую и экономическую самостоятельность и позволив в ситуации «правового вакуума» самим решать различные политические и социально-экономические вопросы, первый Президент России сформировал модель, при которой центр всегда шел на уступки и делился своими полномочиями в обмен на политическую лояльность региональных элит.

Для стабилизации политической и экономической обстановки и укрепления федерализма в России в 2000-е гг. президенту В.В. Путину необходимо было принимать решения относительно трансформации той модели отношений, которая складывалась на протяжении 1990-х гг., в сторону усиления федерального центра и ослабления региональных элит. Среди этих решений можно отметить следующие:

– создание федеральных округов и введение института полномочных представителей, которые в пределах соответствующего федерального округа обеспечивают реализацию конституционных полномочий главы государства [13]. Полпреды стали своеобразными «контролерами» региональной ситуации;

– введение института федерального вмешательства в регионах, прописанного в федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [14]. Данный закон впервые вводил ответственность органов государственной власти субъектов федерации за нарушение Конституции РФ и федерального законодательства, а также означал демонтаж практики договорных индивидуальных отношений с регионами и введение единого стандарта по созданию органов государственной власти;

– реформа Совета Федерации, которая значительно ограничила возможности губернаторов влиять на федеральное законодательство и «вернула» их обратно в регион. Взамен в качестве совещательных органов были созданы Государственный Совет для глав регионов и Совет законодателей для глав региональных парламентов;

– приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, подразумевавшее восста-

новление единого конституционного пространства и выравнивание статусных различий между субъектами федерации;

– реформа партийной системы, которая поспособствовала укреплению партии власти и фактическому исчезновению региональных партий;

– изменение порядка формирования органов власти, включающее введение так называемого «мягкого назначения» глав регионов и на недолгое время переход к пропорциональной избирательной системе.

В целом данные путинские реформы преследовали цель ослабления региональных элит и концентрации ресурсов в руках Федерального центра, что естественным образом способствовало стабилизации политической и социально-экономической обстановки, а также «выравниванию» статусов субъектов Федерации и наделению их ответственностью за нарушение федерального законодательства. Но, с другой стороны, регионы практически утратили возможности дальнейшего самоопределения, формирования региональной идентичности и принятия релевантных их интересам политических и социально-экономических решений. Такой федерализм некоторыми исследователями называется «управляемым федерализмом» [4], который основан прежде всего на экономической и политической целесообразности.

Отдельного внимания заслуживает реформа по укрупнению регионов, в результате которой шесть автономных округов были включены в другие субъекты РФ. В региональных исследованиях существует четыре доминирующих модели формирования регионов [15. С. 51]:

1) средневропейская модель (регионы формируются в территориальных границах и социокультурных пространствах бывших феодальных земель);

2) североамериканская модель (регионы формировались в процессе заселения и при достижении определенной численности населения);

3) латиноамериканская модель (оформление региональных территорий путем установления границ между бывшими колониями европейских стран);

4) афро-азиатская модель (симбиоз границ бывших колониальных владений с административно-территориальным делением образовавшихся независимых государств).

Если рассматривать историю административно-территориального устройства России, то сформированная модель, возможно, будет синтезом всех представленных. Также стоит учитывать феномен этнофедерализма, который был упомянут выше, поскольку формирование на основании какой-либо титульной нации или нескольких наций является одним из главных принципов формирования федерализма в России и главным «ядром» регионализма.

В настоящее время, помимо официального разделения нашей страны на 85 субъектов, пространство в соответствии с различными стратегическими документами [16] и федеральными законами разделяется на федеральные округа, экономические районы (а также их части внутри каждого региона) и макрорегионы, некоторые из которых не совпадают по границам.

Необходимость «искусственной нарезки» страны на более крупные формирования, чем субъекты федерации, обусловлена различными целями, касающимися национальной безопасности, экономической целесообразности, оптимизации управления и возможности горизонтальной интеграции. Последний процесс подразумевает отсутствие границ и барьеров при решении различных актуальных для нескольких близлежащих регионов вопросов и реализации межрегиональных проектов. В современной России интеграция может складываться разными путями: интеграция «снизу» для преодоления социально-экономической депрессивности и / или лоббирования региональных интересов в федеральном центре (в качестве примера можно привести «Сибирское Соглашение», которое создавалось еще в 1990-е гг., или «Енисейскую Сибирь», которая возникла три года назад) и интеграция «сверху» для укрупнения вертикали власти и институционализации взаимоотношений.

Кроме того, в качестве целей пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. определены обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны [17]. Данные приоритеты указывают на наличие проблем, связанных с фактическим неравенством социально-экономических условий проживания при юридическом равенстве субъектов федерации.

Исходя из этого понимания, автором данной статьи все субъекты РФ были схематично разделены на следующие типы:

– «проблемные регионы» и «регионы особого внимания (геостратегические)», где федеральным центром проводится выравнивающая региональная политика, направленная на снижение социально-экономических диспропорций, устранение дефицитов и защиту национальных интересов в основном за счет межбюджетных трансфертов и принятия специальных территориально-ориентированных решений относительно отдельно взятых групп регионов; региональная власть при этом безынициативна;

– «локомотивы развития» и «опорные регионы», где региональная политика проводится преимущественно федеральным центром и состоит в создании особых условий для диверсификации или развития экономики с учетом, как правило, интересов государства и госкорпораций (производство и переработка сырья); в таких регионах часто возникают региональные конфликты по линии «власть–общество»;

– «регионы – полюса роста», где проводится поляризованная селективная политика, основанная на интересах и конкурентных преимуществах самих регионов. Такие регионы четко осознают свои цели, потребности и возможности и имеют стратегию развития, которая содержит проекты и мероприятия, направленные на устойчивое социально-экономическое развитие и повышение благосостояния жителей. Федеральный центр в этом случае заинтересован в концентрации ресурсов

в этих регионах, в создании территорий особой функциональной ориентации или территорий с особыми режимами хозяйствования и внешнеэкономической деятельности, но при этом региональная политика отдана полностью в руки региональной элиты.

Данные три модели отношений «федеральный центр – регионы» при проведении региональной политики сформировались еще в 1990-е гг., однако тогда и выравнивающая, и поляризованная политика применялись ко всем регионам, а не как сейчас – к отдельным группам регионов. С одной стороны, политика бюджетного выравнивания усугубила социально-экономическую дифференциацию регионов, что повлекло за собой политическую слабость и безынициативность «бедных» регионов, а с другой – политика поляризованного развития заставила регионы конкурировать между собой за ресурсы и федеральные преференции.

В настоящее время в связи с влиянием пандемии анализ региональной политики сводится лишь к экономической составляющей, а именно к обоснованию стабилизационной политики как основного фактора роста экономики, эффективности и повышения производительности труда. Однако те регионы, которые уже добились высокого социального и экономического благополучия, и те регионы, в которых региональная общественность «берет власть в свои руки», меняют свои приоритеты в сторону все большей активизации внутреннего политического развития, основанного уже на иной модели отношений, в чем-то похожей на модель «обособленного регионализма». Именно «регионы – полюса роста», где проводилась поляризованная селективная политика, основанная на интересах и конкурентных преимуществах регионов, с точки зрения либеральной теории способны перезапустить процесс регионализации, остановившийся в середине 2000-х гг.

Решение этих задач предполагает обращение к еще одному феномену – «эндогенному развитию», включающему в себя такие понятия, как «региональный потенциал», «факторы внутренней среды» и «региональная конкурентоспособность». В настоящее время эти термины используются преимущественно в экономической научной литературе, поэтому исследователи связывают феномен «эндогенного развития» с региональными экономическими интересами, уровнем развития региональных социально-экономических институтов и стратегиями социально-экономического развития регионов. Иной – исторический и политологический – взгляд на данные процессы позволит выявить региональные особенности политической (управленческой) модели развития, целевые установки и приоритеты акторов региональной политики, потребность и возможность регионов к повышению субъектности и самоидентификации.

Необходимо принять во внимание также и то, что в настоящее время изменился подход к пониманию термина «регион». В 1990–2000-е гг., исходя из специфики становления федерализма в России, данный термин был тождествен субъекту федерации (административной единице первого порядка). Сейчас значение данного термина существенно усложнилось, и вместо

описания границ конкретной территории он объясняет свойства, функции, деятельность, сущность пространства. Кроме того, термины «регион» и «регионализм» напрямую связаны с феноменом трансграничности как определенного состояния / качества пространства, его экономических, социокультурных либо исторических связей [18], поскольку их интерпретация движется в сторону «размывания» и так называемой «проницаемости» границ [1, 2]. Такой подход не означает, что

речь идет про очередную волну дезинтеграции, напротив, проводимая федеральным центром политика относительно деления пространства страны нацелена на укрупнение и интеграцию регионов, основанные на принципах политической и экономической целесообразности. Это дает шанс возникновению «сильных» макрорегионов, способных на изменение конфигурации взаимоотношений «центр–регионы» в современной России в сторону регионализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
2. Кучинская Т.Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Щипков В.А. Регионализм как идеология глобализма. М.: МГИМО-Университет, 2017. 188 с.
4. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. 792 с.
5. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. СПб.: Университетская книга, 2013. 237 с.
6. Schmitt-Egner P. The concept of “region”: theoretical and methodological notes on its reconstruction // European Integration. 2002. Vol. 24, № 3. P. 179–200.
7. Федеративный договор (Москва, 31 марта 1992 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/> (дата обращения: 10.10.2021).
8. Конституция Российской Федерации: (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Об общественном согласии: договор от 28.04.1994 // Кодификация РФ. URL: <https://rulings.ru/acts/Dogovor-ot-28.04.1994/> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Саква Р. Российский федерализм на перепутье // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1 (50). С. 173–182.
11. Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Liber/olga.html> (дата обращения 15.10.2021).
12. Российский либеральный манифест 2001 г. // Фракция СПС в Государственной Думе: архивный сайт. URL: <http://www.duma-sps.ru> (дата обращения: 15.10.2021).
13. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 (ред. от 04.02.2021) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (дата обращения: 10.10.2021).
14. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 10.10.2021).
15. Доленко Д.В. Территориальное устройство общества и политическая власть: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995. 241 с.
16. Документы стратегического планирования // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения 15.10.2021).
17. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения 15.10.2021).
18. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / науч. ред. П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.

Veronika S. Vorobyeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 63.Oniks@gmail.com

PHENOMENON OF REGIONALISM AND REGIONAL IDENTIFICATION IN RUSSIA IN THE 1990–2000s

Keywords: regionalism, federalism, liberalism, cross-border, region.

The current political situation in the early 1990s in Russia led to the revival of regional interests, the fragmentation of political power and the formation of local identities, which ultimately led to the actualization of a “new” model of relations between the federal center and the regions. The purpose of this research is to identify the main stages and factors in the emergence of such a phenomenon as “regionalism” in the 1990–2000s in Russia. In this article “regionalism” is understood as a process of increasing the region’s subjectness (regional political identification) based on taking into account the needs of interested actors. The term “region” is understood as a subject of the federation.

The article examines two main stages associated with the transformation of center-peripheral relations. The first stage of regionalization took place in the 1990s, when after the collapse of the USSR 89 subjects were formed within the RSFSR, which immediately declared the rights of autonomy. B.N. Yeltsin was forced to make concessions to regional leaders and give them some of the power. These steps, on the one hand, made it possible to reach a compromise between the center and the regions, shifting the balance of relations towards the latter, on the other hand, they legalized the asymmetric sort of federalism, dividing the subjects of the Russian Federation into unequal groups in terms of the volume of political and economic rights. Some researchers call such federalism “isolated regionalism”, which led to the legal and economic fragmentation of the country.

In the 2000s, a new stage in the development of relations along the “Center-region” line began. V.V. Putin’s reforms were mainly aimed at weakening the regional elites and concentrating resources in the hands of the Federal Center, which naturally contributed to the political stabilization and socio-economic situation, as well as to “equalize” the statuses of the subjects of the Federation and make them accountable for violating federal legislation. But, on the other hand, the regions have practically lost the chances for the possibility of further self-determination, the formation of regional identity and the adoption of political and socio-economic decisions relevant to their interests. Some researchers call such federalism “controlled federalism”, which is primarily based on economic and political expediency.

At present, due to the impact of the pandemic, the analysis of regional policy is reduced only to the economic component, namely, to the justification of the stabilization policy as the main factor in economic growth, efficiency and increase in labor productivity. However, those regions that have already achieved high social and economic well-being and those regions in which the regional community “takes

power into their own hands” are changing their priorities towards more and more activation of internal political development, based on a different model of relations, in which It is similar to the model of “detached regionalism”. It is the “regions - growth poles”, where a polarized selective policy based on the interests and competitive advantages of the regions, from the point of view of the liberal theory, is capable of restarting the process of regionalization that stopped in the mid-2000s.

REFERENCES

1. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2
2. Kuchinskaya, T.N. (2011) Cross-border region as a form of socio-cultural space: in search of cognitive model of study. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045> (Accessed: 10th October 2021).
3. Shchipkov, V.A. (2017) *Regionalizm kak ideologiya globalizma* [Regionalism as the ideology of globalism]. Moscow: MGIMO-Universitet.
4. Turovskiy, R.F. (2006) *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. Moscow: HSE.
5. Ionin, L.G. (2013) *Vosstanie men'shinstv* [Revolt of Minorities]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
6. Schmitt-Egner, P. (2002) The Concept of “Region”: Theoretical and Methodological Notes on Its Reconstruction. *European Integration*. 24(3). pp. 179–200. DOI: 10.1080/07036330270152196
7. Russian Federation. (1992) *Federativnyy dogovor (Moskva, 31 marta 1992 g.)* [Treaty of Federation (Moscow, March 31, 1992)]. [Online] Available from: <http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/> (Accessed: 10th October 2021).
8. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: (prinyata vsenar. golosovaniem 12 dek. 1993 g.)* [The Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on December 12, 1993)]. [Online] Available from: <http://constitution.garant.ru/> (Accessed: 10th October 2021).
9. Russian Federation. (1994) *Ob obshchestvennom soglasii: dogovor ot 28.04.1994* [On public consent: agreement of April 28, 1994]. [Online] Available from: <https://rulings.ru/acts/Dogovor-ot-28.04.1994/> (Accessed: 10th October 2021).
10. Sakwa, R. (2005) Rossiyskiy federalizm na pereput'e [Russian federalism at a crossroads]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 1(50). pp. 173–182.
11. Malinova, O.Yu. (n.d.) *Liberalizm v politicheskom spektre Rossii* [Liberalism in the Russian political spectrum]. [Online] Available from: <http://www.yabloko.ru/Publ/Liber/olga.html> (Accessed: 15th October 2021).
12. SPS in the State Duma. (2001) *Rossiyskiy liberal'nyy manifest 2001 g.* [Russian Liberal Manifesto 2001]. [Online] Available from: <http://www.duma-sps.ru> (Accessed: 15th October 2021).
13. Russian Federation. (2000) *O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v federal'nom okruge: ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2000 № 849 (red. ot 04.02.2021)* [On the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: Decree No. 849 of the President of the Russian Federation of May 13, .2000 (as amended on February 4, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (Accessed: 10th October 2021).
14. Russian Federation. (1999) *Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ* [On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law No. 184-FZ of October 6, 1999]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (Accessed: 10th October 2021).
15. Dolenko, D.V. (1995) *Territorial'noe ustroystvo obshchestva i politicheskaya vlast'* [Territorial structure of society and political power]. Politology Dr. Diss. Moscow.
16. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (n.d.) *Dokumenty strategicheskogo planirovaniya* [Strategic planning documents]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (Accessed: 15th October 10.2021).
17. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (n.d.) *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (Accessed: 15th October 10.2021).
18. Baklanov, P.Ya. & Shinkovskiy, M.Yu. (eds) (2010) *Transgranichnyy region: ponyatie, sushchnost', forma* [Transboundary Region: Concept, Essence, Form]. Vladivostok: Dal'nauka.

УДК 687.1

DOI: 10.17223/19988613/74/4

Д.И. Гангур, Н.А. Гангур

ДОМА МОДЕЛЕЙ И ТРЕНДЫ СОВЕТСКОЙ МОДЫ 1950–1970-х гг.: ОБЩЕРОССИЙСКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

На основе широкого круга архивных источников рассматривается деятельность советских домов моделей в аспекте их влияния на формирование основных трендов социалистической моды. Проанализированы особенности советской моды, структура и функции ведомственной системы моделирования одежды. Выделяются такие направления работы домов моделей, как перспективное / ансамблевое моделирование, разработка ассортимента детской и производственной одежды, использование народных мотивов, пропаганда моды.

Ключевые слова: советская / социалистическая мода, моделирующие организации предприятий, моделирование одежды, дома моделей одежды.

В последние годы в обществе все более возрастает интерес к советскому периоду истории России, о чем свидетельствуют не только научные публикации, но и масштабные музейно-выставочные / архивные историко-документальные проекты («Страна мечтателей – страна героев», «Советская эпоха: между утопией и реальностью», 2021; «Лидеры советской эпохи», 2016–2020 и др.). Одним из традиционно дискуссионных вопросов остается история такого сложного по своей природе, многогранного феномена, как советская / социалистическая мода. Анализ значительного корпуса архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволил выявить ряд внутрисистемных аспектов функционирования отечественной модной индустрии, выделив внутри предметного поля моделирующие организации и рассмотрев их деятельность в русле основных трендов советской моды.

Многие исследователи, обращавшиеся к данной проблематике, рассматривали лишь внешние, ярко выраженные грани этого феномена, в то время как глубинные латентные процессы, дающие ключ к пониманию закономерностей функционирования советской системы моделирования и производства одежды, остаются малоизученными. Внимание ряда отечественных и зарубежных авторов в большей степени фокусируется на советской моде периода «оттепели», творчестве ведущих советских модельеров, потребительских практиках и др. В этом аспекте представляют научный интерес публикации И.В. Виниченко, А.В. Хмелевского, И.А. Андреевой, А.А. Щипакиной, В.М. Зайцева [1–5]. Ряд авторов, например Л.В. Захарова, О.Б. Вайнштейн, А.М. Тихомирова и др., изучают советскую моду с позиции истории повседневности [6–8]. Из числа зарубежных исследователей выделяется труд Дж. Бартлетт, исследовавшей феномен социалистической моды на обширном материале, преимущественно восточно-европейского происхождения [9]. Фундаментальным подходом к освещению в диахронии процесса формирования / функционирования советской моды, как и системы моделирования одежды, выделяются монографии С. Журавлева и Ю. Гронова [10, 11].

В данной статье авторы ставят своей целью на основе архивных документов и диахронно-компаративного анализа рассмотреть круг вопросов, связанных с теоретическими и прикладными аспектами функционирования ведущих моделирующих организаций системы Минлегпрома в контексте основных трендов развития советской моды.

В исследовательской оптике оказывается деятельность главных моделирующих организаций, таких как Общесоюзный дом моделей, Московский дом моделей трикотажных изделий (с 1966 г. – Всесоюзный дом моделей). Ленинградский дом моделей, привлекаются материалы и по Ростовскому-на-Дону дому моделей. В основу работы положен большой корпус неопубликованных архивных документов, выявленных в фондах центральных и региональных архивов. Дополнительным источником послужили материалы ведомственного журнала «Швейная промышленность».

На рубеже 1950–1960-х гг. происходит легитимация феномена моды в СССР, прежде позиционировавшейся как пережиток буржуазного строя и иррациональное излишество. Взятый руководством страны курс на формирование «нового культурного человека» предполагал значительные качественные изменения в образовании и просвещении трудящихся. Одним из направлений реализации данной политики явились учреждение советских институтов моды и воспитание хорошего вкуса у граждан. Именно в этот период складывается несколько параллельных ведомственных систем моделирования одежды в легкой, местной промышленности, торговле и др.

Советское руководство попыталась придать нарождающейся модной индустрии централизованный системный характер, подчинив ее общим принципам плановой экономики. Основой этой системы стала сформированная в послевоенный период сеть профессиональных моделирующих организаций – домов моделей. К 1949 г. в системе Минлегпрома СССР создается 12 республиканских и областных домов моделей в Ленинграде, Киеве, Минске и Риге во главе с Общесоюзным домом моделей одежды (ОДМО) в Москве [10. С. 94; 12. С. 5]. Последний обеспечивал моделями

и технической документацией швейные предприятия Москвы и Московской области, а с 1959 г. по решению Совета Министров РСФСР поставлял модели на швейные фабрики других регионов республики. С 1969 г. на ОДМО возлагается роль методического центра, руководившего деятельностью моделирующих организаций Союза по вопросам моделирования и конструирования, оказания практической помощи домам моделей, разработке методических материалов, рекомендаций и т.д. [13. Л. 10; 14. Л. 14–15].

Основное внимание художники ОДМО уделяли разработке моделей нового ассортимента из новых тканей и созданию образцов, отвечающих требованиям массового производства в соответствии с направлением моды, принятым на совещании рабочей группы по вопросам культуры одежды (СЭВ), всесоюзных и республиканских методических совещаниях домов моделей. В сфере трикотажной промышленности аналогичные функции делегировались Московскому дому моделей трикотажных изделий Государственного комитета по легкой промышленности при Госплане СССР (с 1966 г. – ВДМТИ) [13. Л. 16; 15. Л. 1, 17; 16. Л. 2–3; 17. Л. 33].

Столичные дома моделей ежегодно проводили совещания с представителями фабрик и организаций Советского Союза, совнархозов и местной промышленности, собиравшие значительное число участников. На них рассматривался широкий спектр вопросов: направление моделирования на предстоящий сезон, год, обзоры зарубежной моды, достижения советской моды (выставки) в мире и т.п., а также демонстрировались коллекции новых моделей. Не только стационарные, но и выездные показы перспективных коллекций одежды, в том числе и на кустовых совещаниях, обеспечивали моделирующим организациям заказы от предприятий / ателье / лабораторий большинства совнархозов и управлений местной промышленности исполкомов различных экономических районов СССР. Работа домов моделей выстраивалась в направлении от разработки новой модели до ее внедрения в производство [15. Л. 1–3, 16. Л. 3].

На примере Ростовского дома моделей одежды (РДМ), в зоне влияния которого находились швейные фабрики Северного Кавказа и некоторых других районов, видно, что функционал региональных домов моделей во многом был идентичен центральным домам: разработка новых фасонов одежды для массового / индивидуального пошива; внедрение их в серийное производство и обеспечение сменяемости ассортимента подконтрольными фабриками; оказание технической помощи в моделировании фабрично-заводским лабораториям; авторский надзор. Кроме того, РДМ отвечал за пропаганду советской моды и культуры одежды в целом [18. Л. 20; 19. Л. 47; 20].

Организация Домов моделей на рубеже 1940–1950-х гг. является практической реализацией концепции «советской моды», под влиянием которой находилось моделирование в СССР и в последующее время. К концу 1950-х гг. в стране был решен вопрос с удовлетворением базовых потребностей населения в одежде и питании. Росло материальное благосостояние советских граждан, вместе с этим трансформировалась и

потребительская психология. Вследствие активных урбанизационных процессов получают развитие две противоречивые тенденции в обществе – стремление к социальному конформизму и дифференциации, наглядным проявлением чего является мода. Она позволяет, с одной стороны, «быть как все», соответствуя актуальным модным трендам, с другой – демонстрировать свою индивидуальность [21]. В начале 1960-х гг. отношение к одежде у советских граждан все более отчетливо претерпевает изменения. На смену функционально-рациональному постепенно приходят эмоционально-эстетическое восприятие, соображения престижности. В частности, гардероб становится маркером социального статуса владельца, способом его самоидентификации [11]. В одном из отчетов, написанных под впечатлением от посещения международного фестиваля моды, проходившего в курортном городке Трогир в Югославии (Модефест, 1975), специалисты ОДМО отметили в качестве предложения, что «из плащевой ткани можно выполнять не только плащи, но и модные накидки, пальто, юбки и жакеты, что улучшит ассортимент и создаст на улицах города разнообразие, удовлетворив растущую потребность населения в модной одежде» [22. Л. 45].

Для понимания специфики работы моделирующих организаций необходимо остановиться на основных характеристиках и «трендах» советской / социалистической моды. Синтезируя лучшие достижения отечественного и зарубежного моделирования, опираясь на опыт первых послереволюционных десятилетий, советская мода делает одним из своих ведущих трендов «народность». Главной особенностью, источником социалистической моды декларировались широкое использование народных мотивов, обновление народной формы и ее адаптация к современной моде / жизни. Моделирование одежды по народным мотивам становится одним из направлений деятельности многих домов моды, в том числе и региональных [23].

Популярность этнографической темы в советской моде отмечается еще в творчестве первых русских / советских модельеров – Н. Ламановой, Е. Прибыльской и др. [9]. В рассматриваемый период «этнографизм» по-прежнему не утратил своей актуальности, причем зачастую художники чрезмерно увлекались цитированием народных мотивов, усложняя конструкцию и отделку моделей. Так, по результатам просмотра ассортимента на весенне-летний сезон 1952 г., состоявшегося на совещании работников промышленности и торговли при РДМ, в адрес последнего были высказаны замечания производственников: «Дом моделей увлекается разработкой моделей по народным мотивам, а для массового пошива выпускает моделей недостаточно» [18. Л. 15]. В свою очередь, художественный руководитель Дома моделей сделала отсылку к приказу министра легкой промышленности А.Н. Косыгина, обязывавшему разрабатывать до 40% моделей с вышивкой и отделкой. «Но фабрики или отказываются от таких моделей, или не применяют вышивки, меняют наши модели» [Там же. Л. 16].

Художники Московского дома моделей трикотажных изделий разрабатывали альбомы с вышивками не

только для белья, но и для верхнего трикотажа. Всплеск моды на вышивку, стойко удерживавшийся примерно в течение двух десятилетий, в начале 1970-х гг. заметно ослабевает. Дома моделей стали отказываться от приоритета этого направления несмотря на то, что на некоторых фабриках уже были созданы и функционировали специализированные цеха. Однако покупательский спрос на модели с этим видом отделки постоянно снижался. РДМ разрабатывал в небольшом количестве (до 15 штук ежегодно) модели повышенной сложности, применяя для отделки мех и вышивку. В конце 1950-х гг. вышивку потеснило кружево, и РДМ наладил взаимодействие с предприятиями города Елец для работы над новой отделкой платьев и костюмов из плетеного на коклюшках елецкого кружева [15. Л. 3; 19. Л. 47; 24. Л. 2; 25. Л. 60; 26. Л. 7].

Один из вопросов XVI Методического совещания модельеров и конструкторов домов моделей, состоявшегося в конце января 1961 г. в ОДМО, был посвящен характеру применения / интерпретации национальных традиций в моделировании современной одежды для массового производства. «Можно поприветствовать стремление домов моделей использовать в моделях национальные традиции, эту работу следует продолжать и в дальнейшем. Но введение народных мотивов в крой или отделку не должно нарушать современный характер одежды. Этим самым исключаются многодельные дорогие отделки и вышивки, неприемлемые в условиях массового производства», – отмечалось в протоколе совещания. Однако наряду с положительными моментами в художественной практике ряда домов моделей наблюдалось увлечение «этнографизмом», выражавшееся в транспонировании народного орнамента в современную форму. В ходе дискуссии были признаны целесообразными применение национальных мотивов в тканях и их использование при разработке как моделей, так и аксессуаров. «Очень ценной следует считать работу домов моделей по освоению украшений производства народных промыслов (которую, собственно, и начал РДМ). Эта работа уже дала хорошие результаты и ее следует продолжить» [27. Л. 51]. Итогом совещания стала выработка рекомендаций о необходимости сочетания национальных мотивов с необходимым утилитарным назначением вещей, избегая этнографии, широкого применения тканей с национальным орнаментом (в том ассортименте, где они наиболее подходят), национальных украшений и аксессуаров (плетеных кружев и др.) [Там же. Л. 52].

Художники Ленинградского дома моделей использовали яркие хлопчатобумажные орнаментированные ткани при создании, в частности, женских моделей для отдыха в коллекции «Мода 1971 года» (сарафаны из ивановского ситца). ЛДМ прославился оригинальными моделями из вологодских кружев. «Все о них говорят, все хотели их видеть, показать народу», – с восторгом высказалась член Союза художников А.А. Ленорская на заседании Большого художественного совета в ЛДМ по просмотру ансамблей одежды в марте 1970 г. [28. Л. 213, 221]. Дом моделей установил тесное сотрудничество с Вологодским объединением «Снежинка» еще в начале 1960-х гг., получая в широком ассортименте

рисунки вологодских кружев, выполненных из различных материалов. Вологодские кружева нашли применение при моделировании одежды и рекомендовались для использования швейным предприятиям. По заказу ЛДМ объединение выполняло также кружевные фигаро, косынки, галстуки, перчатки и др. В середине 1960-х гг. моделирующая организация наладила взаимодействие и с кружевной фабрикой «Новый мир» в г. Переславле. Из гипюрового полотна и шитья этой фабрики дом моделей создал направляющую коллекцию 1967/1968 гг. и коллекцию моделей одежды для советской торгово-промышленной выставки в японском городе Осака (1966). В этот период ЛДМ большое внимание при моделировании уделял именно отделке, применяя ручную и машинную вышивку, бисер, стеклярус, парчу, тесьму, цветы, мех, кожу, рюши, сборки, отделочные ткани и др. Для создания коллекции в русском национальном стиле, с успехом демонстрировавшейся на торгово-промышленной выставке в Японии, художники ЛДМ провели совместную творческую работу со специалистами смежных предприятий Ленинграда и других городов Советского Союза – текстильных, кружевных, петельно-басонных, фетробоувных и др. Фабрика «Хохломская роспись» для ансамблевой коллекции в русском стиле представила ожерелья, браслеты, пояса, пуговицы; завод ювелирной галантереи изготовил для вышивки нарядных моделей большое количество цветных блестящих камней в оправе и т.д. [29. Л. 148–150].

В 1970-е гг. фольклорное направление в моделировании по-прежнему оставалось актуальным и перспективным. Художники-модельеры с целью повышения квалификации и изучения народного костюма, прикладного искусства ежегодно выезжали в творческие командировки по маршрутам, разработанным Всесоюзным институтом ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды (ВИАлегпром) и утвержденным Министерством легкой промышленности РСФСР. Эта практика признавалась необходимой и весьма плодотворной. По мотивам русской старинной архитектуры, народного прикладного искусства, художественных промыслов специалисты создавали модели «в интерпретации современных требований» [28. Л. 218; 30. Л. 11].

Другие качественные характеристики, которые должны были отличать «советскую моду» от западной, – демократизм, массовость, бессословность, общедоступность. В начале 1960-х гг. основными оценочными критериями швейных изделий массового производства выступают простота форм, удобство, практичность и элегантность. В это же время поиск собственного направления моделирования еще не обрел своего «лица». Творческие группы моделирующих организаций только «нащупывали» свой стиль, их модели не отличались оригинальностью, склоняясь к повторению уже найденных решений либо к подражанию «западным образцам». Стимулирующим фактором выступали конгрессы мод стран социалистического лагеря, становясь своеобразным импульсом в определении собственного направления в моделировании и линии моды на очередной год [31].

«Советская мода» должна была опираться на научный базис (законы развития моды), аккумулировать лучший опыт мировой моды и интегрировать новейшие разработки и достижения в области моделирования. В условиях плановой экономики особенно актуальной становилась разработка перспективного моделирования, что вылилось в одно из устойчивых направлений работы домов моды – создание так называемых направляющих коллекций. Направление моды в СССР утверждалось Всесоюзным методическим совещанием художников-модельеров и конструкторов домов моделей, основываясь на творческих предложениях художников различных отраслей текстильной и легкой промышленности, разрабатывалось по принципам советского декоративно-прикладного искусства с учетом экономической базы страны и развития международной моды. Модели создавались на основе антропометрических данных, в соответствии с географическими и национальными особенностями республик Советского Союза, традициями и вкусами населения [17. Л. 24].

В середине 1970-х гг. всесоюзные дома моделей при создании нового направления в моде (с опережением на два года) учитывали перспективные предложения зарубежных фирм стран-участниц СЭВ, передовых предприятий страны, спрос покупателей, пожелания торгующих организаций, предложения по ассортименту ВИАлегпрома. Теоретическое обоснование моды, на основании которого создавалась перспективная направляющая коллекция, сопровождаемое иллюстративным рядом (силуэты, эскизы, рисунки полотен), представлялось на обсуждение Эстетической комиссии по вопросам моды и культуры одежды Научно-технического совета Минлегпрома СССР. На основании перспективной коллекции, утверждаемой Эстетической комиссией, разрабатывалась модная промышленная коллекция изделий в ассортименте.

Теоретическое обоснование, направляющая и промышленные коллекции доводились до всех моделирующих организаций и предприятий страны на всесоюзных и кустовых методических семинарах, совещаниях, художественно-технических советах, ярмарках и т.д., а также через брошюры, ежегодно издаваемые всесоюзными домами моделей. Другими каналами распространения и доведения до моделирующих организаций, предприятий теоретического обоснования нового модного направления были материалы Эстетической комиссии, брошюры ВИАлегпрома, статьи в журналах и т.п. Кроме пропаганды и внедрения в производство модного направления МДМ / ВДМТИ и ОДМО проводили значительную работу с моделирующими организациями и базовыми предприятиями, занимавшимися перспективным моделированием, разрабатывая и рассылая им специальные темы-задания по актуальным вопросам, стоявшим перед промышленностью, для просмотра на соответствующих методических семинарах. ОДМО осуществлял методическое руководство направлением в моделировании посредством проведения всесоюзных методических совещаний для творческих работников домов моделей и моделирующих организаций страны, привлекая специалистов из ВИАлегпрома, Центрального научно-исследовательского института

швейной промышленности (ЦНИИШвейпром). ОДМО разрабатывал и рассылал различные методические рекомендации (доклады, новое направление моды, сборники переводов зарубежных журналов мод и т.д.) для практического использования домам моделей, экспериментальным цехам швейных предприятий [13. Л. 11, 24–25; 32. Л. 7–8].

Еще один принцип, связанный с перспективами развития «советской моды», ставший одним из ее «трендов» с начала 1950-х гг., – ансамблевое моделирование, заключавшееся в создании единой концепции костюма, соподчиненности и гармонизации всех его составных частей, или компонентов (костюм, обувь, головные уборы, украшения и др.). Это потребовало усиления взаимодействия между творческими организациями ОДМО, ВДМТИ, ЦНИИШвейпрома, ВИАлегпрома (отделами перспективного моделирования) по созданию ансамблей одежды [13. Л. 11; 24. Л. 5, 8]. Такой подход должен был продемонстрировать преимущества централизованной социалистической экономики, в то время как в мировой практике реализация его была связана со значительными трудностями финансово-организационного характера. В середине 1940-х гг. ансамблевое моделирование декларировалось как «новое начало в моделировании», связанное с «поиском выразительности образа и его индивидуального оформления» [10. С. 103]. Однако важна и другая сторона медали, открывающаяся при сравнительном анализе системы моделирования и внедрения моделей в производство на предприятиях стран СЭВ. Так национальное предприятие – швейное объединение им. капитана Яна Налепки в г. Прешов (ЧССР) с численностью 5 240 работников в 1970-е гг. выпускало около 100 наименований изделий на сумму более 600 млн крон в оптовых ценах. 45% всей продукции экспортировалось в социалистические и капиталистические страны. Применяемый на предприятиях объединения метод разработки моделей и конструкций одежды сокращал сроки от создания модели до внедрения ее в производство и составлял 4–5 месяцев благодаря тому, что все вопросы, связанные с разработкой моделей, конструкций, технической документацией, решались непосредственно на объединении [22. Л. 73–75].

С начала 1950-х гг. СССР становится участником ежегодных международных конкурсов одежды, проводимых среди стран соцлагеря. К созданию демонстрационных коллекций привлекались не только столичные моделирующие организации, но и региональные дома моделей. В 1960 г. Ростовскому дому моделей наряду с Новосибирским, Свердловским и Горьковским ДМ было поручено участвовать в подготовке коллекции мужской, женской и детской одежды для показа на стендах Международной ярмарки в Будапеште в мае 1961 г. РДМ должен был подготовить группу моделей в количестве пяти единиц (экспонатов). В письме директора ВИАлегпрома Хазан-Андревой особо оговаривалось, что «модели должны отражать высокий уровень моделирования одежды в СССР и представляться в ансамбле с головными уборами, обувью, трикотажем, перчатками, сумками и другими

дополнениями к одежде» (с учетом сезонности коллекции) [27. Л. 7, 17].

Работа модельеров в направлении создания «советской моды» рассматривалась как важное средство пропаганды и воспитания у советских граждан хорошего вкуса. Поэтому сформулированная в середине 1940-х гг. «задача научить различные слои населения искусству одеваться» [10. С. 103] определила культурнический вектор деятельности всех домов моделей. «Взрывной» характер развития деятельности по активному продвижению советской / социалистической моды среди населения приходится на начало 1960-х гг. Привитие определенных эстетических ориентиров осуществлялось всеми доступными способами: организацией показов мод, сопровождавшихся чтением лекций о культуре одежды и трендах моды сезона, выпуском тематических журналов, через СМИ и т.д.

Основными «культуртрегерами» в этом процессе являлись дома моделей в рамках своих уставных задач. РДМ открыл постоянно действующий выставочный зал, в котором проводились демонстрации моделей с информацией о направлениях моды. В 1964 г. было проведено 147 сеансов, в 1970 г. – 80, в 1978 г. – 141. Показы организовывались и на различных площадках города: в домах культуры, парках, на предприятиях, в учебных заведениях, в других населенных пунктах области. Выездные мероприятия проходили в городах Ставрополе, Орджоникидзе, Краснодаре. Демонстрация той или иной коллекции обычно сопровождалась комментариями искусствоведа, читались лекции на темы: «Мода и культура одежды», «Новое в моде», «Как красиво и со вкусом одеваться», «Одежда для полных женщин», «Как одевать детей», «Эстетика производственной одежды», «Отделка легкого женского платья и подбор украшений» и т.д. [19. Л. 44; 33. Л. 82; 34. Л. 44; 35. Л. 22; 36. Л. 29].

Специалисты проводили тематические и покупательские конференции, организовывали выставки-показы, выставки-продажи с использованием широкой рекламы через телевидение, радио, прессу. В 1970-е гг. в практику работы РДМ с торговыми организациями входит демонстрация изделий, находившихся в продаже, непосредственно в магазинах, как и моделей направляющей коллекции. Со второй половины 1950-х гг. дом моделей издавал собственное модное периодическое издание – «Журнал мод», выходящий три раза в год. В 1960 г. тиражом 75 тыс. экземпляров вышел альбом «Модели одежды», подготовленный РДМ [26. Л. 7; 36. Л. 29].

Позднее, с середины 1960-х гг., в процесс популяризации советской моды стала широко вовлекаться и промышленность, осуществлявшая эту функцию в рамках продвижения своей продукции. Фабрики, производственные объединения открывали фирменные магазины с демонстрационными залами, на базе которых проходили показы коллекций, покупательские конференции и тематические лекции, организовывали выездные мероприятия в районные центры и на крупные предприятия. В 1978 г. Краснодарское производственное швейное объединение открыло собственный магазин в краевом центре. В течение 1979 г. на его базе

было проведено 7 выставок-продаж и 9 демонстраций коллекций, 5 покупательских конференций [19. Л. 47; 37. Л. 100–101; 38. Л. 2–4].

Вопрос о том, насколько значительное влияние модельеры оказывали на формирование модных предпочтений у различных категорий населения, остается открытым. Однако была еще одна заинтересованная сторона – торговля, наделенная правом изучать покупательский спрос и формировать «заказы» для легкой промышленности на определенные виды изделий. Представители торгующих организаций являлись постоянными участниками больших художественных советов / просмотров / показов / конференций / ярмарок и фактически определяли ассортиментную политику швейной промышленности.

Примечательно, что диктат торговли в ряде случаев становился непреодолимым барьером для новаций. Нередко недальновидность, консерватизм представителей торговых структур перекрывали дорогу в массовое производство многим перспективным разработкам модельеров. Изделия, высоко оцениваемые на международных, союзных и республиканских показах и фестивалях мод, художественных советах, не заказывались торговлей «из-за боязни нового» [39. Л. 45; 40].

Впрочем, эти опасения не были беспочвенными. Многие «творения» художников, которые даже с позиций современного восприятия выглядят весьма смело и экстравагантно, могли быть неоднозначно восприняты обществом с учетом того, что советские граждане воспитывались на принципах строителей коммунизма, в частности в простоте и скромности в общественной и личной жизни. Еще до «оттепели» советская пропаганда сформировала устойчивый и регулярно воспроизводимый сатирический облик модника («стиляги») [5. С. 324; 41. С. 314–315]. Как итог многие советские граждане, в том числе и молодежь, не решались экспериментировать в одежде, опасаясь стать объектами общественного порицания. Известный специалист в области дизайна костюма И.А. Андреева вспоминала, что в молодости, пришедшейся на 1950–1960-е гг., она неоднократно становилась жертвой подобных нападков, надевая даже «дозволенные» официальной модой того периода вещи [3].

В СССР с конца 1950-х гг. выделяется в самостоятельное направление моделирование специальной и рабочей одежды. Рекомендации специалистов НОТ и проведенные исследования, выявившие опосредованную зависимость между правильно подобранной, эстетичной и удобной рабочей одеждой и результатами труда работника, заставили обратить внимание и на эту область моделирования. Различные аспекты производственной одежды (производство, технология изготовления, ассортимент) получили отражение в приказе министра легкой промышленности РСФСР от 27 марта 1957 г. [42. Л. 125]. В том же году на коллегии Министерства торговли СССР отмечается неудовлетворительное состояние производства и торговли рабочей одеждой, выработавшейся в узком ассортименте и недостаточном количестве «по плохо подобраным моделям» [Там же. Л. 256–257]. Выход распоряжения Совета Министров РСФСР от 7 июня 1960 г. «О раз-

работке новых моделей рабочей одежды» приводит к значительному увеличению выпуска специальной, рабочей одежды. Вопросы ассортимента изделий, недостающих в промышленности (спецодежды для работников сельского хозяйства и т.д.), обсуждались и на ежегодных методических совещаниях модельеров и конструкторов Домов моделей, проходивших в ОДМО. Производственную одежду активно разрабатывали Ленинградский и Общесоюзный дома моделей [27. Л. 45, 47; 31. С. 2].

Важным направлением деятельности моделирующих организаций в СССР, на которое обращалось особое внимание, была детская одежда. К данной категории относили швейные изделия для возрастной группы от 2 до 16 лет: ясельная, детская, подростковая (дошкольная / школьная). Детский ассортимент традиционно был «неудобным» вопросом для промышленности: он требовал особого подхода в моделировании и конструировании и был малопривлекателен с точки зрения экономической эффективности (государство проводило политику по искусственному занижению стоимости данной категории изделий). В послевоенный период предприятия выпускали детскую одежду низкого качества, устаревших фасонов, из тканей бледных или темных расцветок. Зачастую она представляла собой уменьшенные копии одежды для взрослых, причем иногда предметы верхней одежды для мальчиков и девочек даже не отличались друг от друга. Слабо развивалось ансамблевое моделирование. Показательно, что на XII Международном конгрессе моды в Берлине (1961) модели детской одежды, представленные СССР, уступали коллекциям из других стран (ГДР, Чехословакия) [10; 31. С. 3].

В конце 1950-х гг. в стране инициируется кампания по наращиванию объемов производства детских изделий, расширению их ассортимента и улучшению качества. Эти вопросы берутся под особый контроль государственным руководством (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 15 марта 1958 г. «Об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества детской одежды и обуви»). Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 апреля 1958 г. был утвержден ряд мероприятий по улучшению качества и расширению ассортимента детских изделий. Несколько домам моделей в 1958 г. была поручена разработка моделей детской одежды и установлена определенная квота: Общесоюзному / Московскому – 500, Ленинградскому – 350, Горьковскому, Новосибирскому, Свердловскому – по 160 моделей каждому, Ростовскому – 150. Семилетний план развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. предусматривал двукратное увеличение производства одежды для детей. В дальнейшем был опубликован еще ряд различных правовых актов по данному вопросу [2; 43; 44; 45. Л. 1–3; 46. Л. 216].

Как и в случае со взрослым ассортиментом, ведущая роль в разработке детских изделий отводилась домам моделей, которым устанавливались соответствующие плановые задания. До начала 1950-х гг. в моделирующих организациях детский и взрослый ассортимент, как правило, разрабатывали одни и те же специалисты,

причем часто не имевшие необходимой квалификации. Такая ситуация наблюдалась даже в ведущих домах моделей. В некоторых из них с этой целью создавались специальные группы конструкторов-модельеров. В ОДМО в 1952 г. организован самостоятельный участок детской одежды, обрабатывавший заказы специализированных фабрик [5. С. 322]. В РДМ работа в этом направлении велась с начала 1950-х гг., о чем свидетельствуют эскизы, отложившиеся в фондах Государственного архива Ростовской области.

Проблемой детского ассортимента занимались и научные организации. В 1961–1962 гг. ЦНИИшвейпром разработал и способствовал внедрению в промышленность единой методики конструирования одежды, позволявшей учитывать анатомические особенности потребителей различных возрастов и комплекций, что способствовало повышению качества работы моделирующих структур. В 1964 г. РДМ представил на методическое совещание по детской одежде в Москве 25 моделей детской одежды по разным темам, из них 19 комплектов было включено во всесоюзную промышленную коллекцию на предстоящий сезон. Методическое совещание отметило значительный рост эстетического уровня моделей детской одежды, продемонстрированных ростовскими специалистами [33. Л. 82].

В целом уже в начале 1960-х гг. темпы роста производства детской одежды значительно превысили соответствующие показатели по одежде для взрослых. Количество ежегодно внедряемых в производство моделей детского ассортимента стало одним из отчетных показателей для швейных предприятий. По ведомственной документации видно, что они составляли до половины общей номенклатуры выпускавшихся изделий. В эти же годы ОДМО для улучшения качества моделей и расширения ассортимента проводил методические совещания специалистов домов моделей по детской одежде, положив в основу новый принцип (по ассортименту), с приглашением широкого круга специалистов швейных предприятий и работников торговли, воспитателей и педагогов начальных школ, детских учреждений, врачей и др. [13. Л. 21–22, 25].

В начале 1960-х гг. фабрики Краснодарского края выпускали детский ассортимент по образцам Ростовского, Киевского и Общесоюзного домов моделей. Многие крупные и средние швейные фабрики вели собственные разработки в этом направлении. В 1950–1960-е гг. большинство швейных предприятий производило одновременно и взрослую, и детскую одежду, а некоторые специализировались на выпуске предметов только детского гардероба. В РСФСР одним из «пионеров» стала московская фирма «Юность» Мособлсовнархоза. Лидирующие позиции по производству мужских и детских сорочек в республике долгое время удерживало производственное объединение «Москва» [47. Л. 5; 48. Л. 82].

Ключевыми особенностями детской моды в СССР являлись стремление к простоте форм, элегантности, использование практичных и недорогих тканей ярких расцветок, отделка вышивкой, аппликацией, сутажом, тесьмой. Несмотря на признаваемые даже на международном уровне достижения советских художников,

проблема ненормированного снабжения сырьем фабрик, являвшаяся «бичом» советской швейной индустрии на протяжении всего рассматриваемого периода, зачастую полностью нивелировала их усилия [48. Л. 19–21]. Множество документов 1950–1970-х гг., материалы периодики, воспоминания современников свидетельствуют о том, что на прилавки магазинов продолжала поступать в больших количествах детская одежда с низкими потребительскими свойствами, в то время как все модели, выпускавшиеся, например, национальным предприятием в г. Прешов, имели высокий художественно-эстетический уровень и пользовались хорошим покупательским спросом. По оценке советских специалистов, «модели одежды самые разнообразные по форме, покрою, материалам и отделке, очень много красочных, жизнерадостных цветов в детской и молодежной одежде», причем на модели и массовую продукцию применялись самые современные материалы и отделки [22. Л. 75].

Серьезная теоретическая разработка вопросов моды в СССР и созданная для этого научная и производственная база на практике не давали ожидаемого эффекта. Создание сети региональных домов моделей на рубеже 1940/1950-х гг. не было подкреплено кадровыми ресурсами, длительное время отсутствовала отлаженная система координации и методического сопровождения их деятельности. Весьма показательны в этом отношении высказывание директора Куйбышевского дома моделей на совещании работников Росглашвейпрома, конторы «Росторгодежда» и работников швейной промышленности предприятий Средней Волги и Урала (Куйбышев, 15–16 июля 1966 г.): «Министерство считает, что Дом моделей должен стать техническим центром по швейным изделиям в части новых направлений моды... желательно, чтобы наш Дом моделей укрепили специалистами, хорошими модельерами, имеющими высшее образование. Так как теперь ставится задача, чтобы вещи были художественными, нужно и иметь настоящих художников» [48. Л. 75–76]. В худшем положении находились моделирующие структуры швейных предприятий.

Сохранявшаяся многие годы проблема неукомплектованности квалифицированными кадрами региональных домов моделей приводила к существенному отставанию уровня моделирования и конструирования в сравнении с признанными лидерами индустрии – Общесоюзным, Московским, Ленинградским, Киевским, Рижским и другими домами. С целью их поддержки отраслевому руководству приходилось лимитировать количество заказываемых фабриками в сторонних домах моделей образцов, однако на практике это требование нередко игнорировалось, что видно на примере швейной промышленности Краснодарского края. В документах 1950–1960-х гг. представители фабрик регулярно жаловались на низкое качество и несвоевременность предоставления Ростовским домом моделей технической документации, наличие в предлагаемом ассортименте значительного количества моделей устаревших конструкций и фасонов, увлечение разработками, которые в силу сложности кроя, дефицитности применяемой фурнитуры, тканей не подходили

для условий массового производства [18. Л. 22; 50. Л. 12–15; 51. Л. 93].

Системный характер носила проблема длительных сроков выполнения домами моделей заказов и отсутствия технической помощи промышленным предприятиям. Например, в середине 1960-х гг. Московский дом моделей критиковали за медленное внедрение в массовое производство разработанных им новых моделей ввиду отсутствия должного сопровождения этого процесса с его стороны, вследствие чего многие разработки оставались неиспользованными (до 50%) [24. Л. 4–5].

Неудовлетворенность промышленности работой профессиональных моделирующих организаций стимулировала развитие фабричного моделирования в экспериментальных цехах, лабораториях при предприятиях и производственных объединениях. Изначальной задачей этих структур была адаптация приобретаемых в домах моделей образцов для крупносерийного производства. Однако уже с первой половины 1960-х гг., благодаря укреплению квалифицированными кадрами конструкторов и художников-модельеров, они активно занимаются самостоятельным моделированием.

Данная практика была удобна для руководства предприятий, так как уменьшались затраты на приобретение образцов в домах моделей и ускорялся процесс обновления ассортимента, но при этом снижались потребительские свойства продукции, в первую очередь эстетические. Примечательно, что даже такие факторы, как признанное повышение качества работы РДМ к началу 1970-х гг. и попытки отраслевого руководства директивно ограничить фабричное моделирование, не смогли кардинально повлиять на ситуацию. По отчетам предприятий конца 1970-х гг. видно, что на некоторых фабриках Краснодарского производственного швейного объединения до 80% моделей выпускалось по собственным разработкам [30. Л. 1; 52. Л. 10, 35–41; 53. Л. 125]. В своей творческой деятельности специалисты экспериментальных цехов руководствовались рекомендациями Домов моделей и ВИАлегпрома с учетом современных направлений моды.

Таким образом, главной особенностью модной индустрии в СССР был ее централизованный характер. Основой стала созданная в послевоенный период иерархичная система моделирования швейных изделий, состоящая из центральных и региональных домов моделей, моделирующих подразделений швейных предприятий. Ведущая роль отводилась Общесоюзным домам моделей – ОДМО и МДМ / ВДМТИ, которые на основании материалов международных конгрессов мод, всесоюзных методических совещаний, рекомендаций ВИАлегпрома, предложений торгующих организаций и швейных предприятий создавали теоретическое обоснование моды на очередной плановый период, прорабатывали перспективную направляющую коллекцию, доводя их до региональных моделирующих организаций и предприятий.

Советская мода зиждилась на принципах демократизма, массовости, бессловности, общедоступности. Основными характеристиками швейных изделий являлись простота форм, удобство, практичность и элегантность. «Народность» долгое время выступала

одним из ведущих трендов социалистической моды, выражаясь в разнообразных формах использования и интерпретации народных мотивов – от цитирования до художественной переработки источника.

В послевоенный период в практику советских моделирующих организаций внедряется ансамблевое моделирование – создание единой концепции костюма, основанной на принципе гармонизации всех его компонентов. К 1960-м гг. принцип ансамблевости стал основным в работе домов моделей.

Для советской модной индустрии характерна широкомасштабная пропаганда социалистической концепции моды, осуществлявшаяся в общем контексте идеологической работы. С начала 1960-х гг. моделирующие и торговые организации, предприятия и производственные объединения систематически проводили множество мероприятий – демонстрации моделей одежды, выставки-продажи, конференции, лекции, а также активно информировали об актуальных модных трендах и правилах хорошего вкуса в одежде через СМИ, выступая участниками процесса формирования представлений о моде у советских граждан. Многие дома моделей выпускали собственную печатную продукцию – альбомы и журналы мод, тиражи которых расходились по предприятиям, ателье и среди населения.

В конце 1950-х гг. ввиду неудовлетворительного положения с производством рабочей одежды для работников промышленности и сельского хозяйства, а также

дефицита на рынке качественных швейных изделий детского ассортимента данные категории выделяются в самостоятельные направления моделирования. Задача насыщения прилавков магазинов дешевой, красивой, качественной одеждой для юных граждан была выведена на государственный уровень. На ее решение были направлены значительные ресурсы научных организаций, промышленности, моделирующих структур. При создании изделий детского ассортимента художники должны были стремиться к простоте форм, элегантности, применению недорогих материалов и тканей ярких расцветок, вышивки, аппликации, тесьмы. Темпы роста производства изделий детского ассортимента неуклонно росли, зачастую опережая взрослый ассортимент.

Однако в силу ряда причин, таких как особенности советской системы планирования и управления, проблемы снабжения, дефицит квалифицированных кадров, несовершенство материальной базы и пр., многие разработки советских модельеров оставались лишь «на бумаге». В лучшем случае они находили воплощение в единичных выставочных экземплярах для демонстрации на различных тематических мероприятиях или шились по индивидуальным заказам в ателье. Поставленные же «на поток» образцы нередко изменялись до неузнаваемости, что в конечном счете дискредитировало сложившуюся систему моделирования и производства одежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виниченко И.В. Советская мода периода «оттепели»: концепция и пути реализации // Омский научный вестник. Сер. Общество, история, современность. 2010. № 4. С. 44–47.
2. Хмелевской А.В. Особенности одежды и представлений о моде в социалистическом обществе периода «Оттепели» (1953–1964 гг.) // Вестник Тамбовского университета. 2016. Т. 21, вып. 9. С. 120–123.
3. Андреева И.А. Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 344 с.
4. Зайцев В.М. Мода. Мой дом. М. : АСТ, 2017. 301 с.
5. Щипакина А.А. Мода в СССР. Советский Кузнецкий, 14. М. : Слово / Slovo, 2009. 387 с.
6. Захарова Л.В. «Наиболее распространенной является форма прямого пальто с односторонней застежкой». О советской моде эпохи «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2006. № 1. С. 186–201.
7. Вайнштейн О.Б. Мое любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России // Теория моды. Одежда, тело, культура. 2007. № 3. С. 102–127.
8. Тихомирова А.М. В 280 км от Москвы: особенности моды и практик потребления одежды в советской провинции (Ярославль, 1960–1980-е годы) // Неприкосновенный запас. 2004. № 5. С. 101–110.
9. Барллетт Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.
10. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М. : ИРИ РАН, 2013. 496 с.
11. Журавлев С.В., Гронов Ю. Мода по-советски: роскошь в стране дефицита. М. : ИстЛит, 2019. 624 с.
12. Сальникер М.Г. Швейная промышленность Грузии за 40 лет // Швейная промышленность. 1961. № 3. С. 5–7.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 183.
14. РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 254.
15. РГАЭ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 25.
16. РГАЭ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 32.
17. РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 192.
18. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 23.
19. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 55.
20. Голубчик А.Г. О перестройке работы Домов моделей одежды // Швейная промышленность. 1961. № 1. С. 24–25.
21. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/bolshie-goroda-i-duhovnaya-zhizn.html> (дата обращения: 15.05.2020).
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-617. Оп. 1. Д. 6084.
23. Титова С.С. Моделирование и конструирование в условиях массового производства одежды // Швейная промышленность. 1961. № 2. С. 22–28.
24. РГАЭ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 43.
25. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9610. Оп. 5. Д. 416.
26. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 97.
27. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 102.
28. ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 5. Д. 312.
29. ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 5. Д. 143.
30. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 276.
31. Чесноков Г.Е. XXII съезду КПСС – достойную встречу! // Швейная промышленность. 1961. № 3. С. 2–3.
32. РГАЭ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 84.

33. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 199.
34. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 163.
35. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 260.
36. ГАРО. Ф. Р-4319. Оп. 1. Д. 309.
37. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 254.
38. ГАКК. Ф. Р-1655. Оп. 2. Д. 336.
39. ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 1995.
40. Мода и эксперимент. Легкая промышленность в СССР [документальный фильм] / авт. сценария Л. Кузнецова, реж. Нина Соболева, оператор Эдуард Лебедев. ТО Экран, 1985. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fSL-tghGPKU>
41. Дашкова Т.Ю. «Расскажи мне, бабушка, сказку про стилинг»: контексты представления моды в журнале «Крокодил» 1950–1960-х годов // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. № 2 (60). С. 313–334.
42. ГАКК. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 337. Л. 125.
43. Расширить ассортимент и улучшить качество детской одежды // Швейная промышленность. 1961. № 6. С. 37.
44. Детская одежда стала дешевле // За первенство : орган Гулькевичского райкома КПСС и районного совета депутатов трудящихся Краснодарского края. 1958. 4 окт. С. 4.
45. ГАКК. Ф. Р-1361. Оп. 1. Д. 61.
46. ГАКК. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 336.
47. ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 3356.
48. ГАРФ. Ф. А-617. Оп. 32. Д. 101.
49. ГАКК. Ф. Р-1655. Оп. 1. Д. 34.
50. ГАРО. Ф. Р-4294. Оп. 1. Д. 35.
51. ГАКК. Ф. Р-1379. Оп. 1. Д. 312.
52. ГАКК. Ф. Р-1655. Оп. 2. Д. 259.
53. ГАКК. Ф. Р-1655. Оп. 2. Д. 278.

Dmitry I. Gangur, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: gansko@mail.ru

Natalya A. Gangur, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: gansko@mail.ru

SOVIET FASHION HOUSES AND FASHION TRENDS OF THE 1950–1970s: ALL-RUSSIAN AND REGIONAL DIMENSIONS

Keywords: soviet / socialist fashion, fashion houses, design organisations of enterprise, fashion and textile design.

The article analyses a range of issues related to the specifics of the Soviet system of industrial clothes design in the USSR as a whole, and in individual economic regions, in the North Caucasus in particular. This determined the specific aim of the research – to examine the theoretical and applied aspects of the activities of the leading design organisations of the system of the USSR Ministry of Light Industry – fashion houses (All-Union, Moscow/All-Union, Leningrad, Rostov-on-Don) – established at the turn of the 1950s. The activities are considered in line with the main trends in the development of socialist fashion. The fundamental basis of the research is a vast array of various documents: departmental correspondence, reports of production associations/enterprises, materials of control and supervisory bodies from the funds of central and regional archives, many of them are first introduced into academic discourse. These documents, along with materials of specialised periodicals (magazines), made it possible to reveal the latent problems of the design system. The authors highlight the role of fashion houses in the formation and development of theoretical directions of Soviet fashion, the current forms of its representation (guiding/promising collections, fashion magazines, exhibitions, etc.), and the nature of interaction with garment manufacturers. The focus is on the characteristics and main trends of Soviet fashion: nationality (folklore/ethnographic elements), ensemble/predictive design, children's, work/special-purpose clothing. Applying the comparative method, the authors analyse the features of regional fashion houses and design departments of garment manufacturers, of industrial design at individual enterprises of the CMEA countries (Czechoslovakia). The analysis makes it possible to identify a number of systemic errors/miscalculations. The authors emphasise that fashion houses and industrial enterprises propagandized/promoted Soviet fashion and cultivated good taste and aesthetic principles in workers as part of the general ideological work of the Soviet state (fashion shows, selling exhibitions, buying conferences, issues of thematic magazines, advertising in the media, etc.). The article concludes that a serious theoretical development of fashion issues in Soviet Russia and its scientific and industrial base did not give the expected effects. The country's leadership was trying to centralise the emerging fashion industry and subordinated it to the general principles of a planned economy. Fashion houses often did not take into account the real capabilities of the industry, as a result of which lower-quality factory design developed. The samples of fashion clothing models produced in mass often changed beyond recognition, which ultimately discredited the existing system of clothing design and production in the USSR.

REFERENCES

1. Vinichenko, I.V. (2010) Soviet fashion during the “thaw” period: the concept and ways of implementation. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo, istoriya, sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Society, History, Modernity*. 4. pp. 44–47. (In Russian).
2. Khmelevskoy, A.V. (2016) Features of clothes and ideas of fashion in socialist society of “thaw period” (1953–1964). *Vestnik Tambovskogo universiteta – Tambov University Review*. 21(9). pp. 120–123. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-120-123
3. Andreeva, I.A. (2009) *Chastnaya zhizn' pri sotsializme. Otchet sovetskogo obyvatel'ya* [Private life under socialism. Report of the Soviet citizen]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Zaytsev, V.M. (2017) *Moda. Moy dom* [Fashion. My House]. Moscow: AST.
5. Shchipakina, A.A. (2009) *Moda v SSSR. Sovetskiy Kuznetskiy, 14* [Fashion in the USSR. Soviet Kuznetskiy, 14]. Moscow: Slovo / Slovo.
6. Zakharova, L.V. (2006) “Naibolee rasprostranennoy yavlyayetsya forma pryamogo pal'to s odnobortnoy zastezhkoj”. O sovetskoy mode epokhi “ottepeli” [“The most common form is a straight coat with a single-breasted closure.” On the Soviet fashion of the “thaw” era]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1. pp. 186–201.
7. Vainshtein, O.B. (2007) Moe lyubimoe plat'e: portnikha kak kul'turnyy geroy v Sovetskoy Rossii [My favorite dress: a dressmaker as a cultural hero in Soviet Russia]. *Teoriya mody. Odezhda, telo, kul'tura*. 3. pp. 102–127.
8. Tikhomirova, A.M. (2004) V 280 km ot Moskvy: osobennosti mody i praktiki potrebleniya odezhdy v sovetskoy provintsii (Yaroslavl', 1960–1980-e gody) [280 km from Moscow: peculiarities of fashion and clothing consumption practices in the Soviet province (Yaroslavl', 1960–1980s)]. *Neprikosnovennyi zapas*. 5. pp. 101–110.
9. Bartlett, J. (2011) *FashionEast: prizrak, brodivshiy po Vostochnoy Evrope* [FashionEast. The Spectre that Haunted Socialism]. TRanslated from English by E.V. Kardash. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Zhuravlev, S.V. & Gronov, Yu. (2013) *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhd v SSSR, 1917–1991* [The planned fashion: the history of fashion and clothing modeling in the USSR, 1917–1991]. Moscow: RAS.
11. Zhuravlev, S.V. & Gronov, Yu. (2019) *Moda po-sovetski: roskosh' v strane defitsita* [Fashion in the Soviet way: luxury in the country of scarcity]. Moscow: IstLit.
12. Salniker, M.G. (1961) *Shveytnaya promyshlennost' Gruzii za 40 let* [Garment industry of Georgia for 40 years]. *Shveytnaya promyshlennost'*. 3. pp. 5–7.
13. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 523. List 1. File 183.
14. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 523. List 1. File 254.
15. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 534. List 1. File 25.
16. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 534. List 1. File 32.
17. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 523. List 1. File 192.
18. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 23.
19. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 55.
20. Golubchik, A.G. (1961) *O perestroyke raboty Domov modeley odezhd* [On the restructuring of the work of the House of Clothes Models]. *Shveytnaya promyshlennost'*. 1. pp. 24–25.
21. Simmel, G. (2002) *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. *Logos*. 2002. № 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/bolshie-goroda-i-duhovnaya-zhizn.html> (Accessed: 15th May 2020).
22. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund A-617. List 1. File 6084.
23. Titova, S.S. (1961) *Modelirovanie i konstruirovaniye v usloviyakh massovogo proizvodstva odezhd* [Modeling and design in conditions of mass production of clothing]. *Shveytnaya promyshlennost'*. 2. pp. 22–28.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 534. List 1. File 43.
25. The Central State Archives of St. Petersburg (TsGA SPb). Fund 9610. List 5. File 416.
26. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 97.
27. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 102.
28. The Central State Archives of St. Petersburg (TsGA SPb). Fund 9610. List 5. File 312.
29. The Central State Archives of St. Petersburg (TsGA SPb). Fund 9610. List 5. File 143.
30. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 276.
31. Chesnokov, G.E. (1961) *XXII s'ezdu KPSS – dostoynyuyu vstrechu!* [Meet the 22nd Congress of the CPSU with dignity!]. *Shveytnaya promyshlennost'*. 3. pp. 2–3.
32. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 534. List 1. File 84.
33. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 199.
34. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 163.
35. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 260.
36. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4319. List 1. File 309.
37. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1655. List 1. File 254.
38. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1655. List 2. File 336.
39. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9527. List 1. File 1995.
40. *Moda i eksperiment. Legkaya promyshlennost' v SSSR* [Fashion and experiment. Light industry in the USSR]. (1985) Documentary film. Directed by N. Soboleva. TO Ekran. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=fSL-tghGPkU>
41. Dashkova, T.Yu. (2021) “*Rasskazhi mne, babushka, skazku pro stilyag*”: konteksty predstavleniya mody v zhurnale “Krokodil” 1950–1960-kh godov [“Tell me, GRanny, a fairy tale about dandies”: contexts of fashion presentation in the Krokodil magazine of the 1950s – 1960s]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*. 2(60). pp. 313–334.
42. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1379. List 1. File 337. L. 125.
43. Anon. (1961) *Rasshirit' assortiment i uluchshit' kachestvo detskoy odezhd* [Expand the range and improve the quality of children's clothing]. *Shveytnaya promyshlennost'*. 6. pp. 37.
44. *Za pervenstvo*. (1958) *Detskaya odezhd stala deshevle* [Children's clothing has become cheaper]. 4th October. pp. 4.
45. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1361. List 1. File 61.
46. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1379. List 1. File 336.
47. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9527. List 1. File 3356.
48. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund A-617. List 32. File 101.
49. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1655. List 1. File 34.
50. The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-4294. List 1. File 35.
51. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1379. List 1. File 312.
52. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1655. List 2. File 259.
53. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-1655. List 2. File 278.

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/74/5

Р.Р. Гильминтинов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПРОСТРАНСТВА: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМАТИКА РЕНТЫ В СССР В 1920-е гг.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Рассматриваются дискуссии о функционировании земельной ренты в экономике периода НЭПа в связи с крестьянским землепользованием. Анализируются подходы представителей организационно-производственной школы А.Н. Челинцева и Г.А. Студенского, а также исследователей-марксистов Н.Н. Суханова, Л. Шанина, Я.К. Берзтыса и К.В. Островитянова. Делается вывод, что проблематика ренты позволила артикулировать важные социальные конфликты экономики переходного периода и заложила основы для более поздних дискуссий о рациональном природопользовании.

Ключевые слова: рента, НЭП, крестьянство, землепользование.

Как пишет Т. Пикетти, в экономическом дискурсе XX в. «слово “рента” стало ругательством, оскорблением, вероятно, худшим из всех возможных» [1. С. 422]. В современных западных обществах провозглашаемое равенство прав граждан вступало в слишком заметное противоречие с вопиющим имущественным неравенством. Ответом на этот вызов стало развитие меритократической идеологии. Она подразумевала, что неравенство в распределении доходов (а вместе с ними и власти) могло быть справедливым, если оно «проистекало из рациональных и универсальных принципов, а не из произвольного стечения обстоятельств» [Там же. С. 423], к которым вне всяких сомнений относилось получение различных форм ренты. Тот факт, что само по себе владение земельным или финансовым капиталом может приносить собственнику дивиденды, содержит в себе элемент, противоречащий здравому смыслу самых разных «моральных экономик»; в ренте есть что-то такое, «что сотрясало основы многих цивилизаций, которые на этот вызов давали разные и не всегда удачные ответы, от запрета ростовщичества до коммунизма советского типа» [Там же]. Действительно, с самых первых дней советской власти большевики активно боролись с нетрудовыми доходами, видя в них одно из базовых проявлений несправедливости и нерациональности капиталистической системы.

Однако уничтожение рентных отношений в социалистическом обществе не было простой задачей, и особенно это касалось земельной ренты. С одной стороны, все советские экономисты соглашались с К. Марксом в том, что рента «не прорастает из земли». Рента по своей сути – проявление определенных социальных и экономических отношений между людьми, отношений исторических и подверженных изменениям [2. Р. 331]. С другой стороны, многие теоретики и практики, обеспокоенные проблемой ренты, отмечали объективные, естественные элементы, которые делали ренту столь устойчивой к попыткам рационализации и более справедливого распределения. Как пишет Д. Харви, в сель-

ском хозяйстве и добывающих отраслях – советские экономисты называли такие отрасли природоемкими – окружающая среда не только поставляет сырье и принимает отходы, но становится одним из ключевых средств производства [Ibid. Р. 334]. Географическое расположение, плодородие земли, климат, глубина залегания минеральных ресурсов, особенности ландшафта и бесчисленное количество других природных факторов радикально дифференцируют производительность труда на различных предприятиях природоемких отраслей. Например, на современном этапе развития техники неглубокое залегание угольных пластов позволяет разрабатывать их открытым способом и дает почти двукратное превышение производительности труда на угольных разрезах по сравнению с шахтами [3. С. 91]. Разрабатывая более богатые и удобные месторождения или возделывая сравнительно более плодородную землю, производители получают дополнительную прибыль, непосредственно не связанную ни с капиталоемкостью, ни с трудозатратами, ни с эффективностью управления производством. Рента была воплощением естественной неоднородности пространства, которая вставала на пути рациональной и справедливой организации экономики и общества.

Дискуссии о ренте в социалистическом обществе то утихали, то разгорались с новой силой в течение всей советской истории. В фокусе данной статьи – 1920-е гг., период Новой экономической политики (НЭП), когда вопрос ренты стал важнейшим направлением дебатов по крестьянскому вопросу. Вынужденные отказаться от наиболее радикальных положений своей программы для победы в гражданской войне, большевики в 1921 г. установили режим, который сочетал в себе национализацию крупной промышленности, государственный контроль над внешней торговлей, элементы экономического планирования и относительно свободный рынок в границах СССР. НЭП заведомо был переходной формацией на пути к социалистическому обществу, необходимой для пре-

одоления наследия царизма. Как верно заметил У. Розенберг еще в 1991 г., процесс перехода, ставший ядром НЭПа, не сводится только к политике и интенциям верхушки партии большевиков. Если мы представим НЭП просто как транзит власти от В.И. Ленина к И.В. Сталину, мы упустим куда более важные глубинные процессы: формирование государственной системы и социально-экономического порядка, развитие советской культуры и становление общности советского народа. НЭП был набором «широких социальных и культурных осей, соединявших то, чем была царская Россия, и то, чем советская Россия должна была стать» [4. Р. 4]. Задача данной статьи – исследовать дискуссии о ренте в 1920-е гг. как одну из таких осей, которая стала выражением глубокого социального конфликта в раннесоветском обществе, страха новой власти перед стихийностью и неподконтрольностью крестьянской жизни, заботы об эффективности социалистической экономики и о ее справедливости.

Традиционным сюжетом интеллектуальной истории 1920-х гг. является противостояние между традиционной академической элитой, или «буржуазными специалистами», и новыми большевистскими кадрами в науке. В частности, если говорить об историографии аграрной экономики, этот конфликт воплощают в себе организационно-производственная школа А.В. Чаянова и аграрники-марксисты (Л.Н. Крицман, В.С. Немчинов и др.), два исследовательских направления, конкурировавших между собой в стенах Тимирязевской сельскохозяйственной академии [5. Р. 129–153]. Помещая в фокус проблематику ренты, мы видим значительно более широкое и сложно устроенное поле дискуссии. Такие представители организационно-производственной школы, как А.Н. Челинцев и Г.А. Студенский, действительно разрабатывали своеобразные подходы к ренте, но они не противостояли марксистам единым фронтом, а были сфокусированы на дискуссиях между собой. Марксистский метод, в свою очередь, представлял чрезвычайно широкое дискурсивное поле, в рамках которого взаимодействовали не только профессиональные экономисты, но и политики и простые служащие. Как пишет А.Н. Дмитриев, важнейшей чертой интеллектуальной истории СССР было то, что марксизм становился не только *особым исследовательским методом*, но доминирующей *социально-политической идеологией* [6, 7]. Эти два воплощения марксизма сходились в определенных точках, но не сводились друг к другу. Марксистские методы завоевали себе большую популярность в российском научном сообществе задолго до революции 1917 г. и не сводились к подходам «воинствующих» ортодоксов, а большевизм при этом был только одним из целого ряда радикальных политических проектов, которые опирались на идеи Маркса и его последователей.

В ходе российской революционной эпохи, которая, согласно Т. Шанину, продолжалась с 1902 по 1922 г., крестьяне наконец одержали верх в своем вековом противостоянии с помещиками [8. С. 14]. Этот конфликт зачастую ускользает от внимания исследователей, которые фокусируются на том, как социальные конфликты разворачивались в крупных городах. Про-

цессы в деревне, однако, были не менее, а может быть, и более важны. Отмена крепостного права в 1861 г. переформатировала, но не разрешила конфликт на селе. В большинстве своем освобожденные крестьяне получили скромные по площади и неудобные наделы, они также должны были выплачивать за них значительные выкупные платежи, поэтому им ничего не оставалось, кроме как арендовать землю (зачастую у тех же самых помещиков, чьими крепостными они были до реформы). Необходимость платить аренду землевладельцам, которые не обрабатывали землю своими руками и владели имуществом сверх необходимого, шла вразрез с основами крестьянской моральной экономики [9. Р. 155]. Поэтому падение царского режима в первые месяцы 1917 г. запустило процесс стихийного захвата помещичьих земель. Слабое Временное правительство не могло остановить этот процесс, но при этом не имело политической воли, чтобы легитимировать «черный передел» и новый баланс сил в деревне.

Несмотря на страх и недоверие большевиков к «крестьянскому морю», неуправляемому и чуждому их политической культуре, они получили широкую поддержку в деревне благодаря своим лозунгам: «Мир – народам!» и «Землю – крестьянам!» Только признав результаты «черного передела», большевики смогли одержать верх в Гражданской войне, ведь за значительной частью их противников стояли интересы бывших сельских элит, стремившихся получить свою собственность назад. Однако и большевиком пришлось идти на серьезные уступки: они отказались от насильственного изъятия хлеба и попыток проводить последовательную классовую политику в деревне, направленную на мобилизацию бедняков против кулаков. Как пишет Т. Шанин, принятый в 1922 г. Земельный кодекс дал крестьянам почти все то, за что они так яростно боролись на протяжении многих десятилетий [8. С. 14].

Крестьянская революция покончила с праздным классом помещиков, которые в царской России присваивали себе ренту, но уничтожила ли она сами рентные отношения? В период НЭПа у советских экономистов были сомнения на этот счет. Они были убеждены, что революция не могла покончить со всеми формами несправедливости и иррациональности в одночасье. Более того, те компромиссы с крестьянством, на которые новый режим был вынужден пойти на исходе Гражданской войны, создавали реальные проблемы для системы рыночного социализма и вставали на пути построения современной индустриальной экономики в СССР [10. Р. 50–60, 123–130; 11. Р. 137–149, 190–203; 12. Р. 57–80, 155–172]. Капиталоемкая промышленность восстанавливалась намного медленнее сельского хозяйства, поэтому городу было мало что предложить деревне в обмен на жизненно необходимую сельскохозяйственную продукцию. Л.Н. Крицман, В.С. Немчинов и другие большевики-экономисты были склонны рассматривать кризисы хлебозаготовок 1923 и 1927–1928 гг. как следствие подъема капиталистических отношений на селе. Страх перед «кулаком», который саботировал цели социалистического государства, становился драйвером не только внутривла-

тийных конфликтов, но и дискуссий среди советских экономистов, важнейшей из которых стала дискуссия о ренте.

Представители организационно-производственной школы рассматривали крестьянское хозяйство как чрезвычайно устойчивую, транзитивную форму экономической жизни. Как писал А.В. Чаянов, простое перенесение рыночной логики на деревенскую жизнь мало что объясняет, потому что крестьянское хозяйство существовало задолго до складывания капиталистических отношений и было способно их пережить; оно «вполне мыслимо и в других народнохозяйственных системах, а именно в условиях крепостнически-феодалных, в условиях крестьянско-ремесленных стран и, наконец, в условиях чисто натурального быта» [13. С. 203]. Это утверждение, конечно, не подразумевало, что представители организационно-производственной школы не видели глубоких перемен в крестьянской жизни в конце XIX – начале XX в. Правильнее было бы сказать, что по сравнению с ортодоксальными марксистами А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Г.А. Студенский и другие были просто более внимательными к тому, каким образом рыночные стимулы оказывали влияние и постепенно меняли вековые паттерны сельской жизни, не отменяя их. Они справедливо полагали, что в течение каких-то нескольких десятилетий крестьянин не мог превратиться в homo economicus. Эти соображения оказали влияние на позицию представителей организационно-производственной школы по вопросу об образовании земельной ренты в советском сельском хозяйстве. В этом отношении интересна полемика между одним из основателей данного исследовательского направления А.Н. Челинцевом (1874–1962) и его более молодым коллегой Г.А. Студенским (1898–1930). Последний в начале 1920-х гг. учился у А.В. Чаянова в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, но в 1925 г. выступил с последовательной критикой положений организационно-производственной школы.

А.Н. Челинцев утверждал, что в советском сельском хозяйстве вообще не существовало земельной ренты. Исходной точкой его рассуждений было положение о независимости крестьянского хозяйства от внешних рыночных условий. Описывая различные механизмы, которые приводили к уравниванию доходности крестьянских хозяйств, А.Н. Челинцев выдвигал мальтузианское по своему характеру положение об устойчивом «прожиточном минимуме». С одной стороны, его полевые исследования показывали, что при недостаточной продуктивности сельскохозяйственного производства крестьяне были вынуждены искать дополнительные промысловые заработки, или же количество душ в хозяйстве сокращалось естественным образом. С другой стороны, в регионах, где сельскохозяйственная производительность была выше «прожиточного минимума», происходило такое же естественное «сгущение населения» за счет роста рождаемости, которое, в свою очередь, низводило подушевую доходность до общего уровня. Из всего этого также следовало положение об отсутствии накопления в крестьянском хозяйстве. А.Н. Челинцев писал, что «доход хозяйства поглощается потреблением семьи, а размеры послед-

него определяют величину первого и обратно» [14. С. 66]. Для А.Н. Челинцева ключевым было положение о трудовом характере крестьянского хозяйства. Рента – нетрудовой доход, а значит, о ней можно говорить лишь в той мере, в какой крестьянское хозяйство «прибегает к регулярному найму труда с приобретательскими целями. В прибавляющей от этого части заработка будет иметься и нетрудовая часть дохода, в том числе и рента» [Там же]. Таким образом, концепция А.Н. Челинцева представляла пространство крестьянского мира абсолютно однородным: сама организация крестьянского хозяйства уравнивала доходы, которые стремились к минимуму хоть в хлеборобном Черноземье, хоть в суровой Сибири.

В своей книге 1925 г. «Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения» Г.А. Студенский не только полемизировал с А.Н. Челинцевом, но и оспаривал самое базовое положение организационно-производственной школы об особой, нерыночной логике функционирования крестьянского хозяйства. Прежде всего Г.А. Студенский ставил под вопрос разграничение между трудовым и нетрудовым хозяйством, называя его «терминологической игрой», которая подменяет собой у А.Н. Челинцева теоретический анализ. Г.А. Студенский утверждал, что характер дохода крестьянского хозяйства не зависел от того, использовало оно наемный труд или нет: «По существу, этот “трудовой” доход так же обусловлен существующим соотношением цен, как и “нетрудовая” земельная рента» [15. С. 14]. Далее, опираясь на богатый статистический материал, Г.А. Студенский опровергал рассуждения А.Н. Челинского о «прожиточном минимуме» крестьянского хозяйства. Его анализ показывал глубокую дифференциацию душевой доходности в крестьянском хозяйстве. Более того, согласно подсчетам Г.А. Студенского, в сельском хозяйстве наблюдалась устойчивая тенденция к накоплению – в среднем крестьяне сберегали и капитализировали около 8% дохода. Темпы этого накопления, однако, были неодинаковы в разных группах: если в хозяйствах с землепользованием до 10 десятин доля накопления в общем чистом доходе составляла около 2,5% (а иногда вообще становилась отрицательной), то крупные, обрабатывавшие более 30 десятин, сберегали до 13,8% [Там же. С. 38]. Соответственно, Г.А. Студенский был убежден, что семейное крестьянское хозяйство присваивало ренту, потому что было таким же участником рыночных отношений, как и крупные фермы, основанные на использовании наемного труда. Из этого следовали и его практические рекомендации в области сельскохозяйственного налогообложения: Г.А. Студенский предлагал сделать ставку на налог на ренту. В теории такой налог никакого влияния не оказывал ни на форму, ни на успех самого хозяйства – доходность труда и капитала оставались бы нетронутыми, а пропорциональные изъятия соответствовали бы установившейся дифференциальной рентности хозяйств. В хозяйствах, где земельная рента равна нулю, налог был бы чрезвычайно низким, поэтому «если бы даже всю поземельную ренту отобрать в налог, земледелие останется в своем прежнем виде» [Там же. С. 102]. Для Г.А. Студенского

пространство крестьянского мира уже не было однородным, поэтому государству было необходимо изымать ренту с помощью налогов, чтобы поставить хозяйства в равные экономические условия.

Несмотря на остроту полемики, взгляды А.Н. Челинцева и Г.А. Студенского объединяло несколько принципиальных моментов. Во-первых, они оба опирались на статистику и позиционировали себя в качестве эмпириков в противоположность другим экономистам, предпочитавшим абстрактное теоретизирование. Во-вторых, для них, как и для других представителей организационно-производственной школы, революция 1917 г. не представляла собой глубокого водораздела в развитии сельского хозяйства страны. Большая часть статистических материалов, которые использовали и А.Н. Челинцев, и Г.А. Студенский в своих работах, были собраны еще до или во время Первой мировой войны. Несмотря на это, оба автора свободно экстраполировали свои данные на ситуацию в советском сельском хозяйстве. В-третьих, А.Н. Челинцев и Г.А. Студенский рассматривали вопрос ренты в общих терминах, имея в виду только ту ренту, которую получали хозяйства, обрабатывавшие сравнительно более плодородную или удобно расположенную землю, – марксова теория ренты, на которую опиралось большинство советских экономистов, была значительно сложнее. Таким образом, несмотря на очевидное смещение Г.А. Студенского в сторону марксистской политической экономии, он не пользовался в полной мере ее языком.

Марксистские подходы к проблематике земельной ренты в 1920-е гг. в СССР также не представляли собой единого целого. Таких разных людей, как Н.Н. Суханов, Л. Шанин, Я.К. Берзтыс и К.В. Островитянов, объединяла лишь опора на сложную и в некоторой степени противоречивую типологию форм ренты, которая была разработана К. Марксом в незаконченном третьем томе «Капитала». Она развивала наработки классической политической экономии (главным образом идеи Д. Рикардо). Марксова типология включала в себя монопольную, абсолютную и два вида дифференциальной ренты. В общих чертах формирование монопольной и абсолютной ренты зависело от положения сельского хозяйства *в целом* в структуре капиталистической экономики и было следствием сочетания двух факторов: частной собственности на землю и традиционной технологической отсталости аграрного сектора. То, что Маркс называл *низким органическим строением капитала* в сельском хозяйстве, подразумевало преобладание затрат на оплату живого труда над затратами на машины и технологические решения, что позволяло получать прибавочную прибыль за счет жестокой эксплуатации крестьян. Частная собственность на ограниченные ресурсы плодородной земли, в свою очередь, создавала барьер для входа новых предпринимателей на рынок и тем самым не давала конкуренции снизить прибыль до нормального уровня. Концепция дифференциальной ренты смещала фокус на отклонения от нормальной прибыльности *внутри* самого сельского хозяйства. Первый тип дифференциальной ренты являлся прибавочной прибылью соб-

ственников относительно более плодородной земли, в то время как второй тип порождался дополнительным капиталом (удобрения, машины и оборудование), которые производители инвестировали в свои участки [16. С. 627–826]. Понятие монопольной ренты описывало исключительные ситуации, а дифференциальную ренту второго типа было достаточно просто подсчитать, поэтому ключевыми для дискуссий советских экономистов стали абсолютная и первый вид дифференциальной ренты; далее в тексте под дифференциальной рентой будет пониматься только первый ее вид. Таким образом, язык марксистской политэкономии использовал понятие дифференциальной ренты, чтобы описать неоднородность пространства аграрной экономики, и понятие абсолютной ренты как отражение дисбаланса экономической власти между городом и деревней.

Важную роль в дискуссиях о ренте в советском сельском хозяйстве сыграла работа «Земельная рента и принципы земельного обложения» (1922) известного деятеля революционного движения, меньшевика Н.Н. Суханова (1882–1940). Как отмечает его биограф А.А. Корников, выход из меньшевистской партии в 1920 г. и сближение с большевиками (в январе 1924 г. Н.Н. Суханов пытался вступить в РКП(б), но не был принят) были связаны с его энтузиазмом по поводу НЭПа [17. С. 108–109]. Для Н.Н. Суханова именно сохранение рыночных отношений в советской экономике в течение длительного переходного периода было важнейшим условием построения социализма. Н.Н. Суханов писал: «Октябрьская революция создала в нашей деревне мелкобуржуазный строй – не больше. До всяких идеальных отношений еще бесконечно далеко» [18. С. 77]. Причиной этому была в первую очередь дифференциальная рента, которая, несмотря на отмену частной собственности на землю, делала одни хозяйства сверхприбыльными, а другие – убыточными за счет различного естественного качества обрабатываемой земли. Эта рента оставалась в руках частных пользователей, а значит, их статус мало чем отличался от прежних собственников. Кто-то жил в южных плодородных регионах и получил в пользование участок земли, дававший почти втрое больше, чем такой же надел в таежной зоне. С этой точки зрения даже коллективизация крестьянских хозяйств мало чем меняла ситуацию, потому что дифференциация по качеству земли получала в таком случае лишь укрупненные формы. Именно поэтому, согласно Н.Н. Суханову, «идеалом аграрного строя является превращение мелкого самостоятельного хозяйчика в государственного работника на всенародной земле. Равный его труд, в пределах возможного, должен одинаково вознаграждаться» [18. С. 76]. Однако любая спешка в движении по направлению к «идеальным условиям» будущего социализма была, по мнению Н. Н. Суханова, чрезвычайно опасной. Он отмечал, что в годы революции и Гражданской войны «мы перепробовали немало утопий; стрижка под одну гребенку всей деревни была одним из самых губительных экспериментов в нашей “коммунистической” политике» [Там же. С. 77]. Поэтому вместо радикальных проектов реорганизации крестьянского хозяйства Н.Н. Суханов предлагал то

же самое, что и Г.А. Студенский, – обложить налогом дифференциальную ренту, что позволило бы устранить незаслуженные привилегии одних землепользователей перед другими.

Еще одним важным участником дискуссии о ренте был Л.Г. Шапиро (1887–1957), который выступал в печати под псевдонимом Л. Шанин. Будучи выходцем из Бунда, еврейской социалистической партии, действовавшей в Восточной Европе с 90-х гг. XIX в., Л. Шанин с 1918 г. состоял в РКП(б), а в 1920-е гг. занимал различные должности в Наркомпросе и Наркомфине [19. С. 631]. В серии своих статей в журнале «На аграрном фронте» Л. Шанин поддерживал положение Н.Н. Суханова о том, что национализация земли в Советской России как таковая не устраняла предпосылок для образования абсолютной ренты. Однако уничтожение класса помещиков создавало возможность, что эти предпосылки не будут реализованы. Важнейшую роль здесь, по мнению Л. Шанина, играл уровень цен на сельскохозяйственную продукцию. Реализация абсолютной ренты – это присвоение добавочной прибыли, которая находит свое выражение в ценах, значительно превышающих стоимость производства. К. Маркс, развивая свою концепцию земельной ренты при капитализме, противопоставлял частных земельных собственников и непосредственных производителей. Производители выплачивали собственникам арендную плату, которую должна была покрыть рыночная цена сельскохозяйственной продукции, а ведь она уже включала в себя себестоимость и норму прибыли. Л. Шанин утверждал, что после революции, «когда класс частных земельных собственников ликвидирован, момент давления земельной собственности, вынуждающей своим монополистическим вето подъем цен, отпадает. *Возможность* поэтому падения с.-х. цен имеется налицо. Но другой вопрос – *осуществится ли* это падение» [20. С. 36].

Согласно Л. Шанину, реализации этой благоприятной возможности препятствовала другая тенденция: при отсутствии давления со стороны землевладельцев крестьяне лишались стимула, который раньше вынуждал их поставлять свою продукцию на рынок. В условиях «ножниц цен», когда цена на промышленную продукцию росла, а на зерно – падала, крестьяне предпочитали придерживать хлеб. Зачастую они пускали излишки зерна на производство самогона. Как отмечает И.Б. Орлов, «поворот к НЭПу крестьяне отпраздновали “настоящим общероссийским деревенским запоем”, масштабы которого осенью 1922 г. намного превысили обычные осенние сельские возлияния, связанные со сбором урожая» [21. С. 225]. По его подсчетам, крестьянам было в 5–7 раз выгоднее платить налоги за счет продажи самогона, нежели зерна. Однако экономические факторы могли лишь частично объяснить резкий скачок в объемах самогонварения. Только согласно данным официальной статистики, в целом за 1923 г. на самогон было переведено 100 млн пудов хлеба (то есть около 2% урожая) [Там же. С. 227]. Таким образом, на пути у потенциального растворения абсолютной ренты в советской экономике стояла несознательность крестьян, которые предпочитали пропи-

вать хлеб, высвободившийся благодаря уничтожению праздного класса землевладельцев.

Идеи Н.Н. Суханова и Л. Шанина очень хорошо иллюстрируют разнонаправленность проблематики дифференциальной и абсолютной ренты. Если первого заботило неравенство среди крестьян, обусловленное неоднородностью пространства, то второй изображал крестьянство как единую группу, саботирующую цели социалистического строительства своим несознательным поведением на хлебном рынке.

Пожалуй, наиболее резонансной книгой в дискуссии стала «Теория земельной ренты» Я.К. Берзтыса (1895–1938), вышедшая в свет в 1925 г. Ее автор был бесконечно далек от академических кругов. Член партии большевиков с 1912 г., Я.К. Берзтыс окончил учительскую семинарию, трудился на строительстве Мурманской железной дороги чернорабочим и конторщиком, в годы революции и Гражданской войны занимал ответственные посты в Петрозаводском губернском исполкоме РКП(б), работал ответственным редактором «Известий Олонецкого губсовета» и газеты «Олонецкая коммуна» [22]. Несмотря на отсутствие профильного образования и вовлеченности в научное сообщество, Я.К. Берзтыс предложил нетривиальное прочтение проблемы ренты в советском сельском хозяйстве в духе теории государственного капитализма.

Я.К. Берзтыс утверждал, что национализация земли как таковая не могла уничтожить рентных отношений в социалистической России. Декрет о земле (1918) и Земельный кодекс (1922) навсегда отменяли частную собственность на землю, минеральные ресурсы, воду и леса; эти блага могли находиться в пользовании различных людей и организаций, но рабоче-крестьянское государство оставалось их единственным правомочным собственником. Несмотря на это, все условия для образования дифференциальной ренты в советской экономике сохранялись, – это прежде всего свободный сельскохозяйственный рынок и естественные различия в плодородии. Для Я.К. Берзтыса, соответственно, вопрос собственности не был решающим в вопросе образования дифференциальной ренты: «Крестьяне, пользующиеся лучшими участками, хотя и не имеют на них права собственности, получают известный излишек против нормального вознаграждения их труда, который и является дифференциальной рентой» [23. С. 141].

Я.К. Берзтыс развивал схожую линию в своих рассуждениях об абсолютной ренте. Он спорил с такими экономистами, как М.Н. Соболев и С.И. Солнцев, которые были убеждены, что абсолютная рента исчезала вместе с уничтожением класса землевладельцев. Такие взгляды, утверждал Я.К. Берзтыс, игнорировали факт включенности советской экономики в мировой рынок, в рамках которого частная собственность и интересы землевладельцев оказывали решающее влияние на ценообразование. Международное разделение труда достигло такого уровня, что ни одна национальная экономика не могла существовать отдельно, а СССР был не более чем незначительной частью капиталистического «мирового хозяйственного организма». В СССР при отсутствии частных собственников земли само государство становится земельным капитали-

стом, который полноправно участвует в мировом рынке: «СССР является собственником советской земли, рядом с другими собственниками за нашими границами, конкурирующими между собой на мировом рынке» [23. С. 142]. Так как цены на мировом рынке уже включали в себя ренту, можно было сказать, что и советское государство ее получало, экспортируя зерно.

Главным отличием советской экономики от капиталистической, согласно Я.К. Берзтысу, было не образование ренты, а ее использование. Если в условиях буржуазного хозяйства рента становится «источником средств для прожигания жизни земельному собственнику», в СССР она идет на нужды трудового народа. Так как советское государство представляло интересы крестьян и рабочих, оно направляло полученные на мировом рынке капиталы «к тем стратегическим пунктам, где они в данный момент наиболее всего нужны и где больше всего они могут способствовать общему подъему народного хозяйства в целом, следовательно, общему подъему жизненного уровня самих трудящихся масс» [Там же. С. 145]. В своих рассуждениях об абсолютной ренте Я.К. Берзтыс смещал фокус с проблем внутреннего рынка на внешний, он рассматривал государство прежде всего как продавца зерна, а не покупателя, поэтому абсолютная рента в его схеме превращалась в источник полезных для всего общества капиталов и не была угрозой его целостности.

К.В. Островитянова (1892–1969) можно назвать полной противоположностью Я.К. Берзтыса. Уже будучи членом большевистской партии, он в 1917 г. окончил Московский коммерческий институт и к концу 1920-х гг. сделал блестящую академическую карьеру. С 1925 г. он занимал пост заместителя ректора Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а позднее еще целый ряд ключевых постов в науке. В 1928 г. вышел написанный им совместно с И.А. Лapidусом курс политической экономии, который выдержал восемь изданий общим тиражом 2 млн экземпляров [24].

В отличие от Я.К. Берзтыса и других марксистских экономистов 1920-х гг., К.В. Островитянов считал, что в вопросе рентообразования частная собственность на землю имела решающее значение. В своей книге «К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве» (1929) он писал, что в Советском Союзе сохранялось типичное для капиталистической экономики отставание сельского хозяйства от промышленности в технологическом развитии и фондоемкости, что должно было служить источником сверхнормативной прибыли в аграрном секторе. Однако только благодаря частной собственности на землю эта прибавочная прибыль «не идет в общий котел для распределения между капиталистами, а остается в земледелии и попадает в карман землевладельца» [25. С. 67]. Национализация земли сама по себе (даже если бы она была проведена буржуазным правительством) уничтожает абсолютную ренту. Более того, абсолютная рента – это избыточная прибавочная стоимость, которая образуется поверх нормы прибыли. Понятие нормы прибыли играет важнейшую роль в марксовой политической экономии: оно подразумевает, что в условиях конкурентного

рынка прибыли в разных секторах хозяйства должны стремиться к общему уровню, потому что мобильность капитала позволяют буржуа перемещать его из одного сектора в другой. Если сталелитейное производство начинает приносить меньше дивидендов, чем торговля хлопком, поток инвестиций изменит свое направление в сторону последнего сектора экономики. Абсолютная рента же образуется там, где мобильность капитала натывается на препятствие в виде частной собственности на землю, и новые предприниматели не могут выйти на рынок, чтобы создать достаточно эффективную конкуренцию. Согласно К.В. Островитянову, в советской экономике норма прибыли больше не играла регулирующей функции, потому что государство направляло капиталы в те или иные секторы экономики, руководствуясь интересами народного хозяйства в целом, и в случае необходимости было готово поступиться прибылями ради развития стратегически важных отраслей. К.В. Островитянов считал, что раз в советской экономике нет нормы прибыли, то поверх нее не может образоваться рента.

К.В. Островитянов также отрицал наличие дифференциальной ренты в советском сельском хозяйстве. Он признавал, что естественные различия в плодородии транзитивны и «не могут быть устранены ни при каком способе производства – будь то феодализм, капитализм, социализм или даже вполне развернутый коммунизм. Везде, всегда и при всяком строе общественных отношений труд, приложенный к более плодородной земле, дает больший результат, чем труд, приложенный к менее плодородному участку» [Там же. С. 78]. Однако этот добавочный продукт далеко не всегда приобретает форму ренты. В советском хозяйстве все более активную роль начинает играть рабоче-крестьянское государство, которое своими действиями поддерживает бедняцкие и середняцкие хозяйства, оно же уязвляет в правах кулаков, ограничивая возможности аренды земли и применения наемного труда в земледелии, а также устанавливая прогрессивное налогообложение. Эти меры в том числе перераспределяют дифференциальный доход между крестьянскими хозяйствами, не давая ему принять форму ренты.

Нетрудно заметить, что картина советской экономики, которую рисует К.В. Островитянов, разительно отличается от того, что мы читаем у других авторов. Он называет советскую экономику переходной от капитализма к социализму и пишет о сосуществовании в ней разных хозяйственных укладов (социалистическая промышленность, капиталистические элементы деревни и города, простое товарное хозяйство миллионов крестьянских хозяйств). Однако государство и план в объяснительной схеме К.В. Островитянова начинают занимать центральную роль, перераспределяя общественное богатство между секторами экономики и внутри сельского хозяйства, тем самым уничтожая абсолютную и дифференциальную ренту соответственно. Для сравнения, Г.А. Студенский и Н.Н. Суханов предлагали с помощью налогов изымать и перераспределять дифференциальную ренту, а Я.К. Берзтыс считал, что государство обращает абсолютную ренту на пользу общества. В их рассуждениях государство

использовало взаимодействовало с рентой, но никто из них не пытался отрицать само ее наличие.

Опубликованная в разгар жестокой кампании сплошной коллективизации и раскулачивания, книга К.В. Островитянова знаменовала собой качественный скачок в дискуссии о ренте и развитии советской экономической мысли как таковой. Возможно, идеи К.В. Островитянова дали А. Лидсу повод сказать, что сталинизм отрицал экономику в качестве сферы, имеющей свои внутренние законы и логику, сферы, внешней по отношению к политическому [26. Р. 126]. Эта мысль у К.В. Островитянова выражается в противопоставлении двух экономических дисциплин: *политической экономики*, «которая имеет дело только со стихийными, неорганизованными отношениями товарно-капиталистического общества», и *экономической политики* социалистического государства [25. С. 62]. Последняя сфокусирована на результатах тектонического сдвига в советской экономике, вызванного победой плана над стихией рынка: «Если в условиях капиталистического хозяйства государственная власть не входит составной частью в производственные отношения этого хозяйства, а относится к политической надстройке над этими отношениями, то в условиях советского хозяйства она составляет важнейшую составную часть этих отношений» [Там же. С. 63]. Таким образом, волюнтаристский подход К.В. Островитянова снимает любые конфликты в экономике, в том числе связанные с проблематикой ренты, как дифференциальной, так и абсолютной. Став непосредственной частью экономического базиса, государство само устанавливает правила и не видит преград, которые бы ограничивали его политику. Как известно, И.В. Сталин резко возражал против изобретения особых законов для социалистической экономики [27. С. 157].

Подводя итог, следует заметить, что дискуссии о ренте в 1920-е гг. образовали сразу две оси. С одной стороны, проблематика абсолютной ренты позволяла артикулировать беспокойство большевиков из-за огромной экономической власти, которую получило село в эпоху НЭПа. С другой стороны, попытки решить проблему дифференциальной ренты подразумевали совсем иную повестку: неравенство среди самих крестьян, порожаемое географической и природной неоднородностью пространства. Реальное разрешение социального конфликта 1920-х гг. пошло по пути, который, пожалуй, был ближе всего к идеям Я.К. Берзтыса. Процесс коллективизации, который стал эффективным инструментом изъятия зерна у крестьян для продажи его на мировом рынке, можно проинтерпретировать как огосударствление абсолютной ренты. Вопрос о ней в советской экономической науке больше не поднимался. А вот вопрос дифференциальной ренты так и остался неразрешенным. Уже в 1941 г. при обсуждении в ЦК макета учебника по политической экономии была признана ошибочной позиция К.В. Островитянова об отсутствии в СССР дифференциальной ренты [28. С. 165]. После смерти И.В. Сталина проблема дифференциальной ренты вновь стала поводом широкой дискуссии среди советских экономистов и плановиков [29, 30].

Сталинская культура власти стала эффективной движущей силой для «революции сверху», радикально переопределившей политический и социальный ландшафт в стране, но она создавала глубочайшую пропасть между языком официальной экономической мысли и фактическими практиками планирования и администрирования хозяйства страны [26. С. 129]. Адекватное управление экономикой было невозможно без политической экономии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. подсчеты чистого дохода сельского хозяйства на десятину обрабатываемой земли у Г.А. Студенского: [15. С. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ad Marginem, 2015. 591 с.
2. Harvey D. The limits to capital. London ; New York : Verso, 2006. 478 p.
3. Харлампенков Е.И., Кудряшова И.А. Современные аспекты повышения производительности труда в угольной промышленности Кузбасса // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 1 (35). С. 90–95.
4. Russia in the era of NEP: explorations in Soviet society and culture / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington : Indiana University Press, 1991. 344 p.
5. Cultural revolution in Russia: 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington : Indiana University Press, 1984. 337. 309 p.
6. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 2. С. 29–60.
7. Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 10–38.
8. Шанин Т. Революция как момент истины. М. : Весь мир, 1997. 554 с.
9. Gill G. Peasants and government in the Russian Revolution. New York : Barnes & Noble Books, 2014. 233 p.
10. Carr E.H. The Russian revolution: from Lenin to Stalin (1917–1929). Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 200 p.
11. Siegelbaum L.H. Soviet state and society between revolutions, 1918–1929. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1992. 284 p.
12. Brovkin V.N. Russia after Lenin: politics, culture and society, 1921–1929. London ; New York : Routledge, 1998. 266 p.
13. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство : избр. тр. // редкол.: Л.И. Абалкин и др. М. : Экономика, 1989. 491 с. (Экономическое наследие).
14. Челинцев А.Н. Есть ли земельная рента в крестьянском хозяйстве? // Южно-Русская сельскохозяйственная газета. 1918. № 10. С. 66–69.
15. Студенский Г.А. Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения. М., 1925. 114 с. (Труды Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики; вып. 15).
16. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М. : Госполитиздат, 1951. Кн. 3, ч. 1, 2: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. 932 с.
17. Корников А.А. Судьба российского революционера: Н.Н. Суханов – человек, политик, мемуарист. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 1995. 198 с.
18. Суханов Н.Н. Земельная рента и принципы земельного обложения. 2-е изд. Петроград : Госиздат, 1922. 128 с.
19. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит. лит., 1968. Т. 17: Март 1908 – июнь 1909. 655 с.

20. Шанин Л. Рента в условиях советской экономики // На аграрном фронте. 1927. № 1. С. 35–44.
21. Аксенов В.Б., Багдасарян В.Э., Горлов В.Н. Веселие Руси XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: Пробел-2000, 2007. 476 с.
22. Берзтыс Яков Карлович // Имена в истории Карелии. URL: http://imena.karelia.ru/persony/n_persones97/#u1
23. Берзтыс Я. Теория земельной ренты (в связи с этапами развития капитализма в земледелии). М.; Л.: Центр. упр. печати ВСХ СССР, 1925. 155 с.
24. Островитянов Константин Васильевич // Архивы РАН. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=286D7390-2D64-4EF6-E3CE-EE8C6C9AA60C&ida=1>
25. Островитянов К.В. К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 125 с.
26. Leeds A.E. Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow : Ph.D. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, 2016. 482 p.
27. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 154–223.
28. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / под ред. В.Н. Черковца и др. М.: Мысль, 1987. Т. 4: Теории социализма и капитализма в межвоенный период. 590 с.
29. Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве : сб. ст. М.: Госпланиздат, 1959. 263 с.
30. Реформа, цена, хозрасчет в горной промышленности : материалы науч. конф., состоявшейся в Ленинград. горном ин-те 15–17 ноября 1966 г. 1968. 147 с.

Roman R. Gilmintinov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: rg214@duke.edu

POLITICAL ECONOMY OF SPACE: THE PEASANT QUESTION AND THE PROBLEM OF RENT IN THE USSR IN THE 1920s

Keywords: rent, NEP, peasantry, land use.

The purpose of this article is to analyze the discussions about rent in the USSR in the 1920s. Based on the printed materials, the author shows that the problematic of rent became the most important prism reflecting economic problems and social conflicts of the NEP period. First, academic economists were not the only group participated in the discussion about rent: the discourse was also open to professional revolutionaries, politicians and ordinary state employees. Thus, the discussion about rent cannot be reduced to the confrontation between the traditional academic elite (so called “bourgeois specialists”) and the new Bolshevik academic cadres. The author analyzes the ideas of the following people: A.N. Chelintsev and G. A. Studenskii, two academic economists, members of the Organization-Production school; a well-known Menshevik N.N. Sukhanov; a rank-and-file financial clerk L. Shanin; Y.K. Berztyts, a professional revolutionary and a Bolshevik; and an orthodox Marxist K.V. Ostrovitianov. Second, the issue of rent articulates many of the tensions between the Soviet government and the peasantry. On the one hand, what is called differential rent in Marxist political economy, described the heterogeneity of the space of rural economy: comparatively more fertile and conveniently located lands gave surplus profit. The egalitarian intentions of the participants of the discussion implied that this unearned income should have been redistributed among the peasants. Absolute rent, on the other hand, reflected the imbalance in economic power between the town and the country. It suggests that, due to the low capital intensity, agricultural producers can profit above average. The agrarian sector did indeed recover in the 1920s faster than the capital-intensive industry, and the Bolsheviks feared that counter-revolutionary elements would sabotage socialist construction. Third, the discussion about rent made it possible to articulate an different understandings of the problem of the transitional economy. NEP by definition was a transitional regime that combined the remnants of capitalism, planning, and even elements of simple commodity production in peasant farms. The situation with rent was a kind of litmus test, which showed whether the Soviet economy was approaching socialism or whether it was still organized irrationally and unfairly. With the Stalin’s “revolution from above” in the end of the 1920s, the discussion about rent was aborted. The opinion that any form rent was absent in the Soviet economy prevailed. Stalinism was the regime that rejected the very notion of the economic as a separate realm of life. Paraphrasing Stalin himself, “there are no economic laws that the Bolsheviks cannot cancel.”

REFERENCES

1. Piketti, T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in Twenty-First Century]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.
2. Harvey, D. (2006) *The limits to capital*. London; New York: Verso.
3. Kharlampenkov, E.I. & Kudryashova, I.A. (2019) Modern aspects of increasing labor productivity in Kuzbasscoal industry. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 1(35). pp. 90–95. (In Russian).
4. Fitzpatrick, S., Rabinowitch, A. & Stites, R. (eds) (1991) *Russia in the era of NEP: explorations in Soviet society and culture*. Bloomington: Indiana University Press.
5. Fitzpatrick, S. (ed.) (1984) *Cultural revolution in Russia: 1928–1931*. Bloomington: Indiana University Press.
6. Dmitriev, A. (2002) “Akademicheskii marksizm” 1920–1930-kh gg. i istoriya Akademii: sluchay A.N. Shebunina [“Academic Marxism” 1920s – 1930s. and the history of the Academy: the case of A.N. Shebunin]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 29–60.
7. Dmitriev, A. (2007) “Akademicheskii marksizm” 1920–1930-kh godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obstoyatel'stva [“Academic Marxism” 1920–1930s: Western context and Soviet circumstances]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 88. pp. 10–38.
8. Shanin, T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny* [Revolution as a moment of truth]. Moscow: Ves' mir.
9. Gill, G. (2014) *Peasants and government in the Russian Revolution*. New York: Barnes & Noble Books.
10. Carr, E.H. (2004) *The Russian revolution: from Lenin to Stalin (1917–1929)*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Siegelbaum, L.H. (1992) *Soviet state and society between revolutions, 1918–1929*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
12. Brovkin, V.N. (1998) *Russia after Lenin: politics, culture and society, 1921–1929*. London; New York: Routledge.
13. Chayanov, A.V. (1989) *Krest'yanskoe khozyaystvo* [Peasant Economy]. Moscow: Ekonomika.
14. Chelintsev, A.N. (1918) Est' li zemel'naya renta v krest'yanskom khozyaistve? [Is there land rent in the peasant economy?]. *Yuzhno-Russkaya sel'skokhozyaistvennaya gazeta*. 10. pp. 66–69.
15. Studenskiy, G.A. (1925) *Renta v krest'yanskom khozyaystve i printsipy ego oblozheniya* [Rent in the peasant economy and the principles of its taxation]. Moscow: [s.n.].
16. Marx, K. (1951) *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: A Critique of Political Economy]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Gospolitizdat.
17. Kornikov, A.A. (1995) *Sud'ba rossiyskogo revolyutsionera: N.N. Sukhanov – chelovek, politik, memuarist* [The fate of the Russian revolutionary: N.N. Sukhanov – a man, politician, and memoirist]. Ivanovo: Ivanovo State University.
18. Sukhanov, N.N. (1922) *Zemel'naya renta i printsipy zemel'nogo oblozheniya* [Land Rent and Principles of Land Taxation]. 2nd ed. Petrograd: Gosizdat.
19. Lenin, V.I. (1968) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 17. Moscow: Izd-vo polit. lit.
20. Shanin, L. (1927) Renta v usloviyakh sovetskoy ekonomiki [Rent in the Soviet economy]. *Na agrarnom fronte*. 1. pp. 35–44.

21. Aksenov, V.B., Bagdasaryan, V.E. & Gorlov, V.N. (2007) *Veseliye Rusi XX vek: gradus noveyshey rossiyskoy istorii: ot "p'yanogo byudzheta" do "sukhogo zakona"* [The Russian revelry in the 20th century: the degree of modern Russian history: from "drunken budget" to "dry law"]. Moscow: Probel-2000.
22. National Library of the Republic of Karelia. (n.d.) *Bertzstys Yakov Karlovich. Imena v istorii Karelii* [Bertzstys Yakov Karlovich. Names in the history of Karelia]. [Online] Available from: http://imena.karelia.ru/persony/n_persones97/#u1
23. Bertstys, Ya. (1925) *Teoriya zemel'noy renty (v svyazi s etapami razvitiya kapitalizma v zemledelii)* [The theory of land rent (in connection with the stages of development of capitalism in agriculture)]. Moscow; Leningrad: The Supreme Council of the National Economy of the USSR.
24. The Archives of the Russian Academy of Sciences. (n.d.) *Ostrovityanov Konstantin Vasilievich*. [Online] Available from: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=286D7390-2D64-4EF6-E3CE-EE8C6C9AA60C&ida=1>
25. Ostrovityanov, K.V. (1929) *K voprosu o zemel'noy rente v sovetskom khozyaystve* [On the issue of land rent in the Soviet economy]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-v.
26. Leeds, A.E. (2016) *Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow*. Ph.D. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania.
27. Stalin, I.V. (1997) *Sochineniya* [Works]. Vol. 16. Moscow: Pisatel'. pp. 154–223.
28. Cherkovets, V.N. et al. (1987) *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli: v 6 t.* [World History of Economic Thought: in 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
29. Tsagolov, N.A. (ed.) (1959) *Zemel'naya renta v sotsialisticheskoy sel'skom khozyaystve* [Land rent in socialist agriculture]. Moscow: Gosplanizdat.
30. Levenberg, I. (ed.) (1968) *Reforma, tsena, khozraschet v gornoy promyshlennosti* [Reform, price, cost accounting in the mining industry]. Leningrad: [s.n.].

УДК 37.075+93(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/74/6

О.А. Голикова

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ДИРЕКЦИИ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Проанализирован вопрос формирования кадрового состава служащих дирекции народных училищ, показано положение директоров и инспекторов в чиновничьей иерархии. Определено, что формирование кадрового состава прошло несколько этапов. Так, первыми служащими являлись лица, направленные в учебный округ из центральной части страны, в дальнейшем пополнение кадров осуществлялось из числа местных жителей. Основными критериями отбора служили уровень образования и стаж работы.

Ключевые слова: Западно-Сибирский учебный округ, дирекция, инспекция, народное образование.

Создание Дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа вывело систему управления образованием на новый уровень. Организация надзора способствовала развитию школьной системы, конечной целью которой должно было стать всеобщее начальное обучение. Система Дирекции предусматривала наличие штата служащих, осуществлявших в первую очередь надзор за организацией и ведением школьного дела в учебном округе. В штат Дирекции входили директора народных училищ и инспекторы. Правовым основанием для ее учреждения стало решение Государственного совета от 6 декабря 1899 г., а порядок деятельности определен в Положении 1874 г.

Структурно Дирекция учебного округа включала в себя дирекцию Тобольской губернии, дирекцию Томской губернии, дирекцию Акмолинской и Семипалатинской областей. Внутри каждая дирекция подразделялась на инспекторские районы. В Положении 1899 г. указывалось: «...создать с 1 января 1900 г. должность директора народных училищ с присвоением ему всех должностных обязанностей и привилегий, предусмотренных Положением 1874 г...» [1. Л. 31]. В Положении от 25 мая 1874 г. отмечалось: «... присвоить директору следующие оклады содержания и, вообще, служебные права ...» [2. Л. 49]. Содержание одного директора обходилось государству в 2 500 руб., из которых 1 000 руб. шло на жалование, 800 руб., на наем квартиры и канцелярские расходы, 700 руб. на разъезды. Директору присваивался V класс.

За период функционирования Тобольской дирекции должность директора занимали Н.К. Рамзевич, И.М. Курочкин, Г.Я. Маляревский. Первым директором был назначен статский советник Николай Кириллович Рамзевич. Он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в Министерство народного просвещения с 1 августа 1879 г. в должности инспектора пятого района Новгородской губернии. В марте 1900 г. Николая Кирилловича направили в Тобольскую губернию. Прослужив два года, он по собственному желанию перевелся в Томскую дирекцию, возглавив ее. С 1902 по 1918 г. Рамзевич возглавлял управление народными училищами в губернии [3. С. 32].

После перевода Н.К. Рамзевича его место в Тобольской дирекции занял статский советник Иван Михайлович Курочкин, окончивший курс в Санкт-Петербургском историко-филологическом институте в звании учителя гимназии. В личном деле И.М. Курочкина сказано, что с 10 июня 1884 г. он преподавал древние языки в Томской гимназии, а с 10 июня 1886 г. по 13 июля 1902 г. возглавлял ее в качестве инспектора. Четыре года Иван Михайлович руководил Тобольской дирекцией, а в 1906 г. на основе личного прошения перевелся в Омскую гимназию [4. Л. 40].

Перевод Ивана Михайловича Курочкина поставил перед попечителем Западно-Сибирского учебного округа серьезную задачу: найти в короткое время достойного человека на вакантное место. Новым директором назначили Григория Яковлевича Маляревского – уроженца Тобольской губернии. В формулярном списке Г.Я. Маляревского значилось: «Григорий Яковлевич Маляревский – 1867 года рождения. Родился в семье священника. Среднее образование получил в Ишимском духовном училище, после поступил в Тобольскую семинарию и завершил обучение в Казанской духовной академии в 1891 г. со степенью кандидата. После окончания учебы два с половиной года работал учителем истории и географии в Тобольском женском епархиальном училище. В период с 1897 по 1906 г. состоял епископским наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты при Тобольской епархии. Имел награды – орден Святого Станислава 2-й и 3-й степени и Святой Анны 3-й степени. За время службы его трижды вызывали в Санкт-Петербург для участия в совещаниях по организации статистической части церковных школ». [1. Л. 34].

Узнав о вакансии на должность директора, Г.Я. Маляревский подал ходатайство на имя Тобольского губернатора. Губернатор направил его прошение попечителю учебного округа с пометкой – рекомендовать кандидата в Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения принял постановление от 9 декабря 1906 г. за № 90, на основании которого Г.Я. Маляревский с января 1907 г. приступил к работе. В должности он прослужил до момента ликвидации дирекции – до 1918 г. [4. Л. 34].

В Томской дирекции проходили службу два директора. Первым в 1900 г. стал Виктор Петрович Щепетев. Информация о нем незначительна. Известно, что до июня 1892 г. он работал воспитателем в пансионе при гимназии, 4 июня 1892 г. по собственному прошению был уволен. С 1900 г. по 1902 г. Виктор Павлович возглавлял дирекцию. В 1902 г. место директора занял Николай Кириллович Рамзевич.

Для Акмолинской и Семипалатинской областей в 1902 г. была создана одна дирекция. Первым директором стал статский советник Александр Ефимович Алекторов [5. С. 21]. Он управлял дирекцией до 9 марта 1909 г., после чего перешел на место окружного инспектора Западно-Сибирского учебного округа. После А.Е. Алекторова дирекцию возглавил статский советник Михаил Васильевич Филиппов, выпускник Казанской духовной академии. До назначения на должность директора он служил инспектором Ордынской школы [6. Л. 50].

Таким образом, за период существования Дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа в ней прошли службу 7 директоров. Все они соответствовали требованиям, указанным в Положении 1874 г. Согласно Положению, директора представлялись к должности на основании рекомендации попечителя учебного округа и утверждались в Министерстве народного просвещения. Однако, как показала практика, в этом процессе активное участие принимал и губернатор, о чем свидетельствует ситуация назначения на должность Г.Я. Маляревского.

Основную массу служащих составляли инспекторы народных училищ. Изначально их деятельность регулировалась постановлением Государственного совета от 26 мая 1869 г. «Об учреждении Инспекторов народных училищ», а с изданием Положения 1874 г. – его нормами. Инспектору полагался VI класс по должности. Размер денежного довольствия составлял 2 000 руб., из них 900 руб. предусматривалось на жалование, 600 руб. шло на наем квартиры, а 500 руб. – на разъезды [7. С. 1222]. Всего в Дирекции служили более пятидесяти инспекторов. Назначение их на должность происходило на основании решения попечителя учебного округа, утверждения в Министерстве народного просвещения не требовалось. Статья 21 Положения предъявляла всего одно требование к кандидату – педагогический опыт, не уточняя, какой уровень образования должен иметь кандидат. При назначении на должность определенное значение имела и протекция губернатора. Можно сказать, что губернатор принимал непосредственное участие в функционировании Дирекции, помогая кандидатам занять определенную должность.

Поскольку основной кадровый состав был представлен инспекторами, на протяжении всего времени существования Дирекции насущной проблемой являлись их нехватка и довольно высокая ротация кадров. Причины такого положения носили как субъективный, так и объективный характер. Конечно, главным фактором являлась специфика самого сибирского региона. Именно этим в первую очередь и были обусловлены указанные проблемы. Можно также назвать довольно частую реорганизацию инспекторских районов, вы-

званную их увеличением, тяжелые условия службы, несоразмерную оплату труда, перевод инспекторов с одного места на другое внутри дирекций или между ними и др. Указанные обстоятельства становились причиной того, что инспекторы, получив назначение и прослужив менее года, подавали прошение об увольнении или о переводе в другое место.

Особенно остро вопрос стоял в первые годы функционирования Дирекции. О реальности проблемы можно судить по реакции руководства (директоров и попечителя) на правонарушения, допущенные инспекторами. Нередкими были случаи их непристойного поведения, грубость, заносчивость, неисполнение непосредственных обязанностей и др. Результатом становились жалобы на поведение чиновников министерства, поступавшие на имя директора или даже попечителя. Однако, несмотря на это, начальство, зная о реальном положении дел, не спешило применять жесткие санкции к нарушителям. Крайне редко можно встретить информацию об увольнении как мере наказания. Как правило, дело ограничивалось переводом в другой инспекторский район. Следует отметить, что хотя случаи вопиющего поведения и имели место, они не становились правилом, а оставались, скорее, исключением. Большинство инспекторов были достойными служащими, находились на хорошем счету у начальства и пользовались уважением населения.

В качестве положительного примера инспектора народного училища можно рассмотреть Владимира Петровича Кумина. Он прошел всю служебную лестницу от учителя сельского училища до инспектора района дирекции. Кумин – выходец из мещанской семьи, 1860 г. рождения. Служебную карьеру начал в 1876 г. с Министерства государственных имуществ в Акмолинской области в качестве учителя сельского Атбассарского училища. Отработав два года, он поступил в Омскую учительскую семинарию, где обучался в течение трех лет, с 1878 по 1881 г. После окончания семинарии получил назначение учителем Тобольского приходского училища. В 1883 г. Кумин выдержал экзамен на звание учителя уездного училища и получил перевод учителем русского языка в Тобольское уездное училище, одновременно с этим преподавал русский язык и арифметику в Тобольской фельдшерской школе. В 1888 г. администрация Тобольской Мариинской школы пригласила его к себе на службу. За добросовестное выполнение обязанностей Владимир Петрович получил орден Святого Станислава 3-й степени. В 1893 г. по предложению директора был назначен смотрителем Ишимского и Тюкалинского училищ. В 1898 г. подал прошение на занятие инспекторского места в Тобольской губернии, но его кандидатуру попечитель отклонил. Искомое место В.П. Кумин добился только в 1906 г., получив пятый инспекторский район. В 1908 г. он выслужил пенсию, но подал прошение на имя попечителя округа продлить срок службы еще на пять лет. Ходатайство было удовлетворено. В результате увеличения инспекторских районов Тобольской губернии В.П. Кумин был переведен на место инспектора первого района Ишимского уезда с 1 июля 1907 г. [8. Л. 3].

Чтобы составить представление об инспекторском составе Дирекции, а также выделить особенности его формирования, была проведена выборка по ряду наиболее значимых характеристик: месту рождения и службы до назначения в Дирекцию, образовательному и возрастному цензам, классному чину.

Изучив имеющиеся данные, можно отметить, что большинство инспекторов Тобольской дирекции являлись уроженцами Западной Сибири (64%): Е.Ф. Соколов, В.П. Куминов, И.И. Куминов, М.А. Пятницкий, П.Ф. Давыдов, К.В. Хавский, Н.К. Головин. Из центральной части России прибыли инспекторы Н.Л. Осипов, А.Н. Тиховский, Ф.А. Васильев, А.Я. Манис. В Томской дирекции ситуация выглядела противоположным образом – только треть служивших инспекторов являлись сибиряками: Н.П. Воинов, А.М. Шалаев, М.К. Елистратов. Основная часть были приезжими: А.Л. Степанов, В.М. Курочкин, К.И. Копосов, П.А. Гуринов, Р.Ф. Щербаков, А.Ф. Ушаров. Такую ситуацию можно объяснить тем, что на момент учреждения Дирекции Томская губерния развивалась более быстрыми темпами, чему способствовало строительство Транссибирской железной дороги, в то время как Тобольская губерния оказалась вне зоны досягаемости магистрали. Также центром культурной жизни Западной Сибири, безусловно, становится Томск, Тобольск же, наоборот, утрачивает свои позиции. В связи с этим служба в Томской губернии являлась более привлекательной для инспекторов, в том числе и для прибывших. Протяженность Тобольской губернии и труднодоступность ряда районов, особенно в северной части, делали ее неприглядной для службы [3. С. 2].

В Акмолинской и Семипалатинской дирекции из четырех инспекторов Акмолинской области два являлись местными жителями – П.В. Степанов и А.Х. Комаров, и два прибывшими – Н. Греховодов и И. Хохлов. В Семипалатинской области из трех инспекторов двое были местными жителями – М.В. Лопачев и И.В. Мирошниченко, и один приезжий – И.М. Скорковский.

Прибывших служащих можно разделить на две категории: те, кто проявил личную инициативу и направил соответствующие ходатайства попечителю Западно-Сибирского учебного округа, и те, кого попечитель сам пригласил на должность. В каждую категорию вошли по двое инспекторов. Так, инспектором первого района Тобольской губернии был назначен А.И. Гуляев. 9 ноября 1899 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев обратился к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой перевести инспектора Петергофского 8-классного городского училища надворного советника Алексея Ивановича Гуляева на службу в Западно-Сибирский учебный округ. Согласие было получено, и 18 ноября 1899 г. А.И. Гуляев подал прошение о переводе. 20 декабря 1899 г. Л.И. Лаврентьев подписал приказ о назначении с 1 января 1900 г. А.И. Гуляева инспектором Тобольского, Тюменского, Туринского, Березовского и Сургутского уездов с местопребыванием в г. Тобольске.

В 1899 г. попечитель просил статского советника Николая Ларионова, учителя-наставника Череповецко-

го училища и преподавателя физики и математики учительской семинарии Санкт-Петербургского учебного округа занять одну из должностей инспекторов в Томской губернии. Ларионов согласился и 7 декабря 1899 г. подал прошение о переводе [9. Л. 26].

Два инспектора самостоятельно направили прошения попечителю округа Л.И. Лаврентьеву о назначении. 19 сентября 1899 г. – Андрей Петрович Нечай, имевший чин надворного советника и являвшийся инспектором Санкт-Петербургского Свято-Троицкого четырехклассного городского училища. Ходатайство было удовлетворено в декабре 1899 г. С января 1900 г. А.П. Нечай получил назначение инспектором народных училищ Курганского, Ялуторовского и Ишимского уездов с местом пребывания в г. Кургане [10. Л. 39].

Надворный советник Владимир Добровольский также в сентябре 1899 г. обратился к Л.И. Лаврентьеву с просьбой о получении места инспектора Западно-Сибирского учебного округа. С января 1900 г. В. Добровольский зачислен в штат инспекторов народных училищ Томской дирекции [11. Л. 27].

Уроженцем Западной Сибири стал учитель Курганского приходского Троицкого училища статский советник Елпидифор Федорович Соколов, окончивший Омскую учительскую семинарию в звании домашнего учителя по русскому языку. За время работы домашним учителем он проявил себя как ответственный педагог, но должность занимал недолго, так как считал, что его услуги слишком низко оплачиваются. Благодаря тобольскому губернатору Е.Ф. Соколов получил место делопроизводителя школьных дел губернии, а в 1900 г. губернатор ходатайствовал о назначении Е.Ф. Соколова инспектором народных училищ первого района Тобольской губернии.

Таким образом, можно отметить, что первых инспекторов попечитель старался приглашать из центральной части страны. Более заметно эта тенденция проявилась в Тобольской губернии. Когда из Министерства народного просвещения пришел приказ попечителю о необходимости формирования кадрового состава, он, несмотря на отличные характеристики трех претендентов из числа местных жителей, выбрал только одного, за которого ходатайствовал лично губернатор. Двух других инспекторов попечитель пригласил из Санкт-Петербургского учебного округа. Подобные действия можно объяснить ответственностью подхода к организации управления. Понимая, что у местных претендентов отсутствует необходимый навык службы в данной сфере, Леонид Иванович Лаврентьев предпочтение отдавал более опытным сотрудникам.

Говоря об образовательном цензе, следует отметить, что из рассмотренных служащих только трое имели высшее образование. Двое из них окончили Казанскую духовную академию – В.М. Курочкин и Р.Ф. Щербаков, выпускником Томского университета был А.М. Шалаев. Все трое служили в Томской дирекции. Остальные инспекторы получили среднее образование.

Большинство инспекторов являлись выпускниками духовных и учительских семинарий, мужских гимна-

зий. Из них двое окончили Томскую духовную семинарию – инспекторы Томской дирекции Н.К. Головин и К.В. Хавский, один Тобольскую губернскую гимназию – инспектор училищ Семипалатинской области А.Г. Ещенко, один Вятскую мужскую гимназию – И.С. Хохлов, инспектор училищ Акмолинской области.

Шесть инспекторов окончили Омскую учительскую семинарию, созданную в 1872 г., имевшую трехгодичный курс обучения и являвшуюся единственным профессиональным учебным заведением в Западной Сибири до 1902 г. Учительская семинария готовила учителей для начальной школы. В нее принимались лица с 16 лет всех сословий православного исповедания, представившие отзыв о «благонравном поведении» и выдержавшие приемные испытания в объеме программы двухклассных начальных училищ Министерства народного просвещения. Срок обучения в семинарии составлял 3–4 года. Основная масса выпускников Омской учительской семинарии оставалась служить в Тобольской дирекции в силу установленных министерством обязательств. Выпускниками Омской учительской семинарии стали Е.Ф. Соколов, В.П. Куминов, И.И. Куминов, П.Ф. Давыдов – инспекторы Тобольской дирекции, Н.П. Воинов – инспектор Томской дирекции, П.В. Степанов – инспектор училищ Акмолинской области.

Один инспектор окончил Вейверскую учительскую семинарию – инспектор Тобольской дирекции А.Я. Манис и один Благовещенскую – инспектор Томской дирекции А.Л. Степанов.

Тринадцать инспекторов окончили учительские институты – закрытые мужские средние учебные заведения, в которых принимались лица всех сословий не моложе 16 лет с образованием не ниже городского училища. Каждый поступающий в институт давал подписку прослужить не менее 6 лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства. После окончания выпускники получали аттестат на звание учителя городского училища и право преподавания в нем.

Трое окончили Санкт-Петербургский учительский институт: Ф.А. Васильев – инспектор Тобольской дирекции, К.И. Копосов – инспектор Томской дирекции, М.В. Лопачев – инспектор училищ Семипалатинской области. Трое являлись выпускниками Оренбургского учительского института: Н.Л. Осипов – инспектор Томской дирекции, Н. Греховодов и А.Х. Комаров – инспекторы училищ Акмолинской области. Двое инспекторов окончили Московский учительский институт – А.Ф. Ушаров – инспектор Томской дирекции, и И.В. Мирошниченко – инспектор училищ Семипалатинской области. Выпускником Казанского института был А.Н. Тиховский – инспектор Тобольской дирекции, выпускником Глуховского учительского института был П.А. Гуринов – инспектор Томской дирекции, Виленский учительский институт окончил инспектор училищ Семипалатинской области И.М. Скорковский. М.К. Елистратов, инспектор Томской дирекции, окончил Томский учительский институт.

Таким образом, можно сказать, что инспекторы Дирекции имели в основном среднее педагогическое образование, получали его как на территории региона, так и в европейской части страны. Самым распространенным видом учебных заведений являлись учительские и духовные семинарии, подготавливавшие выпускников для начальных школ.

Говоря о положении в чиновничьей иерархии, следует отметить, что согласно Положению 1874 г. инспектору полагался VI класс (коллежский советник) по Табели о рангах, с возможностью карьерного роста. Большинство инспекторов имели пятый класс (статский советник). Он был присвоен инспекторам Тобольской дирекции Е.Ф. Соколову, Н.Л. Осипову, И.И. Куминову, А.Н. Тиховскому, М.А. Пятницкому, П.Ф. Давыдову, Н.К. Головину, Ф.А. Васильеву, инспекторам Томской дирекции Н.П. Воинову, В.М. Курочкину, К.И. Копосову, инспекторам училищ Акмолинской области П.В. Степанову, Н. Греховодову, И.С. Хохлову, инспектору училищ Семипалатинской области И.М. Скорковскому.

Инспектор училищ Акмолинской области А.Х. Комаров служил в чине коллежского советника. Надворными советниками являлись инспектор Тобольской дирекции К.В. Хавский и инспектор Томской дирекции Р.Ф. Щербаков. Чин коллежского асессора имели М.К. Елистратов и П.А. Гуринов – инспекторы томской дирекции. Титулярным советником был один из последних инспекторов Тобольской дирекции – А.Я. Манис.

Таким образом, чин статского советника имел наибольшее распространение среди инспекторов. Самым низким являлся чин титулярного советника, принадлежавший только одному инспектору.

Говоря о возрасте инспекторов при назначении на должность, следует указать, что большинство назначений происходило в возрасте от 40 до 50 лет. Это был уже достаточно зрелый сотрудник, имевший определенный педагогический опыт, что соответствовало требованию ст. 21 Положения 1874 г. В качестве главного критерия она указывала на опыт педагогической деятельности, поскольку основной задачей инспектора являлась проверка именно образовательного процесса.

Подводя итог, следует отметить, что за период своего существования Дирекция народных училищ Западно-Сибирского учебного округа столкнулась с рядом проблем, одной из которых стала проблема формирования кадрового состава. Подбор чиновников имел важное значение, так как именно от него зависело качество работы Дирекции в целом. За 18 лет деятельности в Дирекции прошли службу несколько десятков чиновников ведомства Министерства народного просвещения в должности директоров и инспекторов народных училищ. Именно инспекторы составляли основную категорию служащих, осуществляя контроль за вверенными в их управление районами. Согласно петровской Табели о рангах директора и инспекторы относились к разряду гражданских чинов и занимали определенное положение в служилой иерархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 4. Д. 50.
2. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 51.
3. Отчет о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции за 1909 год. Тобольск, 1910. 36 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 186. Д. 2044.
5. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1625.
6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 50.
7. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1871. Т. 4: Царствование императора Александра II, 1865–1870.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 227.
9. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1130.
10. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 3022.
11. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 1205.

Olga A. Golikova, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk, Kemerovo region, Russian Federation).
E-mail: momsi@yandex.ru

THE STAFF OF THE DIRECTORATE OF PRIMARY SCHOOLS IN THE WEST SIBERIAN EDUCATIONAL DISTRICT

Keywords: West Siberian educational district, Directorate, inspection, public education.

The purpose of the article is to review the process of formation and development of the staff of the Directorate of primary schools, as well as to identify its characteristics. The work is based on the archival material of the Russian State Historical Archive (RGIA), the State Archives of the Tomsk Region (GATO), the Systematic Code of Laws, the Memorial Book of the Semipalatinsk Region, and others.

The issue of staffing the directorate was relevant, throughout its functioning. The staff of the employees consisted of directors and inspectors whose legal status was determined by the Regulations of 1874. The procedure for appointing and requirements for candidates was contained in Article 21. The director of public schools was elected as the trustee of the educational district, was confirmed in the post of minister of public education, he had to have a higher education. The inspector was elected from persons with pedagogical experience of work and was appointed as the trustee of the educational district.

Over the 18 years of the directorate's existence, seven directors have served the service: Tomsk Directorate was headed by V.N. Schepe-
tev and N.K. Ramzevich; Tobolsk Directorate by N.K. Ramzevich, I.M. Kurochkin, G.Ya. Malyarevsky; Akmolinsk and Semipalatinsk Directorate headed by A.E. Alektory and M.V. Filippov. All of them were worthy candidates and met the requirements specified in Article 21 of the Regulations of 1874.

The Directorate consisted of districts headed by inspectors. For the period from 1900 to 1918 there were more than fifty inspectors. Although the issue of manpower was still relevant throughout the entire existence of the directorate, it was felt most acute in the early years. At this time, there is a process of increasing the inspection areas, which caused the transfer of employees from one place to another both within the directorate and between them within the training district. The working conditions were objectively severe, and the wages were not appropriate. These reasons objectively caused rotation of the staff.

The provision of 1874 gives the most general idea of the requirements for inspectors, mentioning only the need for pedagogical experience. After analyzing the lists of inspectors, you can make a portrait of the average official. Taking into account such indicators as education, age, class rank, we can say that the inspector had a secondary education, grade VI, he was appointed to the position at the age of 40-50 years. Most of the inspectors were natives of Western Siberia, but there were also natives of the central part of the country. As a rule, in the first years of the establishment of the directorate, the trustees preferred the second category.

Thus, we can say that the process of forming the staff of the directorate, especially the inspectorate, was continuous. The officials of the directorate were appointed to the post in accordance with the Regulations of 1874, it also contained a list of their duties. As the analysis of sources shows, the management of the directorate paid serious attention to staffing, seeking to fill vacancies, in order to improve the efficiency of its functioning.

REFERENCES

1. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 50.
2. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 51.
3. Russia. (1910) *Otchet o sostoyanii nachal'nykh uchilishch Tobol'skoy direksii za 1909 god* [Report on the state of primary schools of the Tobolsk Directorate for 1909]. Tobolsk: [s.n.].
4. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 733. List 186. File 2044.
5. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 1625.
6. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 1. File 50.
7. The Ministry of Public Education. (1871) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.].
8. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 733. List 177. File 227.
9. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 1. File 1130.
10. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 3022.
11. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 1205.

УДК 94(47).084.9
DOI: 10.17223/19988613/74/7

Н.Ю. Пивоваров, В.В. Тихонов, Н.П. Шок

МИРОТВОРЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СССР В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ: ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЕССИИ И ЭТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

На основе разнообразных источников проанализированы отдельные элементы миротворческого движения СССР в ракурсе деятельности христианских конфессий и их вклада в формирование этики международного диалога. Особое внимание уделено организационным вопросам оформления этого диалога, а также ключевым идеям, обсуждавшимся в рамках миротворческой повестки. Авторы приходят к выводу, что к началу 1960-х гг. миротворческие предложения христианских конфессий СССР, постулирующие человеческую жизнь как высшую ценность, стали важным контекстом для формирования идей послевоенного гуманизма.

Ключевые слова: миротворческое движение, гуманизм, христианские конфессии, антинуклеарное движение, память о Второй мировой войне, СССР, этика международного диалога.

Вторая мировая война стала самым разрушительным вооруженным конфликтом в истории человечества, но она же породила надежду на установление прочного мира в глобальном масштабе. Однако по мере складывания биполярного мира происходило ужесточение идеологических позиций, усиливался рост опасений относительно враждебных намерений со стороны двух конкурирующих систем. Попытки преодолеть потенциальные военные конфликты, выработать диалог между двумя враждующими лагерями привели к феномену многочисленных пацифистских, антивоенных и миротворческих движений.

Война актуализировала роль религиозного фактора в повестке международных отношений. Но если на Западе религиозные организации традиционно занимали активную социальную позицию в публичном пространстве, то в СССР ситуация была прямо противоположной. С начала 1920-х гг. религия вытеснялась из советской общественной жизни, превратившись к началу 1940-х гг. в маргинализованную структуру. Ситуация изменилась в годы войны, когда произошло оформление так называемого «нового курса» – особой политики советского государства в конфессиональной среде, направленной на частичную реабилитацию религиозных институтов. «Новый курс» был тесно связан с внешней политикой. При этом советская дипломатия вытаскивала на международную арену консервативные по своему духу религиозные организации, что приводило к уникальным в истории альянсам, когда за одним столом собирались представители совершенно разных по духу и этическим взглядам религиозных организаций и обсуждали проблемы человечества. В этом смысле можно согласиться с мнением Т. Банхоффа, который утверждал, что в послевоенном СССР существовал государственный религиозный плюрализм – политика, объединяющая сообщества с пересекающимися, но отличающимися этическими нормами и интересами [1].

В рамках государственного религиозного плюрализма сформировалась особая «церковная дипломатия», ставшая одним из каналов, используемых для разрешения различных международных вопросов, в том числе вопросов миротворческого движения.

Данная статья посвящена анализу некоторых аспектов деятельности христианских конфессий СССР в миротворческом движении как одного из элементов формирования этики международного гуманистического диалога. Это не значит, что представители других религий не принимали участия в миротворческих акциях. Вместе с тем именно христианские конфессии оказались наиболее заметными в советском миротворческом движении, что, с одной стороны, связывалось с преобладанием христианства в СССР, а с другой – было связано с тем, что ключевыми адресатами миротворческих призывов являлись западные государства – страны с высоким уровнем распространения христианских конфессий. В этих условиях советским дипломатам было вполне логично разыграть «христианскую карту» в геополитической игре. Исследователь В. Флетчер справедливо отмечал, что «проблема мира как таковая во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между Церковью и государством, потому что здесь можно было оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходила от атеистического государства» [2. Р. 67].

Историография, посвященная международной деятельности христианских конфессий СССР (в первую очередь МП РПЦ), на сегодняшний день достаточно представительна [3–22]. В то же время миротворческой деятельности христианских конфессий уделялось мало внимания [23–25], что заставляет согласиться с мнением Н.А. Беляковой в том, что религиозный фактор в миротворческих инициативах в историографии, скорее, игнорируется [19. С. 8]. В данной статье

будут рассмотрены как организационные составляющие диалога, так и основные гуманистические идеи, выдвигавшиеся СССР в рамках миротворческой политики через религиозные организации. Для решения поставленной задачи использованы документы государственных и партийных организаций, отложившиеся в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне – Российский государственный архив новейшей истории; РГАНИ). Особое внимание уделено отчетам и докладным запискам, посвященным поездкам религиозных деятелей. Кроме того, проанализированы статьи о гуманистических проблемах, опубликованные в официальных печатных органах РПЦ и ВСЕХБ – Журнале Московской патриархии (ЖМП) и «Братском вестнике».

Организационные вопросы миротворческой деятельности христианских конфессий СССР

Институционально миротворческое движение в СССР начало оформляться спустя несколько лет после окончания войны, что напрямую связано с резко ухудшившейся международной обстановкой с середины 1948 г. Это подтолкнуло Москву к разработке проектов масштабной мобилизации мирового общественного мнения путем пропаганды защиты мира. Так, 6 января 1949 г. опросом членов Политбюро ЦК было принято постановление «О Всемирном конгрессе сторонников мира», в соответствии с которым была поставлена задача «всемерно содействовать вовлечению широких масс и демократических кругов во всех странах в кампанию борьбы за прочный мир» [26. Л. 12].

Январское постановление 1949 г. заложило основу миротворческого движения, ставшего одним из приоритетных направлений советской внешней политики вплоть до начала 1960-х гг. Отдельный вопрос: почему СССР так активно участвовал в миротворческом движении? Ряд исследователей считают, что Москва таким образом пыталась отсрочить неизбежный военный конфликт с Западом, а международное движение за мир помогало выиграть время, компенсировав отставание Советского Союза в военной и экономической областях [2. Р. 60–63; 6. С. 305; 15. С. 264]. Таким образом, миротворческое движение в представлении этой группы исследователей было не чем иным, как «оборонительным оружием в руках Сталина» [27. Р. 37–42]. Другие исследователи считали, что международная миротворческая деятельность СССР – это своеобразная пропаганда, направленная главным образом на западных обывателей, формирование союзников для борьбы с капиталистическими правительствами [28–30]. При этом риски, связанные с интенсификацией международных контактов, в осуществлении которых участвовали «неофициальные» послы, представлялись менее значительными, чем создаваемый ими пропагандистский эффект [31. С. 228]. Миротворческое движение, рассматривалось и как одна из форм диалога СССР с западным миром [32]. На наш взгляд, миротворческое движение необходимо изучать одновременно и с позиций диалога, так и с позиций вызова, который бросало советское руководство Западу, бравирова своим многочисленными миротворческими акциями. Миро-

творческое движение было одним из элементов сложной геополитической игры, которую разыгрывал Кремль во время холодной войны.

Участниками этой игры была широкая советская общественность, в том числе представители религиозных организаций. Исследователи склоняются к мнению, что в первые послевоенные годы советское руководство уделяло особое внимание Московской патриархии, пытаясь воплотить в жизнь идею создания в Москве центра мирового православия [15. С. 94–95], что соответствовало представлениям о формировании национального большевизма [33. С. 287]. Не менее важным в первые послевоенные годы стало укрепление через церковь советского влияния в странах социалистического лагеря. Однако после провала международной деятельности РПЦ в Греции, Израиле и Турции и проведения неудачного, с точки зрения властей, Всеправославного совещания в Москве, 1948 г. [34, 35] деятельность Московской патриархии будет переключена на миротворческое движение. Исследователь А. Роккуччи справедливо указывает, что движение за мир было не вполне равноценной заменой борьбе за лидерство в православном и – шире – в христианском мире, так как не имело каких-то конкретных целей [18. С. 258–259, 300–301]. Разворот в сторону миротворческого движения позволил включить в диалог представителей уже не только РПЦ, но и других христианских конфессий. Однако Московский Патриарх в рамках миротворческого движения оставался неформальным главой всех религиозных организаций СССР. Неслучайно первым открытым актом миротворческой деятельности от имени религиозных организаций стал «Призыв Патриарха Московского и всея Руси в защиту мира», напечатанный в «Известиях» в марте 1949 г. [36]. В нем Алексей благословил единение всех сторонников мира на земле и от лица Русской Православной Церкви обратился ко всем братским автокефальным православным церквям с призывом возвысить свой голос против надвигающейся новой военной бури.

Миротворческая деятельность христианских конфессий СССР протекала на разных советских и зарубежных площадках. Специальные внутрисоветские мероприятия с участием религиозных деятелей, на которых обсуждалась миротворческая повестка, были редким явлением. До смерти И.В. Сталина самым крупным событием стала конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР, посвященная вопросу защиты мира, в мае 1952 г. в резиденции московского патриарха в Загорске. После 1953 г. для миротворческого диалога широко использовались церковные юбилеи. Например, Московская патриархия собирала за одним столом представителей православных церквей на десятилетие патриаршества Алексея в 1955 г. и сорокалетие восстановления патриаршества в 1958 г. Так, на встрече 1955 г. Московский Патриарх выступил от лица всего мирового православия в поддержку решений «большой четверки» в Женеве в связи урегулированием военного конфликта в Корее и Вьетнаме, призывая к миру во всем мире [37. Р. 85]. Основными внутренними площадками для всех христианских конфессий Советского Союза были сессии Советского

комитета защиты мира и конференции сторонников мира, проходившие в СССР.

Гораздо чаще представители христианских конфессий СССР участвовали в работе различных зарубежных площадок, преимущественно в заседаниях пленарных сессий и съездах Всемирного совета мира. До 1953 г. единственным исключением стала конференция христианских церквей стран народной демократии, состоявшаяся в июле 1950 г. в Праге. С середины 1950-х гг. под влиянием расцвета гуманистической концепции и этики глобальной безопасности [38] увеличивается число внешних площадок, участие в работе которых принимали религиозные деятели СССР. Так, одной из ключевых институций, занимавшейся выработкой миротворческой политики, с 1958 г. стали Пражские мирные христианские конференции. Первая конференция была ориентирована на объединение протестантского духовенства, выступавшего против холодной войны. Однако с 1959 г. наряду с ВСЕХБ в конференции от имени СССР стали выступать и представители РПЦ. Формат конференции предусматривал широкое обсуждение вопросов, связанных с запретом атомного оружия и защитой мира. Например, на первой Пражской конференции было принято обращение к народам бороться против атомного вооружения и создать безатомную зону в Европе, а на второй, в 1959 г., было принято решение об установлении Дня Хиросимы как дня памяти для верующих об опасностях атомной войны.

Не менее успешными для диалога оказались ежегодные Европейские конференции христианских церквей. В отличие от Пражских конференций, на Европейских упор делался на обсуждении общецерковных проблем, но рассматривались и такие вопросы: «Что мы, христиане, можем сделать в интересах мира?»; «Осуждение подготовки к атомной войне и ядерным испытаниям» и т.д. [39. Л. 46]. Еще одной площадкой с конца 1950-х гг. стали совместные заседания с Всемирным Советом церквей (ВСЦ) – крупнейшей международной экуменической организацией. Так, в августе 1959 г. ЦК ВСЦ утвердил решение о запрете ядерного оружия, прекращении испытаний атомных и водородных бомб, а на заседании исполкома Совета в феврале 1960 г. в Буэнос-Айресе было принято обращение к государствам, владеющим атомным оружием, продолжить свои усилия по достижению окончательного соглашения о прекращении всех видов испытаний атомного оружия [Там же. Л. 44]. Миротворческий диалог осуществлялся и на узкорелигиозных мероприятиях – Всемирном съезде баптистов, конференции лютеранских церквей меньшинств, всеправославных совещаниях, а также различных теологических конференциях. Последний формат особенно активно использовался представителями РПЦ, так как дискуссии в поисках богословского консенсуса оказывались чаще всего бесплодными, а найти точки соприкосновения по вопросам миротворческой тематики оказывалось гораздо проще. Помимо многосторонних встреч, в ходе различных поездок важное место занимали двусторонние переговоры [40].

Наряду с организационной составляющей важно показать язык, который использовали религиозные иерар-

хи, говоря о борьбе за мир. Оговоримся, что стиль мог меняться в зависимости от темы выступления, но в целом язык церковных дипломатов в рассматриваемый период оставался практически неизменным. Мы можем выделить ряд повторяющихся образов: противники мира, эсхатологические преставления и христиан / христианство в борьбе за мир.

Негативные образы борцов, как правило, были связаны с западными правительствами. В формировании таких образов использовались разнообразные клише: «друзья Сатаны», «граждане зла», «жрецы золотого тельца», «зверь с атомными зубами и бактериологическими когтями», «империалисты», «поборники мира, любви и правды», «любители мертвечины», «насилыники», «политические фарисеи и банкиры», «преступники», «противники Бога», «рабы золотого мешка», «силы ада», «стервятники», «сторонники человеконенавистнической пропаганды», «торговцы смертью», «убийцы», «фабриканты смерти», «факельщики новой войны», «хищники», «человекоистребители», «эксплуататоры» и др. К негативному образу прибавлялись эсхатологические картины, которые рисовались в выступлениях церковных дипломатов. Христианские миротворцы постоянно заявляли, что «человечество на краю гибели», «миру грозит катастрофа», «предстоит безумная атомная и бактериологическая война». Самым распространенным видением будущего были заявления о возможной третьей мировой войне. Описывались и последствия войны, такие как превращение Земли в выжженную пустыню.

Негативным образам Запада противопоставлялись позитивные, отождествлявшиеся в первую очередь с СССР. Вот лишь некоторые из клише, используемых в текстах проповедей и в статьях христианских миротворцев по отношению к Советскому Союзу: «благодатная купель», «благословенная земля» (и «благословенный советский народ»), «земля, наполненная верующими», «корабль Ноя», «крепость мира», «неодолимая твердыня и надежный оплот борцов за мир во всем мире», «пример мирного сотрудничества братских народов, не знающих национальной розни и дискриминации», «церковь Христова», «цитадель выше монбланов и эверестов» и др. До XX съезда КПСС особое внимание уделялось фигуре И.В. Сталина. Он был не просто вождем советского народа, но и «великим вождем всех трудящихся», «знаменосцем фронтов сторонников мира», «оплотом мира и безопасности народов», «первым часовым мира», человек, у которого были «зорки очи, крепка рука, указывающая людям дорогу». Отдельные зарубежные церковные деятели шли еще дальше. Так, митрополит Эпифанийский Игнатий, представлявший антиохийскую делегацию во время поездки в Москву летом 1953 г., знакомясь с советскими достопримечательностями, неожиданно заявил: «Если бы товарищ Сталин был верующим, то за все то хорошее, что им было сделано для народа, его следовало бы причислить к лику святых» [39. Л. 47]. Интересно, что после разоблачения культа личности стало упоминаться только коллективное советское правительство без персонификации.

В проповедях подчеркивалось, что любые миротворцы стоят вне политики, а их главная задача – распространять взгляды о запрещении оружия массового уничтожения. С темой миротворчества напрямую были связаны такие этически значимые понятия, как патриотизм, мужество, трудолюбие, чувство любви и уважения к ближнему. В отдельных выступлениях и статьях озвучивались идеи о мирном сосуществовании разных политических систем [40. С. 201]. Руководители различных христианских конфессий неоднократно подчеркивали, что борьба за мир – это прежде всего борьба с грехом. При этом грех нередко трактовался как болезнь, а значит, необходимо было получить исцеление от болезни войны, алчности, гордости. Любопытно, как в сфере миротворческого движения в период холодной войны в этическом дискурсе международного диалога преломлялись языки медицины и религии, особенно на фоне попыток представить эти дискуссии политически и ценностно нейтральными. Такие практики, безусловно, представляли собой интеллектуальные ловушки. Видеть обстоятельство как «грех» или «болезнь», по мнению одного из основоположников американской биоэтики профессора Х.Т. Энгельгардта, означает поставить его внутри области одного из основных социальных институтов – религии или медицины – и их своеобразных моделей объяснения [41. Р. 222–226]. Факты, доступные внутри сфер религии и медицины, опознаются в терминах конкретных систем ценностей, объяснительных моделей и социальных ролей. Все это определяет контекст для действий личности. В рамках этики публичной политики, отмечает Энгельгардт, всегда одновременно существуют и преимущество, и проигрыш, если рассматривать «неправильное» поведение как преступление, грех, моральную вину или болезнь. Любой из подходов не является ценностно нейтральным. Отнесение тех или иных обстоятельств к болезни или к греху означает не только выбор в пользу одной из соревнующихся ценностных систем, термины которой помогают понять и определить положение дел, но и соответствующий социальный выбор. Удивительным образом дискурсы медицины и религии были задействованы советским руководством в повестке этики международного миротворчества, что требует дальнейшего детального изучения. Например, в одной из статей, посвященных миротворческому делу, А. Кареев писал: «Мы все согласны с тем, что лучше предотвращать болезнь, чем лечить ее. Поэтому пусть все церкви объединят свои усилия для... предотвращения войны и для творения мира» [42]. Среди главных лекарств, которые помогли бы в исцелении, большинство христианских миротворцев называли молитву, изучение священного писания, общественно полезный труд, выполнение гражданских обязанностей, а также специальные богослужения. Так, 29 октября 1951 г. в Рижском соборе было совершено совместное богослужение архиепископа Турса и архиепископа Рижского РПЦ. Днями особой молитвы о мире были 2 октября (Международный день мира) и 9 мая. В евангелическо-лютеранской церкви Латвии с 1950 г. появилась традиция воздавать особые молитвы за мир в День Победы.

В целом можно утверждать, что в послевоенное время государство очерчивало нормы допустимого, а в обмен представителям христианских конфессий, не нарушая границ предоставленной самостоятельности, разрешалось относительно беспрепятственно осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность. Для усиления деятельности церковных организаций в миротворчестве государство разрешило издание ЖМП и «Братского вестника», содержание которых было в основном заполнено материалами о борьбе за мир. После смерти Сталина баланс взаимодействия государства и церкви на некоторое время нарушился: было объявлено о наступлении на религиозные институты и возобновлении атеистической риторики. Начавшаяся кампания отразилась и на международном диалоге. Все зарубежные религиозные организации были озадачены происходившим в СССР, что в итоге привело к нивелированию агрессивной атеистической пропаганды в конце 1954 г. Период 1955–1957 гг. стал временем расцвета религиозной жизни внутри СССР и активизации международного диалога [6. С. 352; 18. С. 411; 43. С. 162]. Однако с конца 1950-х гг. вся внешняя деятельность протекала на фоне внутреннего хрущевского административного давления на церкви. Это привело к параллелизму в деятельности церкви: с одной стороны, наращивались международные контакты и авторитет, а с другой – гонения вызывали непонимание за рубежом, приводили к росту протестных настроений внутри церковных организаций.

Основные этические аспекты и гуманистическая повестка в миротворческом диалоге

В рамках религиозного миротворческого движения происходило формирование гуманистического дискурса. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период преобладали внешние темы – защита жизни от ядерной угрозы и общее сострадание к человечеству, актуализированное памятью о прошедшей войне. Все это были элементы глобальной публичной политики с участием религиозных конфессий. Религиозная этика, дискуссии по вопросам морали, публичная социальная деятельность, характерная для христианских конфессий, внутри СССР отсутствовали. Мы можем встретить лишь редкие упоминания об этом. Например, во время беседы профессора Московской духовной академии Н.П. Доктусова с американскими журналистами 2 февраля 1955 г. неожиданно возник вопрос об отношении церкви к использованию контрацептивов и проведению аборт. Профессор ответил, что Церковь осуждает использование контрацептивов и аборты для прерывания беременности и даже налагает епитимью, отлучая на некоторое время супругов от таинства Евхаристии. Впрочем, Доктусов уточнил, что это относится только к супругам, у которых с медицинской точки зрения нет препятствий к деторождению [44. Л. 7]. Внутренние вопросы представителями христианских конфессий СССР не поднимались, так как обсуждение советских проблем оставалось табуированной темой. Позднее, в конце 1960-х – начале 1970-х гг., в рамках реализации решений XXIV съезда КПСС и уси-

ления идеологической работы по формированию научного мировоззрения советских людей стали появляться исследования на кафедрах марксистско-ленинской этики. Эти работы были посвящены анализу базовых этических понятий в ракурсе сравнения христианской и коммунистической этики. Советские философы исследовали категории долга, смысла жизни, смерти и бессмертия, даже провели симпозиум с участием коллег из стран социалистического лагеря [45–47]. Это направление внутренних дискуссий контрастировало с внешнеполитическими трендами и ролью христианских конфессий в трансляции советской гуманистической повестки в глобальном миротворческом диалоге.

Антиядерная повестка в выступлениях и статьях христианских миротворцев СССР в целом доминировала, что связано с инициативами Кремля, который активно использовал миротворческое движение для антиядерной пропаганды. Однако до начала 1950-х гг. христианские миротворцы в основном выступали только с антимилитаристическими заявлениями, сводившимися к требованию о немедленном уничтожении запасов ядерного оружия. В этом отношении показательна кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием о запрете оружия в 1950 г. После начала Корейской войны советское руководство расширило пропаганду против не только ядерного, но и бактериологического оружия. Образ чумных бомб не сходил с языка церковных миротворцев в 1952 – начале 1953 г. В их выступлениях впервые проявились элементы биоэтики, когда вопрос шел не просто о запрете оружия, а об опасности самого оружия, его непосредственном влиянии на здоровье людей. Больше всего подобных речей прозвучало на конференции церковей и религиозных организаций в защиту мира в 1952 г. Например, епископ Лиепайской епархии П. Стродса заявлял: «Если от атомного и химического оружия может спасти по крайней мере пространство, то против бактериологического оно бессильно. Бактерии самыми разнообразными способами и путями могут быть перенесены из одного государства в другое, из одного континента на другой и всюду могут сеять самые ужасные смертоносные болезни» [48. С. 182].

После смерти Сталина на короткий промежуток времени (примерно до конца 1954 г.) антиядерная повестка сошла на нет, что, безусловно, связано с попытками установления новой системы международных отношений и разрешения военных конфликтов во Вьетнаме и Корее. Новый виток антиядерных обсуждений возник после испытания атомной бомбы на атолле Бикини в 1954 г. Именно тогда произошел мировой всплеск пацифистских, антивоенных и миротворческих настроений. На рубеже 1954–1955 гг. с требованием запрета атомного оружия активно выступала англиканская церковь, папа римский сделал несколько громких заявлений на этот счет. В таких условиях религиозные организации СССР наращивали свою публичную активность по данному вопросу, а кураторы религиозной сферы подстегивали своих подопечных. Так, в 1957 г. в плане работы Совета по делам религиозных культов одной из первоочередных задач была обозначена подготовка материалов «по усилению дея-

тельности религиозных центров СССР в борьбе за мир и запрещение испытаний ядерного оружия» [25. С. 26]. Последней крупной миротворческой встречей по обсуждению проблем денуклеаризации, в которой принимали участие христианские миротворцы СССР, стал Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, состоявшийся в Москве в июне 1962 г., т.е. за несколько месяцев до Карибского кризиса.

Антиядерная риторика христианских миротворцев СССР в рассматриваемый период, как правило, включала два основных положения. Во-первых, подчеркивалась мысль о том, что изготовление и использование подобного оружия являются безнравственными поступками, не соответствующими христианским идеалам жизни, нарушающими вековые устои общества. Во-вторых, оружие массового уничтожения было фактором перманентного страха, так как атомные бомбы нарушали принципы ведения традиционной войны. Они были опасны не для фронта, а для тыла, затрагивали наиболее незащищенную часть населения – стариков, женщин и детей. «Бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, разрушили не только эти города. Они разрушили все прежние вековые представления о войне. Они показали, что атомная война, в отличие от всех прошлых войн, будет войной не между армиями противников, а войной против мирного населения – стариков, женщин и детей. Хиросима и Нагасаки показали, что в атомной войне самая большая опасность угрожает не воинам на фронте, а городам и селам и их мирным обитателям», – писал безвестный баптистский автор [49. С. 18].

Меньше всего в христианском дискурсе присутствовали темы, связанные с опасностью атомного оружия для здоровья человека. Эти темы в официальных текстах появляются с конца 1950-х гг., что неудивительно, так как с этого времени в мире появляется все больше сообщений ученых о непосредственной опасности радиации для здоровья человека. Впервые о влиянии атомного оружия на здоровье человека заявил Московский Патриарх. Так, в обращении за 1957 г. мы находим следующее предупреждение: «В данный момент все человечество, весь мир находятся в состоянии глубокой тревоги, ибо испытания термоядерного оружия угрожают здоровью и жизни не только настоящих, но и будущих поколений. Эта тревога растет с каждым новым атомным взрывом, заражающим земную атмосферу вредными продуктами атомного распада» [50. С. 36]. С 1959 г. обращения к этой теме усиливаются. Показательно заявление руководства ВСЕХБ 1961 г.: «Мы должны радоваться, что три державы – СССР, США и Англия – уже три года воздерживаются от испытаний ядерного оружия, и таким образом сохраняется и чистота воздуха, которым дышит человечество» [51. С. 16]. Пожалуй, самый уникальный текст принадлежал А.Л. Казем-Беку – бывшему лидеру «младороссов» и эмигранту, ставшему с конца 1950-х гг. активным православным публицистом. Он писал на страницах официального печатного органа Московской патриархии научно-популярные тексты, в том числе о том, что «атмосферу вокруг всей планеты все больше насыщает и отравляет элемент, возни-

кающий при ядерных взрывах, – радиостронций 90» [52. С. 11–12].

Атомное оружие воспринималось чаще всего в негативном контексте, как «сатанинское изобретение» [48. С. 260]. Гораздо меньше в тестах христианских миротворцев уделялось внимания возможностям использования атомной энергии в мирных или научных целях. В этом вопросе сказывалась, как представляется, консервативность мировосприятия. Это отмечали западные гости. Например, председатель Синода евангелической церкви Рейнской области д-р Х.-Й. Хельд во время своего турне по Советскому Союзу в 1955 г., общаясь с представителями РПЦ, неоднократно заявлял, что религия должна пользоваться достижениями современной науки, и осуждал православных за излишний консерватизм в этом вопросе: «Православная церковь основывается лишь на религиозных чувствах, а не на сознании. На Западе это невозможно, потому что религия должна подкрепляться достижениями науки. Православная же церковь стоит совершенно на стороне от науки», – говорил он [53. Л. 205]. Такой же точки зрения придерживался и епископ Национального Совета христианских церквей США Шерилл. Во время своей поездки по СССР в 1958 г. он неоднократно подчеркивал, что «человеку нужны и наука, и религия» [54. Л. 78].

Наряду с антиатомной повесткой важными для формирования гуманизма стали идеи сострадания к человеку после Второй мировой войны. Память об ужасах прошедшей войны была одной из преобладающих тем в официальных выступлениях и заявлениях христианских миротворцев СССР. В первые послевоенные годы особенно часто встречалось упоминание о том, что необходимо «залечить материальные и духовные раны», которые нанесла прошедшая война. Чаще всего к образам Великой Отечественной войны в своих выступлениях обращался митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Скорее всего, это было связано с тем, что он был членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Его выступления, связанные с войной, были наполнены одновременно и ужасом, и искренностью. Так, на одной из сессий Всемирного совета мира в 1951 г. он говорил: «Я видел сотни еще неубранных трупов убитых мирных людей, изнасилованных и искалеченных перед смертью, уничтоженных врагом только за то, что они не уходили из своих жилищ вслед за отступавшими гитлеровскими бандами. Я видел высокие холмы из человеческих трупов, лишь слегка прикрытых землей, торчащие из земли ноги и скрюченные в предсмертных судорогах руки, части тела, отделенные от корпуса, тела женщин и детей, простреленные пулями и исполосованные ударами плети, ножа, штыка, раскаленного железа. Я разговаривал с живыми свидетелями преступлений и с теми, кто чудом спасся из этих холмов и ям смерти. С чувством священного гнева против людоедов я склонял голову у колодцев около города Симферополя и у шахт Донбасса, заполненных сброшенными туда трупами мирных тружеников и обывателей. Все эти преступления записаны и закреплены

свидетельскими показаниями и документами» [55. С. 26]. Память и сострадание к жертвам Второй мировой войны как бы перекладывалась на жертв других военных конфликтов, заставляла задумываться о ценности человеческой жизни в целом. В этом отношении особенно показательным обращением к Корейской войне. Так, председатель общества молокан И.М. Монашенков на конференции церквей и религиозных организаций в защиту мира 1952 г. заявлял: «Мы понимаем корейских страдальцев очень хорошо, потому что сами испытали многие ужасы от германских захватчиков. У нас еще не зажили раны, не высохли слезы жен и осиротевших детей от недавней мировой войны» [48. С. 126].

Один из главных вопросов – насколько эффективным был гуманистический диалог в рамках миротворческого движения? Отдельные западные авторы считали, что представители религиозных организаций СССР в своей международной деятельности держали, что называется, фигу в кармане. Например, в своих воспоминаниях архиепископ Василий (Кривошеин) заявлял: «Всем этим “мирным” выступлениям митрополита Николая не надо придавать никакого значения, так как они вынуждены, и он делает ради блага Церкви и как бы взамен на те льготы и послабления, которые Сталин в послевоенные годы, несомненно, предоставлял Церкви» [56. С. 218]. Неоднозначно оценивал миротворческую деятельность церкви и другой видный православный иерарх – митрополит Филарет (Вахромеев). Уже после распада СССР он говорил: «Миротворческая деятельность быстро стала идеологическим полигоном власти, но даже при этом не утратила для людей личного смысла. Слишком дорогой ценой был добыт мир для нашего народа, и по сравнению с пережитым ужасом последней войны все эти идеологические, политические, дипломатические конструкции так и не смогли заслонить пронзительной остроты восприятия мира как величайшего блага» (цит. по: [25. С. 26]). Несомненно, активизация диалога, несмотря на очевидный контроль со стороны советских властей, позволила христианским конфессиям СССР упрочить свое положение в международных контактах, участвовать в формировании глобальной гуманистической повестки.

Восприятие миротворческой деятельности религиозных организаций СССР на внешней арене различалось, и призывы христианских конфессий, Московской патриархии не всегда пользовались безоговорочной поддержкой даже в странах соцлагеря. Например, в отчете Совета по делам РПЦ за 1959 г. отмечалось, что Синод Болгарской православной Церкви в неформальной обстановке не проявлял инициативы в борьбе за запрещение ядерного оружия, предлагал идеи пацифизма [57. Л. 311]. Гораздо сложнее формировался диалог с западноевропейскими и американскими христианскими конфессиями, а также с восточными православными церквями. Для западных христианских лидеров «борьба за мир», провозглашаемая религиозными организациями СССР, ассоциировалась с советской, коммунистической политикой. Например, шведские квакеры, посетившие СССР в 1955 г., заявляли, что движение за мир они считают «орудием Москвы для пропаганды своих взглядов» [57. Л. 120].

Западные христианские деятели в общении с представителями религиозных организаций СССР старались избегать выражения «борьба за мир». Например, представители англиканской церкви, посетившие в мае 1955 г. Москву, постоянно говорили о «поисках путей к миру» [58. Л. 38], а в качестве эффективных инструментов достижения мира они признавали не воззвания, а «индивидуальную и церковную молитву» [Там же. Л. 39]. Религиозных деятелей отпугивала не только коммунистическая идеология, но и необходимость участия, как они считали, в политике. Например, в 1958 г. д-р Крюгер, представлявший евангелическую церковь ФРГ, отказался от приглашения РПЦ участвовать в предстоящем Стокгольмском конгрессе за разоружение и международное сотрудничество, мотивируя это следующим образом: «Там политика, я христианин и не занимаюсь политикой» [59. Л. 40]. К негативным факторам стоит отнести и сложившийся на Западе образ СССР как атеистической империи, устраивающей гонения против верующих. Например, англиканская делегация, посетившая СССР в период начавшегося административного давления в 1954 г., была скептически настроена в отношении диалога. Гости постоянно критиковали советскую действительность, заявляли о том, что все священники, с которыми они беседовали, или члены партии, или сотрудники спецорганов, а демонстрировавшиеся церкви и молящиеся в них – бутафория [Там же].

Если говорить о гуманистических вопросах, поднимавшихся на встречах, то наибольший отклик среди представителей зарубежных религиозных организаций находили антиатомные призывы. Атомная безопасность была понятной и доступной всем темой, она напрямую касалась каждого человека. Важно отметить, что призыв к запрету атомного оружия находил отклик среди представителей разных религиозных организаций Запады. Сложнее формировался диалог о сострадании к человеку через призму Второй мировой войны. Для зарубежных церквей был понятен антимилитаристический настрой советских представителей, они осознавали, через какое море страданий прошел советский народ в годы войны. Но в то же время память о прошедшей войне редко, за исключением восточноевропейских церквей, использовалась для формирования гуманистического диалога. Исключением стали отдельные заявления немецких религиозных деятелей, которые поднимали тему покаяния немецкой нации за последствия войны. Например, лютеранский теолог Х.И. Иванд на первой Пражской конференции в 1958 г. заявлял: «Наш народ причинил большое страдание другим народам, за что наш народ продолжает страдать до сих пор. Я верю, что искупление нашей вины придет. Я верю в возможность мирного сосуществования на основе христианской веры и любви» [Там же. Л. 39].

Председатель Совета по делам религиозных культов А.А. Пузин в докладной записке для ЦК КПСС от 27 сентября 1960 г. «К вопросу об использовании внешней деятельности религиозных организаций СССР в интересах Советского государства» откровенно писал: «Внешняя деятельность религиозных организаций

СССР, инспирируемая государственными органами, может стать одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, важным средством борьбы за мир» [39. Л. 52].

Привлекая религиозных деятелей, советская власть преследовала цель легитимизации движения за мир как в церковных кругах западного мира, так и среди восприимчивых к этой теме представителей христианства [59. Л. 39]. Но речь шла не о простом имиджевом решении по созданию позитивного образа СССР для мирового сообщества, а, скорее, о включении религии в послевоенную геополитическую ситуацию [20. С. 20]. Церковное миротворчество должно было оказывать более сильное воздействие, чем обычная советская пропаганда, как на рядовых верующих, так и на руководство зарубежных стран. Однако не следует считать, что христианское миротворческое движение в СССР было инспирировано исключительно советской властью. Мы можем говорить и об интересах административно-религиозных институтов, как международных, направленных на расширение сферы своего влияния, так и выраженных в качестве своеобразной сделки, когда международная активность обменивалась на послабления и льготы для верующих внутри СССР. Итальянский исследователь Роккуччи на примере международной деятельности МП РПЦ предполагает, что у историков нет однозначного ответа, что преваляло в этих интересах – решение церковно-геополитических вопросов или же расплата за минимальную свободу действий внутри страны [18. С. 430]. Действительно, у нас есть точки зрения как митрополита Николая, который под конец своей церковной карьеры скептически оценивал участие в миротворческой деятельности, так и пришедшего ему на смену архиепископа Никодима (Ротова), который считал «истинным делом церкви интересы, которые должны сочетаться с интересами внешней политики» [Там же. С. 432].

Вопросы запрета ядерного оружия, прав человека и важные понятия этики жизни были ключами, которые открывали возможности для обсуждения уже откровенно политических вопросов – о борьбе с католическим влиянием в соцстранах, о помощи в установлении контактов светского характера. Главными адресатами гуманистических концепций, исходивших из СССР, были преимущественно пацифистские круги. Такие проблемы, как концепции социального христианства, агрессивная политика США, проблемы ядерного заражения, были интересны западному слушателю, критически настроенному к своему правительству. Кроме того, в западном мире церковные позиции нередко оказывались оппозиционными или альтернативными официальному государственному курсу [22. С. 145]. Уже в 1950-е гг. мы видим, что пока госсекретарь США Ф. Даллес боролся с атеизмом и коммунизмом, формировались новые международные отношения, в которых религия была отделена от «повседневных государственных забот» [60. Р. 301]. Западные исследователи указывают на снижение роли религии, а главное – интереса со стороны западного общества к религии в целом. Непонимание этого было характерной чертой советских чиновников. Например,

А.А. Пузин в 1960 г. писал, что важность внешних контактов «обуславливается тем, что церковь в зарубежных странах является, в отличие от церкви в СССР, политической силой, способной оказывать влияние на общественное мнение и государственную политику своей страны» [39. Л. 66].

Тем не менее миротворческий дискурс, ставший постоянным элементом в публичных проповедях и публикациях советских религиозных лидеров, транслировался в массы верующих, становясь каналом утверждения в том числе этики глобальной гуманистической повестки, тесно связанной с печальными итогами Второй мировой войны, частью которых были

медицинские эксперименты над людьми. Именно результаты Нюрнбергского процесса легли в основу глобальной этики биомедицинских исследований. В свою очередь, миротворческое движение способствовало формированию глобального гуманизма в широком смысле слова, центральной идеей которого декларировалось признание человеческой жизни как высшей ценности. В этом контексте движение за сохранение мира от ядерной угрозы, а также тему сострадания и памяти о войне следует рассматривать как одно из проявлений процесса становления глобальной биоэтики, формирования общих и необходимых условий (в том числе и этических) выживания человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Banchoff T. Introduction: Religious Pluralism in World Affairs // *Religious Pluralism, Globalization and World Politics* / ed. T. Banchoff. Oxford University Press, 2008. P. 3–38.
2. Fletcher W. Portrait of most praised and vilified of modern churchmen. New Jersey, 1968. 272 p.
3. Curtiss J.S. The Church and Soviet State. 1917–1950. Boston : Little, Brown, 1953. 378 p.
4. Брисов Е.М. Христианство и борьба за мир : дис. ... канд. филос. наук. М., 1964. 209 с.
5. Николаев А.А. Политическая и идеологическая позиция Русской православной церкви в вопросах войны и мира : дис. ... канд. филос. наук. М., 1970. 163 с.
6. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 400 с.
7. Васильева О.Ю. Внешняя политика советского государства и Русская православная церковь. 1943–1948 годы // *Труды Института российской истории РАН*. 2000. Вып. 2. С. 339–353.
8. Волокитина Т.В. Советское государство, Русская Православная Церковь и экуменическое движение (40–50-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 : дискуссионные аспекты : сб. статей*. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. С. 241–249.
9. Шкуратова И.В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной церкви: 1945–1961 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 188 с.
10. Woobuyer P. Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia. London ; New York : Routledge, 2005. 282 p.
11. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская патриархия на международной арене в 1943–1948 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России*. 2007. № 1 (7). С. 89–99.
12. Чумаченко Т.А. Московская патриархия во внешней политике советского правительства. Интересы церкви. Интересы власти. 1940-е – первая половина 1960-х гг. // *Свобода совести в России: исторический и современный аспекты*. Владивосток : Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2015. С. 209–222.
13. Ливцов В.А. Использование экуменизма в качестве инструмента советской внешней политики в начале 1960-х годов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 66. С. 223–229.
14. Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 249 с.
15. Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 315 с.
16. Белякова Н.А. Церковь в социалистическом государстве: особенности русской правовой традиции // *Религии мира. История и современность*. 2006–2010. М.–СПб. : Нестор-история. 2012. С. 428–469.
17. Beglov A.L., Belyakova N.A. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War // *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference* / ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.
18. Роккуччи А. Сталин и патриарх. Православная церковь и советская власть. 1917–1958. М. : Росспэн, 2016. 581 с.
19. Белякова Н.А. Церкви в холодной войне. Введение // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 7–18.
20. Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 19–40.
21. Беглов А.Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период “нового круса” в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 4. С. 104–129.
22. Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 4. С. 130–149.
23. Чумаченко Т.А. Московская патриархия и движение сторонников мира: 1949–1953 гг. // *Известия Челябинского научного центра Уральского отделения РАН*. 2007. № 1. С. 118–122.
24. Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953) // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 5. С. 93–95.
25. Король В.Л. Миротворческая деятельность Русской православной церкви на международной арене (1956–1991) // *Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология*. 2013. № 2 (152). С. 25–37.
26. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 21. Д. 2.
27. Buss G. The Bear's Hug: Religious Belief and Soviet State. London : Hodder a. Stoughton, 1987. 223 p.
28. Хайцман В.М. Советский Союз. Разоружение. Мир. События и факты, 1917–1962. М. : Изд-во ИМО, 1962. 158 с.
29. Мир и разоружение: научные исследования. М. : Наука, 1962. 543 с.
30. Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М., 1988. 235 с.
31. Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны / науч. ред. О.С. Нагорная. 1945–1989. М. : РОССПЭН, 2018. 445 с.
32. Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века : движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М. : Аквилон, 2016. 320 с.
33. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР. М. : РОССПЭН, 2017. 365 с.
34. Чумаченко Т.А. К истории организации Совецания глав православных автокефальных церквей в июле 1948 г. в Москве // *Свобода совести в России: исторический и современные аспекты*. СПб. : Рос. объедин. исследователей религии, 2005. С. 228–248.
35. Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных православных церквей 1948 г. // *Российская история*. 2019. № 1. С. 197–206.

36. Известия. 1949. 25 марта.
37. Kitromilides P.M. Religion and Politics in the Orthodox World. The Ecumenical Patriarchate and the Challenges of Modernity. London : Routledge, 2019. 129 p.
38. Шок Н.П., Пивоваров Н.Ю. «За мир во всем мире»: гуманизм и этика глобальной безопасности в ракурсе идеологической политики советского руководства // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 340–355.
39. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162.
40. Пивоваров Н.Ю. Кого приглашали и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 185–215.
41. Engelhardt H.T. The Foundations of bioethics. Oxford University Press. 1996. 446 p.
42. Братский вестник. 1958. № 4.
43. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М. : АИРО-XX, 1999. 246 с.
44. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 93.
45. Структура нравственности и личности : материалы симпозиума этиков ГДР и СССР, Москва, 28 мая – 1 июня 1974 г. / отв. ред. С.Ф. Анисимов, Р. Миллер. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 235 с.
46. Миронов А.В. Категории смысла жизни в коммунистической и христианской этике : дис. ... канд. филос. наук. М., 1972. 207 с.
47. Ушакова В.А. Категория долга в марксистской и христианской этики : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1972. 22 с.
48. Конференция церквей и религиозных объединений в защиту мира. Загорск. 9–12 мая 1952 г. М. : Моск. патриархия, 1952. 312 с.
49. Братский вестник. 1957 № 5.
50. Журнал Московской патриархии. 1957. № 4
51. Братский вестник. 1957. № 3.
52. Казим-Бек А. День Хиросимы // Журнал Московской патриархии. 1959. № 8. С. 11–12.
53. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 704.
54. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 754.
55. Журнал Московской патриархии. 1951. № 3.
56. Василий (Кривошеин), арх. Воспоминания. Письма. Н. Новгород : Изд-во Братства во имя Св. князя Александра Невского, 1996. 498 с.
57. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 131.
58. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669.
59. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 92.
60. Prodromou E.H. U.S. Foreign Policy and Clobal Religious Pluralism // Religious Pluralism, Globalization and World Politics. Oxford University Press, 2009. P. 297–323.

Nikita Iu. Pivovarov, First Moscow State Medical University named after Sechenov (Sechenov University), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Vitaly V. Tikhonov, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Nataliya P. Shok, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: shok.nataliya@gmail.com

THE PEACEMAKING MOVEMENT OF THE USSR IN THE LATE 1940S-EARLY 1960S: CHRISTIAN DENOMINATIONS AND THE ETHICS OF INTERNATIONAL HUMANISTIC DIALOGUE

Keywords: peacemaking movement, humanism, Christian denominations, anti-nuclear movement, memory of the Second World War, USSR, ethics of international dialogue.

The article analyzes the activities of the Christian denominations of the USSR in the Soviet peacekeeping movement on the basis of various sources. The choice of Christian denominations is due to the fact that representatives of these denominations were the most prominent in the Soviet peacemaking movement in the late 1940s and early 1960s. The article consists of two sections. The first section covers the main organizational issues. The authors showed that initially the main participants of the peace dialogue from the religious organizations of the USSR were representatives of the Russian Orthodox Church, but gradually representatives of other Christian denominations were introduced into it. Peacekeeping activities took place at various internal (sessions of the Soviet Committee for the Protection of Peace, special religious events) and external venues (Prague and European conferences, meetings of the World Council of Churches, etc.). Alongside with the organizational component, the authors analyzed the language and images used in speeches and sermons. The second section of the article is devoted to the formation of a humanistic dialogue within the framework of the peace movement. The authors came to the conclusion that the humanistic program was focused primarily on two issues – anti-nuclear discourse and general compassion for humanity, actualized by the memory of the Second World War. The anti-nuclear rhetoric of the Christian peacemakers of the USSR was based on two main provisions – the depravity of the use of weapons of mass destruction from the point of view of Christian ideals, as well as the danger of such weapons for socially vulnerable segments. It's remarkable that the least in the Christian narrative were the topics related to the impact of atomic weapons on human health. The memory of the horrors of the past war has become another of the main issues in the official speeches and statements of the Christian peacemakers of the USSR. The authors repeatedly emphasize in the course of the article that the entire humanistic dialogue on the Soviet side was instigated by the official authorities. The dialogue was aimed at forming a positive image of the USSR and was an element of the strategic security of the Soviet Union in the conditions of the economic and military superiority of the Western world. In addition, the increased international dialogue took place against the background of repressions against religious organizations of the USSR. Despite this, peacemaking discourse has become a permanent element in public sermons and in publications of Soviet religious leaders, has been actively broadcast to the masses of believers, has become a channel for shaping the global bioethical agenda. Thus, the peacemaking slogans that postulate human life as the highest value became an important context for the formation of bioethical norms in the broad sense of the word.

REFERENCES

1. Banchoff, T. (2008) Introduction: Religious Pluralism in World Affairs. In: Banchoff, T. (ed.) *Religious Pluralism, Globalization and World Politics*. Oxford University Press. pp. 3–38.
2. Fletcher, W. (1968) *Portrait of most praised and vilified of modern churchmen*. New Jersey: [s.n.].
3. Curtiss, J.S. (1953) *The Church and Soviet State. 1917–1950*. Boston: Little, Brown.

4. Brisov, E.M. (1964) *Khristianstvo i bor'ba za mir* [Christianity and the struggle for peace]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
5. Nikolaev, A.A. (1970) *Politicheskaya i ideologicheskaya pozitsiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi v voprosakh voyny i mira* [Political and ideological position of the Russian Orthodox Church in matters of war and peace]. Philosophy Cand. Diss. Moscow..
6. Shkarovskiy, M.V. (1999) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e.
7. Vasilieva, O.Yu. (2000) *Vneshnyaya politika sovetского gosudarstva i Russkaya pravoslavnaya tserkov'. 1943–1948 gody* [Foreign policy of the Soviet state and the Russian Orthodox Church. 1943–1948]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 2. pp. 339–353.
8. Volokitina, T.V. (2003) *Sovetskoe gosudarstvo, Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i ekumenicheskoe dvizhenie (40–50-e gg. XX v.)* [The Soviet state, the Russian Orthodox Church and the ecumenical movement (1940-50s)]. In: Murashko, G.P. & Odintsov, M.I. (eds) *Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy. 1939–1958: diskussionnye aspekty* [Power and Church in the USSR and Eastern Europe. 1939–1958: controversial aspects]. Moscow: RAS. pp. 241–249.
9. Shkuratova, I.V. (2005) *Sovetskoe gosudarstvo i vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy tserkvi: 1945–1961 gg.* [The Soviet state and the foreign policy of the Russian Orthodox Church: 1945–1961]. History Cand. Diss. Moscow.
10. Boobbyer, P. (2005) *Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia*. London; New York: Routledge.
11. Chumachenko, T.A. (2007) *V rusle vneshney politiki sovetского gosudarstva: Moskovskaya patriarkhiya na mezhdunarodnoy arene v 1943–1948 gg.* [In line with the foreign policy of the Soviet state: the Moscow Patriarchate in the international arena in 1943–1948]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Istoriya Rossii*. 1(7). pp. 89–99.
12. Chumachenko, T.A. (2015) *Moskovskaya patriarkhiya vo vneshney politike sovetского pravitel'stva. Interesy tserkvi. Interesy vlasti. 1940-e – pervaya polovina 1960-kh gg.* [The Moscow Patriarchate in the foreign policy of the Soviet government. The interests of the church. The interests of the authorities. 1940s – first half of 1960s]. In: Fedirko, O.P. (ed.) *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremennyy aspekt* [Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects]. Vladivostok: Far East Federal University. pp. 209–222.
13. Livtsov, V.A. (2008) *Ispol'zovanie ekumenizma v kachestve instrumenta sovetской vneshney politiki v nachale 1960-kh godov* [The use of ecumenism as a tool of Soviet foreign policy in the early 1960s]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 66. pp. 223–229.
14. Soskovets, L.I. (2008) *Religioznye organizatsii i veruyushchie v sovetском gosudarstve* [Religious organizations and believers in the Soviet state]. Tomsk: TML-Press.
15. Bolotov, S.V. (2011) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i mezhdunarodnaya politika SSSR v 1930-e – 1950-e gody* [The Russian Orthodox Church and the foreign policy of the USSR in the 1930s – 1950s]. Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvor'ya.
16. Belyakova, N.A. (2010) *Tserkov' v sotsialisticheskom gosudarstve: osobennosti russkoy pravovoy traditsii* [Church in a socialist state: features of the Russian legal tradition]. In: Belyakova, N.A. et al. (eds) *Religii mira. Istoriya i sovremennost'. 2006–2010* [Religions of the World. History and Modernity. 2006–2010]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-istoriya. pp. 428–469.
17. Beglov, A.L. & Belyakova, N.A. (2012) *International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War*. In: Filo, J. (ed.) *Christian World Community and the Cold War*. Bratislava: [s.n.]. pp. 171–192.
18. Rocucci, A. (2016) *Stalin i patriarkh. Pravoslavnaya tserkov' i sovetskaya vlast'. 1917–1958* [Stalin and the Patriarch. Orthodox Church and Soviet power. 1917–1958]. Moscow: Rosspen.
19. Belyakova, N.A. (2017) *Churches in the Cold War. Introduction. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 1. pp. 7–18. (In Russian).
20. Kail, M.V. (2017) *“Orthodox Factor” in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 1. pp. 19–40. (In Russian).
21. Beglov, A.L. (2018) *International activity of the Russian Orthodox Church during the “New Deal” between the state and the church. Periodization and the elements of crisis. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 11(4). pp. 104–129. (In Russian).
22. Belyakova, N.A. & Pivovarov, N.Yu. (2018) *Religious diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev). Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 11(4). pp. 130–149. (In Russian).
23. Chumachenko, T.A. (2007) *Moskovskaya patriarkhiya i dvizhenie storonnikov mira: 1949–1953 gg.* [The Moscow Patriarchate and the Peace Movement: 1949–1953]. *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN*. 1. pp. 118–122.
24. Chumachenko, T.A. (2008) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v mezhdunarodnom dvizhenii storonnikov mira: interesy tserkvi i vlasti (1949–1953)* [The Russian Orthodox Church in the International Peace Movement: The Interests of the Church and Power (1949–1953)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii – “Magistra Vitae”: An Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology*. 5. pp. 93–95.
25. Korol, V.L. (2013) *Mirotvorcheskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi na mezhdunarodnoy arene (1956–1991)* [Peacekeeping activities of the Russian Orthodox Church in the international arena (1956–1991)]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yanki Kupaly. Ser. 1. Istoriya i arkhologiya. Filosofiya. Politologiya – Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. 2(152). pp. 25–37.
26. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 3. List 21. D. 2.
27. Buss, G. (1987) *The Bear's Hug: Religious Belief and Soviet State*. London: Hodder a. Stoughton.
28. Khaytsman, V.M. (1962) *Sovetskiy Soyuz. Razoruzhenie. Mir. Sobytiya i fakty, 1917–1962* [Soviet Union. Disarmament. Peace. Events and Facts, 1917–1962]. Moscow: IMO.
29. Fedoseev, P.P. (ed.) (1962) *Mir i razoruzhenie: nauchnye issledovaniya* [Peace and disarmament: research]. Moscow: Nauka.
30. Tarle, G.Ya. (1988) *Dvizhenie storonnikov mira v SSSR* [Peace movement in the USSR]. Moscow: Nauka.
31. Nagornaya, O.S. (2018) *Russkaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoy voyny 1945–1989* [Soviet cultural diplomacy in the cold war 1945–1989]. Moscow: ROSSPEN.
32. Egorova, N.I. (2016) *“Narodnaya diplomatiya” yadernogo veka: dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody* [“People's Diplomacy” of the Nuclear Age: the Peace Movement and the Problem of Disarmament, 1955–1965]. Moscow: Akvilon.
33. Brandenberger, D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR* [Crisis of Stalinist propaganda: propaganda, political education and terror in the USSR]. Moscow: ROSSPEN.
34. Chumachenko, T.A. (2005) *K istorii organizatsii Soveshchaniya glav pravoslavnykh avtokefal'nykh tserkvey v iyule 1948 g. v Moskve* [On the history of the organization of the Meeting of the Heads of Orthodox Autocephalous Churches in July 1948 in Moscow]. In: Melnikova, E.N. & Odintsov, M.I. (eds) *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremennyy aspekt* [Freedom of Conscience in Russia: Historical and Contemporary Aspects]. St. Petersburg: Ros. ob"ed. issledovatelye religii, 2005. pp. 228–248.
35. Kostryukov, A.A. (2019) *Podgotovka Moskovskogo soveshchaniya glav i predstaviteley pomestnykh pravoslavnykh tserkvey 1948 g.* [Preparation of the Moscow meeting of heads and representatives of local Orthodox churches in 1948]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 197–206. 36. *Izvestiya*. (1949) 25th March.
37. Kitromilides, P.M. (2019) *Religion and Politics in the Orthodox World. The Ecumenical Patriarchate and the Challenges of Modernity*. London: Routledge.

38. Shok, N.P. & Pivovarov, N.Yu. (2019) “За мир во всем мире”: гуманизм и этика global'noy bezopasnosti v rakurse ideologicheskoy politiki sovetskogo rukovodstva [“For World Peace”: Humanism and Ethics of Global Security in the Perspective of the Ideological Policy of the Soviet Leadership]. *Dialog so vremenem*. 68. pp. 340–355.
39. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 33. File 162.
40. Pivovarov, N.Yu. (2017) What Kind of Religious Persons Were Invited to the USSR, and Who Was Allowed to Go Abroad (1943–1985). *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 1. pp. 185–215. (In Russian).
41. Engelhardt, H.T. (1996) *The Foundations of Bioethics*. Oxford University Press.
42. *Bratskiy vestnik*. (1957) 4.
43. Chumachenko, T.A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961* [State, Orthodox Church, believers. 1941–1961]. Moscow: AIRO-XX.
44. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 93.
45. Anisimov, S.F. & Miller, R. (1976) *Struktura nrvstvennosti i lichnosti* [The Structure of Morality and Personality]. Moscow: Moscow State University.
46. Mironov, A.V. (1972) *Kategorii smysla zhizni v kommunisticheskoy i khristianskoy etike* [Categories of the meaning of life in communist and Christian ethics]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
47. Ushakova, V.A. (1972) *Kategoriya dolga v marksistskoy i khristianskoy etiki* [The category of duty in Marxist and Christian ethics]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
48. Moscow Patriarchate. (1952) *Konferentsiya tserkvey i religioznykh ob'edineniy v zashchitu mira* [Conference of Churches and Religious Associations for Peace]. Zagorsk, May 9–12, 1952. Moscow: Moscow Patriarchate.
49. *Bratskiy vestnik*. (1957) 5.
50. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. (1957) 4
51. *Bratskiy vestnik*. (1957) 3.
52. Kazim-Bek, A. (1959) Den' Khirosimy [Day of Hiroshima]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 8. pp. 11–12.
53. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 16. File 704.
54. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 16. File 754.
55. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. (1951) 3.
56. Krivoshein, V. (1996) *Vospominaniya. Pis'ma* [Memories. Letters]. Nizhny Novgorod: St. Prince Alexander Nevsky Brotherhood.
57. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 28. File 131.
58. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 16. File 669.
59. The Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 33. File 92.
60. Prodromou, E.H. (2009) U.S. Foreign Policy and Global Religious Pluralism. In: Banchoff, T. (ed.) *Religious Pluralism, Globalization and World Politics*. Oxford University Press. pp. 297–323.

УДК 930:378.4(571.16)“18/19”
DOI: 10.17223/19988613/74/8

В.В. Расколец, А.Н. Сорокин

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ РОЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ г. ТОМСКА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.)

Изучение форм и результатов участия сотрудников вузов Томска в реализации третьей роли выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности».

Изучение вклада вузов Томска в развитие города, Томского региона и Сибири выполнено в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Изучение теоретических работ и подходов по изучению третьей роли выполнено в рамках гранта Президента РФ, проект № МК-2449.2020.6 «Третья роль университетов Западной Сибири: историческая динамика, проблемы и ответы на вызовы современности».

На основе исследовательской литературы решаются теоретические и практические проблемы третьей роли высшей школы. Подчеркивается, что по мере развития вузов г. Томска происходило постепенное смещение акцентов проявления третьей роли от городского пространства к региональному и макрорегиональному. Делается вывод о том, что выполнение третьей роли томскими вузами в рассматриваемый период позволило им стать неотъемлемой частью процессов культурного и промышленного развития края.

Ключевые слова: третья роль вузов, идентичность университета, регионализация, Томск.

Введение

На сегодняшний день подавляющее большинство исследователей высшей школы признают, что вузы функционируют в условиях изменившейся реальности и уже не могут ограничиться теми ролями, которые они играли 50 лет назад. Часть ученых (преимущественно экономисты и управленцы) считают, что на этапе расширения цифровой экономики и стремительного роста конкуренции за ресурсы вузы должны следовать за рынком, активно развивая предпринимательскую составляющую [1–3]. Другие исследователи (по большей части представители социальных и гуманитарных наук) ставят вопрос шире и говорят о кризисе самой идентичности университета, размывании его ценностного ядра [4–5]. Констатируя это, некоторые представители высшей школы ностальгируют по традиции автономной университетской корпорации, другие же высказывают мысли о реформатировании университета в некое иное пространство, в котором, например, «мышление является совместным процессом, не предполагающим ни идентичность, ни единство» (в плане принадлежности индивида к национальной культуре) [6. С. 247]. Взаимосвязь указанных проблем можно выразить следующим вопросом: как высшему учебному заведению (в особенности – университету) успешно функционировать и конкурировать в современном обществе не разрушив при этом собственное «ценностное ядро»? Решению этой проблемы был посвящен ряд исследований, в частности работа Я.И. Кузьмина [7].

Проблема поиска высшей школой ответов на вызовы времени имеет прямое отношение к дискуссии о сущности третьей роли вузов, под которой разные исследователи подразумевают далеко не одинаковые

смыслы. Их объединяет, впрочем, понимание ее как роли, выходящей за пределы преподавания и производства научных исследований, и как роли, имеющей региональный характер [8].

Региональный акцент третьей роли характерен и для отечественной науки. Ведущие исследователи в этой области Н.А. Медушевский и О.В. Перфильева отмечают: «...исходя из вариативности национальных практик развития университетского образования, можно предположить, что выделение единой статичной модели “третьей роли” в деятельности университетов в принципе невозможно, и она всегда будет характеризоваться выраженной “локальной” спецификой» [9]. Разделяя указанную оценку, отметим, что локальность научно-образовательного пространства имеет историческое измерение и должна изучаться методами исторической науки для более полного понимания ее особенностей.

Помимо исследований третьей роли высшей школы на современном этапе, многие авторы предпринимали попытки изучения данного феномена на различных кейсах (отдельные вузы, конкретные исторические периоды). Наиболее комплексным, но не исчерпывающим, стало изучение аспектов и форм реализации третьей роли в дореволюционных университетах России. Так, на материале четырех университетов (Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Юрьевского) в коллективной монографии «Университет и город в России в начале XX века» авторами была предпринята попытка изучения влияния университетов на города и городские сообщества в начале XX в. [10]. С.И. Посохов на материалах Московского, Казанского и Харьковского университетов с середины XVIII до середины XIX в. рассмотрел различные форматы и модели связей между университетом и городом через механизмы саморепрезентации университета, иссле-

довал взаимоотношения университета с местным обществом, а также участие университета в формировании нового облика города [11]. Отметим также, что история эволюции третьей роли региональных вузов в современной отечественной историографии практически не разработана, за исключением ряда исследований. Причина этого заключается в том, что история высших учебных заведений писалась историками вне учета значимости третьей роли как отдельной, заслуживающей пристального внимания формы деятельности. Отсутствие данного акцента, однако, отчасти было нивелировано комплексностью исследований, когда историки писали о любой деятельности представителей высшей школы.

В данной статье предпринимается попытка исследования третьей роли учреждений крупного регионального научно-образовательного комплекса России – вузов г. Томска. Несмотря на трудности, с которыми им пришлось столкнуться в 1990-е гг., они смогли не только относительно успешно адаптироваться к новым политическим и экономическим реалиям, но и участвовать в реализации ряда инновационных программ развития региона в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в том числе Томской особой экономической зоны технико-внедренческого типа. Это обуславливает привлекательность изучения истории томских вузов в попытке найти объяснение их успеху на современном этапе.

В фокусе работы – дореволюционный и советский периоды истории вузов г. Томска. Нижняя хронологическая граница исследования датирована в 1878 г. – годом образования Императорского Томского университета – первого университета в азиатской части Российской империи. Верхняя хронологическая граница исследования обозначена 1945 г., за рубежом которого начинается новый этап развития мировой и сибирской науки. Исторический акцент проблематики позволит проследить генезис и эволюцию форм, подходящих под определение третьей роли высшей школы.

Исходя из вышесказанного, целью данного исследования являются выявление и интерпретация проявлений третьей роли томских вузов в конце XIX – первый половине XX в.

Предметом исследования стали действия представителей учебных заведений г. Томска, имевших статус высших в рассматриваемый период: Томского государственного университета, Томского политехнического университета, Сибирского государственного медицинского университета, Томского государственного педагогического университета. Приведенные названия являются современными и даны исключительно ради удобства формулировки предмета исследования. Каждое из указанных учреждений на разных этапах истории носило разные наименования. Далее в тексте в наряду с историческими наименованиями в скобках будут указываться современные. Данная работа в значительной степени базируется на уже имеющихся исследованиях и скорее переносит исследовательские акценты, инкорпорируя полученные результаты в теоретическую модель, нежели преследует своей целью введение в научный оборот новых источников. Ввиду этого данное исследование во многом

носит обзорный характер. В то же время новизна исследования видится не только в выявлении ряда аспектов исследования третьей роли (например, разбор самого понятия третьей роли применительно к истории высшей школы), но и в теоретическом обобщении богатого эмпирического материала.

Работа состоит из теоретической и практической частей. В первой дается авторское понимание третьей роли в истории высшей школы, а также предлагается теоретическая матрица по интерпретации действий, попадающих под заявленное авторами определение третьей роли и ее форм. Вторая часть ориентирована на выявление действий в области третьей роли томских вузов в рассматриваемый период на конкретном историческом материале.

Понятие третьей роли применительно к истории высшей школы

Как уже было сказано ранее, в исследовательской литературе имеется множество определений третьей роли высшей школы. Само возникновение термина в западной социологии стало признанием в интеллектуальных кругах усложнения системы взаимоотношений между вузом, государством, бизнес-структурами и обществом, а также необходимости развития этой системы. Однако историк вынужден искать проявления третьей роли в прошлом, где этого понятия еще не существовало как такового. Поэтому во избежание модернизации предмета исследования историки говорят о социально-значимых функциях высшей школы, истоки которых они обнаруживают даже в Средневековье [9. С. 19]. На разных этапах истории эти функции были различными, а взаимосвязь между прошлым и настоящим носила в таком случае условный характер.

В процессе работы перед историками неизбежно встает дилемма о правильной трактовке действий представителей высшей школы. Широкая трактовка подразумевает, что к третьей роли относится практически любое действие, ориентированное на региональное и / или национальное развитие (например, участие профессора в местном самоуправлении, в военных действиях и др.). В таком случае работа на историческом материале вызывает неизбежные трудности, так как у исследователя всегда будет соблазн включить в третью роль как можно больше действий, чтобы оправдать значимость предмета своего исследования. С другой стороны, придерживающийся такой трактовки исследователь быстро обнаружит, что каждый человек в обществе может играть свою третью роль, поскольку он так или иначе может работать на благо национального и локального. В результате широкая трактовка размывает привязку третьей роли непосредственно как роли высшего учебного заведения. Поэтому, на наш взгляд, более приемлемой является узкая трактовка третьей роли высшей школы, включающая в нее действия, непосредственно вытекающие из характерных только для нее ролей: образования и науки. Отсюда мы будем понимать под третьей ролью высшего учебного заведения ориентированную на национальное и региональное развитие совокуп-

ность форм деятельности его профессорско-преподавательского и научного составов, выходящую за пределы преподавания и научной работы, но опосредованную ими.

При определении действий, относящихся к третьей роли, мы используем простое деление по формам: экспертно-консультационная, идейно-просветительская, меценатско-благотворительная, образовательная (связанная с различными курсами). Такая классификация представляется одинаково справедливой и для дореволюционного, и для советского периода.

«Первородцы» Сибири. «Мессианский» характер деятельности томских вузов в условиях «культурного фронта»

С момента основания первого университета за Уралом в 1878 г. Томск позиционировал себя в качестве города высших учебных заведений и центра сибирского просвещения. Так его позиционировали и современники извне, дав городу название, удачно отражавшее его самоидентичность вплоть до сегодняшнего дня, – «Сибирские Афины».

«Первородцем» высшего образования и науки Томска стал Императорский Томский университет (ИТУ) – первый университет в Азиатской части России и одиннадцатый на просторах Российской империи. Уже в речи его устроителя Ф.М. Флоринского отразилась несомненная важность университета для сибирского края, далеко выходящая за пределы его прямых обязанностей – обучения студентов и проведения научных исследований: "...университет, – отмечал он, – есть великая нравственная сила, питомник разума, источник умственного света, разливающегося на страну. Это духовное солнце, восходящее над холодной Сибирью и долженствующее согреть и оживить ее, разбудить дремлющие силы» [12. С. 13]. Концепт «дремлющих сил» Сибири «красной нитью» проходит сквозь дискурсы томских ученых, профессоров и преподавателей, отчетливо проступая в наиболее сложные периоды истории государства.

Последующие за Томским университетом высшие учебные заведения также полагали, что они являются первыми. Основанный в 1896 г. Томский технологический институт (современный Томский политехнический университет) справедливо считал себя первым высшим техническим заведением за Уралом, а выделившийся из ТГУ в 1930 г. Томский медицинский институт – первым медицинским учреждением в области высшего образования. «Первородство» томских вузов во многом обуславливало присущее представителям высшей школы Томска «просветительское мессианство», ставшее частью корпоративной идентичности вузовской корпорации. Все это рождало ощущение не только особого места Томска в научно-образовательном пространстве Российской империи, но и положения города в качестве центра сибирского просвещения (по отношению к огромной территории Сибири) и одновременно в качестве «культурного фронта» (с точки зрения центр-периферийных отношений). И тот и другой аспект имеют важное значение для понимания

третьей роли высших учебных заведений города. В наибольшей степени «просветительское мессианство» было характерно для Императорского Томского университета, образованного по типу модели В. Гумбольдта.

С приходом советской власти миссия вузовского сообщества Томска претерпевает определенную трансформацию, связанную в первую очередь с индустриализацией и вовлечением региональных вузов в масштабный проект советской модернизации догоняющего типа. Мы согласны с выводом А.О. Степнова, согласно которому начиная с 1920-х гг. в среде томского научного сообщества и вузов города шел процесс перехода от «идеологии науки», ориентированной на просветительскую миссию, к технологизации его предназначения (неслучайно в связи с этим появились метафор «кузница кадров» и «мастерская работников»). Профессорско-преподавательский состав и научные работники стали видеть себя в новом социальном качестве – носителями идеи служения промышленному покорению региона. Кульминацией этого пафоса стала Великая Отечественная война, когда вузовское сообщество взяло на себя миссию «Хранителей Северной Азии» [13. С. 32]. Тогда же часть сообщества окончательно примиряется с властью, и «долгая Гражданская война» в умах томской интеллигенции подходит к своему завершению.

Описанные нами явления не повлияли на формы проявления третьей роли томских вузов, которые, как нам кажется, вполне могут иметь место и в других вузах, однако оказали влияние на степень их вовлечения в территориальное развитие.

Формы проявления третьей роли вузов г. Томска в 1888–1914 гг.

По мнению исследователя дореволюционных университетов Российской Империи М.Г. Грибовского, «именно город и горожане стали объектом приложения усилий университетского сообщества, которые... к концу XIX в. приобрели ряд устойчивых форм» [14. С. 448]. М.В. Грибовский посвятил свое исследование императорским университетам, однако выводы, полученные им, правомерно распространять и на другие высшие учебные заведения (в нашем случае – Томский технологический институт, ТТИ), поскольку выделенные им формы взаимодействия университета и города не отличаются какой-либо спецификой, обусловленной сущностью классического университета: университет, с одной стороны, являлся феноменом городской культуры, с другой – согласно уставам (1835 г. и последующим) университеты переставали играть роль центров учебных округов, которые могли охватывать и несколько губерний.

Применительно к провинциальным городам, коим являлся и Томск, роль университетского сообщества для развития города усиливалась. Власть здесь не располагала значительными административными, экономическими, людскими и интеллектуальными ресурсами. В таких условиях авторитет профессора-ученого приобретал особую значимость, он становился не просто «распространителем наук», но приобретал каче-

ственно новые социальные роли, становясь экспертом, общественным деятелем, благотворителем и др. Этому способствовала специфика периода конца XIX – начала XX в., когда в Российской империи усилились низовые формы самоорганизации общества, расширилась инициатива распространения просветительской деятельности и популяризации научного знания.

Экспертно-консультационная деятельность представителей Томского университета, образованного первоначально в составе одного медицинского факультета, имела соответствующий уклон. Для медиков ИТУ (а впоследствии и ТМИ) научная работа тесно соприкасалась с консультационной, когда, например, в ходе проведения экспедиций и экскурсий ученые не только добывали клинический материал для своих исследований, но и давали рекомендации больным, назначая лечение и т.д. На практике это выразилось в участии представителей ИТУ (в разные годы работали профессор Ф.А. Ерофеев и С.В. Лобанов, ординаторы факультетской клиники Н.Л. Троицкий, А.П. Владыченский и В.М. Остроумов) на протяжении ряда лет (1894, 1906–1908, 1910) в работе Окулистических отрядов Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Работа этих отрядов охватывала обширную территорию Томской губернии, включавшей на тот момент территории Кемеровской и Новосибирской областей, Алтайского края и Республики Алтай. В ходе работы этих отрядов проводились глазные операции, оперативные пособия, а население обеспечивалось лекарствами [15. С. 421–427].

В похожей ситуации находились терапевты ИТУ, усилия которых на протяжении долгих десятилетий были направлены на изучение сибирских курортов, однако это относилось к научной стороне дела. На практике же медики (П.В. Буржинский, М.Г. Курлов, П.П. Орлов, позднее Н.В. Вершинин) не только вели исследования, например химического состава вод и грязей на курортах, но и активно разрабатывали вопросы по их рациональному обустройству с целью широкой доступности основной массе населения и в конечном итоге создания альтернативы дорогостоящим европейским курортам. Эта работа была настолько востребованной, что развивалась и в годы Гражданской войны и в последующий советский период.

Сотрудники Томского технологического института активно консультировали сибирскую промышленность, в особенности горную и железоделательную. Постоянными консультантами были талантливые сотрудники ТТИ геологи В.А. Обручев, М.А. Усов, П.П. Гудков, металловеды Н.В. Гутовский, Н.П. Чижевский, В.Я. Мостович, Н.С. Пенн и др. Например, геолог П.П. Гудков в декабре 1910 г. по поручению Русского золотопромышленного общества участвовал в проведении геологической экспертизы группы Мариинских золотых рудников Томского горного округа, летом 1911 г. – группы Берикульских, Сарайльских приисков Ачинского горного округа. В июне 1912 г. по поручению того же общества совместно с М.А. Усовым он провел исследование и экспертизу рудников Оренбургского горного округа. По поручению Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей

с 1914 г. по 1917 г. П.П. Гудков ежегодно выезжал для исследования Тельбесских железорудных месторождений.

Консультантом Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей с 1913 г. являлся Н.В. Гутовский. По поручению этого общества он изучал возможность создания в Сибири крупного завода по производству черных металлов и вел необходимые подготовительные работы. В 1915 г. он выбрал так называемую Горбуновскую площадку, где впоследствии и был построен Кузнецкий металлургический комбинат.

Известный геолог ТТИ М.А. Усов совместно с В.А. Обручевым участвовал в экспертизе Ононского и Илинского золотых рудников в Забайкалье. В январе 1914 г. М.А. Усов произвел геологическое обследование золотых рудников акционерного общества «Колчедан» в районе Челябинска, а летом того же года по поручению акционерного общества «Монголор» исследовал Кентайские золотоносные месторождения в Северной Монголии [16. С. 262].

Просветительская работа представителей вузов проявлялась многоаспектно. Преподаватели ИТУ читали публичные лекции в университете и за его пределами (например, в театрах). Тематика лекций при этом зависела не только от научных интересов профессоров и преподавателей, но и, например, от их увлечений (музыка, изобразительное искусство и т.д.), а также диктовалась обстоятельствами времени (например, русско-японской войной, Первой мировой войной). Специфика публичных лекций заключалась зачастую в их региональном (краевом) характере, на что обратил внимание в своих исследованиях С.А. Некрылов. В частности, он привел в пример публичные лекции на сибирские темы профессоров Н.Ф. Кашенко («О плодородстве в Томском крае»), «О гадах Томского края», «Некоторые сведения о климате Томска»), В.В. Сапожникова («Русский Алтай», «Монгольский Алтай»), И.А. Малиновского («Ссылка в Сибирь»), Э.А. Лемана («О минеральных водах Томской губернии») и др. Для организации лекций регулярно организовывались сибирские вечера, на которых выступали профессоры ИТУ (М.Н. Соболев, М.И. Боголепов, М.А. Рейснер и др.) [15. С. 231, 270]. Помимо устных выступлений профессора и преподаватели неоднократно выступали в печати, писали заметки просветительского и образовательного характера.

Представители вузов Томска широко участвовали в акциях благотворительности и сами выступали в качестве меценатов, хотя не все из них относились к состоятельной прослойке населения. Они оказывали материальную помощь студентам своих вузов, вносили средства на укрепление материальной базы кафедр и лабораторий, принимали участие в пополнении фондов вузовских музеев и библиотек, финансировали за свой счет научно-исследовательские экспедиции и экскурсии студентов, работали в составе благотворительных обществ (например, в Томском отделении Российского общества Красного Креста). Так, профессор ИТУ С.И. Коржинский безвозмездно передал музеям коллекцию паразитных грибов для Ботанического музея (гербария), приват-доцент П.П. Пилипенко –

3 208 образцов горных пород с Западного Алтая для Минералогического музея, профессор Э.Г. Салищев (по своему завещанию) – 975 томов книг университетской библиотеке.

Большим успехом в университетских городах пользовались благотворительные вечера, проводившиеся с участием профессуры, которые проходили в виде публичных лекций, концертов и др. М.Г. Грибовский писал о празднике, проводившемся каждый год 22 октября: «...в день торжественного университетского акта проводились так называемые Студенческие вечера. Профессора получали почетные билеты и являлись на торжество вместе с женами и взрослыми дочерьми. По воспоминаниям современников, обычно зал был переполнен так, что публика стояла даже в проходах. Вечер начинался с выступления студенческого хора, который исполнял *Gaudeamus*. Затем начинался концерт. В антрактах профессорские дамы вели благотворительную торговлю шампанским, чаем, фруктами, цветами. Популярны среди студенчества профессора – М.Г. Курлов, Э.Г. Салищев, А.Е. Смирнов, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев и другие – произносили речи. Средства, собранные на подобных вечерах, шли на благотворительные цели» [14. С. 477].

Формы проявления третьей роли вузов г. Томска в 1914–1921 гг.

Годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны оказали местами благоприятное, но в целом достаточно разрушительное влияние на высшую школу и вузовское сообщество.

Правительство Николая II, не рассматривавшего развитие высшего образования и науки в качестве ключевого приоритета развития мировой державы, было вынуждено пересмотреть свою политику уже через год после начала мировой войны, когда была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Последующее падение империи и приход к власти РСДРП(б), несмотря на социально-экономический кризис, способствовали дальнейшему пересмотру политики в области организации науки и доступности высшего образования для широких слоев населения.

Внешнеполитические и внутривнутриполитические конфликты привели к развалу экономики и хозяйства страны, а следовательно, ухудшили положение высшего образования, традиционно зависящего от материальной поддержки государства. Томские вузы почувствовали ухудшение своего положения особенно сильно с началом Гражданской войны, когда территория Сибири стала театром военных действий. Наиболее мощный удар пришелся по интеллигенции, материальное положение которой не особенно заботило воюющие стороны. Однако перечисленные выше события привели к тому, что вузовское сообщество выработало собственные адаптивные стратегии выживания в условиях чрезвычайного времени. На практике это вело к организации новых высших учебных заведений, возникновению новых форм координации научных исследований, усилению тенденций взаимодействия

между государственными институтами, экономическими агентами, общественностью и высшей школой.

Приведенный выше пассаж необходим для констатации простого вывода – Первая мировая война и последующие за ней события перевернули представление о роли высшего образования и науки в стране в благоприятную сторону. Развитие этих сфер стало рассматриваться как неотъемлемая составляющая успешного национального возрождения и развития. В особенности это относится к Сибири, интеллигенция которой, осознавая потенциал сибирского края, давно вынашивала планы по развитию его культурных сил.

С началом Первой мировой войны третья роль высшей школы значительно окрепла. Представители вузов в сфере точных и естественных наук стали постоянными консультантами при воюющих правительствах, представители гуманитарных и общественных стали играть большую роль в качестве идеологов войны. И те и другие активно участвовали в повышении квалификации кадров и переподготовке специалистов.

Так, в городе был создан Комитет преподавателей высших учебных заведений города Томска по устройству лекций на нужды, вызванные военным временем. В начале 1915 г. комитет организовал серию публичных лекций, в частности профессоров ИТУ Г.Г. Тельберга («Россия и проливы»), С.И. Солнцева («Война и народное хозяйство»), Н.Н. Топоркова («Война и психические заболевания») и др. В большей же степени учреждения Томска занимались не консультированием правительства, а работали в области организации узконаправленных научных исследований. На практике это выразилось в создании весьма эффективной Комиссии по вопросу об изыскании способов применения удушливых газов и о борьбе с ними.

При Томском учительском институте (ныне ТГПУ) по инициативе Министерства народного просвещения в начале мая 1916 г. были организованы курсы по ускоренной подготовке преподавателей начальных и высших начальных училищ. Набор слушателей на курсы составлял до 60 человек. Учителей готовили по трем специальностям: естественно-географической, физико-математической и историко-филологической. К числу дисциплин теоретического цикла курсов относились такие, как педагогика, закон Божий, методика всех предметов курса, а также подробное знакомство с программами курсов высших начальных училищ. Практические занятия заключались в посещении высших начальных училищ, организации пробных уроков, проведении экскурсий и др. [17. С. 111–112]. Недельная нагрузка составляла около 24 часов изучения теоретических дисциплин и 4 часов практической работы.

Что касается функции просвещения населения, то томские вузы не утратили ее даже с началом Гражданской войны. Вот как, например, выглядела тематика лекций, которые читались представителями ИТУ и ТТИ с 31 марта по 14 апреля 1918 г.: профессор С.И. Протасова – «Экономическое развитие древнего мира» (3 лекции); профессор С.П. Мокринский – «Основы уголовной политики»; профессор Э.В. Диль – «По Элладе: картины античной жизни»; профессор Н.И. Лепорский – «Физиологическое значение овощей в пита-

нии»; профессор С.И. Гессен – «Идея демократии»; профессор В.В. Сапожников – География Сибири» (2 лекции); профессор А.Д. Григорьев – «Русские былины». Одну из лекций «Геология Сибири» прочел и.д. ординарного профессора ТТИ М.А. Усов [15. С. 413].

Наряду с этим в аудиториях и актовом зале университетской библиотеки читались лекции для населения Томска. Профессор А.П. Поспелов прочитал лекцию на тему «Телеграфирование без провод» с демонстрацией новейших моделей, профессор С.И. Гессен – лекцию «Свобода как философская проблема», сборы с которой шли в пользу слушательниц Сибирских высших женских курсов.

Профессора ИТУ работали и на укрепление престижа Российского правительства А.В. Колчака, участвуя в работе краткосрочных курсов для югославских и чешских воинских частей в г. Томске, организованных в середине июня 1919 г. Кроме того, представители гуманитарных наук ИТУ участвовали в организации краткосрочных курсов инструкторов и агитаторов «противобольшевистского характера».

Интеллигенция Томска оказала поддержку делу организации Народного университета, меценатом и идейным вдохновителем которого стал П.И. Макушин. Подобные народные университеты работали к тому времени во многих крупных городах России, обладавших научным и культурным потенциалом. Университет разместился в специально построенном для него здании (ныне – Дом науки им. П.И. Макушина). В 1919 г. это здание было передано эвакуированной в Томск Академии генерального штаба, а университет почти два года был вынужден ютиться по разным помещениям Томского университета и Томского технологического института. Здесь свои лекции читали сотрудники историко-филологического факультета. Тематика была весьма актуальной и тесно переплеталась с событиями, происходившими в России и за ее пределами. Профессор С.И. Гессен прочитал цикл лекций «Социализм, анархизм и коммунизм», профессор Пермского и приват-доцент Томского университета А.П. Дьяконов читал лекции на тему «Византизм как культурно-историческое явление». Профессор Э.В. Диль прочитал курс лекций по истории Эллады. Профессор П.Г. Любомиров выступил с двумя лекциями: «Смутное время на Руси» и «История русского освободительного движения». С установлением советской власти работа Народного университета в начале 1920 г. была прекращена.

В годы революции и Гражданской войны в России общественность Сибири сумела реализовать идею о создании учреждения, призванного осуществлять научно-теоретические и научно-практические исследования в масштабах всего сибирского края. Оно получило характерное наименование – Институт исследования Сибири (ИИС). Совет ИИС полностью состоял из профессоров Томского университета и Томского технологического института, определявших его деятельность. С этой точки зрения ИИС можно рассматривать как проект, где ученые томских вузов получили возможность реализовать свои научные наработки,

а также осуществлять деятельность, попадающую под определение третьей роли высшей школы. При этом на реализацию этих ролей работал потенциал не только представителей вузов Томска, но и исследователей, оказавшихся в Томске в результате событий Гражданской войны. ИИС удалось аккумулировать потенциал лучших умов Сибири, ученых европейской части России, государственных ведомств, общественных организаций, части сибирской промышленности и торговли.

Третья роль ИИС воплотилась в ряде инициатив. Задача подготовки кадров наряду с задачами исследовательского характера была прописана в Положении об организации ИИС и в условиях многолетних военных действий и хозяйственной разрухи представлялась чрезвычайно злободневной. В этом контексте при институте были организованы курсы по подготовке исследователей природы С.С. Неуструева, направленные на интенсивное обучение сотрудников для проведения комплексных научных экспедиций и последующей обработки результатов.

Члены отделов ИИС читали публичные лекции для населения и вели просветительскую работу. 9 октября 1919 г. с готовностью выступить со своими работами заявили Б.П. Вейнберг («Сводка определений магнитных склонений Сибири»), «Магнитные исследования вообще и в Сибири в частности»), М.А. Великанов («Об исследованиях р. Томи», «О задачах гидрологического отдела», «Проект гидрологической лаборатории»), Я.И. Николин («Обзор материалов по исследованию грунтовых и почвенных вод в Сибири») и др. В.В. Сапожников прочитал лекцию о севере западной Сибири по материалам Обской экспедиции 1919 г., И.И. Подпера – лекции «Сибирские элементы во флоре Западной Евразии» и «Новейшие воззрения в систематике и морфологии бриофитов», С.С. Неуструев – «О задачах почвенных исследований Сибири» [18. С. 184].

Историко-этнологический отдел ИИС работал на благо сохранения культурного наследия Сибири, что выразилось в экспедициях и последующих заметках в сибирских газетах Б.П. Денике, посвященных деревенному зодчеству Сибири и вопросам его сохранения, а также в создании комиссии по охране томских архивов (председатель Н.Н. Бакай) и т.д.

Сотрудники географического и промышленно-технического отделов ИИС осуществляли консультативную работу. Например, Н.П. Чижевский занимался химико-технологическим анализом каменного угля из Судженского месторождения для постановки и производства кокса. Члены географического отдела ИИС организовали при ТТИ службу времени, учреждение которой представлялась актуальным в связи с наметенным переходом к зональному времени [19. С. 148].

Упразднение ИИС летом 1920 г. помешало учреждению развернуть интенсивную программу по подъему производительных и культурных сил Сибири. Однако сам факт его основания отразил готовность представителей высшей школы в учреждении новых организационных форм, призванных работать на благо развития сибирского края.

Формы проявления третьей роли вузов г. Томска в 1921–1941 гг.

Установление советской власти на большей части территории Российской Империи ознаменовало начало нового этапа развития высшей школы. Советская идеология не отрицала необходимости развития образования и науки, рассматривавшихся в качестве важных сил на пути построения общества будущего. Однако дореволюционные учебные учреждения, где бал правила преимущественно консервативная и либеральная профессура, рассматривались новой властью враждебно. Часть политиков требовала полной ликвидации существующих университетов. Однако возобладала более умеренная точка зрения, сторонники которой настаивали на радикальном обновлении классового состава вначале студенчества, а затем и преподавателей. Начался переходный период 1920-х гг., когда вузы стали полем многочисленных организационно-структурных и идеолого-педагогических экспериментов. Тогда же наметились тенденции, характерные для сталинского периода развития высшей школы. Мы в целом солидарны с мнением ряда исследователей, выделивших в качестве основополагающих принципов советской системы высшей школы ее дисциплинарно-профильное узковедомственное подчинение органам власти, ориентацию на удовлетворение нужд плановой экономики и индустриализации, исполнение преимущественно образовательной и частично научной роли при почти полном отсутствии влияния на «территориальное или культурное развитие» [20. С. 14–15; 21. С. 25]. Кроме того, все вузы работали на правильное идеологическое воспитание и обеспечение «правильной» классовой и этнической репрезентации и мобильности.

Томские вузы не стали исключением из описанных выше процессов. Однако даже беглый обзор развития третьей роли этих вузов позволяет выдвинуть возражение на тезис о том, что они, подобно другим высшим учебным заведениям, не оказывали ощутимого влияния на территориальное или культурное развитие. Впрочем, это развитие, как будет показано далее, находилось под влиянием задач, поставленных государством в области строительства народного хозяйства, а также культурных и идеологических аспектов создания «советского человека».

Наглядно это влияние отразилось на идейно-просветительской работе томских вузов. Радикально изменилась ее тематика, которая уже не зависела от интересов преподавателей вузов, как это имело место в дореволюционный период. Например, в начале 1920-х гг. профессор А.П. Поспелов читал лекции на тему «Что такое электрификация РСФСР, ее задачи и будущее», профессор А.А. Кулябко – цикл лекций для студентов и учащихся средних школ о научной организации умственного труда, профессор Б.П. Вейнберг – лекцию «Есть ли предел материальному прогрессу человечества» [22. С. 64].

Консультационная и научно-просветительская работа Томского университета в 1920-е гг. велась в рамках крупных научных и научно-учебных подразделе-

ний университета: Ботанического сада и Гербария, музеев истории материальной культуры, зоологического, почвенного, минералогического и палеонтологического. Эти учреждения во второй половине 1920-х – 1930-е гг. принимали многочисленные экскурсии школьников, учащихся техникумов и студентов вузов, а также трудящихся.

С приходом советской власти деятельность представителей вузов не замкнулась на городе. Ученые медицинского факультета Томского университета в 1920-е гг. неоднократно выезжали в Кузбасс, где читали лекции и доклады о борьбе с туберкулезом, раком и другими болезнями и, пользуясь случаем, проводили профилактические консультации в лечебных учреждениях. Вклад преподавателей университета был признан в 1929 г., когда профессора П.Н. Крылов и М.Г. Курлов были избраны почетными шахтерами рабочими Анжеро-Судженского района.

В связи с необходимостью обеспечения промышленности лекарственными и техническими сырьевыми растительными ресурсами исследователи ТГУ изучали запасы сырьевых и лекарственных растений Западной и Восточной Сибири. В 1920–1922 гг. профессор Томского университета В.В. Ревердатто, будучи уполномоченным Сибцентрсоюза по заготовке лекарственных растений в Сибири, организовал сбор лекарственного сырья и создал несколько питомников лекарственных растений. Эти исследования он продолжил и в последующие годы. По заданию Сибирского крайсовнархоза в 1927 г. Б.К. Шишкин возглавил большую экспедицию на Алтай по обследованию запасов дубильного растения бадана.

В конце 1920-х гг. при университете была создана комиссия по поднятию урожайности в Томском округе (руководители – профессора В.Н. Александров и П.В. Савостин). В рамках ее деятельности ученые-биологи оказывали практическую и консультативную помощь селу. Например, в 1930 г. профессор Б.К. Шишкин, доценты Н.Н. Лавров и Р.П. Бережков прочитали ряд лекций для колхозников по культивированию клевера, борьбе с сельскохозяйственными вредителями и др. Профессор В.В. Ревердатто прочитал по радио лекцию на тему: «Наука в помощь земледелию». В том же году члены комиссии взяли культурное шефство над крупным колхозом «Смена». Шефство выразилось в проведении консультаций, чтении докладов и лекций, снабжении колхозников литературой по вопросам агрономии и т.п.

Большую помощь в восстановлении народного хозяйства Сибири оказывал Томский технологический институт (с 1925 г. – Сибирский технологический институт). В эту работу были вовлечены все факультеты института и подавляющая часть профессорско-преподавательского состава. Профессора механического факультета И.Н. Бутаков, Н.И. Карташев оказывали помощь томской железной дороге. Профессор Г.В. Трапезников и доцент С.А. Балакшин проводили исследования сибирских древесных пород для изготовления экспортной тары для сибирского масла. Н.В. Гутковский занимался проектом переоборудования плужного завода «Красный пахарь» в Омске. Консультантом

по паровому хозяйству многих предприятий края был В.П. Еланцев.

Профессора инженерно-строительного факультета ТТИ А.Д. Крячков, М.И. Евдокимов-Рокотевский, Г.В. Ульяновский, С.А. Введенский) и преподаватели А.И. Прибытков, В.Е. Еврейсков, Н.И. Молотилов, А.П. Полонский и другие проводили консультации по строительству мостов, туннелей, крупных зданий в Новосибирске, проведению топографических съемок в Кузнецком округе, сооружению железных дорог в Западной Сибири. Активным участником и консультантом многих крупных инженерных работ в Кузбассе являлся профессор Д.А. Стрельников.

Ученые факультета включились в поиски новых видов стройматериалов. Например, усилиями профессора И.Ф. Пономарева и его учеников удалось расширить Яшкинский цементный завод, построить ряд новых кирпичных, стекольных, керамических заводов. Продукция этих предприятий находила широкое применение на железнодорожном транспорте, электростанциях, на заводах с парокотельными установками, при работе коксовых печей.

С деятельностью томских ученых-технологов была связана электрификация края. В начале 1920-х гг. в Томске открылся электротехнический трест, ведавший строительством всех электростанций Западной Сибири. Весомый вклад в организацию работы треста внесли сотрудники института В.В. Широков и В.А. Надежницкий. Последний оказывал практическую помощь в налаживании работы электростанций многих городов Сибири [23. С. 147].

Развитие энергетического хозяйства Кузбасса связано с именем Г.И. Фукса. В 1929–1930 гг. им был разработан проект компрессорной установки для Тельбесского рудника, проведены испытания котлов ЦЭС Ленинского рудника, установлены водоочистительные устройства. Как специалист по холодильным установкам Г.И. Фукс внес весомый вклад в организацию транспортировки сибирского масла, включая его экспорт.

Жизненно важные работы для индустриализации Сибири проводил профессорско-преподавательский состав Горного факультета ТТИ. Отдел топлива и лаборатория металлургии железа вели работы по химическому исследованию углей, огнеупорных глин, главным образом в Иркутском угленосном бассейне. В лаборатории металлургии цветных металлов проводились специальные исследования металлических (в основном золотых) руд из различных районов Сибири.

Кафедра маркшейдерского искусства принимала участие в реорганизации маркшейдерского дела в Сибири. Профессор М.А. Усов вел научные консультации на шахтах Кузбасстреста и уральских предприятиях. Как председатель Сибгеолкома он руководил всеми геологоразведочными работами в Сибири. В 1923 г. по предложению Кузбасстреста М.А. Усов продолжил изучение Артемовского и Анжеро-Судженского месторождений. Профессор М.К. Коровин, являвшийся консультантом Черембасстреста, участвовал в обследовании Иркутского угленосного бассейна. И.Г. Николаев изучал условия золотоносности в устье Подкамен-

ной Тунгуски, а его коллега И.К. Баженов консультировал руководство Мариинского медного рудника. Профессор Б.Л. Степанов как геолог-консультант государственного объединения Ензолото занимался изучением золоторудных месторождений Енисейской тайги и Минусинского района. Доцент кафедры геологии Н.Н. Горностаев руководил поисково-геологическими работами в области молибденовых руд в Забайкалье. Консультантами по горнотехническим вопросам для горных предприятий Сибири выступали профессор В.Я. Мостович (Риддерское предприятие) и Н.С. Пенн (Сибзолото).

В 1926 г. правительством было принято решение о строительстве Кузнецкого металлургического предприятия на базе Тельбесского месторождения руд. Для подготовительных и проектировочных работ было создано Тельбессбюро, в задачу которого входило выявление запасов железных руд, каменного угля и его коксующести, выбор площадки под завод и поселок, топографические съемки, сбор материала для проектирования металлургического завода. Председателем Тельбессбюро был назначен ректор СТИ Н.В. Гутковский, его заместителями – профессора М.А. Усов и А.Д. Крячков. Успех дальнейшей индустриализации Сибири во многом был связан с этими именами.

В начале 1930-х гг. амбициозные планы руководства СССР в области развития народного хозяйства и культурного строительства привели к многократному расширению сети высшего образования страны. В Томске новые вузы возникали путем «отпочкования» подразделений от старых учреждений. Выделение новых вузов следовало всесоюзным тенденциям: в Томске возникли вузы в области медицины, педагогики, а также учреждения, ориентированные на задачи индустриальной экономики. Так, на основе медицинского (с августа 1930 г. он был разделен на лечебно-профилактический и санитарно-профилактический факультеты) и педагогического факультетов Томского государственного университета были образованы соответствующие самостоятельные институты. Сибирский технологический институт (современный ТПУ) вовсе разделился на 10 различных институтов – настолько велики были потребности подготовки кадров для индустриализации Сибири. Впоследствии три из них – Сибирский геологоразведочный институт, Западно-Сибирский механико-машиностроительный институт, Сибирский химико-технологический институт – объединились в Томский индустриальный институт, ставший правопреемником СТИ.

Третья роль томских вузов в 1930-е гг. значительно возросла. Так, в этот период на базе Томского университета функционировал лекторий, в котором каждый год прочитывалось около 30 лекций на самые разнообразные темы. Например, профессор В.Н. Кессених прочитал лекцию «Переменные токи в исследованиях металлов и в геологических разведках», профессор П.С. Гартаковский – «О некоторых проблемах квантовой механики», профессор Б.П. Токин – «Дарвин и его учение» и т.д. Лекции пользовались большим интересом среди молодежи города, порой они проходили в переполненных аудиториях [22. С. 64].

В 1934 г. при Томском университете был организован Красноармейский университет культуры – первое учреждение такого рода в Сибири. В его составе работало два факультета: естествознания и историко-литературный. Программа была рассчитана на 200 учебных часов и включала лекции на самые разные темы.

В 1930-е гг. также развернулась практика выездов специальных бригад ученых для чтения лекций в воинских частях Сибирского военного округа. Активное участие в них приняли профессора К.Т. Сухоруков и М.К. Коровин, доценты В.С. Чепурнов и А.К. Иванов, ассистент Васильев и др. Были прочитаны лекции на темы: «Природные богатства СССР – на службу второй пятилетке», «Об экономике и политике японского милитаризма» и др.

Важным элементом идейно-просветительской работы стало оказание учебно-методической помощи командирам и политработникам в организации общеобразовательной подготовки личного состава воинских частей СибВО. Наряду с чтением лекций на научно-популярные и технические темы, проведением экскурсий в научно-исследовательские лаборатории, кабинеты и музеи с командным составом проводились консультации по общеобразовательным предметам для подготовки к поступлению в военно-учебные заведения [22. С. 67].

Во второй половине 1930-х гг. преподаватели Томского университета знакомили красноармейцев и командиров с вопросами внутренней и внешней политики: решениями партийных съездов и пленумов, съездов Советов, заседаний Коминтерна и т.д. По мнению А.В. Литвинова, тщательно изучившего данный период, «политико-пропагандистская деятельность ученых Томского университета наибольшей активности достигала в периоды обсуждения проекта Конституции СССР, во время выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР» [Там же. С. 68]. Атеистическая пропаганда работала за счет популярного разъяснения наиболее важных природных и социальных явлений. За шесть месяцев 1936 г. в этой области учеными Томска в воинских частях СибВО было прочитано около 80 лекций и докладов.

Активную просветительскую работу вел коллектив НИИ госуниверситета – Сибирского физико-технического института (СФТИ). В 1936 г. бригады сотрудников института выезжали с докладами и лекциями в Кузбасс (Сталинск, Кемерово). По выходным дням при институте устраивались чтения научно-популярных лекций по современной физике. Помимо этого при институте был организован физико-технический реферативный семинар, объединявший физиков Томска.

Как и в предыдущие годы, медики Томска стояли на страже здоровья населения не только Томской области, но и близлежащих регионов. В определенные годы эта помощь была весьма значительной. В 1937–1938 гг., например, для оказания практической помощи в города и села Новосибирской области были направлены 32 бригады научных работников ТМИ [Там же. С. 123].

В 1930–1940-е годы сотрудники кафедры гигиены под руководством В.И. Суздальского приняли участие в обследовании условий труда рабочих на шахтах и

заводах Кузбасса и разработке мер, направленных на их улучшение [Там же. С. 125].

Известный микробиолог (в будущем – академик АМН СССР) С.П. Карпов в 1930 г. возглавлял санитарно-эпидемиологический отряд, работавший в различных районах Западной Сибири для ликвидации вспышек сыпного тифа, натуральной оспы, сибирской язвы, а в 1931 г. совместно с В.Д. Тимаковым, М.И. Федорович, И.Р. Ломакиным участвовал в ликвидации вспышки кишечных инфекций в Прокопьевске и Телебесском железорудном районе. Кроме того, С.П. Карпов проводил большую лечебно-профилактическую работу среди шахтеров и строителей Кузбасса.

Выдающийся терапевт Д.Д. Яблоков (впоследствии академик АМН СССР) в 1930 г. участвовал в научно-медицинской экспедиции, организованной Томским физиотерапевтическим институтом для обследования санитарно-гигиенических условий труда и здоровья рабочих Яшкинского цементного завода. На следующий год в качестве консультанта он выехал в Щегловск (ныне Кемерово) для борьбы с эпидемией брюшного тифа. Он также был организатором и участником массовых профосмотров рабочих силикозоопасных предприятий Западной Сибири, Приморского края, Норильска и др. [Там же. С. 126].

В январе 1935 г. при ТМИ для оказания помощи врачам на периферии было создано Томское консультационное бюро (руководитель – профессор А.А. Опокин). В его состав вошли профессора Е.И. Небольбов и П.А. Ломовицкий, также ассистент Н.А. Кузнецов. Бюро занялось организацией выездов ведущих ученых ТМИ в различные районы Сибирского региона, в основном в Новосибирскую область. В 1935 г. в г. Прокопьевск выезжали профессора А.И. Нестеров и А.Г. Сватикова, в Коченевский район – доцент С.П. Ходкевич, в г. Тайгу – К.Н. Завадовский, в Мариинский район – профессора П.В. Кожевников и А.Г. Савиных, в Болотинский район – профессор Е.И. Небольбов и доцент А. Короленко.

В начале 1930-х гг., с выделением педагогического факультета ТГУ в самостоятельный Томский индустриально-педагогический институт (ТИПИ, ныне ТГПУ), был дан старт превращению его в учебно-методический центр всего Западно-Сибирского края. В октябре 1931 г. при учебно-методическом секторе института была создана методическая комиссия под руководством Ф.Ф. Шамахова. Задача этой комиссии заключалась в теоретическом обобщении опыта работы учреждений на территории Западно-Сибирского края, однако этим ее деятельность не ограничивалась. Например, в 1932/1933 учебном году комиссия осуществляла мероприятия по планированию и учету работы массовой школы, детскому самоуправлению в начальной и средней школе, разработке тем по обществоведению для средней школы и др. При посредничестве методической комиссии было организовано консультационное бюро для осуществления практической помощи учителям начальной и средней школы, преподавателям техникумов и рабфаков. Бюро направляло научных работников института во все секции методического совета горно, руководило семи-

нарами по педагогике для директоров школ, завучей, инструкторов-методистов и учительского актива, организацией консультаций при кафедрах института. В числе прочего методическое бюро вместе с кафедрой педагогики института оказало большую помощь учебным заведениям в восстановлении лекторской системы в вузах после неудачного эксперимента по переходу высшей школы на бригадно-лабораторной метод обучения [17. С. 23].

Как и другие вузы, ТИПИ был включен в шефскую работу. В конце сентября 1931 г. при институте была создана комиссия для осуществления методического шефства над образцовыми школами Кузнецкстроя (руководитель – И.А. Монастырева). В 1935/1936 учебном году пединститут начал шефствовать над школой № 4 г. Томска и транспортной школой ФЗУ. Шефские связи института достигли и села, где проводилась идеолого-разъяснительная работа. Преподаватели института также принимали участие в организации различных курсов образовательного и методического направлений. Например в июне и июле 1934 г. работали краевые курсы «педагогов-продвиженцев» – физиков, математиков, историков и т.д.

С введением всеобщего 7-летнего образования и ростом потребности в учителях в 1935 г. при педагогическом институте был организован учительский институт. В его составе работали четыре отделения: естественно-географическое, физико-математическое, историческое и литературное. Срок обучения составлял два года. Основным контингентом института стали люди с большим жизненным опытом. Учительский институт просуществовал почти 20 лет и внес большой вклад в подготовку кадров для сельских и городских школ.

Описывая формы подготовки кадров в педагогическом институте, исследователи М.П. Войтеховская и Т.В. Галкина привели такие цифры на конец 1930-х гг.: "...в Педагогическом институте учились 726 студентов, в учительском институте – 326 студентов, на курсах по подготовке в вуз – 108 студентов, на 10-месячных курсах по подготовке учителей неполной средней школы – 205 студентов, составив всего 1 357 студентов» [Там же. С. 36].

В 1930-е гг. пединститут развивал культурно-просветительскую деятельность. Например, за 1934/1935 учебный год сотрудниками кафедр института в порядке общественной работы было прочитано 39 лекций для учителей, 31 лекция для студентов, 17 лекций командирскому составу Красной Армии, 16 – населению города (всего 103 лекции за год).

Формы проявления третьей роли вузов г. Томска в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны координация работы между властью, промышленностью и вузами стала как никогда необходимой для достижения победы над Германией. В этих условиях 27 июня 1941 г. в Томске был создан Комитет ученых (полное наименование – «Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время»; ТКУ).

Идейным предшественником ТКУ стало консультационное бюро, созданное при Доме ученых в марте 1940 г., основная задача которого заключалась в консультировании промышленных предприятий и колхозов Новосибирской области (г. Томск с 1937 г. входил в состав этой области) и Алтайского края по «разным отраслям народного хозяйства и по отдельным теоретическим вопросам». Консультации проводились силами научных работников томских вузов. Бюро делилось на ряд секторов: горно-геологический, химико-технологический, механический, энергетический, физико-технический, биологии и сельского хозяйства. За консультациями обращались представители самых разных сфер: руководители промышленных предприятий, изобретатели и рационализаторы, инженеры, колхозники, учителя, краеведы, студенты-дипломники и т.п.

Председателем Томского комитета ученых стал профессор ТГУ Б.П. Токин, его заместителями – профессор К.Н. Шмаргунов (ТИИ), В.Д. Кузнецов (ТГУ) и А.Г. Савиных (ТМИ). В состав комитета вошли 22 человека, в том числе 17 профессоров и 3 доцента. Комитет разместился в здании Сибирского физико-технического института, заседания проходили в кабинете его директора В.Д. Кузнецова. Консультации велись ежедневно с двух часов дня. Начиная с февраля 1942 г. они продолжались до девяти часов вечера.

В ТКУ также создавались комиссии и бригады из научных работников для оказания технической помощи и консультаций различным предприятиям. На заседании ТКУ, состоявшемся в конце августа 1941 г., были утверждены следующие бригады: металло-техническая (профессора В.Д. Кузнецов, А.Н. Добровидов, А.М. Розенберг), электротехническая (доценты В.К. Щербаков и И.Г. Кулеев, М.Ф. Филиппов), энергетическая (профессор И.Н. Бутаков, доценты В.Т. Юринский и И.Д. Кутявин), химико-технологическая (профессор И.В. Геблер, и.о. профессора А.П. Бунтин, доцент А.Ф. Мальцев), топливная (профессора М.К. Коровин, И.В. Геблер, Н.А. Чинакал, и.о. профессора Г.И. Фукс), транспортная (А.Д. Белоусов, В.М. Казаринов, Г.И. Преображенский), коммунальная (профессор В.И. Суздальский, доценты Е.М. Пухов, Н.А. Балакин) [24. С. 18].

Вместе с тем комитет формировал постоянно действующие специализированные бюро, такие как ботанико-фармакологическое (создано 4 июля 1941 г. и реорганизовано в медико-биологическое с 11 декабря того же года), консультационное бюро для помощи рационализаторам и изобретателям (создано 29 августа 1941 г.), геологическое (создано 20 октября 1941 г.), химическое (создано 11 декабря 1941 г.), транспортное (создано 25 марта 1942 г.). Составы бюро утверждались горкомом ВКП(б).

Учеными выполнялись самые разные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В числе заказчиков были Управление пути Народного комиссариата путей сообщения, Кузнецкий металлургический комбинат, Уральский медеплавильный завод, геологические учреждения Красноярского края и Кузбасса, Западно-Сибирское геологическое

управление, Новосибирское управление гидрометеорологической службы и др.

Под руководством ТКУ вузы г. Томска заготавливали лекарственные растения (к 1943 г. этими заготовками можно было обслуживать всю фармпромышленность СССР), производили химические вещества для нужд медицины (аммиак). При СФТИ были открыты курсы рентгенотехников для медицинских нужд фронта. На базе факультетских клиник ТМИ был развернут многопрофильный эвакуационный госпиталь № 2483, который возглавил профессор М.Т. Бриль. Благодаря усилиям томских медиков эвакогоспитали города возвратили в строй 38% от общего числа поступивших раненых. В запас было уволено 61,4% раненых, умерло – 0,6%) [24. С. 35].

По мнению коллектива историков ТГУ, именно тесное содружество производства, разных сфер научно-практической деятельности, переплетение компетенций, разработок, достижений, планов ученых, институтов, лабораторий преобразили научный фон Томска и региона в целом, значительно продвинув производственный, промышленный образовательный потенциал Сибири [Там же]. Организационный опыт Томского комитета ученых был востребован и после Великой Отечественной войны, когда на его базе был создан Научный совет при Областном исполнительном комитете Томской области, а в 1963 г. – Межвузовский научный совет.

В годы Великой Отечественной войны томские вузы активно развернули идейно-просветительскую работу. Для этих целей весной 1942 г. при ТГУ был открыт Воскресный университет, который посещали студенты и преподаватели вузов Томска, рабочие и служащие предприятий и организаций города. Здесь читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории и международной политики. Одной из главных была тема воспитания патриотизма. Занятия, как следует из названия, проходили по воскресеньям. В среднем их посещали от 25 до 70 человек.

Для слушателей университета был прочитан исторический цикл лекций, посвященный вопросам патриотизма и борьбы русского народа с иноземными захватчиками (в основном с немецкими) и др. По циклу истории искусства с лекциями выступил профессор К.Э. Гриневич («Происхождение искусства», «Искусство в Древнем Египте и Вавилоне», «Искусство в Древней Греции»). Кроме того, читались циклы лекций по физике, астрономии, географии и другим дисциплинам.

Заключение

Даже очерковый характер данного исследования позволяет заключить, что вовлеченность томских вузов в городское, региональное и общегосударственное

развитие имела место как в институционально-хронологическом (от первого сибирского университета до Томского комитета ученых), так и в структурно-профильном аспекте (поскольку проявления третьей роли мы обнаруживаем и в классическом, и в техническом, и в педагогическом, и в медицинском вузах). По мере развития вузов Томска происходило постепенное смещение акцентов третьей роли от городского пространства (до революции) к региональному и макрорегиональному (в советский период). В кризисные периоды существования государства (Первая мировая война, Гражданская война, Великая Отечественная война) акцент третьей роли томских вузов расширился до общегосударственного уровня.

Формы проявления третьей роли в разные периоды были идентичными: экспертизы, консультации, а также лекции просветительского, идейно-воспитательного и образовательного характера и т.д. В то же время стоит отметить, что меценатско-благотворительная деятельность как форма проявления третьей роли фактически исчезла с приходом советской власти.

Проведенное исследование ставит под сомнение высказанную в научной литературе точку зрения, согласно которой советские вузы практически не оказывали влияния на экономическое и культурное развитие своего региона. Из приведенных фактов наглядно видно, что представители вузов, освободившись от опеки царского правительства, уже в годы революции и Гражданской войны смогли (пусть и частично) реализовать масштабный проект Института исследования Сибири, ориентированного на подъем производительных и культурных сил в масштабах всего сибирского края. В 1920–1930-е гг. профессорско-преподавательский и научный состав томских вузов стал неотъемлемым звеном региональных процессов культурного и промышленного развития края. В годы же Великой Отечественной войны вузовское сообщество г. Томска выступило пионером организации усилий, направленных на координацию действий государства, промышленности, в виде масштабного проекта – Томского комитета ученых.

Полученные результаты позволяют несколько скорректировать выводы об однородности третьей роли советских вузов за счет актуализации регионального (в данном случае – томского) компонента. Однако для построения более эвристически значимых конструкций необходимы дальнейшие исследования как по уже изученному периоду (с целью восполнения оставшихся лакун в кейсах развития томских вузов), так и по второй половине XX в. с целью выявления преемственности и «разрывов» эволюции форм проявления третьей роли томской высшей школы.

Сказанное представляется справедливым и для всего образовательно-научного комплекса Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.
2. Галажинский Э.В. Третья роль университетов, или Роль вузов в региональном развитии // Социально-гуманитарные молодежные проекты университетов местному сообществу : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 25–26 октября 2012 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 54–59.

3. Видревич М.Б. Третья миссия университетов: какой мы ее видим? // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 88–95.
4. Иглтон Т. Медленная смерть университета. URL: https://scepsis.net/library/id_3672.html. (дата обращения: 30.08.2021).
5. Борисов С.В. «Миссия университета»: миф или реальность // Философия и наука. 2017. № 16. С. 37–47.
6. Ридинг Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута; под общ. ред. М.А. Гусавского. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2009. 248 с.
7. Кузьминов Я.И. Наши университеты // Экономика образования. 2008. № 4. С. 37–46.
8. Беннепорт П., Сандерсон А. Участие университетов в региональном развитии: создание потенциала в условиях малоинновационной среды // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (36). С. 172–188.
9. Медушевский Н.А., Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли вузов на современном этапе // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2016. № 3. С. 19–31.
10. Университет и город в России в начале XX века / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 784 с.
11. Посохов С.И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII первая половина XIX вв.). Харьков : Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2014. 364 с.
12. Флоринский Ф.М. Описание праздника, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года, по случаю закладки Сибирского университета. Томск : Тип. и литогр. Михайлова и Макушина, 1880. 226 с.
13. Степнов А.О. Научное сообщество Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. магистра ист. наук. Томск, 2017. 133 с.
14. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
15. Некрылов С.А. Томский университет первый научный центр в азиатской части России (середина 1870 х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
16. Профессора Томского политехнического университета : биограф. справочник / авт.-сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
17. Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920 годы. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. 239 с.
18. Расколец В. В. Организация и деятельность Института исследования Сибири (1917–1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 347 с.
19. Расколец В.В., Сорокин А.Н. Деятельность географического отдела Института исследования Сибири и его вклад в развитие геодезии, геофизики и гидрологии сибирского края (июль 1919 г. – июнь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 147–155.
20. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
21. Лешуков О.В., Фрумин И.Д. Флагманские университеты: от советского опыта к поиску новой модели // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4. С. 22–29.
22. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 156 с.
23. Томский политехнический университет. 1896–1996 : исторический очерк / под ред. А.В. Гагарина. Томск : Изд-во ТПУ, 1996. 448 с.
24. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Литвинов А.В. и др. Томский комитет ученых во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: исторический очерк // Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2015. С. 9–39.

Viktor V. Raskolets, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Aleksandr N. Sorokin, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

THEORY AND PRACTICE OF HISTORICAL RESEARCH OF THE THIRD ROLE OF HIGHER EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF UNIVERSITIES IN TOMSK AT THE END OF THE XIX – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY)

Keywords: the third role of universities, university identity, regionalization, Tomsk.

In the article, on the basis of research literature, theoretical and practical problems of the third role of higher education are solved. The problem of the functioning and competition of a modern university under the conditions of the risks of destruction of its own “value core” is actualized. It is noted that the problem of the higher school’s search for answers to the challenges of the time is directly related to the discussion about the essence of the third role of universities, which is characterized by a pronounced “local specificity”. It is emphasized that the history of the evolution of the third role of regional universities in modern national historiography has practically not been developed, with the exception of individual studies.

The aim of the research is stated – the identification and interpretation of the third role of the universities of Tomsk at the end of the 19th – the first half of the 20th century. The subject of the research is the actions of representatives of educational institutions in Tomsk, who had the status of higher education in the period under review. The authors note that the study is largely based on existing works and rather shifts research emphasis, incorporating the results obtained into a theoretical model, rather than pursues the goal of introducing new sources into scientific circulation. It is emphasized that the novelty of the research is seen by the authors not only in the identification of a number of aspects of the study of the third role, but also in the theoretical generalization of the rich empirical material.

The concept of the third role in relation to the history of higher education is revealed. By the third role of a higher educational institution, the authors of this work understand a set of forms of activity of its faculty and scientific staff, oriented towards national and regional development, which goes beyond teaching and scientific work, but is mediated by them. A conclusion is drawn in which it is stated that the involvement of Tomsk universities in the development of urban, regional and nationwide took place both in the institutional-chronological and structural-profile aspects. It is emphasized that with the development of universities in Tomsk, there was a gradual shift in the emphasis of manifestation of the third role from urban space to regional and macroregional. During the crisis periods of the state’s existence (the First World War, the Civil War, the Great Patriotic War), the emphasis on the third role of Tomsk universities expanded to the national level.

REFERENCES

1. Ikovits, G. (2011) Model' troynoy spirali [The triple helix model]. *Innovatsii – Innovations*. 4(150). pp. 5–10.
2. Galazhinskiy, E.V. (2013) Tret'ya rol' universitetov, ili Rol' vuzov v regional'nom razvitiy [The third role of universities, or the role of universities in regional development]. *Sotsial'no-gumanitarnye molodezhnye proekty universitetov mestnomu soobshchestvu* [Social and humanitarian youth projects of universities for the local community]. Proc. of the Conference. October 25–26, 2012. Tomsk: Tomsk State University. pp. 54–59.
3. Vidrevich, M.B. (2018) Tret'ya missiya universitetov: kakoy my ee vidim? [The third mission of universities: how do we see it?]. In: Zborovskiy, G.E. & Ambarova, P.A. (eds) *Vysshее образование v Rossiyskikh regionakh: vyzovy XXI veka* [Higher education in Russian regions: challenges of the 21st century]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 88–95.
4. Eagleton, T. (n.d.) *Medlennaya smert' universiteta* [Slow death of the university]. Translated from English. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_3672.html. (Accessed: 30th August 2021).

5. Borisov, S.V. (2017) "Missiya universiteta": mif ili real'nost' ["The University Mission": Myth or Reality]. *Filosofiya i nauka*. 16. pp. 37–47.
6. Readings, B. (2009) *Universitet v ruinakakh* [University in ruins]. Translated from English by A.M. Korbut. Minsk: Belarus State University.
7. Kuzminov, Ya.I. (2008) Nashi universitety [Our Universities]. *Ekonomika obrazovaniya – Economics of Education*. 4. pp. 37–46.
8. Benneworth, P. & Sanderson, A. (2012) The Regional Engagement of Universities: Building Capacity in a Sparse Innovation Environment. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organisations Research Journal*. 1(36). pp. 172–188. (In Russian).
9. Medushevskiy, N.A. & Perfilieva, O.V. (2016) Interpretatsiya tret'ey roli vuzov na sovremennom etape [Interpretation of the third role of universities at the present stage]. *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3. pp. 19–31.
10. Maurer, T. & Dmitrieva, A. (2009) *Universitet i gorod v Rossii v nachale XX veka* [The university and the city in Russia in the early twentieth century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Posokhov, S.I. (2014) *Universitet i gorod v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII pervaya polovina XIX vv.)* [The university and the city in the Russian Empire (the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries)]. Kharkov: Kharkov State University.
12. Florinskiy, F.M. (1880) *Opisanie prazdnestva, byvshego v g. Tomske 26 i 27 avgusta 1880 goda, po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the festival that took place in Tomsk on August 26 and 27, 1880, on the occasion of the foundation stone of the Siberian University]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
13. Stepnov, A.O. (2017) *Nauchnoe soobshchestvo Tomska v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Tomsk scientific community during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Master Thesis. Tomsk.
14. Gribovskiy, M.V. (2018) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppya rossiyskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g.* [The faculty of the imperial universities as a social and professional group of Russian society. 1884 – February 1917]. History Dr. Diss. Tomsk.
15. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870 kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
16. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Professors of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 1. Tomsk: NTL.
17. Voytekhovskaya, M.P. & Kochurina, S.A. (2002) *Tomskiy uchitel'skiy institut: vozvrashchennaya istoriya. 1902–1920 gody* [Tomsk Teachers' Institute: History Returned. 1902–1920]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Raskolets, V.V. (2018) *Organizatsiya i deyatelnost' Instituta issledovaniya Sibiri (1917–1921 gg.)* [Organization and activities of the Institute for the Study of Siberia (1917–1921)]. History Cand. Diss. Tomsk.
19. Raskolets, V.V. & Sorokin, A.N. (2017) Activities of the geographical department of the Research institute of Siberia and its contribution to the development of geodesy, geophysics and hydrology in the Siberian region (July 1919 – June 1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 147–155. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/19
20. Kuzminov, Ya.I., Semenov, D.S. & Frumin, I.D. (2013) University Network Structure: From the Soviet to the Russian "Master Plan". *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. pp. 8–69. (In Russian).
21. Leshukov, O.V. & Frumin, I.D. (2017) Flagship universities: from soviet experience to searching for new model. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 21(4). pp. 22–29. (In Russian). DOI: 10.15826/umpa.2017.04.046
22. Litvinov, A.V. (2006) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and science at Tomsk State University in the 1920s and 1930s.]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Gagarina, A.V. (ed.) (1996) *Tomskiy politekhnicheskii universitet. 1896–1996 : istoricheskiy ocherk* [Tomsk Polytechnic University: a historical sketch]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
24. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Litvinov, A.V. et al. (2015) *Tomskiy komitet uchenykh vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: istoricheskiy ocherk* [The Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: a historical sketch]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–39.

УДК 93(378)
DOI: 10.17223/19988613/74/9

Р.А. Фандо

КНЯЗЬ Е.Н. ТРУБЕЦКОЙ И РЕШЕНИЕ «УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОПРОСА»

Проанализирована эволюция взглядов князя Евгения Николаевича Трубецкого по «университетскому вопросу». На основе архивных документов и материалов периодической печати рассмотрено его участие в обсуждении различных проектов университетского устава в начале XX в., в период активного сопротивления профессуры и студенчества государственной политике в области высшего образования. Показано, что его публицистические статьи получили широкий общественный резонанс, особенно среди студентов.

Ключевые слова: Е.Н. Трубецкой, университетский вопрос, студенческие волнения, Россия в начале XX века.

Изучение творческого наследия Е.Н. Трубецкого (рис. 1) сфокусировано в основном на его философско-религиозных воззрениях [1–4]. Общественно-политической деятельности ученого посвящено лишь несколько работ отечественных историков [5–7]. Исследователями выделен и описан период его политической активности, который пришелся на 1906–1910 гг., когда Е.Н. Трубецкой участвовал в работе Партии мирного обновления и противодействовал революционным настроениям, считая, что государство должно развиваться эволюционным путем. Участие ученого-юриста в решении университетского вопроса осталось за пределами области внимания историков, хотя его яркие выступления в прессе имели большой резонанс среди современников. Эту сторону его деятельности даже изобразили в карикатуре «Одобрение, обвинение и защита» (рис. 2) [8].

На рисунке мы видим три фигуры князя Е.Н. Трубецкого с непропорционально большой головой (этот прием часто использовали карикатуристы) на фоне людей, которые значительно меньше главного героя, что придает ему значимость и обращает особое внимание зрителей. Автор иронизирует над князем, опубликовавшим в «Русских ведомостях» открытое письмо о проекте университетского устава, а именно над преувеличением собственных заслуг в защите университетской автономии. Что является в рисунке исторической достоверностью, а что мифом, попробуем выяснить, рассмотрим деятельность Е.Н. Трубецкого в решении пресловутого университетского вопроса на фоне социально-политических преобразований в России начала XX в.

Рис. 1. Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920)

По своему образованию Е.Н. Трубецкой был юристом. Он окончил в 1885 г. Императорский Московский университет со степенью кандидата права, после чего преподавал юридические дисциплины в Демидовском юридическом лицее (Ярославль) в 1886–1892 гг., в Киевском (1892–1906) и Московском университетах (1906–1910). Кроме правоведения его интересовали вопросы религиозной философии и богословия. Он связал принципы христианства с правовой культурой, которая сложилась в различных церковных традициях. Анализу религиозно-философских воззрений Западной Европы были посвящены его диссертации: в 1892 г. он защитил магистерскую диссертацию [9], а в 1897 г. – докторскую [10].

Рис. 2. Карикатура на Е.Н. Трубецкого [Там же]

Зная изнутри проблемы высшей школы, Е.Н. Трубецкой принимал активное участие в обсуждении проектов университетских уставов. К началу XX в. в обществе назрела острая необходимость в демократизации высшего образования. Университеты работали еще по Уставу 1884 г., который уже устарел и требовал существенной доработки. Николай II был настроен категорически против всякого рода уступок университетской корпорации. В.П. Яковлев отмечал, что последний российский император в отношении университетов был полной противоположностью первому российскому императору – Петру I, который всячески способствовал становлению и процветанию науки и образования [11]. Николай II часто уклонялся от участия в решении су-

деб российских университетов, сократил их финансирование и ужесточил надзор за свободолобивым студенчеством.

В 1899 г. состоялась первая всероссийская студенческая забастовка, которая изменила ход университетской жизни в России. В аудиториях разбрасывались прокламации, происходили сходки, которые начинались и оканчивались лозунгами за свержение верховной власти и пением революционных песен. Профессоров часто просто выставляли из аудиторий, срывались учебные занятия, причем иногда на длительное время. Революционно настроенная молодежь требовала срочных перемен в укладе университетской жизни и расширения прав студентов.

В 1901 г. произошло громкое убийство Министра народного просвещения Н.П. Боголепова, которого сменил на министерском посту 80-летний П.С. Ванновский. Новый министр издал Временные правила о студенческой организации, согласно которым она могла быть создана только под контролем администрации учебного заведения. Одновременно он начал работу по подготовке нового университетского устава, поэтому обратился к университетским советам с просьбой вносить предложения по основным пунктам представленного документа.

Университетские советы и попечители учебных округов высылали свои соображения по основным пунктам нового устава. Бурную реакцию с их стороны вызвали предложенные министром изменения в деятельности университетской инспекции. Большинство попечителей и представителей университетских советов считали, что функция инспекций, регламентированная Уставом 1884 г., не соответствует ее назначению и основным задачам. Томский университет видел в университетской инспекции плод правительственного недоверия к университетам, на что указывали факты слежки за студентами со стороны посторонних университету лиц. В этом замечании Томский университет поддержали советы Варшавского и Новороссийского университетов [12].

Деятельность инспекций, по мнению многих профессоров, была недостаточно организована. Согласно ст. 46 Устава 1884 г. инспектор студентов должен был определяться на должность Министром народного просвещения по представлению попечителя учебного округа. Кроме того, ст. 47 того же устава гласила, что инспектор, хотя и подчиняется в своих действиях ректору, тем не менее состоит под непосредственным начальством попечителя [13]. Таким образом, инспектор был поставлен в независимое положение, так как мог ходить к попечителю учебного округа самостоятельно с докладом, минуя ректорат. В работе университетов сложилось двоевластие: ректоры и инспекторы часто не могли найти общего решения по ряду злободневных проблем. На ситуацию ослабления власти ректора проявлением самостоятельных действий со стороны университетской инспекции указывали советы Петербургского, Киевского, Юрьевского и Харьковского университетов.

Согласно ст. 40 устава кроме ректора и деканов всех факультетов в состав правления университетов

должны были входить инспекторы и, соответственно, принимать участие в решении студенческих, образовательных и хозяйственных вопросов. Правление выполняло также судебские функции по отношению к студентам [Там же]. В результате инспекторы являлись одновременно и следователями, и обвинителями, и судьями. Недостатки университетских инспекций еще больше усугублялись невыполнением на практике ст. 30 (§ III, п. 13) устава, согласно которой совету университета принадлежало право обсуждения проектов инструкций для инспекций [Там же].

Большое недовольство со стороны студентов вызывало поведение инспекторов, что часто приводило к волнениям и беспорядкам среди учащейся молодежи. Вместо сдерживания конфликтов инспекция зачастую их провоцировала. В докладе комиссии, избранной на совещании профессоров Казанского университета 15 марта 1901 г., было сказано, что «инспекция во время волнений оказывается бессильной обнаружить истинных виновников беспорядков; в списке студентов, представляемых к увольнению и исключению, инспекция нередко включает лиц, или вовсе не принимавших участия в сходках, или же явившихся туда с целью протестования против беспорядков» [12. Л. 4].

В докладах советов Петербургского, Киевского и Харьковского университетов было множество указаний на враждебное отношение между инспекциями и студентами. В докладе совета Новороссийского университета говорилось, что инспекция мелочностью и строгостью своих правил пыталась искоренить индивидуальность студентов, сформировавшуюся в результате воспитания внутри отдельной семьи [12].

Кадровый состав инспекторов также оставлял желать лучшего: в основном это были люди, закончившие свою служебную карьеру в гимназиях, имеющие опыт воспитания детей и подростков, но не имевшие дела с юношами университетского возраста. Отсюда возникал неуважительный менторский тон со стороны сотрудников инспекции к уже сформировавшимся личностям, что вызывало ответную негативную реакцию со стороны последних. По мнению совета Юрьевского университета, назначенные на должность инспекторов бывшие директора средних школ привносят в университет непригодные приемы работы, в частности сыска и опеки, чем и объясняется крайняя их непопулярность [Там же. Л. 4 об.].

Обстановка была накалена до предела, поэтому все университетские советы и почти все попечители признали необходимым подвергнуть серьезным изменениям положения действующего устава в отношении надзора за студентами. Существовало несколько предложений по решению данного вопроса.

Попечитель Рижского учебного округа тайный советник А.Н. Шварц высказался за уничтожение инспекции, так как университет не должен осуществлять полицейский надзор [12]. Кстати, Рижский политехнический институт, в котором на тот момент обучались около 2 тыс. студентов, никогда не имел инспекций, при этом в вузе сохранялся порядок.

Было также предложено заменить надзор инспекции надзором должностных лиц, избираемых из про-

фессорской среды. Совет Варшавского университета предлагал заменить институт инспекции Правлением по студенческим делам, составленным только из профессоров. Совет Московского университета указал на то, что институт инспекции разросся до небывалых размеров, имел собственную канцелярию и делопроизводство, хотя не выполнял возложенных на него функций по усмирению студенческих беспорядков [14]. Профессор Московского университета Д.Н. Анучин предложил вместо инспекции возложить функции обеспечения правопорядка в университетах на проректора, выбираемого из профессоров. В помощь проректору можно было бы привлечь попечителей отдельных курсов, профессоров и работников канцелярии [15. С. 9]. В.И. Вернадский в поддержку данного предложения отметил: «Институту инспекции нет места в университетской жизни. Он должен быть уничтожен. Надзор за порядком должен быть предоставлен выборному из профессоров проректору, университетскому суду и студенческой корпорации» [Там же. С. 17].

Советы всех университетов, кроме Варшавского и Московского, предлагали сохранить институт инспекции с возможным изменением его названия, а во главе его поставить проректора или товарища ректора. Таким образом, инспекция из надзорного органа должна была превратиться в структуру, осуществляющую управленческую и воспитательную функции деятельности учебного заведения [12].

Наиболее консервативными оказались предложения ряда попечителей учебных округов и профессоров не менять структуру инспекций, но при необходимости вносить изменения в ее работу. Хвалебным по отношению к инспекции оказался отзыв Одесского попечителя Т.С. Сольского. Томские профессора Д.Н. Беликов, Ф.А. Ерофеев, Н.А. Рогович и Н.И. Грамматикати ратовали за минимальные преобразования в работе университетских инспекций. Инспектор Юрьевского округа Н.И. Тихомиров возражал против привлечения к инспекторской работе проректоров, так как обязанности по надзору за студентами, особенно во время волнений и беспорядков, отвлекали бы проректора от науки и снизили бы его профессорский престиж [Там же].

Князь Е.Н. Трубецкой, будучи профессором Киевского университета Святого Владимира, также принял участие в обсуждении вопроса о судьбе университетской инспекции. Он считал, что упразднить институт инспекции нельзя, так как профессора не смогут осуществлять надзор за поведением студентов. Трубецкой предложил избирать инспекторов на университетских советах, для этого нужно было вернуть ст.ст. 63 и 67 Устава 1863 г. и отменить ст. 47 Устава 1884 г., устанавливавшую непосредственное подчинение инспектора попечителю учебного округа. По его мнению, университетские советы должны будут разрабатывать инструкции для инспекторов, но право утверждения этих документов должно оставаться за министром и попечителем [16. С. 10].

В отношении правления университета Трубецкой замечал, что в состав этой структуры должны входить ректор, деканы всех факультетов и проректор, но ни в коем случае не инспектор. Инспектора можно при-

глашать на совет только для решения студенческих вопросов, и то лишь в том случае, если он обладает полномочиями, эквивалентными проректору. По мнению Трубецкого, число помощников инспектора или проректора (в зависимости от штатных структур учебных заведений) должно быть в значительной мере уменьшено, хотя бы до пяти, по числу факультетов. При этом если инспекторы и проректоры должны утверждаться министерством, то их помощники – университетским советом или попечителем учебного округа. Относительно функций университетской инспекции Трубецкой считал, что их необходимо сузить до надзора над студентами в стенах учебного заведения, запретив внешние наблюдения за слушателями [Там же. С. 11].

В 1902 г. П.С. Ванновского сменил новый руководитель ведомства – Г.Е. Зенгер, который создал Комиссию по разработке нового университетского устава, но дело опять притормозилось, а студенческие волнения, наоборот, усилились. В связи с этим в 1904 г. министр был отправлен в отставку, а его пост занял генерал В.Г. Глазов. В июне 1905 г. было проведено совещание по пересмотру университетских уставов, где было решено разработать вопрос об университетском самоуправлении. Очередной проект устава, вышедший из руководимого Глазовым ведомства, не поддержали все университетские советы. В августе 1905 г. были приняты «Временные правила по управлению высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», согласно которым вводились выборы ректоров и деканов и расширялись права университетских советов, но старый Устав 1884 г. еще продолжал быть правоустанавливающим документом для российских университетов.

С.Ю. Витте при формировании кабинета министров пригласил на пост министра народного просвещения князя Е.Н. Трубецкого, но тот отказался, так как в 1905 г. вступил в конституционно-демократическую партию (позднее трансформировалась в партию кадетов), программа которой отличалась от настроений нового правительства. Пришедший в октябре 1905 г. на пост министра просвещения И.И. Толстой был человеком либеральных взглядов и продолжил начатую его предшественниками работу по разработке проекта нового устава. Очередная версия устава снимала все запреты на получение высшего образования по половым, национальным, религиозным и сословным признакам и давала автономию университетским советам [17]. Естественно, что в период массового студенческого антиправительственного движения данный законопроект не был принят.

В октябре 1906 г. по стране прокатилась волна стачек в связи с годовщиной «Манифеста 17 октября 1905 г.». Активисты социал-демократического студенчества обратились к ректору Московского университета А.А. Мануилову с просьбой разрешить им сходку 18, 19 и 20 октября во внеучебное время. Ректор отказал им в просьбе, в результате чего студентами на эти дни была объявлена забастовка, студенты в большинстве своем откликнулись на призыв бойкотировать учебные занятия. Лишь небольшие группы студентов по 5–10 человек, игнорировавшие революционную часть учащейся

молодежи, заняли места в аудиториях в ожидании лекций. В связи со сложившейся ситуацией ректором было принято решение закрыть университет до 30 октября, до наведения порядка в учебном заведении [18]. Студенты требовали скорейшего начала занятий, и администрация пошла на уступки: учебный процесс в университете возобновился уже 26 октября 1906 г.

Князь Е.Н. Трубецкой выступил в газете «Московские ведомости» (№ 255) по поводу октябрьских выступлений студентов Московского университета. Он отметил, что в прошедших событиях нельзя усматривать конфликт между университетской администрацией и студенчеством; напротив, профессорская корпорация солидарна с большинством студентов. По мнению Е.Н. Трубецкого, в конфликте участвовало большинство, состоящее из профессоров и основной части студенчества, и меньшинство, которое стремилось всеми правдами и неправдами прекратить занятия в университете на три дня.

«Царство кулака в Университете на другой день после годовщины Манифеста! Какой глубокий символизм в этом событии! Нужно ли искать лучшего предложения для тех, кто хочет, чтобы Манифест остался мертвою буквой! Правовые начала, возвращенные Манифестом, доселе не проникли в сознание группы студенчества, мнящей себя передовою. Какой козырь для Правительства, которое не хочет осуществить их в жизни!» – писал Е.Н. Трубецкой [19].

По мнению князя, автономия университета некоторыми студентами понималась неправильно. Требуя «свободы слова», они освистывали тех, кто пытался противоречить бунтовщикам и хотел заниматься основным своим делом – учебой. Провозглашая «свободу собраний», представители революционного студенчества не позволяли своим сокурсникам собираться в аудиториях для слушания лекций. «И все это делается для того, чтобы почтить память борцов за свободу! Неужели для этого нужно попираť ногами ту самую свободу, за которую они боролись?» – задает риторический вопрос автор статьи [Там же].

Революционно настроенное студенчество вступило в схватку с Е.Н. Трубецким на страницах печатных изданий. Представления князя об автономии университетов лишней раз доказывали, что между профессорами и студентами существовала разница в определении университетских свобод. Студенты под автономией понимали совокупность норм, обеспечивающих права профессоров и студентов, верили в то, что им будут разрешены собрания во внелекционное время.

В «Студенческой газете» можно было прочитать обличающие Е.Н. Трубецкого строки: «Минув яркое пристрастие “Московских ведомостей”, минув грубые вылазки князя Е.Н. Трубецкого против сознательного студенчества, приходится еще и еще повторить, что лишь удовлетворение решительных требований передового студенчества способно исчерпать возникший конфликт, по крайней мере постольку, поскольку он касается взаимоотношений профессоров и студентов» [20]. «Московское студенчество, за исключением маменькиных сынков, никогда не браталось с раболепной профессурой, которая чуть ли не год тому назад не

стыдилась отдавать студентов в солдаты и отправлять их десятками в сибирские тундры. Студенчество и теперь не настолько слепо, чтобы не суметь различить правопорядочников под либеральной оболочкой, и надо надеяться, что оно и впредь будет стыдиться какой бы то ни было “солидарности” с подобными господами» [21. С. 2]. «Кадетская печать вкупе с “Новым временем”, “Московскими ведомостями” и другими единомышленниками подняла неистовый лай по поводу “грубого” нарушения студенчеством спокойствия и благочиния, царившего до сих пор в университете г. Мануилова и К°. Во главе этого “славного” похода против революционного студенчества, понятно, лейб-орган профессорской корпорации “Русские ведомости”, которые не останавливаются даже перед явной ложью и извращением фактов, дабы доказать умиленную солидарность большинства студентов с профессорской корпорацией» [Там же. С. 1].

В 1906 г., после отставки кабинета С.Ю. Витте, на пост нового министра просвещения назначен П.М. Кауфман, сторонник консерватизма и жесткого порядка, мечтавший ликвидировать автономию университетов. Реакционная политика в области университетского образования также наблюдалась в период 1908–1910 гг., совпавший с годами деятельности министра народного просвещения А.Н. Шварца. В 1908 г. были разосланы циркуляры за его подписью, запрещающие прием женщин в университеты. Принятым ранее вольнослушательницам разрешено было дослушать курс предметов до конца отдельно от студентов, в специально отведенные для этого вечерние часы. Н.К. Кольцов по поводу данного решения писал: «В университетах благодаря постановлениям профессорских советов появились женщины вольнослушательницы. Аудитории приняли европейский характер. По единодушному отзыву всех профессоров, допущение женщин было проведено профессорами, то они и видели в нем свое дело, которое и было поэтому для них особенно близко. Но это дело стало негодно министру народного просвещения, и г. Шварц уничтожил его одним росчерком пера. Какое дело министру до того, что профессорка единодушно стоят за проведенную ими в жизнь реформу? Разве стоит считаться с профессорами? Пусть запомнят, что они только чиновники, обязанные повиноваться начальству, и больше ничего!» [22. С. 84].

В 1908 г. А.Н. Шварц предложил свой проект университетского устава, который больше походил на вариант 1884 г. Согласно новому проекту ректор должен был подчиняться попечителю учебного округа, в стенах университета не разрешалось проводить собрания, а для надзора за студентами вводилась должность университетского пристава. Если в 1901 г., будучи попечителем Рижского учебного округа, А.Н. Шварц ратовал за упразднение института инспекции, то буквально за несколько лет стал его рьяным защитником.

Е.Н. Трубецкой незамедлительно ответил на новый проект статьей в газете «Московский ежедневник» [23]. Он указал, что согласно предложенному проекту участие университетского совета должно свестись к нулю, а ректор должен стать помощником попечителя учебного округа. По его мнению, ректор и деканы станут

в недалеком будущем своего рода надзирателями, а под видом университетских приставов будет восстановлена университетская инспекция, точнее говоря – университетская полиция. Е.Н. Трубецкого возмутил тот факт, что эта полиция должна подчиняться ректору, проректору и деканам университета. Это все, на его взгляд, походило на звенья одной полицейской организации.

Е.Н. Трубецкой был возмущен тем положением студентов, которое им отводилось согласно новому проекту устава. Учащиеся лишались корпоративных прав: в зданиях учебных заведений запрещались всякого рода собрания и общества, даже научные. По мнению князя, сущность нового проекта сводилась к ликвидации университетской автономии и всего того нового, что регламентировалось «Временными правилами по управлению высшими учебными заведениями», принятыми 27 августа 1905 г.

Тем не менее «шварцевский» устав был отправлен на обсуждение в Совет министров. Наибольшее число прений вызвал вопрос об университетских инспекторах, которых предложили называть приставами. Министр финансов В.Н. Коковцов категорически выступил против института инспекции в высших учебных заведениях, считая, что приставам будет непосильно снискать доверие у университетской молодежи, скорее всего, они будут вызывать у студентов подозрение и раздражение. Кроме того, в проекте было прописано, что факультетские приставы должны подчиняться ректору и деканам, что могло вызвать негативное отношение студентов к университетскому руководству. В.Н. Коковцов отметил, что кредит, отпускаемый на поддержание порядка, мог бы использоваться более целесообразно без введения должностей университетских приставов [24].

Несмотря на поддержку В.Н. Коковцова другими министрами, А.Н. Шварц настоял на своем, так как в учреждении института приставов он видел острую необходимость для возвращения академической жизни в прежнее спокойное русло. Министр просвещения заявил, что политическая жизнь в России начинает активизироваться, а различные ее проявления могут отразиться на молодежи, чутко реагирующей на все новое. Если не принимать твердых мер, то политизированные элементы будут мешать той части учащейся молодежи, которая мотивирована на научную работу [Там же]. В итоге, заручившись поддержкой правительства, А.Н. Шварц намеревался отправить свой проект устава в Государственную думу.

Еще до обсуждения в Думе новый устав опять взбудоражил университетскую среду, так как предполагал вернуть высшую школу к старым порядкам и чиновничьему произволу. «Прежде университет колебался между двумя противоположными типами: полицейского учреждения и революционного клуба; теперь, несмотря на все его недостатки и неустройства, он стал, наконец, университетом, местом для учения. Самая возможность такого превращения обуславливается той автономией, которую теперь хотят уничтожить», – писал в «Студенческой жизни» Е.Н. Трубецкой относительно нового устава [25. С. 5].

В своей статье «К университетской реформе» князь Е.Н. Трубецкой приводил различные примеры бесчинств, которые творили университетские инспекторы и их служители – педели. Субинспекторы раздавали педелям фотографии студентов и устраивали им экзамены на знание лиц учащихся, учили методам подслушивания и подглядывания во время учебных занятий, заседаний студенческих обществ и несанкционированных сходок. С принятием «шварцевского» законопроекта, по мнению князя, подобное шпионство будет только процветать. Е.Н. Трубецкой обратил внимание на тот факт, что для «протаскивания» проекта устава через Думу Министерство народного просвещения начало кампанию за продвижение этого документа как единственного гаранта обеспечения порядка в учебных заведениях. Князь отмечал, что чиновники министерства пытаются опорочить в печати университетское начальство как бессильное в отношении злонамеренной части студенчества. Профессоров они описывали как почивших на лаврах бездельников, получавших многотысячные гонорары и передавших бразды правления своим помощникам в лице студенческих старост. Более того, министерством муссировалось мнение, что профессора сами подогревают студенческие волнения в борьбе за университетскую автономию [25].

«Вся эта грязь печатается в газетах, <...> но ведь правительство прекрасно знает, что в Московском и целом ряде других университетов не было ни старост, ни подобных им, признанных университетом организаций, и что там, где они были, бразды правления им не передавались. Что же касается студенческих беспорядков, то тому же правительству не может не быть известно, что говорили по этому поводу профессора студентам. Они указывали, что забастовка, недопустимая с академической точки зрения вообще, – в настоящий момент сугубо нелепа, потому что она облегчает правительству уничтожение автономии и проведение в Думе нового устава. Беспорядки нужны совсем не профессорам, а тем, кого мы для простоты и ясности назовем *университетскими Азефами*; они служат не в автономном университете, а в иных, хорошо известных учреждениях» [Там же. С. 5].

Революционно настроенное студенчество выступило против заявления князя Трубецкого, так как он отдавал приоритет в управлении университетами профессорскому сообществу, считая, что университетская автономия – это путь к разрушению, а усиление власти в лице представителей профессуры – путь к установлению порядка и нормальной работы учебных заведений.

По мнению ряда студентов, Е.Н. Трубецкой, придавая большое значение профессорским советам, умалил желание студенческой молодежи участвовать в собраниях, создавать общества и кружки, принимать участие в жизни факультетов. Университетские слушатели имели достаточно твердые цели и стремления к получению высшего образования, поэтому забастовки были лишь выражением их общественных позиций, а не желанием срыва образовательного процесса.

«Что же касается педагогического авторитета профессоров, на который указывает Трубецкой, то вряд ли он сыграл большую роль в успокоении. Можно сильно

сомневаться, что одно только осуждение последней забастовки, как хочется Трубецкому, со стороны профессоров, – послужило к ее ликвидации. Неопределенное поведение профессоров во время забастовки не столь содействовало успокоению университетской жизни, сколь создавало раскол в рядах студенческих масс», – написал автор заметки в газете «Студенческий мир» от 8 февраля 1910 г. [26]

В мае 1910 г. новый университетский устав был представлен в Государственную думу. Кроме наиболее остро обсуждаемого вопроса об университетской автономии на повестке дня были новшества, внесенные в документ чиновниками Министерства народного просвещения. Например, плата за обучение во всех университетах, за исключением Московского и Санкт-Петербургского, устанавливалась в размере 100 руб. Студентам Московского и Санкт-Петербургского университетов надлежало платить по 150 руб., что, возможно, привлекало бы в столичные города наиболее обеспеченных студентов, далеких от революционной деятельности. Поступать в университет, согласно новому проекту устава, разрешалось только выпускникам гимназий; естественно, что речь о нахождении женщин в императорских учебных заведениях даже не шла [27].

В 1910 г. наблюдался новый подъем студенческого движения: были проведены сходки, названные Муромскими и Толстовскими днями, протестные акции против беспредела, царящего на каторгах, против обвинений в адрес учащейся молодежи думских депутатов В.М. Пуришкевича и Н.Е. Маркова (Маркова 2-го), против «шварцевского» проекта университетского устава.

Е.Н. Трубецкой опубликовал в «Русских ведомостях» статью, где обвинил студенческое движение в поддержке провокаторов. В ответ московское студенчество откликнулось взрывом негодования. 5 декабря 1910 г. на лекции Трубецкого студенты потребовали от него объяснить такое неприятие им демократически настроенной молодежи, на что князь пояснил, что «провокаторами» считает не слушателей университета, а посторонних лиц [28]. Учащиеся назвали князя «приспешником реакции», всегда и везде упоминавшим этих «посторонних лиц», подстрекавших «несамостоятельных» студентов. В своем лице Е.Н. Трубецкой олицетворял либеральную и осторожную профессуру, призывающую молодежь к отказу от студенческих собраний и беспорядков. «Студенчество требует, – читаем в одном из номеров студенческой газеты, – во имя полишинелевского секрета спасения школы не посягать на его право коллективно мыслить, понимать и чувствовать. <...> Студенчество всегда с недоверием относилось к мероприятиям кругов, вне школы стоящих, но зато относилось с доверием к профессорской коллегии. За последнее время это доверие сильно колеблется, и профессура, действуя в духе князя Трубецкого, может его окончательно уничтожить. А вместе с разрушенным доверием исчезнет и тот базис, на котором единственно только возможно возрождение высшей школы» [29].

В конце 1910 г. Е.Н. Трубецкой выехал за границу. Как сообщала газета «Студенческая жизнь» (№ 44), князь собирался пробыть за рубежом до конца акаде-

мического года, поэтому его лекции в весеннем семестре отменялись. В той же заметке было высказано предположение, что данная поездка была вызвана конфликтом, произошедшим между ним и студенчеством Московского университета. Все это сильно повлияло на душевное состояние профессора, вызвав необходимость в продолжительном отдыхе и во временном прекращении академической деятельности [30].

Студенческие волнения продолжали вспыхивать в различных университетских городах. Правительство еле сдерживало натиск революционной деятельности со стороны учащейся молодежи. На страницах газет активно будировались слухи о скорейшей отставке министра просвещения. Отставка А.Н. Шварца в октябре 1910 г. и назначение нового министра А.Л. Кассо воодушевило университетскую общественность. Многие верили, что разрушительная работа А.Н. Шварца, или «черного гения», как его окрестили в народе, сменился реформами «сторонника университетской автономии и свободной науки», так писали в газетах о Л.А. Кассо [31]. В газете «Речь» была дана такая характеристика Кассо: «Большой остряк, любящий и умеющий съязвить, Л.А. Кассо в последнее время не раз задевал своим острым язычком того, кого ему вдруг пришлось заменить на министерском посту. Шварцевского курса он определенно не одобрял, хотя и говорил на эту тему лишь мимоходом. Особенно определенно высказывался Л.А. Кассо против сочиненного Шварцем университетского устава. И, судя по всему, этого наследства он от своего предшественника не примет и защищать его в Думу не пойдет» [32].

13 октября 1910 г. состоялось совещание Думской комиссии под председательством депутата М.Я. Капустина для рассмотрения проекта «шварцевского» университетского устава. Комиссия пришла к единодушному мнению, что данный устав неприемлем в работе университетов, так как ущемляет компетенции университетских союзов и дает большие полномочия попечителям учебных округов в решении внутренних дел учебных заведений. Присутствующие также выступили против института факультетских приставов, признав желательным предоставление ректорам права назначать специальных лиц для надзора за порядком [33]. «Шварцевский» вариант устава был изъят из Думы для дальнейших доработок.

3 января 1911 г. Министром народного просвещения Л.А. Кассо был подписан циркуляр № 192, согласно которому ректорам и университетским советам необходимо было установить надзор за студентами и своевременно привлекать к ответственности всех нарушителей порядка академической жизни. Из университетов, по замыслу нового министра, должны быть изгнаны все публичные студенческие собрания, за исключением собраний научного характера. После притеснения университетской автономии со стороны обновленного Министерства народного просвещения последовала череда громких отставок профессоров и доцентов Московского университета, студенческих беспорядков, обсуждения данного вопроса в прессе. Но это уже была другая история, окончательно разрушившая надежды, возникшие под впечатлением изъят-

тия «шварцевского» проекта университетского устава. История, наделавшая много шума не только в академической среде, но и во всем российском обществе, получила в народе известность как «Дело Кассо».

На начало XX в. пришли самые тяжелые годы в истории Императорских университетов. Кризис императорской власти вызвал реакционные нападки на систему высшего образования: усиливался контроль за деятельностью университетов, запрещались студенческие собрания, сознательно затягивалось открытие народных университетов. Студенческие беспорядки охватили все университетские города, либерально настроенная часть студенчества и профессуры боролась с государствен-

ной политикой в области высшего образования. В ходе своей общественно-политической деятельности князь Е.Н. Трубецкой неоднократно выступал против некоторых положений предлагаемых вариантов университетских уставов, которые как индикаторы показывали степень консерватизма политики самодержавия в различные годы правления Николая II. Обстановка в обществе была настолько накалена, что правительственные варианты университетских уставов так и не были утверждены Государственной думой, а Императорские университеты продолжали работать и выдерживать волнения и беспорядки со стороны революционно настроенной части студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрофанов Ю.Н. Князь Евгений Николаевич Трубецкой – философ, богослов, христианин. СПб. : Изд-во С.-Петерб. духовной акад., 2018. 136 с.
2. Морозова Я.В. Религиозно-общественные проекты М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого (историко-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 178 с.
3. Кушнир Е.П. Е.Н. Трубецкой о русских пространствах и русской идее как основе формирования национального менталитета // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 340–345.
4. Рябова Т.И. Отечественные либералы о самоопределении России в контексте религиозной идеи // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М. : РОСПЭН, 1999. С. 503–512.
5. Рябова Т.И. О кризисе духовных основ государственности в эпоху «смутного времени» (на основе путевых заметок Е.Н. Трубецкого) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Брянск : Брянская гос. инж.-технолог. акад., 2007. С. 108–114.
6. Досекин Е.С. Партия мирного обновления и Е.Н. Трубецкой // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2011. № 7 (88). С. 58–62.
7. Нехамкина Н.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого (1863–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 238 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1966. Оп. 1. Д. 77. Л. 27.
9. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке : в 2 ч. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. 272 с.
10. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея божеского царства в творениях Григория VII и публицистов – его современников. Киев, 1897. 598 с.
11. Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. 223 с.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 10. Карт. 22. Ед. хр. 16.
13. Уставы Московского университета, 1755–2005 / авт.-сост. Е.И. Гена. М. : Империиум Пресс, 2005. 479 с.
14. ОР РГБ. Ф. 10. Карт. 22. Ед. хр. 15.
15. Суждение совета Императорского Московского университета по проекту университетского устава. М., 1901. 24 с.
16. Доклад профессора князя Е.Н. Трубецкого по вопросу о преобразовании инспекций в высших учебных заведениях. СПб. : Тип. МВД, 1902. 22 с.
17. Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного Министерством народного просвещения под председательством гр. И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. 343 с.
18. Из жизни учебных заведений // Студенческая газета. 1906. 21 окт. № 5. С. 3.
19. Трубецкой Е.Н. К событиям в Университете // Московские ведомости. 1906. 20 окт. № 255. С. 2.
20. Бархаш Я. Москва, 21 октября // Студенческая газета. 1906. 21 окт. № 5. С. 1.
21. Русская печать // Студенческая газета. 1906. 21 окт. № 5. С. 1–2.
22. Кольцов Н.К. К университетскому вопросу. М. : Тип. О.Л. Сомовой, 1910. 104 с.
23. Трубецкой Е.Н. Новый университетский устав // Московский ежедневник. 1908. 11 окт. № 40. С. 2–3.
24. Университетский устав в Совете министров // Студенческий мир. 1910. 2 февр. № 1. С. 2.
25. Трубецкой Е.Н. К университетской реформе // Студенческая жизнь. 1910. 7 февр. № 4. С. 3–5.
26. [Р.В.] К выступлению московских профессоров // Студенческий мир. 1910. 8 февр. № 2. С. 1.
27. Новый университетский устав // Студенческая жизнь. 1910. 16 мая. № 18. С. 1–2.
28. Москва, 5 декабря // Студенческая жизнь. 1910. 5 дек. № 40. С. 3.
29. Хорошо соблюдать меру // Студенческая жизнь. 1911. 9 янв. № 45. С. 1.
30. Отъезд князя Е.Н. Трубецкого за границу // Студенческая жизнь. 1911. 1 янв. № 44. С. 12.
31. Отставка А.Н. Шварца – назначение Л.А. Кассо // Студенческая жизнь. 1910. 3 окт. № 31. С. 3.
32. Московские отклики // Речь. 1910. 28 сент. № 266. С. 2.
33. Новый университетский устав // Студенческая жизнь. 1910. 17 окт. № 33. С. 11.

Roman A. Fando, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: fando@mail.ru

PRINCE E.N. TRUBETSKOY AND THE DECISION OF THE “UNIVERSITY QUESTION”

Keywords: E.N. Trubetskoy, university question, student unrest, Russia in the early Twentieth Century

This paper aims to analyse the role of Prince E.N. Trubetskoy [Troubetzkoy; Trubetzkoj] in the discussion of university education during the period from 1901 to 1910. The scholar's views on the universities' autonomy and students' rights as well as the right- and left-wingers' reaction to E.N. Trubetskoy's public uttering were studied based on the materials from the periodicals of the time and on archival documents from the Russian State Library's Department of Manuscripts. This issue was not the subject of a special study, although the presented materials show that E.N. Trubetskoy was one of the active fighters for the democratisation of higher education, but with the preservation of the inspections' institute. He was an exponent of the views of Constitutional Democrats who believed that

the government's crisis could be overcome by raising the level of the population's education. The article shows that the University Regulation of 1884 by the beginning of the 20th century, it was at odds with public sentiment, so the Ministry of Public Education repeatedly raised the question of the need to make changes to this document. The inevitability of updating the University system became obvious after the wave of student strikes that swept through in 1901. E.N. Trubetskoy, Professor at the Kiev University of St. Vladimir, in 1901 expressed his own opinion about the University autonomy, which, in his opinion, should not have become uncontrolled. The supersession of the Ministers of Public Education and students riots that swept the country prevented further advancement in the tackling of the long-pending university issue. In 1908, the university community once again got back to the discussion of draft Regulation proposed by the Minister of Public Education, A.N. Shvarts. Shvarts' draft Regulation focused on suppressing the university liberties and strengthening the controlling functions of university inspectors. By this time, E.N. Trubetskoy's views had become more liberal: he advocated expanding the powers of the university councils and the corporate rights of students. E.N. Trubetskoy's ideas about the "University question" were not accepted by both right and left political forces, which was expressed in active criticism of his views on the pages of newspapers and even in cartoons. Perhaps the reason for the beginning of the persecution of the Prince by the students was the widespread distribution among them of representatives of the Social Democrats, who demanded that the power of the Professor's Corporation be replaced by student self-government. The situation became so heated that the government versions of university charters never got round to be approved by the State Duma while the Imperial universities continued to operate and cope with the riots and commotions on the part of revolutionary-minded students.

REFERENCES

- Mitrofanov, Yu.N. (2018) *Knyaz' Evgeniy Nikolaevich Trubetskoy – filosof, bogoslov, khristianin* [Prince Evgeny Trubetskoy – Philosopher, Theologian, Christian]. S. Petersburg: The Saint Petersburg Theological Academy.
- Morozova, Ya.V. (2008) *Religiozno-obshchestvennye proekty M.K. Morozovoy i E.N. Trubetskogo (istoriko-filosofskiy analiz)* [M.K. Morozova and E.N. Trubetskoy's religious and social projects (a historical and philosophical analysis)]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
- Kushnir, E.P. (2009) E.N. Trubetskoi about Russian spaces and Russian idea as formation basis of national mentality. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 340–345. (In Russian).
- Ryabova, T.I. (1999) Otechestvennye liberaly o samoopredelenii Rossii v kontekste religioznoy idei [Russian liberals on Russia's self-determination in the context of religious ideas]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkiy liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy* [Russian Liberalism: Historical Destinies and Prospects]. Moscow. ROSSPEN. pp. 503–512.
- Ryabova, T.I. (2007) O krizise dukhovnykh osnov gosudarstvennosti v epokhu "smutnogo vremeni" (na osnove putevykh zametok E.N. Trubetskogo) [On the crisis of the religious foundations of statehood in the "time of troubles" (based on the travel notes by E.N. Trubetskoy)]. In: Ryabova, T.I. (ed.) *Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost'* [Problems and Trends in the Development of the Social and Cultural Space of Russia: History and Modernity]. Bryansk: Bryansk State Engineering Academy. pp. 108–114.
- Dosekin, E.S. (2011) The party of peaceful renewal and E. N. Trubetskoy. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 7(88). pp. 58–62. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2011-17-7-58-62
- Nekhamkina, N.V. (2006) *Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady E.N. Trubetskogo (1863–19120 gg.)* [E.N. Trubetskoy and his social and political activity and views (1863–1920)]. History Cand. Diss. Bryansk.
- The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-1966. List 1. File 27.
- Trubetskoy, E.N. (1892) *Religiozno-obshchestvennyy ideal zapadnogo khristianstva v V veke* [Religious and social ideal of Western Christianity in the 5th Century]. Moscow. Tip. E. Lissnera i Yu. Romana.
- Trubetskoy, E.N. (1897) *Religiozno-obshchestvennyy ideal zapadnogo khristianstva v XI veke. Ideya bozheskogo tsarstva v tvoreniyakh Grigoriya VII i publitsistov – ego sovremennikov* [Religious and social ideal of Western Christianity in the 11th century. The idea of the Kingdom of God in the works of Gregory VII and publicists – his contemporaries]. Kiev: [s.n.].
- Yakovlev, V.P. (1971) *Politika russkogo samodержaviya v universitetskom voprose (1905–1911)* [The policy of the Russian autocracy in the University question (1905–1911)]. History Cand. Diss. Leningrad: Leningrad State University.
- The Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 10. Ser. 22. File 16.
- Gena, E.I. (ed.). (2005) *Ustavy Moskovskogo universiteta, 1755–2005* [The Charters of Moscow University, 1755–2005]. Moscow: Imperium Press.
- The Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 10. Ser. 22. File 15.
- The Council of Imperial Moscow University. (1901) *Suzhdenie soveta Imperatorskogo Moskovskogo universiteta po projektu universitetskogo ustava* [Judgment of the Council of the Imperial Moscow University on the draft of the university charter]. Moscow: [s.n.].
- Trubetskoy, E.N. (1902) *Doklad professora knyazya E.N. Trubetskogo po voprosu o preobrazovanii inspektii v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh* [Report of Professor Prince E. N. Trubetskoy on the transformation of inspections in higher educational institutions]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
- Tolstoy, I.I. et al. (1906) *Trudy soveshchaniya professorov po universitetskoj reforme, obrazovannogo Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya pod predsedatel'stvom gr. I.I. Tolstogo v yanvare 1906 g.* [The Professors Board chaired by I.I. Tolstoy formed by the Ministry of Public Education in January 1906 discussing the university reform.]. St. Petersburg: [s.n.].
- Studencheskaya gazeta*. (1906a) Iz zhizni uchebnykh zavedeniy [From the life of educational institutions]. 21st October 21. p. 3.
- Trubetskoy, E.N. (1906) K sobytiyam v Universitete [On the events at the University]. *Moskovskie vedomosti*. 20th October. p. 2.
- Barkhash, Ya. (1906) Moskva, 21 oktyabrya [Moscow, October 21]. *Studencheskaya gazeta*. 21st October. p. 1.
- Studencheskaya gazeta*. (1906b) Russkaya pečat' [The Russian press]. 21st October. pp. 1–2.
- Koltsov, N.K. (1910) *K universitetskomu voprosu* [To the University issue]. Moscow: Tip. O.L. Somovoy.
- Trubetskoy, E.N. (1908) Novyy universitetskiy ustav [The new University Charter]. *Moskovskiy ezhednevnik*. 11th October. pp. 2–3.
- Studencheskiy mir*. (1910) Universitetskiy ustav v Sovete ministrov [The University Charter in the Council of Ministers]. 2nd February. p. 2.
- Trubetskoy, E.N. (1910) K universitetskoj reforme [To the university reform]. *Studencheskaya zhizn'*. 7th February. pp. 3–5.
- [R.V.]. (1910) K vystupleniyu moskovskikh professorov [To the speech of Moscow professors]. *Studencheskiy mir*. 8th February. p. 1.
- Studencheskaya zhizn'*. (1910a) Novyy universitetskiy ustav [The new University Charter]. 16th May. pp. 1–2.
- Studencheskaya zhizn'*. (1910b) Moskva, 5 dekabrya [Moscow, December 5]. 5th December 5. p. 3.
- Studencheskaya zhizn'*. (1911a) Khorosho soblyudat' meru [It is good to observe the measure]. 9th January. p. 1.
- Studencheskaya zhizn'*. (1911b) Ot'ezd knyazya E.N. Trubetskogo za granitsu [Prince E.N. Trubetskoy's departure abroad]. 1st January. p. 12.
- Studencheskaya zhizn'*. (1910c) Otstavka A.N. Shvartsa – naznachenie L.A. Kasso [Resignation of A.N. Schwartz – appointment of L.A. Casso]. 3rd October. p. 3.
- Rech'*. (1910) Moskovskie otkliki [Moscow responses]. 28th September. p. 2.
- Studencheskaya zhizn'*. (1910d) Novyy universitetskiy ustav [The new University Charter]. 17th October. p. 11.

УДК 94(47)084.3(571)
DOI: 10.17223/19988613/74/10

Д.Н. Шевелев

«А ПОКА НЕОБХОДИМО ПОТЕСНИТЬСЯ»: ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКЕ ТОМСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

На примере города Томска как губернского центра востока России рассматриваются закономерности и особенности как самого проявления жилищного кризиса в городской среде эпохи войн и революций, так и его включения в городскую информационную повестку и пространство публичных репрезентаций. Предполагается, что городская пресса сыграла важную роль в дискурсивной институционализации сложившихся административных механизмов и практик регулирования острого и злободневного для того времени «жилищного вопроса», конструируя границы и задавая различные модели интерпретаций возникавших «квартирных затруднений».

Ключевые слова: Сибирь, Гражданская война, Томск, повседневность, жилищный вопрос, фрейминг.

Летом 1919 г. жилищная комиссия Томской городской думы обратилась к томичам: «Граждане! В город нахлынули волны беженцев и эвакуированных... Всем им надо дать временное убежище... Это наша святая обязанность... Свободных помещений, могущих вместить всех нуждающихся, нет... Пришло, граждане, время, когда необходимо, безусловно необходимо потесниться и принять к себе беженцев. Если только на одну минуту вы войдете в положение беженцев, вы охотно перенесете маленькие, кратковременные неудобства и радушно откроете двери жилищ для тех, кто не имеет крова. Составляет также нашу святую обязанность дать приют родным тем, кто там, на фронте, отдает за нас, за Родину самое ценное – свою жизнь» [1].

В воззвании как в фокусе сошлось несколько линий восприятия, понимания и решения одной из наиболее острых, болезненных и злободневных проблем эпохи войн и революций: частное и общественное, государственное и народное, национальное и местное, экономическое и этическое, политическое и повседневное, нормальное и чрезвычайное, воображаемое и реальное, рациональное и эмоциональное.

Обращаясь к этому вполне конкретному проявлению социальной коммуникации городских сообществ Сибири в четко определенном историческом контексте, мы будем исходить из понимания того, что вновь устанавливаемая власть не представляет собой автоматически принимаемую населением данность, требуются ее упорядочивание, выработка сколько-нибудь долговременных правил регулирования и взаимодействия, процедура общественного признания, т.е. институционализация. Любой политический порядок – это социальный конструкт, результат сложного социального взаимодействия, находящийся в состоянии непрерывных структурных изменений. На макроуровне политический порядок сводит в единую систему разнообразные политические, экономические, административные, культурные практики отдельных социальных групп и сообществ. Такой подход позволил нам со-

единить в рамках исторического анализа несколько проблемных полей (политический режим, социальные порядки, повседневность, информационные технологии и коммуникации, дискурсивные практики), вертикальных и глобальных уровней (национальное, трансграничное, локальное), связав и объединив их акторов во множество самых разнообразных гетерогенных и разноразноуровневых сетей отношений.

В этой связи значительный интерес для исследователя представляют повседневные городские политические коммуникации: организация взаимодействия властных инстанций и различных социальных групп, формирование и трансформация политических сообществ, выстраивание горизонтальных и вертикальных связей, символические церемонии и ритуалы, коммеморации. Именно в повседневных политических, экономических, социальных и культурных практиках происходила институционализация новых политических порядков, а также оформлялись политические предпочтения городского обывателя, его политическая культура и политическое мышление.

Несмотря на включение самого понятия «политическая культура» в язык описания истории властных взаимодействий, государственных институтов и общественных конфликтов как на макро-, так и на микроуровне [2–5], оно нуждается в уточнении своих содержания и структуры, а также корректной области применения [6]. Одной из таких уместных областей нам представляется идеологическая и политическая самоидентификация локальных (городских и сельских) сообществ, рассматриваемая как результат сложного взаимодействия, с одной стороны, политического воображаемого государственного и регионального уровней, с другой – политического воображаемого и повседневного жизненного мира.

Цель работы – на примере Томска, являвшегося в годы Гражданской войны административным центром Томской губернии, выявить эволюцию, динамику и формы проявления жилищного вопроса в перелом-

ную для страны эпоху войн и революций (в контексте повседневной жизни) и определить особенности дискурсивного конструирования и институционализации одной на наиболее важных, сложных и болезненных городских проблем того времени.

Объектом исследования являются социальные, политические и информационные процессы, протекавшие на востоке России в переломную для страны «эпоху войн и революций» (1914–1922). *Предмет* сформировался на пересечении двух тематических полей: сложившихся в годы Гражданской войны информационного пространства и политической коммуникации, с одной стороны, и городской повседневности – с другой.

Рабочая гипотеза: в рассматриваемый период ситуация в г. Томске отражала общие тенденции проявления, общественного обсуждения и преодоления квартирного кризиса как в Сибири, так и на востоке России в целом. В новых, чрезвычайных условиях Гражданской войны происходило реформирование старых и формирование новых институтов и практик, нормирующих, регулирующих и конструирующих жилищные отношения. Важную, если не ключевую, роль в конструировании общественно значимых для локальных сообществ смыслов и дискурсивной институционализации городских проблем играла местная пресса.

Основным источником для написания данной работы послужили материалы городской периодической печати (газеты «Сибирская жизнь», «Народная газета», «Вестник Томской губернии», «Голос народа», «Голос Сибири», «Труд», «Сегодня», «Заря», «Рабочее знамя», «Народный вестник» и ряд других), выходившие в Томске с лета 1918 по конец 1919 г. Автором было отобрано и проанализировано примерно 240 газетных статей, интервью, очерков, заметок и фельетонов, в которых так или иначе затрагивалась тема «квартирных затруднений». По мнению автора, периодические издания примерно одной политической направленности образовывали общее смысловое поле, генерировали близкие смыслы и задавали схожие модели интерпретации проблем как локально-городского, так и национального уровня.

Кроме того, при написании статьи использовались протоколы и другие документы (заявления, проекты решений, переписка) Томской жилищной комиссии, хранящиеся в Государственном архиве Томской области, преимущественно в фонде управляющего Томской губернией (Р-1362). Привлечение такого рода материалов дало возможность выявить сферы компетенции, организационную структуру, основные направления и результаты работы административных учреждений, регулировавших жилищные отношения в городе.

Таким образом, если анализ прессы раскрыл особенности репрезентации одного из актуальных для всего локального сообщества вопросов в публичном пространстве города, то изучение делопроизводственной документации позволило заглянуть за кулисы повседневной канцелярской работы и взглянуть на «жилищный кризис» с точки зрения бюрократической рутины.

Сложности анализа заключались в ограниченности, с одной стороны, традиционной исследовательской оптики, обуславливающей дискретность самого объекта,

распределяя (а по сути – расщепляя) его между смежными предметными полями, а также упуская часть пересечений и взаимосвязей, порожденных гетерогенным характером самой акторной сети, с другой – источниковой базы и устоявшихся методик обработки информации.

Рассмотрим основные события.

К началу Первой мировой войны город Томск являлся административным центром Томской губернии, которая включала в себя территории нынешних Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, Восточно-Казахстанской области Казахстана. Город располагался на правом берегу судоходной реки Томи, в 60 верстах от впадения ее в Обь, а также по обе стороны впадающей в Томь речки Ушайки. От главной сибирской магистрали Томск находился в 80 верстах (85,34 км) к северу и соединялся с ней железнодорожной веткой [7. С. 1; 8. С. 109].

К интересующему нас времени Томск представлял собой крупнейший культурный и научно-образовательный центр востока России («Сибирские Афины»). В городе находилось три высших учебных заведения: императорский университет, технологический институт и Сибирские высшие женские курсы [8. С. 110; 9. С. 160–168].

К началу Первой мировой войны в городе имелось до 550 промышленных предприятий с годовым оборотом до 9 млн руб., а также свыше 1 000 торговых предприятий с годовым оборотом до 27 млн. руб. [10. 4-я пагин. С. 491]. «К преимуществам Томска, – отмечалось в одном из изданий того времени, – надо отнести и его выгодное торговое положение по отношению к Сибири. Он лежит почти на границе Западной и Восточной Сибири, являясь, таким образом, центральным пунктом обширного сибирского потребительского рынка» [11. С. 6].

Томск был достаточно компактным городом, в 1910 г. он занимал площадь в 13,5 квадратных верст (15,4 км²). В городе имелось 158 улиц, переулков и площадей. Общая протяженность заселенных улиц – 85 верст, незаселенных – 15 верст [12. С. 13]. В 1904 г. в Томске было 5 252 домов, в 1909 г. – 6 053 [Там же]; в 1917 г. только жилых построек в городе насчитывалось 7 664 [13. С. 24]. Томск освещался электричеством, центральные улицы были замощенными, имелись водопровод и телефон [12. С. 13; 14].

Довоенный справочник так описывал ситуацию с жильем в городе: «Квартиры в Томске недешевы, хотя квартирный кризис городом пережит. Цены на квартиры, поднявшись в то время, когда существовала жилищная нужда, слабо понижаются. В данное время отыскание квартиры в любую пору года трудности не представляет, хотя наибольшее количество их в предложении с мая по июль. Не могут местные квартиры назваться и благоустроенными. Типичная томская квартира... помещение без проведенной воды, без принадлежностей электрического освещения, без теплого клозета и ванны, нештукатуренная, достоинство ее в том, что она в верхнем этаже. Дома здесь в большинстве двухэтажные и внизу заняты хозяевами. Сдающиеся же в наем нижние этажи не всегда сухи, и в них дует с полу» [15. С. 312].

К началу Первой мировой войны число жителей Томска перевалило за отметку в 100 тысяч. Согласно ежегоднику, подготовленному Центральным статистическим комитетом МВД, к началу 1914 г. оно составляло 114 666 чел. [16. 1-я пагин. С. 136]. Другие, чуть меньшие данные приводит «Памятная книжка Томской губернии на 1915 год» – 104 963 чел. [17. 2-я пагин. С. 4] По количеству населения Томск находился на 22-м месте в России [18. С. 110], а в Сибири он уступал только Омску.

В годы войны численность жителей города меняется: с одной стороны, уменьшается за счет мобилизации в армию мужчин призывного возраста [19. С. 13–15], с другой – растет в связи с увеличившимся потоком вынужденных мигрантов (выселенцев, эвакуированных и беженцев) в восточные регионы страны. К началу 1915 г. в Томске насчитывалось 116 664 жителей [20. 1-я пагин. С. 154], к началу 1916 г. это число возрастает до 198 300 чел. [21. 1-я пагин. С. 88]

Сложно определить количество горожан, проживавших в губернском центре, в революционном, 1917 году. Городская перепись в Томске не проводилась [13. С. 16], и данные о числе жителей – 101 129 чел. [Там же. С. 24] – были включены «по сведениям Томской городской управы за 1916 год». Однако они вряд ли соответствовали реальной ситуации. Опираясь на материалы городской продовольственной комиссии и статистического отдела городской управы, томский историк Е.Н. Косых оценивал население города накануне Февральской революции в 120–125 тыс. чел., а с учетом местного гарнизона в Томске в это время, по его мнению, могло находиться около 200 тыс. чел. [22. С. 59]. После восстановления советской власти в декабре 1919 г. происходит отток населения из города [23. С. 122], и к осени 1920 г. в городе насчитывается 89 668 жителей [24. С. 23].

В Томске «квартирные затруднения», или «жилищная нужда», начинают проявляться еще в предшествующий Гражданской войне период. С одной стороны, сказались ограниченные возможности городского жилищного фонда, не приспособленного к быстро меняющимся обстоятельствам и чрезвычайным условиям. С другой стороны, усилилось воздействие на городскую среду различных (в том числе и косвенных) факторов, обусловленных Первой мировой войной.

Затянувшаяся война, *во-первых*, значительно ухудшила условия жизни основной части населения Российской империи, даже в таком глубоком тылу, каким являлась Сибирь. С началом военных действий в регионе начинают расти цены на продукты питания, одежду, обувь, другие промышленные изделия бытового назначения [19. С. 133–138; 22; 25; 26. С. 83–94], достигая к февралю 1917 г. 300% и более на отдельные потребительские товары [27. С. 600]. Дороговизна, усилившаяся инфляция, транспортные и топливные затруднения, рост спекуляции, перебои со снабжением снижают уровень доходов горожан, которые оказываются наиболее уязвимой к воздействию неблагоприятных факторов военного времени частью социума.

Во-вторых, война многократно усилила внутренние миграции. В Западную Сибирь устремился поток вы-

нужденных переселенцев: беженцев и выселенцев из прифронтовых районов, дополняемых принудительными мигрантами – интернированными и военнопленными [19. С. 168–184; 28–31]. В Томске уже в начале сентября 1914 г. городская управа уведомила заведующего переселенческим делом в Томском районе о необходимости подготовки барачков для размещения 400 «военнопленных нижних чинов» [32. С. 4]. В октябре того же года в «городе были расквартированы 209 офицеров и 10 226 нижних чинов» [Там же. С. 14], в июне 1915 г. в Томске располагались 7 527 военнопленных [Там же. С. 37]. Беженцы начинают прибывать в Сибирь летом 1915 г. Томск являлся крупным распределительным пунктом, через который с августа по ноябрь прошли 25 тыс. чел. [Там же. С. 148]. В самом городе осенью 1915 г. были размещены для проживания 2 053 беженца [Там же. С. 149]. Приток в Томск беженцев существенно повысил нагрузку на городской жилищный фонд. В сентябре 1916 г. даже последовало предписание управляющего губернией о «недопустимости массового переселения беженцев из сельской местности в города», обусловленное «необходимостью разгрузить города от лишнего пришлого элемента, так как... города оказались совершенно переполненными», а также необходимостью «экономией государственных средств, ибо содержание беженцев в селениях обходится дешевле, чем в городах, где, вследствие дороговизны жизни, нормы квартирного и продовольственного пайка повышены» [Там же. С. 208].

В-третьих, ситуация осложнялась тем, что в чрезвычайных обстоятельствах военного времени местная власть, органы городского самоуправления оказались не в состоянии оперативно и эффективно регулировать жилищный вопрос. Согласимся с выводами О.В. Чудакова: «Финансовые затруднения городов переплелись с новыми задачами, возложенными на них переживаемым моментом. Растущая дороговизна жизни, граничащая местами с продовольственным кризисом, громадный наплыв беженцев и военнопленных, помощь раненым и больным воинам, призрение семейств призванных воинов, материальное содействие делу обороны страны и многое другое, взятое вместе, помимо напряжения финансовых сил городских самоуправлений, потребовали приспособления их к новым формам общественной работы, к признанию того, что органы городского самоуправления не в состоянии в должной мере справиться с неожиданно надвинувшимися задачами» [33. С. 153]. При этом жилищное законодательство царского и Временного правительств в новых, чрезвычайных, условиях не выполняло свою регулирующую функцию [34].

В ночь с 24 на 25 мая 1918 г. на станции Мариинск произошло выступление одного из отрядов Чехословацкого корпуса, продвигавшегося из европейской части страны во Владивосток, против местных большевиков. За сравнительно короткий срок усилиями местного вооруженного подполья и чехословацких войск советская власть на значительной территории от Поволжья до Дальнего Востока пала.

В Томске советская власть была свергнута 31 мая 1918 г. [35. С. 44–54]. В тот же вечер в город прибыл

чехословацкий эшелон. Под звуки «Марсельезы» воины прошли церемониальным маршем по центральным улицам со станции Томск-2 на Томск-1. Горожане приветствовали их как освободителей, бросали им цветы [36].

В городе было восстановлено самоуправление, возобновила свою работу Томская городская дума. Власть в Томской губернии перешла к губернскому комиссариату из трех человек [37], который был образован в начале июня. В середине июля 1918 г. коллегиальные губернские комиссариаты были заменены единоличными губернскими комиссарами, в конце декабря переименованными в управляющих губерниями [38. С. 70–71].

Начавшаяся Гражданская война в еще большей степени обострила жилищные проблемы городов. На ситуацию влияли нестабильное положение контролируемых территории антибольшевистских политических режимов, подвижная линия фронта и непрерывные волнения в тылу, поток беженцев и отступающих войск, постоянный рост инфляции, спекуляция, топливный, транспортный и продовольственный кризисы, эпидемии.

Первая волна беженцев в Сибири была связана с отступлением Народной армии Комуча из Поволжья и приходилась на осень 1918 г. По данным, приведенным в статье В.М. Рыноква, поток вынужденных переселенцев достигал в то время 100 тыс. чел., 20 тыс. из которых должно было принять Томское губернское земство [39. С. 103–104]. «В Томск, – писала в начале ноября 1918 г. “Народная газета”, – продолжают прибывать беженцы из Казани, Симбирска, Самары и уездных городов означенных губерний... Положение... прямо-таки отчаянное. Большинство, если не все, бежали только в том, что на них было, многие не успели захватить даже документов... Тяжесть положения усугубляется еще отсутствием квартир и комнат в городе. Многие беженцы поселились по постоянным дворам, среди грязи и других невыносимых для интеллигентного человека условий. Счастливее те, кому удалось временно устроиться после долгих просьб у местных жителей» [40].

После некоторого затишья, летом–осенью 1919 г. последовала вторая, значительно более мощная, волна [39. С. 106–109]. «В Томск снова нахлынула волна беженцев, – констатировала в августе 1919 г. “Сибирская жизнь”. – Снова приходится говорить о принудительном вселении в обывательские квартиры приезжих» [41].

После возобновления своей деятельности в январе 1919 г. «Сибирская жизнь» регулярно публикует информацию о численности населения города. Цифры, которые приводила газета, были основаны на подсчетах районных комитетов, выдававших продовольственные карточки, и не отражали всей полноты картины. Тем не менее они дают представление об определенной динамике. Если в начале января в Томске насчитывалось 127 521 чел. [42], получавших продовольственные карточки, то к началу сентября их количество возросло до 135 662 чел. Кроме того, «в богадельнях, приютах и тому подобных учреждениях, не входящих в состав районов, числится 15 000 чел.», а также «прибыло

очень много беженцев, которые районами еще не приняты на учет» [43]. К концу сентября количество жителей Томска, получавших продукты из районных продовольственных лавок возрастает уже до 167 172 чел. При этом «в этот счет не вошли служащие железных дорог и водного округа, получающие продукты из своих лавок, а также много беженцев, особенно прибывших в город в последнюю половину сентября» [44]. Таким образом, статистика, фиксирующая рост населения в городе, явно запаздывала. Пика ситуация достигает в ноябре. «По сведениям городской продовольственной управы, в данное время количество населения Томска определяется в 211 325 чел. Число это значительно преуменьшено, так как в него не вошли все те, кто не имеет продовольственных книжек, а также и воинские чины» [45].

«Отсутствие свободных квартир и дороговизна комнат в Томске, – отмечала в июле 1918 г. “Народная газета”, – все более и более обостряют жилищный вопрос. Предстоящий переезд в Томск Временного Сибирского правительства, прибытие членов Областной думы, а затем осенний съезд учащихся несомненно до крайности усложнят квартирный вопрос. Городскому самоуправлению следовало бы подумать об устройстве каких-либо временных пристанищ для будущих жителей Томска» [46]. Через месяц газета, вновь обращаясь к тому же вопросу, пишет уже в более тревожных тонах: «Отсутствие помещений в Томске становится ужасающим. Гостиницы переполнены, квартир совершенно нет, изредка сдающиеся комнаты совершенно недоступны по цене» [47]. Дефицит жилых помещений в городе вынудил жилищную комиссию Томской городской управы в конце августа 1918 г. обратиться к томичам. «Жилищная нужда в городе Томске, – говорилось в воззвании, – с каждым днем чувствуется острее и острее. Расквартирование здесь большого количества войск, расширение военных госпиталей, приток беженцев, переезд Академии Генерального штаба, возвращение с каникул учащихся высших и средних учебных заведений – все это усиливает нужду в жилищах. Между тем свободных квартир в городе совсем нет, а отыскать свободные комнаты очень трудно. Такое положение обязывает граждан, обеспеченных помещением, потесниться и предоставить помещения вновь прибывающим. Добровольное уплотнение, начатое самими жителями, легче и безболезненнее разрешит жилищный кризис» [48].

Если суммировать все проявления квартирного вопроса в городе, то складывается следующая картина:

- острый дефицит жилых помещений;
- постоянная угроза реквизиций помещений, уплотнения и выселений;
- ограничения на проживание и пребывание в городе;
- повышение платы за наем помещений (квартплата, аренда);
- снижение норм максимальной жилой площади;
- массовый неплатеж за квартиры и комнаты, офисы и торговые площади;
- рост социальных конфликтов и напряженности;
- скученность и теснота проживания и размещения;

– постоянная угроза срыва занятий в учебных заведениях (школы, гимназии, училища, университет, технологический институт);

– усиление государственного контроля за распределением жилых помещений;

– межведомственные конфликты;

– злоупотребления и спекуляция, связанные с распределением и наймом жилья.

Таким образом, давший о себе знать с лета 1918 г. «жилищный кризис» в Томске, так же как и в других городах востока России, – проблема глубокая и многослойная, включавшая экономическое, административно-управленческое, военно-политическое, социокультурное и даже морально-нравственное измерения. При этом сама «жилищная нужда» как показатель дефицита помещений, пригодных для размещения и проживания военных и гражданских лиц, была только частью общего узла проблем и противоречий. Косвенным, но довольно ярким свидетельством остроты вопроса служат печатавшиеся в томских газетах объявления о поиске квартир. Если в конце 1917 г. «тем, кто укажет свободную квартиру в 3–4 комнаты» предлагалось вознаграждение в 100 руб. [49], то два года спустя, к концу 1919 г., награда возросла до 1 000 руб. [50]. В декабре 1918 г. «тому, кто укажет в центре города или в районе университета комнату с электрическим освещением в квартире», сулили 10 фунтов сахара [51].

Пространственно в сферу «жилищного вопроса» оказался вовлечен как сам город, так и прилегающие к нему территории, периферия. Определяя основных акторов жилищных отношений того времени, можно четко выделить три основные стороны. Во-первых, это непосредственно городское население Томска. Во-вторых, самые разнообразные привходящие участники процесса: беженцы, размещенные в городе войска, эвакуированные учреждения и организации, их сотрудники, иностранные граждане и иностранные (чехословацкие, югославянские) воинские части. В-третьих, разноуровневые властные инстанции, представленные, с одной стороны, условно «центральной властью» антибольшевистских государственных образований на востоке России (Временное Сибирское, Временное Всероссийское, Российское адмирала А.В. Колчака правительства) в лице Совета министров, Административного совета и ряда министерств (внутренних дел, военное, финансов, юстиции, путей сообщения, народного просвещения), с другой – властью «местной». В качестве последней выступали должностные лица или учреждения, действовавшие на локальном уровне от лица центральной власти – томский губернский комиссариат, губернский комиссар, управляющий губернией, а также органы городского самоуправления – Томская городская дума и городская управа.

В поиске оптимальных и эффективных организационных форм (жилищная инспекция, общегубернская жилищная комиссия, изменение статуса и функций городской жилищной комиссии, уполномоченный МВД по урегулированию жилищного вопроса в г. Томске, городская жилищная примирительная камера, строительный союз по борьбе с жилищной нуждой) город в течение 1918–1919 гг. пережил несколько этапов

институционализации организационных структур, нормирующих и регулирующих решение «жилищного вопроса» в чрезвычайных условиях.

Соединив довоенный опыт с новыми, порожденными чрезвычайными обстоятельствами формами, гражданские и военные власти города выработали основные меры по преодолению «квартирных затруднений»:

– учет и централизованное распределение (отвод) помещений;

– добровольное и принудительное уплотнение, нормирование жилой площади;

– реквизиция помещений для нужд армии и правительственных учреждений;

– принудительное выселение прежних хозяев помещений;

– муниципальное регулирование найма жилья (штрафы и административный арест за несвоевременную выписку жильцов);

– ограничение на проживание в городах нежелательных с точки зрения государственного и общественного интереса элементов.

Наметились и три основных способа преодоления дефицита самих жилых помещений:

– строительство нового жилья (в условиях Гражданской войны прежде всего – временного (бараки));

– перераспределение (в форме уплотнения и реквизиций);

– переоборудование и перепрофилирование (летние дачи, нежилые помещения, железнодорожные вагоны).

В Томске наблюдалось постоянное столкновение интересов: домовладельцы vs квартиросъемщики; жители города vs эвакуированные и беженцы; гражданские vs военные; центральная власть (правительство) vs местная власть (муниципалитеты); ведомства vs ведомства. Нарушение прав владельцев жилых и общественных зданий, чрезвычайщина, притеснения и произвол в этой сфере сформировали в Томске группу недовольных, в которую попали представители различных городских слоев: домовладельцы, собственники зданий общественного назначения (офисы, торговые предприятия, учебные и медицинские учреждения, театры и кинотеатры), студенты и учащиеся, профессора и преподаватели, сотрудники кооперативных и благотворительных организаций.

В период Гражданской войны в городе продолжали действовать общественные организации, отражавшие интересы различных групп горожан в жилищной сфере – союзы домовладельцев и квартирнанимателей, что вело к политизации «квартирного вопроса».

Столкновение интересов этих групп произошло летом 1919 г. во время избирательной кампании в Томскую городскую думу. «Город, – отмечала “Сибирская жизнь”, – разделился на два стана: домовладельцы, с одной стороны, квартирнаниматели, комнатнаниматели и съемщики углов – с другой. Материальные интересы этих двух групп диаметрально противоположны» [52]. При этом, как писала та же «Сибирская жизнь», «группировка кандидатов происходит по признаку взаимно сталкивающихся групповых имущественных интересов. Город как таковой, городское хозяйство и управление городом здесь решительно не при чем.

Сколько будут брать за квартиры, сколько придется за них платить, какие суммы будут перекладываться из кармана одних обитателей города в карманы других, пополняя первые и облегчая вторые, вот в чем загвоздка. Борьба за городские интересы, за их понимание населением, уступила свое место борьбе за интересы отдельных групп городского населения» [53].

В Томске сложился предвыборный блок, объединивший союз квартиронанимателей, общественных деятелей, союз по борьбе с жилищной нуждой и продовольственные организации. Противостояние этого блока с союзом домовладельцев обусловило повышенную в сравнении с другими сибирскими городами активность избирателей. «Вопреки мнению, что по примеру других городов, в Томске кампания выборов пройдет вяло, что абсентеизм населения будет огромный и что, наконец, демократическая часть города на выборы совсем не пойдет, день выборов прошел оживленно. Во всех избирательных участках тянулись огромные “хвосты” избирателей всех классов и сословий в продолжение всего дня» [54].

Ситуацию с противостоянием двух сил точно и образно отразили предвыборные частушки, появившиеся в одной из томских газет:

Домовладельческая:

Дермидонтов, Молотковский –
И дельцы, и смотрят вправо,
А поэтому неважно,
Что о них дурная слава.

Квартиронанимательская:

Квартиронаниматели
Всех стран, соединяйтесь
И, как законодатели,
Квартирами сменяйтесь
С домовладельцами... [55]

Интересную зарисовку одного из избирательных участков в день выборов приводит «Сибирская жизнь»: «Общий говор. Толкотня. Сотни потных лиц в длинном “хвосте”. В разных местах улавливаются кусочки разговоров.

– Что?! Вы со списком домовладельцев? Да вы что, батенька: видно, вместо пятидесяти хотите пятьсот платить?!

“Батенька” буквально бледнеет.

– Да я, собственно... не тот список... ошибка, знаете...

И бежит на улицу, где приветливо приютился столкиоск союза квартиронанимателей с плакатами – “Долой домовладельцев”, “Ни одного голоса домовладельцам” и т.д.» [56].

В итоге «подавляющим количеством голосов прошел список квартиронанимателей; другие списки не дали ни одного гласного» [57], что стало своеобразной сенсацией на муниципальных выборах летом 1919 г.

Анализ новостей и газетной публицистики показывает, что городская пресса не просто беспристрастно фиксировала происходившие события и «отражала» на своих страницах наиболее значимые для локальных сообществ проблемы. Периодические издания того времени, особенно имевшие в обществе солидную репутацию (например, «Сибирская жизнь») в различной

мере управляли эмоциями и влияли на поведение своих аудиторий, выявляя взаимосвязи, расставляя акценты, смягчая или, наоборот, заостряя те или иные вопросы городской жизни. В этом смысле наш исследовательский интерес обусловлен переосмыслением и расширением представлений о роли массовой коммуникации в формировании политической «картины мира» и нацелен на определение возможностей периодической печати как новой формы социальной власти, генерирующей на локальном уровне воображаемые сообщества своих читателей. Современные научные подходы, ориентированные на изучение исторически сложившихся экономических и политических институтов как социально конструируемых пространств и объектов, меняют традиционные представления, фокусируя исследовательскую оптику на способности прессы формировать и управлять социальной реальностью.

Понятие «информационное пространство», несмотря на свое относительно недавнее происхождение, прочно вошло в научный дискурс. Применительно к востоку России времен Гражданской войны первым его применил В.М. Рынков. «Время революции 1917 г. и гражданской войны, – писал он, – период массового вовлечения населения в политику. Поэтому принципиально важно понять, какие факторы определяли состояние информационного пространства, находившегося под контролем противоборствовавших сил, каков был удельный вес двух разнонаправленных процессов: идейной мобилизации общества государственной властью и информационной самоидентификации различных групп населения» [58. С. 105].

В годы Гражданской войны на востоке России сформировалось особое информационное пространство, которое являлось частью социального пространства и представляло собой совокупность характерных для того времени информационных ресурсов, средств информационного взаимодействия и информационной инфраструктуры. При этом сама организация информационного пространства и политическая коммуникация внутри его имели свою специфику: наибольшей плотностью обладали информационные потоки, циркулировавшие в городах, находящиеся вдоль Транссибирской железной дороги и ее ответвлений (Омск, Новониколаевск (Новосибирск), Томск, Красноярск, Иркутск, Барнаул), многообразии форм собственности, «ориентация на потребителей разного интеллектуального и социального уровня» [58. С. 125], ограниченность ресурсов и выбора технических средств и технологий, падение качества печатной продукции.

Наиболее распространенным каналом передачи массовой информации того времени, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество являлась периодическая печать. В условиях же отсутствия у антибольшевистских правительств, базировавшихся на территории Сибири, прочного идеологического фундамента именно пресса, придерживавшаяся официальной политической ориентации, представляла собой одновременно многомерное поле идеологического производства, пропагандистской репрезентации и борьбы за гегемонию в дискурсе. Во многом именно

на страницах проправительственной прессы в оперативном режиме шло формирование идеологических смыслов и ценностей антибольшевистского движения: через осмысление политического и исторического опыта к концептуализации ключевых идеологием и трансляции пропагандистских установок. В свою очередь, идеологические ценности и установки определяли транслировавшуюся проправительственными изданиями медийную «картину мира», задавали рамки интерпретации процессов и событий мирового, национального и локального уровней.

Неменьшей значимостью обладала местная периодическая печать, включая издания, выпускавшиеся должностными лицами или учреждениями, представлявшими на местном (губерния, область) уровне центральную власть – комиссариатами, комиссарами, управляющими губерниями, партийную, земскую и кооперативную периодику. Местная (губернская, уездная, городская) пресса аккумулировала и структурировала вертикальные и горизонтальные дискурсивные

поток, формировала и управляла на локальном уровне информационной повесткой.

В Томске местные газеты внимательно следили за развитием ключевых для жизнеобеспечения города процессов, повышая или понижая свой интерес по мере развития событий. Косвенным подтверждением этому служит проведенный автором подсчет заметок, размещенных в разделе городских новостей газеты «Сибирская жизнь» в течение января–декабря 1919 г. Всего за это время было опубликовано не менее 309 сообщений, так или иначе касавшихся городских жилищных проблем. Распределение их по месяцам показано на рис. 1. Показательно, что интенсивность размещения заметок в рубрике «Томская жизнь» совпадает с основными волнами развития жилищного кризиса в городе. Следует принять во внимание, что всего за этот период в разделе местных новостей было напечатано не менее 3 745 заметок. Соответственно, сообщения, в той или иной мере относившиеся к жилищному вопросу, составляли чуть более 8%.

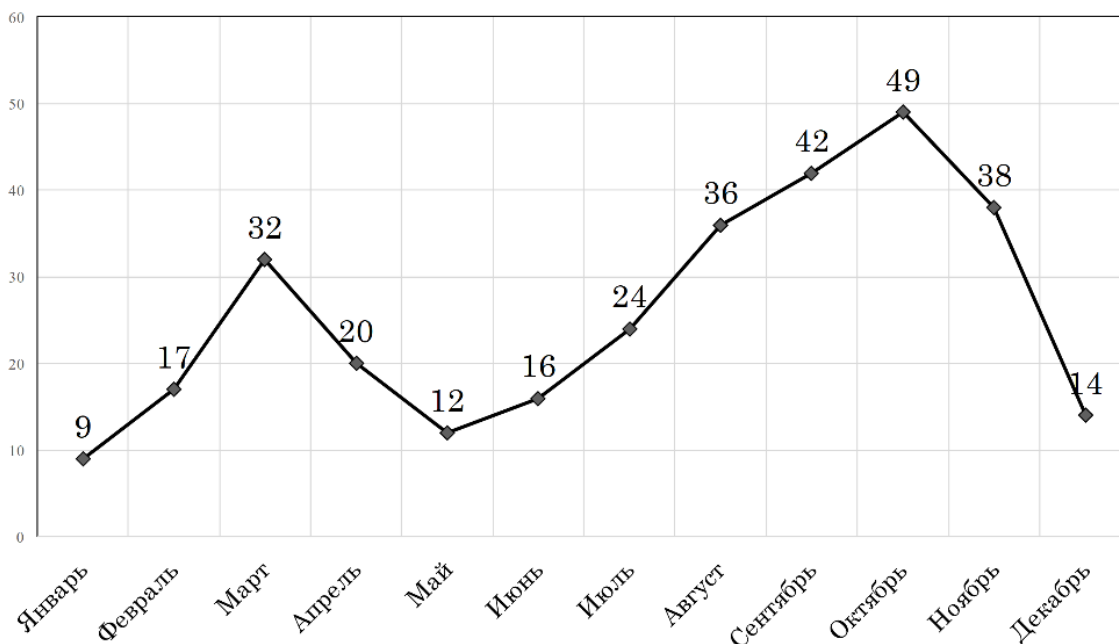

Рис. 1. Интенсивность публикации заметок по теме «Жилищный вопрос» в разделе местных новостей газеты «Сибирская жизнь» (январь–декабрь 1919 г.)

Сосредоточиваясь на наиболее важных, сложных и болезненных городских проблемах, пресса конструировала «общественный интерес» и «общественное мнение» по данным вопросам. В этом смысле можно говорить о своеобразных «жилищном дискурсе», или «жилищном нарративе». В Томске это дискурсивное пространство включало два хорошо очерченных поля, каждое из которых было связано с наиболее значимыми аспектами «жилищного кризиса»: острейшим дефицитом помещений и сложными отношениями между собственниками и арендаторами жилья. Основные «узловые точки» этих дискурсивных полей представлены на рис. 2.

С начала декабря 1919 г. острота квартирного вопроса в городе заметно снижается. «Квартирный кризис в Томске, благодаря беженству на восток, разре-

шается, – отмечала «Сибирская жизнь». – Если месяц тому назад с большим трудом можно было найти угол, то теперь сдается немало комнат и даже квартир с мебелью по дешевым ценам, а нередко и бесплатно. Сдают квартиры бесплатно томичи-беженцы, надеющиеся после скитаний возвратиться на старое пепелище» [59]. В газетах появляются даже такие объявления: «Внимание отъезжающих! Желая остаться при квартире, могу предоставить поручительство». 11 декабря «Сибирская жизнь» констатирует: «Многие томичи эвакуируются на Дальний Восток как по железной дороге, так и на лошадях. По Иркутскому тракту тянутся непрерывно обозы с беженцами и из других местностей. В городе много квартир пустует» [60]. 20 декабря 1919 г. в Томск вошли части Красной Армии [61. С. 53].

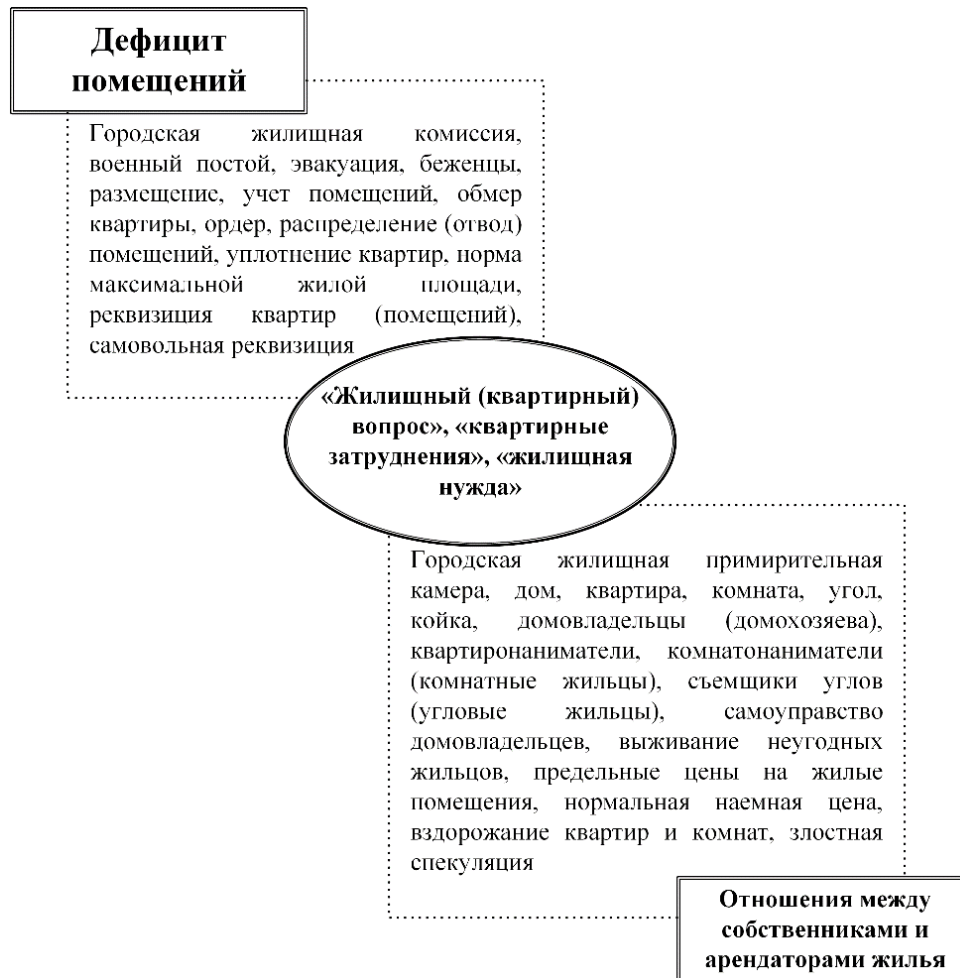

Рис. 2. Интенсивность публикации заметок по теме «Жилищный вопрос» в разделе местных новостей газеты «Сибирская жизнь» (январь–декабрь 1919 г.).

Подведем итоги. В период Гражданской войны поток вынужденных мигрантов, как беженцев, так и эвакуированных, на востоке России значительно возрастает. В такой ситуации, если принять во внимание ограниченность и изношенность городского жилищного фонда, ухудшение материального положения населения принимающих регионов, перемещение воинских контингентов, жилищный вопрос становится серьезной социальной проблемой, причем как на государственном уровне, так и для отдельных городских сообществ.

Законодательные акты антибольшевистских правительств в целом были адекватны чрезвычайным условиям Гражданской войны и отражали приоритеты государства в данной сфере. Первостепенное значение получили задачи предоставления помещений правительственным учреждениям и обеспечения нуждавшихся в жилье военных и государственных служащих.

Развитие жилищного кризиса в Томске происходило волнообразно. Пики кризиса пришлось на осень 1918 г., начало весны и середину осени 1919 г. При этом в комплексе проблем, составлявших «квартирный вопрос», в Томске на протяжении всего исследуемого периода главенствующее место занимали трудности с расселением беженцев, размещением госпиталей, эвакуированных учреждений и воинских частей. Ост-

рейший дефицит жилых помещений в городах Сибири отодвигал на второй план другие жилищные затруднения, в том числе и конфликты в отношениях между собственниками и арендаторами жилья.

В ходе Гражданской войны в Томске, как и в других сибирских городах, сложились свои административные механизмы регулирования жилищных отношений. С одной стороны, это городская жилищная комиссия, ведавшая учетом и распределением жилых помещений. С другой – городская примирительная жилищная камера, занимавшаяся рассмотрением конфликтов между хозяевами помещений и постояльцами и, по существу являвшаяся первой судебной инстанцией в жилищных спорах. Административные организационные формы обусловили и казенно-бюрократический характер основных алгоритмов регулирования жилищных отношений в тот период. При этом планомерная работа муниципальных органов сочеталась с чрезвычайными мерами и произволом военных и гражданских чиновников.

Городская пресса играла важную роль в дискурсивной институционализации сложившихся административных механизмов и практик регулирования жилищных отношений, конструируя границы и задавая модели их интерпретаций (фрейминг), придавая им общественный смысл и значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. К жителям гор. Томска // *Сибирская жизнь*. 1919. 2 авг.
2. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // *Полис: политические исследования*. 2006. № 5. С. 106–128.
3. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 320 с.
4. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. 612 с.
5. Штырбул А.А. Политическая культура Омска и Среднего Прииртышья первой четверти XX века // *Вестник Омского университета*. 2015. № 2 (76). С. 147–152.
6. Журавлев В.В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // *Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. статей*. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 17–31.
7. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск : Тип. Губернского управления, 1911. 577 с.
8. Краев Ф.М. География Томской губернии: для учителей средних и низших учебных заведений, учащихся учительских институтов, семинарий, педагогических курсов, высших начальных и 2-х классов училищ. Томск : Тип. Губернского управления, 1916. 122 с.
9. Дмитриенко Н.М. История Томска : книга для старшеклассников и студентов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.
10. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Петроград, 1914. 1597 с.
11. Экономическое значение города Томска. Томск : Тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1916. 22 с.
12. Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг. : адресно-справ. книжка. Томск, 1911. 369 с.
13. Нагнибеда В.Я. Организация Всероссийской переписи 1917 года в Алтайско-Томской части Сибири : (краткий отчет). Томск : Народная тип. № 2, 1920. 33 с.
14. Манонина Т.Н. Благоустройство г. Томска в конце XVIII – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 337. С. 92–95.
15. Город Томск. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. 601 с.
16. Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый) : изд. Центрального статистического комитета МВД. Петроград, 1915. 729 с.
17. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год : изд. Томского губернского статистического комитета. Томск : Тип. Губернского управления, 1915. 292 с.
18. Рашин. А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : стат. очерки. М. : Госстатиздат, 1956. 350 с.
19. Шилловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
20. Статистический ежегодник России. 1915 г. (год двенадцатый) : изд. Центрального статистического комитета МВД. Петроград, 1916. 659 с.
21. Статистический ежегодник России. 1916 г. (год тринадцатый) : изд. Центрального статистического комитета КВД. М. : Тип. Моск. Сов. Раб. Солд. и Кр. деп., 1918. Вып. 1. 124 с.
22. Косых Е.Н. Цены в Томске в 1917 г. // *Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв.* Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 57–66.
23. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление. экономика, население Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 284 с.
24. Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923. 95 с.
25. Дмитриенко Н.М. Дороговизна в Томске в 1914–1917 гг. // *Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв.* Томск : Том. ун-т, 1994. С. 89–99.
26. Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург : Изд. решения, 2020. 178 с.
27. Симонов Д.Г., Шилловский Д.Г. Первая мировая война // *Историческая энциклопедия Сибири*. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 597–601.
28. Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. Т. 22, № 3. С. 70–75.
29. Ерёмин И.А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.
30. Чудаков О.В. Размещение военнопленных органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 – первая половина 1918 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 5 (112). С. 40–43.
31. Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4 (2). С. 177–182.
32. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 2. 240 с.
33. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // *Вестник Омского университета*. 2011. № 3. С. 146–154.
34. Холодilin К.А. Зарождение ограничительного жилищного законодательства на территории бывшей Российской империи во время Гражданской войны // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 4. С. 858–879.
35. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
36. Чехословацкий эшелон в Томске // *Сибирская жизнь*. 1918. 6 июня.
37. Томская жизнь // *Сибирская жизнь*. 1918. 8 июня.
38. Козлова Д.С. Трансформация органов власти и управления в Томской губернии в период революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 399. С. 67–73.
39. Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. История*. 2014. Т. 9. С. 101–115.
40. Хроника // *Народная газета (Томск)*. 1918. 3 нояб. (21 окт.)
41. К уплотнению квартир // *Сибирская жизнь (Томск)*. 1919. 5 авг.
42. Томская жизнь // *Сибирская жизнь*. 1919. 25 янв.
43. Томская жизнь // *Сибирская жизнь*. 1919. 6 сент.
44. Томская жизнь // *Сибирская жизнь*. 1919. 1 окт.
45. Томская жизнь // *Сибирская жизнь*. 1919. 13 нояб.
46. Хроника // *Народная газета (Томск)*. 1918. 16 (3) июля.
47. Хроника // *Народная газета (Томск)*. 1918. 17 (4) авг.
48. К гражданам г. Томска // *Народная газета (Томск)*. 1918. 1 сент. (19 авг.)
49. Дома. Квартиры. Дачи // *Сибирская жизнь*. 1917. 9 дек.
50. Дома. Квартиры // *Сибирская жизнь*. 1919. 11 дек.
51. Объявления // *Голос народа*. 1918. 13 дек.

52. Красноречивое молчание // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 12 июля.
53. Будем откровенны! // Сибирская жизнь. 1919. 8 июля.
54. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1919. 15 июля.
55. Предвыборные частушки // Сегодня (Томск). 1919. 7 июля.
56. На выборах // Сибирская жизнь. 1919. 17 июля.
57. По Сибири // Наше дело (Иркутск). 1919. 22 июля.
58. Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 105–125.
59. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1919. 4 дек.
60. Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1919. 11 дек.
61. Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 46–56.

Dmitriy N. Shevelev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

“IN THE MEANTIME, WE NEED TO MOVE UP”: THE HOUSING SHORTAGE IN THE INFORMATION AGENDA OF TOMSK DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)

Keywords: Siberia, Civil war, Tomsk, everyday life, housing issue, framing.

At a time of the First World War, Revolution and the following downfall of Russian Empire, the disintegration of the old social order, the economic crisis, massive internal migrations, and the outbreak of military-political confrontation in Siberia, housing problems have sharply worsened. Thus, the situation in Tomsk reflected general tendencies of manifestation and overcoming of the housing crisis both in Siberia and in the east of Russia as a whole. In the new, extreme conditions of the Civil war, there was happening a redesign of the old and formation of the new institutions and practices that normalize, regulate, and constitute housing relations. The city press played an important, if not key, role in the construction of socially significant meanings and discursive institutionalization.

The objective of this paper is as follows: on the example of Tomsk (that was the administrative center of the Tomsk province during the Civil war), firstly, to reveal the evolution, dynamics, and forms of manifestation of the housing issue during a crucial era of wars and revolutions. Secondly, to determine the features of discursive construction and institutionalization of one of the most important, complex, and sensitive city problems of that time.

This paper is based mostly on the materials of local city periodicals that went out in Tomsk from summer 1918 till the end of 1919, such as “Sibirskaya Zhizn”, “Narodnaya Gazeta”, “Vestnik Tomskoy Gubernii”, “Golos Naroda”, “Golos Sibiri”, “Trud”, “Segodnya”, “Zarya”, “Rabochee Znamya”, “Narodny Vestnik” and others. We selected and analyzed about 240 newspaper articles, interviews, essays, notes and feuilletons in which the topic of “housing difficulties” was touched upon in one way or another. We presume that periodicals of approximately the same political orientation formed a common semantic field, generated similar meanings, and set similar models for interpreting problems at both local and national levels. Besides the above-mentioned sources, we used records and other documents of the Tomsk Housing Commission.

Upon the conducted research we came to the conclusion, that the housing shortage became an important social issue both on national level and among local city communities of the Russian East. Tomsk, like other Siberian cities, developed its own administrative mechanisms for regulating housing relations. Administrative organizational forms also determined the state-bureaucratic nature of the main algorithms for regulating the housing issue in that period. At the same time, the systematic work of municipal bodies was combined with emergency measures and arbitrariness of military and civilian officials. The city press played an important role in discursive institutionalization of the existing administrative mechanisms and practices of regulating housing relations. It constructed boundaries and set models of their interpretation (so-called ‘framing’), giving them social meaning and significance.

REFERENCES

1. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) K zhitelyam gor. Tomsk [To the residents of Tomsk]. 2nd August.
2. Malinova, O.Yu. (2006) “Political Culture” in Russian Scientific and Public Discourse. *Polis: politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 106–128. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.05.08
3. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvoliy vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury Rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [The Symbols of Power and the Struggle for Power: Toward a Study of the Political Culture of the 1917 Russian Revolution]. St. Petersburg: Liki Rossii.
4. Shtyrbul, A.A. (2008) *Politicheskaya kul'tura Sibiri: opyt provintsial'noy mnogopartiynosti (konets XIX – pervaya tret' XX v.)* [Political culture of Siberia: the experience of a provincial multiparty system (late 19th – first third of the 20th century)]. Omsk: OSPU.
5. Shtyrbul, A.A. (2015a) Political culture of Omsk and Middle Near-Irtysh Region in the first quarter of the 20th century. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2(76). pp. 147–152. (In Russian).
6. Zhuravlev, V.V. (2015b) Ponyatie “politicheskaya kul'tura” v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Rossii [The concept of “political culture” in modern research on the history of the revolution and civil war in Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 17–31.
7. Tomsk Provincial Statistical Committee. (1911) *Spisok naseleennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 god* [List of populated areas of Tomsk province in 1911]. Tomsk: Tomsk Provincial Statistical Committee.
8. Kraev, F.M. (1916) *Geografiya Tomskoy gubernii: dlya uchiteley srednikh i nizshikh uchebnykh zavedeniy, uchashchikhsya uchitel'skikh institutov, seminariy, pedagogicheskikh kursov, vysshikh nachal'nykh i 2-kh klassnykh uchilishch* [Geography of Tomsk Province: for teachers of secondary and lower educational institutions, students of teacher training institutes, seminaries, pedagogical courses, higher primary and 2-grade schools]. Tomsk: Provincial Administration.
9. Dmitrienko, N.M. (2016) *Istoriya Tomsk: kniga dlya starsheklassnikov i studentov* [History of Tomsk: a book for high school and university students]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Anon. (1914) *Sibirskiy torгово-promyshlennyy ezhegodnik. 1914–1915 gg.* [Siberian Commercial and Industrial Yearbook. 1914–1915]. Petrograd: Argus.
11. Tomsk. (1916) *Ekonomicheskoe znachenie goroda Tomsk* [The economic significance of the city of Tomsk]. Tomsk: Tip. Detskogo priyuta i Doma trudolyubiya.
12. Chavykin, G.V. (1911) *Ves' Tomsk na 1911–1912 gg.: adresno-sprav. knizhka* [All Tomsk in 1911–1912: an address book]. Tomsk: [s.n.].
13. Nagnibeda, V.Ya. (1920) *Organizatsiya Vserossiyskoy perepisi 1917 goda v Altaysko-Tomskoy chasti Sibiri: (kratkiy otchet)* [The organization of the All-Russian census of 1917 in the Altai-Tomsk part of Siberia: (a brief report)]. Tomsk: Narodnaya tip. № 2.
14. Manonina, T.N. (2010) The development Tomsk at the end of 18th – beginning of 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 337. pp. 92–95. (In Russian).

15. Siberian Printing Association in Tomsk. (1912) *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Siberian Printing Association in Tomsk.
16. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1915) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii. 1914 g. (god odinnadsatyy)* [Statistical Yearbook of Russia. 1914 (Year 11)]. Petrograd: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
17. Tomsk Provincial Statistical Committee. (1915) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god* [Pamyatnaya knizhka (Memorial Book) of Tomsk Province for 1915]. Tomsk: Provincial Administration.
18. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [Population of Russia for 100 years (1811–1913)]. Moscow: Gosstatizdat.
19. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibiri'* [World War I 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
20. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1916) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii. 1915 g. (god dvenadsatyy)* [Statistical Yearbook of Russia. 1915 (Year 12)]. Petrograd: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
21. The Central Statistical Committee of the Committee of Internal Affairs. (1918) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii. 1916 g. (god trinadsatyy)* [Statistical Yearbook of Russia. 1916 (Year 13)]. Moscow: Moscow Councils of Peasants, Workers, and Soldiers Deputies.
22. Kosykh, E.N. (1996) Tseny v Tomske v 1917 g. [Prices in Tomsk in 1917]. In: *Voprosy ekonomicheskoy istorii Rossii XVIII–XX vv.* [Questions of the Economic History of Russia in the 18th – 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 57–66.
23. Dmitrienko, N.M. (2000) *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX – pervoy trety XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [A Siberian city of Tomsk in the 19th – first third of the 20th century: management. economics, population]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Tomsk. (1923) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii: po dannym pozdneyshikh perepisey (1910, 1917 i 1920 gg.)* [The list of populated areas of Tomsk Province: according to the latest censuses (1910, 1917, and 1920)]. Tomsk: [s.n.].
25. Dmitrienko, N.M. (1994) Dorogovizna v Tomske v 1914–1917 gg. [High cost in Tomsk in 1914–1917]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri. Voprosy istorii XIX – pervoy trety XX vv.* [The economic development of Siberia. Questions of history of the 19th – first third of the 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 89–99.
26. Shumilova, E.E. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [The daily life of large cities in Western Siberia during the First World War]. Ekaterinburg: Izd. resheniya.
27. Simonov, D.G. & Shilovskiy, D.G. (2009) *Pervaya mirovaya vojna* [World War I]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. pp. 597–601.
28. Rynkov, V.M. (2015) Refugees and accepting societies: on the characteristics of social mobility during the World War I. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22(3). pp. 70–75. (In Russian).
29. Eremin, I.A. (2007) Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri [Prisoners of war of WWI in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 310(1). pp. 259–263.
30. Chudakov, O.V. (2012) Razmeshchenie voennoplennykh organami gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny i period sotsial'nykh kataklizmov (1914 – pervaya polovina 1918 gg.) [Accommodation of prisoners of war by municipal authorities in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (1914 – the first half of 1918)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 5(112). pp. 40–43.
31. Shchetinina, A.S. (2007) Bezhyentsy i grazhdanskije internirovannyye na yuge Zapadnoy Sibiri (1915–1920-e gg.) [Refugees and civilian internees in the south of Western Siberia (1915–1920s)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4(2). pp. 177–182.
32. Shulga, T.V. (ed.) (2015) *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny* [When the states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the First World War]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
33. Chudakov, O.V. (2011) Gorodskoe samoupravlenie v Tomskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.) [Municipal government in the Tomsk province during the First World War (July 1914 – February 1917)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 3. pp. 146–154.
34. Kholodilin, K.A. (2019) The emergence of housing regulations on the territory of the former Russian empire during the Russian Civil War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 9(4). pp. 858–879.
35. Larkov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [The Sibirsky White General]. Tomsk: Tomsk State University.
36. *Sibirskaya zhizn'*. (1918a) Chekhoslovatskiy eshelon v Tomske [The Czechoslovak train in Tomsk]. 6th June.
37. *Sibirskaya zhizn'*. (1918b) Tomskaya zhizn' [The live in Tomsk]. 8th June.
38. Kozlova, D.S. (2015) Transformation of public authorities and administration in Tomsk Province during the Revolution and the Civil War (1917–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 67–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/12
39. Rynkov, V.M. (2014) “Siberian Race”: Forced Migration in the East of Russia During the Civil War (1918–1922). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. History*. 9. pp. 101–115. (In Russian).
40. *Narodnaya gazeta*. (1918a) Khronika [Chronicle]. 3rd November (21st October)
41. *Sibirskaya zhizn'*. (1919a) K uplotneniyu kvartir [On densification of apartments]. 5th August.
42. *Sibirskaya zhizn'*. (1919b) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 25th August.
43. *Sibirskaya zhizn'*. (1919c) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 6th September.
44. *Sibirskaya zhizn'*. (1919d) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 1st October.
45. *Sibirskaya zhizn'*. (1919e) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 13th November.
46. *Narodnaya gazeta*. (1918b) Khronika [Chronicle]. 16th (3rd) July.
47. *Narodnaya gazeta*. (1918c) Khronika [Chronicle]. 17th (4th) August.
48. *Narodnaya gazeta*. (1918d) K grazhdanam g. Tomsk [To the citizens of Tomsk]. 1st September (19th August).
49. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) Doma. Kvartiry. Dachi [Houses. Apartments. Dachas]. 9th December.
50. *Sibirskaya zhizn'*. (1919f) Doma. Kvartiry [Houses. Apartments]. 11th December.
51. *Golos naroda*. (1918) Ob'yavleniya [Announcements]. 13th December.
52. *Sibirskaya zhizn'*. (1919g) Krasnorechivoe molchanie [Eloquent silence]. 12th July.
53. *Sibirskaya zhizn'*. (1919h) Budem otкровенny! [Let's be honest!]. 8th July.
54. *Sibirskaya zhizn'*. (1919i) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 15th July.
55. *Segodnya*. (1919) Predvybornyye chastushki [Pre-election ditties]. 7th July.
56. *Sibirskaya zhizn'*. (1919j) Na vyborakh [At the elections]. 17th July.
57. *Nashe delo*. (1919) Po Sibiri [In Siberia]. 22nd July.
58. Rynkov, V.M. (2009) Antibol'shevistskie politicheskie rezhimy i obshchestvo: vzaimodeystvie na informatsionnom prostranstve vostochnykh regionov Rossii [Anti-Bolshevik political regimes and society: interaction in the information space of the eastern regions of Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Kontrevolyutsiya na vostoke Rossii v period grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [Counter-revolution in the east of Russia during the civil war (1918–1919)]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 105–125.
59. *Sibirskaya zhizn'*. (1919k) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 4th December.
60. *Sibirskaya zhizn'*. (1919l) Tomskaya zhizn' [The life in Tomsk]. 11th December.
61. Larkov, N.S. (2011) The events of December 1919 in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 46–56. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(430).085
DOI: 10.17223/19988613/74/11

Статья посвящается памяти Л.Н. Корневой

А.М. Бетмакаев

ОБРАЗ США В ТЕКСТАХ А. ГИТЛЕРА В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

Представлена реконструкция образа Соединенных Штатов с начала политической карьеры Гитлера и до его назначения рейхсканцлером (1919–1933), определена роль объективных и субъективных факторов, повлиявших на его представления о США, выявлены связи между идеологией национал-социализма и имиджем Америки. Показано, что отношение Гитлера к США было двойственным: он восхищался «нордической» Америкой и презирал «еврейскую» Америку. В целом гитлеровский образ в годы Веймарской республики был далек от реалистичного изображения североамериканской страны.

Ключевые слова: Германия, Веймарская республика, Адольф Гитлер, США, имидж страны, антиамериканизм.

Существенным фактором в принятии внешнеполитических решений является восприятие зарубежных стран государственными деятелями. Чем больше процесс определения внешней политики концентрируется в руках одного человека, тем более важное значение приобретают его личные представления об отдельных странах. Образы стран, сложившиеся в головах диктаторов, зачастую приводят к игнорированию реальности. Это замечание относится и к Адольфу Гитлеру, «фюреру и рейхсканцлеру немецкого народа», который 11 декабря 1941 г. объявил войну США.

В историографии, прежде всего зарубежной, представления Гитлера об Америке изучались в рамках двух направлений. Первое рассматривало гитлеровский образ США в контексте разработки и реализации его внешнеполитической стратегии. Так, американский историк Дж.Л. Вайнберг в одной из первых статей на эту тему в середине 1960-х гг. обращал внимание на то, какое значение оказали неглубокие представления Гитлера на просчеты в германской политике в отношении США в годы «третьего рейха» [1]. Оценка Вайнбергом гитлеровского имиджа Америки разделялась в 1960–1980-е гг. многими историками германо-американских отношений [2, 3]. Однако в исследованиях 1990–2010-х гг. можно обнаружить попытки реконструкции более сложного образа США во внешнеполитических представлениях фюрера, в которых отмечалось чередование положительных и отрицательных стереотипов об Америке [4, 5].

Второе направление в зарубежных исследованиях гитлеровского имиджа Соединенных Штатов связано с изучением подъема антиамериканизма в Германии и других европейских странах в конце XIX – первой трети XX в., в особенности после Первой мировой войны, как ответа немецких интеллектуалов на «американизацию» экономической, общественно-политической и культурной сфер жизни Старого Света в про-

цессе усиления влияния США, которые превратились в мировую державу [6–12].

Выделение этих двух направлений является условным, и мы можем также отметить их взаимосвязь и взаимовлияние, что открывает перспективу для комплексного подхода. В нашей статье, хронологические рамки которой ограничены началом политической карьеры Гитлера после Первой мировой войны и его назначением рейхсканцлером (1919–1933), мы нацелены реконструировать гитлеровский образ США и дать ответы на ряд вопросов: какой образ США сложился у Гитлера ко времени его прихода к власти; какие факторы (люди, знания, стереотипы и др.) повлияли на содержание этого образа; как представления фюрера об Америке были связаны с формирующейся идеологией национал-социализма; насколько гитлеровский имидж отличался от стереотипов большинства немцев в отношении США в «эпоху Веймара».

Источниками исследования стали тексты книг, статей, устных выступлений и заметок Гитлера, которые были опубликованы с научными комментариями в ФРГ за последние 40 лет. В 1980 г. появилось академическое издание «Все записи Гитлера 1905–1924 гг.» под редакцией Е. Йекеля и А. Куна [13]. Эта книга подтолкнула директора Института современной истории в Мюнхене, известного историка нацизма М. Бросцата и его коллег собрать и прокомментировать документы Гитлера за 1925–1933 гг. (от воссоздания НСДАП в феврале 1925 г. до прихода Гитлера к власти в январе 1933 г.). В результате их работы в 1992–2003 гг. вышли в свет 6 томов в 12 частях общим объемом более 6 тыс. страниц под названием «Гитлер. Речи, письма, распоряжения» [14]. В 2016 г. мюнхенским институтом была опубликована гитлеровская автобиография «Моя борьба (Майн Кампф)» [15]. Новое издание книги Гитлера 1925–1926 гг. открывается 150-страничным научным предисловием, а его справочный аппарат

занял около двух третей общего объема двухтомника. Более 5 тысяч подробных научных комментариев дано почти к каждому абзацу текста [16. С. 112–113].

Опираясь на весьма значительный массив гитлеровских текстов, мы отказались от широкого использования других источников, например воспоминаний людей из окружения Гитлера, в которых приводятся отрывки из его личных бесед с мемуаристами. Мы согласны со шведским историком М. Ниллсоном, что отрывки из воспоминаний нельзя цитировать как собственные слова Гитлера, поскольку отсутствует метод, с помощью которого мы могли бы проверить подлинность цитат [17. С. 143].

Изучение гитлеровского образа США требует учитывать особые обстоятельства. По мнению немецкого историка Г. Зиройса, во-первых, Гитлер не говорил по-английски и никогда не был в США, и поэтому его представления основывались не на собственном опыте, а на сведениях, полученных им из вторых рук, которые он, как правило, интерпретировал в духе своей идеологии. Во-вторых, эгоцентричный самоучка обычно игнорировал отчеты профессиональных экспертов и отдавал предпочтение источникам, подтверждающим его уже сформировавшееся мнение [4. С. 143–144].

В начале политической карьеры Гитлер имел неопределенные и смутные представления о стране «дяди Сэма». В их основе лежали поверхностные знания о зарубежных странах. Воспитанный в атмосфере политических сплетен и анекдотов, царившей в дешевых кафе и пивных Вены и Мюнхена, молодой Гитлер черпал свои знания о Соединенных Штатах из бульварных романов и приключенческих рассказов Карла Фридриха Мая [1. Р. 1007]. Главными героями произведений немецкого писателя Мая (1842–1912) были вымышленный вождь индейцев-апачей Виннету и его друг – европеец Олд Шаттерхенд. Рассказы Мая имели огромную популярность в Германии, опередив по продажам произведения И.С. Гете. Любопытно, что Май написал американские рассказы задолго до своей поездки в США в 1908 г. Реальная Америка была не похожа на его придуманный мир [18. Р. 54–55].

Многочисленные свидетельства подтверждают «болезненное» увлечение молодого Гитлера рассказами Мая [19. Р. 18]. В марте 1912 г. он, нуждаясь постоянно в денежных средствах, посетил в Вене платную лекцию Мая, который через неделю скончался [20. С. 150–152]. Образ Гитлера в начале 1920-х гг. с хлыстом, велюровой шляпой и револьвером на поясе можно рассматривать как сознательную или неосознанную стилизацию в образе героев Дикого Запада, и некоторые члены нацистской партии в Мюнхене, очевидно, почтительно называли его «Виннету» [21. С. 69–70]. Немецкий историк Р. Тёппель, однако, полагает преувеличенным влияние романов Мая на представления Гитлера об Америке, поскольку автор произведений о Виннету решительно выступал против антисемитизма и подчеркивал этническое единство и равенство всех людей [22. С. 32–33].

Следует также принять во внимание мнение В. Мазера, известного немецкого биографа Гитлера, что из-за особенностей самообразования нацистского фюрера можно лишь условно считать объективными его

познания общего характера, в частности в области литературы и истории. Гитлер постоянно стремился перерабатывать полученные в ходе самообразования знания, которые он считал «правильными», т.е. встраивать мысли своих предшественников в рамки своего «мировоззрения», нередко придавая им совершенно другой смысл [23. С. 181].

Кроме стереотипов, разделяемых многими немцами, на гитлеровский образ Соединенных Штатов могли оказать влияние сведения об Америке из бесед с немцами, которые побывали в США или жили там длительное время. Свои знания об Америке он пополнял из бесед с Куртом Людеке и Эрнстом Ханфштенглем, которые часто посещали США в начале 1920-х гг. Людеке по заданию Гитлера часто бывал за океаном в качестве сборщика пожертвований в партийную кассу нацистов [5. Р. 19]. Ханфштенгль, начальник отдела печати НСДАП в конце 1920-х гг., имел широкие связи в США. Используя знакомства матери, по происхождению американки, и свои связи с семьей президента Теодора Рузвельта и сенатором от штата Нью-Йорк Ф.Д. Рузвельтом, Ханфштенгль был близок с американскими деловыми кругами [24. Р. 41–44].

По мнению немецкого историка К. Фишера, гитлеровский образ США формировался под воздействием германской пропаганды в годы Первой мировой войны, когда правительство рейха спонсировало и поощряло творцов общественного мнения всех полос политического спектра осуждать материалистическую англо-американскую цивилизацию, которой противопоставлялась романтическая, идеалистическая и героическая немецкая цивилизация. Пропаганда утверждала, что Америка как главный двигатель модернизации вызвала культурное вырождение везде, где проявлялось ее влияние. На заднем плане модернизации находились ее главные агенты – евреи, поэтому антиамериканизму сопутствовал антисемитизм [5. Р. 17].

Как полагает американский исследователь А. Марковиц, в Европе боялись и презирали не существующие реально Соединенные Штаты и их евреев, а сочетание иудаизма и американизма как концепций и социальных тенденций. После Первой мировой войны представления о «еврейском» Уолл-стрите, «еврейском» Голливуде, «еврейском» джазе, иными словами, о полностью «еврейской» Америке стали обычным явлением. Одним из стандартных элементов европейского антисемитизма было приписывание евреям гораздо большей власти, чем они имели на самом деле. Представление о власти как связующем понятии между евреями и Америкой в 1920-е гг. стало более явным и прочным. Враждебное восприятие этой предполагаемой связи было неотъемлемой частью национал-социализма [11. Р. 155–156]. Большую роль в антисемитской пропаганде играла изданная в январе 1920 г. книга Г. цур Бека «Тайны мудрецов Сиона», более известная как «Протоколы сионских мудрецов» [25. С. 81].

Антисемитизм в значительной мере находил выражение и в представлениях Гитлера о США. Следуя популярному в консервативных кругах убеждению, он обвинял американского президента В. Вильсона в том, что тот своими «14 пунктами» заманил непобедимую

в военном отношении Германию в ловушку бесчестного диктата Версаля. Вильсон был орудием «всемирного еврейского заговора», силы которого были особенно активны в Америке [13. S. 675–678, 951–953].

В одной из своих первых речей, произнесенной в декабре 1919 г., Гитлер делил врагов Германии на две группы. Первая включала «абсолютных врагов» – Англию и Америку, интересы которых диаметрально противоположны интересам Германии, вторую группу составляли государства, которые стали врагами рейха вследствие обстоятельств, как, например, Россия, в поисках выхода к морю вступающая в конфликты / с немцами [Ibid. S. 96].

Доказательством «абсолютной враждебности» США рейху Гитлер считал вступление Вашингтона в войну на стороне стран Антанты. Он объяснял этот шаг прежде всего финансовыми соображениями: «Америка была также страной, которая имела в военной наживе львиную долю» [Ibid. S. 123]. Участие Вашингтона на стороне Англии и Франции было вызвано, по мнению Гитлера, в том числе провокационной деятельностью влиятельных американских евреев [Ibid. S. 99]. Однако британский историк Б. Симмс предлагает другую интерпретацию: враждебность к англосаксонским державам оказала влияние на формирование антисемитизма Гитлера [26. P. 330].

В то же время Гитлер пытался найти общие черты между Германией и США. Он считал, что между кайзеровской Германией и США не имелось непреодолимых различий в государственном устройстве. Гитлер приравнивал по роли и значению в государстве американского президента и кайзера, отмечая, что и Германия, и Америка являлись монархиями. Но он оговаривался: понимание монархии в каждой из этих стран различно, что и определило наличие «военного порядка» в Германии (по Гитлеру, образцового) и «коррупции в Америке», которая делала американское государство слабым [13. S. 209, 214].

Как известно, борьбе за «расовую чистоту» нации Гитлер придавал первостепенное значение. Отказ от межрасовых и межнациональных контактов был для него отличительным признаком «разумной» внутренней политики. Именно так «фюрер» понимал американские законы об ограничении иммиграции [Ibid. S. 361].

В конце XIX в. американское иммиграционное законодательство было направлено против иммигрантов-азиатов. Но затем кампании по исключению нежелательных иммигрантов стали постепенно выходить за рамки Азии и вводить ограничения для переселенцев из Европы. Американский закон об иммиграции 1924 г. давал привилегии мигрантам «нордической расы» из северных и западных районов Европы и вводил ограничения для переселенцев из стран Восточной и Южной Европы. Соединенные Штаты считались лидером в разработке расистской политики в отношении предоставления гражданства, а американская практика иммиграции и натурализации привлекала внимание в Европе задолго до появления нацистского движения [27. P. 35–36].

В «Майн Кампф» Гитлер писал, что Американский Союз не разрешает въезд в страну элементам с плохим

здоровьем и просто исключает получение гражданства для определенных рас: «Конечно, это не наша образцовая германская республика, а Американский Союз, где предпринимаются усилия, чтобы хотя бы частично восстановить здравый смысл. <...> Союз уже изначально исповедует концепцию, свойственную националистическому (фёлькиш) представлению о государстве» [15. S. 1117].

Гитлер также восхищался в «Майн Кампф» «богатством изобретений», сделанных Соединенными Штатами [Ibid. S. 1093–1095], и по-прежнему видел в США конкурента Великобритании. Он преувеличивал значение англо-американских противоречий для судьбы послевоенного мира. Гитлер предупреждал Англию, что она не сможет в борьбе с США за рынки сбыта оказывать длительное сопротивление «стремящемуся вперед американскому континенту» [Ibid. S. 1617].

В брошюре «Южнотирольский вопрос и проблема Германского союза» (февраль 1926 г.) Гитлер продолжал развивать эту тему: «Из колониального врага, ребенка великой матери, кажется, появилась новая хозяйка мира. <...> Англия сегодня в печальном беспокойстве рассматривает свои старые союзы <...>. С гигантским американским... государством с его огромными богатствами целинной земли труднее справиться, чем со стесненным германским рейхом» [14. Bd. 1. S. 292].

Обращение Гитлера к США коррелирует с расцветом американских сюжетов в немецкой публицистике. Немецкий историк В. Отто на примере анализа содержания влиятельного леволиберального журнала «Вельтбюне» (Weltbühne) показал, что 1927 год можно рассматривать как кульминацию дискуссии о США. Количество «американских» статей в журнале выросло с 3 в 1919 г. до 50 в 1927 г., причем наибольший количественный скачок произошел в 1925–1926 гг. После 1927 г. количество статей о США сократилось (до 16 в 1932 г.) [10. S. 70].

В 1927 г. вышла в свет, пожалуй, самая читаемая немецкая книга о США – «Америка и американизм» Адольфа Хальфельда, который писал из Нью-Йорка для немецких газет. В книге описывалось то, что в 1920-х гг. понималось как «американизация» и в положительном, и в отрицательном плане. Речь шла прежде всего о проникновении в Германию американского капитала после принятия «плана Дауэса» и американской массовой культуры. Главный тезис Хальфельда заключался в том, что американское общество становится все более механизированным, а люди теряют свою индивидуальную свободу. Он противопоставлял европейскую культуру массовой цивилизации США и отвергал американские достижения и влияние. Согласно Хальфельду, американский гражданин идеализировал материальный успех как единственную цель в жизни и рассматривал зарабатывание денег как главную ценность [8. S. 274–281].

Неизвестно, читал ли книгу Хальфельда Гитлер, но летом 1928 г. он продиктовал текст своей новой книги, затронув более подробно образ США. Эта рукопись под названием «Вторая книга» была впервые опубликована в 1961 г. Институтом современной истории в Мюнхене под редакцией американского историка

Дж.Л. Вайнберга, обнаружившего ее в архиве немецкого издательства «Франц Эгер», которое отказалось от ее печати, поскольку книга «Майн кампф» плохо продавалась [28]. В 1995 г. мюнхенский институт поместил текст книги в отдельный том собрания документов «Гитлер. Речи, письма, распоряжения» с новым предисловием и комментариями Вайнберга под названием «Внешнеполитическое положение после выборов в рейхстаг» [14. Bd. 2a].

«Вторая книга» дала ценные сведения для историков, изучавших внешнеполитические планы Гитлера до его прихода к власти. Заметим, что в «Майн Кампф» Соединенные Штаты находятся на периферии внимания Гитлера, которое сконцентрировано на Европе. США не являются решающим фактором в его размышлениях о потенциальных союзниках Германии. Напротив, обращение Гитлера к анализу перспектив политики Германии в отношении США стало, пожалуй, одной из главных тем «Второй книги».

Новым в книге были и высокие оценки Гитлером американского образа жизни. По его мнению, достижения американцев стали возможными благодаря высокому процентному содержанию в населении США англосаксонских и в особенности германских переселенцев. Переселение извлекло из народа самых мужественных, отважных, решительных и готовых к сопротивлению людей. «Нордические» переселенцы – носители «высшей культуры» – имели для США высочайшую расовую ценность. Они были элитой, успехи которой определяли успехи американского народа. Растворение этой элиты означало бы потерю способности американского народа к успеху [Ibid. S. 8–9].

Оценки Гитлером США во «Второй книге» представляли причудливую смесь национал-социалистской концепции «жизненного пространства», базировавшейся на теории геополитики, и его расовой теории. Исходя из них, Гитлер делал вывод, что в лице США «возник новый фактор силы, который угрожает сделать несущественными все остальные различия по степени силы и культуры в мире» [Ibid. S. 70]. Он писал: «Американский союз неслучайно является государством, в котором в настоящее время делаются невероятные смелые изобретения. По отношению к старой Европе, которая потеряла бесконечно много своей лучшей крови в результате войн и эмиграции, американцы выступают как молодой, расово избранный народ» [Ibid. S. 85–86]. По его мнению, после завершения внутренней колонизации американского континента начал проявлять себя обращенный вовне «инстинкт действия, который должен быть особенно присущ молодым народам» [Ibid. S. 91].

Преувеличивая значение англо-американских противоречий и одновременно преуменьшая роль германо-английских, Гитлер замечал: «...германская угроза, гораздо более сильная, заняла ее место. В будущем наибольшая опасность для Англии будет преимущественно не в Европе, а в Северной Америке» [Ibid. S. 133].

И снова фюрер НСДАП восхищался иммиграционным законодательством США: «О том, что Американский Союз ощущает себя нордическим германским государством, а отнюдь не интернациональной массой

народов, свидетельствует и то, как распределяются иммиграционные квоты между европейскими народами. Самые большие контингенты выделяются скандинавам, т.е. шведам, норвежцам, затем датчанам, потом англичанам и, наконец, немцам» [Ibid. S. 92]. По мнению американского исследователя Дж.К. Уитмена, «Вторая книга» впечатляет своим изображением Америки как расовой модели для Европы. Некоторые немецкие расисты в 1920-х гг. изображали Соединенные Штаты как страну, находящуюся под серьезной угрозой исчезновения в результате смешивания рас. В отличие от них, Гитлер был весьма оптимистично настроен по отношению к перспективам Америки [27. P. 46–47].

Это изменение в восприятии Гитлером Соединенных Штатов может показаться неожиданным, однако немецкий историк Д. Юнкер полагал, что оно стало следствием осознания «фюрером» того факта, что из-за своей строгой иммиграционной политики и вытекающей из этого высокого расового качества Соединенные Штаты стали сильной мировой державой. И хотя в целом мнение Гитлера определялось стереотипами, распространенными на крайнем правом политическом фланге, в 1928 г. он был согласен с точкой зрения, которая приписывала происхождение американского империализма победе германо-англосаксонской элиты внутри США [29. P. 252–253].

Вслед за наличием у США образцового иммиграционного законодательства проникновение американского автомобиля на европейский рынок в 1920-х гг. было вторым явлением, которое привлекло внимание «фюрера»: «Мы должны наблюдать, как даже в нашей стране американский автомобиль распространяется пугающим образом. Это возможно только потому, что размер собственного внутреннего рынка, его покупательная способность и богатство сырья гарантируют американской автомобильной промышленности внутренние показатели продаж, которые сами по себе делают возможными такие методы производства, которые были бы просто невозможны в Европе <...> В результате американская автомобильная промышленность обладает огромными экспортными возможностями. Речь идет о всеобщей автомобилизации мира, т.е. о вопросе, имеющем огромное значение в будущем. <...> Для Американского Союза... автомобильная промышленность сегодня находится на вершине всех отраслей» [14. Bd. 2a. S. 83–84].

В 1925 г. американская компания «Форд мотор» основала свой первый зарубежный филиал в Берлине и начала собирать автомобили и тракторы [30. P. 252]. Глава компании Генри Форд за свою неприязнь к евреям и капитализму пользовался большим уважением Гитлера, который писал в «Майн кампф», что «с каждым годом евреи становятся все более влиятельными в управлении трудом 120-миллионной нации; один великий Форд остается независимым, несмотря на их гнев» [15. S. 1619].

Сам Форд положил начало дискуссии о фордизме, опубликовав в 1922 г. свои мемуары «Моя жизнь и работа». В немецком переводе книга вышла в 1924 г., быстро став самой продаваемой книгой об Америке

в период между войнами. Его успех в качестве «самого богатого человека в мире» придал вес его аргументам, когда он предложил простые решения сложных социальных проблем [31. Р. 223–224]. Фордизм в качестве новой модели для объяснения экономического подъема Соединенных Штатов был сосредоточен на отношениях между капиталом и трудом. Аспекты, которые больше всего интересовали реакционных последователей Форда в Германии, касались не управления бизнесом, а, скорее, его решения социального вопроса без революций, которые произошли в странах Европы после Первой мировой войны.

Ничто не символизировало экономические показатели и перспективы Америки лучше, чем Форд и фордизм. В середине 1920-х гг. Америка занимала умы многих немцев. Восхищение Гитлера американскими достижениями было типичным для немецкого обывателя. По этому поводу метко высказался английский посол в Германии Э.В. д'Абернон: «Немец относится гораздо с большим уважением к Соединенным Штатам, чем к любой европейской нации. Размеры этой страны, ее огромное богатство, деловые способности ее граждан – все это внушает ему глубочайшее восхищение» [32. С. 29].

Американские передовые технологии и беспрецедентное экономическое процветание, высокая заработная плата и высокая производительность труда, модели потребления и зарождающаяся массовая культура, новая роль женщины – все это было предметом интенсивных дискуссий. Увлечение немцев Америкой не ограничивалось экономической или интеллектуальной элитой и не было привилегией какой-либо одной политической партии или социального класса, отмечала американская исследовательница М. Нолан. Более 50 книг об американских технологиях, экономическом процветании и массовом потреблении было опубликовано в 1920-х гг., и во многих других исследованиях экономической рационализации широко использовался американский опыт [33. Р. 3–4].

Условиями успешного германского сопротивления «американской угрозе» Гитлер считал достижение Германией более значительной экономической мощи, «жизненного пространства» и «более высокой расовой ценности», чем у США. Национал-социалистские установки брали вверх над здравым смыслом. Именно в этом духе Гитлер намечал общие контуры германской политики в отношении США.

Таким образом, Соединенные Штаты во «Второй книге» предстают в образе мировой державы с достаточным «жизненным пространством», правильной расовой политикой, проводимой посредством иммиграционных законов, большим внутренним рынком, высоким уровнем жизни, исключительным уровнем производительности, технологическими инновациями, высокой мобильностью и массовым производством.

Рукопись «Второй книги» осталась лежать в ящике стола, а ее автор продолжил политическую деятельность. Отдельные стороны сформировавшегося образа США можно найти в его последующих публичных выступлениях. Так, 14 октября 1928 г. на собрании НСДАП в Хайде Гитлер говорил: «Америка берет

только лучший человеческий материал, мы были бы в расовом отношении травмированы и ослаблены ею. Блестящий человеческий материал, который Америка послала на поле боя против нас во время мировой войны, в значительной степени был получен из немецкой крестьянской крови» [14. Bd. 3.1. S. 151]. В речи на партийном собрании в Ольденбурге 18 октября он обращал внимание слушателей на то, что американское иммиграционное агентство исключает из списка иммигрантов нездоровых людей, и поэтому «каждый год из немецкого народа отбирается 80 тысяч человек с высоким уровнем здоровья и психики и концентрируется в Америке» [Ibid. S. 162]. По сути, Гитлер здесь одобряет американскую политику евгеники, и 30 ноября 1928 г. его однопартийцы вновь слышат в речи «фюрера», что США являются мировой угрозой не потому, что их население составляет более ста миллионов жителей, а из-за особой ценности американских граждан [Ibid. S. 269].

Гитлер также продолжал напоминать своим сторонникам об американской угрозе. «Американский Союз как экономическая держава все больше <...> выступает как самый яростный конкурент на мировом рынке против Англии, да и против всего Старого Света. <...> Всю Европу ждет очень тяжелая судьба, если американская экспансивная экономическая активность не будет остановлена где-то и когда-то!», – писал он 29 января 1930 г. в статье в газете «Фелькишер беобахтер» [Ibid. Bd. 3.3. S. 44]. В его речи на собрании местных руководителей НСДАП в Брауншвейге 22 февраля 1931 г. опять звучал знакомый мотив: «На сцену вышел новый гигантский конкурент для Европы: Америка, которая сейчас двигает процесс индустриализации в стремительном развитии и теперь даже присваивает себе решающее политическое влияние» [Ibid. Bd. 4.1. S. 220].

Накануне прихода к власти Гитлер в основном придерживался своих ранних представлений о США. Однако требовалась коррекция образа США, поскольку Соединенные Штаты на рубеже 1920–1930-х гг. находились в жесточайшем экономическом кризисе. Кажется, что даже тяжелые последствия «великой депрессии» не помешали Гитлеру на собрании членов Национал-социалистического союза студентов Германии в Эрлангене 25 июня 1931 г. оптимистично говорить о перспективах развития США: «Государство с населением более 120 миллионов человек способно достичь гигантских производственных показателей благодаря неслыханным запасам полезных ископаемых» [Ibid. S. 417].

Подводя итоги, мы можем отметить, что в годы Веймарской республики отношение Гитлера к Соединенным Штатам было двойственным. Сочетая восхищение и презрение, гитлеровский образ так и не приблизился к реалистичному изображению Соединенных Штатов. Восприятие Гитлером Соединенных Штатов было ограничено его идеологическим догматизмом, который намного превосходил неизбежную предвзятость других известных немецких «кабинетных путешественников» в Америку, таких, например, как Карл Май. Его образ США сформировался в соответствии

с его убеждением, что война и жестокое соревнование рас и народов за «жизненное пространство» составляют вечную цель мировой истории и определяют ее повестку.

Кроме этих догматических ограничений, справедливо отмечает Д. Юнкер, существовали объективные препятствия на пути Гитлера к реалистичному пониманию Соединенных Штатов. Гитлер не говорил по-английски, никогда не был за океаном и считал демократические традиции еврейскими. Доминирующим лейтмотивом немногих заявлений Гитлера в отношении США до 1924 г. было вступление Вашингтона в Первую мировую войну, а с 1924 г. и до «великой депрессии» его образ Соединенных Штатов определялся потенциальной угрозой для Европы со стороны новой мировой державы [29. P. 249–250].

По мнению К. Фишера, гитлеровский образ США существенно не отличался от того, что большинство немцев думало об Америке. С одной стороны, Америка представлялась как очень богатая страна, предлагающая неограниченные возможности безземельным и бедным европейцам. Америка была землей свободы и приюта для трудолюбивых простых людей. Этот «мягкий» образ Америки, однако, сосуществовал с отрицательным имиджем. Многие европейские интеллектуалы считали США страной материалистов, поклоняющихся доллару и скрывающих духовную пустоту. Развитие ра-

совых идеологий, которые опирались на псевдонаучные доктрины социального дарвинизма, поощряло представления о расовой дилемме Америки [5. P. 10–11].

Говоря об интеллектуальном фоне, на котором сформировался гитлеровский образ США, следует согласиться с немецким историком Д. Динером, что политическая культура веймарского периода характеризовалась двойственным отношением к Америке – слепым энтузиазмом и идеологическим неприятием [7. S. 98]. По мнению немецкого историка К. Шваабе, американизация и американизм становятся общим лозунгом и терминами идеологической борьбы. Америка окончательно стала наследником Британии и Франции в роли центрального социокультурного образа врага для антизападников, поскольку она влияла на Веймарскую республику гораздо сильнее, и, к негоднованию правых, это влияние позитивно воспринималось многими немцами и включалось в их повседневную жизнь [9. S. 18–19].

Всказывания Гитлера об Америке в «Майн кампф» и во «Второй книге», в статьях и в публичных выступлениях перед аудиторией свидетельствуют о том, что США находились на периферии его «картины мира». Можно допустить, что гитлеровский образ США веймарского периода в основном сохранился и к тому моменту, когда «фюрер и рейхсканцлер немецкого народа» решил объявить войну Соединенным Штатам.

ЛИТЕРАТУРА

- Weinberg G.L. Hitler's Image of the United States // *The American Historical Review*. 1964. Vol. 69 (4). P. 1006–1021. DOI: 10.2307/1842933
- Комптон Дж. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933–1941 : пер. с англ. М. : Центрполиграф, 2007. 255 с.
- Herzstein R.E. Roosevelt & Hitler: Prelude to War. New York : Paragon House, 1989. XXII, 500 p.
- Sirois H. Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA, 1933–1941. Paderborn : Schöningh, 2000. 317 S.
- Fischer K.P. Hitler & America. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. 368 p.
- Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776 / ed. by D.E. Barclay, E. Glaser-Schmidt. Washington : German Historical Institute ; Cambridge : Cambridge University Press, 1997. VIII, 374 p.
- Diner D. Feindbild Amerika: Über die Beständigkeit eines Ressentiments. Berlin : Propyläen, 2002. 257 S.
- Klautke E. Unbegrenzte Möglichkeiten: "Amerikanisierung" in Deutschland und Frankreich (1900–1933). Stuttgart : Steiner, 2003. 395 S.
- Schwaabe C. Antiamerikanismus: Wandlungen eines Feindbildes. München : Fink, 2003. 228 S.
- Otto V. Deutsche Amerika-Bilder: Zu den Intellektuellen-Diskursen um die Moderne 1900–1950. Paderborn : W. Fink, 2006. 357 S.
- Markovits A.S. Uncouth Nation: Why Europe Dislikes America. Princeton : Princeton University Press, 2007. XIX, 275 p.
- Knappertsbusch F. Antiamerikanismus in Deutschland: Über die Funktion von Amerikabildern in nationalistischer und ethnozentrischer Rhetorik. Bielefeld : Transcript, 2016. 419 S.
- Hitler A. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924 / Hrsg. von E. Jäckel zusammen A. Kuhn. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. 1315 S.
- Hitler A. Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933 : 6 Bde. / Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. München : K.G. Saur, 1992–2003.
- Hitler A. Mein Kampf: Eine kritische Edition / Hrsg. von Ch. Hartmann, T. Vordermayer, O. Plöckinger, R. Töppel. München : Institut für Zeitgeschichte, 2016. 1948 S.
- Хавкин Б.Л. О научном немецком издании книги «Майн Кампф» // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 103–114.
- Nilsson M. Hitler redivivus: "Hitlers Tischgespräche" und "Monologe im Führerhauptquartier" – eine kritische Untersuchung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2019. Bd. 67 (1). S. 105–146. DOI: 10.1515/vfzg-2019-0004
- Krinsky C.H. Karl May's Western Novels and Aspects of Their Continuing Influence // *American Indian Culture and Research Journal*. 1999. Vol. 23 (2). P. 53–72. DOI: 10.17953/aicr.23.2.j2962137h0mr41t2
- Ham P. Young Hitler: The Making of the Führer. Sydney : Random House Australia, 2018. 320 p.
- Hahn M. Als Hitler das zweite Paar Schuhe lieb: Amerika, Karl May und der 'Generalplan Ost' // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 2003. Bd. 77 (1). S. 148–180. DOI: 10.1007/BF03375674
- Scholdt G. Hitler, Karl May und die Emigranten // *Jahrbuch der Karl-May-Gesellschaft*. 1984. № 14. S. 60–91.
- Töppel R. "Volk und Rasse": Hitlers Quellen auf der Spur // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2016. Bd. 64 (1). S. 1–36. DOI: 10.1515/vfzg-2016-0001
- Maser W. Adolf Hitler: Legende, Mythos, Wirklichkeit. München : W. Heyne, 1983. 637 S.
- Conradi P. Hitler's Piano Player: The Rise and Fall of Ernst Hanfstaengl, Confidant of Hitler, Ally of FDR. New York : Carroll & Graf, 2004. IX, 352 p.
- Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 76–88. DOI: 10.31857/S013038640004840-2
- Simms B. Against a 'World of Enemies': The Impact of the First World War on the Development of Hitler's Ideology // *International Affairs*. 2014. Vol. 90 (2). P. 317–336. DOI: 10.1111/1468-2346.12111
- Whitman J.Q. Hitler's American Model: The United States and the Making of Nazi Race Law. Princeton : Princeton University Press, 2017. XII, 208 p.
- Hitlers zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928, mit einem Geleitwort von H. Rothfels / Hrsg. von G.L. Weinberg. Stuttgart : DVA, 1961. 227 S.
- Junker D. The Continuity of Ambivalence: German Views of America, 1933–1945 // *Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776* / ed. by D.E. Barclay, E. Glaser-Schmidt. Washington : German Historical Institute ; Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 243–263.

30. König W. Adolf Hitler Vs. Henry Ford: the Volkswagen, the Role of America as a Model, and the Failure of a Nazi Consumer Society // *German Studies Review*. 2004. Vol. 27 (2). P. 249–268. DOI: 10.2307/1433081
31. Gassert P. “Without Concessions to Marxist or Communist Thought”: Fordism in Germany, 1923–1939 // *Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776* / ed. by D.E. Barclay, E. Glaser-Schmidt. Washington : German Historical Institute ; Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 217–242.
32. Д'Абернон Э. Посол мира : страницы из дневника / пер. с англ. М. : ОГИЗ, 1931. Т. 1. 216 с.
33. Nolan M. *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1994. XII, 324 p.

Alexei M. Betmakaev, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: btmkv@yandex.ru

US IMAGE IN HITLER'S TEXTS DURING THE WEIMAR REPUBLIC

Keywords: Germany, Weimar Republic, Adolf Hitler, the USA, country image, anti-Americanism.

This paper aims at reconstructing the image of the United States by interpreting the writing produced by Adolf Hitler from the beginning of his political career after World War I and up to his appointment as chancellor of the German Reich (1919–1933). Within the scope of the study are the role of subjective and objective factors that influenced how Hitler perceived the United States; the connections between *Führer's* notions of the USA and Nazi ideology; the similarities and differences between Hitler's image of the US and that of his contemporaries during the Weimar Republic.

The study draws on books, articles, speeches and notes by Hitler, that were published with scientific commentary in the Federal Republic of Germany, primarily by the Institute of Contemporary History in Munich, in the 1980s–2010s.

At the beginning of his political career, Hitler had a vague notion of the United States. Young Hitler learned about the US mostly from adventure stories by Karl May, which were highly popular in Germany. Intrinsically fictitious, May's novels depicted far-fetched America. Hitler also came to know the United States through conversations with Germans that had visited that country or had lived there for a long time.

Apart from the stereotypes shared by many Germans, Hitler's perception of the United States was determined by the official propaganda during the World War, when the government encouraged opinion leaders to criticize the materialistic Anglo-American civilization, opposing it to the romantic, idealistic and heroic German civilization. Jews were viewed as the main agents of influence of the US, and so anti-Americanism naturally blended with antisemitism.

Deeming the United States the “absolute enemy” of Germany, Hitler, however, admired certain aspects of the American way. He likened the American president to the Kaiser and noted that both Germany and the United States were essentially monarchies. He praised the US immigration law that denied people with health issues entry to the country and precluded access to citizenship for non-Europeans. Such “sensible” policy supposedly paved the way for American advances in economy and technology. Hitler believed that “Nordic” migrants were the bearers of the “superior culture” and the elites, whose achievements determined the success of the American people. Besides, he witnessed the spread of American cars in Europe.

The author concludes that Hitler had mixed feelings about the United States due to the contradictory attitude that the Weimar Republic displayed towards that country: enthusiastic, yet ideologically antagonistic. In line with the main doctrine, Hitler regarded the world history as that of fight and bitter rivalry between races for “Lebensraum”, thus limiting his own perception of the United States. Hitler's US image, fusing fascination with “Nordic” and scorn for “Jewish” America, was far from accurate. In essence, the United States lied at the periphery of his world scheme of things.

REFERENCES

1. Weinberg, G.L. (1964) Hitler's Image of the United States. *The American Historical Review*. 69(4). pp. 1006–1021. DOI: 10.2307/1842933
2. Compton, J. (2007) *Svastika i orel. Gitler, Ruzvel't i prichiny Vtoroy mirovoy voyny. 1933–1941* [The Swastika and the Eagle. Hitler, Roosevelt and the causes of World War II. 1933–1941]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.
3. Herzstein, R.E. (1989) *Roosevelt & Hitler: Prelude to War*. New York: Paragon House.
4. Sirois, H. (2000) *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA, 1933–1941*. Paderborn: Schöningh.
5. Fischer, K.P. (2011) *Hitler & America*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
6. Barclay, D.E. & Glaser-Schmidt, E. (eds) (1997) *Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776*. Washington: German Historical Institute; Cambridge: Cambridge University Press.
7. Diner, D. (2002) *Feindbild Amerika: Über die Beständigkeit eines Ressentiments*. Berlin: Propyläen.
8. Klautke, E. (2003) *Unbegrenzte Möglichkeiten: “Amerikanisierung” in Deutschland und Frankreich (1900–1933)*. Stuttgart: Steiner.
9. Schwaabe, C. (2003) *Antiamerikanismus: Wandlungen eines Feindbildes*. München: Fink.
10. Otto, V. (2006) *Deutsche Amerika-Bilder: Zu den Intellektuellen-Diskursen um die Moderne 1900–1950*. Paderborn: W. Fink.
11. Markovits, A.S. (2007) *Uncouth Nation: Why Europe Dislikes America*. Princeton: Princeton University Press.
12. Knappertsbusch, F. (2016) *Antiamerikanismus in Deutschland: Über die Funktion von Amerikabildern in nationalistischer und ethnozentrischer Rhetorik*. Bielefeld: Transcript.
13. Hitler, A. (1980) *Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
14. Hitler, A. (1992–2003) *Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933*. München: K.G. Saur.
15. Hitler, A. (2016) *Mein Kampf: Eine kritische Edition*. München: Institut für Zeitgeschichte.
16. Khavkin, B.L. (2016) About the scientific German edition of the book “Mein Kampf”. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 4. pp. 103–114. (In Russian).
17. Nilsson, M. (2019) Hitler redivivus: “Hitlers Tischgespräche” und “Monologe im Führerhauptquartier” – eine kritische Untersuchung. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 67(1). pp. 105–146. DOI: 10.1515/vfzg-2019-0004
18. Krinsky, C.H. (1999) Karl May's Western Novels and Aspects of Their Continuing Influence. *American Indian Culture and Research Journal*. 23(2). pp. 53–72. DOI: 10.17953/aicr.23.2.j2962137h0mr41t2
19. Ham, P. (2018) *Young Hitler: The Making of the Führer*. Sydney: Random House Australia.
20. Hahn, M. (2003) Als Hitler das zweite Paar Schuhe lieb: Amerika, Karl May und der ‚Generalplan Ost‘. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 77(1). pp. 148–180. DOI: 10.1007/BF03375674
21. Scholdt, G. (1984) Hitler, Karl May und die Emigranten. *Jahrbuch der Karl-May-Gesellschaft*. 14. pp. 60–91.
22. Töppel, R. (2016) “Volk und Rasse”: Hitlers Quellen auf der Spur. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 64(1). pp. 1–36. DOI: 10.1515/vfzg-2016-0001
23. Maser, W. (1983) *Adolf Hitler: Legende, Mythos, Wirklichkeit*. München: W. Heyne.

24. Conradi, P. (2004) *Hitler's Piano Player: The Rise and Fall of Ernst Hanfstaengl, Confidant of Hitler, Ally of FDR*. New York: Carroll & Graf.
25. Artamoshin, S.V. (2019) Ideological origins of National Socialism. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 3. pp. 76–88. (In russian). DOI: 10.31857/S013038640004840-2
26. Simms, B. (2014) Against a 'World of Enemies': The Impact of the First World War on the Development of Hitler's Ideology. *International Affairs*. 90(2). pp. 317–336. DOI: 10.1111/1468-2346.12111
27. Whitman, J.Q. (2017) *Hitler's American Model: The United States and the Making of Nazi Race Law*. Princeton: Princeton University Press.
28. Weinberg, G.L. (ed.) (1961) *Hitlers zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928, mit einem Geleitwort von H. Rothfels*. Stuttgart: DVA.
29. Junker, D. (1997) The Continuity of Ambivalence: German Views of America, 1933–1945. In: Barclay, D.E. & Glaser-Schmidt, E. (eds) (1997) *Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776*. Washington: German Historical Institute; Cambridge: Cambridge University Press. pp. 243–263.
30. König, W. (2004) Adolf Hitler Vs. Henry Ford: the Volkswagen, the Role of America as a Model, and the Failure of a Nazi Consumer Society. *German Studies Review*. 27(2). pp. 249–268. DOI: 10.2307/1433081
31. Gassert, P. (1997) "Without Concessions to Marxist or Communist Thought": Fordism in Germany, 1923–1939. In: Barclay, D.E. & Glaser-Schmidt, E. (eds) (1997) *Transatlantic Images and Perceptions: Germany and America Since 1776*. Washington: German Historical Institute; Cambridge: Cambridge University Press. pp. 217–242.
32. D'Abernon, E. (1931) *Posol mira: stranitsy iz dnevnika* [Ambassador of Peace: pages from the diary]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: OGIZ.
33. Nolan, M. (1994) *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany*. New York; Oxford: Oxford University Press.

УДК 327:94(5)

DOI: 10.17223/19988613/74/12

А.Э. Джоробекова, Е.Ф. Троицкий, С.М. Юн

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНЕШНИХ АКТОРОВ НА СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья написана в рамках выполнения государственного заказа МИД Кыргызской Республики для программно-целевого финансирования на тему «Актуальные вопросы взаимодействия Кыргызской Республики с сопредельными странами».

Рассматривается влияние, оказываемое на современные интеграционные процессы в Центральной Азии внешними акторами: Россией, Китаем, Европейским союзом, США, Японией и Турцией. Анализируются основные внешнеполитические интересы и цели внешних акторов в регионе и соответствующие предпочтения в отношении форматов многостороннего взаимодействия в регионе, их политика в отношении интеграционных процессов в регионе (направления деятельности, задачи, используемые инструменты). Дается сравнительная оценка степени и характера влияния внешних акторов на интеграцию в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, интеграция, Россия, Китай, Евросоюз, США, Япония, Турция.

Введение

Центральноазиатская региональная подсистема международных отношений находится в процессе формирования. Структурный каркас системы – полярность и социальная конструкция – остается несформировавшимся. Соответственно, несформированной остается и институционально-правовая надстройка системы: Центральная Азия является единственным регионом мира, где отсутствует региональная межправительственная организация комплексного сотрудничества. Незрелость региональной подсистемы обуславливает, в частности, высокий уровень проницаемости региональной среды для внешних воздействий. Цель исследования – определить характер и степень влияния ключевых внерегиональных акторов на направление и динамику интеграционных процессов в Центральной Азии.

В статье рассматривается влияние, оказываемое на региональные интеграционные процессы Россией, Китаем, Европейским союзом, США, Японией и Турцией. Для анализа взяты политика великих держав (определены по критериям, предложенным Б. Бузаном и О. Вэвером в фундаментальной работе «Регионы и державы: структура международной безопасности» [1. Р. 34–37]) и политика Турции, проявляющей высокую активность на центральноазиатском направлении. Теоретико-методологической основой анализа являются теория региональных комплексов безопасности и либеральный межправительственный подход к объяснению процессов межгосударственной интеграции [2].

Работа опирается на анализ широкого круга источников: официальных документов, выступлений, заявлений, интервью должностных лиц, новостных публикаций, – и значительного объема литературы, прежде всего экспертно-аналитических публикаций.

Россия

Интересы России в Центральной Азии имеют приоритетный характер, являются комплексными и вклю-

чают вопросы безопасности, политико-стратегические, экономические, гуманитарные аспекты.

Центральноазиатский регион воспринимается российскими властями как некое «естественное» продолжение зоны безопасности России. Во-первых, после распада СССР на территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана остались многочисленные и важные с точки зрения обороноспособности страны военные объекты, которые Россия продолжает использовать. Среди них – даже элементы систем связи и предупреждения о ракетном нападении российских сил ядерного сдерживания [3]. Приоритетной для Москвы остается задача сохранения в долгосрочной перспективе права России на использование данных объектов на приемлемых для себя организационно-правовых и финансовых условиях. Во-вторых, Центральная Азия рассматривается как зона, из которой или через которую исходят серьезные трансграничные угрозы безопасности России: наркотрафик и связанный с радикальным политическим исламизмом терроризм. Особое значение в этом контексте имеет афганский фактор.

Российские власти также указывают на сохранение в странах региона, несмотря на большую миграцию, многомиллионного русскоязычного населения как фактор активности России. С учетом демографического кризиса в Российской Федерации власти заинтересованы в дальнейшем переезде русскоязычных в Россию, однако стремятся к обеспечению контролируемости этого процесса, предотвращению лавинообразной миграции вследствие социально-политической дестабилизации региона. В целом для борьбы с трансграничными угрозами в Центральной Азии Москвой ставятся такие цели политики в регионе, как сохранение социально-политической стабильности светских режимов, укрепление потенциала местных силовых органов, расширение присутствия Российской армии, пограничных сил и спецслужб, содействие экономическому развитию стран Центральной Азии.

Политико-стратегические мотивы Москвы в регионе определяются тем, что российская элита не без

оснований рассматривает Россию как великую державу, как один из полюсов желаемого многополярного мира, в котором решения принимались бы на основе компромиссов и консенсуса между всеми полюсами влияния, а не являлись результатом диктата стран Запада. В этом смысле политическое лидерство (и ответственность) России, в том числе в Центральноазиатском регионе, должно как демонстрировать ее международно-политические способности великой державы, так и мобилизовать сторонников российских подходов в международных отношениях, особенно на фоне стагнации, а затем и конфронтации в российско-американских отношениях.

Экономические интересы России в регионе носят вторичный характер, но тоже имеют значение. Российскому бизнесу традиционно интересен крупный рынок Казахстана – один из ключевых рынков для так называемого «несырьевого неэнергетического экспорта» России [4]. В последние годы заметно вырос интерес к открывшемуся при президенте Ш.М. Мирзиёеве и активно реформируемому рынку Узбекистана. С 2000-х гг. на фоне экономического роста и демографического кризиса в России трудовая миграция из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана стала заметным фактором экономического развития России и важным аспектом ее отношений со странами региона.

Значимость, комплексность интересов России в Центральной Азии объясняют ее высокую дипломатическую активность и использование широкого круга и объема внешнеполитических ресурсов в регионе, которые должны обеспечить привилегированный характер отношений со странами. Политика выстраивания тесных двусторонних отношений дополняется курсом на укрепление и расширение пророссийских интеграционных проектов, нацеленных на постсоветские страны: военно-политического союза в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ; участники – Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения, Белоруссия), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Киргизии, Армении и Белоруссии.

Власти Таджикистана вели предварительные, неофициальные переговоры с Москвой о возможности вступления в ЕАЭС, но стороны не договорились о «цене», т.е. об условиях и объемах помощи Таджикистану. Узбекистан дважды был участником ОДКБ, последний раз покинул блок в 2012 г., но сохранил двусторонний военно-политический союз с Россией. Нынешние власти Узбекистана отрицают планы очередного вступления в ОДКБ, однако активизировали военное сотрудничество, включая совместные военные учения, с Россией и другими странами ОДКБ на фоне прихода талибов к власти в Афганистане [5]. В декабре 2020 г. Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС, вопрос о дальнейшем сближении с ЕАЭС (интеграция с ЕАЭС через создание зоны свободной торговли или членство в ЕАЭС) находится в стадии обсуждения. Туркменистан, провозгласив политику «позитивного нейтралитета», продолжает дистанцироваться от любых интеграционных форматов, предпочитая развивать связи на двустороннем уровне.

В программной статье президента В. Путина, опубликованной в газете «Известия» 3 октября 2011 г., Евразийский союз трактуется как «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [6]. Позднее, в контексте развития Евразийского экономического союза и его связей с третьими странами и региональными объединениями, российским президентом в 2015–2016 гг. был предложен концепт «Большой Евразии», или «Большого Евразийского партнерства», как более широкого интеграционного контура с участием членов ЕАЭС, других стран СНГ, стран Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, в перспективе – Европейского союза. Такое партнерство понимается как «сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договоренностях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий» [7]. Встречаемый в научной литературе термин «Малая Евразия» в этом контексте можно трактовать как систему постсоветских интеграционных связей стран СНГ с Евразийским экономическим союзом в роли интеграционного ядра.

Альтернативные проекты экономической интеграции, предполагающие участие стран Центральной Азии, воспринимаются Россией негативно и активно тормозятся. В частности, российской дипломатией были отбиты попытки Китая создать зону свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Взамен развивается система интеграционных связей с третьими странами в рамках ЕАЭС. Уже подписаны договоры о зоне свободной торговли стран ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, ведутся переговоры с Египтом, Израилем, Ираном, Индией, работают совместные исследовательские группы по изучению целесообразности заключения соглашений о свободной торговле с Индонезией и Монголией [8, 9].

В долгосрочном плане Россия продолжает курс на укрепление российскоцентричных интеграционных объединений с участием стран Центральной Азии в качестве механизмов регулирования отношений как между Россией и странами региона, так и между этими странами и другими внерегиональными игроками.

Китай

Для Китая соседний Центральноазиатский регион имеет большое, все более возрастающее значение в сферах безопасности, экономики и внешней политики.

Во-первых, страны Центральной Азии традиционно интересны для Пекина с точки зрения нейтрализации так называемых «трех зол»: сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма, которые, по мнению Пекина, подрывают социально-политическую стабильность в соседнем для стран региона Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая. Для китайских властей важна как широкая дипломатическая поддержка

в противовес критике стран Запада за нарушение прав человека в СУАР, так и практическое взаимодействие спецслужб Китая и стран Центральной Азии для борьбы с группировками, выступающими против официальной политики Пекина в СУАР.

Во-вторых, значительный интерес для поддержки экономики Китая, в особенности экономики СУАР, представляет рынок стран Центральной Азии: как источник природных ресурсов (прежде всего нефти и газа, но не только); как рынок сбыта китайских товаров и услуг, включая экспорт китайских технологий и рабочей силы; как транзитная логистическая зона для сухопутных поставок китайских товаров через Центральную Азию в Белоруссию, Украину, страны Закавказья, Европы, Средиземноморья, Ближнего Востока. Приоритетный характер имеют задачи обеспечения доступа для китайских инвесторов в проекты добычи природных ресурсов, обеспечения благоприятных правовых, организационных условий для китайского экспорта, согласования на максимально выгодных для Китая финансовых условиях и реализации различных инфраструктурных проектов, связывающих СУАР, страны региона и другие рынки.

В-третьих, в политико-стратегическом плане, на фоне растущей конфронтации Китая с США, для Пекина, как и для Москвы, принципиальное значение имеет превращение соседней Центральной Азии в регион, свободный от «дестабилизирующего» воздействия Вашингтона. Это включает неприятие размещения американских военных баз или иного военного присутствия США в регионе, вмешательства во внутриполитические процессы в странах Центральной Азии, навязывания проамериканских внешнеполитических установок странам региона по разным международным вопросам.

С учетом интересов России в Центральной Азии и значения российского вектора для китайской дипломатии для Пекина важным вопросом является согласование взаимных интересов с Москвой. Хотя в продвижении своих интересов в Центральной Азии Китай делает ставку на двусторонний уровень отношений (или с большим количеством участников, но под конкретный проект, например строительство трубопроводов), Пекин стал инициатором создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), включающей Россию и четыре из пяти стран региона. По мере развития ШОС стала организацией с компетенцией развивать сотрудничество (без союзнических обязательств) в сферах политики и безопасности.

Так как китайская экономика обладает большими конкурентными преимуществами, интеграция в форме зоны свободной торговли стала значимым инструментом китайской экономической дипломатии в разных регионах мира [10]. Китайская дипломатия также предприняла попытку выстроить через ШОС интеграционные отношения со странами Центральной Азии в области экономики, однако инициатива Пекина создать зону свободной торговли ШОС не нашла поддержки России, которой не нужен еще один инструмент экономической экспансии Китая в Центральной Азии. Также не нашло поддержки России предложение Ки-

тая учредить в рамках ШОС Фонд развития. В свою очередь, Китай не принял российское предложение создать Энергетический клуб ШОС.

Ограниченная компетенция ШОС в области экономики будет развиваться как минимум в двух направлениях. Во-первых, расширяется кооперация стран ШОС в транспортной сфере. В январе 2017 г. вступило в силу Соглашение стран ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. В 2019 г. была утверждена концепция взаимодействия железнодорожных администраций государств – членов ШОС [11]. Во-вторых, страны ШОС обсуждают механизмы содействия взаимной торговле по таким направлениям, как упрощение таможенных процедур, сокращение таможенных формальностей, связанных с импортом, экспортом и транзитом товаров, повышение транспарентности и развитие сотрудничества пограничных органов, в том числе таможи, ускорение перемещения, выпуска и таможенной очистки товаров [12].

В целом в последние годы интерес КНР к ШОС заметно падает. Об этом свидетельствует расширение состава ШОС, которое неизбежно ведет к «разрыхлению» организации и снижению ее эффективности. В 2018 г. в ШОС вошли Индия и Пакистан, т.е. страны, имеющие острые двусторонние противоречия. Кроме того, проблемными являются отношения между Китаем и Индией. В 2021 г. было принято решение о включении Ирана, который находится в острой конфронтации с США.

Новой концептуальной рамкой китайской политики в Центральной Азии стала озвученная в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь», нацеленная на дальнейшее развитие в Евразии экономических коридоров (транспортная инфраструктура, упрощенные условия торговли и инвестиций и т.п.) с участием и в интересах Китая. Данная инициатива предполагает не создание какой-либо большой евразийской зоны свободной торговли или иного, более глубокого, формата интеграции, а гибкий подход в отношениях со странами и объединениями с опорой на дополнительные финансовые инструменты, инициированные Китаем (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути). Центральноазиатский регион видится одним из ключевых звеньев экономических коридоров «Пояса и пути».

После инициирования «Пояса и пути» и «Большого Евразийского партнерства» неизбежно встал вопрос о возможности, механизмах согласования между Россией и Китаем реализации данных проектов, включая трек отношений ЕАЭС–Китай. В октябре 2019 г. вступило в силу соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Данное соглашение не является договором о режиме свободной торговли, в отличие от уже подписанных или проектируемых соглашений ЕАЭС с другими странами. Вместо этого оно нацелено на упрощение экономического сотрудничества и охватывает вопросы таможенного сотрудничества, технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер, мер торговой защиты, вопросы электронной торговли, интеллектуальной собственности, конкуренции и государственных закупок, а также отраслевого сотрудничества [13].

Европейский союз

В силу географической удаленности, культурно-исторических отличий, скромной роли в мировой экономике и других факторов страны Центральноазиатского региона стоят последними в ряду приоритетов Европейского союза среди бывших советских республик. Тем не менее Центральная Азия уже давно является объектом общей политики Евросоюза с учетом следующих интересов стран ЕС.

Во-первых, экономические интересы ЕС сфокусированы на обеспечении доступа европейских компаний к добыче энергоресурсов стран региона и диверсификации путей их экспорта на рынок стран ЕС, минуя территорию России. После создания нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, открытого для экспорта центральноазиатской нефти, главной целью Евросоюза стало строительство транскаспийского газопровода, который позволил бы экспортировать туркменский газ из региона через Южный Кавказ и Турцию в Европу. Определенный интерес для европейских экспортеров и инвесторов также представляют другие природные ресурсы региона (уран, редкоземельные металлы, золото), как направления экспорта товаров и услуг – емкий рынок Казахстана и реформируемый рынок Узбекистана.

Во-вторых, в области безопасности Евросоюз заинтересован в укреплении внутренних и международных механизмов противодействия поставкам наркотиков из Афганистана транзитом через Центральную Азию, а также в поддержке приоритетов западной коалиции в отношении Афганистана. Значение имеют и задачи сдерживания на территории стран региона других транснациональных угроз (радикальный исламизм, терроризм, массовая нерегулируемая миграция и т.д.), но не в такой степени, как в других «горячих» регионах мира.

Стратегически же в интересах ЕС поддержание политической автономии стран Центральной Азии по отношению к внерегиональным державам – потенциальным гегемонам (Россия, Китай). Такая политическая автономия считается залогом обеспечения интересов ЕС в области экономики, безопасности и поддержки позиции ЕС, стран Запада в целом, по другим международным вопросам. С другой стороны, развитие европейского вектора международных связей стран Центральной Азии рассматривается как условие обеспечения их внешнеполитической самостоятельности, экономического развития, поддержания социально-политической стабильности, сохранения светских режимов, внедрения международных и европейских норм регулирования в различных областях.

Как известно, Европейский союз является не военно-политическим блоком, но глубоким интеграционным объединением, которое проводит дифференцированную политику интеграции с различными странами и объединениями. Например, постсоветским государствам – участникам «Восточного партнерства» в обмен на проевропейскую ориентацию во внешних связях и инкорпорирование еэсовского законодательства в национальное были предложены форматы зоны свободной торговли, безвизового режима для краткосроч-

ных поездок. В отношении же стран Центральной Азии Евросоюз не считает возможным распространение интеграционных механизмов взаимодействия. Вместо этого ЕС всегда делал ставку на поддержку внутрирегиональной и межрегиональной (с участием других соседних стран, но не России) кооперации и – потенциально – интеграции в различных областях через программы технической, экономической помощи и дипломатию (проекты и программы ТРАСЕКА, ИНОГЕЙТ, БОМКА, КАДАП, различные форматы в сферах водопользования и энергетики).

Из-за сложностей в отношениях между странами Центральной Азии региональная компонента Евросоюза имела ограниченное влияние и не подстегнула экономическую интеграцию внутри региона. Потенциально Казахстан, с учетом размеров экономики, уровня развития законодательства и институтов, мог бы стать участником зоны свободной торговли с ЕС, но Астана вступила в Таможенный, а затем Евразийский экономический союз [14]. Страны ЕС отказались признавать ЕАЭС в качестве партнера, позднее между Европейской комиссией и Евразийской экономической комиссией был налажен активный диалог только на техническом уровне. В отношении ШОС, ОДКБ Евросоюз продолжает занимать позицию наблюдателя.

Региональная компонента текущей политики Евросоюза в Центральной Азии на институциональном уровне включает ежегодные встречи министров иностранных дел в формате ЕС–Центральная Азия, Диалог высокого уровня ЕС–Центральная Азия по вопросам политики и безопасности на уровне замминистров иностранных дел. В соответствии с действующей стратегией ЕС в Центральной Азии, принятой странами ЕС в июне 2019 г. [15], приоритетами региональной повестки Евросоюза для региона являются следующие аспекты:

1. Поддержка центральноазиатских кооперационных механизмов в сферах окружающей среды, водных ресурсов, изменения климата, энергетики, борьбы с наркотрафиком, управления границами, упрощения условий торговли и др. Евросоюз очень позитивно оценивает запуск с 2018 г. формата саммитов лидеров стран Центральной Азии.

2. Политика интеграции Афганистана в диалог и региональные программы, реализуемые совместно Евросоюзом и странами Центральной Азии, поддержки трехсторонних проектов ЕС с участием Афганистана и стран региона. Например, Европейский инвестиционный банк, автономное агентство ЕС, выделил 140 млн евро на проект строительства сети для экспорта электрической энергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан (проект CASA-1000) [16]. Захват власти в Афганистане движением «Талибан», безусловно, делает крайне проблематичными дальнейшие усилия в этом направлении.

3. Обеспечение интеграции инфраструктуры Центральноазиатского региона в сферах транспорта, энергетики, цифровых сетей с инфраструктурой Европы в рамках еэсовской политики «связанности Европы и Азии» (Euro-Asian connectivity). В частности, ставится задача связать трансевропейские транспортные коридоры

ры с сетью в Центральной Азии через Южный Кавказ и другие региональные сети. Данная задача понимается как часть усилий по сопряжению трансевропейских транспортных коридоров в том числе с китайской инициативой «Пояса и пути» и созданию сухопутных транспортных связей по линиям Запад–Восток и Север–Юг, прежде всего на основе работы программы «Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество», которая объединяет все страны Центральной Азии, Грузию, Азербайджан, Монголию, Афганистан, Пакистан, Китай [17].

США

Американская политика в отношении интеграционных процессов в Центральной Азии является отражением стратегической заинтересованности США в отрыве региона от России и Китая – ключевых соперников США на международной арене. Основными элементами этой политики являются: противодействие инициативе «Один пояс, один путь»; резко негативная оценка Евразийского экономического союза, противодействие вступлению Узбекистана в ЕАЭС; игнорирование попыток Организации Договора о коллективной безопасности инициировать диалог с НАТО, подрыв потенциала ОДКБ через развитие двусторонних военных и военно-технических связей со странами Центральной Азии, прежде всего Казахстаном и Узбекистаном; поддержка проекта «Лазуритовый коридор», призванного перенаправить торговые потоки из Центральной Азии в сторону Турции; поддержка региональной активности Индии, Японии, арабских государств Персидского залива, направленная на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей центральноазиатских государств, ослабление их связей с Россией и Китаем; развитие формата «С5 + 1» (создан в 2015 г.), в частности через запущенную в январе 2021 г. США, Казахстаном и Узбекистаном «Центральноазиатскую инвестиционную платформу».

До захвата движением «Талибан» власти в Афганистане в августе 2021 г. постоянным элементом политики США в Центральной Азии был акцент на усилении взаимосвязанности Центральной и Южной Азии и роли Афганистана как «моста», соединяющего два региона. Этот элемент появился в американской политике в апреле 2006 г. в качестве реакции на выдворение американской военной базы из Узбекистана и разворот Ташкента к активному сотрудничеству с Россией и Китаем; его теоретическое, историческое и стратегическое обоснование было дано в концепции «Большой Центральной Азии», разработанной ведущим американским специалистом по региону Ф. Старром [18]. В 2006–2008 гг. в американских официальных документах даже фигурировал тезис об «интеграции» Центральной и Южной Азии, впоследствии замененный на более скромный термин «взаимосвязанность» [19, 20]. В рамках курса на усиление «взаимосвязанности» Центральной и Южной Азии США поддержали проект CASA-1000, профинансировали строительство автомобильного моста через реку Пяндж, способствовали строительству железной дороги Хайратон–Мазари–

Шариф, поддерживали проект газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия.

Администрация Дж. Байдена пока не сформулировала новых программных установок в отношении Центральной Азии. Большинство экспертов полагают, что будет продолжен курс предыдущей администрации, и содержание немногочисленных официальных заявлений представителей новой администрации, посвященных центральноазиатской политике Вашингтона, подтверждает эту оценку. Маловероятно, что будет пересмотрен программный документ «Стратегия США в Центральной Азии на 2019–2025 гг.» [21]. Безусловно, будут сохранены формат «С5 + 1», встречи в рамках Соглашения о торговле и инвестициях 2004 г., двусторонние диалоговые механизмы, запущенные в 2009 г.

Тем не менее, по нашей оценке, следует ожидать ряда существенных подвижек в политике США в регионе, связанных с расстановкой приоритетов в конфронтации с Россией и Китаем. Как известно, администрация Байдена определила Китай в качестве главного противника США и сделала ряд шагов, которые можно проинтерпретировать как проявление стремления прекратить наращивание напряженности в американо-российских отношениях. Умножилось число публикаций, исходящих от американских аналитиков, в которых администрации рекомендуется сделать акцент на подрыве российско-китайского партнерства через «подкуп» России набором уступок и «бонусов». Однако в реальности следует ориентироваться на развитие событий в следующем ключе: попытка подрыва российско-китайского партнерства через «подкуп» России окажется несостоятельной; политика усиления давления на КНР не принесет осязаемых результатов, но обернется заметными экономическими издержками; в этой связи администрация США, которой к тому же на фоне «афганского провала» понадобятся скорые внешнеполитические успехи, примет решение сделать Россию как более слабое звено коалиции «Москва–Пекин» направлением главного удара. Дестабилизация России и лишение ее внешнеполитических позиций в ключевых для российской безопасности регионах будут рассматриваться как «ключ» к демонтажу всей связки «России–КНР».

Соответственно, можно ожидать активизации политики США в Центральной Азии, направленной на подрыв позиций России в регионе. Будут предприняты следующие шаги: интенсификация отношений с Казахстаном и Узбекистаном, для которой будет вброшена и начнет реализовываться идея об организации первого в истории визита в регион президента США; усиление поддержки националистических сил в Казахстане, которым будет рекомендовано переключиться с преимущественно антикитайской на преимущественно антироссийскую тематику; активное раскручивание в казахстанских СМИ и соцсетях тематики «убыточности» для Казахстана членства в ЕАЭС; усиление поддержки проамериканской фракции в руководстве Узбекистана, наращивание давления на президента Ш.М. Мирзиёева с целью отказаться от вступления Узбекистана в ЕАЭС, увеличение финансовых вливаний в Узбекистан; подрыв политической стабильности

в Кыргызстане через делегитимизацию президентства С.Н. Жапарова (показательно, что Д. Лу, назначенный в госдепартаменте главой Управления по Южной и Центральной Азии, будучи послом в Бишкеке, в декабре 2020 г. публично заявил о существовании в Кыргызстане «преступной империи» [22]); предложение посреднических услуг в разрешении противоречий между странами Центральной Азии; попытка активного вовлечения в центральноазиатскую политику Индии как проводника американских интересов, несущая для США дополнительное преимущество в виде подрыва российско-индийских отношений и ШОС; давление на Японию с целью побудить Токио увеличить финансовую помощь странам региона, расходуемую на курируемые американской стороной проекты.

Следует подчеркнуть, что администрация США поддерживает рабочие контакты с движением «Талибан», и тезис об усилении «взаимосвязанности» Центральной и Южной Азии, вероятно, будет вновь использован в американской риторике и практике. Таким образом, влияние США на интеграционные процессы в Центральной Азии является негативным. Вашингтон подрывает существующие интеграционные форматы, предлагая взамен небольшие, точечные проекты и не подкрепленный реальными ресурсами и не реализуемый в условиях войны в Афганистане мегапроект «Большой Центральной Азии». Хотя поспешный вывод американских войск из Афганистана и крах правительства А. Гани снизит влияние США в регионе, американских ресурсов вполне достаточно для оказания дестабилизирующего воздействия на ситуацию в Центральной Азии, в том числе через торможение и подрыв реализуемых в регионе интеграционных проектов.

Япония

В 2004 г. Япония предложила центральноазиатским странам дополнить двусторонние отношения многосторонним форматом, получившим название «Диалог “Центральная Азия плюс Япония”». В августе 2004 г., после консультаций, проведенных министром иностранных дел Японии Й. Кавагучи в столицах стран региона, в Астане состоялась первая встреча нового форума на уровне глав внешнеполитических ведомств. По замыслу японской дипломатии, многосторонний диалог был призван прежде всего содействовать развитию в Центральной Азии внутрирегионального сотрудничества по модели, реализуемой странами Юго-Восточной Азии; при этом Токио подчеркнул, что Япония не преследует в регионе «эгоистичных целей» и ориентируется на долгосрочные, достижимые в перспективе 10–20 лет, результаты [23. Р. 143].

Диалог «Центральная Азия плюс Япония» был продолжен в ходе серии совещаний старших должностных лиц министерств иностранных дел стран-участниц и второй министерской встречи, проведенной в Токио в июне 2006 г. Итогом токийской встречи стало принятие Плана действий, предусматривающего, что стороны будут развивать политический диалог, способствовать расширению экономического сотрудничества, налажат контакты между экспертными сообществами

(«интеллектуальный диалог»), культурный и образовательный обмен. Основной раздел документа был посвящен развитию в Центральной Азии, при содействии Японии, внутрирегионального сотрудничества по широкому спектру направлений, в том числе в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, в социальной, торгово-инвестиционной, водно-энергетической, транспортной и экологической сферах, предотвращении природных катастроф. Японская сторона подчеркнула, что Токио намерен способствовать подключению к региональному сотрудничеству Афганистана и Пакистана, выразив, таким образом, солидарность с американской стратегией форсированного развития связей между странами Центральной и Южной Азии [24].

В последующие годы диалог «Центральная Азия плюс Япония» начал утрачивать интенсивность: явная неготовность центральноазиатских стран к внутрирегиональной кооперации лишала японскую дипломатию возможности сыграть взятую на себя роль «катализатора» этого процесса. Третья министерская встреча (впервые с участием Туркменистана) состоялась только в 2010 г., последующие – в 2012, 2014, 2017, 2019 и 2020 гг.

В целом японской дипломатии удалось поставить на прочную основу регулярный политический диалог с центральноазиатскими странами и «заработать» благоприятную репутацию в регионе, подтверждаемую результатами социологических исследований. Япония признается экспертами страной, успешно проецирующей в Центральную Азию «мягкую силу» через реализацию проектов образовательного, научного, культурного сотрудничества со странами региона, взаимодействие в сферах экологии, рационального использования водных ресурсов, развития сельского хозяйства. В то же время Япония долгое время намеренно проводила линию на «деполитизацию» отношений со странами Центральной Азии, стратегически оставаясь в тени американской дипломатии. Переход к более активной внешней политике в Центральной Азии, начавшийся в последние годы в рамках общего пересмотра внешнеполитического курса Токио, потребует широкого использования Японией экономических и традиционных политических инструментов воздействия, создания альянсов и коалиций. Наиболее вероятным представляется «проецирование» на Центральную Азию модели трехстороннего взаимодействия, реализуемой Японией, США и Индией в Юго-Восточной Азии.

Турция

Во второй половине 2000-х гг., после нескольких лет временного ослабления интереса к Центральной Азии, турецкое руководство вновь заговорило о создании «Тюркского Содружества», призванного способствовать экономическому и культурному развитию тюркских народов, содействовать миру и стабильности и более эффективно отстаивать интересы тюркских государств в международных организациях. Создание в 2009 г. Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) явилось своего рода заявкой Анкары на реализацию собственного интеграционного про-

екта в Центральной Азии. Недавний саммит ССТГ, состоявшийся в марте 2021 г. в формате видеоконференции, подтвердил серьезность турецких намерений: в частности, были достигнуты договоренности о переименовании ССТГ и его трансформации в полноформатную международную организацию, о создании Тюркского интеграционно-инвестиционного фонда и образовательного фонда «Великие тюрки» [25].

Турецкий интеграционный проект опирается на ряд весомых предпосылок: общее культурное наследие и языковая близость Турции и тюркоязычных государств региона; образ Турции как в целом экономически успешного, современного государства, сочетающего традицию и модернизацию; значительный военный потенциал Турции; активность турецкого бизнеса в странах Центральной Азии, высокий уровень турецко-казахстанских отношений, интенсивно развивающиеся в последние годы турецко-узбекистанские и турецко-туркменские отношения; высокая плотность гуманитарных, образовательных, человеческих контактов между Турцией и тюркоязычными государствами; уже достигнутый исключительно высокий уровень взаимодействия с Азербайджаном (при явной лидирующей роли Анкары); успешное участие Турции в карабахской войне 2020 г., повысившее авторитет Анкары в тюркском мире и открывшее реальную перспективу открытия транспортного коридора в Турцию через Армению и Нахичевань [26]; успешное посредничество Анкары в разрешении многолетнего туркменско-азербайджанского спора о принадлежности каспийского нефтяного месторождения «Сердар» («Достлук»); наличие в политических, экономических, культурных элитах стран региона значительных протурецких лобби.

В то же время турецкий интеграционный проект имеет ряд существенных ограничителей, которые пока перевешивают сильные стороны и препятствуют его реализации: экономический кризис в Турции, нарастание социально-политических проблем в стране, грозящих дестабилизировать правящий режим; проявление в турецкой политике неоосманистских тенденций, вызывающих неприятие в странах Центральной Азии; настроенное отношение к пантюркистским проектам русскоязычного населения Казахстана; распыление в целом весьма ограниченных ресурсов Турции на целый ряд направлений внешней политики, нарастание напряженности в отношениях Турции с соседями и ведущими союзниками (США и ключевыми странами ЕС); ухудшение турецко-китайских отношений, в том

числе в связи с критикой Анкарой действий китайского руководства в Синьцзяне; неровные, имеющие значительный конфликтный потенциал турецко-российские отношения.

Турецкий интеграционный проект, слабо совместимый с интеграцией в рамках ЕАЭС и идущий вразрез с интересами Китая, будет ограничиваться в ближайшей перспективе сферами политической риторики и гуманитарного взаимодействия. Однако турецкий проект ориентирован на долгосрочную перспективу: стагнация либо неудача евразийской интеграции и (или) нарастание противоречий между странами Центральной Азии и Китаем повысят его конкурентоспособность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Степень влияния России на интеграционные процессы в Центральной Азии является высокой, характер влияния – углубление интеграции в ЕАЭС, расширение ЕАЭС, консолидация ОДКБ. Степень влияния Китая является высокой, характер влияния – фактическое втягивание стран региона в сферу экономического притяжения Китая. Степени влияния ЕС и Японии являются соответственно низкой и крайне низкой, характер влияния этих акторов – стимулирование внутрирегиональных интеграционных импульсов.

Степень влияния США является средней, характер влияния – подрыв российскоцентричных проектов и противодействие расширению влияния Китая. Степень влияния Турции является средней, с тенденцией к повышению, характер влияния – формирование Тюркского Союза.

В целом в Центральной Азии разворачивается конкуренция интеграционных проектов, инициированных внерегиональными акторами. Степень взаимодополнительности интеграционных проектов остается, несмотря на вступление в силу соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, низкой. Конкуренция интеграционных проектов создает угрозу «гашения» интеграционных импульсов и стагнации регионального экономического и политического сотрудничества. Однако конкурентная ситуация создает и пространство возможностей для внесения в повестку дня межгосударственных отношений в Центральной Азии интеграционных проектов, разработанных в самих странах региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge et al. : Cambridge University Press, 2003. 564 s.
2. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 s.
3. Российская военная инфраструктура в Центральной Азии // Коммерсантъ Власть. 2017. 17 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Итоги экспорта России 2020 // Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/upload/Анализ_экспорта_2020.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
5. Россия, Таджикистан и Узбекистан завершили учения на границе с Афганистаном // Коммерсантъ. 2021. 10 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4936931> (дата обращения: 05.11.2021).
6. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 05.11.2021).

8. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 05.11.2021).
9. Статус по переговорным трекам о свободной торговле // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Статус-по-переговорным-трекам-о-свободной-торговле.aspx> (дата обращения: 05.11.2021).
10. China FTA network // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed: 05.11.2021).
11. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/activities/69/92> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Совместное заявление глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по упрощению процедур торговли // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectsc.org/load/442983/> (дата обращения: 06.11.2021).
13. Обзор ключевых положений Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Брошюра%20КНР.pdf (дата обращения: 06.11.2021).
14. Blockmans S., Sahajpal M. The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit? // Center for European Policy Studies. URL: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (accessed: 06.11.2021).
15. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Brussels, 15.05.2019 // European Union External Action Service. URL: http://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 06.11.2021).
16. Financed projects // European Investment Bank. URL: <https://www.eib.org/en/projects/loans/index.htm?q=&sortColumn=loanParts.loanPartStatus.statusDate&sortDir=desc&pageNumber=0&itemPerPage=25&pageable=true&language=EN&defaultLanguage=EN&loanPartYearFrom=2007&loanPartYearTo=2021&orCountries.region=true&countries=KZ&countries=KG&countries=TJ&countries=UZ&orCountries=true&orSectors=true> (accessed: 06.11.2021).
17. CAREC Program // Central Asia Regional Economic Cooperation Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (accessed: 06.11.2021).
18. Starr S.F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (accessed: 06.11.2021).
19. Boucher R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia, April 26, 2006. URL: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa27230.000/hfa27230_of.htm (accessed: 06.11.2021).
20. Blake R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, September 9, 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/128753.htm> (accessed: 06.11.2021).
21. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed: 06.11.2021).
22. Ambassador Donald Lu's Remarks at 2020 Internews Streamline Awards // US Embassy in the Kyrgyz Republic. URL: <https://kg.usembassy.gov/ambassador-donald-lus-remarks-at-the-2020-internews-streamline-awards/> (accessed: 06.11.2021).
23. Len Ch. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2005. № 3. P. 127-149.
24. Aso T. Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (accessed: 06.11.2021).
25. Казахстан выделит 50 грантов для обучения молодежи из тюркских стран // Власть : интернет-журнал. URL: <https://vlast.kz/novosti/44386-kazahstan-vydelit-50-grantov-dla-obuceniya-molodezi-iz-turkskih-stran.html> (дата обращения: 06.11.2021).
26. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Администрация Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 06.11.2021).

Ainur E. Dzhorobekova, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic n.a. K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: donzhora1967@gmail.com

Evgeny F. Troitskiy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft655565@yahoo.com

Sergey M. Yun, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

THE IMPACT OF EXTERNAL ACTORS ON ONGOING INTEGRATION PROCESSES IN CENTRAL ASIA

Keywords: Central Asia, integration, Russia, China, European Union, USA, Japan, Turke.

The objective of the research is to determine the nature and degree of influence of key extra-regional actors on the direction and dynamics of integration processes in Central Asia. The paper discusses the influence exerted on regional integration processes by Russia, China, the European Union, the USA, Japan and Turkey. For the analysis, we have taken the policy of the great powers (defined according to the criteria proposed by B. Buzan and O. Waever in the fundamental monograph "Regions and Powers: The Structure of International Security") and the policy of Turkey, which is highly active in Central Asia. The theoretical and methodological basis of the analysis is the theory of regional security complexes and the liberal intergovernmental approach to explaining the processes of interstate integration. The study is based on the analysis of a wide range of sources: official documents, speeches, statements, interviews with officials, news publications – and a significant amount of literature, primarily expert and analytical publications.

The research reached the following conclusions. The degree of Russia's influence on the integration processes in Central Asia is high, the nature of the influence is the deepening of integration in the Eurasian Economic Union (EAEU), the expansion of the EAEU, and the consolidation of the Collective Security Treaty Organization. The degree of China's influence is high, the nature of the influence is the actual pulling of the countries of the region into the sphere of China's economic attraction. China's attempts to initiate integration within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) have failed, Beijing's interest in the SCO has been declining in recent years, but the Central Asian region is seen as one of the key links in the Belt and Road economic corridors from China to Europe, the Mediterranean, South Asia, and the Middle East.

The degrees of influence of the EU and Japan are, respectively, low and extremely low, the nature of the influence of these actors is to stimulate intra-regional integration impulses. The degree of US influence is medium, the nature of the influence is undermining Russian-centric projects and counteracting the expansion of China's influence. The degree of Turkey's influence is average, with an upward trend, the nature of the influence is the formation of the Turkic Union.

In general, competition is developing in Central Asia for integration projects initiated by non-regional actors. The degree of complementarity of integration projects remains low, despite the entry into force of the agreement on trade and economic cooperation between the EAEU and China. Competition of integration projects creates the threat of "extinguishing" integration impulses and stagnation of regional economic and political cooperation. However, the competitive situation also creates a space of opportunities for introducing integration projects developed in the countries of the region into the agenda of interstate relations in Central Asia.

REFERENCES

1. Buzan, B. & Waever, O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge et al.: Cambridge University Press.
2. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
3. *Kommersant* "Vlast". (2017) Rossiyskaya voennaya infrastruktura v Tsentral'noy Azii [Russian military infrastructure in Central Asia]. 17th June. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (Accessed: 5th November 2021).
4. The Russian Export Center. (2020) *Itogi eksporta Rossii 2020* [Results of Russian exports in 2020]. [Online] Available from: https://www.exportcenter.ru/upload/Analiz_eksporta_2020.pdf (Accessed: 5th November 2021).
5. *Kommersant*". (2021) Rossiya, Tadjikistan i Uzbekistan zavershili ucheniya na granitse s Afganistanom [Russia, Tajikistan, and Uzbekistan have completed exercises on the border with Afghanistan]. 10th August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4936931> (Accessed: 5th November 2021).
6. Putin, V.V. (2011) *Novyy integratsionnyy proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdetsya segodnya* [A new integration project for Eurasia – the future that is being born today]. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/> (Accessed: 5th November 2021).
7. Russia. (2016) *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 17 iyunya 2016 g.* [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. June 17, 2016]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (Accessed: 5th November 2021).
8. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Torgovye soglasheniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Trade agreements of the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Torgovye-soglasheniya-EAES.aspx> (Accessed: 5th November 2021).
9. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Status po peregovornym trekam o svobodnoy torgovle* [The status of negotiation tracks on free trade]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Status-po-peregovornym-trekam-o-svobodnoy-torgovle.aspx> (Accessed: 5th November 2021).
10. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n.d.) *China FTA network*. [Online] Available from: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (Accessed: 5th November 2021).
11. Ministry of Transport of the Russian Federation. (n.d.) *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva (ShOS)* [The Shanghai Cooperation Organization (SCO)]. [Online] Available from: <https://mintrans.gov.ru/activities/69/92> (Accessed: 6th November 2021).
12. The Shanghai Cooperation Organization (SCO). (2018) *Sovmestnoe zayavlenie glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva po uproshtcheniyu protsedur torgovli* [Joint statement of the heads of the Shanghai Cooperation Organization member states on trade facilitation]. [Online] Available from: <http://rus.sectsc.org/load/442983/> (Accessed: 6th November 2021).
13. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Obzor klyuchevykh polozheniy Soglasheniya o torgovo-ekonomicheskom sotrudnichestve mezhdru Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom i ego gosudarstvami-chlenami, s odnoy storony, i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy, s drugoy storony* [Review of the key provisions of the Agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the People's Republic of China, on the other hand]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Soglashenie%20s%20Kitaem/Broshyura%20KNR.pdf (Accessed: 6th November 2021).
14. Blockmans, S. & Sahajpal, M. (2019) *The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit?* [Online] Available from: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (Accessed: 6th November 2021).
15. European Union External Action Service. (2019) *The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership*. Brussels, 15th May. [Online] Available from: http://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint-communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (Accessed: 6th November 2021).
16. European Investment Bank. (n.d.) *Financed projects*. [Online] Available from: <https://www.eib.org/en/projects/loans/index.htm?q=&sortColumn=loanParts.loanPartStatus.statusDate&sortDir=desc&pageNumber=0&itemPerPage=25&pageable=true&language=EN&defaultLanguage=EN&loanPartYearFrom=2007&loanPartYearTo=2021&orCountries.region=true&countries=KZ&countries=KG&countries=TJ&countries=UZ&orCountries=true&orSectors=true> (Accessed: 6th November 2021).
17. CAREC Program. (n.d.) *Central Asia Regional Economic Cooperation Program*. [Online] Available from: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (Accessed: 6th November 2021).
18. Starr, S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*. [Online] Available from: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (Accessed: 6th November 2021).
19. Boucher, R. (2006) *U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia*. April 26. [Online] Available from: http://commdocs.house.gov/committees/intrel/hfa27230.000/hfa27230_of.htm (Accessed: 6th November 2021).
20. Blake, R. (2009) *The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, September 9, 2009*. [Online] Available from: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/tmks/2009/128753.htm> (Accessed: 6th November 2021).
21. US Department of State. (n.d.) *United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (Accessed: 6th November 2021).
22. US Embassy in the Kyrgyz Republic. (2020) *Ambassador Donald Lu's Remarks at 2020 Internews Streamline Awards*. [Online] Available from: <https://kg.usembassy.gov/ambassador-donald-lus-remarks-at-the-2020-internews-streamline-awards/> (Accessed: 6th November 2021).
23. Len, Ch. (2005) Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region. *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 3, pp. 127–149.
24. Aso, T. (2006) *Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006*. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (Accessed: 6th November 2021).
25. Vlast.kz. (2021) *Kazakhstan vydelit 50 grantov dlya obucheniya molodezhi iz tyurkskikh stran* [Kazakhstan allocates 50 grants for teaching youth from Turkic countries]. [Online] Available from: <https://vlast.kz/novosti/44386-kazakhstan-vydelit-50-grantov-dla-obuceniya-molodezi-iz-turkskih-stran.html> (Accessed: 6th November 2021).
26. Administration of the President of the Russian Federation. (2020) *Zayavlenie Prezidenta Azerbaydzhanskoj Respubliki, Prem'er-ministra Respubliki Armeniya i Prezidenta Rossiyskoj Federatsii* [Statement of the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia, and the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (Accessed: 6th November 2021).

УДК 94(575)

DOI: 10.17223/19988613/74/13

А.Д. Дерендяева, Ю.Г. Чернышов

ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.: ОСНОВНЫЕ МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

Исследуются практики нациестроительства, которые нашли отражение в гербах и флагах постсоветских государств Центральной Азии. Выделены маркеры, способствовавшие конструированию символического пространства: «идеализация национальной истории»; «преемственность по отношению к советскому периоду»; «апелляция к религиозным ценностям»; «обращение к традиционной культуре и мифологии»; «акцентирование роли лидера». Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что в данных странах формировалась особая модель символики, отражающая гибридную макрополитическую идентичность.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, символическая политика, политика идентичности, официальные государственные символы.

После распада Советского Союза в начале 1990-х гг. руководство ставших независимыми центральноазиатских республик было вынуждено срочно искать новые смыслы и символы, способствующие консолидации общества и формированию новых идентичностей. Прежняя идеологическая формула «единный советский народ» уходила в прошлое, и национальным элитам предстояло решить сложную задачу: с одной стороны, сохранить определенную преемственность с «интернациональной» советской традицией, чтобы не допустить раскола общества, а с другой – акцентировать курс на формирование новой идентичности, в основе которой – этнорелигиозные символы и ценности «коренных» народов. Параллельно шли попытки «удревнить» собственную историю, дать альтернативные оценки пребыванию своих народов в составе Российской империи и СССР, выдвинуть новых «национальных героев» и т.д. Сам процесс выработки новой символики далеко не всегда сопровождался глубокой профессиональной проработкой принимаемых решений, в связи с чем иногда происходил пересмотр уже принятых символов. Тем не менее в этом процессе нашли отражение характерные тенденции поиска основных «маркеров идентичности», что заслуживает специального изучения. Поэтому главная цель данной статьи – выявление и раскрытие особенностей использования тех «маркеров идентичности», которые закладывались в государственную символику центральноазиатских республик на данном этапе их развития.

Характеризуя степень изученности темы, стоит отметить, что проблеме идентичности (исторической, культурной, политической, религиозной, этнической и т.д.) посвящено немало работ как в зарубежной, так и в российской научной традиции (П. Бурдые, Э.Х. Эрикссон, Е.В. Морозова, И.С. Семенов) [1–4]. Теоретическое осмысление концепта «символической политики» также находит свое отражение и у иностранных исследователей (М. Эдельман, А. Дорнер) [5, 6], и у отечественных авторов (О.Ю. Малинова, С.П. Поцелуев) [7, 8]. Есть и отдельные работы, посвященные специфике

конструирования официальной символики (Г. Эджениус, Н.М. Йованович, Е.В. Пчелов, Н.А. Соболева и т.д.) [9–12]. Для определения методологических подходов к теме полезно учитывать концепции социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман [13]), в рамках которого государственные символы рассматриваются как элементы конструируемой социальной реальности (согласно Эрику Хобсбауму, это тоже «изобретенные традиции» [14]). Ключевым эмпирическим методом работы в таком случае может служить компаративный анализ официальных символов государств соответствующего региона.

Говоря о Центральноазиатском регионе, мы будем рассматривать его не в расширительном географическом смысле, а как территорию пяти постсоветских республик – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана (ср.: [15. Р. 25]). Центральная Азия обладает большим количеством сырьевых ресурсов и выступает как территория, стратегически важная с геополитической точки зрения. Данный регион становится пространством пересечения интересов различных политических акторов – Ирана, Китая, России, США, Турции и т.д. В то же время Центральная Азия для многих международных субъектов рассматривается в коннотации «пассивного игрока», который не может повлиять на мировую политику [16. С. 7–8]. Зачастую говорят о так называемом «квасисостоянии» территории [17] или обозначают ее как «эфемерный регион» (ephemeral region) [18. Р. 157]. Причины распространения таких оценок связаны с отсутствием сложившейся внутрорегиональной идентичности, усугубляющимися социально-политическими и экономическими размежеваниями территории (проблемы делимитации границ, водораздела рек, межэтнических отношений, наркотрафика, терроризма и т.д.). Научных работ, в которых анализируются вышеперечисленные проблемы, создано уже немало (М. Ларюэль, И. Конжак и др.) [16, 19], однако актуальная тема формирования новых символов и эволюции идентичностей до сих пор остается малоисследованной.

Республика Казахстан

Ключевой проблемой Республики Казахстан с момента возникновения независимого государства стала этническая неоднородность, причем казахи составляли менее половины населения страны (39,7%) [20]. В такой обстановке перед органами власти стояла задача обеспечить территориальное единство и найти ценностный консенсус. Однако процесс государственного строительства с самого начала был противоречивым. С одной стороны, политическая элита провозгласила, что в обществе должны утвердиться такие ценности, как «межнациональное согласие», «внутринациональное единство» [21. С. 23]. С другой стороны, на практике началось продвижение политики «казахизации», что нашло свое отражение и в культурных, и в языковых ценностях, в том числе в официальной символике.

Современный герб Республики Казахстан был утвержден Указом Президента 4 июня 1992 г. (рис. 1). Авторами символа стали Ж. Малибеков и Ш. Уалиханов. Герб апеллировал к истории тюркоязычных народов, к идеям автохтонного происхождения казахов, «золотого века кочевников». Он был представлен в форме восточного (круглого) геральдического щита, что соответствует традициям территорий Малой Азии, Среднего Востока, Дальнего Востока, Центральной Азии. Тинктура герба была выбрана неслучайно: сочетание металла (золота) и финифти сине-голубого цвета (согласно геральдическому языку – лазурь) с древних времен почиталось у тюркских народов. Золотой оттенок выступал символом знатности и богатства, а голубая палитра ассоциировалась с бескрайним небом, реками и озерами, указывала на кочевой образ жизни. Наконец, центральной фигурой геральдического щита было выбрано изображение шанырака – одного из основных символов тенгрианства – верований тюрко-монгольских кочевников. Шанырак представляет собой верхнюю сводчатую часть юрты, от которой в виде солнечных лучей во все стороны расходятся уйки (опоры). Для казахов данный элемент является символом семейного очага, своеобразной реликвией. В качестве обрамления герба выступают легендарные фигуры – мифические кони (тулпары) – из традиционной тюркской мифологии. Образ лошади в данном случае неразрывно связан с казахским воином-батыром, который вел кочевой образ жизни.

Рис. 1. Герб Республики Казахстан (1992)

В отличие от герба, различные проекты национального флага предлагались уже тогда, когда территория еще находилась в составе СССР. Так, сторонники политических партий «Алаш», «Азат» выступали за эскизы,

на которых в качестве основного элемента изображалась восьмиконечная звезда (Руб аль-хизб), что соответствует исламским традициям [22]. Однако после провозглашения независимости в 1991 г. органы государственной власти провели конкурс и из 453 проектов был выбран совершенно другой символ, автором которого стал художник Ш. Ниязбеков. Современный флаг Республики Казахстан был принят в 1992 г. и имеет вид прямоугольного полотнища (рис. 2). Так же, как и на гербе, основополагающим маркером идентичности символа становится «идеализация национальной истории», обращение к тюркскому наследию. В качестве цветовой палитры вновь использованы голубой и золотой цвета. Ключевой фигурой флага стало изображение солнца с 32 лучами, под которым находится парящий орел (беркут), что, с одной стороны, показывает благополучие государства и стремление к светлому будущему, а с другой – напоминает о кочевом образе жизни. Беркут в эпических произведениях тюркоязычных народов является культовой птицей, символизирует власть, прозорливость [23. С. 248]. У древка обозначен тюркский национальный орнамент, подчеркивающий культурно-исторические ценности Казахстана. Стоит отметить, что первоначальный вариант флага отличался от современного. Орнамент имел другую форму и был прерывистым, а в качестве расцветки символа использовались три цвета – золотой, голубой (лазурь) и красный (червлень) [24]. Красный оттенок показался первому президенту Н.А. Назарбаеву неподходящим по идеологическим соображениям и был заменен на золотой.

Рис. 2. Флаг Республики Казахстан (1992)

Таким образом, герб и флаг Республики Казахстан отражают тюркское наследие, историю кочевых народов. Форма геральдического щита, тинктура, ключевые фигуры, изображенные на символах, показывают, что в качестве основного маркера идентичности выступает «идеализация национальной истории», транслирующая идею о «золотом веке» казахов. Частично используется идентификатор «обращение к традиционной культуре и мифологии» (на гербе – негеральдические фигуры – тулпары). Провозглашенный в начале независимости государства курс на конструирование многосоставной (евразийской) идентичности не нашел своего четкого отражения в официальных символах. Можно говорить о том, что в Казахстане был сделан акцент на этнической (тюркской) идентичности.

Киргизская Республика

Киргизская Республика, так же как и Казахстан, в начале 1990-х гг. имела в этническом составе населения

значительную долю русских (21,5%) [25. С. 58]. После обретения независимости в качестве основного направления развития государства был выбран курс на формирование демократических институтов в обществе (Киргизию даже называли «островом демократии» в Центральной Азии [26. С. 8–14]). Однако основные реформы проводили представители прежней номенклатуры, которые не смогли полностью уйти от советских воззрений, и это породило ряд сложных проблем, в том числе и с конструированием идентичности.

К созданию государственного герба страны органы власти подошли ответственно и в течение двух лет, с 1992 г., проводили конкурс, на котором из 2 234 работ был отобран эскиз под наименованием «Нур-19» [27]. Авторами символа оказались художник, преподаватель А. Абдраев и генерал милиции С. Дубанаев. В 1994 г. официальный герб был утвержден парламентом – Жогорку Кенеш. Так же, как и в Республике Казахстан, символ был представлен в форме восточного (круглого) щита, а в основной геральдической тинктуре использовались металлы – желтый (золото) и белый (серебро), синяя и голубая (лазурь) палитра, т.е. цвета, соответствующие тюркской культуре. Золото показывает могущество, богатство страны, а серебро ассоциируется с благородством и правдивостью. Синий, голубой оттенки символизируют великодушие и честность государства. Ключевой фигурой негеральдического характера на щите оказался белый (серебряный) сокол («Ак Шумкар»), обращенный прямо и обернувшийся вправо, с распростертыми крыльями и лапами. Птица в данной коннотации связывает историческое прошлое и эпос киргизского народа, в котором главный герой – богатырь Манас – получает сокола еще птенцом в качестве подарка, приносящего счастье [28. С. 11]. Преемственность с гербом Киргизской ССР наблюдается в фигурах негеральдического характера, расположенных на заднем плане: озеро Иссык-Куль, отроги снежных гор Ала-Тоо и восходящее солнце. В то же время вершины гор символизируют киргизский национальный войлочный головной убор – «калпак». Обрамление геральдического щита сочетает в себе такие маркеры идентичности, как «идеализация национальной истории» (используется национальный орнамент) и «преемственность по отношению к советскому периоду», что выражено символами травянистых (коробочки хлопчатника) и злаковых (колосья пшеницы) растений.

Рис. 3. Герб Киргизской Республики (2016)

Стоит отметить, что герб 1994 г. имел много геральдических ошибок (визуальная графика, расстояние между буквами, нестыковки и т.д.), да и в принципе не был сведен к единым стандартам. Тем не менее

полностью официальный символ менять не стали, а лишь подкорректировали его в 2016 г. (рис. 3). Несмотря на это, многие исследователи-геральдисты по-прежнему называют его эмблемой [29].

Вопрос о принятии нового флага Киргизской Республики в 1990-е гг. вызвал немало дискуссий при выборе основной палитры символа: так, депутаты с либеральными взглядами поддерживали проект с использованием голубого полотнища, а другие члены Верховного Совета страны, настроенные коммунистически, требовали использовать красный цвет. Окончательный вариант, утвержденный 3 марта 1992 г., был представлен в форме прямоугольного красного полотнища, что, с одной стороны говорит о влиянии эпоса «Манас», поскольку знамя главного героя было такого же оттенка. С другой стороны, такую палитру можно трактовать с точки зрения влияния советского наследия, где эта расцветка была основной в вексиллологии (рис. 4). Кроме красного оттенка, обозначающего доблесть и смелость, на флаге используется золотой цвет, олицетворяющий покой и богатство. Маркер «идеализации национальной истории» в виде тюркского наследия находит свое отражение в изображении солнечного диска с лучами, объединенными в круг и символизирующими синтез древних племен Киргизии. Внутри диска прорисован тундук красного цвета, что соответствует тенгрианским традициям и имеет схожесть с национальным гербом Республики Казахстан.

Рис. 4. Флаг Киргизской Республики (1992)

В итоге можно выделить следующую совокупность маркеров идентичности: «идеализация национальной истории», «преемственность по отношению к советскому периоду» и «обращение к традиционной культуре и мифологии». Прослеживается попытка сохранить традиции советской геральдики и вексиллологии, отобразив ключевые элементы на гербе и флаге – негеральдические фигуры, обрамление геральдического щита, расцветку. С другой стороны, конструирование официальных символов опиралось на киргизский эпос «Манас», отразивший основные ценности народа и сформировавший образ национального героя в обществе. Неменьшую роль сыграл и тюркский аспект, он находит свое отражение в виде фигуры тундука на флаге, национального орнамента на гербе страны. Таким образом, можно констатировать, что органы власти республики в процессе конструирования идентичности не стали определяться с выбором одного основания для идентификации всего населения. Поэтому в качестве основных направлений были выбраны этническая, историческая и культурная идентичности.

Республика Таджикистан

Республика Таджикистан с самого начала своей независимости обладала наибольшим количеством символических ресурсов, и из-за этого возникли определенные культурные дилеммы, которые не были интегрированы в одну идентичность. Итогом противоречий стали межклановые разногласия, вследствие которых началась гражданская война. Лишь с окончанием конфликта органы государственной власти Республики Таджикистан попытались наиболее комплексно подойти к проблеме нациестроительства и сконструировать символическое пространство [30. С. 64–65]. Тем не менее официальная символика оказалась первостепенным по значимости инструментом политики идентичности, поскольку герб и флаг государства появились сразу, с момента провозглашения независимости страны.

Первоначальная версия герба, которая была разработана в 1992 г. З. Хабибуллаевым, А. Заневским и Л. Додхудоевой, несла на себе следы иранского влияния (рис. 5). Герб представлял собой восточный (круглый) щит, а в качестве основной геральдической фигуры выступал крылатый лев. Однако данный герб не закрепился в символике, поскольку изображение льва часто критиковалось за схожесть с гербом шахского Ирана. Из-за этого официальный символ пришлось видоизменить, новая версия была принята 28 декабря 1993 г. (рис. 6).

Рис. 5. Герб Республики Таджикистан (1992)

Рис. 6. Герб Республики Таджикистан (1993)

Современный герб Таджикистана не имеет геральдического щита, что говорит о таком маркере идентичности, как «преемственность по отношению к советскому периоду» (советские гербы не имели щитов). В качестве основной палитры используются металлы: желтый (золото), белый (серебро), а также финифти красного (червленый), зеленого (зелень) и коричневого оттенков. Апелляция к религиозным ценностям, а именно к зороастризму, в полной мере находит свое отражение через ключевую фигуру герба: ею является стилизованная корона, над которой расположен полукруг из семи звезд. Некоторые исследователи отмечают, что

данный символ напрямую связан со словом «тадж», что переводится как «венец», а жители Таджикистана, соответственно, – «увенчанный» народ. Корона, изображенная на геральдическом щите, включает в себя три изображения светильников, которые выступают как священные неугасимые огни (атар) и являются объектами религиозного поклонения в зороастрийских храмах: Атар-Фарнбаг, Атар-Гунасп и Атар-Бурзин-Михр. Другие авторы отмечают, что три выступа – это регионы страны – Хатлон, Заравшон и Бадахшон. Полукруг из семи звезд также представлен неслучайно – число «семь» в зороастризме трактуется как семь добрых духов. К тому же данная цифра в таджикской культуре является символом совершенства, счастья. На заднем фоне символа используются негеральдические естественные фигуры, которые также присутствовали на гербе Таджикской ССР – солнце, восходящее из-за гор, ие хребты Алайских, Заалайских гор и Памира. Преемственность по отношению к советскому периоду выражается и в том, что в качестве обрамления герба используется венки, дополненный символами растений. Поверх венка находится трехполосная лента, содержащая в себе цвета, идентичные флагу Республики Таджикистан – красный, белый и зеленый [31].

Флаг государства был утвержден 24 ноября 1992 г. Он представлен в форме прямоугольного полотнища, состоящего из трех полос красного, белого и зеленого оттенков (рис. 7). Данная цветовая палитра отображает маркер «принадлежность к прошлому страны», преемственность советской вексиллологии, поскольку флаг Таджикской ССР имел аналогичные современному символу цвета. Можно говорить и о традиции следования паниранской палитре, поскольку идентичная цветовая гамма присутствует на флагах Ирана и Курдистана [32]. Такая расцветка напоминает, что древнеиранское общество, согласно священному тексту Авесты, стратифицировалось на три сословия, и каждое из них ассоциировалось с определенным цветом: красный – военные, белый – духовенство, зеленый – земледельцы. В центре флага, согласно маркеру «религиозные ценности», изображена корона с полукругом из семи пятиконечных звезд над ней, аналогичная фигуре на гербе Таджикистана.

Рис. 7. Флаг Республики Таджикистан (1992)

Официальные символы Республики Таджикистан, с одной стороны, отражают такой маркер идентичности, как «преемственность по отношению к советскому периоду», что можно понять по отсутствию геральдического щита, негеральдическим фигурам, обрамлению венка, цветовой палитре. В то же время заметно влияние такого маркера идентичности, как «апелляция к религиозным ценностям», поскольку основным эле-

ментом и на гербе, и на флаге страны является эмблема стилизованной короны, отсылающая к зороастрийским традициям. «Идеализация национальной истории» (иранское / персидское влияние) находит свое отражение прежде всего в геральдической тинктуре. Учитывая множественность маркеров, можно говорить о том, что в Таджикистане с начала 1990-х гг. уделялось особое внимание исторической, религиозной и этнической идентичностям.

Республика Туркменистан

В отличие от других стран региона, Туркменистан после распада СССР сохранил в основе своего устройства традиционный тип общества, в котором социокультурное пространство представляет собой совокупность различных племен. При этом наблюдалась определенная разобщенность как между этническими кланами, так и внутри их самих. Из-за этого в научном дискурсе даже утвердилась концепция, согласно которой туркмены до сих пор являются «нацией племен», а не единой нацией в традиционном понимании данного термина [33]. В попытке консолидации общества и легитимизации собственной власти первый президент страны С.А. Ниязов был вынужден персонифицировать политический режим («культ личности Туркменбаши»), а также фактически ограничить функционирование институциональных механизмов в государстве. Государственный герб Туркменистана с момента обретения независимости поменялся три раза. С 1992 по 2003 г. герб государства имел восточную (круглую) форму щита (рис. 8, 9).

Рис. 8. Герб Республики Туркменистан (1992–2000)

Рис. 9. Герб Республики Туркменистан (2000–2003)

Однако позднее символ был представлен в качестве восьмигранника – Руб аль-хизба – мусульманского знака, который изображается в виде двух наложенных квадратов и образует восьмиконечную звезду (рис. 10). Данная октаграмма в Туркменистане носит название «звезда Огузхана» – древнего героя туркмен (прародителя), что одновременно показывает и тюркские, и исламские традиции народа и говорит о формировании

таких маркеров идентичности, как «идеализация национальной истории» и «апелляция к религиозным ценностям». В то же время такая форма щита нехарактерна для геральдики: звезда может использоваться только в качестве негеральдической фигуры или орнамента, т.е. элементов герба. Вышеперечисленные маркеры отражаются и в цветовой палитре, сочетающей в себе металл (золото) и финифть, представленную в виде зеленого (зелень), красного (червлень) и голубого (лазурь) оттенков. Зеленый цвет в данной коннотации показывает изобилие, считается символом исламских традиций. Красный оттенок обозначает храбрость, а голубой – великодушие, честность страны. Помимо этого, тюркское наследие находит свое воплощение в пяти ковровых гёлях (орнаменты), которые располагаются по часовой стрелке и символизируют родовые племена – ахалтеке, салыр, эрсары, човдур и йомут. В верхней части герба также можно заметить влияние «религиозных ценностей», поскольку здесь располагается полумесяц с пятью пятиконечными звездами. Наконец, важную роль при конструировании герба сыграл такой маркер, как «подчеркивание роли лидера», который нашел свое отражение в центральном элементе щита – негеральдической фигуре Янардага – коня первого лидера страны. Стоит отметить, что на предыдущих версиях герба в качестве основного элемента выступал не Янардаг, а Гырат – конь белой окраски, являющийся героем тюркского эпоса.

Рис. 10. Герб Республики Туркменистан (2003)

Флаг Туркменистана также был утвержден 19 февраля 1992 г. и претерпел изменения в 1997 г. (рис. 11).

Рис. 11. Флаг Республики Туркменистан (2003)

На сегодняшний день символ представляет собой прямоугольное зеленое полотнище, что показывает прежде всего влияние религиозных ценностей (исламских). Также религиозные атрибуты находят свое отражение в основном мусульманском символе – полумесяце, который обозначает чистое небо, а пятиконечные звезды белого цвета выступают как пять велятов, административных единиц страны, – Ахалский, Балканский, Дашогузский, Лебапский и Марыйский. Мар-

кер «идеализация национальной истории» проявляется в виде пяти основных ковровых орнаментов, находящихся у древка.

В официальной символике Республики Туркменистан, в отличие от других стран Центральной Азии, можно увидеть такой маркер идентичности, как «подчеркивание роли лидера», что находит свое воплощение в ключевой фигуре герба – «президентском» коне Янардаге. Кроме того, заметна «апелляция к религиозным ценностям»: тинктура герба и флага – зеленого оттенка, используются символы полумесяца и пятиконечных звезд, а также форма геральдического щита, представлена в виде октаграммы – мусульманского знака. Такой маркер идентичности, как «идеализация национальной истории», отражается в национальном орнаменте герба и флага, обрамлении герба. Таким образом, конструкты, заложенные в символику Туркменистана, также показали формирование нескольких идентичностей одновременно – политической, религиозной и этнической.

Республика Узбекистан

Идентичность узбекского народа носит амбивалентный характер, поскольку влияние на процесс ее формирования оказывали, в частности, монгольский и иранский факторы. Такая ситуация стала особенно противоречивой после распада Советского Союза, так как в стране началась борьба за политическое влияние между различными клановыми группами, в результате чего центральная власть была сильно ослаблена. В данной обстановке первый президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, как и другие лидеры Центральноазиатского региона, был вынужден уделить внимание проблеме формирования новой идентичности.

Герб Республики Узбекистан был принят 2 июля 1992 г. на десятой сессии Верховного Совета страны (рис. 12). Авторство символа принадлежит группе художников и графиков, руководителем которой являлся А. Мамаджанов. Преемственность с гербом Узбекской ССР можно увидеть уже в том, что официальный символ современного Узбекистана не имеет геральдического щита и не согласуется с международными стандартами [34. С. 135].

Рис. 12. Герб Республики Узбекистан (1992)

Тинктура герба представлена в виде двух металлов – желтого (золото) и белого (серебро), а также финифтей – голубой (лазурь) и зеленой (зелень). Золото понимается как могущество и богатство, серебро апеллирует к благородству страны. Голубая финифть отображает великодушие, а зелень символизирует изобилие, свободу.

Культурно-мифологический маркер идентичности находит свое место в виде основного элемента герба – негеральдической фигуры мифической серебристой птицы Хумай (Хумо), обращенной прямо и обернувшейся вправо с распростертыми крыльями. Птица Хумо в иранской и арабской мифологии представляется как волшебная, вещая. Некоторые исследователи отождествляют ее с образом древнего женского божества тюркских народов Умай [35]. На заднем фоне символ дополняют такие негеральдические фигуры, как золотистое солнце, горы (Тянь-Шань, Памиро-Алтай, Зеравшанский и Туркестанский хребты), реки – Амударья и Сырдарья, долины и оазисы (Ферганская долина, Зеравшанская долина, Хорезмский оазис, Бухарский оазис). Солнце в данной коннотации показывает, что Республика Узбекистан – солнечная страна. Апелляция к религиозным ценностям находит свое воплощение в верхней части герба, где располагается мусульманский символ Руб аль-хизб, представляющий собой восьмиконечную звезду. Преемственность с советским периодом прослеживается в обрамлении щита: изображается венок, который состоит с левой стороны из атрибутов травянистых растений (ветки хлопчатника и коробочки хлопка), а с правой – злаковых культур (колосья пшеницы). Венок перевит лентами, воспроизводящими цветовую гамму флага Узбекистана. Колосья пшеницы символизируют хлеб, достаток и изобилие, а раскрытые коробочки хлопчатника – «богатство» страны – хлопок, который называют «белым золотом» [36]. Важно отметить, что первоначальные эскизы герба не отражали преемственность с советским периодом, поскольку вместо природных фигур использовался полумесяц с двенадцатью звездами, а обрамление герба и вовсе отсутствовало.

Современный флаг Республики Узбекистан был утвержден 18 ноября 1991 г. в виде прямоугольного полотнища, состоящего из трех горизонтальных полос голубого, белого и зеленого оттенков (рис. 13). Голубой оттенок, представленный на флаге, показывает небо, воду, белый цвет выступает как символ мира, зеленый обозначает благоприятную окружающую среду страны. «Религиозные ценности» как маркер идентичности находят свое отражение в изображении в левой части полотнища у древка флага в качестве основной фигуры белого полумесяца с двенадцатью пятиконечными звездами. Полумесяц показывает религиозные традиции Узбекистана, а двенадцать звезд соответствуют месяцам, областям страны.

Рис. 13. Флаг Республики Узбекистан (1991)

Таким образом, при интерпретации официальных государственных символов Республики Узбекистан можно выделить следующие маркеры идентичности:

«преемственность с советским периодом», «апелляция к религиозным ценностям» и «обращение к традиционной культуре и мифологии». Для Узбекистана оказалось важным сохранить преемственность с советским периодом, несмотря на то что отношения с Россией были подчас противоречивыми. Но все-таки большую роль при создании герба сыграл культурно-мифологический идентификатор, поскольку центральной фигурой герба стала птица из иранской мифологии – Хумо. Для флага Узбекистана главным маркером стали «религиозные ценности», а в качестве ключевых символов были использованы полумесяц и звезды. Итак, в Республике Узбекистан, так же как и в других странах рассматриваемого региона, на процесс конструирования идентичности повлияли многие факторы. В качестве основных идентификаторов власть Узбекистана выбрала сочетание элементов исторической, культурной и религиозной идентичностей.

Выводы

Искусственно сконструированное символическое пространство, которое досталось новым политическим элитам Центральноазиатского региона после распада СССР, требовало от них незамедлительного принятия тех мер, которые способствовали бы сохранению территориальной целостности и консолидации общества. В рамках проводимой политики формирования новой идентичности создание официальной символики (герб, флаг) стало одним из важных направлений нациестроительства. При выборе новых символов каждое государство опиралось на определенные маркеры, которые призваны были лучше всего отразить историю, традиции и ценности народов, проживающих в стране. На основе интерпретации и компаративного анализа гербов и флагов стран Центральной Азии можно выделить следующие основные маркеры идентичности: «идеализация национальной истории», «преемственность по отношению к советскому периоду», «апелляция к религиозным ценностям», «обращение к традиционной культуре и мифологии», «акцентирование роли лидера».

1. «Идеализация национальной истории». Данный маркер формируется на основе образа исторического прошлого определенного этноса, древнеязычного населения. В таком случае конструирование официальной символики происходит за счет мифологизации и идеализации истории (так называемый «золотой век»), а этносу приписываются особая роль, специфические культурные черты. Государственные символы таких стран отображают традиционные национальные ценности в виде геральдических и негеральдических фигур, используется тинктура, т.е. та расцветка, которая являлась знаковой для данного периода, присутствует декоративный орнамент, отображающий быт этноса. В Центральной Азии на гербах и флагах можно увидеть отсылки к тюркскому и иранскому наследию. Так, апелляция к тюркскому наследию прослеживается на гербах и флагах Республики Казахстан, Киргизской Республики, а также Туркменистана. Иранская преемственность отмечается на гербе и флаге Республики Таджикистан (паниранские цвета на флаге и т.д.).

Поэтому можно говорить о том, что в таких странах был сделан акцент на этнической (тюркской) или этнической (иранской) идентичности.

2. «Преемственность по отношению к советскому периоду». Такой маркер показывает стремление некоторых стран сохранить некоторые традиции советской эпохи на своих гербах и флагах. Этот аспект тесно связан с политикой памяти, которая также является частью политики идентичности. Каждая страна сама выбирает – формировать ей положительное отношение к пребыванию в составе СССР или стремиться убрать из символического пространства все, что было связано с советским периодом. Так, попытки соединить национальные традиции с геральдикой и вексиллологией СССР прослеживаются в гербах и флагах Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики. Киргизское государство частично сохранило на своем гербе негеральдические фигуры, оформление щита, тинктуру, а на флаге была повторена расцветка. Гербы Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, так же как и гербы советского периода, не имеют геральдического щита (обрамление – коробочки хлопчатника, колосья пшеницы, солнце). Преемственность цветовой гаммы от советского флага наблюдается у Республики Таджикистан, частично у Республики Узбекистан. В то же время не все страны оказались преемниками советской геральдики и вексиллологии. Так, Казахстан и Туркменистан предпочли не сохранять элементы символики прошлых лет, пошли на радикальный разрыв и сформулировали принципиально иную символическую парадигму. Выделение данных маркеров может говорить о том, что в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии был сделан акцент на историческую идентичность.

3. «Апелляция к религиозным ценностям». Такой маркер идентичности находит свое отражение в зороастрийском и исламском культурном наследии стран Центральной Азии. Так, Таджикистан при конструировании новых символов опирался на доисламские традиции своего народа – зороастризм, что нашло выражение в виде стилизованной короны, светильников (неугасимые огни) на гербе и флаге. Большую роль сыграли исламские религиозные ценности, ярко выраженные в виде полумесяца и звезд на гербах и флагах Туркмении, Узбекистана. В отличие от других стран, на официальной символике Казахстана и Киргизии нет полумесяцев или звезд. Таким образом, религиозный акцент наиболее заметен в символике Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

4. «Обращение к традиционной культуре и мифологии». Этот маркер в официальной символике особенно отчетливо прослеживается в символике Киргизской Республики, которая апеллирует к эпосу «Манас» (на гербе в качестве негеральдической фигуры используется изображение «белого сокола» – одного из ключевых персонажей киргизского эпоса, на флаге есть знак Манаса). Республика Таджикистан использует на своем гербе изображение птицы Хумо – волшебной птицы из арабской и иранской мифологии, что может говорить о влиянии и этнического (иранского) фактора. На гербе Республики Казахстан присутствуют изобра-

жения мифических крылатых коней тулпаров. Данный маркер нацелен на формирование уважения к традиционной этнической культуре.

5. «Подчеркивание роли лидера» также выступает в качестве маркера идентичности и находит свое отражение на гербе Туркменистана в виде изображенной негеральдической фигуры Янардага – коня первого президента страны. Такой маркер имеет свою специфику и обычно находится на стыке этнической и политической идентичностей, поскольку прежде всего стремится сформировать осознание причастности индивида к конкретному государству и его лидеру.

Схематично полученные результаты отражены в таблице.

Преобладающие маркеры идентичности в государственной символике стран Центральной Азии

Страны Центральной Азии	Номера маркеров	
	На гербе страны	На флаге страны
Республика Казахстан	1, 4	1
Киргизская Республика	2, 4	1, 2
Республика Таджикистан	3, 2, 1	3, 2, 1
Республика Туркменистан	3, 5, 1	3, 1
Республика Узбекистан	2, 4, 3	3

Таким образом, можно говорить о следующих тенденциях, обозначившихся при конструировании официальной символики стран Центральной Азии. Во-первых, государственные символы стали одной из важных составляющих в политике идентичности каждого региона – с их помощью политическая элита пыталась обозначить те символические индикаторы, которые могли бы стать консолидирующими для всего общества. Во-вторых, на процессы формирования гербов и флагов оказали большое влияние образы и «восточного прошлого (золотой век)» и советской эпохи. В такой дихотомической ситуации выбор между сохранением лояльности к СССР и началом нового государственного строительства оказался непростым. В-третьих, большую роль для некоторых постсоветских республик сыграл маркер «апелляция к религиоз-

ным ценностям» – в условиях смены официальной идеологии религия стала одним из ключевых факторов интеграции общества и обеспечения легитимности новой политической власти. К этому стоит добавить, что с технической стороны современные гербы и флаги стран Центральной Азии вызывают немало споров, так как из-за специфики конфигурации их щитов, полотнищ флагов к ним бывает сложно применить традиционные блазонные термины, геральдический язык.

В целом можно сказать, что центральноазиатские республики выработали свою модель в геральдике и вексиллологии, сильно отличающуюся от европейской. Новые официальные символы в странах Центральной Азии не решили ценностных дилемм разных идентичностей (исторических, культурных, политических, религиозных, этнических), но обозначили те направления развития государств, которые представлялись приоритетными для новых элит в конкретной исторической обстановке начала 1990-х гг. Неудивительно, что в символике нередко встречалось синкретичное переплетение элементов разных традиций и разных идеологий. Кроме того, необходимо отметить, что символика гербов и флагов отражала далеко не все реальные тенденции эволюции политических режимов. Так, маркер «подчеркивание роли лидера» был широко распространен в политической практике не только Туркменистана, но и других государств региона. Особая роль лидера, например, была неоднократно отмечена в Казахстане, в том числе и переименованием столицы страны в Нур-Султан [37]. Поэтому, если рассматривать в комплексе не только символическую политику, но и все другие стратегии и практики политики идентичности, можно увидеть, что многие направления данной политики формировали своеобразную «гибридную макрополитическую» идентичность (о содержании данного термина подробнее см. статью О.Ю. Малиновой: [38. С. 5]). Такая ситуация означает, что процесс преодоления «кризиса идентичности» и выстраивания нового символического пространства находится в еще не завершенной стадии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris : Minuit, 1980. 475 p.
2. Erikson E.H. Identity: youth and crisis. New York : W.W. Norton company, 1968. 336 p.
3. Морозова Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
4. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28.
5. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana : University of Illinois Press, 1964. 201 p.
6. Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermanns-Mythos. Hamburg : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. 421 S.
7. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М. : Ин-т науч/ информации по общественным наукам РАН, 2013. 421 с.
8. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
9. Elgenius G. The politics of recognition: symbols, nation building and rival nationalisms // Nations and Nationalism. 2011. Vol. 17.2. P. 396–418.
10. Jovanovich N.M. State symbols as an element of religious and national identity // Religions, identities, policies – points of convergence and divergence. Belgrade : Institute of Social Sciences, 2020. P. 17–23.
11. Пчелов Е.В. Официальная символика современной России и советский дискурс // Русская антропологическая школа. 2010. Вып. 7. С. 25–48.
12. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М. : Языки славянских культур, 2006. 488 с.
13. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. United States: sociology of knowledge. New York : Doubleday, 1966. 240 p.
14. Hobsbaum E. The invention of tradition. New York : Cambridge University Press, 1983. 334 p.
15. Olcott M.B. Central Asia's second chance. Washington : Carnegie Endowment for Int'l Peace, 2005. 389 p.
16. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. 2013. № 1-2 (58). С. 6–20.

17. Бурнашев Р.Р. Центральноазиатские исследования в контексте международных отношений // Вестник РУДН. Сер/ Международные отношения. 2018. Vol. 18, № 2. С. 400–410.
18. Frappi C. Identity, security, and development policies. The drivers behind cooperation in Central Asia // Cooperation in Eurasia Linking Identity, Security, and Development. 2018. March. P. 157–187.
19. Конжак И. Национальная идентичность в Центральной Азии // Alatau Academic Studies. 2021. № 1. С. 279–285.
20. Алексеенко А. Население Казахстана между прошлым и будущим // Население и общество : электронная версия бюллетеня. 2006. URL: <https://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/> (дата обращения: 11.05.2021).
21. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Караганда : Арко, 2006. 372 с.
22. Государственный флаг Казахстана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.vexillographia.ru/kazakhstan/state1.htm> (дата обращения: 14.06.2021).
23. Кулбаракова З.А. Культ и тотемный знак Беркута в Кыргызско-Алтайских эпохах (на примерах эпосов «Манас» и «Маадай Кара») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). С. 248–251.
24. Антонов С. История флага Казахстана // Vox populi. 2014. 17 дек. URL: <https://voxpathuli.kz/2460-istoriya-flaga-kazakhstana/> (дата обращения: 24.05.2021).
25. Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги. М. : Наталис, 2006. 597 с.
26. Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости : (очерки постсоветской истории). Бишкек : Общественный фонд Александра Князева, 2012. 420 с.
27. Гербу Кыргызской Республики – 27 лет: генерал Дубанаев поделился историей создания государственного символа // Вечерний Бишкек. 2021. 14 янв. URL: https://www.vb.kg/doc/396150_gerby_kr_27 лет_general_dybanaev_podelilsia_istoriey_sozdaniia_gossimvola.html (дата обращения: 14.05.2021).
28. Бакчиев Т.А. Интерпретация некоторых символов в эпосе «Манас» // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 1. С. 9–15.
29. Nas N. Как мы рисовали герб? // Nurbek Nas. 2016. 27 окт. URL: <https://medium.com/@nurbek/как-мы-рисовали-герб--a4f46a94463d> (дата обращения: 04.06.2021).
30. Шозимов П. Переосмысление символического пространства узбекской идентичности // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 64–67.
31. Ревнивцев М. К вопросу о скрытой символике флага и гербов Республики Таджикистана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.vexillographia.ru/tadjik/secret.htm> (дата обращения: 19.04.2021).
32. Кадыров Ш. Этнология управления в Средней Азии: вчера, сегодня, завтра // Норвежский институт международных дел. Центр российских исследований. 2005. 6 июня. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html (дата обращения: 18.05.2021).
33. Государственный герб Туркменистана // Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <http://www.heraldicum.ru/turkmen/state1.htm> (дата обращения: 19.04.2021).
34. Карамышев О.М. Щит в геральдике как часть общая и фигура особенная // Карамыш : краеведческий и исторический альманах. 2012. С. 135–153.
35. Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 342–345.
36. Сапрыков В. Птица Хумо Узбекистана // Наука и жизнь. 1994. № 1. С. 23–24.
37. Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. От Акмолинска до Нур-Султана: влияние государственной идеологии на формирование официальной символики города // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 2 (118). С. 41–48. DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-06
38. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. № 1. С. 5–28.

Anna D. Derendyaeva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

Yury G. Chernyshov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ashpi@yandex.ru

ADOPTION OF STATE SYMBOLS IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE BEGINNING OF THE 1990s: MAIN MARKERS OF IDENTITY

Keywords: Central Asia, post-Soviet space, symbolic politics, identity politics, official state symbols.

The official state symbols (coats of arms and flags) of the countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan) are investigated in this article. The Central Asian region is now in the focus of international politics, as this crossroad of civilizations is of geopolitical importance. After the collapse of the USSR, a society heterogeneous in terms of ethnic and religious composition became the scene of internal dissociations in many republics. That is why the identity policy pursued by the authorities had to accommodate the interests of both small and large social groups. The symbolic space formed in this situation became a field of reflection for various identity markers. Among the main symbolic indicators were the official state symbols, which assumed the role of a consolidating instrument. However, under conditions of time limitation (and often of scant practical experience), the design of emblems and flags turned out to be a difficult task. The study attempts to summarize the experience of designing coats of arms and flags in the countries of Central Asia, as well as to conduct their comparative analysis followed by identification of general and specific identity markers. In the study, the approaches of the social constructivism theory by P. Berger and T. Luckmann are taken into account, in which the coats of arms and flags are considered as “invented traditions” (E. Hobsbawm), that is, elements of symbolic space specially constructed. The empirical research methods are presented in the work by a comparative analysis of the heraldry and vexillology of the region. As a result of this work, the authors managed to identify the main identity markers: 1) “idealization of national history”, 2) “continuity relative to the Soviet period”, 3) “appeal to religious values”, 4) “appeal to traditional culture and mythology”, 5) “emphasizing the role of the leader”. A conclusion is drawn that a specific model of heraldry and vexillology has been formed in Central Asia, sometimes not corresponding to European standards. The symbols reflected those directions of the development of the states, which seemed to be of top priority for the new elites under the concrete historical setting of the 1990s. Sometimes the elements of different traditions and different ideologies were entwined there syncretically. The plurality of identity markers ultimately reflects the formation of a “hybrid macropolitical” identity in these countries, which shows the “identity crisis” that has not been fully overcome so far.

REFERENCES

1. Bourdieu, P. (1980) *Le Sens pratique*. Paris: Minuit.
2. Erikson, E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton Company.
3. Morozova, E.V. (2008) Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local Identity: Forms of Actualization and Types]. *Politicheskaya ekspertiza: Politexs – Political expertise: POLITEX*. 4. pp. 139–151.

4. Semenenko, I.S. (2016) Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 8–28. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03
5. Edelman, M. (1964) *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press.
6. Dörner, A. (1996) *Politischer Mythos und symbolische Politik: Sinnstiftung durch symbolische Formen am Beispiel des Hermanns-Mythos*. Hamburg: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
7. Malinova, O.Yu. (2013) *Konstruirovaniye smyslov: issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [Meaning Construction: A Study of Symbolic Politics in Contemporary Russia]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
8. Potseluev, S.P. (1999) Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k problem [Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 62–75.
9. Elgenius, G. (2011) The politics of recognition: symbols, nation building and rival nationalisms. *Nations and Nationalism*. 17th February. pp. 396–418.
10. Jovanovich, N.M. (2020) State symbols as an element of religious and national identity. In: Blagojević, M. (ed.) *Religions, identities, policies – points of convergence and divergence*. Belgrade: Institute of Social Sciences. pp. 17–23.
11. Pchelov, E.V. (2010) Ofitsial'naya simvolika sovremennoy Rossii i sovetskiy diskurs [Official symbols of modern Russia and Soviet discourse]. *Russkaya antropologicheskaya shkola*. 7. pp. 25–48.
12. Soboleva, N.A. (2006) *Ocherki istorii rossiyskoy simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism: from tamga to symbols of state sovereignty]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
13. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality*. United States: Sociology of Knowledge.
14. Hobsbaum, E. (2005) *The Invention of Tradition*. New York: Cambridge University Press.
15. Olcott, M.B. (2005) *Central Asia's Second Chance*. Washington: Carnegie Endowment for Int'l Peace.
16. Laruelle, M. (2013) Vneshnyaya politika i identichnost' v Tsentral'noy Azii [Foreign policy and identity in Central Asia]. *Pro et Contra*. 1-2(58). pp. 7–21.
17. Burnashev, R.R. (2018) Tsentral'noaziatskie issledovaniya v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy [Central Asian studies in the context of international relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 18(2). pp. 400–410.
18. Frappi, C. (2018) Identity, security, and development policies. The drivers behind cooperation in Central Asia. In: Frappi, C. & Pashayeva, G. *Cooperation in Eurasia linking identity, security, and development*. Ledizioni. pp. 157–187.
19. Konzhak, I. (2021) Natsional'naya identichnost' v Tsentral'noy Azii [National identity in Central Asia]. *Alatau Academic Studies*. 1. pp. 279–285.
20. Alekseenko, A. (2006) Naselenie Kazakhstana mezhdru proshlym i budushchim [The population of Kazakhstan between the past and the future]. *Naselenie i obshchestvo*. 16th May. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/> (Accessed: 11th May 2021).
21. Nazarbayev, N.A. (2006) *Kazakhstanskiy put'* [The Kazakhstan way]. Karaganda: Arko.
22. Russian Centre of Vexillology and Heraldry. (n.d.) *Gosudarstvennyy flag Kazakhstana* [The state flag of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://www.vexillographia.ru/kazakhst/state1.htm> (Accessed: 14th June 2021).
23. Kulbarakova, Z.A. (2018) Cult and totem of golden eagle in the Kyrgyz-Altai eposes (a case study of “Manas” and “Maaday kara” eposes). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 11(89). pp. 248–251. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-2.6
24. Antonov, S. (2014) Istoriya flaga Kazakhstana [History of the flag of Kazakhstan]. *Vox populi*. 17th December. [Online] Available from: <https://voxpathuli.kz/2460-istoriya-flaga-kazakhstana/> (Accessed: 24th May 2021).
25. Kosmarskaya, N.P. (2006) “Deti imperii” v postsovetskoy Tsentral'noy Azii: adaptivnyye praktiki i mental'nye sdvigi [“Children of the Empire” in Post-Soviet Central Asia: Adaptive Practices and Mental Shifts]. Moscow: Natalis.
26. Knyazev, A.A. (2012) *Vektory i paradigmy kirgizskoy nezavisimosti : (ocherki postsovetskoy istorii)* [Vectors and paradigms of Kyrgyz independence: (essays on post-Soviet history)]. Bishkek: Alexander Knyazev Public Foundation.
27. *Vecherniy Bishkek*. (2021) Gerbu Kyrgyzskoy Respubliki – 27 let: general Dubanaev podelilsya istoriey sozdaniya gosudarstvennogo simvola [The coat of arms of the Kyrgyz Republic is 27 years old: General Dubanaev shared the history of the state symbol]. 14th January. [Online] Available from: https://www.vb.kg/doc/396150_gerby_kr_27_let_general_dybanaev_podelilsia_istoriey_sozdaniia_gossimvola.html (Accessed: 14th May 2021).
28. Bakchiev, T.A. (2017) Interpretation of some characters in the epic “Manas”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii – BSU Bulletin. Human Research of Inner Asia*. 1. pp. 9–15. (In Russian). DOI: 10.18101/2305-753X-2017-1-9-15
29. Nas, N. (2016) *Kak my risovali gerb?* [How did we draw the coat of arms?]. 27th October. [Online] Available from: <https://medium.com/@nurbek> (Accessed: 4th June 2021).
30. Shozimov, P. (2005) Pereosmyslenie simvolicheskogo prostranstva uzbekskoy identichnosti [Rethinking the symbolic space of Uzbek identity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 64–67.
31. Revnitsev, M. (n.d.) *K voprosu o skrytoy simvolike flaga i gerbov Respubliki Tadzhikistana* [On the hidden symbolism of the flag and emblems of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: <http://www.vexillographia.ru/tadjik/secret.htm> (Accessed: 19th April 2021).
32. Kadyrov Sh. (2005) Etnologiya upravleniya v Sredney Azii: vchera, segodnya, zavtra [Ethnology of management in Central Asia: yesterday, today, tomorrow]. *Norvezhskiy institut mezhdunarodnykh del. Tsentr rossiyskikh issledovaniy*. 6th June. [Online] Available from: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1119947605.html (Accessed: 18th May 2021).
33. The Russian Centre of Vexillology and Heraldry. (n.d.) *Gosudarstvennyy gerb Turkmenistana* [The state emblem of Turkmenistan]. [Online] Available from: <http://www.heraldicum.ru/turkmen/state1.htm> (Accessed: 19th April 2021).
34. Karamyshev, O.M. (2012) Shchit v geraldike kak chast' obshchaya i figura osobennaya [The shield in heraldry as a common part and a special figure]. In: Karamyshev, O.M. et al. *Karamysh: kraevedcheskiy i istoricheskiy al'manakh* [Karamysh: local history and historical almanac]. pp. 135–153.
35. Cheremisin, D.V. (1995) K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii [On Iranian-Turkic relations in the sphere of mythology]. In: Alekseev, N.A. (ed.) *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Aborigines of Siberia: problems of studying endangered languages and cultures]. Vol. 1. Novosibirsk: RAS. pp. 342–345.
36. Saprykov, V. (1994) Ptitsa Khumo Uzbekistana [Humo Bird of Uzbekistan]. *Nauka i zhizn'*. 1. pp. 23–24.
37. Derendayeva, A.D. & Chernyshov, Yu.G. (2021) From Akmolinsk to Nur-Sultan: the Influence of the State Ideology on Developing the Official City Symbols. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2(118). pp. 41–48. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-06
38. Malinova, O.Yu. (2010) Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushcheysya publichnoy sfere [Construction of macropolitical identity in Post-Soviet Russia: symbolic politics in the transforming public sphere]. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks – Political expertise: POLITEX*. 1. pp. 5–28.

УДК 327(82)

DOI: 10.17223/19988613/74/14

Н.С. Мальшева

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. ТРУМЭНА В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

Статья посвящена вопросу обращения администрации президента Г. Трумэна (1945–1953) во внешнеполитическом дискурсе к событиям истории государств Западного полушария с целью укрепления сотрудничества США и стран Латинской Америки. На основе анализа речей президента Г. Трумэна отмечается, что «политика памяти» опиралась на коммеморацию («вспоминание») борьбы за независимость стран Северной и Южной Америки, американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. и деятельности героя войны за независимость Симона Боливара.

Ключевые слова: «политика памяти», внешняя политика США, Гарри Трумэн, Симон Боливар, коммеморация.

Латиноамериканской политике администрации Г. Трумэна (1945–1953) долгое время в историографии уделялось недостаточное внимание. В общих работах по истории холодной войны, а также в исследованиях по истории взаимоотношений США и стран Латинской Америки отмечалось, что в годы президентства Г. Трумэна приоритетными направлениями внешней политики США стали Европа и Азия, в то время как латиноамериканский вектор отошел на второй план [1, 2]. Действительно, для президентства Г. Трумэна не были характерны яркие события или поворотные рубежи в латиноамериканской политике, какие происходили при президенте Ф.Д. Рузвельте, провозгласившем в отношении стран региона политику «добраго соседа», или при Дж.Ф. Кеннеди, объявившем о начале программы «Союз ради прогресса». Тем не менее за последние 20 лет появились исследования, посвященные экономическим, военным, а также культурным аспектам политики президента Г. Трумэна в латиноамериканском регионе [3–5]. В 2017 г. в Институте Сан-Карлос (Ки Уэст, США) прошел симпозиум, посвященный политике Г. Трумэна в Латинской Америке [6]. В современных исследованиях латиноамериканская политика США в 1945–1953 гг. предстает сложным, многоплановым явлением, обусловленным не только международной обстановкой начала холодной войны, но и неразрешенными внутренними противоречиями самих латиноамериканских государств.

Новым подходом в изучении особенностей латиноамериканского курса США может стать обращение к вопросу использования во внешнеполитическом дискурсе социальных представлений о прошлом и их репрезентации в политических целях, понимаемое нами также как «политика памяти». Это понятие подразумевает «сужение» взгляда на исторические события для использования коллективной памяти в политических целях [7. С. 450]. Политику памяти также можно трактовать как деятельность государства и иных акторов, направленную на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом и формирование соответствующей культурной инфраструктуры [8. С. 291].

Как указывает О.Ю. Малинова, важным элементом политики памяти является коммеморация – «вспоминание» и (или) переосмысление исторических фигур или событий в современном контексте, происходящая как процесс отбора того, что подлежит воспоминанию или забвению [Там же. С. 302]. Наиболее распространенным методом изучения политики памяти является анализ памятных речей политических деятелей, позволяющий выявить ценности и убеждения, используемые для формирования коллективной идентичности.

К вопросу использования американским правительством во внешнеполитических целях исторических событий и образов обращались также исследователи, как И.И. Курилла [9], С. Филпотт [10], Э. Лангенбахер [11]. Американский политолог Э. Кенуорти анализирует обращение к историческим «мифам», используемым политиками США в отношении стран Латинской Америки для упрочения своих позиций в регионе [12]. Несомненный интерес представляет проект тематической выставки в Музее Г. Трумэна, посвященной усилиям американского президента по созданию коллективной памяти о Западном полушарии [13].

Для понимания того, какие исторические сюжеты и почему использовались администрацией Г. Трумэна, необходимо обратиться к состоянию отношений США и стран Латинской Америки после Второй мировой войны. Основатель Ассоциации латиноамериканских исследований, американский политолог Ф. Гил обращал внимание на то, что характерной особенностью взаимоотношений США и стран Латинской Америки является их циклический характер: периоды повышенного и благожелательного внимания Соединенных Штатов к своему южному соседу сменяются периодами охлаждения, вплоть до безразличия. Как правило, интерес усиливался в условиях обострения международной обстановки и кризисов – Первой мировой войны, Великой депрессии 1929–1933 гг., зарождения в Европе фашизма и Второй мировой войны, появления новой идеологической угрозы в лице коммунизма, Кубинской революции [14. Р. 284]. В подобных кризисных условиях в 1933 г. президентом Ф.Д. Рузвельте

том была провозглашена политика «добраго соседа», которая предусматривала отход от прямого военного вмешательства во внутренние дела стран региона, предоставление им кредитов. Эта политика во многом обеспечила солидарность и сотрудничество США и Латинской Америки в годы Второй мировой войны. В феврале 1945 г. в Мехико состоялась Чапультепекская межамериканская конференция, закрепившая принципы политического, экономического и военного сотрудничества стран.

Тем не менее декларируемая политикой «добраго соседа» цель – обеспечить экономическую самостоятельность стран Латинской Америки – так и не была достигнута. Окончание Второй мировой войны и усиление военной и экономической мощи США еще больше обозначили зависимость от них Латинской Америки; одновременно с этим внешнеполитические интересы Штатов стали простираяться за пределы Западного полушария. Нарастание советско-американского противостояния вынуждало американское руководство рассматривать регион как «последнюю» линию обороны против коммунизма. При президенте Трумэне было подписано два межамериканских соглашения: договор о коллективной обороне (Договор Рио 1947 г.) и Боготское соглашение 1948 г., по которому на основе существовавшего с конца XIX в. Панамериканского союза была учреждена Организация американских государств.

Сам латиноамериканский регион также переживал социально-политические перемены. В 1944–1946 гг. в странах региона прошла волна демократизации, ознаменовавшаяся падением авторитарных режимов и началом аграрной реформы, проводимой пришедшими к власти демократическими правительствами. При этом ожидания латиноамериканских правительств реализации принципов экономического сотрудничества, заложенных Чапультепекской конференцией, оставались несбыточными. В условиях, когда Соединенными Штатами предоставлялась финансовая помощь Японии, а для стран Западной Европы была разработана программа экономической помощи и в июне 1947 г. был провозглашен план Маршалла, ожидалось, что странам Латинской Америки будет предоставлена меньшая поддержка. Однако американское руководство поясняло, что, во-первых, возможности США ограничены, а во-вторых, проблемы стран Латинской Америки не могут быть решены теми же средствами, что и для Европы, – региону необходимо долгосрочное экономическое сотрудничество, где основную роль будут играть частные группы, а не государственные программы [15, 16]. Недовольство правительств стран Латинской Америки такой позицией США выразилось в их попытке на заседании Совета управляющих Международного валютного фонда и Всемирного банка в сентябре 1947 г. провести резолюцию о неодобрении деятельности банка. Только благодаря вмешательству США заявление латиноамериканских стран было смягчено [17]. Как указывал в феврале 1948 г. директор Отдела финансового и экономического развития Н. Несс, Всемирный банк не предоставил ни одного кредита Латинской Америке, хотя вопрос об экономи-

ческой помощи неоднократно поднимался странами этого региона на различных международных конференциях [Ibid]. В 1949 г. была инициирована программа «Пункт-4», предусматривавшая техническое содействие экономике развивающихся стран. Однако средств, выделяемых в рамках данной программы, было недостаточно: например, в сентябре 1950 г. Конгресс утвердил 26,9 млн долларов для «Пункта-4», в то время как в рамках плана Маршалла в том же году было выделено 2,25 млрд долларов [18. Р. 122].

Таким образом, для администрации Г. Трумэна непростой задачей оказалось намерение совместить дух политики «добраго соседа» с необходимостью сдерживания коммунизма. Кроме того, поначалу в окружении Трумэна не было единства по поводу латиноамериканской политики. В правительстве США были представлены как сторонники продолжения политики «добраго соседа», так называемые «латиноамериканисты», возглавляемые Н. Рокфеллером, так и те, кто рассматривал латиноамериканский регион в более глобальном контексте и был заинтересован в следовании обязательствам в международных организациях – «интернационалисты» во главе с госсекретарем Э. Стеттиниусом. В августе 1945 г. вместо Н. Рокфеллера помощником госсекретаря по делам Западного полушария был назначен С. Брейден, являвшийся также лоббистом интересов американской корпорации «Юнайтед Фрут Компани» и сторонником более напористых действий в регионе. Назначение Брейдена на этот пост отражало колебания администрации Г. Трумэна в отношении целесообразности продолжения политики «добраго соседа». При этом госсекретарь Дж. Бирнс, более занятый проблемами европейской политики США, предоставил Брейдену полную свободу действий в латиноамериканском направлении. Брейден считал возможным отказаться от принципа невмешательства в отношении перонистского режима в Аргентине, которое далеко от демократии и не соблюдает заложенные Чапультепекской конференцией принципы [19. Р. 77]. Однако действия Брейдена, зачастую не согласованные с Комитетом Сената по международным отношениям, критиковались сенаторами А. Вандербергом и Т. Коннелли, публицистом С. Уэллесом (ранее занимавшим пост заместителя госсекретаря), которые полагали, что публичные нападки Брейдена на сторонников Х. Перона подрывают межамериканское единство [20. Р. 339]. Такого же мнения придерживался и дипломат Дж. Мессершмит, в разные годы своей карьеры являвшийся послом США на Кубе (1940–1942), в Мексике (1942–1946) и Аргентине (1946–1947). Он полагал, что режим Перона демонстрирует свою готовность к сотрудничеству; более того, Аргентина выступает оплотом против коммунизма в регионе, и необходимо избегать ее негативного отображения в прессе [19. Р. 83]. В конечном итоге американское руководство склонилось к мнению Мессершмита; к лету 1947 г. отношения США с режимом Х. Перона были нормализованы, а С. Брейден отправлен в отставку.

Налаживание отношений с авторитарным режимом Аргентины в интересах сдерживания коммунизма в ре-

гионе ознаменовало новую тенденцию в политике США в отношении стран Латинской Америки. Период демократизации в этих странах оказался недолгим, к 1948 г. консервативные силы взяли верх в Колумбии, Перу, Венесуэле. Усиление реакции сопровождалось свертыванием реформ и ограничением политических свобод. Такие шаги военных режимов, как и сам факт их установления, не вызвали резкого осуждения со стороны США, поскольку более важным было не допустить прихода к власти в этих странах коммунистических правительств, как это было в Чехословакии в 1948 г., а позже, в 1949 г., в Китае. Хотя президент Трумэн высказывался в поддержку демократии в регионе, признание США авторитарных режимов вполне соответствовало принципу невмешательства во внутренние дела стран Латинской Америки в духе политики «добраго соседа» [21. Р. 508].

Неоднозначность позиции администрации Г. Трумэна в отношении традиций политики «добраго соседа», недовольство стран Латинской Америки недостаточной экономической поддержкой и военно-политическим доминированием США предопределило обращение американского президента во внешнеполитический риторике к ряду сюжетов истории межамериканских отношений и стран Западного полушария в целом. Коллективная память, которую правительство Г. Трумэна намеревалось популяризировать, опиралась на несколько «мифов» о Западном полушарии. Как указывает Э. Кенуорти, это прежде всего представление о регионе как о «Новом мире», возникшем, в противоположность старому, на основе идей демократии, свободы и самоопределения и олицетворяющем собой весь цивилизационный прогресс. Лидерство в этом новом мире принадлежит США как нации, первой среди всех в Западном полушарии вступившей на путь демократии и свободы [12. Р. 18–19]. Так, выступая перед делегатами межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в 1947 г., Г. Трумэн заявлял, что «наше Западное полушарие обычно называют Новым светом. То, что это Новый свет, сегодня ясно, как никогда. Старый свет истощен, его сохранение под угрозой. Его люди страдают. Они растеряны и полны страха перед будущим. Их надежда лежит в нашем Новом мире... Именно нам, молодым и сильным, предстоит построить оплот, который навсегда защитит человечество от ужасов войны» [15].

Эти представления были созвучны идее панамериканизма, основанного на представлении об исторической, культурной, экономической и географической общности обеих Америк, а также доктрине Монро, предполагавшей невмешательство европейских стран в дела Америки. С конца XIX в. по инициативе США проводились регулярные панамериканские конференции, результатом которых стало учреждение Панамериканского союза, преобразованного в 1948 г. в Организацию американских государств. Отметим, что тема панамериканской солидарности присутствовала и в публичных выступлениях президента Ф.Д. Рузвельта [22]. Новшество, которое внес лично Г. Трумэн, заключалось в обращении им в своих речах к исторической фигуре, олицетворявшей панамериканизм, – Симону

Боливару (1783–1830), герою войны за независимость испанских колоний в Америке, благодаря которому обрели суверенитет Венесуэла, Перу, Колумбия, Эквадор, Боливия и Панама. Еще будучи сенатором штата Миссури, Трумэн получил в подарок портрет Боливар – копию изображения, находящегося в президентском дворце в Каракасе [23. Р. 17]. Став президентом, он распорядился разместить портрет над камином в Овальном кабинете Белого дома, между портретами Ф.Д. Рузвельта и Дж. Вашингтона [24].

В своих публичных выступлениях Трумэн неоднократно выказывал дань уважения герою войны за независимость. В июле 1948 г. в рамках официального визита в США президент Венесуэлы Р. Галлегос преподнес американскому городу Боливару в штате Миссури в дар статую Симона Боливар. Церемония открытия памятника стала событием международным: на ней с торжественными речами выступили президент Венесуэлы, Г. Трумэн и губернатор штата Миссури Ф. Доннели. На открытии памятника Г. Трумэн произнес речь, в которой указал на сходства в истории двух государств, США и Венесуэлы. Свои дни рождения государства – «великие республики в Западном полушарии» – отмечают 4 и 5 июля соответственно, а память о Симоне Боливаре является частью «духа свободы и независимости и в Северной, и в Южной Америке». В своей речи Трумэн назвал Боливар великим Освободителем, который своими усилиями по объединению стран Нового света заложил основы политики всех американских республик: «Более ста лет назад Симон Боливар создал первый Панамериканский конгресс в Панама-Сити. Сегодня двадцать одна американская республика связана полным спектром политических, экономических и культурных интересов. Панамериканизм означает равенство всех наций, а также их благожелательное и эффективное сотрудничество. Мы, конечно, знаем, что у нас есть разногласия... Но мы также знаем, как их урегулировать мирными средствами и на основе взаимного уважения и терпения... Если временами наш прогресс кажется медленным, мы должны оставаться стойкими в вере, которая поддерживала великих лидеров прошлого, которые, как Симон Боливар, боролись за человеческую свободу и взаимопонимание между народами. Этот памятник станет непреходящим символом великих устремлений, теплой дружбы между Венесуэлой и Соединенными Штатами» [25].

Трумэн также не обошел вниманием торжественный перенос другого памятника С. Боливару – в Нью-Йорке – с его прежнего места к входу Центрального парка на 6-ю авеню в апреле 1951 г. В своем заявлении президент отмечал актуальность наставлений Боливар и цитировал национального героя Венесуэлы: «Необходимо, чтобы наше общество оставалось обществом братских народов... объединенным, сильным и способным помогать друг другу в борьбе против внешней агрессии» [26. Р. 86].

Еще одним историческим сюжетом, к которому обратилась, во многом вынужденно, администрация Трумэна, была американо-мексиканская война 1846–1848 гг., в результате которой Мексика потеряла

Техас. Мексика, граничащая с южными американскими штатами, без сомнения, являлась ключевой страной латиноамериканской политики США. Активная деятельность коммунистической партии, усилившаяся в ходе президентской кампании 1946 г. в Мексике, очень беспокоила американское руководство. Как отмечал посол США в Мехико Дж. Мессершмит, эта активность подпитывалась поддержкой Советского Союза, намеревавшегося таким образом разрушить межамериканское сотрудничество, в котором Мексика играла определяющую роль [27]. Обеспокоенность будущим американо-мексиканских отношений выражал и посол Мексики в США А. Эспиноза де лос Монтерос. По его мнению, грядущий 1947 год представлял собой переломный момент в общей истории двух стран, определяющий будущий вектор их развития. И в этих обстоятельствах крайне важно, чтобы США не только отправили специального представителя на инаугурацию нового президента, но и не оставили без внимания годовщину американо-мексиканской войны [28].

Вопрос о восприятии событий войны действительно был непростым. В то время как в Мексике при государственной поддержке возникали мемориалы, памятные места, посвященные войне, а упоминание о войне было включено в строчки национального гимна, в Соединенных Штатах подобной последовательной политики не проводилось. Малочисленность военных мемориалов в память о первой зарубежной войне США сочеталась со сформировавшимся во второй половине XIX в. благодаря газетам взглядом на войну как на благое деяние распространения демократии и свободы среди мексиканцев – «отсталого» народа с другим цветом кожи [29. P. 231–232]. Как указывает Дж. Биссел, «забвение» со стороны правительства США американо-мексиканской войны может быть объяснено прежде всего тем, что государству, взявшему курс на либерализм, поддержку демократии и свободной торговли, довольно сложно смириться с захватническим характером своих прошлых действий в отношении Мексики [Ibid. P. 222]. Кроме того, начавшаяся вскоре после американо-мексиканской войны гражданская война не оставила времени для осмысления памяти о прошедшей войне [Ibid. P. 233].

Поэтому обращение президента Трумэна к «забытой войне» было знаковым моментом в американо-мексиканских отношениях. В марте 1947 г. Г. Трумэн отправился с официальным визитом в Мексику, став первым в истории США американским президентом, посетившим эту страну. Выступая с приветственной речью в марте 1947 г. в Мехико, президент назвал войну 1846–1848 гг. «трагическими трудностями», которые, впрочем, имели место в XIX в. и в отношениях между США и Канадой, и между самими американскими штатами. Поэтому для развития конструктивных отношений необходимо сосредоточиться на том, что объединяет американские нации. По словам Г. Трумэна, это не что иное, как приверженность демократии: «У всех наших народов есть общая вера, которую мы называем демократией. Демократия имеет духовную основу, потому что она базируется на братстве людей. Мы верим в достоинство личности. Мы

считаем, что функция государства заключается в сохранении и поощрении прав человека и основных свобод...» Трумэн уверил присутствующих, что США по-прежнему привержены политике «доброго соседа» и принципу невмешательства: «Наша страна, как и все американские республики, на конференции в Монтевидео в 1933 г. и на конференции в Буэнос-Айресе в 1936 г. обязалась соблюдать доктрину невмешательства. Это означает, что более сильная нация не имеет права навязывать свою волю более слабой нации. Искреннее принятие всеми нами этой доктрины является краеугольным камнем Межамериканской системы. Без нее мы не смогли бы существовать как сообщество добрых соседей» [30].

В ходе своего визита Трумэн посетил мемориал Детям-героям у замка Чапультепек, воздвигнутый в память о погибших в одном из сражений американо-мексиканской войны. Как писал журнал «Лайф» в заметке под названием «Трумэн очаровывает Мексику», «одним этим жестом Трумэн сделал для американо-мексиканской дружбы больше, чем за три дня дипломатических речей» [31]. Действительно, этот символический жест президента США положил начало преодолению разрыва в восприятии войны США и Мексикой. Отмечалась доброжелательность не только публики, но и мексиканских газет, освещавших визит американского президента; например, пресса снисходительно отнеслась к отказу Трумэна посетить корриду. О пребывании Г. Трумэна в Мексике также был снят документальный фильм на испанском языке [32].

Еще один исторический сюжет, к которому обращался Г. Трумэн, – обретение США и странами Латинской Америки независимости. Можно привести два наиболее ярких примера коммеморации этого сюжета. Во-первых, это визит президента США в Бразилию, приуроченный к конференции в Рио-де-Жанейро 1947 г. Выступая перед бразильским конгрессом, Трумэн указал на схожесть деклараций о независимости США и Бразилии: обе они были «краткими, но при этом многообещающими». Сходство стран, по мнению Трумэна, заключалось также в том, что они располагают значительными ресурсами и в обеих странах движущим мотивом прогресса является свобода. Трумэн упомянул и императора Бразилии Педру II, который был первым монархом, посетившим США в XIX в. [33]. Другой памятной датой стала отмечаемая в 1948 г. 50-я годовщина принятия Конгрессом США резолюции в поддержку Кубы в войне за независимость с Испанией. Выступая на объединенной сессии Конгресса, куда был приглашен посол Кубы в США Г. Белт, Трумэн подчеркнул, что эта годовщина напоминает о доблести не только кубинских партизан, но и американских солдат, отдавших свою жизнь за свободу Кубы, и что общими ценностями обоих народов были и остаются свобода, справедливость и мир. Текст выступления президента был переведен на испанский язык [34].

Оценивать эффективность политики памяти довольно сложно, прежде всего потому, что формирование коллективной исторической памяти и коллективной идентичности является процессом длительным. Тем не менее обозначим некоторые предположения

о результативности политики памяти администрации Г. Трумэна. Война в Корее 1950–1953 гг. показала степень солидарности стран Латинской Америки с США, об уровне которой скептически высказывался новый помощник госсекретаря по межамериканским делам Э. Миллер: «В том, что касается моральной поддержки, реакция латиноамериканских стран была удовлетворительной, но что касается военного и экономического сотрудничества, это сплошное разочарование... В отношении обязательств перед объединенным командованием ООН больше слов, чем дел... Очевидной причиной этого является то, что данный конфликт далек от среднестатистического латиноамериканца, но еще одна причина – апатия и угрюмость, порожденные чувством, что после Второй мировой США бросили Латинскую Америку и нашли себе новых друзей в других частях света» [35]. Миллер считал наиболее тревожной ситуацию в Бразилии и Мексике, где после начала Корейской войны в газетах начали писать о том, что если со стороны США нет экономической поддержки, то им и не стоит рассчитывать на помощь в войне со стороны стран региона. Из стран латиноамериканского региона только Колумбия направила свои войска для поддержки южнокорейских сил, участие же других стран, в том числе Бразилии и Мексики, на которое рассчитывали в Вашингтоне, ограничилось материальной помощью и поставкой продовольствия. Еще одним подтверждением непопулярности политики Трумэна в странах Латинской Америки можно считать то, что в странах региона до сих пор нет памятных мест или объектов, названных в его

честь. При этом в честь президента Ф.Д. Рузвельта были названы парк и две улицы в городах Уругвая, установлен памятник в Мехико; в память о президенте Дж.Ф. Кеннеди названо множество объектов в Бразилии, Чили, Эквадоре, Перу [36].

Таким образом, «политика памяти» администрации Г. Трумэна опиралась на коммеморацию исторических фигур (Симон Боливар) и исторических событий (обретение независимости странами Северной и Южной Америки, американо-мексиканская война 1846–1848 гг.). Памятные речи и заявления президента были направлены на то, чтобы передать определенные политические убеждения и ценности, которые должны разделять жители обоих континентов: свобода, демократия, права человека, взаимовыгодное сотрудничество, невмешательство во внутренние дела друг друга. При этом исторические события, как и адресаты политики памяти, определялись выборочно. Сама политика памяти, очевидно, не являлась четко продуманным и проработанным инструментом воздействия на общественное мнение латиноамериканцев и представляла собой ситуативные решения в отношении отдельных стран. В целом такая выборочность отражала и само состояние латиноамериканской политики правительства Г. Трумэна, корректировка которой происходила в напряженной обстановке идеологического соперничества СССР и США. Начало войны в Корее в июне 1950 г. сконцентрировало внешнеполитические ресурсы правительства Г. Трумэна на восточном направлении, и латиноамериканский вектор, не пользовавшийся большим вниманием и до войны, временно отошел на второй план.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Oxford Hand Book of the Cold War / ed. by R. Immerman Oxford : Oxford University Press, 2013. 688 p.
2. Connell-Smith G. Latin America in the Foreign Relations of the United States // Journal of Latin American Studies. 1976. Vol. 8 (1). P. 137–150.
3. Lopez-Maya M. The Change in the Discourse of US – Latin American Relations from the End of the Second World War to the Beginning of the Cold War // Review of International Political Economy. 1995. Vol. 2 (1). P. 135–149.
4. Schwartzberg S. Democracy and US Policy in Latin America during Truman Years. Gainesville : University Press of Florida, 2008. 320 p.
5. A Companion to Harry S. Truman / ed. by D. Margolies New Jersey : Wiley-Blackwell, 2012. 632 p.
6. The Presidency: Truman Legacy: Latin & South America. The 15th annual Harry S. Truman Legacy Symposium. URL: <https://www.c-span.org/event/?427121/trumans-latin-american-legacy-latin-south-america>
7. Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 450–455.
8. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод : московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М. : ИНИОН РАН, 2019. № 9. С. 285–312.
9. Курилла И.И. Политика памяти: вариант США // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6 (116). С. 29–34. DOI: 10.14258/izvasu(2020)6-04
10. Philpott S. The United States of Amnesia: US Foreign Policy and the Recurrence of Innocence // Cambridge Review of International Relations. 2009. Vol. 22, is. 2. P. 301–317. DOI: 10.1080/09557570902882109
11. Langenbacher E., Shain Y. Power and the Past: Collective Memory and International Relations. Washington, DC : Georgetown University Press, 2010. 244 p.
12. Kenworthy E. America / Americas: Myth in the Making of US Policy toward Latin America. University Park : Pennsylvania State University Press, 1995. 189 p.
13. Gipple J. Pursuing a United Memory: the Truman Administration's Construction of a Collective Memory of the Western Hemisphere. Kansas City : Truman State University, 2019. 68 p.
14. Gil F. Latin American-United States Relations. New York : Harcourt College Pub., 1971. 339 p.
15. Address Before the Rio de Janeiro Inter-American Conference for the Maintenance of Continental Peace and Security, September 7, 1947. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-rio-de-janeiro-inter-american-conference-for-the-maintenance>
16. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948. Vol. IX: Western Hemisphere. Doc. 314. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d314>
17. FRUS. 1948. Vol. IX. Doc. 3. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d3>
18. Paterson T. Foreign Aid Under Wraps: The Point Four Program // The Wisconsin Magazine of History. 1972–1973. Vol. 56 (2). P. 119–126.
19. Trask R. Spruille Braden versus George Messersmith: World War II, the Cold War, and Argentine Policy, 1945–1947 // Journal of Interamerican Studies and World Affairs. 1984. Vol. 26 (1). P. 69–95.
20. Braden S. Diplomats and Demagogues. New York : Arlington House Publishers, 1971. 496 p.
21. Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman: Containing the Public Messages, Speeches and Statement of the President, January 1 to December 31, 1949. Washington : U.S. Government Printing Office, 1965. 672 p.

22. Address on the Occasion of the Celebration of Pan-American Day, Washington. April 12, 1933. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-occasion-the-celebration-pan-american-day-washington>
23. Ayers E. Truman in White House: The Diary of Eben A. Ayers. Columbia : University of Missouri Press, 1991. 402 p.
24. The Oval Office Fireplace. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/photograph-records/59-1076>
25. Address in Bolivar, Missouri. At the Dedication of Simon Bolivar Memorial Statue. July 5, 1948. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-bolivar-missouri-the-dedication-the-simon-bolivar-memorial-statue>
26. Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman: Containing the Public Messages, Speeches and Statement of the President, January 1 to December 31, 1951. Washington : U.S. Government Printing Office, 1965. 749 p.
27. FRUS. 1946. Vol. XI: American Republics. Doc. 812. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v11/d812>
28. FRUS. 1946. Vol. XI. Doc. 815. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v11/d815>
29. Bissel J. The Conflicting National Narratives of the 1846–1848 North American Invasion of Mexico // *Historical Geography*. 2017. Vol. 45. P. 220–251.
30. Address in Mexico City. March 3, 1947. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/51/address-mexico-city>
31. Truman Charms Mexico // *Life*. 1947. March 17. URL: <https://oldlifemagazine.com/march-17-1947-life-magazine.html>
32. President's Truman Visits Mexico [video]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Igh80N-LhPY&list=PLpz8_szl0U8JzJaitEoPVRSwttAq49zvM&index=1
33. Address in Rio de Janeiro Before a Joint Session of the Congress of Brazil. 1947. September 5. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-rio-de-janeiro-before-joint-session-the-congress-brazil>
34. Address Before a Joint Session of the Congress on Observance of the 50th Anniversary of Cuban Independence. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/81/address-joint-session-congress-observance-50th-anniversary-cuban>
35. FRUS. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Doc. 219. Wash., D.C.: U.S. Government Printing Office, 1977. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d219>
36. Every John F. Kennedy Street, Park, Airport, and School in the World. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/slate_labs/2013/11/kennedy_street_school_airport_and_more_memorials_to_john_f_kennedy_mapped.html

Nina S. Malysheva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nina.barnaul@gmail.com

THE TRUMAN'S ADMINISTRATION'S "MEMORY POLICY" TOWARD LATIN AMERICA

Keywords: "memory policy", US foreign policy, Harry Truman, Simon Bolivar, commemoration.

The article is devoted to the Truman's administration's attempts to form a collective memory of the Western Hemisphere in order to strengthen cooperation between the USA and Latin America. The purpose of the study is to explore what memories and myths Truman turned to in his politics of memory. We understand the so-called "memory policy" as the use of social perceptions of the past and their representation for political purposes in the foreign policy discourse. It is argued that the declared goal of the "good neighbor" policy in the 1930s for economic autonomy for Latin America has not been achieved. In the context of the Cold War, it was difficult for the Truman's administration to reconcile the spirit of the "good neighbor" policy with the need to contain communism. The ambiguity of the US government's position with regard to the traditions of the "good neighbor" policy and the Latin American countries' dissatisfaction with the lack of economic support and the USA's military and political dominance were the reason for Harry Truman's appeal to collective memory. The collective memory that the US government intended to popularize was based both on the idea of the region as a "New World" of democracy, freedom, self-determination and non-intervention, and the idea of Pan-Americanism.

An analysis of the president Truman's commemorative speeches has revealed several points. First, the "memory policy" was based on commemoration (or "remembrance") of the struggle for independence of North and South America. In his public speeches Truman repeatedly paid tribute to the hero of the War of Independence of the Spanish colonies in America, Simon Bolivar. In 1947, during his visit to Brasil, Truman noted similarities in the declarations of U.S. and Brazilian independence. In 1948 the US government also commemorated the anniversary of Cuba's independence. One more historical event to commemorate was the American-Mexican war of 1846–1848. Truman's visit to Memorial at Chapultepec Castle in Mexico was a symbolic move that laid the groundwork for a rapprochement on the issue of remembrance of the war.

The author comes to conclusion that the effectiveness of Truman's memory policy is difficult to estimate because the formation of collective memory is a long-term process. In general, that policy was inconsistent and selective. These trends reflected the state of US – Latin American relations in the context of the beginning of Cold war and tense ideological rivalry between the USSR and the USA.

REFERENCES

1. Immerman, R. (ed.) (2013) *The Oxford Hand Book of the Cold War*. Oxford: Oxford University Press.
2. Connell-Smith, G. (1976) Latin America in the Foreign Relations of the United States. *Journal of Latin American Studies*. 8(1). pp. 137–150. DOI: 10.1017/S0022216X00018204
3. Lopez-Maya, M. (1995) The Change in the Discourse of US – Latin American Relations from the End of the Second World War to the Beginning of the Cold War. *Review of International Political Economy*. 2(1). pp. 135–149. DOI: 10.1080/09692299508434313
4. Schwartzberg, S. (2008) *Democracy and US Policy in Latin America during Truman Years*. Gainesville: University Press of Florida.
5. Margolies, D. (ed.) (2012) *A Companion to Harry S. Truman*. New Jersey: Wiley-Blackwell.
6. C-span.org. (2017) *The Presidency: Truman Legacy: Latin & South America*. The 15th Annual Harry S. Truman Legacy Symposium. [Online] Available from: <https://www.c-span.org/event/?427121/trumans-latin-american-legacy-latin-south-america>
7. Rubtsova, V.Yu. (2017) Politika pamyati v praktike konstruirovaniya lokalnoy identichnosti [The politics of memory in the practice of constructing local identity]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 1(4). pp. 450–455.
8. Malinova, O.Yu. (2019) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. *Metod: moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. 9. pp. 285–312.
9. Kurilla, I.I. (2020) Memory Politics: US. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 6(116). pp. 29–34. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2020)6-04
10. Philpott, S. (2009) The United States of Amnesia: US Foreign Policy and the Recurrence of Innocence. *Cambridge Review of International Relations*. 22(2). pp. 301–317. DOI: 10.1080/09557570902882109
11. Langenbacher, E. & Shain, Y. (2010) *Power and the Past: Collective Memory and International Relations*. Washington, DC: Georgetown University Press.
12. Kenworthy, E. (1995) *America/Americas: Myth in the Making of US Policy toward Latin America*. University Park: Pennsylvania State University Press.

13. Gipple, J. (2019) *Pursuing a United Memory: the Truman Administration's Construction of a Collective Memory of the Western Hemisphere*. Kansas City: Truman State University.
14. Gil, F. (1971) *Latin American-United States Relations*. New York: Harcourt College Pub.
15. The American Presidency Project. (1947) *Address Before the Rio de Janeiro Inter-American Conference for the Maintenance of Continental Peace and Security*. September 7, 1947. [Online] Available from: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-rio-de-janeiro-inter-american-conference-for-the-maintenance>
16. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. (1948) Vol. IX: Western Hemisphere. Doc. 314. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d314>
17. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. (1948). Vol. IX. Doc. 3. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v09/d3>
18. Paterson, T. (1972–1973) Foreign Aid Under Wraps: The Point Four Program. *The Wisconsin Magazine of History*. 56(2). pp. 119–126.
19. Trask, R. (1984) Spruille Braden versus George Messersmith: World War II, the Cold War, and Argentine Policy, 1945–1947. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. 26(1). pp. 69–95.
20. Braden, S. (1971) *Diplomats and Demagogues*. New York: Arlington House Publishers.
21. Public Papers of the Presidents of the United States. (1965) *Harry S. Truman: Containing the Public Messages, Speeches and Statement of the President January 1 to December 31, 1949*. Washington: U. S. Government Printing Office.
22. The American Presidency Project. (1933) *Address on the Occasion of the Celebration of Pan-American Day, Washington*. April 12, 1933. [Online] Available from: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-occasion-the-celebration-pan-american-day-washington>
23. Ayers, E. (1991) *Truman in White House: The Diary of Eben A. Ayers*. Columbia: University of Missouri Press.
24. Trumanlibrary.gov. (n.d.) *The Oval Office Fireplace*. [Online] Available from: <https://www.trumanlibrary.gov/photograph-records/59-1076>
25. The American Presidency Project. (1948) *Address in Bolivar, Missouri. At the Dedication of Simon Bolivar Memorial Statue*. July 5, 1948. [Online] Available from: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-bolivar-missouri-the-dedication-the-simon-bolivar-memorial-statue>
26. Public Papers of the Presidents of the United States. (1965) *Harry S. Truman: Containing the Public Messages, Speeches and Statement of the President January 1 to December 31, 1951*. Washington: U. S. Government Printing Office.
27. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. (1946) Vol. XI: American Republics. Doc. 812. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v11/d812>
28. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. (1946) Vol. XI. Doc. 815. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v11/d815>
29. Bissel, J. (2017) The Conflicting National Narratives of the 1846–1848 North American Invasion of Mexico. *Historical Geography*. 45. pp. 220–251.
30. Trumanlibrary.gov. (1947) *Address in Mexico City*. March 3, 1947. [Online] Available from: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/51/address-mexico-city>
31. *Life*. (1947) Truman Charms Mexico. 17th March. [Online] Available from: <https://oldlifemagazine.com/march-17-1947-life-magazine.html>
32. *President's Truman Visits Mexico*. (2020) [Online video]. March 25, 2020. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=Igh80N-LhPY&list=PLpz8_szl0U8JzJaitEoPVRSwttAq49zvM&index=1
33. The American Presidency Project. (1947) *Address in Rio de Janeiro Before a Joint Session of the Congress of Brazil*. September 5, 1947. [Online] Available from: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-rio-de-janeiro-before-joint-session-the-congress-brazil>
34. The American Presidency Project. (n.d.) *Address Before a Joint Session of the Congress on Observance of the 50th Anniversary of Cuban Independence*. [Online] Available from: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/81/address-joint-session-congress-observance-50th-anniversary-cuban>
35. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. (1950) Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Doc. 219. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d219>
36. Kirk, Ch., Goss, E. & Duchesne, N. (n.d.) *Every John F. Kennedy Street, Park, Airport, and School in the World*. [Online] Available from: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/slate_labs/2013/11/kennedy_street_school_airport_and_more_memorials_to_john_f_kennedy_map_ped.html

УДК 321, 321.8, 327, 327.7, 329
DOI: 10.17223/19988613/74/15

Ю.В. Менщикова

ДЖ. МЕЙДЖОР В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Анализируется восприятие британским обществом личности премьер-министра Великобритании Джона Мейджора (1990–1997). Этот сюжет стал актуальным в связи с выходом Великобритании из ЕС и уточнением причин несформированности европейской идентичности среди британского населения и истеблишмента. Сделан вывод, что сегодня британцы позитивно оценивают Дж. Мейджора, однако его политика в отношении ЕС до сих пор вызывает несогласие британского общества, что снижает его положительный рейтинг.

Ключевые слова: Джон Мейджор, Маргарет Тэтчер, ЕС, европейская идентичность, Ольстерская проблема.

Джон Мейджор, член Консервативной партии и 72-й премьер-министр Соединенного Королевства, возглавлял британские правительства с 1990 по 1997 г. С его именем связаны важные события и процессы в истории Великобритании, например начало переговорного процесса в Северной Ирландии, подписание Маастрихтского договора о создании Европейского союза (ЕС) и др. Сегодня, спустя более 20 лет после отставки, консерватор остается влиятельным британским политиком.

Однако, несмотря на важность событий и процессов периода премьерства Дж. Мейджора, отечественные исследователи редко посвящают ему работы. Деятельность консерватора называют «тэтчеризмом с человеческим лицом», указывая на продолжение им курса М. Тэтчер. Политическое урегулирование конфликта в Северной Ирландии, а именно заключение Белфастского соглашения, состоялось в 1998 г. в период премьерства Т. Блэра, однако фундамент этого процесса был заложен консервативным правительством ранее и Дж. Мейджором в частности. Отсутствие большого интереса к личности тори и его премьерству в отечественной науке создает противоречие в восприятии образа консерватора и впечатление о нем как о политике, чья деятельность не имела высокой значимости. Подтверждают ли это сами британцы? В раскрытии поставленного вопроса важными являются англоязычные ресурсы – британские СМИ, опросы общественного мнения, результаты выборов, исследования, материалы парламента и правительства Великобритании.

Образ Дж. Мейджора складывался из комплекса факторов, которые объясняют позитивное и негативное отношение британцев к политику. Один из этих факторов – приход к власти после М. Тэтчер.

27 ноября 1990 г. Дж. Мейджор стал премьер-министром. «Он унаследовал все эти великие достижения последних одиннадцати с половиной лет, которые коренным образом изменили Великобританию, избавив ее от изнурительного, негативного влияния социализма», – высказалась М. Тэтчер о премьерстве Дж. Мейджора [1]. Этими словами баронесса подчеркивала высокую значимость личных заслуг в политическом наследии, которым обладал ее преемник. На начальном этапе пути к посту премьер-министра «же-

лезная леди» оказывала протекцию Дж. Мейджору. Однако затем поддержку сменила жесткая критика, обусловленная главным образом расхождением во взглядах на место Соединенного Королевства в европейской интеграции.

«Мое наследство было многообещающим. Ближайшая перспектива со всех сторон представляла собой море неприятностей» [2], – так охарактеризовал Дж. Мейджор свои первые дни в должности главы правительства. Действительно, в начале своего премьерства тори столкнулся с совокупностью проблем в области внутренней и внешней политики, решение которых требовалось незамедлительно: экономический спад, углубление разногласий внутри партии, «европейский» вопрос, последствия тэтчеризма, обострение Ольстерской проблемы.

Дж. Мейджор возглавил правительство тори, которое находилось у власти с 1979 г. Именем предыдущего лидера было названо целое направление в политике консервативного правительства Великобритании. «Миф и легенда уже вытесняли реальность», – говорил о тэтчеризме Дж. Мейджор, подразумевая стремление к увеличению значимости роли М. Тэтчер и ее политики [1]. Консерватор подчеркивал, что каждый из них (и Тэтчер, и он сам) был продуктом своего времени, со своими характером и парламентскими позициями. Дж. Мейджор видел свою задачу в новой должности в исправлении ошибок предыдущего правительства, действуя при этом с минимумом суеты [2]. Таким образом, требовалась преемственность наследия М. Тэтчер, и вместе с тем были необходимы перемены.

Консерватор признавал, что с 1979 г. страна изменилась к лучшему [Ibid.]. Например, экономические изменения повысили гибкость и благосостояние экономики. Приватизация разрушила монолит государственной собственности, а госслужбы превратились в конкурентоспособные частные компании. Предпринимательство выиграло битву с социализмом. Личное богатство быстро росло, а собственность на дома, акции и сбережения значительно возросла [Ibid.]. Все это было благоприятной почвой для продолжения курса предыдущего правительства. В частности, Дж. Мейджор усилил политику ограничения государственного регулирования и отказа от контроля над ценами и заработ-

ной платой [3]. Продолжилась приватизация государственного сектора [4].

Дж. Мейджор при этом подчеркивал, что изменения в политике были неизбежными [2]. Некоторые непопулярные меры кабинета М. Тэтчер ему пришлось отменить, в частности «коммунальный», или «подушный», налог, который был введен в 1989 г. в Шотландии и в 1990 г. в Англии и Уэльсе. «Подушный налог был глубоко непопулярен и не мог продолжать действовать, хотя никакого альтернативного источника местного налогообложения не было. Эта мера оказалась катастрофой: несправедливой, неосуществимой и неприемлемой», – говорил о подушном налоге Дж. Мейджор [Ibid].

«Европейский вопрос» стал тяжелым бременем политического наследия М. Тэтчер для нового главы правительства. В качестве главного партнера на мировой арене «железная леди» видела США и подвергала критике курс на создание Европейского союза. В этих условиях внутри Консервативной партии обострилось противостояние евроскептиков и евроэнтузиастов. Большинство политиков считали, что дальнейшая изоляция от европейских государств губительна для Великобритании. Несмотря на то, что Дж. Мейджор был сторонником интеграции, он стремился проводить политику в этом направлении согласно концепции «Великобритания – сердце Европы» [5]. В 1992 г., в период премьерства тори, Великобритания вступила в Евросоюз. Действия консерватора в этой области сохранили целостность партии и открыли для Великобритании новые возможности.

Тем не менее многие политики и граждане продолжали поддерживать М. Тэтчер. Сторонники баронессы называли Дж. Мейджора предателем консерватизма, а сама «железная леди» публично обвиняла его в сближении с ЕС и заключении Маастрихтского договора [6. Р. 16, 96, 98].

В начале 1990-х гг. партия тори не желала отказываться от политики тэтчеризма, но хотела, чтобы она осуществлялась не-тэтчеритскими средствами [1]. Жесткий лидер не всегда находит крепкую и продолжительную поддержку и среди граждан. После долгого пребывания во главе правительства «железной» М. Тэтчер Дж. Мейджор предстал перед избирателями более мягким и гибким политиком.

С одной стороны, приход к власти после М. Тэтчер увеличил политические очки Дж. Мейджора, поскольку новый премьер-министр олицетворял надежду на перемены и смягчение политического курса. С другой стороны, это не исключало критики его методов со стороны коллег и сравнения с предыдущим лидером, что, как правило, было не в его пользу.

Оппозиция в лице Т. Блэра – один из факторов, повлиявших на представления британцев о Дж. Мейджоре. В 1994 г. Т. Блэр был избран новым главой Лейбористской партии. Политик стал самым молодым лидером партии лейбористов за всю ее историю, на тот момент ему был 41 год. Его описывают целеустремленным, амбициозным, ярким и харизматичным политиком, карьерный рост которого был быстрым и не отягощенным разочарованиями [7. С. 5–6]. Главной целью

Т. Блэра было привести партию к власти. Ее достижению уже способствовало одно обстоятельство – кризис Европейского механизма регулирования валютных курсов в сентябре 1992 г., к которому Великобритания присоединилась в октябре 1990 г. Пост главы правительства в тот период занимала М. Тэтчер, должность канцлера казначейства – Дж. Мейджор.

Необходимость вступления Соединенного Королевства в механизм была обусловлена экономическими и политическими причинами. Во-первых, в стране замедлился экономический подъем 1980-х гг. В 1990 г. стала расти безработица, увеличилась инфляция, прекратился потребительский бум [8. С. 244–245]. Вступление островного государства в механизм должно было способствовать стабилизации британской экономики, а именно сокращению инфляции и снижению процентных ставок.

М. Тэтчер изначально выступала против присоединения к механизму, поскольку видела в этом угрозу национальному суверенитету. Однако «железная леди» изменила свою позицию на противоположную, так как оздоровление экономики могло оказать положительное влияние на ее рейтинги в период борьбы за пост председателя Консервативной партии и главы правительства. В этом заключалась политическая причина присоединения Великобритании к механизму.

В октябре 1990 г. на заседании Палаты общин Дж. Мейджор заявил о вступлении фунта стерлингов в Европейский механизм [9]. Канцлер казначейства утверждал, что этот шаг восстановит экономику уже в предстоящем году, создаст значительные преимущества для британской промышленности и сделает Великобританию еще более привлекательной для иностранных инвестиций [9].

Не дождавшись итогов выборов, М. Тэтчер сняла свою кандидатуру. В ноябре 1990 г. главой Консервативной партии и новым премьер-министром Соединенного Королевства стал Дж. Мейджор.

Уже в начале 1991 г. некоторые политики выражали разочарование в участии фунта в механизме [10]. В июле 1992 г. на заседании Палаты лордов лейбористом Д. Стоддартом был озвучен тезис о том, что внутри системы «британская экономика не только не растет, как утверждает правительство, но и балансирует на грани спада» [11].

До кризиса (с ноября 1990 г. по сентябрь 1992 г.) большинство британцев были довольны работой Дж. Мейджора, а Консервативная партия удерживала лидерство в вопросах экономики [6. Р. 205–206]. Сам политик так охарактеризовал это время: «Восемнадцать месяцев, предшествовавшие всеобщим выборам в апреле 1992 г., были для меня самым многообещающим временем в правительстве» [2].

События 16 сентября 1992 г. изменили позитивную тенденцию. Этот день вошел в историю Великобритании как «Черная среда», когда произошло резкое падение курса фунта стерлингов. По этой причине Соединенное Королевство покинуло европейскую валютную систему. В таких условиях правительство Дж. Мейджора решило защитить фунт валютными резервами, повышением процентных ставок и уста-

новлением жесткого контроля над государственными расходами [12].

Спустя несколько дней после этих событий Дж. Мейджор обратил внимание членов парламента на то, что за время членства Великобритании в механизме процентные ставки упали с 15 до 10%, экспорт вырос до рекордного уровня, производительность резко возросла, а инфляция снизилась с 11 почти до 3,5%. Тем не менее, по словам тори, покинуть систему было необходимо, поскольку она была неспособна выдержать такое масштабное давление спекулятивных атак [Ibid.].

Несмотря на утверждения премьер-министра о позитивных результатах участия страны в механизме, в ходе парламентских дебатов 24 сентября 1992 г. его обвиняли в том, что правительство не имело экономической стратегии [Ibid.]. В адрес Дж. Мейджора прозвучало: «...вместо того, чтобы добраться до сердца Европы, правительству удалось перевести Великобританию во второй дивизион» [Ibid.].

Провал участия Великобритании в механизме обменного курса показал неспособность островного государства оказывать значительное влияние на этот механизм. Экономика страны оказалась в зависимости от внешних факторов и других стран – участниц системы.

После кризиса рейтинг Дж. Мейджора и Консервативной партии значительно упал [6. Р. 206]. События «Черной среды» выглядели противоречиво на фоне ранних заявлений тори о необходимости устранения классового неравенства в стране к 2000 г. [13. С. 155]. Кроме того, в 1993 г. произошло повышение налогов, несмотря на обещания (в ходе предвыборной кампании 1992 г.) их снизить [1]. В период с сентября 1994 г. по ноябрь 1996 г. более 60% опрошенных британцев считали, что консерваторы не заслуживают доверия [6. Р. 208], а Дж. Мейджора называли «неэффективным», «неудачником», «нерешительным» и «не в состоянии объединить нацию» [Ibid. Р. 204].

В марте 1997 г. британский журнал *The Economist* обозначил главной задачей Дж. Мейджора восстановление доверия к себе и своей партии. Автор статьи видел проблему тори в том, что его противник Т. Блэр выглядел решительным, авторитетным лидером, твердо отвечающим за свою партию, за которым люди хотели идти, даже если они не совсем знали, куда это приведет. В статье говорилось о том, что «мистер Мейджор не выглядел ни решительным, ни авторитетным, а его партия больше не способна к объединению». Изменить это представление перед выборами, по мнению автора, казалось невозможным [14]. Исход голосования подтвердил эти предположения. В 1997 г. Лейбористская партия получили самое большое в истории число мест в палате общин (419), а абсолютное большинство представителей партии в 179 человек стало самым крупным для любого правительства с 1935 г. Доля Консервативной партии в голосовании упала до чуть более 30%, это был их худший результат. Представительство Консервативной партии в палате общин составляло всего 165 мест – самый низкий показатель с 1906 г. Это подчеркивало упадок консерваторов как национальной политической силы, во главе которой стоял Дж. Мейджор [6. Р. 199].

Спустя несколько лет после поражения на выборах 1997 г. тори заявил, что новые лейбористы перед ним в долгу [2]. По словам Дж. Мейджора, многие идеи, выдвинутые против консерваторов в ходе избирательной кампании 1997 г., были выдвинуты им самим в 1992 г., например выбор, собственность, ответственность и возможность. Тори также утверждал, что акцент на образование, здравоохранение и приоритеты государственных расходов, который делал Т. Блэр в 1997 г., был сделан консерватором ранее, в 1992 г. Дж. Мейджор сказал о риторике оппозиции следующее: «Язык новых лейбористов мог быть первоклассным, но он был вторичным» [Ibid.].

Обращаясь к событиям 1992 г., также стоит отметить, что Британия восстановилась после кризиса «Черной среды», и при Дж. Мейджоре начался самый длительный период непрерывного экономического роста. Однако в момент экономической катастрофы представление о способности консерваторов проводить эффективную экономическую политику изменилось и имело силу до всеобщих выборов 1997 г., когда Т. Блэр одержал победу.

Несмотря на экономическую катастрофу 1992 г., политика Дж. Мейджора продолжала разворачиваться в европейском направлении. Сразу после кризиса премьер-министр заявил о невозможности отказа от дальнейшей интеграции с ЕС, что, по его мнению, отвечало долгосрочным национальным интересам [12]. При этом политик не разделял мнения о неизбежности централизованной Европы. Он полагал, что национальные интересы стран – участниц ЕС всегда будут для них на первом месте. Дж. Мейджор продолжал настаивать на том, что Великобритания должна быть не просто членом, а играть лидирующую роль в Европейском сообществе [Ibid.].

Тори видел в объединенной Европе свои цели, в частности продвижение британских интересов в региональной и мировой политике. Их осуществление было несовместимо с «мягкой силой» ЕС, которая выражалась в целенаправленном формировании у граждан стран – участниц объединения европейской идентичности. В июне 1992 г. 71% британцев говорили, что не чувствуют себя европейцами, предпочитая национальную идентичность [15]. Дж. Мейджор четко понимал, что у граждан Великобритании существуют опасения потерять национальную самоидентификацию. В своей риторике политик поддерживал такой настрой британцев в отношении союза. Он утверждал, что национальные интересы не должны быть сметены риторикой о единстве [16].

К середине 1990-х гг. по всей стране распространились антиевропейские настроения. Это отразилось в опросах общественного мнения и транслировалось газетами – от *Daily Telegraph* до *The Sun* [17]. Данные Евробарометра также подтверждают эту тенденцию. Осенью 1995 г. 44% опрошенных британцев (большинство) не видели преимуществ от участия в ЕС [18]. В 1996–1997 гг. Великобритания оставалась среди лидеров по числу граждан, выступающих против интеграции [19, 20].

С одной стороны, можно говорить о том, что в 1990-х гг. государственная власть в Британии в лице

премьер-министра Дж. Мейджора оказывала сопротивление проникновению «мягкой силы» Евросоюза в страну. Обостренное чувство британцев своей национальной идентичности было опорой в этом противостоянии и поэтому целенаправленно укреплялось, подчеркивалось. С другой стороны, Дж. Мейджор продолжал настаивать на необходимости сближения со странами ЕС, что негативно влияло на мнение о нем граждан Соединенного Королевства.

К положительным результатам политики Дж. Мейджора можно отнести его шаги по урегулированию конфликта в Северной Ирландии. Работа премьер-министра в этом направлении положила начало Соглашению Страстной пятницы в 1998 г. [21].

Дж. Мейджор утверждал, что, когда он стал премьер-министром, решение Ольстерской проблемы было в числе основных приоритетов его политики [2]. «Ненависть и вражда в Северной Ирландии вырвались на первый план моего сознания», – писал тори [Ibid.]. Свои задачи он видел в достижении урегулирования, прекращении насилия и сохранении Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства [Ibid.]. Для этого британское правительство во главе с Дж. Мейджором провело серию переговоров с противоборствующими сторонами. Также в 1993 г. была обнародована «Объединенная декларация», основные принципы которой – самоопределение, компромисс, мирные и демократические методы как единственная стратегия для разрешения конфликта. С целью достижения консенсуса правительствами Республики Ирландия и Великобритании также была разработана «Новая основа для соглашения», где были определены новые межгосударственные институты, которые должны были соединять Северную Ирландию с Республикой Ирландия и Республикой Ирландия с Великобританией [22. С. 125].

В этих условиях Дж. Мейджор проявил большое терпение, умение вести переговоры и выступил в качестве миротворца. «Новые лейбористы» во главе с Т. Блэром продолжили работу в области урегулирования Ольстерской проблемы, в основу которой легли результаты действий предыдущих правительств, в частности Дж. Мейджора.

Сегодня Дж. Мейджор обладает высоким рейтингом среди британцев. Он является седьмым по популярности политиком Великобритании и третьим по популярности консервативным политиком [23]. В феврале 2015 г. граждане Соединенного Королевства отдали ему большинство голосов в вопросе о том, поддержка

со стороны каких политиков будет преимуществом для сегодняшних кандидатов [24]. Высокая оценка авторитета Дж. Мейджора после его отставки сближает консерватора с М. Тэтчер и значительно отдаляет от Т. Блэра, поскольку последний набрал наименьшее число голосов поддержки. Это свидетельствует об определенной переоценке британцами политиков своей страны.

Дж. Мейджора описывают хорошим оратором, настойчивым и решительным политиком, способным находить компромисс. Его отличали скромность и рачительное отношение к государственным средствам [13. С. 150]. В решении проблем он стремился сузить фокус обсуждения до одного конкретного вопроса, что выражало прагматичность его подхода [1].

Роковую роль для политического образа тори сыграли «Черная среда» 1992 г. и его политика в отношении Евросоюза. При этом эффект «Черной среды» отразился на рейтинге Дж. Мейджора незамедлительно. Экономическая катастрофа стала основанием для обвинений политика в некомпетентности в вопросах экономики [6. Р. 102]. Ухудшение личного экономического благосостояния в 1992 г. стало аспектом, определившим отношение британцев к действовавшей власти и не позволившим консерватору одержать победу в 1997 г.

Последствия вступления Великобритании в ЕС проявились значительно позже. Британцы стали видеть в интеграции угрозу для своей страны и выразили несогласие с дальнейшим нахождением в Евросоюзе выходом из него. Негативное отношение к политике Дж. Мейджора в отношении ЕС граждане Великобритании подтвердили в мае 2019 г., когда их спросили: «Если бы вы могли выбрать одного британского премьер-министра из последних тридцати лет для ведения переговоров по Брекситу, кто бы это был?» Большинство голосов, 44%, было отдано М. Тэтчер. Дж. Мейджор оказался на пятом месте из семи в рейтинге, набрав лишь 4% голосов [25].

Тем не менее еще в период премьерства тори началось оздоровление экономики, что в перспективе благоприятно отразилось на состоянии страны. Дж. Мейджору также удалось сохранить целостность Консервативной партии и достичь положительных результатов в области урегулирования Ольстерской проблемы. Однако плоды его работы в этих направлениях проявились и были признаны британцами значительно позже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kavanagh D. John Major's political legacy // OpenEdition Journals. 2009. URL: <https://journals.openedition.org/osb/717?lang=en> (accessed: 20.04.2020).
2. Major J. The Autobiography // ЛитРес : библиотека. М., 2020. URL: <https://www.litres.ru/john-major/john-major-the-autobiography/> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Бунькова Л.А. Опыт социального реформирования консервативных правительств Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора в Великобритании // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3. С. 46–54.
4. Past Prime Ministers : Baroness Margaret Thatcher // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/margaret-thatcher> (accessed: 29.09.2020).
5. Prime Minister's Comments on the Maastricht Treaty : Press Release, 19 June 1992 // Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/press-release-prime-ministers-comments-on-the-maastricht-treaty-19-june-1992/> (accessed: 16.11.2020).
6. Major premiership. Politics and Policies under John Major / ed. P. Dorey London : Palgrave Macmillan, 1999. 293 p.
7. Громько Ал.А. Тони Блэр: десять лет во главе Британии // Современная Европа. 2007. № 2 (30). С. 5–21.

8. Великобритания: эпоха реформ / А.А. Громыко [и др.]; под ред. А.А. Громыко. М. : Весь Мир, 2007. 536 с.
9. Exchange Rate Mechanism (15 October 1990) / Commons Sitting // UK Parliament. 2020. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1990/oct/15/exchange-rate-mechanism> (accessed: 27.08.2020).
10. Exchange Rate Mechanism (13 February 1991) / Commons Sitting // UK Parliament. 2020. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1991/feb/13/exchange-rate-mechanism> (accessed: 27.08.2020).
11. Exchange Rate Mechanism (06 July 1992) / Commons Sitting // UK Parliament. 2020. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1992/jul/06/exchange-rate-mechanism> (accessed: 27.08.2020).
12. The Parliamentary Debates (24 September 1992) // UK Parliament. 2020. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199293/cmhansrd/1992-09-24/Debate-2.html> (accessed: 28.08.2020).
13. Капитонова Н.К. Последний британский премьер-консерватор XX века: по страницам его мемуаров // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 150–162.
14. Can he win? // The Economist Newspaper. 1997. 20 March. URL: <https://www.economist.com/leaders/1997/03/20/can-he-win> (accessed: 03.05.2020).
15. Eurobarometer 37. Public Opinion in the European on the European community. June 1992. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb37/eb37_en.htm (accessed: 22.11.2019).
16. Mr Major's "Europe and the World Speech" 7 September 1992 // Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. URL: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-europe-and-the-world-speech-7-september-1992/> (accessed: 11.02.2020).
17. The end is nigh // The Economist Newspaper. 1997. 20 March. URL: <https://www.economist.com/britain/1997/03/20/the-end-is-nigh> (accessed: 03.05.2020).
18. Eurobarometer 43. Public Opinion in the European on the European community. April–May 1992. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb43/eb43_en.pdf (accessed: 18.11.2019).
19. Eurobarometer 44. Public Opinion in the European on the European community. April 1996. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb44/eb44_en.pdf (accessed: 18.11.2019).
20. Eurobarometer 47. Public Opinion in the European on the European community. November 1997. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb47/eb47_en.pdf (accessed: 18.11.2019).
21. The Rt Hon Sir John Major KG CH / Past Prime Ministers / History // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/john-major> (accessed: 27.08.2020).
22. Волков Т.А. Процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии и консервативная партия Великобритании (1988–1996 гг.) // Вестник ВятГУ. 2012. № 4. С. 123–127.
23. The most popular politicians & political figures in the UK // YouGov. 2018. URL: <https://yougov.co.uk/ratings/politics/popularity/politicians-political-figures/all> (accessed: 17.03.2020).
24. Shakespeare S. Blair an election liability and Major an asset, say voters // YouGov. 2018. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/02/18/blair-election-liability-and-major-asset-say-voter> (accessed: 25.08.2019).
25. If you could choose one British Prime Minister from the last thirty years to be leading Brexit negotiations, who would it be? // YouGov. 2018. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2019/05/20/62e84/2> (accessed: 12.02.2021).

Yulia V. Menshchikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: menshchikova.yu@mail.ru

J. MAJOR IN ASSESSMENTS OF BRITISH SOCIETY: YESTERDAY AND TODAY

Keywords: John Major, Maastricht Treaty, European Union, European identity, Ulster problem.

In the article highlights British public opinion on John Major, the 72nd Prime Minister of Great Britain (1990 to 1997). During his administration the UK joined the European Union; several steps were taken to resolve the conflict in Northern Ireland, etc. Today J. Major is an influential British politician.

Seldom do Russian scientists conduct research on him. However, it has become relevant to address J. Major's policy in connection with *Brexit* and the identification of the reasons for the lack of formation of the European identity among the British society and the establishment. The purpose of the study is to create an image of the politician based on British public opinion. The main sources to be applied are speeches, comments, articles and the autobiography of J. Major, materials of the UK Parliament and government, British media, public opinion polls, election results, and studies.

The article focuses on some aspects of Major's policy: the conditions of his becoming prime minister, the main directions of domestic policy, the measures regarding the European Exchange Rate Mechanism and the EU, the opposition represented by T. Blair, and steps taken to resolve the conflict in Northern Ireland.

Research on J. Major's policy was accompanied by the assessment of his actions by British society and establishment. From November 1990 to September 1992, the majority of British people were satisfied with both the work of J. Major and the Conservative Party. However, some politicians expressed disappointment at the involvement of the pound in the European Mechanism, and M. Thatcher publicly accused the successor of his rapprochement with the EU and the conclusion of the Maastricht Treaty.

After September 16, 1992, when a sharp drop in the value of the pound sterling occurred, the rating of J. Major and the Conservative Party fell drastically. From September 1994 to November 1996, more than 60% of the British surveyed believed that the Conservatives were not trustworthy, and Major was being called "ineffective". The conservative's policy on the EU was not approved by British majority. J. Major sought to oppose the emergence of a European identity in the UK, but insisted on the need for European unification. It negatively affected public opinion on him. The political opponent T. Blair looked more determined and authoritative under the circumstances.

Ultimately, it is concluded that today J. Major has a high rating among the British. The "Black Wednesday" of 1992 and the Tories' policy towards the EU played a fatal role in his political image. The British saw a threat to their country in the integration and refused to be part of the EU. Nevertheless, during Major's premiership, the economy began to recover, the Conservative Party was preserved, and positive results in resolving the Ulster Problem were achieved. However, the fruits of J. Major's work in these areas appeared and were recognized by the British much later.

REFERENCES

1. Kavanagh, D. (2009) *John Major's political legacy*. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/osb/717?lang=en> (Accessed: 20th April 2020).
2. Major, J. (2020) *The Autobiography*. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/john-major/john-major-the-autobiography/> (Accessed: 10th December 2020).

3. Bunkova, L.A. (2008) Opyt sotsial'nogo reformirovaniya konservativnykh pravitel'stv Margaret Tetcher i Dzhona Meydzhora v Velikobritanii [The experience of social reform of the conservative governments of Margaret Thatcher and John Major in Great Britain]. *Vestnik Nizhnevar'tovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 3. pp. 46–54.
4. The UK Government. (n.d.) *Past Prime Ministers: Baroness Margaret Thatcher*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/margaret-thatcher> (Accessed: 29th September 2020).
5. Johnmajorarchive.org.uk. (1992) *Prime Minister's Comments on the Maastricht Treaty: Press Release, 19 June 1992*. [Online] Available from: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/press-release-prime-ministers-comments-on-the-maastricht-treaty-19-june-1992/> (Accessed: 16th November 2020).
6. Dorey, P. (ed.) (1999) *Major Premiership. Politics and Policies under John Major*. London: Palgrave Macmillan.
7. Gromyko, A.I.A. (2007) Tony Blair: ten years at the head of Britain. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 2(30). pp. 5–21. (In Russian).
8. Gromyko, A.A. (ed.) (2007) *Velikobritaniya: epokha reform* [Great Britain: the era of reforms]. Moscow: Ves' Mir.
9. UK Parliament. (2020a) *Exchange Rate Mechanism (15th October 1990)*. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1990/oct/15/exchange-rate-mechanism> (Accessed: 27th August 2020).
10. UK Parliament. (2020b) *Exchange Rate Mechanism (13rg February 1991)*. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1991/feb/13/exchange-rate-mechanism> (Accessed: 27th August 2020).
11. UK Parliament. (2020c) *Exchange Rate Mechanism (6th July 1992)*. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1992/jul/06/exchange-rate-mechanism> (Accessed: 27th August 2020).
12. UK Parliament. (2020d) *The Parliamentary Debates (24th September 1992)*. [Online] Available from: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199293/cmhansrd/1992-09-24/Debate-2.html> (Accessed: 28th August 2020).
13. Kapitonova, N.K. (2009) John Major: the last British Prime Minister-Conservative in the 20th century. Based on his memoirs. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 4. pp. 150–162. (In Russian).
14. *The Economist Newspaper*. (1997) Can he win? 20th March. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/1997/03/20/can-he-win> (Accessed: 3rd May 2020).
15. Eurobarometer 37. (1992) *Public Opinion in the European on the European community*. June. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb37/eb37_en.htm (Accessed: 22.11.2019).
16. Johnmajorarchive.org.uk. (1992) *Mr Major's "Europe and the World Speech" 7 September 1992*. [Online] Available from: <http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-europe-and-the-world-speech-7-september-1992/> (Accessed: 11th February 2020).
17. *The Economist Newspaper*. (1997) The end is nigh. 20th March. [Online] Available from: <https://www.economist.com/britain/1997/03/20/the-end-is-nigh> (Accessed: 3rd May 2020).
18. Eurobarometer 43. (1992) *Public Opinion in the European on the European Community*. April–May. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb43/eb43_en.pdf (Accessed: 18th November 2019).
19. Eurobarometer 44. (1996) *Public Opinion in the European on the European Community*. April. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb44/eb44_en.pdf (Accessed: 18th November 2019).
20. Eurobarometer 47. (1997) *Public Opinion in the European on the European Community*. November. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb47/eb47_en.pdf (Accessed: 18th November 2019).
21. The UK Government. (n.d.) *The Rt Hon Sir John Major KG CH*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/john-major> (Accessed: 27th August 2020).
22. Volkov, T.A. (2012) Protseess mirnogo uregulirovaniya v Severnoy Irlandii i konservativnaya partiya Velikobritanii (1988–1996 gg.) [Peace Process in Northern Ireland and the Conservative Party of Great Britain (1988–1996)]. *Vestnik VyatGU – Herald of Vyatka State University*. 4. pp. 123–127.
23. YouGov. (2018a) *The most popular politicians & political figures in the UK*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/ratings/politics/popularity/politicians-political-figures/all> (Accessed: 17th March 2020).
24. Shakespeare, S. (2018) *Blair an election liability and Major an asset, say voters*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/02/18/blair-election-liability-and-major-asset-say-voter> (Accessed: 25th August 2019).
25. YouGov. (2018b). *If you could choose one British Prime Minister from the last thirty years to be leading Brexit negotiations, who would it be?* [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2019/05/20/62e84/2> (Accessed: 12.02.2021).

УДК 94 (477)

DOI: 10.17223/19988613/74/16

Д.С. Парфирьев

ЗАКАРПАТЬЕ В ПЛАНАХ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИКОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В 1914–1918 гг.

Показано, что украинские политики Галиции и Буковины до 1917 г. не включали в свои национально-политические требования Закарпатье и его восточнославянское население, опасаясь вызвать недовольство Будапешта, который мог воспрепятствовать созданию украинской провинции в Австрии. Общепринятого сегодня понятия «Закарпатье» в их лексиконе тогда вообще не существовало. Только в 1918 г., став важным фактором взаимоотношений между Австро-Венгрией и УНР и уже не рассчитывая на поддержку Будапешта, западноукраинские политики стали активно заявлять о претензиях на «венгерскую Украину».

Ключевые слова: Закарпатье, Австро-Венгрия, Первая мировая война, украинское движение.

В отличие от Галиции и Буковины, Закарпатье (Подкарпатская Русь) – третий регион Австро-Венгрии, где проживало восточнославянское население – относилось не к Цислейтании, а к Транслейтании, т.е. к венгерской части дуалистической монархии Габсбургов. Национальное самосознание у местного населения формировалась иначе: если у русинской интеллигенции Галиции и Буковины к концу XIX в. стал превалировать этноним «украинцы», то в Закарпатье украинская идентификация не была распространена. В то время как в австрийской части империи украинцы имели свои национальные партии и избирались в парламент, в венгерской части никакой украинской политической жизни не было вообще. С 1900-х гг. венгерские власти проводили в Закарпатье интенсивную мадьяризацию: число начальных школ с русинским языком преподавания сократилось в несколько раз, а языком богослужения в греко-католических церквях в 1912 г. вместо церковнославянского стал греческий. Противодействие закарпатских русинов власти жестко пресекали: в 1913–1914 гг. 94 человека предстали перед судом на Марамарош-Сигетском процессе по обвинению в русофильстве [1. Р. 418–419].

Накануне Первой мировой войны украинские политики из австрийской части империи считали Подкарпатскую Русь «своей» территорией, а восточнославянское население этой земли – украинцами. Известный географ, доцент Львовского университета С. Рудницкий в своей работе «Краткая география Украины» (1914) насчитывал в Венгрии полмиллиона украинцев и четко очерчивал территорию их проживания [2. С. 20]. О том, что в Венгрии проживают украинцы, говорилось и в программе крупнейшей из украинских партий Галиции, национально-демократической (УНДП). Там же подчеркивалось, что конечной целью украинцев России, Австрии и Венгрии является их объединение в большом независимом украинском государстве (правда, далее следовала оговорка, что в более близких целях украинцам следует считаться с границами трех вышеперечисленных государств) [3. С. 10].

В первых числах августа 1914 г., в канун объявления Австро-Венгрией войны России, ряд украинских политиков из Галиции объединились в Главный укра-

инский совет (ГУС) и провозгласили себя политическим представительством украинцев на время войны. Как писал впоследствии один из членов совета С. Баран, о Закарпатье членам ГУС «не пришлось тогда и думать»: на фоне интенсивной мадьяризации и борьбы с инакомыслием политикам «казалось, что Венгрия закрепится раз и навсегда в нашей Верховине» [4. С. 10]. Представители Буковины, впрочем, в ГУС тоже не вошли. Осенью 1914 – весной 1915 г. украинские круги в Вене бурно обсуждали проблему создания на базе ГУС подлинно общенационального представительного органа. Речь шла о пополнении совета буковинскими украинцами, а также эмигрантами из Приднепровской Украины, вопрос же о привлечении венгерских украинцев даже не рассматривался. В мае 1915 г. на основе ГУС был создан расширенный Всеобщий украинский совет (ВУС). Несмотря на отсутствие в нем представителей «венгерской Украины», он сразу заявил о себе как о полноценном представительстве всего народа. Ключевой целью ВУС было создание в Австрии отдельной украинской провинции, куда должны были войти Восточная Галиция и Буковина – но не «венгерская Украина» [5. С. 245].

При этом видно, что украинские лидеры продолжали считать Закарпатье украинской территорией, а местных русинов – украинцами. 30 марта 1915 г. глава ГУС и будущий председатель ВУС К. Левицкий, выступая в Бухаресте с докладом «Украина и украинцы», упомянул среди населенных украинцами земель «северо-восточную Венгрию» [6. С. 3–7]. Газеты, заводя речь о венгерской части монархии, скромно упоминали, что там тоже живут украинцы [7. С. 2]. После создания ВУС тема Закарпатья время от времени всплывала на заседаниях органа. Так, на одном из них Я. Веселовский предложил «предпринять политические шаги перед венгерским правительством в вопросе украинского населения северной Венгрии» [8. С. 4]. На другом заседании Л. Цегельский обмолвился, что «венгерская Украина» – пример того, что было бы с Галицией, если бы ее «отдали под Польшу» [9. Арк. 22]. Это замечание показывает, что лидеры австрийских украинцев уже тогда негативно оценивали положение закарпатских соплеменников.

В публичной риторике по поводу Закарпатья лидеры австрийских украинцев, несомненно, принимали во внимание позицию венгерских властей, тем более что последние могли стать для них ценным союзником в борьбе за украинскую провинцию в Австрии. Премьер-министр Венгрии И. Тисса считал, что создание этой провинции поспособствует снижению русофильских настроений среди закарпатских русинов. На заседании общеимперского Совета министров 6 октября 1915 г. он одобрил раздел Галиции по национальному признаку [10. С. 110]. Позиция Тиссы заинтересовала украинских политиков: 14 декабря 1915 г. к нему на прием в Будапешт приехали представители ВУС во главе с К. Левицким. Они предложили издавать в Венгрии украинский журнал и, если верить Левицкому, с помощью этого издания рассматривали «прояснить украинский вопрос» не только венграм, но и венгерским русинам. Тисса сказал, что готов поддержать стремление галицийских украинцев добиться власти в Восточной Галиции и получить свой университет, но при условии, что они не будут вмешиваться в вопрос Подкарпатской Руси как внутренний венгерский [5. С. 271–273]. По сведениям, переданным в Санкт-Петербург агентом русского МИД в Берне В. Сватковским, Тисса пообещал украинским собеседникам не допустить, чтобы в случае мира вся Восточная Галиция была уступлена России – в крайнем случае только ее часть до Днестра [11. Л. 290].

Тисса одобрил издание журнала, который получил название «Украиния» («Ukránia»). Популяризации украинского самосознания среди закарпатских украинцев этот журнал никак не способствовал: он выходил в Будапеште на венгерском языке, а его редактором был украинский деятель родом из Закарпатья Г. Стрипский, который постоянно проживал в венгерской столице и был настроен провенгерски. Даже после распада Австро-Венгрии, в начале 1919 г., Стрипский не желал выезжать из Будапешта в Закарпатье и избегал разговоров на тему принадлежности своей малой родины [12. С. 427–428]. В первом же номере, в программной статье «Чего мы хотим?», Стрипский подчеркнул лояльность проживающих в Транслейтании украинцев Будапешту, но отметил, что венграм будет выгодно иметь по соседству не Россию, а «новое, независимое образование», т.е. Украину [13. С. 248]. Тема населения Закарпатья «Украинией» не поднималась. Как подмечал галицийско-украинский журнал «Шляхи», «любой, кому известна венгерская ситуация, знает, что если бы сомнения относительно роли «Украинии» по отношению к местным русинам показались основательными, то её дни были бы сочтены» [14. С. 343].

Еще более важным, чем позиция Тиссы, для украинских политиков был голос другого влиятельного венгра, И. Буриана, который в 1915–1916 гг. занимал пост министра иностранных дел империи Габсбургов. Первое время после назначения Буриана украинские политики надеялись на его благосклонное отношение к их устремлениям, но постепенно их впечатления стали портиться: министр избегал конкретики в ответе на вопрос о польско-украинских территориальных противоречиях в Австрии и за ее пределами, а насчет

Приднепровской Украины заявлял, что у местного населения неразвито национальное самосознание [5. С. 228–230, 340]. 23 января 1915 г. газета «Дило» напоминала, что Буриан первым из высокопоставленных чиновников сделал пожертвование в пользу Украинского комитета вспомоществования. Из этого делался вывод, что новый министр по крайней мере не настроен против украинцев [15. С. 1]. В декабре 1916 г., после ухода Буриана с поста главы МИД, один из лидеров австрийских украинцев Н. Василько заявил, что украинцы «должны считать счастьем» отставку министра [16. С. 2].

По всей видимости, немногословность западноукраинских политиков по вопросу «венгерской Украины» обуславливалась еще и тем, что Закарпатье, в отличие от Галиции и Буковины, почти не было затронуто военными действиями и не входило в зону русской оккупации. Лишь некоторое время в сентябре–октябре 1914 г. русские войска контролировали северные окраины региона [1. Р. 423]. Это лишало лидеров австрийских украинцев даже теоретической возможности распространять на Закарпатье свои освободительные лозунги.

Принятие в ноябре 1916 г. австрийскими властями манифеста об автономизации Галиции, т.е. полная противоположность тому, чего требовал ВУС, заставило западноукраинских лидеров ужесточить свою позицию в диалоге с правительством. В дальнейшем этому способствовали революционные события в России и провозглашение автономии в российской Украине. Уже в начале марта 1917 г. на страницах «Дила» этнограф В. Гнатюк напоминал, что в 1914–1915 гг. бои по обе стороны Карпат «происходили исключительно на украинской, а не другой территории», и высказывал сожаление о том, что большинство украинцев не знают об украинском характере прикарпатских районов Венгрии [17. С. 2]. В мае 1917 г. в защиту прав «самых родных братьев» высказался конкурент «Дила», газета «Украинское слово». Автор передовицы, посвященной венгерским украинцам, каялся, что долгое время галичане забывали о «нечеловечески тяжело угнетенных братьях», но теперь, когда обем частям Дунайской монархии предстоят реформы, они должны поднять вопрос об их праве на самоопределение. В статье отмечалось, что теперь, когда в России украинское движение может свободно развиваться, населенные украинцами районы Транслейтании стали «черным пятном на карте Европы» [18. С. 1]. 3 июня 1917 г. собрание украинской студенческой молодежи в Вене заявило, что в состав будущей независимой Украины должны будут войти «те части украинской национально-этнографической территории, которые стонут под беспримерным польским и мадьярским ярмом» [5. С. 567]. В том же месяце председатель Украинской социал-демократической партии (УСДП) В. Темницкий сказал: «Наше требование – чтобы все разделенные между тремя государствами (Австрия, Россия, Венгрия) украинцы были объединены в одном самостоятельном с политической и хозяйственной точки зрения государстве» [19. С. 387]. Пользуясь случаем, политик публично опроверг искажение его слов будапештской

газетой «Пештер Ллойд», которая написала, будто ранее Темницкий допустил вхождение украинских земель в состав Венгрии по примеру Хорватии. Темницкий в резкой форме парировал, что присоединение 36 миллионов украинцев к 10 миллионам венгров «неспособен понять никакой здоровый человеческий мозг, разве что за исключением обьятого манией величия мозга венгерских мещанских корреспондентов» [19. С. 388].

После распада ВУС в конце 1916 г. функцию национального представительства возложило на себя Украинское парламентское представительство (УПП), куда входили почти все украинцы – депутаты нижней палаты австрийского парламента (Рейхсрата). В июне 1917 г. заседания Рейхсрата, не собиравшегося с весны 1914 г., возобновились, и украинские парламентарии получили возможность публично озвучивать свою точку зрения по тем или иным проблемам.

Если до конца 1917 г. с претензиями на Закарпатье выступали отдельные западноукраинские деятели, то после прихода к власти в России большевиков и провозглашения в Киеве независимой Украинской народной республики (УНР) положение дел круто изменилось. Германия и Австро-Венгрия вступили с властями УНР в сепаратные мирные переговоры и были крайне заинтересованы в скорейшем заключении мира, так как очень рассчитывали на поставки украинского продовольствия. Поскольку в своих требованиях киевские делегаты учитывали позицию украинских политиков Галиции и Буковины, значимость последних в глазах Вены существенно повысилась.

Поняв заинтересованность правительства в диалоге с ними, западноукраинские лидеры стали еще менее сдержанны в своей риторике. Это коснулось и «венгерской Украины»: с конца 1917 г. их претензии на Закарпатье высказывались во все более неприкрытой форме. 19 декабря 1917 г. депутат Рейхсрата Е. Левицкий, зачитывая в парламенте заявление УПП о путях решения украинского вопроса на предстоящих переговорах, заявил, что Восточную Галицию следовало бы объединить с Буковиной и, возможно, с «другими областями монархии», в отдельную украинскую провинцию в составе Австро-Венгрии [20. С. 1]. О каких «других областях» идет речь, Левицкий не уточнял. Более того, в официальной стенограмме выступления пассаж о «других областях» не вошел [21. S. 2728]. Спустя месяц, 22 января 1918 г., лидер УПП Е. Петрушевич в своей парламентской речи упомянул Закарпатье уже прямым текстом: перечисляя земли, на которые украинское государство имеет «исторические права», он назвал не только Восточную Галицию и Буковину, но и «северо-восточную Венгрию» [21. S. 2835]. На следующий день печатный орган УПП «Украинское слово» обвинил власти Транслейтании в тотальной мадьяризации «венгерских украинцев», отметив, что во время войны последним было запрещено использовать кириллицу и календарь по восточному обряду [22. С. 1]. Как впоследствии утверждал К. Левицкий, в середине января 1918 г. с УПП даже связались некие «посланцы Закарпатской Украины» с заявлением о своем желании «политико-правового

единства со всеми частями украинского народа» [23. С. 2]. Правда, кто это был, политик не уточнил.

На то, что Будапешт поддержит их требование создать украинскую провинцию в Австрии, лидеры украинцев Галиции и Буковины к этому времени уже не рассчитывали. На заседании коронного совета 22 января 1918 г. венгерский министр-президент Ш. Векерле выступил против создания украинской провинции, а И. Буриан, который на тот момент занимал пост министра финансов империи, заметил, что соответствующее решение не должно быть навязано извне, т.е. представителями УНР. О масштабе нежелания Вены портить отношения с Будапештом говорит уже то, что накануне вышеупомянутого заседания сам Карл I интересовался, в какой степени уступки украинцам касаются Венгрии [10. С. 138–139]. Как следствие, на мирных переговорах в Брест-Литовске и глава МИД Австро-Венгрии О. Чернин, и представитель германского командования генерал М. Гофман дали украинским делегатам понять, что вопрос о принадлежности «венгерской Украины» обсуждению не подлежит, и ее вхождение в состав будущей украинской провинции полностью исключено [10. С. 137; 24. С. 65].

Заключенный в Брест-Литовске мирный договор оказался выгодным для украинцев по обе стороны границы: Центральные державы признали за УНР Холмщину и Подляшье, а украинцы Австрии, согласно подписанному отдельно тайному протоколу, должны были после войны получить свою провинцию. Ободренный этим, К. Трилёвский, член УПП и один из самых влиятельных западноукраинских политиков, уже 19 февраля на банкете в честь представителей делегации УНР на мирных переговорах напомнил, что украинцам нельзя забывать о «венгерских братьях» [25. С. 4]. Примечательно, что уже на следующий день это высказывание Трилёвского обсуждалось в Будапеште [26. S. 112]. Возвращение на пост главы МИД И. Буриана 16 апреля 1918 г. украинцы, уже не нуждавшиеся ни в какой его поддержке, сразу встретили в штыки. «Дило» отмечало, что, пойдя на поводу у поляков, Буриан рискует скомпрометировать монархию на международном арене [27. С. 1]. Тот, в свою очередь, был по-прежнему настроен к украинским устремлениям негативно и сумел добиться аннулирования тайного протокола о разделе Галиции, подписанного в Брест-Литовске [10. С. 150–154]. В конце июня «Дило» констатировало, что полякам удалось настроить против идеи создания украинского коронного края венгерские правящие круги [28. С. 1]. Сама газета продолжала выступать на тему преследования венгерскими властями «украинских крестьян», несогласных с реформой календаря и продолжающих праздновать греко-католические праздники [29. С. 1].

В октябре 1918 г., когда украинским политикам Австрии стало ясно, что империя Габсбургов – во всяком случае в ее прежнем виде – обречена, тема Закарпатья как составной части будущей украинской провинции заняла прочное место среди их требований. Газета «Украинское слово» призывала лидеров украинцев заранее подготовиться к будущей мирной конференции и сформулировать свои территориальные

притязання: «Мы должны сперва внутри как можно скорее организовать и воплотить в жизнь Украинский национальный совет, состоящий из представителей Восточной Галиции, украинской Венгрии и Буковины». В статье подчеркивалось: «Время также перестать цацкаться с мадьярами и не забывать о несчастных венгерских украинцах» [30. С. 1]. Со страниц «Украинского слова» некий священник с инициалами Г.К. (вероятно, эти инициалы принадлежали Гавриилу Костельнику) призывал украинских политиков: «Не забывайте самых бедных из нашего народа, помогите им, дорога открыта! Не забывайте украинского населения в горной Венгрии! Не дадим ему пропасть!» [31. С. 2]. 11 октября депутат от УСДП С. Витик, выступая в Рейхсрате, обвинил «венгерских магнатов» в стремлении «полностью уничтожить наш народ в Венгрии» и репрессиях против греко-католической веры. «Мы не желаем покоряться мадьярскому гнету, которому, к сожалению, подчинена вся Австрия под диктатом Тиссы, и который нацелен на истребление нашего народа, – говорил Витик. – Мы стремимся также к тому, чтобы эти венгерские области оставались украинскими, мы хотим, чтобы и там наша нация обладала свободой, так как она сможет расцвести только там, где она будет объединена» [21. S. 4600]. На следующий день, 12 октября, Е. Петрушевич и Е. Левицкий на аудиенции у императора Карла I упомянули «северную Венгрию» как часть украинских земель, из которых будет создано украинское федеративное государство в составе империи Габсбургов. Об этом было объявлено в печати [32. С. 1–2].

18 октября во Львове, следуя манифесту императора Карла I о федерализации Австрии, собрались украинцы – члены обеих палат Рейхсрата, бывшие депутаты сеймов Галиции и Буковины, представители духовенства, политических партий, прессы и студенчества, чтобы решить вопрос о государственном-правовом будущем украинских земель Австро-Венгрии. Из Вен-

грии, которая 17 октября порвала связи с империей, никто не приехал, но на собрании зачитали письмо неких тамошних украинских деятелей с просьбой о присоединении к австрийской Украине [33. С. 1]. Собравшиеся провозгласили себя украинской конституантой (учредительным собранием) – Украинским национальным советом (УНСовет). Избранный его главой Е. Петрушевич в своем выступлении перед собравшимися объявил, что закарпатские делегаты в будущем могут войти в состав расширенного украинского парламентского представительства [34. С. 31]. Так, УНСовет стал первым украинским представительным органом власти в разваливающейся империи Габсбургов, официально объявившим о своих претензиях на Закарпаття как исконно украинскую территорию.

Таким образом, украинские политики Галиции и Буковины вплоть до 1917 г. не уделяли значительного внимания венгерскому Закарпаттю и населявшим его руинам. В их лексиконе не было даже устойчивого варианта названия региона: употреблялись определения «венгерская Украина», «северо-восточная Венгрия», «северная Венгрия», а понятие «Закарпаття» тогда не использовалось вовсе. Не претендовали западноукраинские лидеры и на представительство интересов восточнославянского населения этих земель. Но все это не означало, что они не считали Закарпаття украинской территорией, а его автохтонное население – украинцами. Сдержанность их риторики объяснялась опасением вызвать недовольство весьма влиятельных в империи властей Венгрии и таким образом создать дополнительные препоны созданию украинской провинции в Австрии. Только в 1918 г., став важным фактором взаимоотношений между Австро-Венгрией и УНР и потеряв надежду, а затем и необходимость в поддержке Будапешта, украинские элиты Галиции и Буковины начали активно претендовать на Закарпаття. Объединение этого региона с другими украинскими территориями стало одной из стратегических целей их политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kann R.A., David Z.V. The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918. Seattle : University of Washington Press, 1984. xvi, 543 p.
2. Рудницький С. Коротка географія України. Львів : Накладом Укр. пед. т-ва, 1914. Ч. II. 178 с.
3. Баран С. Наша програма і організація. Львів, 1913. 46 с.
4. Баран С. Від Головної до Загальної Української Ради // Діло. 1938. 24 квітня. Ч. 88.
5. Левицький К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928. 285, III с.
6. Levitsky K. Die Ukraine und die Ukrainer // Die Ukrainer im Weltkriege. New York : Verlag vom "Ukrainischen Nationalrat" 1916.
7. Знаменний голос. Німецька відправа гр. Андрашієви // Діло. 1915. 23 грудня. Ч. 133.
8. Надзвичайне засідане Загальної Української Ради // Буковина. 1915. 9 липня. Ч. 23.
9. Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 440. Оп. 1. Спр. 2.
10. Попик С. Українці в Австрії: австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ–Чернівці, 1999. 236 с.
11. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 474. Д. 159.
12. Галаган М. З моїх споминів (1880-ті–1920 р.). Київ : Темпора, 2005. 656 с.
13. Лебович В. Угорський часопис «Ukránia» (1916 рік) // Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) in Österreich-Ungarn und ihr Sprach- und Kulturleben im Blickfeld von Wien und Budapest. Wien : Lit., 2008.
14. Українці й Угорщина // Шляхи. 1916. Квітень.
15. Барон Буріян // Діло. 1915. 23 січня. Ч. 211.
16. Василько М. Гр. Цернін – гр. Клям-Мартініц // Діло. 1917. 6 січня. Ч. 5.
17. Гнатюк В. На що у нас видають ся книжки? // Діло. 1917. 8 марта. Ч. 55.
18. Виборча реформа на Угорщині а угорські українці // Українське слово. 1917. 4 мая. Ч. 92.
19. Український делегат з Австрії на соціалістичній конференції у Стокгольмі // Шляхи. 1917. Річник IV.
20. Заява Української Парламентарної Репрезентації // Українське слово. 1917. 27 грудня. Ч. 294.
21. Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. 1917 bis 1918. XXII Session. Wien : Aus der k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1918.
22. Не хочемо під Польщу! // Українське слово. 1918. 23 січня. Ч. 15.
23. Левицький К. Як боролась Закарпатська Україна // Діло. 1938. 24 січня. Ч. 15.

24. Севрюк О. Галичина в Берестейських переговорах // Україна на дипломатичному фронті : альманах «Червоної калини» на 1939 рік. Львів, 1938. Річник XVIII.
25. Гостина членів української делегації у Відні // Буковина. 1918. 23 лютого. Ч. 6.
26. Dąbrowski J. *Dziennik 1914–1918*. Kraków : Wydawn. Literackie, 1977. 231 s.
27. Гр. Чернін і українська справа // Діло. 1918. 19 цвітня. Ч. 89.
28. За поділ Галичини // Діло. 1918. 29 червня. Ч. 144.
29. Переслідування українців на Угорщині // Діло. 1918. 9 червня. Ч. 128.
30. Самоозначене українського народу в Австро-Угорщині // Українське слово. 1918. 8 жовтня. Ч. 230.
31. О.К. Змисл самоозначення народу // Українське слово. 1918. 17 жовтня. Ч. 238.
32. Українська держава і укр. конституанта // Українське слово. 1918. 15 жовтня. Ч. 236.
33. Проголошення Української Держави // Діло. 1918. 22 жовтня. Ч. 240.
34. Боберський І. Щоденник 1918–1919 рр. Київ : КМ Академія, 2003. 259 с.

Dmitry S. Parfiryev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: parfiryeff@yandex.ru

TRANSCARPATIA IN THE PLANS OF AUSTRO-HUNGARY'S UKRAINIAN POLITICIANS IN 1914–1918

Keywords: Transcarpathia, Austria-Hungary, World War I, Ukrainian movement.

By the eve of the WWI, Ukrainian politicians of Austrian Galicia and Bukovina declared that Transcarpathia was a region inhabited by Ukrainians, although this kind of identification was not popular among Transcarpathian Rusins. After the outbreak of war, Ukrainian leaders ignored the issue of 'Hungarian Ukraine' over two years. The 'All-Ukrainian council', which claimed to be a rightful representation of the whole nation, did not include Transcarpathian delegates. The main goal of the council was to achieve establishment of separate Ukrainian province in Austria, but without 'Hungarian Ukraine'. Meanwhile, West Ukrainian press still estimated Transcarpathia as Ukrainian territory. It was connected with fear of anger of government of Hungary led by Istvan Tissa who also supported the creation of Ukrainian province in Austria. Late in 1916, West Ukrainian leaders received from Tissa a promise to support them in exchange for their non-interference into Transcarpathian issue.

The publishing of manifesto about Galicia's autonomization in November 1916, and, then, the revolution in Russian part of Ukraine, induced Ukrainian politicians of Austria to strengthen their position. During 1917, West Ukrainian press spoke for 'brothers' in Hungary more and more, recalling of their plight. By the year's end, after declaration of independence of Ukrainian People Republic in Kiev, peaceful negotiations between the Central Powers and Ukrainian government began. The importance of Ukrainian politicians of Galicia and Bukovina for Wien has increased, thereafter their rhetoric became more radical. Ukrainian members of Reichsrat openly characterized 'Northeast Hungary' as historically Ukrainian region. By that time, they did not care about authorities' of Hungary attitude towards them. Yet the Vienna did not want to confront with the Budapest in Ukrainian issue, so, during the talks in Brest-Litovsk both Austrians and Germans made it clear for Ukrainian delegates that propriety of 'Hungarian Ukraine' would not be discussed at all. Despite this, Brest peace was profitable for Ukrainians in Austria. The government guaranteed that Ukrainian province would be established after the war. Transcarpathia was to be kept in Hungary, but Ukrainian politicians continued their critics of Hungarian authorities for the oppression of their 'brothers'.

In October 1918, realizing that reforms in the empire became inevitable, Ukrainian politicians of Galicia and Bukovina definitely declared their claims for Transcarpathia. Newspapers called to 'stop coddling Magyars' and 'do not forget about Ukrainian population in the mountains of Hungary'. Ukrainian parliamentary representation's leaders stressed Ukrainian character of 'northern Hungary' at the audience with emperor Charles I. On the 18th of October, Ukrainian national council in Lviv declared its claims for Transcarpathia officially.

REFERENCES

1. Kann, R.A. & David, Z.V. (1984) *The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918*. Washington: University of Washington Press.
2. Rudnitskiy, S. (1914) *Korotka geografiya Ukrayini*. Lviv: Nakladom Ukr. ped. t-va.
3. Baran, S. (1913) *Nasha programa i organizatsiya*. Lviv: z drukarni 'Dila'.
4. Baran, S. (1938) Vid Golovnoi do Zagal'noi Ukraïns'koï Radi. *Dilo*. 24th April.
5. Levitskiy, K. (1928) *Istoriya vizvol'nikh zmaganiy galits'kikh ukraïntsviv z chasu svitovoi viyni 1914–1918*. Lviv: Drukarnya oo. Vasyliyan u Zhovkvi.
6. Levitskiy, K. (1916) Die Ukraine und die Ukrainer. In: *Die Ukrainer im Weltkriege*. New York: Ukrainischer Nationalrat.
7. *Dilo*. (1915a) Znamennyi golos. Nïmets'ka vidprava rr. Andrashievi. 23th December. Ch. 133.
8. *Bukovyna*. (1915) Nadzvichayne zasidane Zagal'noi Ukraïns'koï Radi. 9th July. Ch. 23.
9. The Central State History Archive of Ukraine in Lviv. Fund 440. List 1. File 2.
10. Popyk, S. (1999) *Ukraïntsi v Avstriï: avstriys'ka politika v ukraïns'komu pitanni periodu Velikoï viyni*. Kyiv; Chernivtsi: Zoloti lytavry.
11. The Archive of Foreign Policy of Russian Empire. Fund 151. List 474. File 159.
12. Galagan, M. (2005) *Z moïkh spominiv (1880-ti–1920 r.)*. Kyiv: Tempora.
13. Lebovich, V. (2008) Ugors'kiy chasopis "Ukránia" (1916 rik). In: Moser, M. & Zoltán, A. (eds) *Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) in Österreich-Ungarn und ihr Sprach- und Kulturleben im Blickfeld von Wien und Budapest*. Wien: Lit.
14. *Shlyakhi*. (1916) April.
15. *Dilo*. (1915b) Baron Buriyan. 23th January.
16. *Dilo*. (1917) Vasil'ko M. Gr. Tsernïn – rr. Klyam-Martinitis. 26th January.
17. Gnatyuk, V. (1917) Na shcho u nas vidayut' sya knizhki? *Dilo*. 8th March.
18. *Ukrayins'ke slovo*. (1917a) Viborcha reforma na Ugorshchyni a ugors'ki ukraïntsyi. 4th May.
19. *Shlyakhi*. (1917) Ukrayins'kiy delerat z Avstriyi na sotsyalystichnyi konferentsiyi u Stokgol'mi. IV.
20. *Ukrayins'ke slovo*. (1917b) Zayava Ukrayins'koyi Parlyamentarnoyi Reprezentatsiyi. 27th December.
21. Austria. (1917–1918) *Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. 1917 bis 1918. (1918) XXII Session*. Wien: Aus der k. k. Hof- und Staatsdruckerei.
22. *Ukrayins'ke slovo*. (1918a) Ne khochemo pid Pol'shchu! 23th January.
23. Levitskiy, K. (1938) Yak borolas' Zakarpats'ka Ukrayina. *Dilo*. 24th January.
24. Sevryuk, O. (1938) Galičina v Beresteys'kikh peremovakh. In: *Ukrayina na diplomatichnomu fronti*. XVIII. Lviv: Chervona Kalyna.
25. *Bukovyna*. (1918) Gostina chleniv ukraïns'koï deleratsii u Vidni. 23th February.
26. Dąbrowski, J. (1977) *Dziennik 1914–1918*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
27. *Dilo*. (1918a) Gr. Chernyin i ukraïns'ka sprava. 19th April.

28. Dilo. (1918b) Za podyil Galichini. 29th June.
29. Dilo. (1918c) Pereslydivannya ukrayintsyiv na Ugorshchinyi. 9th June.
30. *Ukrayins'ke slovo*. (1918b) Samooznachene ukrayins'kogo narodu v Avstro-Ugorshchinyi. 8th October.
31. O.K. (1918) Zmysl samooznachenyia narodu. *Ukrayins'ke slovo*. 8th October.
32. *Ukrayins'ke slovo*. (1918c) Ukrayins'ka derzhava i ukr. Konstituanta. 15th October.
33. Dilo. (1918d) Progoloshennya Ukraïns'koï Derzhavi. 22th October.
34. Bobersky, I. (2003) *Shchodennik 1918–1919 rr.* Kyiv: Akademiya.

УДК 94(47).081/.083 + 94(510).08/09+94(517)
DOI: 10.17223/19988613/74/17

А.А. Сизова

СОЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСУЛЬСТВА В УЛЯСУТАЕ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ И ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЙ НАЧАЛА XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского / советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Статья посвящена одному из малоизученных вопросов российско-китайско-монгольских отношений и российского присутствия в Восточной Азии начала XX в. – процессу становления императорского консульства России в г. Улясутае. На основе преимущественно неопубликованных архивных источников рассматриваются проблемы реализации Российской империей права на открытие консульского представительства в этом ключевом пункте Западной Монголии. Учреждение консульства было результатом сложного многолетнего межгосударственного и межведомственного взаимодействия, усилий дипломатов, пытавшихся максимально обеспечить национальные интересы в регионе.

Ключевые слова: дипломатия, консульство, российско-китайские отношения, российско-монгольские отношения, Цинская империя.

Развитие подсистемы международных взаимодействий в Северо-Восточной Азии второй половины XIX – начала XX в. характеризовалось устойчивым интересом как региональных, так и внерегиональных акторов к расширению «сфер влияния» в Цинской империи и на ее границах. Для России объектами стратегического интереса в условиях конкуренции со странами Западной Европы, США и Японией, в особенности на рубеже веков, стали Монголия, Синьцзян и Маньчжурия. На этих территориях уже долгое время развивались трансграничные торговые контакты, в Монголии и Западном Китае с середины XIX в. формировались российские фактории. История российско-цинского диалога по поводу реализации данных интересов России, его инструментов и институтов продолжает привлекать интерес исследователей. Введение в научный оборот новых фактов обладает непреложной ценностью для понимания локальных и региональных процессов на Дальнем Востоке, в том числе и в последующие периоды.

Одним из актуальных направлений является исследование деятельности учреждений и организаций, представлявших Россию в Китае и Монголии, прежде всего, официальных защитников национальных интересов – консульств. Вопросы работы консульских учреждений в пограничных с Россией регионах затрагивались в трудах Н.В. Богоявленского [1], М.И. Боголепова и М.Н. Соболева [2], И.Я. Коростовца [3], Е.М. Даревской [4, 5], Ш.Б. Чимитдоржиева [6], В.А. Моисеева [7, 8], А.В. Старцева [9–11], Н.Е. Единарховой [12–14], Ю.В. Кузьмина [15], А.Н. Хохлова [16–18], Е.А. Белова [19], В.Г. Дацышена [20, 21] и других авторов [22, 23]. Комплексные исследования деятельности российских консульств в Монголии и Китайском Алтае в период до 1917 г., наряду с различными аспектами работы консульств в Синьцзяне и Маньчжурии, были проведены А.А. Сизовой [24–27]. Новые архивные разыска-

ния позволяют открыть неизвестные страницы этих исторических сюжетов.

В данной статье на основе архивных материалов реконструируется процесс подготовки открытия первого консульского учреждения Российской империи в Западной Монголии (в г. Улясутае), обусловленный стремлением России реализовать обретенное по Петербургскому договору 1881 г. право на основание консульских представительств, обеспечить защиту стратегических и торговых интересов и сопряженный с преодолением препятствий, в первую очередь дипломатических, прилагаемым ею усилиям.

Взаимодействие двух империй, внешнеполитические ведомства которых опирались на отличавшиеся подходы к трактовке двусторонних договоров, по поводу создания в г. Улясутае российского консульства заслуживает специального рассмотрения, поскольку оно позволяет детализировать хронологию и ландшафт дипломатических и торговых контактов России с Цинской империей, проанализировать факторы расширения консульской сети, сделать некоторые обобщения относительно политики России в Северо-Восточной Азии начала XX в.

Система российских консульств в империи Цин начала формироваться благодаря заключению Кульджинского трактата и основанию в Кульдже и Чугучаке первых представительств в 1851 г. [28]. В Монголии первое консульство было основано в 1861 г. К моменту распада в связи с Октябрьской революцией 1917 г. система императорских консульств в Китайской Республике и автономной Монголии включала более 20 учреждений разного уровня под началом дипломатической миссии в Пекине. Открытие консульства в Улясутае (Джавхлант, Джибхаланту) являлось насущной потребностью для защиты и продвижения российских интересов, поскольку этот город был значимым

центром маньчжурской военно-административной системы (с 1780 г. и до 1911 г. здесь располагалась резиденция цзянцзюня) и крупным торговым пунктом. В Улясутайском и соседнем Кобдоском округах с 1850-х гг. трудились российские купцы, поддерживавшие «западный» маршрут российско-китайской торговли.

«Западное» направление торговли с Китаем стало развиваться со второй половины XIX в. и дополнило основное направление торгового пути через Кяхту. Благодаря заключению Пекинского договора 1860 г. возобновилось движение российских караванов через Калган (Чжанцзякоу), Кулунь и Кяхту, определенное Кяхтинским договором 1728 г. и прерванное в 1755 г. И если после 1905 г. Транссибирская магистраль отвлекла значительную часть чайных грузов, что снизило роль караванной торговли через Кяхту, то на западе Монголии и в Китайском Алтае сухопутный торговый путь сохранял значение. Улясутай служил важным транзитным пунктом, входившим в систему торговых путей наряду с Калганом, Ургой и Кяхтой, базой хошунной торговли. В городе заключались сделки, подбирались извозчики, располагались учреждения, торговые склады и другие объекты инфраструктуры.

На протяжении второй половины XIX в. российские коммерсанты, а также консульство в Урге не раз обращались с просьбами о создании в Западной Монголии отдельного консульского представительства, поскольку ресурсов единственного консульства в Урге для защиты интересов соотечественников на обширной территории Монголии было недостаточно. Санкт-Петербургский договор 1881 г. расширил права и привилегии России в империи Цин, закрепленные ранее в Кульджинском, Тяньзиньском и Пекинском договорах. Помимо прочих преимуществ, Россия получила право «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством», учредить консульства в Кобдо и Улясутае (ст. 10) [28. С. 117–125], но по разным причинам не форсировала его реализацию.

Открытие консульства в Улясутае в 1909 г. ознаменовало начало периода расширения консульской системы в Монголии. Данное событие произошло на фоне кризиса российской торговли в Монголии, начавшегося с 1909 г., политического кризиса в Цинской империи и набиравшего обороты монгольского национально-освободительного движения. Уже в последней трети XIX в. стало очевидным противоречие между потребностями российского купечества и характером реализации трактатных прав на открытие консульств в приграничных регионах Китая. Учреждения создавались в основном тогда, когда возникала необходимость заполнения «вакуума силы» в контексте стратегических интересов России. С другой стороны, сдерживающими факторами являлись политика Пекина и вызовы международной среды. Несмотря на то, что в 1902–1903 гг. в Кобдо и Улясутае центральное правительство учредило специальные управления для разбора дел между российскими и китайскими подданными [29. Л. 5–7], с российской стороны решением консульских вопросов в Улясутайском и Кобдоском округах до 1909 г. официально занималось только консульство в Урге. Оно периодически командировало сотрудников для

выполнения судебных обязанностей, общего контроля и сбора сведений (в отдельных случаях в город командировались сотрудники консульства в Чугучаке). Коммерсанты, путешественники и сами дипломаты находили такое положение дел неудовлетворительным и называли его в качестве одной из причин кризисных явлений в экономическом взаимодействии с Монголией и Китаем.

В 1905 г. вопрос об учреждении консульства в Северо-Западной Монголии актуализировался в связи с мероприятиями цинского правительства по укреплению влияния в Кобдоском и Улясутайском округах, стимулированием миграции китайского населения в западную часть Халхи, а также наращиванием японского присутствия в регионе. Необходимость получения точных и своевременных сведений о ситуации в данной зоне стратегических интересов и потребность оперативного реагирования на вызовы были среди основных причин, обусловивших решение о расширении системы консульств. При этом положительная динамика российской торговли в Западной Монголии по «чуйскому» пути и в Урянхайском крае по «усинскому» пути, заметное развитие российских факторий расценивались МИДом лишь в качестве дополнительных причин для создания нового консульства. Это позволяет сделать вывод о трансформации подхода царского правительства к значению консульского института в регионе, прежде всего, как форпоста российского политического влияния.

Принимая во внимание неоднократные настоятельные рекомендации дипломатов в Урге и Чугучаке по открытию нового консульства, а также Военного ведомства, поднимавшего этот вопрос еще в 1903 г., после экспедиции в регион капитана В.Л. Попова [Там же. Л. 6 об. –7], в мае 1905 г. МИД принял решение об учреждении представительства в Западной Монголии. 13 мая 1905 г. директор Первого департамента обратился к директору Департамента личного состава и хозяйственных дел с просьбой о проведении решения по организации консульства в Улясутае в законодательном порядке [Там же. Л. 7 об.]. 28 ноября 1905 г. император Николай II утвердил и повелел исполнить мнение Государственного Совета об учреждении нового консульства [Там же. Л. 10]. Штаты представительства составляли консул (6-й класс по чиновному производству, 6-й разряд по шитью на мундире, содержание 7 500 руб. в год) и секретарь-драгоман (8-й класс по чиновному производству, 8-й разряд по шитью на мундире, содержание 3 750 руб.). На канцелярские расходы консульства и содержание его почтово-конвойной команды было решено отпускать по 3 000 руб. в год (по 1 500 руб. на каждый вид расходов). Одновременно упразднялась должность второго драгомана в Урге, который в предшествующий период мог выезжать в Улясутайский и Кобдоский округа для решения дел [Там же. Л. 10 об.].

Исполнение обязанностей главы нового консульства было возложено на занимавшего с 1905 г. пост консула в Турфане (фактически в Урумчи) титулярного советника В.В. Долбежева. Он получил специальное назначение в Улясутай, поскольку хорошо знал Монголию,

много лет прослужил секретарем и драгоманом в Урге. В секретной телеграмме 13 марта 1906 г. В.В. Долбежев обращался в Первый департамент с просьбой снастись с Военным ведомством по вопросу о предоставлении ему конвойной команды консульства в Урумчи из 10 казаков и одного фельдшера для предстоящей в апреле 1906 г. командировки в Улясутай через Кобдо [29. Л. 12]. Дипломат планировал, покинув Урумчи в апреле, прибыть в Улясутай в мае, к началу торгового сезона и приезду в Западную Монголию большей части российских предпринимателей. На должность консула в Урумчи вместо В.В. Долбежева был назначен надворный советник Н.Н. Кротков, приезд которого ожидался в апреле [Там же. Л. 13].

Однако активизация деятельности России по учреждению нового консульства не встретила понимания цинского правительства. Оно отказывалось одобрять этот шаг на условиях, предложенных Петербургом, и стремилось замедлить процесс его реализации. Вай-у-бу во главе с князем Цином, ссылаясь на ст. 10 Петербургского договора, утверждало, что консульство в Улясутае может быть открыто только при увеличении российско-монгольской торговли, при этом исходило из своих представлений о ее «увеличении». Также утверждалось, что расширение российской консульской системы в Монголии могло быть осуществлено лишь при согласии России на закрепление в обновленном российско-китайском договоре положения об отмене беспошлинной торговли [Там же. Л. 50]. В свою очередь, Министерство иностранных дел России инструктировало посланника в Пекине Д.Д. Покотилова направить переговоры таким образом, чтобы режим беспошлинной торговли в Монголии был сохранен [Там же. Л. 14].

В связи тем, что открытие консульства откладывалось, Петербург планировал представить прибытие В.В. Долбежева в Улясутай как ординарную командировку консульского чиновника для решения накопившихся дел между российскими подданными и «смешанных» дел, что не должно было вызвать претензий Пекина. В письме от 26 марта 1906 г. Д.Д. Покотилов предлагал Первому департаменту в случае непреклонности князя Цина по вопросу об открытии консульства все-таки отправить В.В. Долбежева в Улясутай, объяснив это необходимостью в очередной выездной сессии консульского суда. Пространство для маневра в вопросе о продолжительности пребывания чиновника в Улясутае предполагалось обеспечить ответом о ее зависимости от сложности и объема судебных дел. Вай-у-бу обещало Д.Д. Покотилову снастись по данному поводу с местными властями Улясутая [Там же. Л. 15]. Из-за затягивания Пекином переговоров Д.Д. Покотилов предложил В.В. Долбежеву задержаться в Урумчи, а Н.Н. Кроткову – в Кульдже, несмотря на то что последний уже отправил караваны с личными вещами в Урумчи [Там же. Л. 16–17]. В.В. Долбежев, в свою очередь, убеждал Д.Д. Покотилова, что в связи с началом торгового сезона оперативно отправить в Улясутай чиновника для разбора дел чрезвычайно важно [Там же. Л. 18]. 19 апреля 1906 г. Первый департамент телеграммой сообщил Д.Д. По-

котилову о выезде Н.Н. Кроткова и просил инструктировать В.В. Долбежева для отправки последнего в Улясутай.

В.В. Долбежеву удалось выехать из Урумчи в Улясутай только 21 мая 1906 г. через Гучэн и Кобдо, куда он с 10 сибирскими казаками прибыл 26 июня [30. Л. 9]. Д.Д. Покотилов, оставив ноту цинского внешнеполитического ведомства без ответа, поручил консулу в Урге В.Ф. Любе сообщить улясутайским властям косвенный предлог командировки В.В. Долбежева – разбор дел между российскими и китайскими подданными в Западной Монголии [29. Л. 20–20 об.].

Секретарем-драгоманом в Улясутае предлагалось назначить М.Н. Кузминского, занимавшего пост секретаря в Урге [27. С. 279]. На замену М.Н. Кузминскому в Ургу был назначен А.А. Вальтер, который выехал к месту службы из Петербурга. Однако в телеграмме Д.Д. Покотилову 19 апреля 1906 г. товарищ министра князь В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий отметил, что консул в Урге В.Ф. Люба ходатайствовал о сохранении за М.Н. Кузминским должности секретаря во вверенном ему учреждении. Первый департамент разрешил М.Н. Кузминскому остаться в Урге до приезда нового секретаря консульства А.А. Вальтера и ознакомления его с делами, если В.В. Долбежев срочно не потребует секретаря в Улясутай [29. Л. 19]. Таким образом, исполняющий обязанности консула первое время был вынужден работать без помощника.

В сложившихся условиях МИД России продолжал проводить консультации с дипломатами в Урге и прибывшим в Улясутай В.В. Долбежевым, собирая информацию для подтверждения остроты потребности в открытии консульства и аргументы для дипломатического воздействия на цинское правительство. В.В. Долбежев, получивший по дороге в Улясутай актуальные сведения о положении дел в консульском округе, в донесении в Первый департамент Д.К. Семеновскому-Курилло 8 июля 1906 г. привел 12 доводов в пользу официального учреждения улясутайского консульства в кратчайший срок [Там же. Л. 20–20 об.].

В частности, он указывал, что объемы российской торговли в Улясутайском и Кобдоском округах, урянхайских, цзахачинских, торгоутских землях, дэрбэтских и киргизских кочевьях ежегодно увеличиваются. Так, в 1906 г. в Улясутае торговало 58 российских фирм, а в Кобдоском округе – более 30 отдельных предпринимателей с количеством служащих от 3 до 15. В одном только Кобдоском округе за 1905 г. общая сумма ввоза составила 897 152 руб. 89 коп., вывоза – 1 076 955 руб. 89 коп., годовой оборот – 1 974 108 р. 78 коп., а в Улясутае, по словам В.В. Долбежева, эти суммы были значительно больше [Там же. Л. 22 об.]. По поводу «неразвитости» двусторонней торговли в Улясутае, на которую указывал Пекин, исполняющий обязанности консула замечал, что некорректно измерять ее масштабы количеством лавок в одном Улясутае, так как города Западной Монголии в основном служили лишь местами переговоров, заключения сделок и складскими центрами, в то время как торговля носила преимущественно хошунный характер. По его мнению, увеличение российско-монгольского товаро-

оборота было де-факто подтверждено Пекином посредством организации в Кобдо и Улясутае специальных управлений во главе с «русскими цзурганами» еще в 1902–1903 гг. [29. Л. 25].

Дипломат также акцентировал внимание на выгодах скорейшего появления представителя России в Западной Монголии и для самого Китая. Отмечались сложности решения «смешанных» дел, в том числе неспособность торговых старшин из-за препятствий местных чиновников разбирать дела о долгах монголов, бесконтрольность «незавидного» поведения некоторых соотечественников, на счет чего улясутайским цзянцзюнем и кобдоским амбанем не раз высказывались претензии [Там же]. Не имея постоянного консульского содействия в Улясутае или Кобдо, по словам В.В. Долбежева, российские купцы не организовывали еще большего числа лавок, а также вынуждены были часто отсутствовать в городах, поскольку выезжали в Россию для засвидетельствования документов, протеста векселей и т.д. По этой же причине при невозможности законно оформить передачу торгового места в городах предприниматели передавали дела другим российским подданным, и это вызывало массу недоразумений в сделках с монголами, которые оказывались пострадавшей стороной [Там же. Л. 23 об.].

Среди других важных причин назывались низкая эффективность командировок чинов единственного ургинского консульства в Улясутай и Кобдо, так как они длились не более недели, и дела разбирались только между присутствующими в это время в городах торговцами, иски же находившихся в хошунах купцов не рассматривались. При этом письменные сношения с улясутайским цзянцзюнем и кобдоским амбанем, часто затягивавшими переписку или вовсе уклонявшимися от нее, В.В. Долбежев называл бесполезными. Насущной проблемой также называлась недостаточность авторитета российских торговых старшин в глазах местного населения. В действительности они вносили большой вклад в развитие «русского дела» в Монголии, однако их деятельность была очень трудозатратной, и в 1905–1906 гг. в Кобдо сменились 3 старшины, а старшина в Улясутае при встрече с В.В. Долбежевым просил освободить его от должности.

В донесении от 2 августа 1906 г. исполняющий обязанности консула указывал на свидетельства противодействия распространению российского влияния в Улясутае со стороны не только местных властей, но и непосредственно Пекина. В частности, в начале августа 1906 г. на аудиенцию к императору был вызван улясутайский «русский цзурган», как предполагал В.В. Долбежев, для обсуждения деятельности вновь прибывшего в Западную Монголию российского чиновника [30. Л. 28 об.]. Пекинская тактика в отношении российского представителя также выразилась в том, что некоторые служащие маньчжурских управлений в Улясутае перед приездом В.В. Долбежева советовали российским торговцам выступить с заявлением о ненужности консульства в Улясутае [Там же]. За этими действиями дипломат видел именно инструкции центрального правительства, желавшего уступок России взамен учреждения консульства в Западной Монголии,

а не инициативу местных чиновников, которые, по его свидетельству, в силу своих причин вполне разделяли взгляды о необходимости установления российского консульского надзора в округе.

В поддержку решения о скорейшем создании консульства в Улясутае высказалось и российское торговое общество Западной Монголии, которое в своей записке В.В. Долбежеву от 28 октября 1906 г. перечислило трудности, с которыми помогло бы справиться постоянное представительство МИДа [Там же. Л. 60]. Подчеркивались затруднения в общении с местными властями и населением по исковым и торговым делам, ходатайствам о нуждах российской торговли, которые не могли быть полностью разрешены редко посещавшими Улясутай и Кобдо чиновниками консульства в Урге, скопление крупных долгов российским торговцам и др. Предприниматели обращались с просьбой «не оставить» их в наступающий «тяжелый час» для российской торговли, в кратчайший срок организовать консульский контроль и предоставить участок для строительства фактории в данном городе [Там же. Л. 61 об.].

Несмотря на признание справедливыми аргументов предпринимателей и консула, а также на сообщения о новых столкновениях русских и сартов в Кобдоском округе в этот период [Там же. Л. 42 об.], в октябре 1906 г. Д.Д. Покотиллов приостановил давление на Вай-у-бу, ссылаясь на опасение привлечь внимание Японии к домогательствам России и возможность выдвижения ею требований об учреждении своего консульства в Монголии [29. Л. 39]. Более того, осенью 1906 – зимой 1907 г. в МИДе серьезно рассматривался вопрос об уступках Пекину по введению пошлин на торговлю с Монголией в обмен на открытие консульства в Улясутае. Это подчеркивает возросшую стратегическую значимость присутствия российских властей в Западной Монголии в глазах царского правительства. Ввиду этого в январе 1907 г. В.В. Долбежев в донесении Первому департаменту уже называл условия, на которые могла бы согласиться Россия на переговорах с цинским правительством об обложении российской торговли в Монголии пошлинами [Там же. Л. 40]. Однако посланник связывал размышления В.В. Долбежева о возможных уступках Китаю не с участвовавшими требованиями Пекина об отмене беспошлинного режима, а с его желанием как можно скорее занять консульский пост, в то время как торговое общество Улясутая выступало категорически против изменения торговых условий в Монголии [Там же. Л. 41]. Из-за отсутствия приемлемого решения и вследствие непреклонности Пекина, консультировавшегося с Токио, миссия на целый год заняла выжидательную позицию в вопросе о легализации деятельности консульства в Улясутае.

У предположения посланника о стремлении В.В. Долбежева ускорить назначение на должность, вероятно, были некие основания, так как, например, узнав о переводе В.Ф. Любы на пост генерального консула в Харбине, он в донесении от 8 октября 1906 г. Д.К. Семеновскому-Курилло ходатайствовал о переводе на должность генконсула в Урге [30. Л. 34]. Ходатайство не было удовлетворено, и через некоторое время на ургинский пост вернулся Я.П. Шишмарев, занимав-

ший его с 1865 г. до отпуска в 1904–1905 гг. Однако не приходится сомневаться и в реалистичности описания В.В. Долбежевым текущей ситуации в округе. По дороге к месту службы и в ходе поездок по Улясуйскому и Кобдоскому округам, в районы Китайского Алтая исполняющий обязанности консула подробно познакомился с местными делами, установил контакты с пограничной администрацией и торговцами, составил подробные отчеты об отношениях с местными маньчжурскими и монгольскими властями, состоянии российской торговли, и его аргументы представлялись весьма основательными.

В донесении от 28 января 1907 г., комментируя по запросу МИДа доклад цинского Военного министерства относительно укрепления Пекином Алтая, В.В. Долбежев указал на возрастание стратегической значимости для России Алтайского округа и нового города Шарасумэ ввиду активных военно-административных преобразований Пекина на данной территории. По его мнению, действия амбана Си Хэна по превращению китайских киргизов в оседлое население обещали усиление миграций последних на российскую территорию, а соответственно – рост числа конфликтов и пограничных дел, а также беспокойство населения пограничных районов, плохо укрепленных в военном отношении. В некоторых пунктах не имелось даже пограничных начальников, а в самом крупном из них начальство состояло из одного урядника. В этой ситуации, по утверждению дипломата, решение о консульстве требовалось «более чем когда-либо» [30. Л. 79 об. –80].

Новый импульс переговорному процессу относительно условий российской торговли в Монголии и открытия новых заграничных учреждений придало заключение российско-японского соглашения 17 (30) июля 1907 г. В его секретной части, кроме уточнения сфер влияния в Маньчжурии, закрепления прав Японии в Корее, фиксировалась договоренность относительно Внешней Монголии. Япония обязалась воздерживаться от вмешательства, которое могло бы нанести ущерб интересам России в этой части Цинской империи (ст. 3) [28. С. 538], однако на практике продолжала активность и воздействие на Пекин.

В донесении от 5 ноября 1907 г. В.В. Долбежев предлагал использовать для возобновления переговоров по открытию консульства в Улясуэе новый предлог – требование цинского правительства о снабжении торгующих в Западной Монголии российскоподданных билетами с монгольским переводом. Поскольку в администрациях Томской и Иркутской губерний билеты с таким переводом не выдавались по причине отсутствия соответствующих переводчиков, то единственным органом, способным удовлетворить данные бюрократические требования, могло стать российское консульство. Предложение было поддержано Д.Д. Покотиловым, но, очевидно, Цины сделали уступку по вопросу о выдаче билетов, продолжая добиваться в обмен на создание консульства более серьезных уступок [30. Л. 99].

В феврале 1908 г. скончался посланник в Пекине Д.Д. Покотилев, и до прибытия нового посланника И.Я. Коростовца в мае 1908 г. поверенным в делах

являлся Б.К. Арсеньев. В этот период требования китайского правительства относительно введения пошлин на торговлю в Синьцзяне и Монголии повторялись, и в письмах министру финансов В.Н. Коковцову и министру торговли и промышленности И.П. Шипову от 15 марта 1908 г. министр иностранных дел А.П. Извольский высказывался о политической нецелесообразности дальнейшего уклонения от ответа Вай-у-бу [29. Л. 42 об.].

Цинский двор, также стремившийся осуществлять контроль над российско-китайскими торговыми связями посредством консульского института, с ноября 1907 г. настаивал на преобразовании в консульство своего коммерческого агентства во Владивостоке [Там же. Л. 50], функционировавшего в этом городе с 1897 г. [31]. В ходе дальнейших переговоров Пекин предложил этот шаг в качестве альтернативы отмене беспошлинной торговли как условия для назначения российского консула в Улясуэе. Данное предложение рассматривалось в 1908 г. на совещании образованной в 1903 г. Особой комиссии для обсуждения вопросов, связанных с таможенной политикой России на Дальнем Востоке [29. Л. 43]. Несмотря на принципиальную нежелательность повышения статуса торгового агентства Цинской империи во Владивостоке до уровня генерального консульства, министр иностранных дел, поддержанный министром торговли и промышленности, дал распоряжение Б.К. Арсеньеву устранить зависимость между вопросами открытия российского консульства в Улясуэе и отмены беспошлинного режима в Монголии и не уклоняться от переговоров по таможенным вопросам [Там же. Л. 43 об.].

Переговоры о сохранении беспошлинной торговли, осуществлявшиеся Россией уже с осознанием неизбежности уступок Китаю, закончились только через год. 28 марта 1909 г. И.Я. Коростовец секретной телеграммой уведомил Первый департамент о согласии Вай-у-бу на открытие консульства в Улясуэе взамен преобразования должности коммерческого агента во Владивостоке в должность генерального консула. Нотой от 18 апреля 1909 г. царское правительство подтвердило согласие на открытие консульства Цинской империи во Владивостоке [Там же. Л. 50 об.]. К обязанностям генконсула приступил бывший коммерческий агент Пекина Гуй Фан, кандидатура которого была одобрена И.Я. Коростовцом и Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером.

На пост консула в Улясуэе посланник рекомендовал В.Ф. Любу, «знатока Монголии» и бывшего некоторое время консулом в Урге, в тот момент служившего генеральным консулом в Харбине [Там же. Л. 50 об., 60]. До окончательного утверждения кандидата на пост консула в Урге в телеграмме от 28 марта 1909 г. И.Я. Коростовец ходатайствовал о возведении в звание консула В.В. Долбежева [Там же. Л. 46]. До весны 1909 г. В.В. Долбежев был вынужден скрывать от цзянцзюня Куй Хуана истинную цель своего пребывания в Улясуэе и, по сути, выполняя консульские функции, в общении с местными властями представлялся как командированный чиновник [30. Л. 17]. Однако по получении уведомлений о договоренностях

касательно консульств во Владивостоке и Улясутае, 20 и 21 апреля 1909 г. улясутайский цзянцзюнь и амбани, а также начальники всех окружных управлений нанесли В.В. Долбежеву официальные приветственные визиты, таким образом, признав его статус [29. Л. 48].

Новый консульский округ, образованный после открытия представительства в Улясутае в апреле 1909 г., был назван Кобдо-Улясутайским, и его первый объезд В.В. Долбежев предполагал сделать в первой половине мая 1909 г. В секретной телеграмме он через Первый департамент обратился в Военное ведомство с просьбой о командировании ему из Зайсана 24 конных казаков, которые должны были проследовать вместе с консулом от границы [Там же. Л. 49]. Во время объезда округа В.В. Долбежев был задержан разбором дел в Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ и вынужден был прибыть в пограничный пункт Уласты только к 25 июня, а в Улясутай через Кобдо и Шара-Сумэ поехать только 30 июня [Там же. Л. 52].

В июне 1909 г. в МИДе было принято решение повысить статус улясутайского консула до генерального, чтобы соблюсти принцип взаимности в условиях назначения Пекином генерального консула во Владивосток. Для получения нового назначения В.В. Долбежеву было предложено сдать соответствующий экзамен [Там же. Л. 52]. Однако уже в 1910 г. он возглавил консульство в Чугучаке, где проработал до 1920 г., став последним императорским консулом в этом городе. Генеральным консулом в Улясутае 5 ноября 1909 г. был назначен В.Ф. Люба, и его приезд к месту службы рассчитывался на весну 1910 г. Обязанности секретаря-драгомана улясутайского консульства были вменены А.П. Хионину [32. Л. 7], который исполнял их до июля 1912 г., после чего был назначен секретарем в Ургу.

Телеграмма вице-директора Первого департамента Г.А. Плансона о назначении генерального консула В.Ф. Любы была доставлена В.В. Долбежеву с большим запозданием, и о новом российском представителе цзянцзюнь и амбани узнали только 24 декабря 1909 г. [29. Л. 65]. Перед отправлением в Улясутай зимой 1909 г. В.Ф. Люба заехал к иркутскому генерал-губернатору для получения указаний по пограничным вопросам, прояснения позиций и форм сношений по важным политическим делам в сфере совместного ведения, в том числе по «уряньхайскому» вопросу [Там же. Л. 63]. О всяческом содействии новому консулу в решении пограничных дел Первый департамент в декабре 1909 г. просил и томского губернатора, которого В.Ф. Люба планировал посетить по дороге в Улясутай [Там же. Л. 64–64 об.]. Для инструктажа со стороны посланника В.Ф. Люба также должен был заехать в Пекин [Там же. Л. 62].

Факты позволяют заключить, что процесс создания российского консульства в Улясутае являлся многотрудным. С момента утверждения российским императором мнения Государственного Совета (28 ноября 1905 г.) до получения согласия цинского внешнеполитического ведомства (28 марта 1909 г.) прошло 3 года и 4 месяца. Официальное же открытие российского представительства состоялось только во второй половине апреля 1909 г. Переговоры сторон были напря-

женными и стали очередным свидетельством различия в подходах к трактовке договорных статей, а также примером применения целого ряда дипломатических инструментов.

Открытие консульства в Улясутае произошло под преимущественным воздействием внешнеполитических факторов, невзирая на то что хозяйственная деятельность россиян в регионе нуждалась в поддержке и ранее. В диалоге по поводу учреждения консульства в Западной Монголии проявилась твердость позиции цинского правительства, которое, несмотря на внутригосударственные трудности, стремилось воспользоваться неудачными для России итогами войны с Японией, противоречиями держав и усилить контроль над отдаленными пограничными регионами, препятствуя росту в них влияния России. Немаловажным фактором неуступчивости Пекина была поддержка со стороны Токио, проявлявшего активность за пределами установленных соглашением с Россией «сфер влияния». В свою очередь, Петербург, до осени 1905 г. не форсировавший создания дополнительных форпостов в Монголии и Синьцзяне, вынужден был активизировать деятельность на этом направлении, но при этом пойти на уступки, согласившись на открытие во Владивостоке генерального консульства Китая.

В период работы российского представителя в Улясутае до официального открытия консульства внешнеполитическое ведомство России убедилось, что консульская защита интересов российских подданных в Кобдо, Шара-Сумэ и Урянхайском крае, была действительно необходима и сопряжена с целым рядом вызовов. Среди них, прежде всего, выделялись противодействие местных властей российскому присутствию и торговле выходцев из России в условиях укрепления приграничной полосы и ее заселения китайскими военнопоселенцами, нерешенный «уряньхайский» пограничный вопрос, удаленность и дисперсное проживание соотечественников в этих округах при отсутствии развитой инфраструктуры, специфика межэтнических, нередко конфликтных, взаимодействий в регионе, сложности в реализации консульской юрисдикции и др.

В этих условиях актуализировался вопрос о необходимости дальнейшего утверждения российского влияния в Западной Монголии и Китайском Алтае и создания дополнительных консульств. После поездки по консульскому округу в мае–июне 1909 г. В.В. Долбежев писал: «...При таком положении вещей и при отсутствии почтового и телеграфного сообщений в Западной Монголии Улясутайское Консульство лишено возможности поддерживать русские интересы в Кобдинском Округе, и для защиты русских интересов... необходимо безотлагательно учредить отдельное самостоятельное Русское Консульство в Шара-Сумэ, но не в Кобдо, как сказано в ст. 10 трактата 1881 г., так как старший Кобдинский Амбань перенес свою резиденцию из Кобдо в Шара-Сумэ, в виду чего г. Кобдо потерял значение административного пункта, и проживающий в Кобдо младший Амбань никаких полномочий не имеет и совершенно не касается ни урянхайцев, ни киргиз, ни торгоуццев...» [30. Л. 163–164]. Консульство в Кобдо и Шара-Сумэ было учре-

ждено в сентябре 1911 г., а в середине 1913 г. открылось отдельное консульство в Кобдо, что существенно укрепило линию защиты российских интересов в Западной Монголии. Насыщенная деятельность этих консульств сыграла важную роль в поддержании пре-

стижа России и очагов русской культуры в регионе, содействии соотечественникам и регулировании политических, хозяйственных и иных контактов России с Цинской империей, Китайской Республикой и Монголией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боявленский. Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб. : тип. А.С. Суворина, 1906. 418 с.
2. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск : типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
3. Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. 560 с.
4. Даревская Е.М. Русско-монгольские экономические и культурные связи в конце XIX – начале XX вв. // Доклады и сообщения Научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока / Отд-ние ист. наук Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние Акад. наук ССР, М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Томск : Изд-во Том. ун-та, С. 9–12.
5. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия : очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
6. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М. : Наука, 1987. 235 с.
7. Моисеев В.А. О Кульджинской школе переводчиков и толмачей // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3. С. 167–172.
8. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). Барнаул : Азбука, 2003. 346 с.
9. Сибирский купец А.Д. Васенев / сост., вступ. ст., прим., библиогр. А.В. Старцева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. Ч. 1: Дневники. 192 с.; Ч. 2: Документы и письма. 112 с.
10. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.
11. Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 414 с.
12. Русский консул в Монголии : отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступ. статья, примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск : Отгиск, 2001. 120 с.
13. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск : Отгиск, 2003. 252 с.
14. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск : Репроцентр А1, 2008. 136 с.
15. Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев – генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 // The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin. Ulaanbaatar. 1997. № 2 (20); 1998. № 1 (21).
16. Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Кульдже // Восточный архив. 1999. № 1. С. 24–30.
17. Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Урге // Восточный архив. 2001. № 6-7. С. 16–35.
18. Хохлов А.Н. Гуманная акция России в отношении населения Китая и Монголии в 1912 г. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 83–92.
19. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. 239 с.
20. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2000. 472 с.
21. Дацышен В.Г. Синьцзян в истории русского китаеведения // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 470–486.
22. Галиев В. В. Русские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы : Атамұра, 2011. 463 с.
23. Кудрявцева Е.П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 59–71.
24. Сизова А.А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 100–113.
25. Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 103–107.
26. Сизова А.А. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор–Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. С. 134–142.
27. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М. : Наука, 2015. 295 с.
28. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М. : Памятники ист. мысли, 2004. 684 с.
29. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 621.
30. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616.
31. Дацышен В.Г. Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений // Общество и государство в Китае / редкол.: А.И. Кобзев и др. М., 2012. Т. XLII, ч. 3. С. 153–159. (Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 7).
32. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623.

Alexandra A. Sizova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sayun@yandex.ru
THE ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN CONSULATE IN ULIASSUTAI IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN AND QING EMPIRES OF THE EARLY 20th CENTURY

Keywords: diplomacy, consulate, Russia-China relations, Russia-Mongolia relations, the Qing Empire.

The present work deals with one of the understudied issues of the history of Russian-Chinese-Mongolian interaction in the late 19th century – the early 20th century related to the establishment of the Russian consulate in Uliassutai (now Uliastai, Mongolia). This city, along with Kalgan (Zhangjiakou), Uрга (Kulun) and Kyakhta, was an important node of the Russian-Chinese trade's "western" route and center of the Qing military administration in Mongolia (the residence of the Uliassutai jiangjun). However, despite the significance of this city, the large number of Russian traders in the vast territory of Western Mongolia and their strong need for consular protection since the 1850s, as well as Russia's right to open new consulates obtained under the treaty of St. Petersburg (1881), the imperial consulate in Uliassutai was officially established not earlier than 1909. By this time the only Russian consulate (in Uрга, est. in 1861) operated in Mongolia.

This study helps to reconstruct the process of creation of the first Russian consulate in Western Mongolia, the complicated negotiations with the Qing government and the work of the diplomat V.V. Dolbezhev, who unofficially performed consular duties in Uliassutai in 1906–1909. The analysis based on a wide range of mostly unpublished archival sources indicates that the establishment of this consulate was the result of a considerable diplomatic effort and interaction of a whole number of institutions from both the Russian and Qing sides in the context of the significant difference between two states' interests and diplomatic approaches.

In unfavorable international circumstances defined by the defeat in the Russo-Japanese War, Japan's further activity and the advancement of other "great powers" in the Far East along with Beijing's hard line against new "outposts" of Russia's influence and military strengthening of Altai, Russia, through the tireless work of diplomats in Petersburg, Mongolia and China finally managed to reach agreement with the Qing on the terms of a new consulate's establishment.

Having realized the necessity of the consulate in Uliassutai for defending Russia's political and economic interests in the region, the Russian government in the next few years used efforts to open the additional consular offices in Khobdo (Khovd) and Shara-Sume (Chenghua). These measures significantly strengthened the protection of Russian interests in Western Mongolia and Altai, contributed to the resolution of numerous problems related to economic activities of Russian subjects in Mongolia, streamlined contacts with the local Manchu (later – with Chinese) and Mongol authorities, and in many respects made possible the prominent role of Russian consular officers in Mongolia's development and in mediation of Mongolian-Chinese contradictions in the 1910s.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskii, N.V. (1906) *Zapadnyy Zastennyy Kitay. Ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh* [Western Inner China. Its past, present state and position of Russian subjects]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
2. Bogolepov, M.I. & Sobolev, M.N. (1911) *Ocherki russko-mongol'skoy trgovli. Ekspeditsiya 1910 g.* [Essays on Russian-Mongolian trade. Expedition 1910]. Tomsk: tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
3. Korostovets, I.Ya. (2004) *Ot Chingiskhana do Sovetskoy Respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom novyeyshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (A brief history of Mongolia with special reference to recent times)]. Ulaanbaatar: Emgent.
4. Darevskaya, E.M. Russko-mongol'skie ekonomicheskie i kul'turnye svyazi v kontse XIX – nachale XX vv. [Russian-Mongolian economic and cultural ties in the late 19th and early 20th centuries]. In: *Doklady i soobshcheniya Nauchnoy konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Reports on of the Conferenc on the history of Siberia and Far East]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Darevskaya, E.M. (1994) *Sibir' i Mongoliya: ocherki russko-mongol'skikh svyazey v kontse XIX – nachale XX vekov* [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian relations in the late 19th and early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Chimitdorzhiev, Sh.B. (1987) *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka.
7. Moiseev, V.A. (1987) O Kul'dzhinskoy shkole perevodchikov i tolmachey [On the Kuldjin school of interpreters and interpreters]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 3. pp. 167–172.
8. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: Azbuka.
9. Startsev, A.V. (ed.) (1994) *Sibirskiy kupets A.D. Vasenev* [Siberian merchant A.D. Vasenev]. Barnaul: Altay State University.
10. Startsev, A.V. (2003) *Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian trade in Mongolia (second half of the 19th century – early 20th century)]. Barnaul: Altay State University.
11. Startsev, A.V. (2013) *Rossiysko-mongol'skie trgovno-ekonomicheskie otnosheniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Russian-Mongolian trade and economic relations in the second half of the 19th and early 20th centuries.]. Barnaul: Altay State University.
12. Edinarkhova, N.E. (ed.) (2001) *Russkiy konsul v Mongolii: otchet Ya.P. Shishmareva o 25-letney deyatelnosti Urginskogo konsul'stva* [Russian Consul in Mongolia: Report by Y.P. Shishmarev on 25 years of the Urga Consulate]. Irkutsk: Ottisk.
13. Edinarkhova, N.E. (2003) *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoy deyatelnosti (1861–1921 gg.)* [The Russians in Mongolia: main stages and forms of economic activity (1861–1921)]. Irkutsk: Ottisk.
14. Edinarkhova, N.E. (2008) *Russkoe konsul'stvo v Urge i Ya.P. Shishmarev* [The Russian Consulate in Urga and Ya.P. Shishmarev]. Irkutsk: Reprotsentr AI.
15. Kuzmin, Yu.V. (1997) Ya.P. Shishmarev – general'nyy konsul Rossii v Mongolii: 1861–1911 [Ya.P. Shishmarev – Consul General of Russia in Mongolia: 1861–1911]. *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin*. 2(20).
16. Khokhlov, A.N. (1999) Rossiyskaya shkola perevodchikov v Kul'dzhe [Russian interpreter school in Kuldja]. *Vostochnyy arkhiv – The Oriental Archive*. 1. pp. 24–30.
17. Khokhlov, A.N. (2001) Rossiyskaya shkola perevodchikov v Urge [Russian school of interpreters in Urga]. *Vostochnyy arkhiv – The Oriental Archive*. 6. pp. 16–35.
18. Khokhlov, A.N. (2008) Gumannaya aktsiya Rossii v otnoshenii naseleniya Kitaya i Mongolii v 1912 g. [Russia's humane action against the people of China and Mongolia in 1912]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 83–92.
19. Belov, E.A. (1999) *Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.)* [Russia and Mongolia (1911–1919)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
20. Datsyshen, V.G. (2000) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX vv.* [History of Russian-Chinese relations in the late 19th and early 20th centuries.]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
21. Datsyshen, V.G. (2019) Sin'tsyzan v istorii russkogo kitaevedeniya [Xinjiang in the history of Russian Sinology]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and State in China*. 49. pp. 470–486.
22. Galiev, V.V. (2011) *Russkie konsul'stva v Sin'tsyzane (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russian Consulates in Xinjiang (late 19th – early 20th centuries)]. Almaty: Atamyr.
23. Kudryavtseva, E.P. (2018) Establishment of the first Russian consulates in China in 1851–1852. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3(60). pp. 59–71. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-59-71
24. Sizova, A.A. (2009) Russkie konsul'stva v Mongolii v rossiysko-kitaysko-mongol'skom politicheskom vzaimo-deystvii nachala XX v. [Russian Consulates in Mongolia in Russian – Chinese – Mongolian Political Interaction of the Early 20th Century]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 6. pp. 100–113.
25. Sizova, A.A. (2011) Political dimension of Russia's consulates in Outer China in the second half of the 19th century – early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 103–107. (In Russian).
26. Sizova, A.A. (2013) Osobennosti i problemy realizatsii konsul'skoy yurisdiksiy Rossii v Mongolii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Peculiarities and problems of implementation of Russian consular jurisdiction in Mongolia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. In: *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the Turn 20th Century: Economy, Diplomacy, Culture]. Ulaanbaatar; Irkutsk: BSUEP. pp. 134–142.
27. Sizova, A.A. (2015) *Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Russian Consular Service in Mongolia (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
28. Myasnikov, V.S. (ed.) (2004) *Russko-kitayskie dogovorno-pravovye akty. 1689–1916* [Russian-Chinese treaties and legal acts. 1689–1916]. Moscow: Pamyatniki ist. mysl.
29. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 621.
30. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 616.
31. Datsyshen, V.G. (2012) Konsul'stva Kitayskoy Respubliki v Sibiri v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy [Consulates of the Republic of China in Siberia in the system of Russian-Chinese relations]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and State in China*. XLII (3). pp. 153–159.
32. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 623.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.1(09) + 070.15 + 32.019.51
DOI: 10.17223/19988613/74/18

Н.Ю. Николаев, Д.С. Юрченко

«БИТВЫ ЗА ПРОШЛОЕ» ИЛИ МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Проанализированы формы и виды реализации современными украинскими массмедиа исторической политики и исторической пропаганды. Объектами изучения выступили интернет-версии популярных периодических изданий и информационно-новостные ресурсы. Исторический нарратив в украинских массмедиа отличается значительной идеологизированностью и политизированностью. Конструирование национальной идентичности и исторической памяти на Украине происходит посредством ведения «исторических войн», условием победы в которых становится выработка патриотического, государственно-ориентированного, преимущественно комплементарного взгляда на собственное прошлое.

Ключевые слова: Украина, Россия, массмедиа, историческая политика, политика памяти, историческая пропаганда, «историческая битва», «война за прошлое».

Анализ исторического нарратива на страницах украинских массмедиа, безусловно, представляет собой сложную, но одновременно чрезвычайно увлекательную исследовательскую задачу. Последние четверть века общественные и государственные институты Украины вовлечены в противоречивый, зачастую конфликтный процесс строительства национально-государственной идентичности и формирования исторической памяти. Политические пертурбации начала XXI в. влияли на интенсивность, характер и содержание этих процессов, однако они заметно активизировались после победы Евромайдана в начале 2014 г. В условиях острого внутри- и внешнеполитического кризиса возрос общественный запрос на национально ориентированную и патриотическую версию истории. Для характеристики исторического нарратива современных массмедиа Украины мы предлагаем использовать формально чуждые научному дискурсу лексемы – «битва», «сражение», «война», «фронт», «баталии» и пр., с целью подчеркнуть высокий уровень нетерпимости, политическую тенденциозность и нескрываемую идеологизированность авторов.

Примеры влияния политики на историю можно найти еще в глубокой древности, однако на рубеже XX–XXI вв. эта взаимосвязь приобрела не только новые формы и содержание, но и более эффективные инструменты реализации. Сама по себе политизация истории – явление неизбежное, объективно обусловленное, сопутствующее любому историческому анализу, но при этом в значительной степени преодолимое. По мнению А.И. Миллера, использование профессиональных навыков – исследовательского самоконтроля, авторской рефлексии, корректного изложения альтернативных точек зрения и готовности учитывать чужую критику – во многом нивелирует негативное воздействие субъективизма и политической пристрастности

[1. С. 6–7]. Со своей стороны присовокупим, что важным условием деполитизации истории является предварительный, сознательный и последовательный отказ от рассмотрения прошлого как «зоны боевых действий» и максимально возможное абстрагирование от политических симпатий и антипатий.

Такой же закономерной, как и политизация истории, является политика памяти (мемориальная политика, коммеморация). Она связана с желанием общества и государства публично артикулировать важные и комплементарные для них исторические события и параллельной готовностью игнорировать и замалчивать неприятные факты собственного прошлого. Речь идет именно о позорных и постыдных страницах истории, которые не следует отождествлять с «историческими травмами». Напротив, последние в виде военных поражений, неудачных восстаний, репрессий, голода и почего нередки становятся фундаментом политики памяти. Стоит признать, что политическое измерение исторической памяти является важным механизмом формирования коллективной идентичности. Конечно, ее избирательность, склонность к мифологизации представляют собой серьезную проблему, однако, как и в случае с политизацией истории, она вполне «излечима». Конструктивное обсуждение допущенных «перехлестов» и непрерывный диалог общества и государства служат достаточно действенными средствами для преодоления чрезмерной исторической фоссиллизации.

Наиболее деструктивной формой политизации истории является историческая политика. Под исторической политикой принято понимать практику навязывания обществу политическими силами, находящимися у власти, определенных представлений о прошлом. Для более эффективной коммуникации заинтересованной стороной используется максимально доступный ей

набор финансово-административных ресурсов [1. С. 10]. Исполнителем «властного заказа» выступает профессиональная историография, заказчиком, соответственно, – государственные институты. Изменения во власти предполагают замену как заказчика, так и исполнителя, однако объект историко-идеологического воздействия всегда остается неизменным – это общество. Наиболее интенсивно сегодня историческая политика реализуется в странах Восточной Европы и бывшего СССР (транзитных обществах), что объясняется целым рядом факторов – общим посткоммунистическим опытом, наличием конфликтного совместного прошлого, неразвитостью демократических и гражданских институтов и т.д.

Отдельно выделим историческую пропаганду, которую следует рассматривать в качестве одного из приемов исторической политики и одновременно как отдельное общественно-политическое явление. Следует понимать, что историческая политика всегда носит характер пропаганды, но не всякая историческая пропаганда реализуется посредством исторической политики. В отличие от исторической политики историческая пропаганда в меньшей степени привязана к государственно-властным интересам и реализуется не только силами профессиональных историков. В исторической пропаганде преобладает, при всей их диалектической взаимосвязи, не столько политическая, сколько идеологическая составляющая. В содержательном отношении пропаганда, как правило, представляет собой сознательно и заведомо искаженную информацию. В случае гомогенизации исторической политики и пропаганды происходит эпистемологическая редукция исторического нарратива, он становится императивным, безальтернативным, одновременно приобретая характер постправды, так как апеллирует к эмоциям и субъективным переживаниям, подтасовывая и / или селективно замалчивая «неудобные» факты прошлого.

Ретрансляторами исторической политики и исторической пропаганды выступают академическая наука, дидактическая историография и средства массовой информации. На первый взгляд представляется, что наиболее сложно реализовать историческую политику и историческую пропаганду через научные круги. Существующая там система верификации и валидации является достаточно эффективным механизмом недопущения или по крайней мере серьезного купирования тех фальсификаций прошлого, что допускаются в угоду политическим и идеологическим интересам. К сожалению, на практике именно профессиональные ученые зачастую находятся в авангарде исторического ревизионизма, продиктованного общественно-политической ситуацией.

Задача дидактической историографии сводится прежде всего к обучению подрастающего поколения «патриотической истории» и переформатированию устоявшихся представлений. В первом случае на историческое сознание юных *tabula rasa* воздействуют помощью учебной литературы, призванной сформировать позитивные знания о прошлом родной страны. Для изменения уже сложившегося сознания активно используют научно-популярную литературу и исторический non-fiction.

Наиболее эффективными, доступными и оперативными инструментами популяризации прошлого являются массмедиа, к которым относят печатные периодические издания, информационно-новостных сайты, видеохостинги, сетевые медиа, телевидение и радио. Именно на этих площадках, на наш взгляд, ведутся самые ожесточенные и непримиримые исторические споры, а фальсификация фактов нередко возведена в сопутствующий им методологический принцип [2. С. 20–23]. Отдельные авторы прямо определяют исторический нарратив как инструмент «информационной войны», где отличные мнения звучат по другую линию «исторического фронта», а оппонент а priori рассматривается как идейный противник и пропагандист [3]. Парадокс ситуации заключается в том, тему «войны за прошлое» активно продвигают как раз профессиональные историки, медиавыступления которых следует оценить как откровенное проявление пропаганды и исторической политики [4]. В результате разумные, обоснованные меры и предложения по защите собственного прошлого от фальсификаций и манипуляций со стороны соседей трансформируются в идеологизированную историческую контрпропаганду, в которой фундаментальная исследовательская задача – поиск истины, приносится в жертву политической конъюнктуре [5].

На сегодняшний день в процесс формирования «правильной» исторической памяти вовлечены многие украинские медийные ресурсы, придерживающиеся преимущественно национал-либеральной и право-консервативной идеологии. Немало из них имеют постоянные исторические разделы, где нередко можно прочесть пространные лонгриды в формате *power page* («Украинская правда» / «Історична правда», «Український тиждень», «Зеркало недели», «День», «Фокус» и пр.). Порой даже в названиях рубрик подчеркивается воинственный и конфронтационный характер размещаемых материалов. К примеру, соответствующий тематический раздел на сайте издания «Деловая столица» именуется «Исторический фронт», а ее постоянный автор – К.Ю. Галушко – является координатором одноименного сайта.

Строительство национально-государственной идентичности начинается с исторического обособления, потому массмедиа современной Украины пытаются разорвать «пуговину» общей истории, попутно формируя положительные образы собственного прошлого. Отталкиваясь от истории соседних стран и народов, украинцы мучительно нащупывают собственную «историческую биографию», и немаловажную роль в этом процессе играют именно медийные ресурсы. «Исторические битвы» в украинских массмедиа регулярно происходят с Польшей / Речью Посполитой, реже с Турцией / Крымским ханством, Венгрией, Германией, Литвой и Белоруссией [6]. Несмотря на наличие давних противоречий с западными и южными соседями, сегодня украинские массмедиа выражают готовность к историческому примирению и поиску объединяющих сюжетов из общего прошлого [7].

Куда сложнее и драматичнее складываются отношения Украины с северным соседом, с которым ведет-

ся давняя, ожесточенная и агрессивная «историческая война» [8]. В этой «войне» Россия объявляется тем извечным, едва ли не бестиальным врагом, что на протяжении столетий мешал естественному (прозападному) цивилизационному выбору Украины, беззащитно присваивал ее историю, методично уничтожал культуру и национальное самосознание украинцев [9, 10]. Стоит отметить, что и до 2014 г. российская история на разных ее этапах служила для украинских СМИ неисчерпаемым источником патриотических сюжетов. Однако присоединение Крыма к России и военный конфликт на востоке Украины способствовали монизму авторских мнений, усилили их категоричность, догматизм и политизированность [11. С. 1–2]. В этих условиях заметным становится стремление украинских массмедиа максимально денигрировать и дегуманизировать российскую / советскую историю, представить ее как полную лжи и топорно слеplенных мифов [12, 13]. Непредвзятый исторический анализ с учетом различных мнений и сложной цепочки причинно-следственных связей подменяется упрощенным изложением по диадическому принципу «мы–они». В таком черно-белом конструкте общего прошлого украинская составляющая – свободомыслящая, просвещенная и европейская – преподносится в качестве alter ego российской цивилизации – азиатской, сервильной и обскурантистской [14, 15].

Если академический дискурс нацелен на выяснение истины и достижение максимально возможного согласия, исторический нарратив в массмедиа нередко носит характер пропаганды, главной целью которой является безусловная и безальтернативная фиксация собственного взгляда на прошлое. Закономерным следствием подобного подхода становится превращение медийного пространства в поле «исторических битв», но «битв» односторонних, происходящих при отсутствии иных точек зрения или в лучшем случае комфортном их изложении. Потому победы в таких «сражениях за прошлое» достигаются без труда, создавая иллюзию единственно верного и фундированного истолкования обсуждаемых проблем. Отметим, что подобное одностороннее видение прошлого отличается от «битвы за историю» на просторах Wikipedia, где по умолчанию реализован принцип мультилатерализма, а значит, существует возможность оперативно узнать другую, порой альтернативную точку зрения.

На наш взгляд, медийное изложение истории, даже если его артикулирует профессиональный ученый, имеет свою специфику. Чаще всего это упрощенное изложение фактов, лишённое сопутствующего академическим исследованиям справочного аппарата и научной терминологии. Ориентированный на массового читателя / зрителя / слушателя исторический материал подается эмоционально, односторонне и даже тенденциозно. Как правило, он коррелирует с общей идеологической направленностью того медиа, где появляется. Наконец, исторический нарратив зачастую становится своеобразным «информационным эхом» значимых общественно-политических событий в стране и мире [11. С. 2].

Авторское внимание привлекли прежде всего периодические издания современной Украины, большин-

ство которых имеют свои страницы в Интернете. Кроме того, мы проанализировали отдельные информационно-новостные ресурсы, в том числе текстуальные материалы ряда популярных украинских телеканалов. Весьма интересными участниками «исторических баталий» являются украинские авторы, использующие информационные возможности сетевых медиа (Google+, ЖЖ, Blogger, Facebook, ВКонтакте, веб-форумы, видеохостинги и пр.), однако данный сегмент массмедиа мы оцениваем как требующий специального изучения. Также нами не рассматривались исторические аудио- и видеоматериалы (к примеру, «Історична правда з Вахтангом Кіпіані» на телеканале ZIK), украинские редакции зарубежных медиа («Радио Свобода», BBC, Forbes, Deutsche Welle, «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», РБК и пр.), англоязычные (Kyiv Post), тематические (исторические) издания («Нова Україна», «Україна Модерна») и интернет-ресурсы («Лікбез: історический фронт»). Хронологически исследование охватывает период, наступивший после «революції гідності», оказавшей большое влияние на характер и содержание исторического нарратива в современных украинских массмедиа. Авторы не ставили перед собой задачу выяснения степени достоверности и качественного уровня того или иного исторического материала. Целью исследования является выявление наиболее востребованных в украинских СМИ сюжетов из общего с Россией прошлого, которые рубрицируются на парциальные «поля битв». Эти «битвы за историю» отличаются друг от друга интенсивностью обсуждения, степенью идейной непримиримости, уровнем политизированности, однако в совокупности представляют собой взаимосвязанные элементы крупномасштабной «войны за прошлое».

К числу наиболее значимых тем «исторических сражений», на наш взгляд, следует отнести «битву за государство». Не считая крайне непродолжительного периода после Февральской революции, Украина обрела собственную государственность лишь после распада Советского Союза. В результате украинские массмедиа стремятся подчеркнуть историческую преемственность современной Украины, которая транзитом через государственные образования 1917–1921 гг. (УНР, Украинская держава, ЗУНР) и Великое княжество Литовское / Речь Посполитую прямоком восходит к Киевской Руси. Более того, единственной и истинной «наследницей» древнерусской государственности выступает как раз Украина, в то время как истоки России выводятся из «московского улуса» Золотой Орды [16]. Природа российского государства на всех этапах истории определяется как имманентно существовавшая азиатская (восточная) деспотия [17]. При этом украинские авторы не прочь подчеркнуть ту важную, порой ключевую роль, что сыграли выходцы с Украины в развитии российской государственности [18]. Как одно из проявлений «битвы за государство» можно рассматривать «битву за символы», которая сводится к обсуждению важных для обеих стран национально-государственных отличий [19]. Как правило, украинские СМИ нацелены на демифологизацию российской символики и позитивное освещение собственных государственных символов [20].

«Битва за нацию» предполагает обсуждение национально-исторической тематики. В частности, украинские массмедиа активно муссируют проблему участия в этногенезе русского народа финно-угорских племен [21]. К нарративу «битва за нацию» можно отнести тексты о природе украинского национализма, фактах русификации, эволюции русской национальной идеи, антиколониальной борьбе народов России и пр. [22] С «битвой за нацию» тесно связана «битва за язык», описывающая развитие украинского языка и примеры притеснения «мовы» в имперский и советский периоды [23]. Одновременно украинские массмедиа склонны порассуждать о многочисленных иностранных заимствованиях в русском языке и роли украинцев в его формировании [24]. Интересную взаимосвязь «битвы за язык» и «битвы за государственность» можно увидеть в спорах о переводе на иностранные языки лексемы «Русь / Россия» [25].

«Битва за территории» связана с рассмотрением вопроса об исконных, но в силу различных обстоятельств (прежде всего вследствие национально-административной политики Москвы) утраченных украинцами территориях. С 2017 г. в рамках спецпроекта «Наша революция 1917–1921» только в «Деловой столице» было опубликовано серия статей, посвященных российско-украинской трансграничной проблематике и ситуации с «национальными громадами» в разных регионах бывшей Российской империи.

В медийном дискурсе постоянно присутствует тема «несправедливо отнятых» у Украины земель, принадлежащих сегодня России – Кубани, Восточной Слободанщины, Донщины [26]. Не менее популярным сюжетом является история колонизации соотечественниками отдаленных рубежей империи – Нижнего Поволжья, Южной Сибири, Дальнего Востока [27]. К весьма востребованной теме отнесем и историописание юго-востока Украины и особенно Крыма, российское прошлое которых украинскими СМИ энергично оспаривается [28, 29].

«Битва за культуру и науку» ведется преимущественно за национальную принадлежность известных писателей, композиторов, художников и ученых. Массмедиа Украины выступают против замалчивания научного и культурного вклада соотечественников и их русификации. Кроме того, в рамках «битвы за культуру» ставится вопрос об украинской принадлежности отдельных частей культурного наследия России: от традиционной кухни и музыкальных инструментов до иконографии и народного фольклора [30]. Как особый сюжет «битвы за науку» выделим развенчание мифов о «российском первенстве», т.е. приписывании россиянам значимых научных открытий и достижений [31].

Важной темой исторического нарратива является «битва за героев и антигероев». Украинские СМИ старательно дегероизируют историю России, одновременно столь же решительно создают собственный «национальный мартиролог» [32]. Нередко устойчивый образ «антигероя» в российском массовом сознании (И.С. Мазепа, С.В. Петлюра, С.А. Бандера, Р.И. Шухевич и пр.) приобретает в медийном пространстве Украины противоположные черты, превращаясь из

недостойного предателя / карателя / авантюриста в благородного патриота, защитника национальных и государственных интересов [33]. Стоит указать также на стремление массмедиа Украины отстаивать украинскую принадлежность ряда «героев», которых принято относить к folk heroes России [34].

«Битва за победы и поражения» ведется на уровне обсуждения исторических свершений и национальных бедствий. К числу «исторических побед» мы относим успехи на войне, достижения в политике, экономике и социальной жизни. Украинские СМИ «воюют» за важные победы, особенно те, которые принято ассоциировать с Россией [35]. «Поражения» – это прежде всего «исторические травмы» – проигранные войны и сражения, неудачные восстания, политические репрессии и депортации. Отдельную и чрезвычайно важную роль в строительстве украинской национальной идентичности и исторической памяти играет тема голода («Голодомора») 1932–1933 гг. Список публикаций на тему голода 1932–1933 гг. в украинских СМИ за последние годы насчитывает сотни, если не тысячи текстов: от небольших заметок до солидных лонгридов. Если в 2000-е гг. мнения, отличные от интерпретации «Голодомора» как геноцида, появлялись не только в левых и пророссийских изданиях, то с 2014 г. факт целенаправленного и сознательного уничтожения украинцев определяется медийным мейнстримом Украины как безусловный императив [36]. В то же время нельзя не отметить высказанные сомнения (пусть и весьма редкие) в целесообразности проведения коммеморативной политики на основе столь трагического события [37]. Как и в бинарной схеме «герой–антигерой», одни и те же исторические события могут рассматриваться в украинских и российских массмедиа совершенно по-разному, а порой и диаметрально противоположно. Иными словами, российские поражения могут оцениваться украинскими СМИ как победы, и наоборот [38].

Разумеется, в огромном массиве украинских СМИ (даже с учетом отсечения нами значительной его части) остается немало медиаресурсов, которые стремятся излагать общую историю неконфронтационно и по возможности деполитизировано. Главным образом это издания, ориентированные на русскоязычную аудиторию, в той или иной мере критически относящиеся к выбранному в 2014 г. политическому курсу («Корреспондент», «Гордон», «Сегодня», «2000», «Страна.ua», «Фраза.юа» и пр.) Однако события последних лет повлияли на тональность исторических публикаций в данных СМИ, заставляя их отказаться от «нейтралитета» в пользу «патриотической» версии истории или как минимум не будировать болезненные сюжеты совместного прошлого. Тем не менее в отдельных случаях украинские медиа («Версии.com», Naspravdi.info, «Ліва» и т.д.) продолжают ретранслировать «российский взгляд» на историю, выступая, с точки зрения украинских национал-демократов, «идеологическими коллаборантами» [39].

По нашему мнению, пространство «исторических битв» в украинских массмедиа не является чем-то устойчивым и неизменным. Его границы постоянно колеблются, тематически переплетаются и смешива-

ются. Меняющаяся конъюнктура актуализирует те или иные исторические сюжеты, превращая их в новые «битвы за прошлое». Общественный интерес подогревается провокационными высказываниями политиков, усиливая и без того запредельные нетерпимость и авторский ригоризм. К сожалению, на сегодняшний день признаков, свидетельствующих хотя бы о незначительном снижении накала «войны за историю» не наблюдается. Безусловно, одной из причин рекурсии враждебности, коммуникативной «глухоты» и нескрываемой пристрастности является кризис в российско-украинских отношениях. Без его разрешения нормализовать медийный дискурс или по крайней мере отказаться от вербальной агрессии («языка ненависти») и излишне политизированных оценок едва ли удастся.

Отметим, что исторический нарратив в российских массмедиа также заслуживает самого пристального внимания и вдумчивого анализа. Начиная с 2000-х гг. в нашей стране наблюдается заметный рост политизации истории, на что неоднократно обращали внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи [40. С. 9–11]. При этом медиатизация исторической политики и исторической пропаганды в России продолжает оставаться малоизученной темой. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает освещение ис-

тории Украины в российских СМИ и тех «битв за прошлое», что происходят в отечественном медийном пространстве.

В заключение авторы выражают надежду, что за «решительным и определенным размежеванием» наступит время для закономерного и логичного объединения – не политического, а интеллектуального и коммуникативного. Эпоха модерна знает немало примеров исторического примирения, начинавшегося с поиска компромисса во взглядах на прошлое, постепенного отказа от грубой фальсификации и безудержной пропаганды. Тяжелое настоящее российско-украинских отношений не должно служить препятствием для выстраивания конструктивного диалога о насущных проблемах изучения совместной истории. Разумеется, историческому нарративу и в России, и на Украине необходимо сохранять свободу интерпретаций, приоритетное отстаивание национально-государственных ценностей. Однако такой подход не означает культивирования давних обид и настойчивого желания «приватизировать» общее культурно-историческое наследие. Политики и общественность по обе стороны границы должны понять, что чрезмерные политизация и идеологизация истории сулят нам нескончаемые «битвы за прошлое», в которых победителей уже не будет, но останутся одни проигравшие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3. С. 6–23.
2. Николаев Н.Ю. «Новое мифотворчество», или Проблемы конструирования исторической памяти на страницах современной украинской прессы // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 20–41.
3. Галушко К. В поиске новостей. «Исторический фронт» и украинские медиа // Зеркало недели. 2017. 27 дек. URL: https://zn.ua/history/v-roiskah-novostey-270578_.html (дата обращения: 03.06.2019).
4. Громенко С. «Книжкова навала» – 2017: украинский контрудар на историческом фронте // Петр и Мазепа. 2017. 16 сент. URL: <https://petrimazepa.com/bookattack.html> (дата обращения: 01.06.2019).
5. Гудыменко Ю. Ложная слепота // ТСН. 2018. 9 мая. URL: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/lozhnaya-slepota-1152003.html> (дата обращения: 01.06.2019).
6. Михайловский В. Наша Річ Посполита? // Тиждень.ua. 2019. 19 янв. URL: <https://tyzhden.ua/History/225258> (дата обращения: 01.06.2019).
7. Калищук О. Украина, Польша и не только. Фантомные боли исторического прошлого // День. 2019. 5 апр. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/ukraina-polsha-i-ne-tolko> (дата обращения: 05.06.2019).
8. Ильченко С. Гравитация Мордора. Украине нужно строить Россию, чтобы уничтожить Москву // Деловая столица. 2018. 23 июля. URL: <http://www.dsnews.ua/politics/ne-byt-moskvoy-a-kem-togda--14052018155100> (дата обращения: 03.06.2019).
9. Залізник Л. Геть від Москви, назад у Європу! // Тиждень.ua. 2014. 9 марта. URL: <http://tyzhden.ua/History/103436> (дата обращения: 04.06.2019).
10. Роздобудько И. Ассимиляция через кровь. Расстрелянное Возрождение на Донщине // День. 2014. 24 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/assimilyaciya-cherez-krov> (дата обращения: 04.06.2019).
11. Николаев Н.Ю. Современные украинские масс-медиа об истории России: от «негационизма» до научного лонгрида // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 4. С. 1–9.
12. Гайдукевич В. Россия самая большая фальшивка в мире // Новое время. 2014. 12 нояб. URL: <http://nv.ua/opinion/gajdukevich/rossiya-samaya-bolshaya-falshivka-v-mire--20014.html> (дата обращения: 02.06.2019).
13. Дем'янчук І. Як не вкрадене, так привласнене: чому «російська цивілізація» є вигадкою // Україна молода. 2017. 8 сент. URL: <https://www.umoloda.kiev.ua/number/3209/196/115508/> (дата обращения: 04.06.2019).
14. Крысаченко В. Чему учит наша история, или Заметки о московских порядках // Зеркало недели. 2018. 30 нояб. URL: https://zn.ua/HISTORY/chemu-uchit-nasha-istoriya-ili-zametki-o-moskovskih-poryadkah-301905_.html (дата обращения: 01.06.2019).
15. Атоев К. Украине нужно окончательно вырваться из когтей «Третьего Рима» // Новое время. 2014. 19 дек. URL: <https://nv.ua/opinion/ukraine-nuzhno-okonchatelno-vyrvatsya-iz-kogtey-tretego-rima-25897.html> (дата обращения: 01.06.2019).
16. Кралюк П. Украинская история: какой ей быть? // Зеркало недели. 2016. 4 июня. URL: https://zn.ua/HISTORY/ukrainskaya-istoriya-kakoy-ey-byt_.html (дата обращения: 02.06.2019).
17. Видулов М. Империи-антагонисты: почему Лондон всегда будет оппонентом Кремля // Politika. 2017. 7 марта. URL: <https://politika.net/reading/analytics/412390-imperii-antagonisty-pochemu-london-vsegda-budet-opponentom-kremlya/> (дата обращения: 02.06.2019).
18. Бурда В. Малороссы на Неве. 7 выдающихся украинцев, служивших российской короне // Фокус. 2018. 26 марта. URL: <https://focus.ua/archivist/394261/> (дата обращения: 01.06.2019).
19. Кот С. Претензии нашей истории. Претензии Москвы на «киевское наследие»: истоки и символы // День. 2015. 23 июля. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/pohititeli-nashey-istorii> (дата обращения: 04.06.2019).
20. Смит Дж. Гимн России тупо сплагичен с британского «Боже, храни короля!» // Обозреватель. 2018. 24 июля. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/gimn-rossii-tupo-splagichen-s-britanskogo-bozhe-hrani-korolya.htm> (дата обращения: 04.06.2019).
21. Миф о народах братьях: украинцы, россияне и белорусы имеют разные корни // World News. 2018. 9 янв. <http://w-n.com.ua/archives/20060> (дата обращения: 02.06.2019).
22. Грабовский С. Украина советской эпохи: оккупация или колонизация? // День. 2018. 10 янв. URL: <https://day.ru/blog/politika/ukraina-sovetskoy-epohi-okkupaciya-ili-kolonizaciya> (дата обращения: 03.06.2019).

23. Бурда В. Петр Валуев и другие. Как в Российской империи из украинцев пытались сделать россиян // Фокус. 2018. 29 июля. URL: <https://focus.ua/archivist/402828/> (дата обращения: 05.06.2019).
24. Чеславсий О. Руськая церковь: Москва украла у Руси Украины название, веру, язык и переписала историю// Обозреватель. 2018. 8 сент. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/ruskaya-tserkov-moskva-ukrala-u-rusi-ukrainyi-nazvanie-veru-yazyk-i-perepisala-istoriyu.htm> (дата обращения: 03.06.2019).
25. Горбик Р., Підлісна Ю. Не тільки Анна! Чому Україна мусить поставити питання про всю старокіївську спадщину // Історична правда. 2017. 12 июня. URL: <https://www.istpravda.com.ua/articles/2017/06/12/149930/> (дата обращения: 04.06.2019).
26. КубаньНаш. Куда исчезли запорожцы Таманского полуострова // Фокус. 2018. 2 июля. URL: <https://focus.ua/archivist/401005> (дата обращения: 04.06.2019).
27. Как украинцы на Дальнем Востоке создавали свою республику // Siteua.org : новостной портал. 2019. 25 мая. URL: http://news.siteua.org/Украина/651563/Как_украинцы_на_Дальнем_Востоке_создавали_свою_республику (дата обращения: 07.06.2019).
28. Вирский Д. Встреча с прошлым, или Российские историки в поисках Лукоморья-Новороссии // Зеркало недели. 2019. 28 янв. URL: https://zn.ua/HISTORY/vstrecha-s-proshlym-ili-rossiyskie-istoriki-v-poiskah-lukomorja-novorossii-306834_.html (дата обращения: 04.06.2019).
29. Вольвач П. Як Україна відбудувала Крим після війни і депортації // Історична правда. 2014. 3 марта. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/4d61ab91438ae/> (дата обращения: 04.06.2019).
30. Костенко И. В поисках украденной иконы. Как властолюбец Андрей Боголюбский похитил святыню Киевской Руси // Фокус. 2016. 30 нояб. URL: <https://focus.ua/archivist/357011/> (дата обращения: 04.06.2019).
31. Гудыменко Ю. Россия слонорожденная // ТСН. 2018. 7 авг. URL: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/rossiya-slonorozhdennaya-1197582.html> (дата обращения: 04.06.2019).
32. Волошина Л. Страна украденных героев // День. 2016. 13 окт. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/blog/politika/strana-ukradennyh-geroev> (дата обращения: 05.06.2019).
33. Осипчук О. Пока Мазепа вел переговоры с Карлом XII, москвиты поголовно вырезали население Батурина // Факты. 2019. 20 марта. URL: <https://fakty.ua/299735-poka-mazepa-vel-peregovory-s-karlom-hii-moskovity-pogolovno-vyrezali-naselenie-baturina> (дата обращения: 05.06.2019).
34. Руденко Г., Синяцкий А. Богатырская НАША сила. Сказ про то, как из легендарных киевских витязей русских богатырей вылепили // Фокус. 2017. 17 авг. URL: <https://focus.ua/long/379009/> (дата обращения: 05.06.2019).
35. Пильявец П. Севастополь – місто української слави. Про українців у Кримській війні // Історична правда. 2014. 9 июля. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/07/9/143699/> (дата обращения: 03.06.2019).
36. Короткий В. Шесть признаков того, почему Голодомор действительно был геноцидом // Укринформ. 2018. 24 нояб. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2586334-sest-priznakov-togo-pocemu-golodomor-dejstvitelno-by-l-genocidom.html> (дата обращения: 05.06.2019).
37. Богуславская Е. Почему Голодомор – не лучший базовый сюжет исторической политики Украины // 112.ua. 2017. 25 нояб. URL: <https://112.ua/mnenie/pocemu-golodomor-ne-luchshiy-bazovyy-syuzhet-istoricheskoy-politiki-ukrainy-422066.html> (дата обращения: 05.06.2019).
38. Видулов М. Уроки Конотопской битвы: как украинцы разгромили московских захватчиков // Politika. 2017. 11 июля. URL: <https://politika.net/reading/459432-uroki-konotopskoj-bitvy-kak-ukraintsy-razgromili-moskovskih-zahvatchikov/> (дата обращения: 04.06.2019).
39. Скачко В. Гадяч-1658: договор об автономии обмана и предательства // Версии.com. 2018. 18 сент. URL: <http://versii.com/news/384720/> (дата обращения: 04.06.2019).
40. Кирчанов М.В. Проблемы политизации исторической науки в России (на примере националистических течений в историографии // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 2. С. 9–14.

Nikolay Yu. Nikolaev, Volzhsky Politechnical Institute (Branch) Volgograd State Technical University (Volzhsky, Russian Federation)
E-mail: nikcam@mail.ru

Daria S. Yurchenko, Russian State University for the Humanities, Mass-Media Institute Moscow, Russian Federation). E-mail: dashenka-yurchenko@mail.ru

“BATTLES FOR THE PAST” OR MEDIATIZATION OF HISTORICAL POLICY AND HISTORICAL PROPAGANDA IN MODERN UKRAINE

Keywords: Ukraine, Russia, mass media, history politicization, historical politics, politics of memory, historical promotion, historical battlefields, historical conflict, historical «post-truth».

The aim of this article is to analyse the process of historical mediatization of policy and historical propaganda in Ukraine. The resource base of this research were the materials from the Ukraine central periodical publications with different political content, which have relevant web-pages. In addition, certain media and textual materials from popular Ukraine TV channels were also analyzed. At the same time, authors of this article forego the analysis of the network media (social networking, blogs and web forums) and audio, video materials, which demand separate and special review. The subject of this research is the historical narrative in modern Ukraine mass media. Media resources act as effective mechanisms to implement historical policy and historical propaganda and also are an important part of commemorative practices. The construction of national and state identity in Ukraine presupposes division within the framework of the common past with neighbors, extension of the national sense and establishment of complimentary view on the “own history”. Such a way supposes “the war for the past”, which in turn split into the separate “historical battles”. The contest and character of such counteractions depend on several reasons, which include political conjunctures, social enquiry, duration of common history, presence or absence of tragic moments. To date, it is not a surprise that the main “historical antagonist” in Ukrainian historical narrative is Russia as having different historical personas.

Modern Ukrainian mass media authors in different historical materials underline a range of “historical battles”, that is, those problems of common history, which generate significant social and political resonance, which is characterized by high intensity of discussion, categorical and irreconcilable assessments and opinions. In particular, “battle for the statehood”, “battle for the territory”, “battle for the nation”, “battle for the language”, “battle for the culture and science”, “battle for the symbols”, “battle for heroes and anti-heroes”, “battle for the victory and defeats” are exist in historical narrative of Ukrainian mass media. Thematic areas of “historical battles” are not something stable and static. In contrast, their boundaries are blurred and their context always mixes and intertwines. Except this, the changers of socio-political situation actualize different historical themes, turning them into new “battles for the past”. Statements on the common past of politicians of both countries reinforce the polemic fuse and mutual rejection. To date, unfortunately, authors do not see the indicators of the imminent onset of not even peace, but at least a temporary pause in the “historical battles”. Obviously, only the political crisis resolution of the Russian-Ukrainian relationship can reduce the intensity of “historical battles”, by renouncing the “language of hatred” and overly politicized assessments of the common history.

REFERENCES

1. Miller, A.I. (2009) Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*. 3. pp. 6–23.
2. Nikolaev, N.Yu. (2015) “Novoe mifotvorchestvo”, ili Problemy konstruirovaniya istoricheskoy pamyati na stranitsakh sovremennoy ukrainiskoy pressy [“New Mythmaking”, or Problems of Constructing Historical Memory on the Pages of the Modern Ukrainian Press]. *Istoricheskaya ekspertiza – The Historical Expertise*. 2(3). pp. 20–41.
3. Galushko, K. (2017) V poiske novostey. “Istoricheskiy front” i ukrainskie media [Looking for news. “Historical Front” and Ukrainian media]. *Zerkalo nedeli*. 27th December. [Online] Available from: https://zn.ua/history/v-poiskah-novostey-270578_.html (Accessed: 3rd June 2019).
4. Gromenko, S. (2017) “Knizhkova navala” – 2017: ukrainkiy kontrudar na istoricheskom fronte [“Knizhkova navala” – 2017: Ukrainian counterstrike on the historical front]. *Petr i Mazepa*. 16th sent. [Online] Available from: <https://petrimazepa.com/bookattack.html> (Accessed: 1st June 2019).
5. Gudymenko, Yu. (2018) Lozhnaya slepota [False blindness]. *TSN*. 9th May. [Online] Available from: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/lozhnaya-slepota-1152003.html> (Accessed: 1st June 2019).
6. Mikhaylovskiy, V. (2019) Nasha Rich Pospolita? *Tizhden.ua*. 19th January. [Online] Available from: <https://tyzhden.ua/History/225258> (Accessed: 1st June 2019).
7. Kalishchuk, O. (2019) Ukraina, Pol'sha i ne tol'ko. Fantomnye boli istoricheskogo proshlogo [Ukraine, Poland and not only. Phantom pains of the historical past]. *Den'*. 5rg April. [Online] Available from: <https://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/ukraina-polsha-i-ne-tolko> (Accessed: 5th June 2019).
8. Ilchenko, S. (2018) Gravitatsiya Mordora. Ukraine nuzhno stroit' Rossiyu, chtoby unichtozhit' Moskvu [Gravity of Mordor. Ukraine needs to build Russia in order to destroy Moscow]. *Delovaya stolitsa*. 23rd July. [Online] Available from: <http://www.dsnews.ua/politics/ne-byt-moskvoy-a-kem-togda--14052018155100> (Accessed: 3rd June 2019).
9. Zaliznyak, L. (2014) Get' vid Moskvu, nazad u Evropu! *Tizhden.ua*. 9th March. [Online] Available from: <http://tyzhden.ua/History/103436> (Accessed: 4th June 2019).
10. Rozdobudko, I. (2014) Assimilyatsiya cherez krov'. Rasstrelyannoe Vozrozhdenie na Donshchine [Assimilation through blood. The executed Renaissance in the Don region]. *Den'*. 24th June. [Online] Available from: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/assimilyaciya-cherez-krov> (Accessed: 4th June 2019).
11. Nikolaev, N.Yu. (2018) Sovremennye ukrainkie mass-media ob istorii Rossii: ot “negatsionizma” do nauchnogo longrida [Modern Ukrainian mass media about the history of Russia: from “negationism” to scientific longread]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 4. pp. 1–9.
12. Gaydukevich, V. (2014) Rossiya samaya bol'shaya fal'shivka v mire [Russia – the biggest fake in the world]. *Novoe vremya*. 12th November. [Online] Available from: <http://nv.ua/opinion/gajdukevich/rossiya-samaya-bolshaya-falshivka-v-mire--20014.html> (Accessed: 2nd June 2019).
13. Demyanchuk, I. (2017) Yak ne vkradene, tak privlasnene: chomu “rosiys'ka tsivilizatsiya” e vigadkoyu. *Ukraina moloda*. 8th September. [Online] Available from: <https://www.umoloda.kiev.ua/number/3209/196/115508/> (Accessed: 4th June 2019).
14. Krysachenko, V. (2018) Chemu učit nasha istoriya, ili Zametki o moskovskikh poryadkakh [What does our history teach, or Notes on the Moscow order]. *Zerkalo nedeli*. 30th November. [Online] Available from: https://zn.ua/HISTORY/chemu-uchit-nasha-istoriya-ili-zametki-o-moskovskih-poryadkakh-301905_.html (Accessed: 1st June 2019).
15. Atoev, K. (2014) Ukraine nuzhno okonchatel'no vyrvat'sya iz kogtey “Tret'ego Rima” [Ukraine needs to finally break free from the clutches of the “Third Rome”]. *Novoe vremya*. 19th December. [Online] Available from: <https://nv.ua/opinion/ukraine-nuzhno-okonchatelno-vyrvatsya-iz-kogtey-tretego-rima-25897.html> (Accessed: 1st June 2019).
16. Kralyuk, P. (2016) Ukrainskaya istoriya: kakoy ey byt'? [Ukrainian history: what should it be?]. *Zerkalo nedeli*. 4th June. [Online] Available from: https://zn.ua/HISTORY/ukrainskaya-istoriya-kakoy-ey-byt-_.html (Accessed: 2nd June 2019).
17. Vikulov, M. (2017) Imperii-antagonisty: pochemu London vseгда budet opponentom Kremlya [The antagonist empires: why London will always be an opponent of the Kremlin]. *Politika*. 7th March. [Online] Available from: <https://politika.net/reading/analytics/412390-imperii-antagonisty-pochemu-london-vseгда-budet-opponentom-kremlya/> (Accessed: 2nd June 2019).
18. Burda, V. (2018) Malorossy na Neve. 7 vydayushchikhsya ukrantsev, sluzhivshikh rossiyskoy korone [Little Russians on the Neva. 7 outstanding Ukrainians who served the Russian crown]. *Fokus*. 26th March. [Online] Available from: <https://fokus.ua/archivist/394261/> (Accessed: 1st June 2019).
19. Kot, S. (2015) Pokhittiteli nashey istorii. Pretenzii Moskvu na “kievskoe nasledie”: istoki i simvoly [Thieves of our history. Moscow's claims to the “Kiev heritage”: origins and symbols]. *Den'*. 23rd July. [Online] Available from: <https://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/pokhittiteli-nashey-istorii> (Accessed: 4th June 2019).
20. Smith, J. (2018) Gimn Rossii tupo splagiachen s britanskogo “Bozhe, khрани korolya!” [The anthem of Russia is stupidly plagiarized from the British “God Save the King!”]. *Obozrevatel'*. 24th July. [Online] Available from: <https://www.obozrevatel.com/society/gimn-rossii-tupo-splagiachen-s-britanskogo-bozhe-hrani-korolya.htm> (Accessed: 4th June 2019).
21. *World News*. (2018) Mif o narodakh brat'yakh: ukraintsy, rossiyanе imeyut raznye korni [The myth of brothers nations: Ukrainians, Russians and Belarusians have different roots]. 9th January. [Online] Available from: <http://w-n.com.ua/archives/20060> (Accessed: 2nd June 2019).
22. Grabowski, S. (2018) Ukraina sovetskoy epokhi: okkupatsiya ili kolonizatsiya? [Ukraine of the Soviet era: occupation or colonization?]. *Den'*. 10th January. [Online] Available from: <https://day.ru/blog/politika/ukraina-sovetskoy-epokhi-okkupaciya-ili-kolonizaciya> (Accessed: 3rd June 2019).
23. Burda, V. (2018) Petr Valuev i drugie. Kak v Rossiyskoy imperii iz ukrantsev pytalis' sdelat' rossiyan [Petr Valuev and others. How in the Russian Empire they tried to make Russians out of Ukrainians]. *Fokus*. 29th July. [Online] Available from: <https://fokus.ua/archivist/402828/> (Accessed: 5th June 2019).
24. Cheslavsiy, O. (2018) Rus'kaya tserkov': Moskva ukrala u Rusi Ukrainy nazvanie, veru, yazyk i perepisala istoriyu [Russian Church: Moscow stole the name, faith, language from Rus of Ukraine and rewrote history]. *Obozrevatel'*. 8th September. [Online] Available from: <https://www.obozrevatel.com/society/ruskaya-tserkov-moskva-ukrala-u-rusi-ukrainyi-nazvanie-veru-yazyk-i-perepisala-istoriyu.htm> (Accessed: 3rd June 2019).
25. Gorbik, R. & Pidlisna, Yu. (2017) Ne til'ki Anna! Chomu Ukrayina musit' postaviti pitannya pro vsyu starokiyivs'ku spadshchinu. *Istorichna pravda*. 12th June. [Online] Available from: <https://www.istpravda.com.ua/articles/2017/06/12/149930/> (Accessed: 4th June 2019).
26. *Fokus*. (2018) Kuban' Nash. Kuda ischezli zaporozhtsy Tamanskogo poluostrova [Where did the Cossacks of the Taman Peninsula disappear]. 2nd July. [Online] Available from: <https://fokus.ua/archivist/401005> (Accessed: 4th June 2019).
27. Siteua.org. (2019) *Kak ukraintsy na Dal'nem Vostoke sozdavali svoyu respubliku* [How Ukrainians in the Far East created their republic]. 25th May. [Online] Available from: http://news.siteua.org/Ukraina/651563/Kak_ukraintsy_na_Dal'nem_Vostoke_sozdavali_svoyu_respubliku (Accessed: 7th June 2019).
28. Virskiy, D. (2019) Vstrecha s proshlym, ili Rossiyskie istoriki v poiskakh Lukomor'ya-Novorossii [Meeting with the past, or Russian historians in search of Lukomorye-Novorossia]. *Zerkalo nedeli*. 28th January. [Online] Available from: https://zn.ua/HISTORY/vstrecha-s-proshlym-ili-rossiyskie-istoriki-v-poiskah-lukomorya-novorossii-306834_.html (Accessed: 4th June 2019).
29. Volvach, P. (2014) Yak Ukrayina vidbudovuvala Krim pislya viyni i deportatsiyi. *Istorichna pravda*. 3rd March. [Online] Available from: <http://www.istpravda.com.ua/articles/4d61ab91438ae/> (Accessed: 4th June 2019).
30. Kostenko, I. (2016) V poiskakh ukradennoy ikony. Kak vlastolyubets Andrey Bogolyubskiy pokhitil svyatynyu Kievskoy Rusi [In search of the stolen icon. How the power-hungry Andrey Bogolyubsky stole the shrine of Kievan Rus]. *Fokus*. 30th November. [Online] Available from: <https://fokus.ua/archivist/357011/> (Accessed: 4th June 2019).

31. Gudymenko, Yu. (2018) Rossiya slonorozhdennaya [Russia elephant-born]. *TSN*. 7th August. [Online] Available from: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/rossiya-slonorozhdennaya-1197582.html> (Accessed: 4th June 2019).
32. Voloshina, L. (2016) Strana ukradennykh geroev [The country of stolen heroes]. *Den'*. 13th October. [Online] Available from: <https://day.kyiv.ua/ru/blog/politika/strana-ukradennyh-geroev> (Accessed: 5th June 2019).
33. Osipchuk, O. (2019) Poka Mazepa vel peregovory s Karlom XII, moskovity pogolovno vyrezali naselenie Baturina [While Mazepa was negotiating with Karl XII, the Muscovites completely massacred the population of Baturin]. *Fakty*. 20th March. [Online] Available from: <https://fakty.ua/299735-poka-mazepa-vel-peregovory-s-karlom-hii-moskovity-pogolovno-vyrezali-naselenie-baturina> (Accessed: 5th June 2019).
34. Rudenko, G. & Sinyashchik, A. (2017) Bogatyrskaya NASHA sila. Skaz pro to, kak iz legendarnykh kievskikh vityazey russkikh bogatyrey vylepili [Heroic OUR strength. The tale of how Russian heroes were molded from the legendary Kiev knights]. *Fokus*. 17th August. [Online] Available from: <https://focus.ua/long/379009/> (Accessed: 5th June 2019).
35. Pilyavets, R. (2014) Sevastopol' – misto ukrayins'koyi slavi. Pro ukrayintsiv u Krims'kiy viyni. *Istrichna pravda*. 9th July. [Online] Available from: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/07/9/143699/> (Accessed: 3rd June 2019).
36. Korotkiy, V. (2018) Shest' priznakov togo, pochemu Golodomor deystvitel'no byl genotsidom [Six signs of why the Holodomor was really genocide]. *Ukrinform*. 24th November. [Online] Available from: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2586334-sest-priznakov-togo-pocemu-golodomor-dejstvitelno-byi-genocidom.html> (Accessed: 5th June 2019).
37. Boguslavskaya, E. (2017) Pochemu Golodomor – ne luchshiy bazovyy syuzhet istoricheskoy politiki Ukrainy [Why the Holodomor is not the best basic plot of the historical policy of Ukraine]. *112.ua*. 25th November. [Online] Available from: <https://112.ua/mnenie/pochemu-golodomor--ne-luchshiy-bazovyy-syuzhet-istoricheskoy-politiki-ukrainy-422066.html> (Accessed: 5th June 2019).
38. Vikulov, M. (2017) Uroki Konotopskoy bitvy: kak ukraintsy razgromili moskovskikh zakhvatchikov [Lessons of the Konotop battle: how the Ukrainians defeated the Moscow invaders]. *Politica*. 11th July. [Online] Available from: <https://politeka.net/reading/459432-uroki-konotopskoj-bitvy-kak-ukraintsy-razgromili-moskovskih-zahvatchikov/> (Accessed: 4th June 2019).
39. Skachko, V. (2018) Gadyach-1658: dogovor ob avtonomii obmana i predate'l'stva [Gadyach-1658: agreement on the autonomy of deception and betrayal]. *Versii.com*. 18th September. [Online] Available from: <http://versii.com/news/384720/> (Accessed: 4th June 2019).
40. Kirchanov, M.V. (2014) Problems of historical science politicization in Russia (case study of nationalist trends in historiography). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 2. pp. 9–14. (In Russian).

УДК 930/94(47).08
DOI: 10.17223/19988613/74/19

А.Н. Худолеев

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ИЗДАНИЯХ

Рассматриваются историко-критические работы В.О. Ключевского в отечественной дореволюционной периодике и изданиях. Выделяется несколько ключевых подходов в оценке В.О. Ключевским исторических взглядов современников. С позиций В.О. Ключевского анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность источниковой и методологической базы их исследований. Делается вывод о важности рецензионного творчества В.О. Ключевского для формирования его целостного портрета как ученого-историка.
Ключевые слова: Василий Осипович Ключевский, историческая мысль, дореволюционная историография.

Рецензии и отзывы на исследования коллег занимали важное место в научной деятельности В.О. Ключевского [1]. Тем удивительнее, что в обширной постсоветской историографии до сих пор отсутствует комплексное осмысление его историко-критических работ. Можно упомянуть лишь статью В.И. Ульяновского о полемике еще не защитившего магистерскую диссертацию В.О. Ключевского с молодым доктором русской истории В.С. Иконниковым [2]. Даже в специальном выпуске антологии Pro et contra этому сюжету места не нашлось [3]. Между тем изучение рецензий и отзывов В.О. Ключевского позволяет не только заполнить пустующую лауну, проследить развитие и эволюцию его исторических взглядов, но и актуализировать процесс становления ученого-историка, включения его в профессиональное сообщество. Это и является целью настоящей статьи.

Первую рецензию Василий Осипович опубликовал в июне 1868 г. в газете И.С. Аксакова «Москва». В тот период он успешно прошел магистерские испытания и читал курс русской истории в Александровском военном училище. Объектом внимания В.О. Ключевского стали изданные Археографической комиссией под редакцией П.И. Савvaitова «Великие Минеи Четии» [4]. Столь специфичный для светского преподавателя выбор не был случайным и объяснялся темой будущей магистерской диссертации, посвященной житийной литературе. В.О. Ключевский в целом положительно оценил публикацию сборника святых текстов. Он отметил несколько плюсов: во-первых, это ценный исторический материал; во-вторых, уникальный источник по истории русской литературы и письменности; в-третьих, знаковый документ по истории средневекового православного воспитания и образования, так как «после Библии Четьи Минеи для народа – самая уважаемая и полезная в отношении православного образования книга» [5. С. 3]. В то же время обозначались и недостатки, прежде всего запланированное большое количество томов (45 или 46), что существенно увеличивало стоимость, а значит, и розничную цену издания. В сборнике большое количество уже введенных в научный оборот текстов, поэтому потребуется много уси-

лий, чтобы в пластах уже известного найти сокровища научной новизны. В итоге В.О. Ключевский предложил Археографической комиссии отдельно заняться изданием рукописей «Житий» русских святых, так как в собрание попала «очень небольшая доля памятников этого рода» [Там же. С. 9].

В следующем году Василий Осипович вступил в полемику с В.С. Иконниковым, своим сверстником, добившимся к этому времени более значительных успехов на научном поприще. Поводом стала публикация В.С. Иконниковым докторской диссертации в нескольких номерах «Университетских известий» Киевского университета [6]. Рецензия В.О. Ключевского под псевдонимом «В.К.» была напечатана в двух номерах журнала «Православное обозрение». Характер критики отличался редким максимализмом, непримиримостью и азартом. Создавалось впечатление, что на одном поле сошлись равнозначные в научном отношении фигуры, соперничавшие в рамках одной темы. Кандидата в магистры не устраивало в докторской диссертации абсолютно все. По его мнению, В.С. Иконников пользовался только печатными источниками, сознательно игнорируя рукописные. К этим источникам автор отнесся некритически, с одинаковым доверием пользовался «и древней новгородской летописью, и Татищевым, и даже Флетчером» [7. С. 20–21]. Кроме того, работа В.С. Иконникова изобилует неточностями, ошибками и искажениями. К тому же он активно цитирует (иногда целыми страницами) чужие сочинения. Отсюда не совсем понятен научный вклад самого автора. В.С. Иконников не умеет анализировать исторические явления, неспособен вдуматься в их суть, «пренебрегает самыми элементарными научными требованиями» [Там же. С. 62]. Это при том, что политическая жизнь древней Руси хорошо освещена в русской историографии, однако «в хаосе рассуждений нашего автора едва отразилось слабое мерцание добытых ею результатов, и то иногда в неверном отблеске» [Там же. С. 72]. Можно еще долго перечислять претензии рецензента, но ограничимся изложенными. Плюсов в труде не обнаруживалось. В итоге, по В.О. Ключевскому, выходило, что В.С. Иконников – доктор-дилетант,

любитель русской истории, скороспелый «выскочка» от науки, придавший благообразный диссертационный вид обыкновенной записной книжке, состоявшей из различных извлечений ученых трудов.

Ознакомившись с отзывом, подвергавшим сомнению его научную репутацию, В.С. Иконников напечатал обстоятельный ответ. Он не знал, кто скрывался за псевдонимом «В.К.», что привело к интересному казусу, речь о котором пойдет ниже. По мнению В.С. Иконникова, рецензия на его диссертацию – не уважительный научный разбор ее достоинств и недостатков, а недобросовестный обличительный памфлет, который, вопреки показать иное, достоин, как выразился сам «В.К.», «первобытного состояния» нашей историографии [7. С. 19–20].

В частности, это касается устойчивого стереотипа о баснословности сведений В.Н. Татищева. В.С. Иконников, ссылаясь на работы С.М. Соловьева [8] и П.Г. Буткова [9], констатировал, что «в настоящее время, после критики отдельных частей и мест его летописи (речь идет об использовании В.Н. Татищевым копии «Иоакимовской летописи». – А.Х.), взгляд на достоверность последней можно считать вполне установившимся» [10. С. 5]. Владимир Степанович заметил, что, упрекая его в использовании печатных источников и опубликованных исследований, устраивая допрос, почему автор пользовался именно этим источником, а не каким-либо другим, сам рецензент не обрисовал источниковую базу своих возражений. Он признавал, что, как и в любом другом исследовании, в работе есть недостатки, но лежат они в сугубо научной плоскости: в ее неизученности, обширности постановки проблемы, трудностях поиска и обработки материала и т.д. Не учитывая этого, рецензент «слишком свободно обращается и с мнениями, и с фактами автора, т.е. переиначивает одни и искажает другие, несколько не краснея <...> перед судом науки» [11. С. 1]. Кроме подтасовок В.С. Иконников писал о частом вырывании рецензентом фраз из контекста и, как следствие, искажении смысла умозаключений. Поэтому отзыв «В.К.» можно назвать фальшивым, голословным и злонамеренным, что ставит под сомнение не только его профессиональные, но и личные качества. В заключение скажем об обозначенном выше казусе. В доказательство того, что «В.К.» неправ в принижении значения исторических сведений Флетчера, В.С. Иконников привел монографию «Сказания иностранцев о Московском государстве» В.О. Ключевского (!), где англичанин «занимает весьма видное место <...> почти на каждой странице вы встречаете имя Флетчера <...>» [10. С. 31]. В.С. Иконникову потребовалось некоторое время для того, чтобы узнать, что «В.К.» и В.О. Ключевский – одно и то же лицо [12. С. 1, 2].

Ответ В.О. Ключевского не содержал ничего нового, кроме очередной порции сарказма, иронии и колкостей. Он заявил, что не собирается называть источники своих возражений из-за их общеизвестности. Диссертацию В.С. Иконникова он охарактеризовал как «пчелиное собирание цветочной пыли по чужим сочинениям» и просил прощения за то, что его стараниями в докторском венке автора «завяло несколько листков» [13. С. 724,

741]. Василий Осипович согласился с Владимиром Степановичем только в одном – в смехотворности ситуации, поскольку «в самом деле смешно, что есть докторские исследования, заставляющие рецензента делать *такие* замечания» [Там же. С. 726]. Таким виделся В.О. Ключевскому характер научной критики на заре его научной деятельности. Редакция «Отзывов и ответов» сопровождала завершение дискуссии между кандидатом в магистры и доктором русской истории следующим резюме: «С развитием ученой деятельности профессора Иконникова автор (В.О. Ключевский. – А.Х.) считал потерявшими значение обе статьи свои, посвященные разбору одного из ранних произведений почтенного ученого» [14. С. 97]. Думается, что, скорее, речь может идти об эволюции самого В.О. Ключевского. Тем более что в момент развития полемики был пример иного разбора слабых сторон и достоинств диссертации В.С. Иконникова [15].

В 1870 г. В.О. Ключевский продолжил следить за изданиями, в той или иной степени касавшимися темы его магистерской диссертации. Например, критическому разбору была подвергнута книга А.П. Щапова [16]. Основные замечания состояли в следующем: источниковая база состоит из общедоступных материалов; нет ничего нового в фактическом содержании работы, автор иногда предпочитает пользоваться не первоисточниками, а трудами других ученых; игнорирует причинно-следственную связь в исторических явлениях и процессах; исследование написано трудным языком без литературной обработки. Но на этот раз были отмечены и положительные моменты. Монография вводит читателя в сокровенные глубины народной жизни и имеет ясную методологическую установку. Основная же сила книги А.П. Щапова, считал В.О. Ключевский, как раз в ее недостатках, так как «редко можно встретить исследование, которое резче обнаруживало бы научные потребности русско-исторической литературы» [17. С. 337]. Гораздо более благосклонным получился отзыв на опись библиотеки В.М. Ундольского [18]. Рецензия написана на удивление в сугубо положительном ключе. Василий Осипович отдавал должное библиографу, исследователю рукописных и старопечатных книг. Ценность его труда для исследователя древнерусских житий бесспорна. Он позволяет экономить время в поиске нужного источника и места его хранения, так как «ни одна из библиотек «не соединяет в себе всего количества известных древнерусских житий», помогает определить его качество [19. С. 888–889].

В 1871 г. В.О. Ключевский был принят на должность приват-доцента в Московскую духовную академию. Теперь обращение к трудам историко-церковной тематики обуславливалось не только его научными занятиями, но и местом работы, тем более если автором являлось духовное лицо. Так, он отозвался на опубликованную докторскую диссертацию священнослужителя и одновременно доцента Санкт-Петербургского университета М.И. Горчакова [20]. Василий Осипович признавал, что М.И. Горчаков – серьезный ученый, досконально знающий предмет исследования. В его сочинении читатель найдет «много любопытных

указаний и новых фактов <...>» [21. С. 193]. В примечаниях и приложениях «о. Горчаков ставит своего читателя близким зрителем той ученой работы, путем которой он шел к решению указанного вопроса» [21. С. 163]. Вместе с тем, как обычно, В.О. Ключевский выявил целый ряд недочетов. Раздел о митрополичьем землевладении написан плохо, аргументы и выводы страдают неясностью. На взгляд рецензента, на качество диссертации повлияли и объективные трудности: недостаточность известий в источниках; отсутствие способов точного определения земельных пространств в древней Руси; трудность самой задачи; некоторые приемы исследования. Особое внимание было уделено использованию М.И. Горчаковым термина «меженина», который связывался из-за недостаточного знакомства с летописями с размежеванием земли. В.О. Ключевский саркастически заметил: «Этот факт, научно проставленный и доказанный, мог бы перейти навеки в русскую историографию с именем автора, как перешел в механику закон Ньютона» [Там же. С. 168]. Но этого не произойдет, так как слово «меженина» «не раз встречается в древнерусских летописях и житиях святых; по-видимому, оно было очень употребительно и всем понятно в древней Руси и везде означало одно – голод с его обычными следствиями, дороговизной, увеличением смертности и т.д.» [Там же]. Как показывает специальное исследование, правота была на стороне В.О. Ключевского [22. С. 88, 115–227]. Критические замечания в адрес работы М.И. Горчакова не помешали В.О. Ключевскому рекомендовать ее к присуждению Уваровской премии [23].

26 января 1872 г. Василий Осипович защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник». В марте того же года в «Московских Епархиальных ведомостях» появилась заметка, в которой новый магистр русской истории обвинялся в искажении жития преподобного Ефросина Псковского по вопросу об «аллилуйя» и выражалось сожаление, что в стенах Московского университета возможны пропаганда идей раскольников и издание за их счет научных трудов [24]. В.О. Ключевский ответил в еженедельной московской газете «Современные известия». Он заявил, что при работе над диссертацией, название которой было искажено автором заметки, жития святых интересовали его исключительно как исторический источник, а не как святоотеческая литература, описывающая содержание церковного богослужения и церковного устава. Поэтому «в моей книге изложено не *оправдание* двоения “аллилуйя” <...> а высказаны соображения, основанные на исторических источниках и доказывающие, что в русской церкви XV в/ существовало разногласие в вопросе об “аллилуйя”. Я был и остаюсь равнодушен и к двоению, / и к троению, вообще к количеству “аллилуйя” <...>» [25. С. 196]. Оторваться на время от рецензирования историко-церковных работ В.О. Ключевского вынудило учебное пособие нумизмата и любителя русской истории Д.П. Сонцова [26]. Его мнение было однозначным – пособие никуда не годится. Оно безответственное и довольно странное: без четко определенного плана и оглавления, пестрящее фактическими ошиб-

ками, опечатками и корректурной небрежностью. И не дай Бог эта книга попадет в руки учителя или учащегося, потому что «первому она не даст ни одного нового обработанного и подготовленного для преподавания исторического факта, второму не поможет ни лучше усвоить, ни дополнить сообщенное ему преподавателем» [27. С. 262].

В 1877 г. В.О. Ключевский обратил внимание на магистерское исследование Н.С. Суворова [28]. Работа ему понравилась. Василий Осипович отметил научную добросовестность автора, практическую пользу труда, основательность источниковой базы и ее тщательную обработку. Крупная претензия, по сути, одна – язык написания, страдающий искусственной терминологией: «Такой язык приводит только к тому, что простые и понятные сами по себе вещи представляются в учебном изложении очень мудреными, тогда как для выполнения истинной задачи науки следует, кажется, поступать совершенно наоборот» [29. С. 266–267]. Исключительно хвалебной получилась рецензия на монографию ректора Московской духовной академии С.К. Смирнова [30]. Эта книга «должна окончательно рассеять предрассудок, который доселе держится во внешнем, недуховном обществе и в силу которого академическое преподавание представляется замкнутым, как само общество академических преподавателей и студентов; думают, что наука здесь шла уединенно, по-монастырски, не соприкасаясь с движением богословского знания на Западе и потому отставая от него» [31. С. 809].

В конце 1879 г. В.О. Ключевский вернулся в Московский университет уже в неофициальном звании «наследника» С.М. Соловьева. Однако с Московской духовной академией он связи не терял и продолжал вести там занятия вплоть до 1906 г. В этот период Василий Осипович завершал работу над докторской диссертацией, посвященной Боярской думе. Мы уже отмечали, что диссертация неоднозначно была воспринята в научном сообществе, особенно в свете публикации тематически близкого сочинения Н.П. Загоскина [32]. В итоге В.О. Ключевскому пришлось объяснять разницу между его исследованием и трудом профессора Казанского университета и вступить в полемику с профессором Киевского университета М.Ф. Владимирским-Будановым.

Отзыв последнего был критическим. М.Ф. Владимирский-Буданов обратил внимание на несоответствие темы работы, посвященной узкому вопросу, ее содержанию, далеко и значительно выходящему за пределы проблемы. По его мнению, автор соединил два вопроса – историю государственного учреждения и историю сословий, вследствие чего «основная задача расплывается и теряется в массе привходящих предметов» [33. С. 108]. Кроме того, в мыслях В.О. Ключевского много туманности и мало определенности, царят псевдохудожественность в изложении материала и несправедливая критика историков, занимающихся конкретными вопросами (для них В.О. Ключевский придумал термин «механическое направление»). Московский историк ни одной претензии не принял и сам перешел в наступление. Он обвинил рецензента в эмоциональной возбуж-

денности, тенденциозности и некорректности критики. На художественность слога притязаний не было. Указывая на несоответствие темы работы и ее содержания, М.Ф. Владимирский-Буданов рассуждал не как доктор русской истории, а как профессор истории русского права. Классический же историк должен учитывать совокупность и взаимосвязь событий, явлений и фактов. В.О. Ключевский уверен, что изучение государственного учреждения не может быть оторвано от истории государства в целом и истории социальных категорий, формировавших данное государственное учреждение. Поэтому, «скорее меня можно было бы упрекнуть не за потерю основной задачи, а за слишком пространное и медленное ее разрешение в первых двух главах, за слишком продолжительное сосредоточение внимания на избранном предмете <...>» [34. С. 110].

В период работы в Московском университете В.О. Ключевский неоднократно давал экспертную оценку научным произведениям, претендовавшим на вручение Уваровской премии. Так, он написал положительный отзыв на магистерскую диссертацию С.Ф. Платонова. Василий Осипович отметил, что автор поставил перед собой трудную и даже рискованную задачу – найти и сгруппировать многочисленные и разнообразные источники по истории «Смуты» в Московском государстве. Настоящие и будущие исследователи «Смутного времени», несомненно, «будут благодарны г. Платонову за его указания, которые помогут им выяснить происхождение и фактическое содержание многих сказаний о том времени, равно как и степень доверия, какого они заслуживают» [35. С. 59]. Импионируют ему также фундаментальность, основательность подхода, новизна многих выводов. В то же время В.О. Ключевский упрекал молодого коллегу в слабом сопряжении информации из источников с борьбой политических сил периода «Смуты» и оторванности ее от исторической почвы. К тому же критический инструментарий автора размыт и неопределен, что мешает пониманию его оценок исторических памятников. Но в целом С.Ф. Платонов «успешно разрешил принятую на себя задачу и тем восполнил один из заметных пробелов в нашей историографии: он осмотрительно разобрался в обширном и разнохарактерном материале, впервые ввел в научный оборот несколько малоизвестных памятников <...> и удачно распутал несколько частных вопросов в историографии Смуты или подготовил их разрешение. Изучающие историю Смуты найдут в его книге достаточно указаний, чтобы знать, что каждое из основных сказаний о Смуте может дать ему и чего там не нужно искать» [Там же. С. 65].

Чуть больше критических замечаний досталось магистерской диссертации еще одного представителя петербургской исторической школы – Н.Д. Чечулина. В.О. Ключевский указал, что сочинение Н.Д. Чечулина базируется на весьма специфичном, перспективном, хотя и однообразном источнике – писцовых книгах, изучать которые надо осторожно, учитывая их монолинейность. Однако автору как раз не хватило критического подхода к обработке материала писцовых

книг. Таким образом, Н.Д. Чечулин загнал себя в узкие рамки, поскольку, «с одной стороны, он рассматривал состояние городов только в пределах тех данных, какие представляют писцовые книги, а с другой – и в писцовых книгах он разбирал только части, описывающие состояние городов» [36. С. 278]. Основные источники не позволили ему до конца решить поставленную задачу, так как содержат только социально-экономические сведения и не охватывают всего городского пространства и городских округов. При этом В.О. Ключевский не отрицал, что работа Н.Д. Чечулина имеет ряд достоинств: во-первых, введение в научный оборот писцовых книг, несмотря на промахи в методике их анализа; во-вторых, существенное расширение знаний о составе и занятиях городского населения Московского государства XVI в.; в-третьих, «сочинение г. Чечулина – добросовестный труд, основанный на внимательном изучении мало тронутого источника, стоивший усиленной борьбы с трудностями этого источника и большой черновой работы над ним, дающий читателю немало ценных, освещающих предмет выводов, могущих усилить это освещение» [Там же. С. 314–315]. В итоге исследование Н.Д. Чечулина рекомендовалось к присуждению Уваровской премии.

Особняком стоит отзыв В.О. Ключевского на монографию своего ученика – Н.А. Рожкова. Василий Осипович отметил серьезные научные результаты, широту постановки вопроса, настойчивость и умение не бояться мелочной, микроскопичной работы, энциклопедичность в области развития сельского хозяйства средневековой Руси, введенный в научный оборот обильный и разнообразный материал из опубликованных и неизданных источников, касавшихся разных отраслей народного хозяйства Московского государства XVI в. Как и Н.Д. Чечулин, Н.А. Рожков активно использовал писцовые книги. Из-за отсутствия у него способов сравнительно-критического анализа данных писцовых книг, «автору поневоле приходилось прибегать к выводам, столь шатко обоснованным <...>» [37. С. 32]. Тема далеко не исчерпана. Следовательно, методы исследования, примененные Н.А. Рожковым, его способ обращения с источниками, некоторые выводы, им добытые, «могут быть изменены, улучшены и исправлены при дальнейшей обработке предмета другими исследователями, даже им самим помощью опыта и размышления» [Там же. С. 37].

Таким образом, рецензии и отзывы на работы коллег являлись неотъемлемой и важной частью научной деятельности В.О. Ключевского. В этом направлении отчетливо прослеживаются его научный рост и требования к научным публикациям. Вне зависимости от тематики (светская история или церковная) В.О. Ключевский требовал активного включения архивных материалов, их тщательной, фундаментальной обработки, критического подхода, ясной методологической программы, следования принципу историзма, добросовестности. Если работа ему не нравилась, использовался ироничный, саркастический, бескомпромиссный, наступательный тон. Особенно не заладились у В.О. Ключевского отношения с представителями Киевского университета. В целом, благодаря изучению рецензи-

онного творчества В.О. Ключевского, появляется возможность отойти от идеального, лакированного портрета и увидеть крупного ученого, требовательного

труженика науки, порой ошибавшегося в оценках концепций авторов, но всегда ставившего в центр познания принцип научной объективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокуров С.А. Список печатных работ В.О. Ключевского // Чтения в Императорском обществе Истории и древностей российских при Московском университете. 1914. Кн. I. (248). С. 442–473.
2. Ульяновский В.И. В.О. Ключевский и В.С. Иконников: к истории одного научного спора // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : материалы науч. конф., Пенза, 25–26 июня 2001 г. : в 2 кн. М. : Наука, 2005. Кн. 1. С. 414–441.
3. В.О. Ключевский: pro et contra : антология. СПб. : Апостольский город – Невская перспектива, 2013. 952 с.
4. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / изд. Археологической комиссии. СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1868. Т. 1: Сентябрь 1–13. 673 с.
5. Ключевский В.О. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 1–18.
6. Иконников В.С. Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности // Университетские известия. 1869. № 1. С. 1–52; № 2. С. 1–51; № 3. С. 1–42; № 4. С. 1–33; № 5. С. 1–51; № 6. С. 1–48; № 7. С. 1–42; № 8. С. 1–58; № 9. С. 1–57; № 10. С. 1–55; № 11. С. 1–57; № 12. С. 1–26.
7. В.К. Новые исследования по истории древнерусских монастырей (Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности. Часть I. Влияние византийской и южно-русской образованности. Реформа. Соч. доцента В. Иконникова. Киевские университетские известия за 1869 год) // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 19–77.
8. Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М. : Тип. Александра Семена, 1855. Кн. II, половина первая. С. 3–82.
9. Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб. : Тип. Российской Акад. наук, 1840. 464 с.
10. Иконников В.С. Разбор рецензии В.К. на «Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности (Университетские известия, Киев 1869 г.), помещенной в «Православном обозрении» 1869 г. октябрь // Университетские известия. 1870. № 1. С. 1–33.
11. Иконников В.С. Разбор рецензии В.К. на «Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности (Университетские известия, Киев 1869 г.), помещенной в «Православном обозрении» 1869 г. декабрь // Университетские известия. 1870. № 2. С. 1–47.
12. Иконников В.С. Возражения на рецензию г. Бильбасова о сочинении: «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории», напечатанного в Университетских известиях 1870 № 3. // Университетские известия. 1870. № 5. С. 1–56.
13. В.К. Поправки к одной антикритике // Православное обозрение. 1870. Вып. 1–6. С. 724–741.
14. В.К. Поправки к одной антикритике // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 78–97.
15. Особые мнения профессоров Селина, Бильбасова и Цехановецкого, в приложении к протоколу 19 декабря // Университетские известия. 1870. № 3. С. 43–70.
16. Шапов А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. СПб. : Изд. Н.П. Полякова, 1870. 356 с.
17. Ключевский В.О. Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси // Православное обозрение. 1870. Вып. 1–6. С. 307–337.
18. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского. М. : Изд. Моск. Публичного и Румянцевского музеев, 1870. 533 с.
19. Ключевский В.О. Рукописная библиотека В.М. Ундольского // Православное обозрение. 1870. Вып. 1–6. С. 872–894.
20. Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Священного Синода (988–1738 гг.) СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871. 830 с.
21. Ключевский В.О. Русская церковно-историческая литература // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 158–193.
22. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л. : Гидрометеоздат, 1983. 240 с.
23. Ключевский В.О. Разбор сочинения о. Горчакова «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Священного Синода» // Отчет о пятинадцатом присуждении наград графа Уварова. 25 сентября 1872 года. СПб., 1874. С. 91–125.
24. Б. О воскресных собеседованиях в Чудовом монастыре // Московские Епархиальные ведомости. 1872. 12 марта. С. 55–56.
25. Ключевский В.О. Аллилуйя и о. Пафнутий // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 194–199.
26. Сонцов Д.П. Очерк истории русского народа до XVII столетия: общинный быт древней Руси. М. : тип. А.И. Мамонтова, 1875. 160 с.
27. Ключевский В.О. Очерк истории русского народа до XVII столетия: общинный быт древней Руси. Д.П. Сонцов. М., 1875. 160 стр. // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 257–262.
28. Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1876. 346 с.
29. Ключевский В.О. Новый труд по церковному праву: О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. Н. Суворова. СПб., 1876. // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Петроград : Лит.-изд. отд. Комиссариата народного просвещения, 1918. С. 263–273.
30. Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М. : Университетская тип., 1879. 660 с.
31. Ключевский В.О. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). С. Смирнова. М., 1879. // Православное обозрение. 1879. Вып. 1–4. С. 802–825.
32. Худолеев А.Н. Оценки исторической концепции и личности В.О. Ключевского в дореволюционных отечественных исторических журналах // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 139–142.
33. Владимирский-Буданов М.Ф. Новые исследования о Боярской думе // Сборник государственных знаний. СПб. : Издание Д.Е. Кожанчикова, 1880. Т. 8. С. 104–124.
34. Ключевский В.О. Объяснение по поводу одной рецензии // Русская мысль. 1881. № 2. С. 106–113.
35. Отзыв профессора Василия Осиповича Ключевского об исследовании г. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник» // Отчет о тридцать первом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1890. С. 53–66.
36. Разбор исследования г. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке», составленный профессором В.О. Ключевским // Отчет о тридцать третьем присуждении наград графа Уварова. СПб., 1892. С. 276–315.
37. Г. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Рецензия В.О. Ключевского // Отчет о сорок четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1904. С. 19–37.

Aleksey N. Khudoleev, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru

THE HISTORICAL AND CRITICAL REVIEWS AND REFLECTIONS OF V.O. KLYUCHEVSKY IN PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS AND PUBLICATIONS

Keywords: Vasily Osipovich Klyuchevsky, historical thought, pre-revolutionary historiography.

Vasily Osipovich Klyuchevsky is one of the most famous and popular pre-revolutionary Russian historians distinguished by exceptional dedication to his work, exactingness, scrupulousness, professionalism and fundamental nature. In addition to his own scientific research, V.O. Klyuchevsky closely followed the scientific publications on the topics of interest, not hesitating to express his opinion on their quality. Review work is an important but poorly covered part of V.O. Klyuchevsky's work. The purpose of this paper is to analyze the historical and critical articles of V.O. Klyuchevsky published in the second half of the 19th - early 20th centuries. This will allow tracing the evolution of V.O. Klyuchevsky's historical views, showing the process of his becoming a historian and a member of the professional community. Of significant help in identifying V.O. Klyuchevsky's historical and critical works was a list of his publications, compiled by S.A. Belokurov in 1914. Primary sources of information mainly were used in preparing the article. If referring to them was impossible for one reason or another, we relied on "The Reviews and Answers", the collection of critical works by V.O. Klyuchevsky published in 1918. The article discusses V.O. Klyuchevsky's critical reviews on the works by V.S. Ikonnikov, S.F. Platonov, N.D. Chechulin, N.A. Rozhkov, A.P. Shchapov, M.I. Gorchakov and others. The reviews were published in the journals "Pravoslavnoye Obozreniye", "Russkaya Mysl", in the reports on giving S.S. Uvarov's Award and other publications. V.O. Klyuchevsky's reviews clearly fall into two parts. The first one is a historical and ecclesiastical period of working on the master's dissertation and teaching at the Moscow Theological Academy. The second is a historical and secular period of working on his Doctoral dissertation and teaching at the Moscow University. However, regardless of the topic, the criteria for the quality of the research were the same. They included extensive use of the unpublished (if possible) archival material, a clear and well-founded methodology, a critical approach, objectivity and scrupulousness. If the work, according to V.O. Klyuchevsky, did not meet these requirements it became an object of harsh and sarcastic censure. This was especially evident in the polemic debate with V.S. Ikonnikov and M.F. Vladimirsky-Budanov, the representatives of the Kiev University. In conclusion the author of the article states that the V.O. Klyuchevsky's reviews cut out the image of a great scholar, a demanding votary of science, who sometimes made mistakes in assessing the conceptual ideas of the authors, but always placed the principle of scientific objectivity in the center of scholastic attainments.

REFERENCES

1. Belokurov, S.A. (1914) Spisok pechatnykh rabot V.O. Klyuchevskogo [The list of V.O. Klyuchevsky's printed works]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve Istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. I. (248). pp. 442–473.
2. Ulyanovskiy, V.I. (2005) V.O. Klyuchevskiy i V.S. Ikonnikov: k istorii odnogo nauchnogo spora [V.O. Klyuchevsky and V.S. Ikonnikov: on the history of a scientific dispute]. *V.O. Klyuchevskiy i problemy rossiyskoy provintsial'noy kul'tury i istoriografii* [V.O. Klyuchevsky and the problems of Russian provincial culture and historiography]. Proc. of the Conference. Penza, June 25-26, 2001. Moscow: Nauka. pp. 414–441.
3. Malinov, A.V. (ed.) (2013) *V.O. Klyuchevskiy: pro et contra* [V.O. Klyuchevsky: pro et contra]. St. Petersburg: Apostol'skiy gorod – Nevskaya perspektiva.
4. Imperial Academy of Sciences. (1868) *Velikie Minei Chetii, sobrannye Vserossiyskim mitropolitom Makariem* [Great Menaea of Chetia, collected by the All-Russian Metropolitan Macarius]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
5. Klyuchevskiy, V.O. (1918a) *Otzyvy i otvety* [The reviews and responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 1–18.
6. Ikonnikov, V.S. (1869) Issledovanie o glavnykh napravleniyakh v nauke russkoy istorii v svyazi s khodom obrazovannosti [A study on the main trends in Russian history in connection with the course of education]. *Universitetskie izvestiya*. 1. pp. 1–52.
7. Klyuchevskiy, V.O. (1918b) *Otzyvy i otvety* [The reviews and responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 19–77.
8. Soloviev, S.M. (1855) Pisateli russkoy istorii XVIII veka [The writers of Russian history of the 18th century]. In: Kalachov, N.V. (ed.) *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedenii, otnosyashchikhsya do Rossii* [The archive of historical and legal information about Russia]. Vol. 2. Moscow: Tip. Aleksandra Semena. pp. 3–82.
9. Butkov, P.G. (1840) *Oborona letopisi russkoy, Nestorovoy, ot naveta skeptikov* [The defense of the Russian Nestor Chronicle from the slander of skeptics]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Ikonnikov, V.S. (1870a) Razbor retsenzii V.K. na "Issledovanie o glavnykh napravleniyakh v nauke russkoy istorii" v svyazi s khodom obrazovannosti (Universitetskie izvestiya, Kiev 1869 g.), pomeshchennoy v "Pravoslavnom obozrenii" 1869 g. oktyabr' [The analysis of V.K.'s review of "Research on the main trends in Russian history" in connection with the course of education" (University News, Kiev, 1869), published in the "Pravoslavnoye obozrenie" of October 1869]. *Universitetskie izvestiya*. 1. pp. 1–33.
11. Ikonnikov, V.S. (1870b) Razbor retsenzii V.K. na "Issledovanie o glavnykh napravleniyakh v nauke russkoy istorii" v svyazi s khodom obrazovannosti (Universitetskie izvestiya, Kiev 1869 g.), pomeshchennoy v "Pravoslavnom obozrenii" 1869 g. dekabr' [The analysis of V.K.'s review of "Research on the main trends in Russian history" in connection with the course of education" (University News, Kiev, 1869), published in the "Pravoslavnoye obozrenie" of December 1869]. *Universitetskie izvestiya*. 2. pp. 1–47.
12. Ikonnikov, V.S. (1870) Vozrazheniya na retsenziyu g. Bil'basova o sochinenii: "Opyt issledovaniya o kul'turnom znachenii Vizantii v russkoy istorii", napechatannogo v Universitetskikh izvestiyakh 1870 № 3 [The objections to the review of G. Bilbasov about the essay "The research on the cultural significance of Byzantium in Russian history", published in "Universitetskie izvestiya" 1870 No. 3]. *Universitetskie izvestiya*. 5. pp. 1–56.
13. V.K. (1870) Popravki k odnoy antikritike [The amendments to one anti-criticism]. *Pravoslavnoye obozrenie*. 1-6. pp. 724–741.
14. V.K. (1918) Popravki k odnoy antikritike [The amendments to one anti-criticism]. In: Klyuchevskiy, V.O. *Otzyvy i otvety* [The Reviews and Responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 78–97.
15. Selin et al. (1870) Osobyie mneniya professorov Selina, Bil'basova i Tsekhanovetskogo, v prilozhenii k protokolu 19 dekabrya [The dissenting opinions of Professors Selin, Bilbasov and Tsekhanovetsky, in the annex to the protocol on December 19]. *Universitetskie izvestiya*. 3. pp. 43–70.
16. Shchapov, A.P. (1870) *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya umstvennogo razvitiya russkogo naroda* [The socio-pedagogical conditions of the intellectual development of the Russian people]. St. Petersburg: N.P. Polyakov.
17. Klyuchevskiy, V.O. (1870a) Tserkov' po otnosheniyu k umstvennomu razvitiyu drevney Rusi [The church in relation to the mental development of Old Rus]. *Pravoslavnoye obozrenie*. 1-6. pp. 307–337.
18. Undolsky, V.M. (1870) *Slavyano-russkie rukopisi V.M. Undol'skogo* [The Slavic-Russian manuscripts of V.M. Undolsky]. Moscow: Moscow Public and Rumyantsev museums.
19. Klyuchevskiy, V.O. (1870b) Rukopisnaya biblioteka V.M. Undol'skogo [V.M. Undolsky's manuscript library]. *Pravoslavnoye obozrenie*. 1-6. pp. 872–894.
20. Gorchakov, M.I. (1871) *O zemel'nykh vladeniyyakh vsereiyskikh mitropolitov, patriarkhov i Svyashchennogo Sinoda (988–1738 gg.)* [On the land possessions of the All-Russian Metropolitans, Patriarchs and the Holy Synod (988–1738)]. St. Petersburg: A. Transhel.

21. Klyuchevskiy, V.O. (1918c) *Otzyvy i otvety* [The Reviews and Responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 158–193.
22. Borisenkov, E.P. & Pasetkiy, V.M. (1983) *Ekstremal'nye prirodnye yavleniya v russkikh letopisyakh XI–XVII vv.* [The extreme natural phenomena in the Russian chronicles of the 11th–17th centuries]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
23. Klyuchevskiy, V.O. (1874) Razbor sochineniya o. Gorchakova “O zemel'nykh vladeniyakh vserossiyskikh mitropolitov, patriarkhov i Svyashchennogo Sinoda” [The analysis of Father Gorchakov's essay “On the land possessions of All-Russian Metropolitans, Patriarchs and the Holy Synod”]. In: *Otchet o pyatnadsyatom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [Count Uvarov's report on the fifteenth awarding, September 25, 1872]. St. Petersburg: [s.n.] pp. 91–125.
24. B. (1872) O voskresnykh sobesedovaniyakh v Chudovom monastyre [About Sunday interviews at the Chudov Monastery]. *Moskovskie Eparkhial'nye vedomosti*. 12th March. pp. 55–56.
25. Klyuchevskiy, V.O. (1918d) *Otzyvy i otvety* [The Reviews and Responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 194–199.
26. Sontsov, D.P. (1875) *Ocherk istorii russkogo naroda do XVII stoletiya: obshchinnyy byt drevney Rusi* [An essay on the history of the Russian people before the 17th century: the communal life of ancient Russia]. Moscow: A.I. Mamontov.
27. Klyuchevskiy, V.O. (1918e) *Otzyvy i otvety* [The Reviews and Responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 257–262.
28. Suvorov, N.S. (1876) *O tserkovnykh nakazaniyakh. Opyt issledovaniya po tserkovnomu pravu* [About church punishments. Research experience in church law]. St. Petersburg: A Transhel.
29. Klyuchevskiy, V.O. (1918f) *Otzyvy i otvety* [The Reviews and Responses]. Petrograd: Commissariat of Public Education. pp. 263–273.
30. Smirnov, S.K. (1879) *Istoriya Moskovskoy dukhovnoy akademii do ee preobrazovaniya (1814–1870)* [The history of the Moscow Theological academy before its transformation (1814–1870)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
31. Klyuchevskiy, V.O. (1879) *Istoriya Moskovskoy dukhovnoy akademii do ee preobrazovaniya (1814–1870)*. S. Smirnova [The History of the Moscow Theological Academy Before Its Transformation (1814–1870) by S. Smirnov]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 1-4. pp. 802–825.
32. Khudoleev, A.N. (2020) The estimates of the historical concept and personality of V.O. Klyuchevsky in pre-revolutionary Russian historical journals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 139–142. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/19
33. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1880) *Novye issledovaniya o Boyarskoy dume* [The new research on the Boyar Duma]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. 8. pp. 104–124.
34. Klyuchevskiy, V.O. (1881) *Ob"yasnenie po povodu odnoy retsenzii* [The explanation about one review]. *Russkaya mysl'*. 2. pp. 106–113.
35. Klyuchevskiy, V.O. (1890) *Otzyv professora Vasiliya Osipovicha Klyuchevskogo ob issledovanii g. Platonova “Drevnerusskie skazaniya i povesti o smutnom vremeni XVII veka, kak istoricheskiy istochnik”* [The review of Professor Vasily Osipovich Klyuchevskiy on the research of Mister Platonov “Old Russian legends and stories about the time of Troubles of the 17th century as a historical source”]. In: *Otchet o tridsat' pervom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [Count Uvarov's report on the thirty first awarding]. St. Petersburg: [s.n.] pp. 53–66.
36. Klyuchevskiy, V.O. (1892) *Razbor issledovaniya g. Chechulina “Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke”, sostavlennyy professorom V.O. Klyuchevskim* [The analysis of the research of Mister Chechulin “The cities of the Moscow state in the 16th century” by Professor V.O. Klyuchevskiy]. In: *Otchet o tridsat' tret'em prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [Count Uvarov's report on the thirty third awarding]. St. Petersburg: [s.n.] pp. 276–315.
37. Klyuchevskiy, V.O. (1904) *N.A. Rozhkov “Sel'skoe khozyaystvo Moskovskoy Rusi v XVI veke”. Retenziya* [N.A. Rozhkov “Agriculture of Moscow Russia in the 16th century”. Review]. In: *Otchet o sorok chetvertom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [Count Uvarov's report on the forty fourth awarding]. St. Petersburg: [s.n.] pp. 19–37.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 94 (571)

DOI: 10.17223/19988613/74/20

А.К. Идиатуллов, С.О. Бураков

ПУТЕШЕСТВИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: ВЗГЛЯД ЭТНОЛОГА

Исследование выполнено в рамках проекта «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания»; грант Президента РФ, код МД-2585.2021.2 (2021–2022).

Проанализирована специфика путешествий интеллектуала в рамках этнологического подхода. В основу статьи легли данные интервью, публикации, посвященные путешествию и познавательному туризму. Авторы считают, что путешествие интеллектуала можно охарактеризовать как многослойное, многоуровневое образование, в котором соседствуют прошлые и будущие путешествия, профессиональные интересы и детские мечты, статика и мобильность, процессы познания и исследования и знание как нечто завершенное, широкий кругозор и индивидуальные пристрастия.

Ключевые слова: антропология путешествий, интеллектуалы, хронотоп, переходные состояния.

Антропология путешествий является относительно молодой, но весьма перспективной областью современного гуманитарного и исторического знания. Исследование путешествий с познавательными и схожими интересами с позиций культурологии и антропологии получило широкое освещение в отечественной литературе. Чаще всего явления подобного порядка анализируются в рамках понятий культурного пространства или культурного ландшафта [1], конструктов «свой–чужой», «нормальный–маргинальный» [2]. Интересен подход, рассматривающий путешествие как серию виртуальных образов, сконструированных с помощью различных медиасредств, в первую очередь фотоаппарата [3]. Еще более многочисленны публикации, выполненные с утилитарной точки зрения. В них интеллектуальное путешествие мыслится разновидностью познавательно-обучающего [4], религиозного [5] и даже гастрономического [6] туризма или потенциалом, заложенным в пределе при подготовке к любому самостоятельному путешествию [7]. Влияние природного фактора на характер и специфику путешествия изучено тверскими учеными Е.Г. Милюгиным и М.В. Строгановым [8]. Например, ими выявлены эстетические и технические отличия путешествий по воде и по суше. Отдельно отметим публикации А.В. Головнева, в которых приведен этнолого-исторический взгляд исследователя на проблему [9, 10]. В частности, им подмечено изменение отношения к мобильности в обществе, чему в немалой степени способствовал бум туризма. Наше исследование выполнено в большей степени в рамках этнологического подхода, основу которого составляет герменевтическое восприятие путешествия как состояния движения, особенно в его критических эпизодах (мотив, решение, действие) [9. С. 125], что нашло свое отражение в опроснике (см. приложение).

Путешествие интеллектуала выбрано в качестве предмета нашего исследования неслучайно. Думается, что путешествие такого человека представляет собой в известном смысле пограничье между массовым познавательно-образовательным туризмом и целенаправленной научно-исследовательской экспедицией. В частности, мы предполагаем, что такое пограничье роднит мобильность интеллектуала с обрядами инициации, которые можно описать как путешествие в иной мир [11. С. 116], с присущими этому путешествию глубинными переживаниями. Действительно, обладая достаточно широким кругозором и владея рядом понятий и категорий гуманитарной науки, позволяющим им проводить широкий спектр наблюдений, приближающихся по целому ряду признаков к научным, интеллектуалы тем не менее не отягощены рамками прямого социального заказа, что делает их восприятие более свободным, эмоциональным и потому субъективным. Своеобразие взгляда интеллектуала, нередко служителя науки, но без специальной научной цели, весьма показательно именно в контексте путешествия, которое само по себе близко к исследовательскому методу. Налицо очевидная диалектика знания и эмоции, исследования и созерцания, общеизвестного и личного. То, как решаются интеллектуалом подобные противопоставления, также представляет собой интерес для этнолога, занимающегося исследованием контакта культур, трансформаций, инициаций и прочих пограничных состояний. Понятно, что понятие «интеллектуал» весьма условно. Да и само оно не всегда коррелирует с понятием интеллектуального (познавательно-образовательного) путешествия. Однако, не вдаваясь в глубокий анализ, в качестве критериев интеллектуала для данной статьи принимаем: наличие высшего образования; профессию умственного труда (учитель, врач, юрист, психолог, писатель);

устойчивость познавательного характера путешествий. Особенно важен для нас третий критерий, который предполагает постоянную активность интеллекта в процессе путешествия.

Итак, наше исследование направлено на анализ специфики путешествия интеллектуала с позиций этнологии. Эмпирической базой исследования послужило глубинное интервью четырех путешественников. Отбор респондентов проводился согласно вышеобозначенным критериям с помощью метода «снежный ком».

Показательно, что интервьюируемые ясно осознают размытость понятия «путешествие». Им присуще стремление разграничить путешествия, совершенные в детстве и в более позднем возрасте, а с другой стороны – найти нечто общее, что роднит все мобильности жизни. На этом крае рассуждений респондентов рождаются глобальные философские обобщения, которые превращают всякое путешествие в определенную миссию, сопоставимую с Бытием как таковым. Из интервью: «Тут важно ввести понятие “путешествие”. Я родился и вырос на севере нашей страны, где в советское время было заведено каждый год летом выезжать в более южные районы нашей страны. Детей рекомендовали вывозить обязательно, желательно на Черное море. Деньги там у всех были. Поэтому, сколько себя помню, я с родителями летом ездил по европейской части СССР. Больше всего были на Черноморском побережье Кавказа (в Адлере), в Пензе и Пензенской области, в Ленинградской области. Несмотря на то, что для жителей Ульяновской области 60-я широта кажется безусловным севером, для жителя Мурманской области Ленинград – это самый что ни на есть юг. *Так что стаж [путешествий] вся жизнь*» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский)..

Детальный анализ путешествий, их классификация, систематизация и периодизация – характерная особенность интеллектуала. Путешествие выступает для него как одна из форм идентификации, соотнесение себя с историческими этапами в жизни страны, своим взрослением, уровнем познавательной активности, гражданской позицией, инстинктом самосохранения и самыми глубокими личными переживаниями. Из интервью: «Значительный перерыв был в 90-е годы в связи с явным безденежьем и неразвитостью в те годы туристической отрасли. Второй этап путешествий, уже самостоятельный и по заграницам, начался в 2000 г. Настоящие заграницы (т.е. не Абхазия и не Украина) с 2005 г. Стран, как видно, 38 (Украина, Абхазия, Египет, Испания, Перу, Боливия, Индия, Таиланд, Камбоджа, Куба, Узбекистан, Марокко, Белоруссия, Азербайджан, Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, Турция, Китай (Гонконг, Макао) Филиппины, Молдавия, ПМР, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Армения, Нагорный Карабах / Арцах, Кипр, ТРСК, Малайзия, Индонезия, Грузия, Казахстан, Катар, ЮАР, Свазиленд, Намибия, Ботсвана, Зимбабве, Республика Корея), континентов 4, океаны все, моря не считал (Черное, Красное, Белое, Желтое, Азовское, Средиземное, Адриатическое, Карибское, Южно-Китайское, Андаманское, Баренцево, Балтийское), сколько городов, даже не представляю: *можно ведь в городе жить какое-то*

время, хорошо его знать, ориентироваться (Москва, Петербург, Пенза, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Казань, Волгоград, Астрахань, Мурманск, Кисловодск, Ялта, Алма-Ата, Баку, Ереван, Стамбул, Пафос Гонконг и др.), *можно пробыть день, два, осмотреть достопримечательности* (Рязань, Чебоксары, Тверь, Оренбург, Ташкент, Самарканд, Тбилиси, Батуми, Белград, Анкара, Никосия, Дели, Бангкок, Манила, Сеул, Куала-Лумпур, Гавана, Буэнос-Айрес, Монтевидео, Сантьяго), *можно проехать на машине и вылезти только в центре* (Уфа, Иваново, Владикавказ, Запорожье, Матхура, Претория, Йоханнесбург, Дурбан, Лимасол, Александрия), *можно вообще просто проехать на поезде или машине, не вылезая из них* (Булавайо), *можно приехать ночью, переночевать, толком ничего не увидав* (Вологда, Воронеж, Элиста, Медан, Чеджу, Ист-Лондон). Какие-то регионы и страны посещаются просто для коллекции, какие-то проездом, но в основном сознательный выбор: или детская мечта, или наличие знаменитых достопримечательностей, либо географический интерес. Бывает и простое любопытство. Интересно было бы посетить все, но это невозможно, поэтому предпочтение отдается интересным, с моей точки, зрения пунктам. А уж интерес – это как любовь, необъясним. *Не хочу посещать страны, враждебно настроенные к моей стране* (Прибалтика, Польша, Украина и т.п.), откровенно неинтересные (гипотетически), *потенциально опасные* (Сомали, ДР Конго, Афганистан, Гондурас, Сальвадор)». (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский).

Такая точность при определении уровня погружения в «чужое» пространство проявляется и при ответе на вопрос о частоте путешествий: «Стараюсь путешествовать несколько раз в год (*короткие путешествия* или командировки не в счет)» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский).

Таким образом, путешествие интеллектуала можно охарактеризовать как многослойное, многоуровневое образование, в котором соседствуют прошлые и будущие путешествия, профессиональные интересы и детские мечты, статика и мобильность, процессы познания и исследования и знание как нечто завершенное, широкий кругозор и индивидуальные пристрастия.

Комплексный характер путешествий интеллектуала обнаруживает себя уже на уровне мотива. Он тоже претерпевает изменения во времени и демонстрирует известную мобильность: интерес сменяется желанием выбраться из привычного окружения, растряссти себя. Из интервью: «Мотив *вырваться* из обыденности, *растряссти* себя, *зарядиться* впечатлениями, *познакомиться* и *узнать* новых людей. Любая страна – это *отрыв* от существующей вокруг тебя и зачастую привнесшей действительности. *Мотивы* менялись. Сначала был в основном интерес, а не смена местопребывания» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский).

Стремление изменить привычное положение дел, испытать впечатления, отличные от повседневных, роднит всех респондентов: «Основные мотивы – получить впечатления, которые отличались бы от *обычных, рабочих впечатлений*. Поэтому зимой хочется по-

греться на пляже, из своего города уехать в другой, из условий постоянного общения туда, где меня *никто не знает*» (жен., 43 года, высшее образование, медицинский психолог, русская). Два раза в качестве мотива прозвучал отдых: «Основные мотивы – интерес к познанию мира, отдых» (муж., 23 года, высшее образование, юрист, русский). Однако он всегда носит активный характер, связан со знакомством с природой, историей и культурой региона, наблюдением за бытом и обычаями народов, проживающих в странах, куда совершается путешествие. Иногда, впрочем, путешественник-интеллектуал не ставит перед собой задачи вырваться из плена приевшейся действительности, она также вовлекается в путешествие, пусть и неосознанно, например присутствием коллег во время путешествия или в качестве инициаторов такового: «Часть путешествий связана с *научными командировками на конференции*. Инициатива [путешествия] исходит либо от себя, либо от *коллег*. Если путешествую в одиночестве, то присоединяюсь к организованной группе, если нет, то с *коллегами*» (жен., 49 лет, кандидат наук, преподаватель, чувашка).

Интересно также и то, что какими бы профессионалами в области мобильности ни являлись респонденты, им тем не менее присуща некоторая (разнящаяся от случая к случаю) сакрализация путешествия. Весьма показательно, что на фоне развития невероятными темпами индустрии туризма, которая свела к минимуму большинство физических трудностей в процессе перемещения в пространстве, респонденты невольно (хотя бы вскользь) сигнализируют: путешествие – это зыбкий хронотоп, иной мир, маргинальная территория, в которой может случиться всякое, а потому неплохо бы заручиться поддержкой высших сил или мира знакомого (традиционных обрядов, семьи). Например, при ответе на вопрос о подготовке к путешествию респондент отметил: «Подготовка? Посылка *Богом* попутчика...» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский), – или еще более очевидное при ответе на вопрос об обрядах перед дорогой: «Стараюсь до путешествия особо про него *не распространяться*, иногда *посижу на дорожку*. Всё» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский).

Там, где прямая сакрализация отсутствует, фигурирует попытка сделать «чужое» пространство иной страны чуть более понятным, близким за счет семейного характера путешествия или присутствия рядом знакомого или любимого человека. Из интервью: «Так что идеальное путешествие – это путешествие с веселым, сговорчивым и *любимым человеком*» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский). «Нравится ездить *своей семьей с мужем и сыном*. Повторно ездила в те места, которые понравились, когда там была в другой компании, и которые хотела показать *близким людям*» (жен., 43 года, высшее образование, медицинский психолог, русская). Показательно, что у того же респондента присутствует особый пиетет к личным фотографиям, воспоминаниям о путешествии, которое, по всей видимости, представляется ему особым, личным хронотопом, а посему тщательно оберегается. В таком случае путешествие становится

частью самого человека, своеобразным оберегом, охраняющим семейное тепло и уют, но требующим к себе бережного отношения: «Селфи делать не умею и делаю их редко, профессиональных фотографов тоже не нанимаю: *мои путешествия нужны именно мне*, а не для похвальбы перед другими. *Изредка выкладываю фотографии* на своей странице в соц. сети с очень короткими подписями, в *узком кругу друзей* делюсь более *личными впечатлениями*, эмоциями от того, что удивило» (жен., 43 года, высшее образование, медицинский психолог, русская). Кроме того, в качестве способа превратить чужое пространство в более близкое и понятное упомянута попытка упорядочивания путешествия. Например, идеальным названо «четко спланированное» путешествие (жен., 49 лет, кандидат наук, преподаватель, чувашка). Такой план чем-то напоминает десакрализованную охранительную магию, попытку запланировать (заворожить) очевидно неконтролируемые процессы. Воистину, всякое путешествие – зеркало того, кто его совершает.

Материалы интервью наводят на мысль о сходстве путешествия интеллектуала и путешествия шамана в иные миры, или шаманской болезни. Например, в качестве завершающего ритуала путешествия фигурирует покорение высочайшей точки страны, что сродни движению шамана по мировому древу или мировой горе вверх и вниз по разноуровневым мирам: «Стараюсь покорить *высочайшую вершину* страны, региона посещения» (муж., 23 года, высшее образование, юрист, русский). Интересно, что, объясняя разницу между путешествиями по России и зарубежью, тот же респондент использует понятие миров: «Различаются, как два *“разных” мира*» (муж., 23 года, высшее образование, юрист, русский).

В ответах респондентов о влиянии путешествия на дальнейшую жизнь также присутствует слово «болезнь», употребление которого близко по смыслу к тому ощущению инаковости, которое испытывает человек в переходных состояниях (инициация), или шаман, входящий в необходимый для общения с духами транс: «Каждое путешествие – это *маленькая жизнь*, как и лето. После путешествия буквально *заболеваю* той страной, которая мне понравилась. Могу читать про нее литературу, слушать ее музыку, смотреть фильмы, готовить еду. Обычно через какое-то время *это пропадает*» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский).

Уместно напомнить, что сами шаманы или наследники шаманского культа зачастую обладали сразу множеством талантов: были и певцами, и музыкантами, и сказителями, и лекарями [12. С. 340; 13. С. 6]. В известном смысле путешествующих интеллектуалов и шаманов роднит синтетичность их дарований. Действительно, респонденты продемонстрировали не только познавательный интерес, но и желание поделиться своими «открытиями» в иных мирах с ближайшим окружением. Путешествие, как уже было отмечено выше, не заканчивается возвращением домой, оно продолжается в болезненной попытке продлить пребывание в понравившейся стране (национальная кухня, фильмы, книги), путешественник превращается в рассказчика, сказителя, стремясь донести свои переживания и знания

до друзей, коллег и общества родного города в целом. Из интервью: «Делюсь. Лекция, доклад, клуб путешественников, дружеская беседа. Регулярно. Посвящены чаще всего всему комплексу ощущений и увиденного в путешествии. Хотя, когда времени мало или неохота, то только интересному событию» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский). «Да [делюсь впечатлениями], лекции, презентации, выкладываю фото в соц. сетях. Не всегда регулярно. Рассказываю обо всем, что понравилось. Использую [знания, полученные в путешествии] профессионально в преподавании географии» (жен., 49 лет, кандидат наук, преподаватель, чувашка).

Иногда, когда фрагменты иного мира путешественник привозит с собой, он становится коллекционером: «Привожу обязательно магнитики на холодильник практически из каждого увиденного города, флаг, герб, контуры страны. На магнитики денег не жалею. Открытки, значки, монетки, канцелярские товары, карты, буклеты. Бывает, привожу и аутентичные недорогие и маленькие сувениры. Покупаю местную одежду и обувь, если понравилось (но не модную и брендовую, так называемый шоппинг). Иногда местные спиртные напитки. Бывают кактусы, диковинные растения, семена. Но в целом стараюсь не заниматься накоплением большого багажа» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский). «Привожу магниты, открытки, коллекционирую монеты и купюры разных стран мира» (муж., 23 года, высшее образование, юрист, русский). «Магниты, карты географические всех городов, где была. Какие-то брендовые вещи и продукты (сыр из Швейцарии, Лимончелло из Неаполя и т.п.)» (жен., 49 лет, кандидат наук, преподаватель, чувашка).

Наконец, фрагментами «инога» мира могут выступать фотографии, ставшие необходимым атрибутом современных путешественников. Интеллектуалы в этом смысле, конечно, не являются исключением. Однако в нашем исследовании выявлена тенденция вдумчивого отношения респондентов в данному виду конструирования путешествия, в чем-то даже ретроградное. В частности, интервьюируемые несколько прохладно относятся к селфи-фотографии: «Селфи очень редко, когда надо сфотографироваться на фоне (когда вдвоем, то и вовсе нет нужды), профессиональных фотографов избегаю» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский). «Отношение к селфи нейтральное. Иногда делаю селфи» (муж., 23 года, высшее образование, юрист, русский). При этом часть респондентов после путешествия проводит повторный отбор фотографий: «Фотографии просто необходимо просмотреть после путешествия, удалить вторичные и неудавшиеся. В социальных сетях публикую, но дома не развешиваю» (муж., 51 год, высшее образование, препода-

ватель, русский). В крайнем варианте «бесконечное» путешествие формально оканчивается возвращением путешественника в понравившуюся страну. В таком случае он нередко превращается в проводника.

В заключение отметим, что респонденты часто отмечали в качестве необходимых в путешествии элементов риск, приключение, испытание. Чужое пространство должно показать свою инаковость реальными обстоятельствами, должно стать живым осознанным опытом (экспериментом!). Ему предъявляется требование перестать быть одной лишь теоретической конструкцией и доказать свое бытие реальным воплощением. Из интервью: «Наверное, самое яркое от того, что хотел увидеть! Но бывает и *от приключений*. Когда *что-то случилось*. Что-то потерялось, не можешь найти что-либо, что-то съел не то. Сложнее всего там, где не как у нас. Индия здесь лидирует. Однако я не назвал бы эти сложности отрицательными. Вообще больше всего сложностей от грязи и неустроенности. А “положительные” впечатления от стран, где все ближе к Европе, привычно и удобно. Но и рассказать потом нечего» (муж., 51 год, высшее образование, преподаватель, русский). «Самое яркое впечатление от того, к чему не была готова: красота постройки, неожиданный концерт, природное явление» (жен., 43 года, высшее образование, медицинский психолог, русская).

Подводя итог проведенному этнологическому исследованию, сформулируем несколько выводов:

1. Путешествие интеллектуала, если оно свободно от какой-либо научной или общественной нагрузки, отличает диалектика чувства и знания, создающая причудливую смесь познавательного туризма и глубоких научных, а порой и философских обобщений.

2. Путешествие интеллектуала выступает для него как одна из форм самоидентификации, обретение им самого себя.

3. Переживания и действия интеллектуалов до и после путешествия нередко напоминают переходные и пограничные состояния, сходные с инициацией, шаманской болезнью, магией.

4. Путешествующего интеллектуала и шамана роднит синтетичность их способностей и ролей. Например, респонденты выступают в процессе путешествия, временные и пространственные границы которого условны, как проводники, рассказчики, кулинары, коллекционеры и фотографы.

5. Для интеллектуала характерно противоречивое отношение к «чужому» пространству путешествия. С одной стороны, он предъявляет ему требование в риске, непредсказуемости, неожиданности, с другой – пытается максимально упорядочить сам ход путешествия, сделать его близким к той реальности, которая окружает его в повседневной жизни.

Приложение

Анкета

1. Расскажите о себе (пол, возраст, уровень образования, профессия, сфера деятельности, область интересов, этническая принадлежность, религиозная принадлежность).

2. Как давно Вы путешествуете? Назовите общий «стаж» Ваших путешествий. В какие регионы России, бывшего СССР и зарубежных стран Вы совершили путешествия? Сколько стран, континентов, океанов, морей, городов Вы посетили? Чем был обусловлен выбор именно этих стран и регионов? Какие страны и регионы Вы хотели бы (не хотели) посетить в будущем?

3. Как часто Вы путешествуете (несколько раз в год, раз в год, раз в несколько лет, очень редко)? Можно ли назвать Вас профессиональным путешественником? От кого исходила инициатива того или иного путешествия? Какой тип путешествия был самым распространенным: дикарем или организованный, активный или пассивный? К какому из этих типов путешествия тяготеете именно Вы? Как Вы путешествуете: в одиночестве, в паре, группой?

4. Как Вы относитесь к «домоседам»?

5. Какие типы путешественников Вам встречались чаще всего (любители развлечений, приключений, природы, исторических достопримечательностей и т. д.)? К какому типу относитесь Вы?

6. Опишите Ваше идеальное путешествие. Без чего оно не может обойтись? Кто такой «идеальный путешественник»? Какими качествами он обладает? Встречались ли Вы с «идеальными путешественниками»?

7. Знакомы ли Вы с группами, людьми, коллективами, занимающимися путешествиями профессионально и регулярно? Состоите ли Вы в этих группах? В какой форме поддерживаете с ними контакт?

8. Назовите основной мотив Ваших путешествий. Менялись ли мотивы и обстоятельства Ваших путешествий в течение жизни? Если да, то как?

9. Как долго Вы готовитесь к путешествиям? Что включает такая подготовка?

10. Проводите ли Вы непосредственно перед путешествием какие-либо обряды или ритуалы? Опишите эти действия.

11. Различаются ли, на Ваш взгляд, путешествия по России и путешествия по зарубежью между собой (по мотивам, по впечатлениям, по полученным сведениям)?

12. С какими трудностями Вы сталкиваетесь в путешествиях чаще всего?

13. С какими обстоятельствами связано самое яркое воспоминание о Вашем путешествии (путешествиях)?

14. Культура какой страны или региона вызвала наибольшие сложности в процессе знакомства с ней (в ходе путешествия)? Почему? И наоборот, какие культуры вызвали положительные впечатления?

15. Делитесь ли Вы впечатлениями о своих путешествиях с кем-либо? В какой форме (блог, научная статья, лекция, дружеская беседа)? Насколько регулярно? Чему посвящены эти впечатления, тексты (этнография, история, природа, архитектура)?

16. Происходили ли Вашей жизни какие-либо изменения после (в процессе) путешествий? Используете ли Вы знания, полученные в путешествии, в своей повседневной или профессиональной жизни? Если да, то как?

17. Завершаете ли Вы каким-либо обрядом, ритуалом свои путешествия? Если да, то каким?

18. Ваше отношение к селфи? Какое место занимают селфи в Вашем путешествии? Прибегаете ли в процессе путешествия к услугам профессиональных фотографов?

19. Какую часть в Ваших путешествиях занимает знакомство (наблюдение) с (за) традицией и культурой народов страны, региона, континента?

20. Был ли в Вашей жизни опыт повторного путешествия в одно и то же место? Чем он был вызван?

21. Опишите Ваши традиционные занятия в пути, в дороге во время путешествия.

22. Привозите ли Вы какие-либо предметы, сувениры из своих путешествий? Собираете ли Вы коллекцию? Расскажите об этом подробнее.

23. Производите ли Вы отбор фотографий после путешествия? Какими принципами при этом руководствуетесь? Являются ли эти фотографии предметами интерьера Вашей квартиры, дома, публикуете ли Вы их в социальных сетях?

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанова Н.В. Путешествие как способ измерения культурного пространства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7 (58). С. 65–71.
2. Суковатая В.А. Путешествие. Культурно-антропологический хронотоп Другого // Человек. 2010. № 2. С. 48–64.
3. Лишаев С.Л. Культура тура (к анализу фотоконструкции путешествия) // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2009. № 2 (6). С. 11–23.
4. Кутепова Г.Н. Хобби-туризм как вид специального туризма // Научный вестник МГИИТ. 2010. № 6. С. 22–27.
5. Житенев С.Ю. Религиозный туризм и паломничество в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Журнал института наследия. 2016. № 1 (4). С. 1–11.
6. Драчева Е.Л., Христов Т.Т. Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2, № 3. С. 36–50.
7. Зырянов А.И., Зырянова И.С. Технология планирования самостоятельного путешествия // Географический вестник. 2013. № 2 (25) С. 99–103.
8. Миллогина Е.Г., Строганов М.В. Путешествие и его природная обусловленность // Русский травелог XVIII–XX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2015. С. 128–141.
9. Головнёв А.В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 121–126.
10. Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (50). С. 1–18.
11. Лисина Е.А. К вопросу о механизмах перехода: социально-философский аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 115–120.
12. Идиатуллов А.К. «Исламизированное» шаманство карачаевцев (анализ интервью карачаевской интеллигенции) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1. С. 337–345.
13. Корнеев А.В. Религии мира. Шаманизм. М. : Мир книги, 2006. 192 с.

Azat K. *Idiatullov*, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Sergey O. *Burakov*, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bosq@rambler.ru

THE JOURNEY OF THE INTELLECTUAL: AN ETHNOLOGIST'S VIEW

Keywords: travel anthropology, intellectuals, chronotope, transitional states.

The purpose of the article is to analyze the specifics of travel of an intellectual from the standpoint of ethnology. The empirical base of the study was the in-depth interview of four travelers. The selection of respondents was carried out using the snowball method. The journey of the intellectual is chosen as the subject of our research by chance. The journey of the intellectual is a border between mass educational tourism and a targeted research expedition. The following are accepted as intellectual's criteria for this article: 1) the presence of higher education; 2) the profession of knowledge work (teacher, doctor, lawyer, psychologist, writer); 3) the stability of the

educational nature of travel. The authors believe that the journey of an intellectual can be described as a multi-layered, multi-level, which combines past and future travel, professional interests and children's dreams, statics and mobility, broad horizons and individual preferences. The complex nature of the journey of the intellectual reveals itself at the level of the motive. It also undergoes a change in time and demonstrates a certain mobility: interest is replaced by the desire to get out of the usual environment, shake yourself. Sometimes the intellectual traveler does not set himself the task of escaping from the captivity of bored reality, it is also involved in the journey, albeit unconsciously, for example by the presence of colleagues during the journey. Summing up the ethnological research conducted, we formulate several conclusions. First, the journey of an intellectual, if it is free from any scientific or social burden, is distinguished by the dialectic of feeling and knowledge, creating a bizarre mixture of educational tourism and deep scientific, and sometimes philosophical generalizations. Secondly, the journey of an intellectual appears to him as one of the forms of self-identification, finding himself. Thirdly, the experiences and actions of intellectuals before and after the journey often resemble transitional and borderline states, similar to initiation, shamanic disease and magic. The traveling intellectual and the shaman have in common the synthetic character of their abilities and roles. For example, respondents appear in the process of travel, the temporal and spatial boundaries of which are conditional, as guides, storytellers, cooks, collectors and photographers. Finally, the intellectual is characterized by a contradictory attitude towards the "alien" space of travel. On the one hand, he makes a demand in risk, unpredictability, surprise, on the other - trying to streamline the journey itself as much as possible, to make it close to the reality that surrounds it in everyday life.

REFERENCES

1. Cherepanova, N.V. (2006) Puteshestvie kak sposob izmereniya kul'turnogo prostranstva [Travel as a way of measuring cultural space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(58). pp. 65–71.
2. Sukovataya, V.A. (2010) Travel: Cultural and anthropological chronotope of Another. *Chelovek – The Human Being*. 2. pp. 48–64. (In Russian).
3. Lishaev, S.L. (2009) Tourism culture (an analysis of the photographic construction of the tour). *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii*. 2(6). pp. 11–23. (In Russian).
4. Kutepova, G.N. (2010) Hobby-tourism as a type of special tourism. *Nauchnyy vestnik MGIT – Scientific Bulletin MSIT*. 6. pp. 22–27. (In Russian).
5. Zhitenev, S.Yu. (2016) Religious tourism and pilgrimage in the Russian Federation: current state and prospects of development. *Zhurnal instituta naslediya – The Heritage Institute Journal*. 1(4). pp. 1–11. (In Russian).
6. Dracheva, E.L. & Khristov, T.T. (2015) Gastronomicheskiy turizm: sovremennyye tendentsii i perspektivy [Gastronomic tourism: current trends and prospects]. *Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee*. 2(3). pp. 36–50.
7. Zyryanov, A.I. & Zyryanova, I.S. (2013) Tekhnologiya planirovaniya samostoyatel'nogo puteshestviya [Self-travel planning technology]. *Geograficheskiy vestnik – Geographic Bulletin*. 2(25) pp. 99–103.
8. Milyugina, E.G. & Stroganov, M.V. (2015) Puteshestvie i ego prirodnyaya obuslovlennost' [Travel and its natural conditioning]. In: Pecherskaya, T. I. (ed.) *Russkiy travelog XVIII–XX vv.* [Russian travelogue of the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 128–141.
9. Golovnev, A.V. (2014) Migration, travel and neo-nomadism. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 4(45). pp. 121–126. (In Russian).
10. Golovnev, A.V. (2016) Anthropology of travel: from imago mundi to selfie. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 2(50). pp. 1–18. (In Russian).
11. Lisina, E.A. (2011) K voprosu o mekhanizmax perekhoda: sotsial'no-filosofskiy aspekt [On the mechanisms of transition: the socio-philosophical aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik OSU*. 7(126). pp. 115–120.
12. Idiatullov, A.K. (2014) Karachai 'Islamized' Shamanism (Interview Analysis of Karachai Intelligentsia). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 1. pp. 337–345. (In Russian).
13. Korneev, A.V. (2006) *Religii mira. Shamanizm* [Religions of the World. Shamanism]. Moscow: Mir knigi.

УДК 070

DOI: 10.17223/19988613/74/21

О.В. Цветкова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Рассматриваются категория «региональная идентичность» и ее интерпретация в российских и зарубежных источниках. Особое внимание уделено количественным и качественным характеристикам индивида, осознающего свою принадлежность к определенной территории и формирующего в своем сознании образ «малой родины». По мнению автора, региональная идентичность неразрывно связана с этничностью и субнациональными границами, выступает основным фактором формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности.

Ключевые слова: региональная идентичность, этническая идентичность, территориальная автономия, субнациональные границы.

Понятие «идентичность» трактуется в современной науке и практике достаточно широко. Под этим понятием подразумеваются система культурных отношений, совокупность количественных и качественных характеристик индивида, осознающего свою принадлежность к определенной территории и территориальной общности.

Региональная идентичность – это набор ценностных характеристик индивида, который отождествляет себя с региональным пространством, историческими, политическими, экономическими, культурными особенностями региона – «малой родины».

Современные российские исследователи по-разному интерпретируют региональную идентичность. При этом во взглядах, концепциях и теориях можно проследить общую закономерность: региональная и локальная идентификация выступает стабилизирующим фактором формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности.

Проблематика региональной идентичности в российском научном сообществе легла в основу работ В.А. Ачкасова [1], Н.Ю. Замятиной [2], А.С. Макарычева [3], Р.Ф. Туровского [4].

Тенденция формирования региональной идентичности связана с развитием регионального пространства. Региональные пространства формируют поведение индивида, идентичность, сознание и коммуникационные стратегии, в то же время выступают социально конструируемыми феноменами [3. С. 140]. Региональная идентичность объединяет интересы, чувства и настроения социальных групп вне зависимости от социального и этнического состава.

Исследователи политической регионалистики придерживаются позиции, что региональная идентичность напрямую влияет на развитие субнационального пространства: самооценку индивида реализации своей деятельности, уважение и любовь к «малой родине» [4. С. 141].

Теории и методы изучения личностного уровня межнациональных отношений и структуры этнической идентичности, проблема государственно-гражданской

идентичности и факторов поддержания межэтнического согласия в политическом пространстве Российской Федерации раскрыты в исследованиях Л.М. Дробизевой [5].

Актуальные вопросы национальной идентичности и управления в условиях многонациональности, а также проблему конфликтов на почве межэтнических отношений, методы их предотвращения и разрешения исследуют В.Ю. Зорин [6], С.П. Перегудов [7], К.Г. Холодковский [8].

Западные исследователи по-разному интерпретируют региональную идентичность. Феномен идентичности как фактор разграничения пространства исследовался в работах А. Пааси [9, 10], Д. Ньюмана [11], И. Нойманна [12], П. Тэйлора [13], Т. Лундена [14], Э. Хобсбаума [15], Ю. Кокка [16].

Историк Юрген Кокка, создатель школы социальной истории в Германии, признанный специалист в области компаративной истории Европы, рассматривает идентичность как «фактически социальную группу, связанную общими социальными характеристиками, отношениями, ориентацией и сходством, которые известны людям и по большей части следуют из общей истории» [16. С. 15]. Ученый утверждает, что у каждой личности имеется несколько видов идентичностей – гражданская, региональная и этническая. Гражданская идентичность выступает важнейшим фактором в становлении управленческих институтов общества (общины, государства или сообщества государств). Региональная идентичность формируется в сознании индивида под воздействием территориального ареала проживания, традиций и культуры данной местности.

Юрген Кокка методом компаративного анализа показал особенности формирования региональной идентичности на примере становления европейской и американской идентичности. Он высказал тезис о том, что региональная идентичность выступает основополагающим фактором формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности.

Исследователь отметил, европейским сообществам намного больше, чем американским, предстоит сделать на пути к ее единству, учитывая институционализиро-

ванное разнообразие наций и традиций. Кроме того, в отличие от американской, европейская идентичность формируется опытом ранее существовавших катастроф. Европейская попытка объединения – это попытка извлечь исторические уроки.

Основой построения региональной идентичности выступают этничность и территория с ее субнациональными (внутренними) границами. Субнациональная граница определяет, в частности, предел территории субъекта Российской Федерации. Образование субнациональных границ зависит от особенностей социально-территориальной общности, ее идентификации с определенным территориальным ареалом.

Далее можно говорить о факторах, способствующих процессу усиления или ослабления региональной идентичности в пределах субнационального пространства современной России.

Исторический фактор. История формирования субнациональных границ делится на три основных периода: имперский, советский и современный.

Имперский период (XVIII – начало XX в.) разделен на два отрезка в становлении губернских границ: фаза имперского становления и расширения внешних рубежей (XVIII в.), которая характеризуется нестабильными субнациональными (губернскими) границами; фаза имперской стабильности (XIX – начало XX в.), отличающаяся устойчивыми субнациональными (губернскими) границами.

В течение XVIII и XIX вв. прослеживается колебательный процесс, который представлен волнами укрупнения и разукрупнения, но большинство субнациональных (губернских) границ имеет историческую устойчивость, и субнациональные границы многих областей существуют более двухсот лет.

Советский период характеризуется стабильными внешними политическими границами, но неустойчивыми внутренними субнациональными границами. В целом отметим кратковременность существования субнациональных границ областей в период становления советского государства, который заметно отличался от дореволюционного периода субнациональных (губернских) границ.

Выделим группу субъектов РФ со старыми и новыми субнациональными границами. Политическое пространство России включает 85 субъектов, у 50 субъектов одна из границ совпадает с государственной границей. К территориям с новыми субнациональными границами относятся субъекты РФ, которые приобрели статус приграничных после распада СССР и присоединения Крыма и Севастополя.

Территории с новыми субнациональными границами представляют: республики – Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Калмыкия; области – Астраханская, Псковская, Саратовская, Брянская, Курская, Белгородская, Смоленская, Самарская, Воронежская, Ростовская, Волгоградская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская; края – Алтайский, Краснодарский.

К субъектам со старыми субнациональными границами относятся административно-территориальные еди-

ницы, имевшие государственную границу с другими странами до распада СССР. К данной группе относятся: республики – Бурятия, Тыва, Карелия; области – Амурская, Архангельская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская; края – Хабаровский, Приморский, Красноярский, Камчатский, Забайкальский; автономные округа – Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский; Еврейская автономная область.

Отдельное внимание уделим субъектам РФ с новыми государственными границами: Республика Алтай и Псковская область – единственные субъекты РФ, которые имеют границы с тремя зарубежными государствами: Псковская область граничит на западе с Белоруссией, Эстонией, Латвией, Республика Алтай граничит на юго-западе с Казахстаном, на юге с Китаем и Монголией. Алтайский край и Ленинградская область имели границу с зарубежными странами при существовании СССР и получили новые границы со странами бывшего СССР.

Калининградская область имеет государственные границы с Республикой Польша и Литовской Республикой и также относится к приграничному субъекту, имеющему старые и новые границы. Калининградская область из-за географической особенности (эксклав Российской Федерации) не имеет субнациональных границ.

К субъектам РФ с наибольшим количеством субнациональных границ относятся Нижегородская область, Рязанская область, Ставропольский и Красноярский края (имеют границы с 8 субъектами РФ).

Таким образом, становление субнационального пространства России происходит на протяжении трех основных периодов (имперский, советский, современный). Каждый период имеет свои особенности. В имперский период прослеживается явный колебательный процесс, который представлен волнами укрупнения и разукрупнения, но большинство субнациональных (губернских) границ имеют историческую устойчивость.

Советский период характеризуется стабильными внешними политическими границами, но неустойчивыми внутренними субнациональными границами.

Современный период моделирования субнациональных границ субъектов РФ связан с реформой федерализма и созданием федеральных округов.

Таким образом, история формирования субнациональных границ имеет принципиальное значение для современного понимания региональной идентичности и развития регионального самосознания, так как в истории были заложены контуры новых государственных (внешних) и субнациональных (внутренних) границ, которые оформились на постсоветском пространстве, а также после присоединения республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Этнический фактор. Стоит отметить, что региональная идентичность неразрывно связана с этничностью. В данном случае под этничностью следует понимать групповую идентичность, т.е. организацию части людей, принадлежащих к одному этносу, форму взаимодействия между культурными группами, действующими внутри большой общности.

Этническая идентичность формируется в процессе социализации индивида и его самоидентификации с определенной этнической группой. Этническая идентичность не аскриптивна (предписана) и может с течением времени изменяться (например, межнациональные браки).

Этническая идентичность выступает основой построения социально-территориальной общности. Здесь стоит отметить классификацию этнических и неэтнических государств швейцарского политолога Г. Эро [17]. В фундаменте этнической модели лежит предпочтение персональной территориальной системы. Например, Швейцария не является этнической страной, так как здесь отдается предпочтение персональной системе, а политическое и правовое устройство кантонов не предполагает этнического фактора. Смысл этнической модели состоит в стремлении отдельных этносов, проживающих в едином государственном пространстве, к своей территориальной автономии. Причины этнизации федеральной системы в каждом отдельном случае специфические. К этнической модели относятся в прошлом СССР, Югославия, ЧССР, в настоящем – Российская Федерация, Эфиопия. Следует уточнить, что с некоторой натяжкой можно отнести к этнической модели Индию и Мьянму. Индия разделена на 25 штатов, являющихся административно-территориальными образованиями, которые основаны по принципу языковой общности, и семь союзных территорий. Союз Мьянма состоит из семи национальных и семи административных областей, хотя Конституция 1974 г. установила унитарную форму государственного устройства. На сегодняшний день к этнической модели относят Эфиопию (Федеративная Демократическая Республика Эфиопия), государственное устройство которой состоит из 9 штатов, образованных на этнической основе.

Если этническое меньшинство ограничивает свои устремления правом на культурное самоопределение в рамках другого, гораздо большего сообщества, то речь будет идти о национально-культурной автономии. Если этническое меньшинство стремится к территориальному самоуправлению, а не только к национально-культурному, участвуя при этом в самоуправлении, то здесь на первое место выходит территориальная автономия. Для точного определения этнической федеративной системы необходимо учитывать наличие одного из двух или обоих факторов, лежащих в основе государства: персональная система (т.е. наличие культурной автономии) или территориальная система, определяющая этническую территориальную автономию. Исходя из этих двух посылок, можно говорить о двух формах этнической модели: национально-культурной и территориальной автономии. Последняя, по сравнению с первой, представляет собой радикальную форму. Различие между ними состоит в следующем:

– этническая территориальная автономия означает территориальную идентификацию отдельных этносов и возможность реализовывать самоуправление;

– культурная автономия означает культурную идентификацию, выраженную в праве каждого этноса реали-

зовать себя в сфере родного языка, конфессии, творчества, т.е. в сфере культуры. Это различие принципиально важно, так как в ряде мультиэтнических государств (преимущественно тех, что находятся в состоянии транзита) довольно остро встает проблема разделения территориальной власти по этническому признаку.

Отметим, что федеративное устройство государства может обеспечивать относительную гармонию в многообразном обществе в том случае, если этнические группы будут территориально сконцентрированы и смогут избегать прямых столкновений в отношении своей территории. Для успешного управления территориальными конфликтами необходимо их деэтнизировать, т.е. снимать этническую подоплеку, понимать проблемы каждого этноса как таковые, но не решать их как этнические, а переводить из этнической плоскости в политическую или экономическую. Смысл федерализма для такой особой страны, как Россия, как раз и заключается в совмещении единства и многообразия. Только с этих позиций он может быть использован как эффективный способ управления этнотерриториальными конфликтами. Если будет декларироваться принцип «право наций на самоопределение», то федерализм, возможно, будет использоваться для «сглаживания линий разделения», и тогда он способен лишь усугублять противоречия, вызванные этническим многообразием.

В политическом пространстве Российской Федерации механизмы формирования межэтнического согласия по вопросам этнотерриториальных споров и конфликтов во многом опираются на процессы управления идентичностью, на политику идентичности. Для поддержания межэтнического согласия и взаимной межэтнической толерантности особо важно позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее благоприятное отношение к соседним территориальным группам и нейтральное восприятие межкультурных различий. Характер межэтнических установок рассматривается как индикатор направленности сохранения целостности внутрисубъективной территории, уровня солидаризации граждан каждого субъекта Российской Федерации и принятия культурного разнообразия.

Политический фактор. Вопросы политического регулирования и установления субнациональных границ имеют особое значение для современной России. От оптимальности и правомерности решения вопроса о границах субъектов Российской Федерации зависят эффективность территориального развития регионов, устойчивость их экономической и политической интеграции.

Как показывает практика, границы субъектов Российской Федерации не являются неизменными. Процессы изменения субнациональных границ, укрупнения субъектов, присоединения новых территорий напрямую влияют на ослабление региональной идентичности населения, проживающего на данных территориях. На современном этапе особый тип региональной идентичности складывается в сложносоставных, «матрешечных» субъектах федерации. Суть «матрешечного принципа» построения федерации в том, что

один ее субъект (автономный округ) входит в состав другого, равноправного с ним субъекта. Процесс укрупнения регионов начался в 2001 г., после принятия закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта» [18]. Первый пример укрупнения продемонстрировали Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ. В ходе реформы 2007 г. Таймыр и Эвенкия вошли в Красноярский край, а Усть-Ордынский Бурятский округ влился в Иркутскую область. «Матрешечные» регионы постепенно теряют статус самостоятельного субъекта федерации и присоединяются к более крупным по экономическому потенциалу территориям.

В настоящее время в РФ существует два сложносоставных, «матрешечных» региона – Тюменская область и входящие в нее Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Архангельская область и входящие в нее Ненецкий автономный округ).

Таким образом, в сложносоставных субъектах образуются особый тип региональной идентичности. При этом региональные власти субъектов с наиболее низким фактическим статусом (автономные округа), входящие в состав других субъектов федерации, имеют наименьший объем полномочий по сравнению с другими ее субъектами. В основном укрупнение регионов достигается для оптимизации политического управления, но процесс территориального укрупнения субъектов РФ способствует ослаблению региональной идентичности и появлению сепаратистских тенденций.

В заключение сделаем ряд выводов:

– региональную идентичность необходимо понимать с точки зрения системного подхода, так как данная категория представляет собой систему куль-

турных отношений и ценностей (религия, культура и язык), связанных с определенным территориальным ареалом;

– на региональную идентичность влияют общность и индивидуальность территории, формирование общей системы социально-культурных ценностей социальных групп, проживающих в определенном регионе с его историческими, политическими, экономическими и культурными особенностями;

– этническая идентичность – это одна из важнейших составляющих в построении социально-территориальной общности. Этническая федеративная модель организована по этнотерриториальному принципу, т.е. субъекты федерации совпадают с границами ареалов проживания определенных этнических групп;

– региональная идентичность влияет на индивидуальные особенности развития территории. Этническая идентичность влияет на построение социально-территориальной общности. В фундаменте этнической модели построения находится предпочтение персональной территориальной системы. Этническая модель подразумевает стремление отдельных этнических групп, проживающих в едином государственном пространстве, к своей территориальной автономии;

– на субнациональном уровне государства можно определить региональный и локальный уровни политических сообществ, обладающих своими интересами и автономией, которые выстраивают свои субнациональные границы;

– процессы изменения субнациональных границ, укрупнения субъектов Российской Федерации ослабляют региональную идентичность и региональное самосознание населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус». URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>
2. Замятина Н.Ю. Города, районы и страны в политическом рельефе российских регионов // Политические исследования. 2006. № 2. С. 121–138.
3. Макарычев А.С. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, типичности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 3. С. 137–150.
4. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.
5. Дробижина Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России. // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
6. Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 58–64.
7. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 141–163.
8. Холодковский К.Г. Двойственность российской идентичности // Полития: журнал политической философии и социологии политики. 2011. № 1 (80). С. 85–97.
9. Paasi A. Boundaries as Social Practice and Discourse // The Finnish-Russian Border. Reg. Studies. 1999. Vol. 33, is. 7. P. 669–680.
10. Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: deconstructing "regional identity" // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93, is. 2. P. 137–148.
11. Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 1998. Vol. 22, № 2. P. 186–207.
12. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 335 с.
13. Taylor P.J., Flint C. Political Geography: World-Economy, Nation-State, Locality. London: Routledge, 2018. 391 p.
14. Lunden T. Individens ramsilga beteende i ett graensomrade. Stockholm: Stockholms universitet, 1973.
15. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
16. Кокка, Ю. Границы Европы и идентичность: исторический опыт и вызовы современности / пер. с нем. Е.В. Безмен. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2007. 38 с. (Зарубежные ученые в РГГУ).
17. Heraud G. Ethnischer Foederalismus zur Vermeidung ethnischer Konflikte. Foederalismus als Mittel permanenter Konflikregelug. Schriftenreihe des Instituts fuer Foederalismusforschung. Wien, 1977. Bd. 6.
18. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/

Olga V. Tsvetkova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tsvetkovaov@mail.ru

REGIONAL IDENTITY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE CULTURAL-HISTORICAL AND SOCIO-TERRITORIAL COMMUNITY

Keywords: regional identity, ethnic identity, identification, ethnicity, territorial autonomy

The article deals with the category of “regional identity”, its interpretation in Russian and foreign sources. Particular attention is paid to the quantitative and qualitative characteristics of an individual who is aware of his belonging to a certain territory and forming the image of a “small homeland” in his mind.

The content of the article states that modern Russian researchers interpret regional identity differently. Some researchers by regional identity understand the system of cultural relations, which are associated with the concept of “small homeland” or the relation of an individual to his small homeland, to the land on which he was born or lives and works. Others represent regional identity as the main factor influencing the development of the region. This influence is based on the individual’s awareness of himself as a subject of the regional community, respect and love for a particular region, pride in him, an understanding of his responsibility for his development and the ability to influence this process based on the awareness and self-assessment of the prospects for effective self-realization in a given territory. The author believes that regional identity mainly belongs to the in-country level, and delimits the political space between the subjects of the Russian Federation. The author notes that regional identity is associated with the development of the subnational space, with its economic, social and political characteristics. Regional identity serves as a link, since this phenomenon unites the moods and interests of social groups, regardless of social origin or ethnicity. According to the author, regional identity is inextricably linked with ethnicity and is the main factor in the formation of the cultural-historical and socio-territorial community.

In the process of research, the author came to the following conclusions:

- regional identity is formed on the basis of common territory, a certain system of values, features of the economic life of each individual spatial region. Regional identity mainly refers to the in-country level and delimits the political space between the subjects of the Russian Federation;
- regional identity must be understood from the point of view of a systems approach, as this category is a system of cultural relations and values (religion, culture and language) associated with a particular territorial area;
- the common identity and individuality of the territory, the formation of a common system of social and cultural values of social groups living in a particular region with its historical, political, economic and cultural characteristics affect the regional identity;
- ethnic identity is one of the most important components in building a socio-territorial community. The ethnic federative model is organized according to the ethno-territorial principle, i.e. Federation subjects coincide with the boundaries of the habitats of certain ethnic groups.

REFERENCES

1. Achkasov, V.A. (n.d.) *Regional'naya identichnost' v rossiyskom politicheskom prostranstve: "kaliningradskiy kazus"* [Regional Identity in the Russian Political Space: The “Kaliningrad Case”]. [Online] Available from: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>
2. Zamyatina, N.Yu. (2006) Goroda, rayony i strany v politicheskom rel'efe rossiyskikh regionov [Cities, regions, and countries in the political landscape of Russian regions]. *Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 121–138.
3. Makarychev, A.S. (2010) Regionalizm glazami konstruktivizma: agenty, struktury, tipichnosti [Regionalism through the Eyes of Constructivism: Agents, Structures, Typicalities]. *Neprikosnovemnyy zapas: debaty o politike i kul'ture*. 3. pp. 137–150.
4. Turovskiy, R.F. (2003) Sootnoshenie kul'turnykh landshaftov i regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii [The relationship between cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. In: *Identichnost' i geografiya v sovremennoy Rossii* [Identity and Geography in modern Russia]. St. Petersburg: Gelikon Plyus. pp. 139–173.
5. Drobizheva, L.M. & Ryzhova, S.V. (2015) Civic and Ethnic Identity and Perception of the Preferable State in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 9–24. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03
6. Zorin, V.Yu. (2010) Razmyshleniya o natsional'no-kul'turnoy avtonomii [Reflections on national-cultural autonomy]. *Zhizn' natsional'nostey*. 3. pp. 58–64.
7. Peregudov, S.P. (2011) National-state identity and the problems of the russian state’s consolidation. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 141–163. (In Russian).
8. Kholodkovskiy, K.G. (2011) Ambiguity of Russian Identity. *Politiya: zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki – Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 1(80). pp. 85–97. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2011-60-1-85-97
9. Paasi, A. (1999) Boundaries as Social Practice and Discourse. *The Finnish-Russian Border. Reg. Studies*. 33(7). P. 669–680.
10. Paasi, A. (2002) Bounded spaces in the mobile world: deconstructing “regional identity”. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 93(2). pp. 137–148.
11. Newman, D. & Paasi, A. (1998) Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography. *Progress in Human Geography*. 22(2). pp. 186–207. DOI: 10.1191/030913298666039113
12. Noymann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo" : obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey* [Using the “Other”: the images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izd-vo.
13. Taylor, P.J. & Flint, C. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation-State, Locality*. London: Routledge.
14. Lunden, T. (1973) *Individens ramsilga beteende i ett graensomrade*. Stockholm: Stockholms universitet.
15. Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62.
16. Kokka, Yu. (2007) *Granitsy Evropy i identichnost': istoricheskiy opyt i vyzovy sovremennosti* [Borders of Europe and Identity: Historical Experience and Modern Challenges]. Translated from German by E.V. Bezmen. Moscow: Russian State University for the Humanities.
17. Heraud, G. (1977) Ethnischer Foederalismus zur Vermeidung ethnischer Konflikte. In: Ersterbauer, F. (ed.) *Foederalismus als Mittel permanenter Konfliktregelung*. Vol. 6. Wien: Institut für Foederalismusforschung.
18. Russian Federation. (2001) *O poriyadke prinyatiya v Rossiyskiyu Federatsiyu i obrazovaniya v ee sostave novogo sub"ekta Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 17.12.2001 № 6-FKZ (red. ot 31.10.2005)* [On the procedure for the admission to the Russian Federation and the formation of a new subject of the Russian Federation within it: Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of December 17, 2001 (as amended on October 31, 2005)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/19988613/74/22

Е.В. Водясов

МИФ О КУЛАЙСКОЙ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Рассматривается история черной металлургии в Западной Сибири в эпоху раннего железа. Анализ археологических материалов показал, что несмотря на частые заявления археологов о наличии в кулайской среде развитой металлургии железа, сегодня этому нет никаких надежных доказательств. Резюмируется, что, прежде чем реконструировать динамику и уровень развития кузнечного дела в таежной среде, сначала необходимо установить происхождение железных предметов с кулайских памятников и доказать их местное или импортное производство естественно-научными методами. Дается краткий обзор этих методов.

Ключевые слова: кулайская культура, Западная Сибирь, металлургия железа, кузнечное дело.

Введение

В археологической литературе часто акцентируется мысль о появлении черной металлургии и даже о полном самообеспечении кулайского населения железными изделиями, о высоком развитии кузнечного дела и т.п. Однако при этом неизвестно ни одного достоверного свидетельства существования металлургии железа в таежной зоне Западной Сибири в эпоху раннего железа. Статья посвящена разбору этой проблемы и истории появления мифа о кулайской таежной металлургии. Для начала кратко осветим историографическую суть вопроса.

Л.А. Чиндина, много лет плодотворно занимающаяся изучением кулайской культурно-исторической общности, указывает, что в начале новой эры железо местного производства окончательно вытеснило бронзу из орудейной деятельности, а кулайские кузнецы уже владели операциями свободнойковки и могли придать изделиям любую конструктивную форму [1. С. 142]. Она также делает смелый вывод о том, что кузнецы обеспечивали железными изделиями свою общину, но «...они еще не стали профессионалами, производящими продукцию на продажу» [Там же].

Т.Н. Троицкая применительно к Новосибирскому Приобью указывает, что в конце I тыс. до н.э. кулайские мастера производили железные ножи, кинжалы, наконечники копий и дротиков, удила и другие предметы [2. С. 56]. Анализируя в целом лесные культуры Западной Сибири в эпоху раннего железа, Л.Н. Корякова, С.В. Кузьминых, Г.В. Бельтикова пишут, что к III в. до н.э. лесные жители познакомились с кричным железом и изготавливали из него орудия труда и некоторые виды оружия [3]. С.А. Терехин называет переход к металлургии железа в кулайской среде «полной перестройкой материально-технической базы», которая

произошла на саровском этапе [4]. Н.М. Зиняков считает, что в Томском Приобье на рубеже эр население кулайской культуры уже освоило металлообработку, а в IV–V вв. здесь появляется местная металлургия железа [5]. С этими выводами соглашается и Д.Ю. Рыбаков в своем диссертационном исследовании [6. С. 170].

Таким образом, разными учеными признается, что к рубежу эр население кулайской культуры освоило металлургию железа и производило на месте необходимые железные изделия. Теперь перейдем непосредственно к археологическим реалиям.

Археологические данные и их интерпретация

Современные исследования в разных регионах Евразии подтверждают гипотезу о том, что открытие железоделательных технологий было возможно лишь там, где уже ранее был накоплен большой опыт по добыче и переработке медных руд и где имелись железорудные месторождения [7–8]. Трансферт технологии получения железа также происходил быстрее в те регионы, которые уже были хорошо знакомы с цветной металлургией. Однако в таежной зоне Западной Сибири отсутствуют медные руды, и, соответственно, самостоятельно рудная металлургия здесь зародиться не могла. Местное таежное население, не имея опыта переплавки медных руд, не одно тысячелетие было зависимо от поставок готовой бронзы, которая шла на переплавку. В этой связи несколько неожиданными являются заявления о развитой кулайской черной металлургии, непонятно откуда взявшейся. Рассмотрим, на каких археологических данных основаны эти выводы, многие годы кочующие из одной статьи в другую.

Черная металлургия всегда имеет легко отличимые археологические следы на поселениях: многочисленные фракции колотой руды, плавильные и кузнечные

шлаки, остатки железоплавильных и кузнечных горнов, мастерские-кузницы, кузнечные инструменты, заготовки и т.д. Это «грязное» производство оставляет столько отходов, что не заметить их в культурном слое невозможно. Однако на памятниках кулайской культуры таких производственных технокомплексов пока не обнаружено. Единственным свидетельством плавки железа в кулайской культуре на территории Томской области считается «горн» с Саровского городища (Нарымское Приобье), датированный I в. до н.э. – IV в. н.э. Автором раскопок отмечено, что конструкцию горна установить не удалось, и делается неожиданный вывод: «...железо варили в горшках в ямах или ставили на дно горна» [1. С. 141]. Точная датировка горна не установлена, поскольку радиоуглеродные анализы образцов угля из его заполнения не проводились.

Второй подобный случай связан с городищем Барсов городок-1/4, расположенным в Сургутском Приобье, где найден сосуд со спекшейся шлаковой массой внутри [9]. Проблема интерпретации этих комплексов осложнена отсутствием геохимических исследований обнаруженных шлаков, поэтому сегодня остается непонятным назначение данных объектов (плавильные, где переплавляли руду, или кузнечные, где нагревали готовую железную крицу). Более того, до сих пор не доказано, что эти объекты вообще имеют отношение к металлургии железа. Нельзя исключать, что они связаны с производством бронзы. Далеко не всегда возможно отличить «на глаз» медные шлаки от железных. Только геохимические анализы могут достоверно установить тип шлаков.

Единственным доказанным примером существования в Западной Сибири металлургии железа на рубеже эр являются остатки горнов на городище Усть-Полуй, расположенном в г. Салехард [10]. Однако на фоне общей изученности памятников кулайского времени металлургия Усть-Полуя выглядит как большое исключение, а не характерная черта экономики западно-сибирского населения.

С.Г. Пархимович справедливо указывает: «Несмотря на значительные объемы археологических полевых работ, проведенных в таежной зоне Северо-Западной Сибири в последние десятилетия, проблема возникновения и эволюции местной черной металлургии остается малоисследованной. На огромной территории, включающей Нижнее и Среднее Приобье и Нижнее Прииртышье, в той или иной степени раскопаны сотни памятников раннего железного века и Средневековья, однако явные остатки металлургических горнов выявлены лишь на реке Конде и в низовьях Иртыша» [11. С. 100]. При этом горны на Конде и Иртыше, как известно, относятся к Средневековой эпохе. Добавим также к этому перечню территорий, что ни в Томском и Новосибирском Приобье, ни в Лесостепном Алтае, ни в Кузнецкой котловине железоплавильных и кузнечных горнов кулайского времени пока не найдено.

Таким образом, археологические материалы говорят о том, что население Верхнего и Среднего Приобья в эпоху раннего железа не освоило железорудные месторождения и не умело выплавлять железо из местных руд [12]. Единственное исключение саров-

ского горна, точная дата которого так и не ясна, как и его функциональное назначение (плавильный, кузнечный или вовсе связанный с переплавкой бронзы), не является основанием называть кулайское население умелыми металлургами и кузнецами, особенно когда речь идет об огромных пространствах Западной Сибири, где памятники черной металлургии отсутствуют как таковые.

Отсутствие знаний о железоделательном производстве косвенно подтверждается и тем фактом, что иногда поселения и городища кулайской культуры расположены непосредственно у выходов доступной и качественной железной руды, но свидетельств производства железа на памятниках нет, хотя следы бронзолитейного дела встречаются широко [12, 13]. Ярким примером является городище Киреевское-III в Томском Приобье, датированное в широких пределах I тыс. до н.э. Городище было возведено непосредственно над выходящими на поверхность линзами железной руды, что фиксируется и в наши дни. Выглядело бы странно, если бы население городища, зная и практикуя технологии «варки» железа, не использовало бы широко встречавшуюся повсюду качественную железную руду, которую, к слову, позже активно разрабатывали средневековые металлурги Шайтанского комплекса памятников [14]. Однако как в слое кижировского времени (VI–IV вв. до н.э.), так и в кулайском (IV–II вв. до н.э.) слое городища Киреевское-III остатков железоделательного производства вовсе не обнаружено [13]. Здесь еще прочно бытовали традиции бронзолитейного производства: на этом же городище найдены сплески бронзы, литники, целые тигли и их обломки. Это говорит о том, что люди в кулайское время продолжали заниматься переплавкой бронзовых изделий / лома, а вот что такое железная руда и как ее плавить – они, вероятнее всего, просто не знали.

Обсуждение

Рассмотрим причины возникновения мифа о кулайской железной металлургии. Главная из них, на мой взгляд, сводится к тому, что многие археологи, включая специалистов по металлографии, автоматически относят обнаруженные на кулайских памятниках железные предметы к изделиям местного производства. После проведения металлографических исследований археологами делаются выводы об уровне кузнечных технологий, а потом эти выводы перетекают из одной статьи в другую, где ученые приписывают выявленные технологии местному таежному населению. Однако прежде чем реконструировать динамику и уровень развития кузнечного дела, сначала необходимо установить происхождение железных предметов и доказать их местное производство естественнонаучными методами.

Особенно актуальна эта задача для изучения сибирской таежной металлургии, где вплоть до Нового времени известны общества, которые либо вообще не знали ни плавильного, ни кузнечного дела, пользуясь привозным железом, либо владели только примитивной ковкой, ничего не зная том, как переплавлять железные руды [12, 15]. Так, многие остяки, тунгусы,

самоеды, юагиры на протяжении XVII–XIX вв. не знали плавильных технологий, а ковали готовые крицы [16, 17. С. 284–285; 18. С. 380]. При этом многие остяжские и тунгусские кузнецы изготавливали только простые плоские наконечники стрел, а топоров и ножей ковать не умели [17. С. 284–285].

Именно отсутствие естественнонаучных исследований происхождения железных вещей в кулайской среде и привело, на мой взгляд, к появлению мифа о кулайской черной металлургии. Отсутствие подобных исследований в российской археологии не ограничивается кулайской проблематикой и может приводить к появлению схожих мифов и на других территориях.

Пути решения проблемы

Долгое время лабораторные археометаллургические исследования в советской и постсоветской науке ограничивались, по сути, металлографическими исследованиями. Однако металлография не дает однозначного ответа на вопрос о конкретном месте изготовления предмета. Для этого необходим целый набор специальных геохимических методов [19]. Возможность установления места добычи руды для изготовления конкретного железного предмета обусловлена тем, что некоторые элементы переходят из руды не только в сыродутный шлак во время плавки, но и в шлаковые включения, всегда присутствующие в железных изделиях. Методика анализа шлаковых включений из железных изделий схожа методике анализа сыродутных шлаков, поскольку анализируются те же самые элементы, включая порообразующие (главные), а также редкие и рассеянные элементы [14–16].

Масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS) является высокочувствительным методом анализа большого спектра концентраций примесных микроэлементов в природных и искусственных материалах, включая руды, шлаки, металл. В последнее время анализы редких и рассеянных элементов в шлаках и рудах широко используются для выявления рудного источника на основании того, что эти элементы являются стабильными в условиях сыродутного процесса, переходят из руды в шлак и, как правило, не подвержены заражению из глиняной обмазки или древесного угля. Эта методика успешно применяется зарубежными коллегами [20–23].

Лазерная абляция и масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой (LA-ICP-MS) применяется для определения содержаний макро- и микропримесей в археологических образцах в точке (размером от 20 до 500 мкм) без предварительной сложной пробоподготовки. Метод лазерной абляции с ICP-MS широко применяется для установления рудных источников железных изделий, поскольку позволяет проводить анализ редких элементов, характеризующих геологический генезис руд. Конкретные элементы, подходящие для выявления рудных источников железных из-

делий, включают: Th, U, Y, Nb, Hf, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Y, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu. Данный аналитический подход наиболее эффективен, когда проводится комплексное сравнение составов шлаковых включений, железных руд, а также сыродутных шлаков, что было успешно продемонстрировано для разных регионов мира [20–24]. К этим методам также стоит добавить новую методику установления рудного источника для древних железных артефактов и продуктов металлургии железа при помощи анализов изотопов осмия [25].

Заключение

Завершая обзор проблемы кулайской черной металлургии, необходимо резюмировать следующее.

Во-первых, нет никаких надежных археологических доказательств существования местной черной металлургии в таежной зоне Западной Сибири в эпоху раннего железа. К слову, для этого времени хорошо датированные железоплавильные печи вообще представляют собой огромную редкость не только для Сибири, но и для всего Степного пояса Евразии. Напомним, что по мнению ряда ученых, таежное население уже к III в. до н.э. овладело железоплавильными и кузнечными технологиями [5–6]. В это время неизвестно ни одной железоплавильной печи в богатейших рудно-металлургических регионах Южной Сибири, где металлургия железа, по современным данным, появляется лишь на рубеже эр в хуннское время, а ее расцвет падает на дальнейший период III–VII вв. н.э. [26–28]. Маловероятно, что таежные жители Западной Сибири овладели железными технологиями раньше кочевников Евразийских степей. Вероятнее всего, железные предметы, а возможно, и крицы поступали в таежную среду в виде импорта. Таким образом, прежде чем писать о наличии древней металлургии в таежных сибирских обществах, необходимы четкие верифицируемые доказательства. Пока их нет, все выводы о кулайской черной металлургии следует признать необоснованными.

Во-вторых, металлографические исследования железных вещей с кулайских памятников, безусловно, отражают технологию их изготовления, но это никоим образом не означает, что сами вещи являются кулайскими и изготовлены на месте. Как показывают сибирские этнографические материалы, многие таежные коллективы перерабатывали привозные крицы, не умея плавить руды, а некоторые и вовсе не владели ни плавильными, ни кузнечными технологиями. Решить эту проблему может только набор современных геохимических методов, направленных на установление источника происхождения железного предмета. Пока таких исследований проведено не будет, как и не будет открыто железоплавильных и кузнечных горнов кулайской культуры, выводы о таежной черной металлургии эпохи раннего железа можно относить к археологическим мифам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
2. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 128 с.

3. Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии», Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 г. СПб., 2011. С. 10–16.
4. Терехин С.А. Цветная металлообработка как фактор социально-экономической реконструкции кулайской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 299–301.
5. Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство Томского Приобья эпохи раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири : сб. ст. / отв. ред. А.И. Боброва. Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 150–154.
6. Рыбаков Д.Ю. Томское Приобье в конце IV/III в. до н.э. – IV в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Томск. 2014. Т. 1. 239 с.
7. Erb-Satullo N.L. The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East // Journal of Archaeological Research. 2019. № 27. P. 557–607.
8. Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000.
9. Чемякин Ю.П., Жирных Е.А. К вопросу о возникновении черной металлургии на севере Западной Сибири // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 51–55.
10. Водясов Е.В., Гусев Ан.В., Асочакова Е.М. Усть-Полуй: древнейшие свидетельства черной металлургии в Арктике // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 113–132.
11. Пархимович С.Г. Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РНЮганскнефтегаз»: Екатеринбург : Магеллан, 2013. С. 94–115.
12. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таежном Обь-Иртыше // Stratum Plus. 2017. № 6. С. 237–250.
13. Водясов Е.В. «Киреевский яр»: перспектива создания природного парка как нового бренда в Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 85–90.
14. Водясов Е.В., Асочакова Е.М. В поисках железных рудников: геоархеологический взгляд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 170–188.
15. Vodyasov E.V. Ethnoarchaeological research on Indigenous iron smelting in Siberia // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 164–180.
16. Иванов В.Н. Кузнечное дело у якутов в XVII в. // Якутский архив : сб. ст. и документов. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1966. Вып. 3. С. 64–76.
17. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; ср. с нем. А.Х. Элерт. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
18. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцикл., 1993. 736 с.
19. Зайцева О.В. Введение к специальной теме номера: возможности и методы современной археометаллургии // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 87–90. DOI: 10.17223/2312461X/28/6
20. Charlton M.F., Blakelock E., Martín-Torres M., Young T. Investigating the production provenance of iron artifacts with multivariate methods // Journal of Archaeological Science. 2012. Vol. 39, is. 7. P. 2280–2293. DOI: 10.1016/j.jas.2012.02.037
21. Dillmann P., Schwab R., Bauvais S., Brauns M., Disser A., Leroy S., Gassmann G., Fluzin P. Circulation of iron products in the North-Alpine area during the end of the First Iron Age (6th–5th c. BC): A combination of chemical and isotopic approaches // Journal of Archaeological Science. 2017. № 87. P. 108–124. DOI: 10.1016/j.jas.2017.10.002
22. Stepanov I.S., Weeks L., Franke K.A., Overlaet B., Alard O., Cable C.M., Al Aali Y.Y., Boraik M., Zein H., Grave P. The provenance of early Iron Age ferrous remains from southeastern Arabia // Journal of Archaeological Science. 2020. Vol. 120. Art. 105192. DOI: 10.1016/j.jas.2020.105192
23. Desauty A.-M., Mariet C., Dillmann P., Joron J.L., Fluzin P. The study of provenance of iron objects by ICP-MS multielemental analysis // Spectrochimica Acta. Part B: Atomic Spectroscopy. 2008. Vol. 63, is. 11. P. 1253–1262. DOI: 10.1016/j.sab.2008.08.017
24. Leroy S., Cohen S.X., Verna C., Gratuzé B., Téreygeol F., Fluzin P., Bertrand L., Dillmann P. The medieval iron market in Ariège (France). Multi-disciplinary analytical approach and multivariate analyses // Journal of Archaeological Science. 2012. № 39. P. 1080–1093. doi: 10.1016/j.jas.2011.11.025
25. Brauns M., Yahalom-Mack N., Stepanov I., Sauder L., Keen J., Eliyahu-Behar A. Osmium Isotope Analysis as an Innovative Tool for Provenancing Ancient Iron: A Systematic Approach // PLoS ONE. 2020. № 15 (3). e0229623. DOI: 10.1371/journal.pone.0229623
26. Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. № 31. Art. 102383. DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102383
27. Vodyasov E.V., Stepanov I.S., Sadykov T.R., Asochakova E.M., Rabtsevich E.S., Zaitceva O.V., Blinov I.A. Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Vol. 39. Art. 103160. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103160
28. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные из долины реки Юстыд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 127–147.

Evgeny V. Vodyasov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

THE MYTH OF THE KULAY IRON METALLURGY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM AND THE PROSPECTS OF ITS SOLUTION

Keywords: Kulay culture, Western Siberia, iron metallurgy, blacksmithing.

The article is devoted to the problem of the existence of iron metallurgy in Western Siberia in the early iron era. Historiographic analysis has shown that various scientists believe that the population of the Kulay culture had mastered the metallurgy of iron and smelted local ores. However, the analysis of archaeological materials demonstrates exactly the opposite - there is no reliable archaeological evidence of the existence of local iron metallurgy in the taiga zone of Western Siberia in the Early Iron Age. The emergence of reliable evidence of local metallurgy dates back to the subsequent Middle Ages. The article concludes that iron objects, and possibly blooms, entered in the Kulay culture as an import.

The reasons for the appearance of such myths about the developed taiga metallurgy are explained by the fact that many archaeologists, including specialists in metallography, automatically attribute the iron objects found on the Kulay sites to products of local production. After carrying out metallographic studies, archaeologists draw conclusions about the level of blacksmithing technologies, and then these conclusions flow from one article to another, where scientists attribute the identified technologies to the local taiga population. The article focuses on the fact that before reconstructing the dynamics and level of development of blacksmithing, it is first necessary to identify the origin of iron objects and prove their local production by natural scientific methods. This task is especially relevant for the study of Siberian taiga metallurgy, where until the New Age lived collectives who did not know either smelting or blacksmithing, using imported iron, or owned only primitive forging, knowing nothing of how to smelt iron ores.

The article discusses the possibility of establishing the place of ore mining for the manufacture of a specific iron object. Some elements are transferred from the ore not only to the slag during smelting, but also to slag inclusions that are always present in iron products. The method for analyzing slag inclusions from iron products is similar to the method for analyzing smelting and smithing slags, since the same elements are analyzed, including rock-forming (main) ones, as well as rare and trace elements. The article provides a brief description of geochemical methods aimed at establishing the place of manufacture of an iron object.

The article summarizes that all conclusions about the taiga iron metallurgy of the Early Iron Age can be attributed to archaeological myths until such studies are carried out, as long as the iron-smelting and forges of the Kulay culture are not discovered.

REFERENCES

1. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulay culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Nauka.
3. Koryakova, L.N., Kuzminykh, S.V. & Beltikova, G.V. (2011) Perekhod k ispol'zovaniyu zheleza v Severnoy Evrazii [Transition to the use of iron in Northern Eurasia]. *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoy Evrazii* [Transition from the Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia]. Proc. of the Round Table. St. Petersburg, June 23–24, 2011. ST. Petersburg. pp. 10–16.
4. Terekhin, S.A. (2013) Tsvetnaya metalloobrabotka kak faktor sotsial'no-ekonomicheskoy rekonstruktsii kulayskoy kul'tury [Non-ferrous metalworking as a factor in the socio-economic reconstruction of the Kulai culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 299–301.
5. Zinyakov, N.M. (1997) Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo Tomskogo Priob'ya epokhi rannego zheleza [Iron-working production of the Tomsk Ob region of the early iron era]. In: Bobrova, A.I. (ed.) *Aktual'nye problemy drevney i srednevekovoy istorii Sibiri* [Topical problems of ancient and medieval history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State Control Systems and Radioelectronics. pp. 150–154.
6. Rybakov, D.Yu. (2014) *Tomskoe Priob'e v kontse IV/III v. do n.e. – IV v. n.e.* [Tomsk Ob region in the late 4th / 3rd century BC – 4th century AD]. History Cand. Diss. Tomsk. 2014. T. 1. 239 s.
7. Erb-Satullo, N.L. (2019) The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East. *Journal of Archaeological Research*. 27. pp. 557–607.
8. Pleiner, R. (2000) *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR.
9. Chemyakin, Yu.P. & Zhirnykh, E.A. (2018) K voprosu o vozniknovenii chernoy metallurgii na severe Zapadnoy Sibiri [On the emergence of ferrous metallurgy in the north of Western Siberia]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions of urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 51–55.
10. Vodyasov, E.V., Gusev, An.V. & Asochakova, E.M. (2017) Ust-Polui: the earliest evidence of iron metallurgy in the Arctic region. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp. 113–132. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/17/7
11. Parkhimovich, S.G. (2013) Poselenie Ust'-Kamchinskoe 2 na reke Malyy Salym (k probleme vozniknoveniya chernoy metallurgii v Severo-Zapadnoy Sibiri) [Ust'-Kamchinskoe 2 Settlement on the Maly Salym River (on the emergence of ferrous metallurgy in North-Western Siberia)]. In: Nosov, E.N. (ed.) *Drevnee nasledie Sredney Obi na territorii khozyaystvennogo osvoeniya OOO "RNYuganskneftegaz"* [Ancient heritage of the Middle Ob on the territory of economic development of LLC RNYuganskneftegaz]: Ekaterinburg: Magellan. pp. 94–115.
12. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2017) Ternisty put' chernoy metallurgii v taezhnom Ob'-Irtyshe [The thorny path of ferrous metallurgy in the taiga Ob-Irtys region]. *Stratum Plus*. 6. pp. 237–250.
13. Vodyasov, E.V. (2014) Kireyevsky Yar: the prospect of a natural park as a new brand in Tomsk Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 85–90. (In Russian).
14. Vodyasov, E.V. & Asochakova, E.M. (2020) In search of iron ore mines: a geo-archaeological perspective. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 170–188. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/28/11
15. Vodyasov, E.V. (2018) Ethno-archaeological research on indigenous iron smelting in Siberia. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 164–180. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/20/9
16. Ivanov, V.N. (1966) Kuznechnoe delo u yakutov v XVII v. [Blacksmithing among the Yakuts in the 17th century]. *Yakutskiy arkhiv*. 3. pp. 64–76.
17. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of Siberian peoples]. Translated from German by A.Kh. Elert. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
18. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts. Ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Posspen.
19. Zaytseva, O.V. (2020) Introduction to the theme: the potential and methods of contemporary archaeometallurgy. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 87–90. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/28/6
20. Charlton, M.F., Blakelock, E., Martínón-Torres, M. & Young, T. (2012) Investigating the production provenance of iron artifacts with multivariate methods. *Journal of Archaeological Science*. 39(7). pp. 2280–2293. DOI: 10.1016/j.jas.2012.02.037
21. Dillmann, P., Schwab, R., Bauvais, S., Brauns, M., Disser, A., Leroy, S., Gassmann, G. & Fluzin, P. (2017) Circulation of iron products in the North-Alpine area during the end of the first Iron Age (6th–5th c. BC): A combination of chemical and isotopic approaches. *Journal of Archaeological Science*. 87. pp. 108–124. DOI: 10.1016/j.jas.2017.10.002
22. Stepanov, I.S., Weeks, L., Franke, K.A. et al. (2020) The provenance of early Iron Age ferrous remains from southeastern Arabia. *Journal of Archaeological Science*. 120. Art. 105192. DOI: 10.1016/j.jas.2020.105192
23. Desaulty, A.-M., Mariet, C., Dillmann, P., Joron, J.L. & Fluzin, P. (2008) The study of provenance of iron objects by ICP-MS multielemental analysis. *Spectrochimica Acta. Part B: Atomic Spectroscopy*. 63(11). pp. 1253–1262. DOI: 10.1016/j.sab.2008.08.017
24. Leroy, S., Cohen, S.X., Verna, C. et al. (2012) The medieval iron market in Ariège (France). Multidisciplinary analytical approach and multivariate analyses. *Journal of Archaeological Science*. 39. pp. 1080–1093. doi: 10.1016/j.jas.2011.11.025
25. Brauns, M., Yahalom-Mack, N., Stepanov, I., Sauder, L., Keen, J. & Eliyahu-Behar, A. (2020) Osmium Isotope Analysis as an Innovative Tool for Provenancing Ancient Iron: A Systematic Approach. *PLoS ONE*. 15(3). e0229623. DOI: 10.1371/journal.pone.0229623
26. Vodyasov, E.V., Zaitseva O.V., Vavulin, M.V. & Pushkarev, A.A. (2020) The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 31. Art. 102383. DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102383
27. Vodyasov, E.V., Stepanov, I.S., Sadykov, T.R. et al. (2021) Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia). *Journal of Archaeological Science: Reports*. 39. Art. 103160. DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.103160
28. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2020) The earliest iron smelting sites in the Altai republic: new data from the Yustyd River valley. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 127–147. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/28/9

УДК 903.22 + 355
DOI: 10.17223/19988613/74/23

В.В. Горбунов

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСПЕХОВ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция». Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Публикуются систематизированные данные о находках оборонительного вооружения в погребальных комплексах V–XVII вв. с территории Западной Сибири. Приводится распределение доспехов по районам, археологическим культурам, памятникам и объектам. Рассмотрено расположение средств защиты в курганах и могилах, их количество, сохранность, комплектность и видовое разнообразие. Сделаны выводы о символическом значении доспеха в погребальной практике, о его гендерной обусловленности и динамике использования. Высказана гипотеза об особой ситуации с доспехом в Кузнецкой котловине.

Ключевые слова: доспех, погребальный объект, Средневековье, Западная Сибирь.

Доспех является наиболее трудоемкой частью вооружения, на изготовление которой требуется большое количество материалов и времени. При древнем ручном производстве такая продукция должна была высоко цениться и долго эксплуатироваться. Поэтому применение средств защиты не по прямому назначению, безусловно, носило ограниченный характер. Это как нельзя лучше подтверждают материалы археологических памятников, где находки доспехов встречаются редко и в большинстве случаев фрагментарно. Более информативны в этом плане могильники, в которых предметы оборонительного вооружения выступают в качестве сопроводительного или поминального инвентаря.

Количество, качество и место расположения доспехов в могилах или рядом с ними, их связь со способом погребения, с половозрастной принадлежностью умерших людей или сопроводительными захоронениями животных носили неслучайный характер. Они позволяют проследить назначение доспеха в погребальном ритуале и выявить определенные закономерности погребальной практики, которые еще не являлись предметом специального изучения.

Нами были собраны и проанализированы опубликованные данные из памятников Западной Сибири эпохи Средневековья (V–XVII вв.). Всего учтены ма-

териалы 46 могильников (40 курганных и 6 грунтовых), на которых выявлено 117 объектов, содержащих остатки железных доспехов из районов Лесостепного Алтая [1–8], Кузнецкой котловины [9–13], Новосибирского [14–17] и Томского [18–20] Приобья, Среднего Причумылья [21–23] и Приобья [24], Омского Прииртышья [25–29] и Барабы [30–32]. Они относятся к различным археологическим культурам: одинцовской (табл. I, 1–4), саратовской (табл. II, 1–44), верхнеобской (табл. III, 1–2, 7–13), рёлкинской (табл. IV, 1–8), потчевашской (табл. IV, 9–10), сrostкинской (табл. I, 5–19; III, 3–4), усть-ишимской (табл. IV, 11–15), басандайской (табл. III, 6, 14–15), кармацкой (табл. I, 29–31), – или связываются с определенными этническими группами: кыргызов (табл. I, 20–28; III, 16–21), кыпчаков (табл. III, 5; IV, 17–18), чулымских тюрков (табл. III, 22), тарских (табл. IV, 16) и барабинских татар (табл. IV, 19–20).

Остатки доспехов из рассмотренных объектов чаще входят в состав сопроводительного инвентаря и обнаружены непосредственно в могилах (81 подкурганная и 8 грунтовых). Еще в 28 случаях доспехи находились в насыпях курганов, где они не были связаны с конкретными захоронениями и, вероятно всего, являлись подношениями при поминках.

Таблица 1

Находки доспехов в средневековых могильниках Лесостепного Алтая

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
Одинцовская культура					
Грунтовый могильник Ближние Елбаны-XIV (2-я половина IV–V в.)					
1	могила 37	ингумация	1 пластина	в В части ямы	1. С. 104. Табл. XLI
Грунтовый могильник Ераска (2-я половина IV–V в.)					
2	могила	ингумация с конем	кант от щита	неизвестно	2. С. 80. Рис. 2
Грунтовый могильник Татарские Могилки (2-я половина IV–V в.)					
3	могила 4	ингумация	228 пластин	вдоль руки и ноги	3. С. 62. Рис. 1–7
Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (2-я половина IV–V в.)					
4	могила 1969 г.	кремация	21 пластина от панциря и шлема	кучкой в поддоне котла	4. С. 81. Рис. 4–5

Окончание табл. 1

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
Сросткинская культура					
Курганный могильник Иня-1 (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.)					
5	кург. 3, мог. 1	ингумация с конем	1 пластина	в районе пояса	5. С. 11. Рис. 26
6	кург. 25, мог. 1	ингумация с конем	2 пластины	слева у пояса	5. С. 18. Рис. 26
Курганный могильник Гилево-III (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
7	кург. 5, могила	ингумация с конем	1 пластина	у Ю стенки ямы	6. С. 14. Рис. 9
Курганный могильник Гилево-IV (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
8	кург. 1, могила	ингумация с конем	3 пластины	в районе пояса	6. С. 16. Рис. 18
9	кург. 2, могила	кремация	2 пластины	ЮЗ часть ямы	6. С. 16. Рис. 19
Курганный могильник Гилево-V (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
10	кург. 5, могила	ингумация с конем	1 пластина	у СВ стенки ямы	6. С. 17. Рис. 23
Курганный могильник Гилево-XI (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
11	кург. 1, могила	ингумация с конем	2 пластины	в середине ямы	6. С. 30. Рис. 77
Курганный могильник Корболиха-II (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
12	кург. 7, могила	кремация с конем	3 пластины	у ЮЗ части пятна	6. С. 48. Рис. 145
Курганный могильник Корболиха-X (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
13	кург. 1, мог. 1	ингумация с конем	3 пластины	в районе груди	6. С. 59. Рис. 182
Курганный могильник Гилево-XII (2-я половина X – 1-я половина XI в.)					
14	кург. 2, могила	ингумация с конем	4 пластины	в центре ямы	6. С. 33. Рис. 84
15	кург. 4, мог. 1	ингумация с конем	1 пластина	в центре ямы	6. С. 34. Рис. 90
16	кург. 4, мог. 2	ингумация с конем	1 пластина	в центре ямы	6. С. 34. Рис. 90
Курганный могильник Шадринцево-1 (2-я половина X – 1-я половина XI в.)					
17	кург. 1, мог. 1	ингумация	1 пластина	слева у локтя	7. С. 164. Рис. 3
Курганный могильник Щепчиха-1 (2-я половина X – 1-я половина XI в.)					
18	кург. 4, могила	ингумация с конем	1 пластина	в районе пояса	5. С. 17. Рис. 26
Курганный могильник Маралиха (2-я половина XI–XII в.)					
19	курган	поминки	кольчуга	в насыпи	5. С. 18. Рис. 41
Культура кыргызов					
Курганный могильник Гилево-III (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
20	кург. 9, мог. 1	кремация	2 пластины	в Ю части пятна	6. С. 14. Рис. 11
21	кург. 9, мог. 2	кремация	1 пластина	в З части пятна	6. С. 14. Рис. 11
22	кург. 9, мог. 3	кремация	1 пластина	в Ю части пятна	6. С. 14. Рис. 11
23	курган 9	поминки	53 пластины	в центре насыпи	6. С. 14. Рис. 11
24	кург. 10, мог. 1	кремация	2 пластины	в Ю части пятна	6. С. 15. Рис. 12
25	кург. 10, мог. 2	кремация	4 пластины	в Ю части пятна	6. С. 15. Рис. 12
26	кург. 11, мог. 1	кремация	1 пластина	в пятне	6. С. 15. Рис. 10
27	курган 11	поминки	3 пластины	в насыпи	6. С. 15. Рис. 10
28	курган 14	поминки	1 пластина	ЮВ часть насыпи	6. С. 15. Рис. 8
Кармацкая культура					
Могильник АБ-Бийск (2-я половина XIII – начало XIV в.)					
29	могила 1	ингумация	1 пластина	неизвестно	8. С. 144. Рис. 2
30	могила 2	ингумация	1 пластина	в районе пояса	8. С. 144. Рис. 1
Курганный могильник Шадрино (XIII – 1-я половина XIV в.)					
31	курган	поминки	шлем	в насыпи	5. С. 10. Рис. 46

Таблица 2

Находки доспехов в средневековых могильниках Кузнецкой котловины

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
Саратовская культура					
Курганный могильник Саратовка (V – 1-я половина X в.)					
1	кург. 1, мог. 17	кремация	2 сектора шлема	на дне ямы	9. С. 8. Рис. 6
2	кург. 17, мог. 2	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	9. С. 13. Рис. 62
3	кург. 18, мог. 2	кремация	8 пластин	среди калыц. костей	9. С. 13. Рис. 62
4	курган 22	поминки	1 пластина	в насыпи	9. С. 14. Рис. 27
5	курган 24	поминки	1 пластина	в насыпи	9. С. 15. Рис. 31
6	кург. 24, мог. 1	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	9. С. 15. Рис. 31
7	кург. 35, мог. 1	кремация	104 пластины	неизвестно	9. С. 24. Рис. 65–67
8	кург. 46, мог. 3	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	9. С. 22. Рис. 58
9	комплекс 3	неизвестно	24 пластины	неизвестно	9. С. 23. Рис. 64
10	комплекс 4	неизвестно	2 пластины	неизвестно	9. С. 23. Рис. 64
11	комплекс 7	неизвестно	7 пластин	неизвестно	9. С. 24. Рис. 68
12	комплекс 8	неизвестно	1 пластина	неизвестно	9. С. 24. Рис. 69
Курганный могильник Сапогово (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.)					
13	курган 1	поминки	1 пластина	в центре насыпи	10. С. 5. Рис. 21
14	кург. 1, мог. 1	кремация	42 пластины	у З и ЮВ стенок	10. С. 6. Рис. 21–22
15	кург. 4, мог. 1	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	10. С. 7. Рис. 25
16	кург. 6, мог. 1	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	10. С. 9. Рис. 27

Окончание табл. 2

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
17	курган 8	поминки	6 пластин от панциря и шлема	в насыпи	10. С. 9. Рис. 29
18	кург. 8, мог. 1	кремация с конем	5 пластин	на костях лошади	10. С. 9–10. Рис. 29
19	кург. 11, мог. 1	кремация	8 пластин	среди калыц. костей	10. С. 11. Рис. 33
20	курган 12	поминки	4 пластины	в насыпи	10. С. 11. Рис. 34
21	кург. 12, мог. 1	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	10. С. 11. Рис. 34
22	кург. 13, мог. 1	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	10. С. 12. Рис. 35
23	курган 14	поминки	9 пластин	в насыпи	10. С. 13. Рис. 36
24	кург. 14, мог. 4	кремация	6 пластин	среди калыц. костей	10. С. 13. Рис. 36
25	кург. 14, мог. 5	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	10. С. 13. Рис. 36
26	кург. 15, мог. 1	кремация	кольчуга и шлем	среди калыц. костей	10. С. 14. Рис. 39–40
27	курган 17	поминки	3 пл. и кольчуга	в насыпи	10. С. 15. Рис. 43
28	кург. 17, мог. 2	кремация	5 пластин	среди калыц. костей	10. С. 15. Рис. 43
29	кург. 19, могила	кремация	11 пластин	на дерев. настиле	10. С. 17. Рис. 45–51
Курган-кладбище Сапогово-2 (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.)					
30	насыпь	поминки	4 пластины	в центре насыпи	11. С. 12. Рис. 17
31	насыпь	поминки	2 пластины	в ЮЗ части насыпи	11. С. 13. Рис. 19
32	могила 9	кремация	5 пластин	среди калыц. костей	11. С. 16. Рис. 25
33	могила 15	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	11. С. 17. Рис. 26
34	могила 19	кремация	обломки пластин	среди калыц. костей	11. С. 18.
Курганный могильник Ваганово-I (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.)					
35	курган 2	поминки	14 пластин	дер. рама в насыпи	12. С. 165. Рис. 30
36	кург. 6, мог. 1	кремация	208 пластин	в ЮЗ части ямы	12. С. 184. Рис. 45–48
37	курган 8	поминки	30 пластин	в ЮВ части насыпи	12. С. 211. Рис. 56
38	курган 9	поминки	78 пластин	в насыпи	12. С. 218. Рис. 57
39	курган 10	поминки	10 пластин	в провале насыпи	12. С. 229. Рис. 64
40	кург. 10, мог. А	кремация	34 пластины	в СВ углу ямы	12. С. 228. Рис. 64
41	кург. 11, мог. А	кремация	31 пластина	среди калыц. костей	12. С. 238. Рис. 67
Курганный могильник Калтышино-II (2-я половина IX – 1-я половина X в.)					
42	кург. 2, мог. 1	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	13. С. 104. Рис. 17
43	курган 3	поминки	11 пластин	в насыпи	13. С. 116. Рис. 23
Курганный могильник Озерки-I (2-я половина IX – 1-я половина X вв.)					
44	кург. 8, мог. 3	кремация	392 пластины	на 3 борту ямы	13. С. 140. Рис. 38–42

Таблица 3

Находки доспехов в средневековых могильниках Приобья и Причулымья

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
НОВОСИБИРСКОЕ ПРИОБЬЕ					
Верхнеобская культура					
Курганный могильник Крохалевка-23 (2-я половина V – 1-я половина VI в.)					
1	курган 8	поминки	10 пластин	в насыпи	14. С. 126. Рис. 23
Курганный могильник Умна-2 (2-я половина VI – 1-я половина VII в.)					
2	курган 1	поминки	кольчуга	в насыпи	14. С. 44. Рис. 8
Сросткинская культура					
Курганный могильник Березовый Остров-1 (2-я половина X – 1-я половина XI в.)					
3	кург. 4, мог. 1	ингумация	2 пластины	под спиной	15. С. 107. Рис. 35
4	кург. 8, мог. 2	ингумация с конем	5 пластин	на спине лошади	15. С. 108. Рис. 43
Культура кыпчаков					
Курганный могильник Быстровка-1 (2-я половина XI–XII в.)					
5	кург. 16, мог. 3	ингумация	1 пластина	в районе пояса	16. С. 76. Рис. 2
Басандайская культура					
Курганный могильник Санаторный-1 (2-я половина XI–XII в.)					
6	курган 1	поминки	2 пластины	в насыпи	17. С. 72. Рис. 4
ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ					
Верхнеобская культура					
Курганный могильник Архиерейская Заимка (VI–VIII вв.)					
7	могила 4	кремация	3 пластины	среди калыц. костей	18. С. 39. Рис. 73
8	могила 5	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	18. С. 40. Рис. 75
Курганный могильник Тимирязевский-I (VI–VIII вв.)					
9	курган 6	поминки	4 пластины	в СВ части насыпи	18. С. 21. Рис. 19
10	кург. 32, могила	ингумация	3 пластины	в яме	18. С. 26. Рис. 40
11	курган 48	поминки	3 пластины	в насыпи	18. С. 29. Рис. 49
12	кург. 48, могила	кремация	2 пластины	в пятне	18. С. 29
13	курган 62, мог.	ингумация	5 пластин	в яме	18. С. 31. Рис. 53–54

Окончание табл. 3

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
Басандайская культура					
Курганный могильник Басандайка (2-я половина XI–XII в.)					
14	кург. 1, мог. 3	ингумация со шкурой коня	98 пластин	на верхней части ног человека	19. С. 87. Табл. 31–32
Курганный могильник Малая Киргизка (XIII–XIV в.)					
15	кург. 63, мог. 2	ингумация	8 пластин	справа от головы	20. С. 61. Рис. 159
СРЕДНЕЕ ПРИЧУЛЫМЬЕ					
Культура кыргызов					
Курганный могильник Змеинкинский (XI–XIII в.)					
16	кург. 28, могила	кремация	3 пластины	среди калыц. костей	21. С. 19. Рис. 18
17	кург. 44, могила	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	21. С. 24. Рис. 25
18	курган 53	поминки	1 пластина	с костями лошади	22. С. 116. Рис. 2
19	кург. 55, могила	кремация	4 пластины	в тайнике	21. С. 29. Рис. 35
Курганный могильник Калмакский (конец X–XIII в.)					
20	кург. 9, могила	кремация	7 пластин	в тайнике	21. С. 43. Рис. 69
21	кург. 21, могила	кремация	кольчуга	у стенки ямы	21. С. 52. Рис. 83
Культура чулымских тюрок					
Курганный могильник Чердат (XVII в.)					
22	курган, могила	ингумация	29 пластин	рядом с человеком	23. С. 141. Рис. 1

Таблица 4

Находки доспехов в средневековых могильниках Приобья и Прииртышья

№ п/п	Объект	Обряд	Доспех	Место расположения	Источник
СРЕДНЕЕ ПРИОБЬЕ					
Релкинская культура					
Курганный могильник Релка (VI–VII вв.)					
1	кург. 1, скоп. В	поминки	1 пластина	в насыпи	24. С. 9. Рис. 3
2	кург. 1, мог. 7	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	24. С. 12. Рис. 6
3	курган 2	поминки	1 пластина и шлем	в насыпи	24. С. 13. Рис. 10
4	кург. 2, мог. 4	ингумация	2 пластины	в ногах	24. С. 14. Рис. 10
5	кург. 2, мог. 8	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	24. С. 14. Рис. 10
6	кург. 5, скоп. В	поминки	кольчуга	в насыпи в сосуде	24. С. 16. Рис. 15
7	кург. 7, мог. 1	кремация	2 пластины	среди калыц. костей	24. С. 20. Рис. 24
8	кург. 10, мог. 1	ингумация	1 пластина	под ребрами	24. С. 22. Рис. 28
ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ					
Потчевашская культура					
Грунтовый могильник Окунево-III (конец VI – 1-я половина VIII в.)					
9	могила 5	кремация	1 пластина	среди калыц. костей	25. С. 74. Рис. 2
Курганный могильник Мурлинский (2 половина VIII – 1 половина IX вв.)					
10	курган, могила	ингумация	1 пластина	неизвестно	26. С. 65
Усть-Ишимская культура					
Курганный могильник Аргаиз (2-я половина IX–X в.)					
11	могила 4	вторич. ингумация	199 пластин	под человеком	25. С. 74. Рис. 2
Курганный могильник Кипо-Кулары-I (2-я половина X–XI в.)					
12	кург. 7, могила	ингумация	35 пластин	неизвестно	27. С. 168. Рис. 3
Курганный могильник Кип (XI–XII вв.)					
13	кург. 3, могила	ингумация	1 пластина	неизвестно	27. С. 168. Рис. 3
Курганный могильник Малая Бича-IV (X–XI в.)					
14	кург. 1, мог. 4	ингумация	кольчуга	неизвестно	26. С. 119, 136
Курганный могильник Усть-Ишим (XII–XIII в.)					
15	кург. 15, мог. 1	ингумация	12 пластин	неизвестно	28. С. 50. Табл. XI
Культура тарских татар					
Грунтовый могильник Окунево-VII (XVI–XVII в.)					
16	могила 267	ингумация	130 пластин	под человеком	29. С. 69. Рис. 1–2
БАРАБА					
Культура кыпчаков					
Курганный могильник Чулым-2 (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.)					
17	кург. 37, мог. 2	ингумация со шкурой коня	4 пластины	в СВ части ямы	30. С. 50. Рис. 28
Курганный могильник Сопка-2 (конец XII – середина XIII вв.)					
18	кург. 102, мог. 1 (668)	ингумация со шкурой коня	1 пластина	на колчане	31. С. 79. Рис. 5
Культура барабинских татар					
Курганный могильник Малый Чуланкуль-1 (XVI–XVII вв.)					
19	кург. 6, мог. 1	ингумация	1 пластина	среди костей	32. С. 77. Рис. 57
20	кург. 10, мог. 1	ингумация	кольчуга	в свертке	32. С. 77

Среди могил с доспехами 49 погребений совершенны по обряду кремации, два – кремации с конем, 22 – ингумации, 13 – ингумации с конем, три – ингумации со шкурой коня. Их датировка демонстрирует следующую тенденцию: в раннем Средневековье (V–X вв.) доспехов больше в погребениях с кремацией, в развитом Средневековье (XI–XIV вв.) их уже больше в погребениях с ингумацией, а в позднем Средневековье (XV–XVII вв.) они найдены только в погребениях с ингумацией (табл. I–IV).

Половозрастные определения для могил с ингумацией показывают, что доспехи сопровождали погребения мужчин. Даже если в могиле были похоронены несколько человек, хотя бы один из них был мужского пола. Всего лишь раз в погребении с одиночной ингумацией скелет определен как женский, но автор публикации вполне обоснованно сомневается в этом [6. С. 14]. Могилы без определений, включая кремацию, по присутствию в составе инвентаря оружия и / или наборных поясов также можно рассматривать как мужские. Из этого следует, что доспех в погребальной практике населения Западной Сибири отражал свою реальную функцию при жизни, т.е. являлся экипировкой мужчин-воинов, которые имели собственные средства защиты. В связи с этим он выполнял и функцию профессионального маркера, показывая принадлежность владельца к воинам-латникам. Однако ответить на вопрос, всем ли таким воинам при погребении полагались доспехи, довольно сложно. По нашему мнению, этому препятствовали факторы «экономии» доспеха как дорогой вещи, его наследования, временной выдачи и потери в бою. В трех случаях найдено по одной и две панцирных пластины в детских могилах [1. С. 104; 24. С. 14, 22]. Видимо они являлись особыми подношениями-оберегами.

Видовой состав доспеха представлен 115 панцирями, шестью шлемами (табл. I, 4, 31; II, 1, 17, 26; IV, 3) и одним щитом (табл. I, 2). По деталям бронепокрывтия и способу их соединения 104 панциря являются ламеллярными, один – ламинарным (табл. III, 3), два – пластинчато-клепанными с изнанки мягкой основы (табл. III, 22; IV, 16) и восемь кольчугами (табл. I, 19; II, 26–27; III, 2, 21; IV, 6, 14, 20). В ряде объектов сочетаются разные виды доспеха: ламеллярный панцирь + шлем (табл. I, 4; II, 17; IV, 3), кольчуга + шлем (табл. II, 26), ламеллярный панцирь + кольчуга (табл. II, 27). Ламеллярные панцири абсолютно доминируют в памятниках раннего и развитого Средневековья, а на позднее Средневековье приходится две находки пластинчато-клепанной панцирей, одна – ламеллярного и одна кольчуга. Пять шлемов и щит относятся к раннему, а один шлем к развитому Средневековью. Таким образом, наибольшее видовое разнообразие приходится на период раннего Средневековья.

Панцири в погребальных объектах чаще представлены отдельными пластинами или их фрагментами, которые лишь символизировали доспех. На одну целую панцирную пластину из могильников приходится шесть-семь, имеющих многочисленные следы повреждений и починки. То есть в погребения попадали в основном экземпляры, уже выработавшие свой функ-

циональный ресурс. В 37 объектах найдено по одной пластине, а в 19 – по две пластины. Еще в 35 объектах число пластин варьирует от трех до 15, и нередко они соединены между собой в полосу. В девяти объектах встречены крупные скопления от 24 до 77 пластин, образующие несколько спекшихся полос. Полные панцири обнаружены всего в двух погребениях и насчитывали 228 и 130 пластин [3. С. 62; 29. С. 72]. Видимо еще в пяти объектах, где число пластин составляет от 98 до 392, находились целые панцири, но их реставрация и реконструкция не проводились. Интересно отметить, что в двух случаях панцирные пластины были переделаны в модели тесел [21. С. 43. Рис. 69, 1; 24. Рис. 3, 27]. Это показывает возможность их использования и не по первоначальному назначению.

В погребениях с ингумацией панцирные пластины или их скопления в основном расположены в районе от груди до пояса человека – 18 объектов, т.е. в области торса, который в первую очередь и защищался доспехом. Реже они находятся в районе ног или под костями умершего – по четыре объекта. В одной могиле две полосы пластин лежали у головы человека, возможно, они относятся к бармице шлема [20. С. 86]. В погребениях с кремацией большинство пластин находилось в пятне или яме среди кальцинированных костей человека – 27 объектов, что говорит об их сжигании на погребальном костре. В 12 объектах пластины располагались отдельно от кремации и, видимо, не были непосредственно связаны с ритуалом сожжения. В Среднем Причумылье зафиксировано нахождение пластин в ямах-тайниках [21. С. 29, 43]. Один панцирь в погребении с кремацией был положен на борт могилы вместе с уздечным набором, рядом со стремянами. Авторы публикации трактуют его как конский нагрудник [13. С. 27. Рис. 36], но наличие в его составе пластин с вогнутым профилем [Там же. Рис. 40–42] характерно для поясной части воинских панцирей. Тем не менее в двух могилах панцирные пластины определенно связаны с сопроводительными захоронениями лошадей [10. С. 9–10; 15. С. 108] и могли символизировать конский доспех.

Все кольчуги из погребальных объектов фрагментированы и встречены поровну в насыпях и могилах – по четыре объекта. Из шлемов только два сохранили цельность конструкции, оба из насыпей, а четыре сильно фрагментированы (один из насыпи, три из могил). От щита, найденного в могиле, сохранились лишь обломки железного канта с незначительными остатками древесины [5. С. 17]. Редкая встречаемость кольчатых панцирей по сравнению с пластинчатыми в могильниках, видимо, отражает реальную ситуацию их малой распространенности у населения Западной Сибири [14. С. 44]. Шлемы должны были иметь многие воины-латники [28. С. 61–62], но в силу технологической сложности изготовления этого вида доспеха он попадал в погребальные комплексы исключительно редко. Щиты в силу того, что их основа делалась из дерева, были доступны не только латным, но и легковооруженным воинам. Однако плохая сохранность древесины препятствует их идентификации в археоло-

гических памятниках, а металлические детали на западносибирских щитах являлись скорее исключением, чем правилом.

В целом небольшое число средневековых погребальных объектов с доспехами в Западной Сибири говорит об избирательности их применения в качестве сопроводительного и поминального инвентаря. Видимо, доспехи полагались умершим только в особых случаях, например при отсутствии наследников, как трофеев или подарок, а в определенных ситуациях и как охранные обереги. Однако и тогда в могилу или насыпь кургана в большинстве случаев клали не целые вещи, а их символическую замену.

Наиболее интенсивное использование доспехов в погребальной практике населения Западной Сибири наблюдается в период раннего Средневековья – 85 объектов. В развитом Средневековье количество

доспехов заметно сокращается – 28 объектов, а в позднем Средневековье – всего четыре объекта, можно сказать, что эта традиция практически исчезает.

На внутрорегиональном уровне следует выделить территорию Кузнецкой котловины, где зафиксировано 44 объекта с доспехами (см. табл. II). Здесь либо сложилась особая традиция, связанная с большим числом воинов-латников в обществе, либо жители данной местности испытывали повышенную военную опасность. На последнее указывает то, что основная часть объектов с доспехами датируется периодом второй половины VIII – первой половины IX в. Возможно в этот отрезок времени население Кузнецкой котловины вело активные военные действия, связанные с защитой своей территории от южных соседей (тюрки, кыргызы), что стимулировало более частое попадание доспехов в погребально-поминальные комплексы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА. № 48).
2. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.
3. Горбунов В.В. Панцирь из Татарских Могилок (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62–78.
4. Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.
5. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). 174 с.
6. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
7. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
8. Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 143–149.
9. Илюшин А.М. Могильник Саратовка : публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.
10. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 128 с.
11. Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Косьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.
12. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.
13. Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово : Офсет, 2012. 213 с.
14. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
15. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
16. Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Средневековые курганы с квадратными рвами из Новосибирского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 73–79.
17. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.
18. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 248 с.
19. Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1948. 219 с. (Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева; т. 98; Труды Томского государственного педагогического института).
20. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
21. Беликова О.Б. Среднее Причудымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
22. Беликова О.Б. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1988. С. 116–135.
23. Кренке Н.А. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 137–145.
24. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
25. Конилов Б.А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 68–78.
26. Конилов Б.А. Омское Прииртышье в эпоху средневековья. Омск : Наука, 2005. 244 с.
27. Конилов Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н.э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 163–172.
28. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
29. Герасимов Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево-VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 67–74.
30. Бараба в тюрское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин и др. Новосибирск : Наука, 1988. 176 с.
31. Молодин В.И., Соловьев А.И. Погребение позднетюркского воина в Барабе // Средневековые древности Западной Сибири. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1995. С. 65–101.
32. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

Vadim V. Gorbunov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

THE USE OF ARMOUR IN THE BURIAL PRACTICE OF THE POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE MIDDLE AGES

Keywords: armour, funerary object, Middle Ages, Western Siberia.

The article analyzes the materials of 40 burial mounds and six burial grounds containing finds of iron armour. These monuments are located on the territory of Western Siberia and date from the IV/V to the XVII centuries AD. In total, the remains of 115 armors, six helmets and one shield were found there. These means of protection were recorded at 117 objects, of which 89 are graves, and 28 are embankments of mounds. The presented sample does not claim to cover the full range of available materials, but it is representative enough for the research procedure. The main goal of the work is to find out the purpose of armour in the funeral ritual and to reveal the patterns of such a practice in the medieval population of Western Siberia. Armour was mainly used as an accompanying inventory during the burial of a person, but it could also act as an offering at his commemoration. Among the graves with armour there are burials by the way of cremation (51) and inhumation (38).

In the early Middle Ages, armour is more often found in burials with cremation. In the developed Middle Ages there are more of them in burials with inhumation, and in the late Middle Ages, these are only burials with inhumation. The age and sex definitions and the composition of the inventory show that the armour almost always accompanied the burials of men and only in three cases of children. It follows from this that during burial, the armour continued to perform its direct function, serving as a means of protecting a male warrior, and it also marked a warrior armored. In the graves and embankments, only two relatively intact armors and two helmets were found, and five more armors were supposedly complete. The rest of the armour is highly fragmented and represented only a symbol - a substitute for whole things, not suitable for further use. Their location in burials according to the inhumation rite could correspond to the place where they were worn on a person, but in burials according to the cremation rite, such a connection is not traced. In two graves, the remains of armour were found next to the accompanying burials of horses and could belong to horse armour. Most often, in burial monuments lamellar armor were placed, which dominated in the early and developed Middle Ages. Other types of armour are rare. In general, the small number of burial objects with armour indicates the selectivity of their use. It can be concluded that the most active use of armour in the burial practice of the population of Western Siberia is observed in the early Middle Ages, and then this tradition is declining, gradually disappearing in the late Middle Ages. Most of the armour was found in the burial grounds of the Kuznetsk Depression, which may be associated with military operations here in the VIII-IX centuries AD.

REFERENCES

- Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [History of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near Bolshaya Rechka village]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Egorov, Ya.V. (1993) *Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae* [New research on a Great Migration-era warrior's burial in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (eds) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [The Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–80.
- Gorbunov, V.V. (2002) *Pantsir' iz Tatarskikh Mogilok (restavratsiya i rekonstruktsiya)* [A hauberk from Tatarskie Mogilki (restoration and reconstruction)]. In: Gorbunova, V.V. & Tishkina, A.A. (eds) *Materialy po voennoy arkhologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on the Military Archaeology of the Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 62–78.
- Gorbunov, V.V. (1993) *Gruntovyy mogil'nik s obryadom krematsii Troitskiy Elban-I* [Troitskiy Elban-I unpaved graveyard with cremation ceremony]. In: Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (eds.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [The Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 80–90.
- Gorbunov, V.V. (2003) *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv* [Military warfare of the Altay population in the 3rd – 14th centuries]. Barnaul: Altai State University.
- Mogilnikov, V.A. (2002) *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [The nomads of the north-western foothills of Altai in the 9th – 11th centuries]. Moscow: Nauka.
- Neverov, S.V. & Gorbunov, V.V. (1996) *Kurgannyi mogil'nik srostkinskoy kul'tury Shadrintsevo-1* [Shadrintsevo-1 burial mound of the Srostki culture]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkhologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 163–191
- Tishkin, A.A. (2002) *Predmety voozuzheniya mongolskogo vremeni iz okrestnostey Biyska* [Items of Mongolian armour from the vicinity of Biysk]. In: Gorbunova, V.V. & Tishkina, A.A. (eds) *Materialy po voennoy arkhologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on the Military Archaeology of the Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 143–149.
- Ilyushin A.M. (1999) *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya* [Saratovka burial ground: the publication of materials and ethnoarchaeological research]. Kemerovo: KuzSTU.
- Ilyushin, A.M., Suleymenov, M.G., Guz, V.B. & Starodubtsev, A.G. (1992) *Mogil'nik Sapogovo – pamyatnik drevnyurkskoy epokhi v Kuznetskoy kotlovine* [Sapogovo burial ground – an ancient Turkic monument in the Kuznetsk Basin]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Ilyushin, A.M. (1997) *Kurgan-kladbishche v doline r. Kos'my kak istochnik po srednevekovoy istorii Kuznetskoy kotloviny* [A burial mound in the Kosma valley as a source for the medieval history of the Kuznetsk Basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & Onishchenko, S.S. (2010) *Vaganovskiy kurgannyi nekropol' IX v. n.e. v Prisalair'e* [Vaganovo burial mound from the 9th century AD near Salair]. Kemerovo: INT.
- Vasyutin, A.S., Vasyutin, S.A. & Onishchenko S.S. (2012) *Kaltyshinskiy arkhologicheskii mikrorayon v kontse VIII – pervoy polovine XI vv. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prisalair'e)* [The Kaltyshi archaeological microdistrict in the late 8th and first half of the 11th centuries AD: nature and culture (steppe Prisalair)]. Kemerovo: Ofset.
- Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob Culture in the Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography RAS.
- Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv* [Novosibirsk Priob'ye in the 10th–14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
- Borodovskiy, A.P. & Troitskaya, T.N. (1998) *Srednevekovye kurgany s kvadratnymi rvami iz Novosibirskogo Priob'ya* [Medieval barrows with square ditches from the Novosibirsk Oblast]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy – Siberia in the Panorama of Millennia*. 1. pp. 73–79.
- Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [Upper Priob'ie at the turn of the century (the Basandaika culture)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography RAS.
- Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Priob'ie in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk State University.
- Gorlachev, Ya.D. (ed.) (1948) *Basandayka: sbornik materialov i issledovaniy po arkhologii Tomskoy oblasti* [Basandaika: A collection of materials and research on the archaeology of the Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priob'ie in the early 2nd millennium AD (According to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulye v X–XIII vv.* [Middle Chulym region in the 10th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Belikova, O.B. (1988) Kurgan 53 Zmeininskogo mogil'nika na Chulyme [Kurgan 53 of the Zmeininsky burial ground on Chulym]. In: Medvedev, V.E. & Khudyakov, Yu.S. (eds) *Drevnie pamyatniki Severnoy Azii i ikh okhrannye raskopki* [Ancient monuments of North Asia and their protective excavations]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 116–135.
23. Krenke, N.A. (1984) Kolleksiya V.V. Radlova iz raskopok kurganov XVII v. v Sibiri [V.V. Radlov's collection from the excavations of burial mounds of the 17th century in Siberia]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 137–145.
24. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Relka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Konikov, B.A. (1980) Materialy k kharakteristike vooruzheniya sredneirtyshskogo naseleniya v epokhu rannego srednevekov'ya [Materials for the characteristics of the weapons of the Middle Irtysh population in the early Middle Ages]. In: Alferov, S.A. (ed.) *Arkheologiya Priirtysh'ya* [Archaeology of Irtysh region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 68–78.
26. Konikov, B.A. (2005) *Omskoe Priirtysh'e v epokhu srednevekov'ya* [Omsk Priirtyshie in the Middle Ages]. Omsk: Nauka.
27. Konikov, B.A. (1987) O vooruzhenii priirtyshskogo naseleniya nachala II tys. n.e. (po materialam pamyatnikov Omskoy oblasti) [On the armament of the Irtysh population at the beginning of the 2nd millennium AD (based on the materials of the monuments of the Omsk region)]. In: Khudyakov, Yu.S. & Plotnikov, Yu.A. (eds) *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military affairs of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 163–172.
28. Solovev, A.I. (1987) *Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya* [Military affairs of the indigenous population of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
29. Gerasimov, Yu.V. (2013) Predmety vooruzheniya XVI–XVII vekov iz mogil'nika Okunevo-VII v Tarskom Priirtysh'e [Weapons of the 16th – 17th centuries from Okunevo-VII burial ground in the Tarsk Irtysh region]. In: Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds) *Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Military affairs of the medieval peoples of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 67–74.
30. Molodin, V.I., Savinov, D.G., Elagin, V.S. et al. (1988) *Baraba v tyurskoe vremya* [Baraba in the Turkic time]. Novosibirsk: Nauka.
31. Molodin, V.I. & Solovev, A.I. (1995) Pogrebenie pozdnetyrksskogo voina v Barabe [The burial of a Late Turkic warrior in Baraba]. In: *Srednevekovye drevnosti Zapadnoy Sibiri* [Medieval antiquities of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 65–101.
32. Molodin, V.I., Sobolev, V.I. & Solovev, A.I. (1990) *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the late Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94.001

DOI: 10.17223/19988613/74/24

А.Н. Еремеева, М.Х. Заман

ОДНОКУРСНИЦЫ. ЗИНАИДА ЕРМОЛЬЕВА И НИНА КЛЮЕВА: ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Рассматривается ростовский период жизни известных микробиологов и эпидемиологов Зинаиды Ермольевой и Нины Ключевой. На основе документов региональных и центральных архивов, периодической печати 1910–1920-х гг., медицинских изданий произведена реконструкция профессионального становления ученых, в юности бывших однокурсницами, коллегами, соавторами. Представлен исторический контекст получения образования, научных опытов, борьбы с инфекционными болезнями в Ростове-на-Дону в условиях Первой мировой и Гражданской войн, первых послевоенных лет.

Ключевые слова: Зинаида Ермольева, Нина Ключева, Женский медицинский институт, Донской университет, борьба с эпидемиями.

Введение

Имена наших героинь – Зинаиды Виссарионовны Ермольевой и Нины Георгиевны Ключевой – начиная с 1940-х гг. были хорошо известны не только в СССР, но и за его пределами.

За изобретение антибиотиков независимо от зарубежных коллег З.В. Ермольеву в 1943 г. наградили Сталинской премией 1-й степени. Уже в военные годы она спасла новым лекарством тысячи жизней воинов и мирного населения осажденного Сталинграда. «Госпожа Пенициллин» – называл ее знаменитый коллега – англичанин Г. Флори.

Зинаида Ермольева стала прообразом Татьяны Влащенко – всеми любимой героини трилогии В.А. Каверина «Открытая книга». Первая ее часть была опубликована в 1949 г., а полностью произведение вышло в 1956 г. и неоднократно переиздавалось, переводилось на иностранные языки. Два советские экранизации романа приходится на 1970-е гг. Родной брат В.А. Каверина Л.А. Зильбер – основоположник советской вирусологии (и прототип одного из главных персонажей «Открытой книги») – несколько лет был мужем З.В. Ермольевой. Именно благодаря ее настойчивости репрессированного Зильбера неоднократно освободили из мест заключения.

В драматическом театре Арзамаса в начале 1970-х гг. шла пьеса А. Липовского «На пороге тайны», посвященная З.В. Ермольевой. Одна из серий 10-серийного документального сериала «Шекспиру и не снилось...» – проекта телеканала «Культура» 2006 г. – называется «Госпожа пенициллин». В телесериале «Черные кошки» (2013) о борьбе с бандитизмом в послевоенном Ростове-на-Дону смелые эксперименты молодого врача поддерживает приехавшая из Москвы изобретательница антибиотиков Зинаида Илларионовна Ермолова (ее прототип не вызывает сомнений).

Нина Ключева была известна в связи с активными поисками лекарства против рака. В 1946 г. в издательстве АН СССР, а затем и в США была опубликована ее монография, написанная в соавторстве с мужем – Г.И. Роскиным, «Биотерапия злокачественных опухолей», удостоившаяся высокой оценки специалистов и даже лично И.В. Сталина. Препарат КР, или круцин (в соответствии с первыми буквами фамилий создателей), казалось, давал шанс миллионам людей. Прошло меньше года, и вчерашних героев превратили в предателей. Началась «холодная» война. Стартом борьбы с инакомыслием стали так называемые суды чести, на которые возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий.

Первым судом чести стал процесс профессоров Н.Г. Ключевой, только что избранной депутатом Верховного Совета РСФСР, и Г.И. Роскина («дело КР»), прошедший в июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения СССР. Ученых обвиняли в передаче (с помощью академика В.В. Парина, позже осужденного на 10 лет) рукописи книги в США в порядке обмена научной информацией. «Винючники» вынужденно калялись.

Как вспоминает К.М. Симонов, незадолго до суда И.В. Сталин вызвал в Кремль доверенных писателей, показал им заявление парткома Минздрава о привлечении Ключевой и Роскина к суду чести и дал задание отреагировать на этот факт [1. С. 128–131]. В итоге уже в 1948 г. появились удостоенные Сталинской премии пьеса К. Симонова «Чужая тень» и фильм «Суд чести» (режиссер А. Роом, по пьесе А. Штейна «Закон чести»). Правда, в качестве отрицательных персонажей – ученых, передавших на Запад собственные медицинские разработки, фигурировали исключительно мужчины. Научным консультантом К. Симонова по иронии судьбы был П.Ф. Здродовский – один из

главных наставников Н.Г. Ключевой и З.В. Ермольевой в годы студенчества.

В середине 1950-х гг. обвинения с Н.Г. Ключевой, а также с Г.И. Роскина и академика В.В. Парина, были сняты. Нина Георгиевна продолжала работать в области производства противораковых препаратов, была одним из признанных специалистов в области эпидемиологии, заведовала кафедрой микробиологии в медицинских институтах Москвы и Рязани.

Нина Ключева умерла в 1971 г., Зинаида Ермольева – в 1974. С тех пор имя первой фигурирует в литературе в основном в многочисленных трудах о «деле КР» и препарате круцин. Основные вехи биографии Н.Г. Ключевой (в том числе ранней) изложены в изданной сначала в США, а потом и в России монографии известного историка науки, выпускника Ростовского-на-Дону университета Н.Л. Кременцова [2, 3], однако многое нуждается в уточнении.

О З.В. Ермольевой писали и пишут достаточно часто и в центральных, и в региональных (донских) изданиях, однако тексты, за редким исключением, создают впечатление написанных «под копирку». Тиражируются широко известные данные и... многочисленные ошибки в биографии выдающейся женщины. Среди авторов статей преобладают журналисты и ученые-микробиологи – нередко ученики и ученики учеников З.В. Ермольевой из Института биохимии им. А.Н. Баха [4]. Журналисты в основном опираются на многочисленные интервью Ермольевой и статьи о ней в советской прессе. В популярной (и до сих пор единственной!) 89-страничной биографии З.В. Ермольевой, написанной Т.Л. Мельниковой и изданной в Волгограде в 1984 г. [5], по понятным причинам старательно обойдены вниманием те события и персонажи, которые могли бы препятствовать восприятию героини как плоть от плоти «продукта» советской эпохи. В 2004 г. Н. Смирнова в газете «Академия» опубликовала, правда, без ссылок на архив, ценные документы, касающиеся детства и юности Ермольевой, в том числе копию ее свидетельства о рождении, но авторы последующих работ «не заметили» их [6].

В данной статье сделана попытка реконструкции истории профессионального становления З.В. Ермольевой и Н.Г. Ключевой, по сути, ростовского периода их жизни. Они учились на одном курсе, избрали одну и ту же специализацию, работали в одних и тех же учреждениях, проводили совместные научные исследования. Обе, с разницей всего в несколько лет, переехали из Ростова-на-Дону в Москву и достаточно быстро «покорили» столицу.

В качестве источников выступают разнообразные (главным образом делопроизводственные) документы центральных и региональных архивов. Особенно информативны фонды Женского медицинского института (ЖМИ) и Донского университета (Государственный архив Ростовской области), Комиссии содействия ученым при СНК СССР с анкетами наших героинь и другими документами (Государственный архив Российской Федерации), личный фонд З.В. Ермольевой в Российском государственном архиве экономики. Используются также материалы донской периодики

середины 1910-х – середины 1920-х гг. (газеты «Приазовский край», «Советский Юг»), центральной прессы, медицинские журналы с первыми публикациями З.В. Ермольевой и Н.Г. Ключевой («Юго-Восточный вестник здравоохранения», «Кубанский научно-медицинский вестник» и др.). Ценные сведения о семье З.В. Ермольевой сообщили в письме авторам дочь и внук ее брата – живущие в Чехословакии Татьяна Кейвалова (Tanya Kejvalova), в девичестве Ермольева, и доктор Давид Ермольев (David Jermoljev).

Детство, отрочество, ранняя юность

Дата и место рождения З.В. Ермольевой традиционно определяются по представленным ею самой сведениям. В рукописи автобиографии, датированной мартом 1974 г. (за несколько месяцев до смерти), указано: «24 октября 1898 г., г. Фролово Волгоградской области (б. Донская область)» [7. Л. 8]. В публикациях, в том числе написанных коллегами Ермольевой, фигурируют этот же год, месяц и место рождения, а число варьирует с 24 по 27 октября. В анкете 1921 г., заполненной при поступлении на работу, З. Ермольева указывает, что родилась 2 (14) октября 1898 г. в Ломжинской губернии [8. Л. 5]. Судя по копии свидетельства о рождении и оригиналу аттестата об окончании гимназии в личном деле студентки З. Ермольевой [9. Л. 4, 5], данным церковной метрической книги [10. Л. 95 об. –96], она родилась 2 (14) октября 1897 г. в г. Щучине Ломжинской губернии (территория относилась к Варшавскому военному округу) в семье Виссариона Васильевича Ермольева – казака станицы Качалинской, подьесаула 4-го Донского казачьего полка, и его жены Александры Гавриловны. В Щучине был расквартирован 4-й Донской казачий полк, в котором служил отец Зинаиды.

В семье кроме Зинаиды были четыре брата (два старше ее, два младше) и старшая сестра. Все братья в годы Гражданской войны состояли в антибольшевистских формированиях, один (Александр) как бывший белогвардеец был репрессирован и умер в тюрьме в 1937 г., другие покинули Россию [11. С. 62–65; 12. С. 271]. Георгий жил во Франции, Борис – в Парагвае. Евгений (Evzen Jermoljev), обосновавшийся в Чехословакии и проживший там до смерти (1974), стал известным агробиологом [13. С. 138]. З.В. Ермольева в 1962, 1964 и 1971 гг. бывала в Праге конференциях [7. Л. 9]. В семейном архиве ее чешских родственников имеются совместные фотографии с З.В. Ермольевой 1964 г., сделанные в Праге и в Москве. Т. Кейвалова с мужем-летчиком с 1966 по 1970 г. жила в Монино, под Москвой, и часто навещала тетю в ее московской квартире и на даче. При этом в автобиографии Зинаида Виссарионовна вообще не упоминала о братьях, но подробно описывала семью сестры, потерявшую в годы Великой Отечественной войны единственного сына, ушедшего на фронт добровольцем [Там же. Л. 8].

«Путаница» с данными о месте рождения и членах семьи З.В. Ермольевой (год рождения мог быть изменен исключительно из желания казаться моложе) соответствует описанному Ш. Фицпатрик механизму производства в советском обществе «документального Я»,

создания биографии, «отделяемой со всей тщательностью» [14. С. 109–110]. З.В. Ермольева, уже достигнув высот в науке, с гордостью называла себя донской казачкой, однако до конца жизни дистанцировалась от той части казачества, которая принимала непосредственное участие в защите интересов самодержавного государства и антисоветских режимов. Женщина, смело защищавшая незаконно осужденных коллег, хорошо понимала возможные последствия сомнительных с точки зрения идеологии моментов собственной биографии.

Буквально через год после рождения Зинаиды семья вернулась на Дон. Отец служил приставом, старшим атаманом. В 1903 г. был произведен в есаулы. В 1905 г. вышел в отставку по болезни с чином войскового старшины и мундиром [11. С. 63] и почти до смерти (1909) работал на железной дороге. Матери, умершей в 1960 г. в возрасте 92 лет, посчастливилось стать свидетелем научного триумфа дочери.

Детство Зинаиды было в большей степени связано с хутором Фролово Усть-Медведицкого округа, около железнодорожной станции Арчеда (ныне г. Фролово). Именно там, на улице, названной именем З.В. Ермольевой, находится мемориальная доска с неправильными датами рождения и смерти (1898–1975 вместо 1897–1974). Ошибка в дате смерти выглядит особенно нелепой, ведь точная дата (2 декабря 1974 г.) указана на памятнике З.Е. Ермольевой на Кузьминском кладбище.

Дети семьи Ермольевых получали образование в столице Области Войска Донского Новочеркасске: мальчики – в Донском кадетском корпусе, девочки – в Мариинской женской гимназии. Зинаида поступила туда в 1908 г.

Антонина (называвшая себя Ниной, что в 1920-е гг. было закреплено документально) Ключева родилась в станице Ольгинской Черкасского округа Области Войска Донского 16 (28) мая 1899 г. в семье урядника Георгия Васильевича Ключева и его жены Анны Матвеевны [15. Л. 26]. По данным Н. Кременцова, у Антонины был брат Александр, вероятно, пропавший на фронте в годы Гражданской войны [3. С. 53]. Г.В. Ключев был успешен в коммерции. Он приобрел большой дом в центре Нахичевани-на-Дону, куда и перевез свою семью. В 1908 г. его дочь поступила в первый класс местной Екатерининской гимназии [15. Л. 22].

Скорее всего, до поступления в институт Зинаида и Антонина не знали друг друга. Обе девушки в 1915 г. окончили с отличием 7 классов, а в 1916 – 8-ой, дополнительный класс гимназий, что давало им право быть домашними учительницами по русскому языку и математике.

Уровень преподавания в дореволюционных гимназиях был традиционно высоким. В качестве дополнительных предметов наши героини успешно изучали новые языки – немецкий и французский, а Нина, жившая в городе с преобладанием армянского населения, – еще и армянский. Древние языки отсутствовали в программе женских гимназий. Девушки экстерном сдали латинский язык, знание которого было обязательным для будущих медиков, в мужских гимназиях: Антонина – весной 1916 г. [Там же. Л. 21], Зинаида – в марте 1917 г., уже будучи студенткой [9. Л. 10].

Студенческие годы

Вплоть до Первой мировой войны молодежь Области Войска Донского, желающая получить медицинское образование, могла сделать это только за пределами своего региона. Ситуация изменилась, когда в Ростова-на-Дону в 1915 г. был эвакуирован Варшавский университет с полным набором факультетов (историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский). Переехавшие сюда же из Варшавы Высшие женские курсы медицинского факультета не имели. Продолжавшаяся война, мобилизация врачей в действующую армию, превращение Ростова-на-Дону в одну из госпитальных баз и появление в городе множества профессоров-медиков стимулировали постановку и решение вопроса о высшем женском медицинском образовании.

Инициатива ростовской общественности, организационная активность главного врача городской Николаевской больницы Н.В. Парийского привели к принятию в апреле 1916 г. Ростовской городской думой решения открыть женский медицинский вуз за счет городского бюджета.

Значительная часть помещений для учебных занятий и практики должна была использоваться совместно ЖМИ и медицинским факультетом Варшавского университета. Директором ЖМИ стал заведующий кафедрой гистологии, декан медицинского факультета университета А.А. Колосов, помощником директора – Н.В. Парийский.

Большое количество желающих учиться в новом вузе заставило его руководство выработать приоритеты. Предпочтение при прочих равных отдавалось девушкам, имеющим аттестат об окончании восьми классов гимназии или акушерско-фельдшерской школы, тем, кто прожил в Ростове-на-Дону не менее двух лет. Дочерей профессоров Варшавского университета набирали сверх «установленного комплекта», плату за обучение с них не брали. Поступать сразу на второй курс могли не только те, кто ранее окончил первый курс медицинского факультета, но и слушательницы Высших женских курсов Варшавского университета при условии сдачи дополнительных экзаменов [16. Л. 9–10].

В отведенный срок наши героини подали заявление с просьбой о зачислении в ЖМИ, предоставили копии метрик, документов об образовании (аттестаты с отличными оценками), фотографии. Однако в списке зачисленных на 1-й курс Института их фамилии не значились [17. Л. 1–3 об.], вероятно, из-за проживания за пределами Ростова-на-Дону.

Институт торжественно открылся 21 ноября 1916 г. Руководство, осознавая, что множество достойных кандидаток остались «за бортом», а потребность в медицинских кадрах высшей квалификации в стране велика, решили «возбудить ходатайство по телеграфу перед Министерством народного просвещения о разрешении принять на первый курс сверх комплекта 30 слушательниц из жителей Ростова-на-Дону и достойнейших иногородних» [16. Л. 25].

В свою очередь, родители наших героинь (мать Зинаиды и отец Нины) обратились к Наказному Атаману

Войска Донского графу М.И. Граббе с просьбой содействовать зачислению их дочерей-отличниц в медицинский институт «сверх комплекта» [9. Л. 12; 15. Л. 20]. А.Г. Ермалова упомянула в прошении о своем статусе вдовы, матери шестерых детей, о двух старших сыновьях, воюющих на фронте, двух младших – учащихся Донского кадетского корпуса [9. Л. 12]. Оба заявления удостоились положительной резолюции. Однако хлопоты родителей и казачьей администрации оказались излишними. Уже 30 ноября 1916 г. З. Ермалова, А. Ключева и другие достойные претендентки были зачислены [17. Л. 8].

Первый год деятельности института был полон организационных забот. Формировались кафедры, решались вопросы замещения вакантных должностей, оборудования помещений, организации делопроизводства, налаживания учебного процесса. Учитывая, что семестр начался с опозданием, руководство ввело особый график сдачи экзаменов. Предполагалось до 1 мая 1917 г. закончить чтение лекций и ведение практических занятий по всем предметам, кроме гистологии с эмбриологией и физиологии, а последних – до 15–20 мая. До каникул слушательницы обязаны были сдать экзамены по анатомии, физике, неорганической и органической химии. Экзамены по остальным предметам (зоология, ботаника, минералогия с основами геологии) могли быть выдержаны на 2-м курсе, не позже конца 1917–1918 учебного года [16. Л. 25]. В разгар второго семестра грянула Февральская революция. Был принят новый Устав, в соответствии с которым институт находился в ведении Министерства народного просвещения.

1917–1918 учебный год начался в беспокойной обстановке. Война продолжалась. Временное правительство доживало последние дни. После Октябрьских событий в Петрограде Дон стал главным центром формирования антибольшевистских сил, местом рождения Добровольческой армии. Параллельно создавались органы казачьей государственности. Вслед за низложением Войскового правительства ненадолго установилась советская власть. После ее свержения последовала немецкая оккупация (вследствие заключения Брестского мира) и провозглашение казачьей республики – Всевеликого войска Донского. В начале 1919 г. казачья армия объединилась с Добровольческой в Вооруженные силы Юга России под началом Главнокомандующего А.И. Деникина.

Ростов-на-Дону стал одним из центров всероссийского беженства. Газеты почти ежедневно сообщали о прибытии сюда ученых, политиков, предпринимателей. Здесь располагались деникинские правительственные учреждения, офисы союзнических войск. В городе гастролировали знаменитые художественные коллективы и исполнители.

Ни Зинаида Виссарионовна, ни Нина Георгиевна по понятным причинам не оставили воспоминаний о своей жизни в антибольшевистской столице. Трудно сказать, насколько студентки были вовлечены в водоворот политических и культурных событий, однако избежать этого полностью было сложно, учитывая любознательность и общественную активность, при-

сущие им обеим, а также неравнодушие к искусству (Зинаида прекрасно танцевала, Антонина играла на фортепиано).

Кадровый состав ЖМИ, ежегодно пополнявшийся ввиду появления старших курсов, был очень сильным. Его основу составили профессора Варшавского университета, в 1917 г. ставшего решением Временного правительства Донским, среди которых были такие известные специалисты, как создатель первой в России кафедры кожных и венерических болезней П.В. Никольский, основоположник русской гигиенической науки Н.Н. Бруснянин, блестящие офтальмолог К.Х. Орлов, хирург Н.А. Богораз, невропатолог А.А. Жандр, патологоанатом И.Ф. Пожарский, физиолог З.В. Гутников, один из основоположников физиологического направления в патологии К.Р. Мирам и др. В связи с Первой мировой войной и революцией в Ростове-на-Дону оказались преподаватели из Москвы (физиолог Н.А. Рожанский) и Петрограда (анатом К.З. Яцута).

В 1917 г. в ЖМИ появилась кафедра бактериологии; аналогичная, основанная буквально перед эвакуацией из Варшавы, имелась в Донском университете. Заведующим новой кафедрой стал Владимир Александрович Барыкин. В 1900 г. он с отличием окончил медицинский факультет Казанского университета. Работал земским врачом, в годы русско-японской войны – терапевтом военно-санитарного поезда в Манчжурии, затем на Китайско-Восточной железной дороге (боролся со вспышками чумы). В 1906 г. защитил диссертацию «Паратифозные заболевания в Маньчжурии». В 1908 г. возвратился в Казань, где работал в Бактериологическом институте и университете под началом блестящего бактериолога И.Г. Савченко. В 1910 г. Барыкин в рамках заграничной командировки стажировался в Брюсселе у ученика И.И. Мечникова Ж. Борде и в Париже у И.И. Мечникова. По возвращении в Казань возглавил бактериологическую лабораторию при кафедре общей патологии. Едва приняв заведование кафедрой бактериологии в Варшавском университете, он по поручению Кавказского комитета Всероссийского союза городов занялся формированием бактериологического отряда для обслуживания воинских частей, а также беженцев и местного населения на территории Кавказского фронта [18].

В течение года ученый находился на фронте и только осенью 1916 г. прибыл в Ростов-на-Дону, где возглавил Бактериологический институт, находившийся в ведении Всероссийского союза городов, а также кафедры бактериологии в университете и ЖМИ. Его ближайшим сотрудником стал ученик по Казанскому университету, уже собиравший материалы для докторской диссертации и имевший опыт работы врача-бактериолога на фронте, – П.Ф. Здродовский.

Именно В.А. Барыкин и П.Ф. Здродовский стали главными наставниками Зинаиды Ермаловой, Антонины Ключевой и их сокурсниц, увлекшихся бактериологией. Под влиянием В.А. Барыкина, активно занимавшегося холерными и холероподобными вибрионами, девушки увлеклись исследованием биохимии микробов. З. Ермалова рассказывала в многочисленных интервью, что приходила в лабораторию задолго до ее

открытия, через форточку. Студентки-«медички», по сути, выполняли функции сотрудников Бактериологического института ввиду затяжного конфликта В.А. Барыкина с частью персонала в 1918 г., приведшего к массовому увольнению [19. Л. 14], постоянной угрозы мобилизации мужчин-лаборантов [20. Л. 101]. Сохранилось датированное маем 1919 г. ходатайство Барыкина во Всероссийский союз городов, базировавшийся тогда в Екатеринодаре, о предоставлении места в одном из санаториев Черноморского побережья для реабилитации после болезни «студентке-медичке А.П. Афанасьевой, которая по вечерам служит в институте с начала 17 г. и зарекомендовала себя как один из лучших работников» [Там же. Л. 2].

В.А. Барыкин и его сотрудники занимались созданием чрезвычайно важных в условиях эпидемий препаратов. В газете «Приазовский край» было помещено объявление об открытом профессором Барыкиным способе лечения сыпного тифа, «который заключается во впрыскивании больным ртути и сыворотки из крови выздоровевших от сыпного тифа» [21. С. 2]. Препараты по требованию отправлялись во Всероссийский союз городов (который поставлял в институт недостающее оборудование – автоклавы, бутылки, агар-агар и пр., а продукцией института снабжал многочисленные прививочные отряды, госпитали и лазареты), Красный Крест, Земский союз, Добровольческую армию, учебные заведения, органы городского самоуправления Ростова-на-Дону и других городов, частным лицам [20. Л. 88, 135 об.–136]. Барыкин часто выступал на страницах ростовских газет с публикациями о профилактике сыпного тифа и «испанки».

Практическая и преподавательская деятельность учителей Зинаиды и Нины совмещалась с научными исследованиями и публикацией их результатов. П.Ф. Здродовский работал над диссертацией. В 1919 г. в № 22 харьковского журнала «Врачебное дело» была опубликована совместная статья В.А. Барыкина и П.Ф. Здродовского «Связь пигментации с невосприимчивостью». Научно-трудовое общество студентов медиков и медичек при Донском университете в 1919 г. издало учебник В.А. Барыкина «Лекции по эпидемиологии и бактериологии сыпного тифа».

Центром научной коммуникации ростовских медиков (в том числе студентов) было Медицинское общество при университете, где регулярно заслушивались доклады, происходили дискуссии. Несмотря на дефицит бумаги, дороговизну типографских расходов, при первой возможности стенограммы заседаний публиковались.

Процесс получения знаний для студентов-медиков в условиях революции и Гражданской войны имел свои особенности. Он был максимально приближен к практике. Переполнение Ростова-на-Дону до предела беженцами и военнопленными, нехватка медицинских учреждений, опытных врачей, средств дезинфекции, лекарств провоцировали беспрецедентную антисанитарию. Бушевали сыпной тиф, «испанка», возвратный тиф, холера, скарлатина, жертвами которых становились в том числе профессоры и студенты, работавшие в тифозных бараках. Администрация института даже

ходатайствовала об отведении для больных сыпным тифом слушательниц «специальных коек» в клинике А.И. Игнатовского [22. Л. 7]. От тифа скончался в 1919 г. профессор И.Ф. Пожариский. Смертность врачей, работавших в тифозных бараках, достигала 40% [3. С. 54].

Антонина Клюева осенью 1918 г. переболела «испанкой», а в феврале 1919 г. – сыпным тифом и бронхопневмонией [15. Л. 8, 10]. Из-за этого она не могла вовремя курировать больного и подготовить историю болезни и просила руководство ЖМИ предоставить ей возможность сделать это после выздоровления [Там же. Л. 7]. Между болезнями, в декабре 1918 г., у девушки украли шубу, в кармане которой лежала зачетная книжка. Ей пришлось заново обходить всех профессоров, чтобы «собрать экзаменационные отметки» [Там же. Л. 11]. Нелегким делом оказалось доказать факт сдачи экзамена по физике в ноябре 1917 г. профессору А.Р. Колли [Там же. Л. 3], так как экзаменатор был убит в феврале 1918 г., в первый период советской власти.

В соответствии с приказом правительства Всевеликого Войска Донского 27 марта 1919 г. о призыве на военно-санитарную службу, студентки ЖМИ 4-го и 5-го курсов должны были служить в качестве зауряд-врачей, а третьекурсницы – в качестве фельдшеров [23. С. 719]. Наши героини попадали под этот приказ.

К концу 1919 г. из-за успешного продвижения Красной Армии в южном направлении Ростов-на-Дону пережил еще одну волну беженцев, в том числе харьковской профессуры. Одновременно началось повальное бегство из города в направлении Екатеринодара и Новороссийска. Помещение ЖМИ в декабре передали для нужд армии, а занятия переносились в помещения Донского университета [22. Л. 61 об.].

В начале 1920 г. на Дону окончательно установилась власть советов. ЖМИ объединили с медицинским факультетом Донского университета. 26 марта вышел приказ № 397, подписанный командующим Кавказским фронтом М. Тухачевским и членом Реввоенсовета С. Орджоникидзе о досрочном (до 1 мая) выпуске студентов «ввиду развития на фронте эпидемии и значительного недостатка медицинского персонала» [24. Л. 12].

В июне 1920 г. П.Ф. Здродовский защитил диссертацию и практически сразу после защиты получил назначение эпидемиологом в Красную Армию и уехал в Баку [25. С. 19]. Весной-летом 1920 г. полным ходом шли аресты «классовых врагов», которых, благодаря «сигналам» студентов-коммунистов, находили и в вузовской среде. Резонансным стал расстрел преподавателей медицинского факультета А.Н. Успенского, А.А. Жандра, З.В. Гутникова – руководителей признанного контрреволюционным Трудового общества медиков и медичек (были ли Зинаида и Антонина членами этого общества – выяснить не удалось).

Осенью 1920 г. стартовал последний учебный год наших героинь. Помимо учебы студенты работали в госпиталях Ростовского эвакуационного пункта [26. Л. 22], а уже 10 января 1921 г. З. Ермольева, А. Клюева и их сокурсники были удостоены звания лекаря. Таким образом, общая продолжительность обучения в вузе девушек составила четыре года вместо пяти, хотя

в свидетельстве об окончании института речь шла о «прослушивании десяти семестров медицинского факультета» [27. Л. 2].

Начало научной и педагогической деятельности

С февраля 1921 г. З.В. Ермольева и А.Г. Клюева стали работать врачами-эпидемиологами. На Дону продолжали свирепствовать инфекционные болезни; на борьбу с ними были брошены силы как гражданских, так и военных организаций. Велась широкая просветительская работа. Среди тех, кто сражался с эпидемиями, был молодой врач IX армии, будущий выдающийся вирусолог и муж З.В. Ермольевой Л.А. Зильбер. Именно в этом городе была опубликована его первая печатная работа [28. С. 104]. Наставником Зильбера был все тот же В.А. Барыкин.

Зинаида Ермольева заведовала бактериологическим отделением Бактериологического института. Антонина Клюева сочетала работу в этом же институте со службой в бактериологической лаборатории Ростовской малярийной станции [3. С. 55]. Зарплата молодых врачей не покрывала элементарных потребностей, что стало одной из причин дополнительной работы девушек в Донском университете. 29 августа 1921 г. на имя декана медицинского факультета поступило заявление З.В. Ермольевой с просьбой зачислить ее преподавателем по кафедре микробиологии; на листке имелась приписка готовившегося к переезду в Москву В.А. Барыкина: «Прошу зачислить на место вышедшего преподавателя» [27. Л. 1]. В марте 1922 г. профессор К.Р. Мирам выступил на заседании Президиума университета с докладом о зачислении научными сотрудниками по кафедре микробиологии врачей А.Г. Клюевой и А.А. Кашаевой, причем просил «утвердить их с возможно раннего срока, так как оба врача несут свои обязанности с исключительной добросовестностью» [29. Л. 12].

Наряду со старшими коллегами – профессором С.М. Максимовичем и Я.П. Рознатовским, после В.А. Барыкина некоторое время возглавлявшим Бактериологический институт и кафедру, а также представителем от студентов З.В. Ермольева, А.Г. Клюева, А.А. Кашаева входили в состав предметной комиссии по микробиологии, инфекционным заболеваниям, туберкулезу. Комиссия занималась обеспечением учебного процесса, в том числе и его материальной стороной. На повестке дня стояли проблемы такого рода: «из-за отсутствия табуретов студенты на лекциях и практических занятиях стоят»; «неимение рукомыльника ведет к тому, что студенты, уходя домой, разносят инфекцию»; «помещение под крольчатник без стекол, и приходится держать животных в самой лаборатории», «запаса фуража нет, что угрожает привести к лишению животных» [Там же. Л. 6–6 об.].

С нехваткой финансовых и иных ресурсов наши героини сталкивались не только по месту службы, но и в повседневном быту. Голод, охвативший в 1921–1922 гг. в числе других российских территорий и Дон, сделал поиски продовольствия важной составляющей жизни. Лишь частично решала проблему помощь зарубежных организаций, местного отделения Комиссии по

улучшению быта ученых. Автор газетной статьи, опубликованной в мае 1922 г., грустно вопрошал: «Возможна ли в настоящее время в Ростове вообще научная работа? Отсутствие денег, водопровода, канализации, отопления, газа, спирта и других реактивов в университете ставит многие работы в безвыходное положение» [30. С. 2.]. Однако молодых, талантливых, полных желания работать, не обремененных семьей девушек трудности не останавливали. Они не просто выполняли служебные обязанности, но и вели полноценные научные исследования, порой подвергая опасности собственную жизнь.

В одной из первых публикаций о З. Ермольевой в центральной прессе журналист со слов своей героини описал следующий случай, относящийся к началу 1920-х гг.: «В городе свирепствовала холера. Обнаружить источник заразы долго не удавалось. В реке находили в огромном количестве микробов, но не холерных, а так называемых холероподобных. Опасны они или безвредны? Этого никто не знал... Молодой девушке пришла дерзкая мысль проверить выводы этих ученых... на человеке. Ермольева приготовила раствор из миллиардов холероподобных вибрионов и выпила его... На рассвете Зина почувствовала легкую тошноту, которая перешла в судорожную рвоту. Это была настоящая холера» [31. С. 3]. К счастью, молодой организм поборол недуг. Во время введения мыши штамма инфлюэнцы (гриппа) содержание шприца случайно попало на лицо А. Клюевой. Девушка заболела, но продолжала наблюдать ход болезни на самой себе [3. С. 56].

Круг профессионального общения А. Клюевой и З. Ермольевой в основном составляли коллеги по кафедре и Бактериологическому институту. В качестве авторитетного эксперта выступал профессор В.М. Слесаревский – заведующий окружной химико-бактериологической лабораторией военно-санитарного управления Северо-Кавказского округа. В газетных интервью с З. Ермольевой неизменно присутствовал сюжет о том, как она именно с ним обсуждала свое открытие светящихся холерных вибрионов. С П.Ф. Здродовским и В.А. Барыкиным девушки встречались в основном на всероссийских и всесоюзных конференциях.

Имели место и контакты с коллегами из Екатеринодара (Краснодара). В 1920 г. там был создан Кубанский окружной химико-бактериологический институт, который возглавил казанский наставник В.А. Барыкина профессор И.Г. Савченко. Он по делам службы регулярно посещал Ростов-на-Дону, ведь эпидемиологическая ситуация на Дону и Кубани была схожей.

Именно в краснодарском медицинском журнале была опубликована первая печатная работа З. Ермольевой и Н. Клюевой – их совместная статья «Бактериологическое исследование спинномозговой жидкости при летаргическом эпидемическом энцефалите» [32]. Данный выпуск журнала (его редактировал И.Г. Савченко) был посвящен вопросам эпидемиологии. В статье молодые ученые ссылались на сделанное в 1921 г. под руководством И.Г. Савченко его ассистентом Е.В. Ворониной открытие возбудителя тифоподобного заболевания (в настоящее время известен как

«Salmonellaparatyphi С». – А.Е., М.З.), что тоже свидетельствует в пользу контактов с краснодарскими коллегами. Не исключено, что инициировал их В.А. Барыкин, порекомендовав учителю своих талантливых учениц.

В следующем году был напечатан доклад З.В. Ермольевой на 7-м Всероссийском съезде эпидемиологов и бактериологов в Москве (май 1923 г.) «К биологии холерного вибриона: по материалу эпидемии за 1922 г. в г. Ростов-на-Дону» [33]. По мнению специалистов, выводы молодого ученого не потеряли значения до настоящего времени [4. С. 124].

За первыми публикациями последовали другие. Еще в ростовский период статьи З.В. Ермольевой, доклады, обзоры материалов всероссийских съездов эпидемиологов и бактериологов, участником которых она являлась, публиковались в журналах «Юго-Восточный вестник здравоохранения», «Советская медицина на Северном Кавказе», «Гигиена и эпидемиология». В анкете, датированной декабрем 1925 г., приведен список из 11 работ [34. Л. 25].

Только-только перешагнувшую 25-летний рубеж, З.В. Ермольеву уже воспринимали как сложившегося ученого. Осенью 1925 г. ее пригласили (по рекомендации В.А. Барыкина) в Москву заведовать отделом биохимии микробов в Биохимическом институте Наркомздрава РСФСР (позже Институт биохимии АН СССР). В январе 1935 г. З.В. Ермольевой было присвоено звание доктора медицинских наук [34. Л. 2]; к тому времени 50 ее работ было опубликовано в ведущих российских и зарубежных журналах, она участвовала в самых представительных международных научных форумах, стажировалась за рубежом, в том числе в институте Пастера. Как значилось в характеристике, подписанной директором Биохимического института, «научная деятельность З. Ермольевой в основном охватывала такие области микробиологии, как химическая природа явлений иммунитета, ферментоподобная природа бактериолитических агентов (бактериофаг, лизоцим и т.д.), ферментативный синтез аммиака из атмосферного азота». Результаты ее исследований по лизоциму применялись «в практике социалистического строительства – консервация черной икры лизоцимом поставила советскую икру вне конкуренции», «в лечении глазных, хирургических, гинекологических заболеваний» [Там же. Л. 17].

Ростовский опыт исследования холеры пригодился Ермольевой при создании комплексного препарата бактериофага и его апробации рубеже 1930–1940-х гг. в Афганистане и в осажденном Сталинграде.

Нина Клюева (начиная с первой, все ее научные статьи подписаны именем «Нина») в 1920-е гг. занималась этиологией и эпидемиологией кишечных инфекций, а также малярии и гриппа. В соавторстве с А.А. Кашаевой она опубликовала несколько работ в таких научных изданиях, как «Советская медицина на Северном Кавказе», «Казанский медицинский журнал», «Микробиологический журнал».

Под руководством М.И. Штуцера, известного микробиолога, приглашенного из Воронежа в Ростов-на-Дону руководить Бактериологическим институтом в 1927 г.,

Н.Г. Клюева включилась в исследование изменчивости возбудителей инфекционных болезней. После блестящего доклада на эту тему на Втором Всесоюзном съезде микробиологов (январь 1930 г.) ее пригласили в Москву. По мнению Н.Л. Кременцова, данное приглашение было инициативой В.А. Барыкина, в те годы возглавлявшего Центральный бактериологический институт [3. С. 58–59]. В Москве Нина Георгиевна все глубже втягивалась в иммунологическую проблематику, что и стало предпосылкой дальнейших исследований по созданию лекарства против онкологических заболеваний. Уже в 1935 г. (в том же году, что и З.В. Ермольева) она стала доктором медицинских наук, ученая степень была утверждена квалификационной комиссией центра медицинских инноваций того времени – Всесоюзного института экспериментальной медицины [35. Л. 5–6].

Заключение

Итак, однокурсницы Зинаида Ермольева и Нина Клюева, студентки первого набора ростовского Женского медицинского института, учившиеся в экстремальных условиях Первой мировой и Гражданской войн, окончившие вуз в сжатые сроки, имеющие «неподходящее» для советского ученого происхождение, сделали стремительную научную карьеру и заняли достойное место в медицинском сообществе СССР. Этому способствовал целый ряд факторов, прежде всего – природные данные девушек, хорошее гимназическое образование, знание иностранных языков, целеустремленность, трудолюбие, желание состояться в профессии. Важной составляющей успеха стал достойный уровень преподавания в ЖМИ, который обеспечивали профессор эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета, их коллеги из Москвы и Петрограда, лучшие ростовские врачи. Большое значение имели высокая квалификация, научная, практическая, просветительская активность главных наставников девушек – В.А. Барыкина и П.Ф. Здродовского – выпускников Казанского университета с мощной бактериологической школой в лице И.Г. Савченко. В.А. Барыкин активно способствовал карьерному продвижению перспективных учениц, их переезду в Москву. Наконец, значительную роль сыграли ранняя вовлеченность девушек в практическую деятельность, их непосредственное участие в ликвидации эпидемий, спровоцированных негативными социальными факторами.

Необходимо отметить, что и другие упомянутые выше студентки ЖМИ – «подопечные» В.А. Барыкина и П.Ф. Здродовского – были успешны на научно-педагогическом поприще. А.А. Кашаева стала профессором, в 1950–1963 гг. она заведовала кафедрой микробиологии Ростовского медицинского института. А.П. Афанасьева, о предоставлении которой места в санатории в 1919 г. хлопотал В.А. Барыкин, после профессионального старта в Ростове-на-Дону работала под его руководством в Киеве и Москве, под началом П.Ф. Здродовского – в Баку, затем в Сочинском НИИ бальнеологии, а в 1953 г. сменила Н.Г. Клюеву на по-

сту заведующей кафедрой микробиологии Рязанского государственного медицинского института [36. С. 21–23]. Все названные женщины-ученые, в отличие от своих ростовских учителей и коллег–мужчин (сгинувших в местах заключения В.А. Барыкина, Я.П. Рознатовского, М.И. Штуцера и освобожденного

после неоднократных арестов П.Ф. Здродовского), избежали репрессий и, по сути, приняли их научную «эстафету». Плодотворная профессиональная деятельность наших героинь во многом символизирует позитивные результаты первого этапа феминизации отечественной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М. : Правда, 1990. 426 с.
2. Kremensov N. The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. Chicago : University of Chicago Press, 2002. 290 p.
3. Кременцов Н.Л. В поисках лекарства против рака: «дело КР». СПб. : Изд-во Рус. христ. гуманитар. акад., 2004. 326 с.
4. Кнопов М.Ш., Клясов А.В. К 110-летию со дня рождения Зинаиды Виссарионовны Ермольевой // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2008. № 5. С. 123–125.
5. Мельникова Т. Сквозь призму невидимого. Волгоград : Нижне-Волжское кн. из-во, 1984 79 с.
6. Смирнова Н. Свет и обаяние личности (Зинаида Ермольева) // Академия. 2004. 12 марта. № 9 (204).
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 49.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 283
9. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 2, ч. 1. Д. 698а,
10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 128. Д. 405,
11. Корягин С.В. Харламовы и другие (генеалогия и семейная история Донского казачества). М. : Русаки, 2012. Вып. 102. 256 с.
12. Волков С.В. Офицеры казачьих войск : опыт мартиролога. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 960 с.
13. Российское научное зарубежье : материалы для биобиблиографического словаря / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. Вып. 6: Естественные науки, XIX – первая половина XX в. 371 с.
14. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л. Панфиной. М. : Рос. полит. энцикл., 2011. 373 с.
15. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 359.
16. ГАРО. Ф. 503. Оп. 1. Д. 3.
17. ГАРО. Ф. 503. Оп. 1. Д. 4.
18. Карташев А.В., Гейко О.А. Бактериологический отряд кавказского комитета Всероссийского союза городов (1915–1917) // Военно-исторический журнал. 2016. № 12. С. 51–57.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2.
20. ГАКК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 10.
21. Приазовский край. 1919. 18 февр. (4 марта).
22. ГАРО. Ф. 503. Оп. 1. Д. 9.
23. Сборник приказов по ведомствам Правительства Всевеликого войска Донского № 22. 18 апреля 1919 г.
24. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 15.
25. Голиневич Е.М. П.Ф. Здродовский, 1890–1976. М. : Медицина, 1987. 144 с.
26. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 407.
27. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 283.
28. Киселев Л.Л., Левина Е.С. Лев Александрович Зильбер (1894–1966): жизнь в науке. М. : Наука, 2004. 699 с.
29. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 81.
30. Альниевич. Местная интеллигенция и научная работа // Советский Юг. 1922. 11 мая.
31. Присс А. Победительница вибрионов // Комсомольская правда. 1937. 12 авг.
32. Ермольева З.В., Клоева Н.Г. Бактериологическое исследование спинномозговой жидкости при летаргическом эпидемическом энцефалите // Кубанский научно-медицинский вестник. 1922. № 1-6. С. 45–46.
33. Ермольева З.В. К биологии холерного вибриона: по материалу эпидемии за 1922 г. в г. Ростов-на-Дону // Юго-Восточный вестник здравоохранения. 1923. № 7-8 (12-13). С. 13–15.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4737. Оп. 2. Д. 1118.
35. ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 2. Д. 1311.
36. Книга Памяти Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова / под ред. Р.Е. Калинина, В.А. Кирушина и др. Рязань : РИО РязГМУ, 2015. 330 с.

Anna N. Eremeeva, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: erana@mail.ru

Muhammad Hamid Zaman, Howard Hughes Medical Institute, Boston University (Boston, USA). E-mail: zaman@bu.edu

CLASSMATES. ZINAIDA ERMOL'eva AND NINA KLYUEVA: THE WAY TO THE PROFESSION

Keywords: Zinaida Ermol'eva, Nina Klyueva, Women's Medical Institute, Don University, fight against epidemics.

The names of Zinaida Ermol'eva and Nina (Antonina) Klyueva are among the most prominent names in the history of USSR medical research. Both of them gained significant international attention at a time when due to the iron curtain on eastern Europe many talented Soviet scientists remained unknown outside the USSR. Unfortunately, little has been written about their parallel and overlapping paths during early stages of their scientific careers. Both Nina and Zinaida studied in the same course, chose the same research specialization, had the same tutors, worked in the same institutions, and were part of the same research activities.

By using central (State Archives of the Russian Federation, Russian State Archives of Economy) and regional archives (mainly State Archives of Rostov region), press data and medical publications, as well as correspondence with collaborators of Z. Ermol'eva, in this paper we reconstruct the family background, childhood and early school years of Ermol'eva and Klyueva. Our study focuses in particular on how the university education became a formative period in their careers as researchers and university teachers before they both left Rostov-on-Don for Moscow. Discrepancies in the early biography of Z. Ermol'eva are noted; the reasons for their appearance are explained by the Soviet tradition when individuals literally constructed their autobiographies.

The period of education for Zinaida and Nina coincided with the First World War, the Russian Revolution, and subsequent Civil War. During this period of their education in the Rostov-on-Don Women's Medical Institute, we analyse how the presence of Professors of the University of Warsaw recently relocated (in 1915) to Rostov-on-Don enabled Zinaida and Nina to engage in experimental bacterio-

logical research and epidemic elimination, as a result of political upheaval and breakdown of the public health system. These practical activities, at the forefront of research and public health, at a time of political instability in the city, had a remarkable influence on their subsequent careers.

The Department of bacteriology of the Rostov-on-Don Women's Medical Institute played a special role in the professional careers of Z. Ermol'eva and N. Klyueva. Under the influence of V. A. Barykin, who was actively engaged in choleric and cholera-like vibrations, the students became interested in the biochemistry of microbes that, in many respects, predetermined their future research directions.

We discuss the professional activities of Zinaida Ermol'eva and Nina Klyueva in the first half of the 1920s, within the context of the urgent tasks of the time, including establishing the educational process in the Don University, overcoming everyday challenges and the epidemiological situation in the region. We review the circle of professional communication and the process of gradual entry of young scientists into the scientific community of the region and the country while providing a review of the first scientific publications of Z. Ermol'eva and N. Klyueva.

In summary, we note that personality traits, support and mentorship from teachers including V. A. Barykin and the opportunity to work at the forefront of research and public health had a remarkable influence on the parallel careers of Ermol'eva and Klyueva.

REFERENCES

- Simonov, K.M. (1990) *Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I.V. Staline* [Through the eyes of a person of my generation. Reflections on Stalin]. Moscow: Pravda.
- Krementsov, N. (2002) *The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War*. Chicago: University of Chicago Press.
- Krementsov, N.L. (2004) *V poiskakh lekarstva protiv raka: Delo "KR"* [Looking for a cure for cancer: "KR" Affair]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
- Knopov, M.Sh. & Klyasov, A.V. (2008) *K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Zinaidy Vissarionovny Ermol'evoy* [To the 110th anniversary of Zinaida Vissarionovna Ermolieva]. *Zhurnal mikrobiologii, epidemiologii i immunobiologii – Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology*. 5. pp. 123–125.
- Melnikova, T. (1984) *Skvoz' prizmu nevidimogo* [Through the prism of the invisible]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Smirnova, N. (2004) Svet i obayaniye lichnosti (Zinaida Ermol'eva) [The light and the charm of the personality (Zinaida Ermolieva)]. *Akademiya*. 10. The Russian State Historical Archive of St. Petersburg (RGIA SPb). Fund 19. List 128. File 405.
- Koryagin, S.V. (2012) *Kharlamovy i drugie (genealogiya i semeynaya istoriya Donskogo kazachestva)* [The Kharlamovs and others (genealogy and family history of the Don Cossacks)]. Moscow: Rusaki.
- Volkov, S.V. (2013) *Ofitsery kazach'ikh voysk: Opyt martirologa* [The officers of the Cossack troops: the martyrology]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.
- Sorokina, M.Yu. (2011) *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlya bibliograficheskogo slovary* [Russian science abroad: materials for a bibliography dictionary]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna.
- Fitzpatrick, Sh. (2011) *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Translated from English by L. Pantina. Moscow: Rosspen.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-46. List 3. File 359.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund 503. List 1. File 3.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund 503. List 1. File 4.
- Kartashev, A.V. & Geyko, O.A. (2016) Bakteriologicheskii otryad kavkazskogo komiteta Vserossiyskogo soyuza gorodov (1915–1917) [Bacteriological unit of the Caucasian Committee of the all-Russian Union of cities (1915–1917)]. *Voenna-istoricheskii zhurnal*. 12. pp. 51–57.
- The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-3. List 2. File 2.
- The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). Fund R-3. List 2. File 10.
- Priazovskiy kray*. (1919). 18th February (4th March).
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund 503. List 1. File 9.
- Russia. (1919) *Sbornik prikazov po vedomstvam Pravitel'stva Vsevelikogo voyska Donskogo № 22* [Collection of orders on the departments of the Government of the Don Great Army. No 22]. 18th April.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-46. List 1. File 15.
- Golinevich, E.M. (1987) *P.F. Zdrovskiy, 1890–1976*. Moscow: Meditsina.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-46. List 1. File 407.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-46. List 3. File 283.
- Kiselev, L.L. & Levina, E.S. (2004) *Lev Aleksandrovich Zil'ber (1894–1966): zhizn' v nauke* [Lev Alexandrovich Zilber (1894–1966): life in science]. Moscow: Nauka.
- The State Archives of Rostov Region (GARO). Fund R-46. List 3. File 81.
- Alnievich. (1922) Mestnaya intelligentsiya i nauchnaya rabota [Local intelligentsia and scientific work]. *Sovetskiy Yug*. 11th May.
- Priss, A. (1937) Pobeditel'nitsa vibriov [Winner of vibrios]. *Komsomol'skaya pravda*. 12th August.
- Ermolieva, Z.V. & Klyueva, N.G. (1922) Bakteriologicheskoe issledovanie spinnomozgovoy zhidkosti pri letargicheskom epidemicheskom entsefalte [Bacteriological examination of cerebrospinal fluid in lethargic epidemic encephalitis]. *Kubanskiy nauchno-meditsinskiy vestnik*. 1-6. pp. 45–46.
- Ermolieva, Z.V. (1923) K biologii kholernogo vibriona: po materialu epidemii za 1922 g. v g. Rostov-na-Donu [To the biology of cholera Vibrio: by the material of the epidemic in 1922 in Rostov-on-Don]. *Yugo-Vostochnyy vestnik zdravookhraneniya*. 7–8(12–13). pp. 13–15.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-4737. List 2. File 1118.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-4737. List 2. File 1311.
- Kalinin, R.E. & Kiryushin, V.A. (eds.) (2015) *Kniga Pamyati Ryazanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta imeni akademika I.P. Pavlova* [Book of Memory of Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov]. Ryaza: RIO RyazSMU.

УДК 94:537.86:378.4(571.16)''19''
DOI: 10.17223/19988613/74/25

А.Г. Костерев, В.В. Расколец, М.Ю. Ким

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ТОМСКИХ УЧЕНЫХ-РАДИОФИЗИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-00082.

Предпринимается попытка методологического осмысления теории центр-периферийных отношений применительно к изучению научного сообщества ученых-радиофизиков г. Томска первой половины XX в. Источниковой основой работы послужили материалы делопроизводственной документации, а также воспоминания современников. По итогам исследования авторы выводят закономерную связь между институционализацией в вузах Томска радиофизики как базовой инновации четвертого технологического уклада, ставшего ядром советского модерна, и реализацией концепций регионализации науки в рамках принятой в СССР мобилизационной парадигмы.

Ключевые слова: радиофизика, Томский государственный университет, Сибирский физико-технический институт, научное сообщество, центр-периферия, теория модернизации.

Проблемы взаимодействия центра и регионов государства широко обсуждаются в научной литературе. Этот вопрос особенно актуален для России, обладающей обширной территорией, специфичными природно-климатическими условиями и разнообразными национально-культурными особенностями. В российской историографии проблемы развития регионов, как правило, рассматривались фрагментарно под экономическим, национальным или краеведческим ракурсом [1]. Между тем комплексность и глубина региональных исследований связаны с пониманием взаимодействия центра и периферии. Это применимо и к развитию отечественной науки в историческом аспекте.

Наложение координатной сетки центр-периферийных отношений в качестве объяснительной схемы на материал советской физики представляется сколь продуктивным, столь и дискуссионно емким: специфика советских социокоммуникативных практик и административных рынков делает географические и формально-организационные критерии их структурирования предельно условными, ставя вопрос о необходимости дополнения этой исследовательской стратегии вспомогательным инструментарием. На роль последнего вполне могут претендовать отдельные положения модернизационной теории, критически переосмысленные с учетом советских социально-политических реалий, откровенно выламывающихся из классических формулировок основных положений данного теоретического концепта.

Центр-периферийные взаимодействия практически всегда так или иначе связаны с политической сферой и отношениями административно-властного регулирования [2]. Это объясняется тем, что в центр-периферийных взаимоотношениях необходимо обеспечить движение ресурсов с целью их концентрации и централизации на ключевых точках. В этой связи важную роль играет само право осуществлять управление этими процессами распределения ресурсов, которое принадлежало государственным структурам. Фокусировка отечественного опыта научно-технологического раз-

вития сквозь призму центр-периферийной концепции демонстрирует повторяющееся сочетание попыток государственной организации «рывка» в этом направлении с актуализацией проблем геостратегического позиционирования в рамках системности глобального миропорядка. Это в конечном счете и определяет статус государства как важнейшего (если не единственного) субъекта модернизационных процессов, успех которых им самим субъективно измеряется главным образом категориями военно-политического могущества и господства. Объективным же мериллом здесь в любом случае остается переход на новый технико-технологический базис. Соответствующим образом логика этих стандартов миропонимания опрокидывается и вовнутрь страны, переносясь на собственную периферию и воспроизводя специфический тип управления, в том числе способ выстраивания взаимоотношений власти с одним из основных ресурсов модернизации – научным сообществом, лидеры которого, обеспечивая ее интеллектуальную составляющую, в разное время, в зависимости от обстоятельств, могли выступать и как оппоненты государства, и как его деятельные союзники.

Реактивный характер российской модернизации, являвшейся вынужденным ответом гиперцентрализованного государства на внешние вызовы, раз за разом косвенно оборачивался ретерриторизацией пространств (географических и культурных) его периферии как побочным результатом обкатки новых властных технологий. Непосредственно на местах это находило свое отражение в самом широком спектре изменений, происходивших в рамках процессов, описываемых в категориях внутренней колонизации: от линий административных границ и макрорегиональной сегментации до монтажа новых коммуникативных каналов и трансформации образов ментальной географии.

Неизбежно затрагивалось при этом и научно-образовательное пространство, по ходу модернизации последовательно расширявшееся с каждой новой ее

попыткой – решающую роль проводника модернизационных импульсов играло научно-педагогическое сообщество. Отзыв конкретных научно-образовательных локальностей на посланный центром сигнал и определял в конечном счете степень вписанности того или иного региона в формирующийся современный контекст. Качество же этого отзыва напрямую зависело от интегральных показателей самого регионального научно-образовательного сообщества как интеллектуального коллектива со своим *modus cogitandi*, специфицирующего в регионе науку как базовую ценность модерна посредством реализации принятой образовательной модели. Они определялись параметрами природного и антропогенного ландшафта, пространственно-временными характеристиками культурной среды, общей способностью членов сообщества к осуществлению медиативных практик.

В этой связи весьма иллюстративны траектории эволюции научных сообществ Сибири – полигона советской фронтальной модернизации, на котором испытывались и успешно прививались авангардные формы структуриации социально-экономического, культурного и научно-образовательного пространств. По традиции, заложенной еще с учреждения Томского университета и тянувшейся как минимум до появления новосибирского академгородка, именно неформально-профессиональные объединения местных и вновь прибывших интеллектуалов зачастую были теми маяками культурной колонизации, что освещали извилистые пути наступления сюда современности. Все сказанное справедливо и для физики и, в частности, радиофизики – базовой инновации четвертого технологического уклада, ставшего ядром советского модерна. Привлечение ценностно-смысловых и организационно-технологических составляющих категории модерни для толкования профессиональных поведенческих практик физиков сибирской периферии в контексте их взаимодействия с местными и центральными властями и раскрытия тем самым содержательного значения их научно-педагогической деятельности в общесоюзном масштабе позволит приблизиться к адекватной интерпретации социальной природы феномена советской науки, достигшей своего пика как раз в рамках изучаемого периода.

И здесь необходимо учитывать, что советские физики 1930–1950-х гг., располагая внушительным символическим капиталом (П. Бурдые), являлись не просто отдельной социально-профессиональной корпорацией (одним из советских «сословий») – в системе внутринаучной стратификации они играли роль «центра», по отношению к которому все остальные отрасли научного знания находились на «периферии». Одновременно они стояли на периферии по отношению к политическому центру как источнику модернизации (при том что сами физически могли располагаться как в столицах, так и на окраинах). Такое понимание понятий «центр» и «периферия» не столько отсылает нас к географическим категориям, сколько рассматривает их с точки зрения обладания властью и рычагами влияния на распределение ресурсов, что закрепляет за ними субъектность и объектность, когда речь идет об источниках модернизации. В любом случае, отвечая за

адаптацию чужих и генерацию собственных технико-технологических новаций, физики провинции выступали одним из основных драйверов модернизационных субпроцессов – индустриализации, урбанизации, культурной революции. Иными словами, советская физика, помимо всего прочего, играла еще и роль своего рода передаточного звена, транслировавшего интенции центра на периферию.

Институционализация радиофизических исследований в Сибири и формирование на ее основе томского радиофизического сообщества неразрывно связаны с проблемой регионализации отечественной науки и высшего образования и реструктуризации научно-образовательного потенциала страны. В этом отношении весьма примечательно, что кризисные явления в научно-технической сфере начала XX в. во многом коррелировали с динамикой революционного процесса в России, обусловленного, в свою очередь, затуханием импульса Александровской модернизации. Тем более это символично, что появление на основе электродинамики радиофизики (наряду с другими составляющими очередной научной революции – квантовой механикой, теорией относительности и пр.), «обнулившее» когнитивный потенциал предыдущей научной картины мира, синхронизировалось с не менее катастрофичными тектоническими сдвигами социально-политического и культурного характера, не только изменившими облик как России, так и мира в целом, но и задавшими новые стандарты прочтения окружающей реальности, инициировав тем самым столь же принципиально новые миростроительные проекты. Подобного рода синхронистическая взаимосвязь представляется вполне закономерной в свете того, что своеобразными точками «фазового перехода» в истории сибирской радиофизики, приведшего к ее «кристаллизации» в форме научно-образовательных институций, стали Первая мировая и Гражданская войны.

В силу всего этого реконструкция развития региональной радиофизики видится перспективной не только и не столько в сугубо историко-научном ключе, сколько в более объемном культурно-историческом плане – как иллюстрация многослойного процесса вовлечения центром периферийных локальных сообществ в орбиту индустриальной среды «большого общества» посредством имплантации современных социальных конфигураций. Радиофизика же здесь выступает в двойной роли примера организации научно-технологического прорыва на путях модернизации и одновременно (как радиосвязь) приметы времени и символа преодоления географических и космических расстояний, государственных и ментальных границ.

Проблема регионализации вузовской науки как основного субстрата сибирской радиофизики в раннесоветский период осложнялась противоречивостью характера отношений между новой властью и научно-педагогическим сообществом. Радикальные реформы системы управления высшим образованием, организации учебного процесса и роли в этом профессоров и преподавателей стали в буквальном смысле катастрофическими и для самой классической модели, доставшейся большевикам в наследство от императорской

России, и для значительной части вузовской интеллигенции, главным образом профессуры.

В то же самое время нельзя не признать объективный факт того, что, как это ни парадоксально, именно хаос времен революции и Гражданской войны в немалой мере способствовал генезису первичных горизонтальных связей между томскими радиофизиками-пионерами в условиях отсутствия устойчивых каналов коммуникации с властью, а зачастую и ее самой как таковой. Резко возросшая еще с Первой мировой войны академическая мобильность и мобилизация на фронты Гражданской войны обернулись научной миграцией в Томск целого ряда специалистов, среди которых были будущие корифеи как региональной, так и центральной радиофизики. Скудность материальной базы в условиях материальной разрухи вкупе с общей демократизацией внутривузовской жизни первых послереволюционных лет содействовали налаживанию профессиональных и учебно-научных контактов между преподавателями, инженерами и любителями-самоучками, благодаря чему некоторые инженеры станут преподавателями, а дилетанты – признанными учеными.

Отношение центра к периферии (в данном контексте – сибирской) начинает меняться с середины 1920-х гг., и связано это как раз-таки со взятием большевистским руководством принципиального курса на индустриализацию, ставшую триггером модернизационных трансформаций, и с сопряженными с этим определенными изменениями политики в сфере науки и высшего образования. Необходимость радикального технического переоснащения промышленности и выхода страны на новые технологические рубежи требовала расширения периферийной сети научно-исследовательских учреждений (так называемая «борьба с научной анемией», в соответствии с метким замечанием Я.И. Френкеля). Решающим фактором здесь стала необходимость создания второй угольно-металлургической базы (решение «урало-кузнецкой» проблемы).

Данный поворот и стал «великим переломом» в социальной истории отечественного научно-педагогического сообщества, втягивая его отдельные профессиональные и региональные сегменты в процессы институционализации новой советской науки, начавшейся с создания множества НИИ, прежде всего на периферии (Украина, Урал, Сибирь), большая часть которых возникла на основе уже имевшихся кадровых и лабораторных ресурсов ближайших вузов. Это само по себе выводило местную научную элиту (главным образом физическую) на принципиально новый стратификационный уровень: рост финансирования и создание необходимых условий для проводимых исследований. С другой же стороны, известные гарантии стабильности напрямую зависели от степени и скорости интеграции в трансформирующийся социум, а в дальнейшем и в его элиту. Как следствие – некоторые из ученых и преподавателей становятся администраторами от науки.

Все это в целом было обусловлено содержанием очередного, решающего витка советской модернизации – форсированным переходом на долговременные рельсы автономного развития путем мобилизации всех

имевшихся на тот момент в распоряжении собственных материальных и идейных ресурсов на построение индустриальной базы государственного социализма.

Советская научно-образовательная политика в Сибири в 1920–1930-х гг. разрабатывалась и реализовывалась в русле стратегии «догоняющей модернизации» и рассматривалась как необходимое и важнейшее условие данного процесса. В связи с этим одним из факторов модернизации явился накопленный за имперский период научно-образовательный потенциал региона (прежде всего кадровый, представленный местным научно-педагогическим сообществом). Расширение системы высшего образования в восточном направлении и ее углубление за счет открытия новых факультетов и специальностей осуществлялось во многом под действием своеобразной «плановой эйфории» государственного руководства страны и части научной элиты, так или иначе инкорпорированной в советскую систему управления. Партийно-государственные органы, кровно заинтересованные в опережающих темпах промышленного роста, резко усилили масштабы и темпы подготовки кадров специалистов.

В принципе, данная тенденция достаточно явно обозначила себя еще до начала первых пятилеток – с начала 1920-х гг., когда перед наукой (и прежде всего – региональной) все более четко и настойчиво ставилась задача поиска кратчайших путей по установлению максимально эффективной связи со сферой непосредственного производства и текущими проблемами техники. Открытие новых актуальных на тот момент отделений и специализаций в подобных условиях зачастую было вынужденным шагом вузовских администраций в попытках избежать принудительного низведения высшего образования на уже имеющихся факультетах и кафедрах до уровня техникумов. Тем не менее открывшаяся на этой волне в Томске университетская специальность «электромагнитные колебания и волны» не стала пассивной реакцией периферии на сигналы из центра: опираясь на относительно высокую квалификацию профессорско-преподавательского состава и уже имевшийся опыт местных радиальных активистов, она практически сразу же предстала точкой пересечения научных и изобретательских практик, рекрутируя в свою среду наиболее талантливых радиолюбителей, многие из которых в дальнейшем сыграют важную роль в советском радиостроительстве как на региональном, так и на союзном уровне (А.С. Балакшин, В.Г. Денисов, Б.П. Кашкин, Б.Н. Хитров).

Ключевой же фазой институционализации радиофизики в Томске и одновременно структурного оформления здесь радиофизического сообщества как отдельной подгруппы местного научно-педагогического микросоциума стало открытие Сибирского физико-технического института (СФТИ), символически совпавшее с началом первой пятилетки, давшей старт советскому этапу индустриальной модернизации.

Появление физического института в Сибири имело вполне объективные основания и уже сложившиеся к середине двадцатых годов предпосылки. Его идейным предтечей и кадровой базой был Институт прикладной физики (ИПФ) при Томском технологическом

институте, являвший собою удачный пример позитивного опыта выстраивания горизонтальных связей и творческой коллаборации институтских и университетских физиков, реализовывавшейся в рамках частной инициативы. Об определенных успехах подобного полунеформального объединения свидетельствует признание Томска одним из центров советской физики на IV съезде русских физиков в Ленинграде, состоявшемся в 1924 г. (томичам принадлежало 10% сделанных докладов) [3. С. 218].

Идея учреждения в Томске физико-технического института созрела у и.о. заместителя директора ИПФ В.Д. Кузнецова к 1925 г., совпав по времени с инициативой директора физико-технического института РАН А.Ф. Иоффе развернуть по стране сеть физических НИИ. В лице последнего будущий директор СФТИ приобрел многолетнего покровителя и единомышленника. Кроме того, это начинание получило активную поддержку со стороны влиятельных фигур: члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Семенова и директора института физики и биофизики Наркомздрава П.П. Лазарева.

Особую роль в судьбе СФТИ сыграли установившиеся отношения между томскими и ленинградскими физиками, решительное содействие которых немало поспособствовало делу открытия института, создававшегося по образу и подобию Государственного физико-технического института в Ленинграде. На постоянную работу в только что открывшийся СФТИ прибыл солидный «десант» физиков-ленинградцев. Штат института пополнялся и выходцами и из других регионов. В.Д. Кузнецов, продвигая идею открытия физико-технического института в Томске, предложил свой вариант его структуры (скорректированный ленинградцами), предусматривавший наличие собственной радиолоборатории. Несмотря на то, что для томской радиофизики СФТИ на долгие годы стал настоящим домом, заселилась она туда не сразу, потому как на место организатора, теоретика и идейного вдохновителя, который бы согласился поехать в Томск, подходящего кандидата найти не удавалось до 1930 г., когда в Томск прибыл В.Н. Кессених, ставший ведущим институтской радиолобораторией. Его появление в Томске фактически поднимало местную стихийную радиотехнику до уровня радиофизики как самостоятельной автономной области научного поиска. Неслучайно именно он вскоре занял должность заместителя директора института по научной части (директор института В.Д. Кузнецов явно больше тяготел к руководству опытно-экспериментальной работой).

Следует подчеркнуть, что радиофизика СФТИ с первых дней своего существования была тесно связана с университетской. Вся научно-исследовательская работа кафедры электромагнитных колебаний проводилась на базе радиолоборатории института. Научными руководителями проводимых исследований были В.Н. Кессених и А.Б. Сапожников. Радиофизики института читали лекции и вели практические занятия со студентами университета, а преподаватели кафедры имели возможность заниматься научными исследованиями в радиолоборатории СФТИ. Как следствие, развитие томской радиофизики проходило в условиях

соблюдения необходимого баланса научной и образовательной составляющих. Возникновение и развитие новых ответвлений радиофизических исследований в СФТИ приводило к организации в университете новых кафедр, которые готовили специалистов по новым направлениям, что, в свою очередь, давало толчок развитию исследований в институте [4].

Новоявленный лидер томских радиофизиков В.Н. Кессених оказал непосредственное влияние и на исход борьбы за профиль только что открытого института. Сыграв на стороне ученицы В.Д. Кузнецова М.А. Большаниной, он склонил чашу весов в пользу возглавляемой ею группы сотрудников, выступавших за максимальную связь СФТИ с промышленностью, противостояла которой «ленинградская группировка», видевшая его сугубо научным учреждением. Сам же В.Д. Кузнецов, связанный особыми отношениями с ленинградцами и находившийся под их большим влиянием, но испытывавший при этом все нарастающее давление других своих коллег, не присоединился ни к одной из сторон. Во многом из-за этого он в 1933 г. оставит пост директора института, передав его В.Н. Кессениху. Основатель вернется на свое место в 1936 г. [5. С. 78–82].

Отношения между двумя крупнейшими сибирскими физиками – В.Д. Кузнецовым и В.Н. Кессенихом – были весьма сложными все время их знакомства и сотрудничества. Причины тому – как разница стилей организации научной работы («энергия без вектора» стихийного экспериментатора В.Д. Кузнецова и вдумчивая последовательность «немецкой» систематичности В.Н. Кессениха), так и разность личностных потенциалов – колкость острого на язык В.Н. Кессениха не встречала адекватного восприятия у предельно тактичного и требовавшего того же от других В.Д. Кузнецова, всегда крайне болезненно переживавшего любые выпады в свой адрес. Судя по всему, имела место и межпоколенческая конкуренция: более молодой В.Н. Кессених был представителем первой генерации уже формально советских физиков, в то время как В.Д. Кузнецов относился к представителям поздней имперской науки. С большой долей вероятности можно предположить, что амбициозный и деятельный радиофизик тяготился вездесущей фигурой не менее активного в силу своей большей разносторонности физика-твердотельника. При этом, если В.Д. Кузнецов неизменно признавал ценность В.Н. Кессениха как научного работника, то тот относился к своему старшему коллеге с некоторым высокомерным снисхождением [6. С. 33–34]. Но, что характерно, вся эта натянутость ни в коей мере не сказалась отрицательным образом на статусе радиофизики в СФТИ.

Особое наполнение центр-периферийным связям внутри советской науки придавали идеологические кампании и акты репрессий, резонансом прокатывавшиеся от столиц к провинциям в 1930–1950-е гг. Их рассмотрение безотносительно самой науки в широком модернизационном контексте общенационального масштаба позволяет судить о том, что в скудном организационно-технологическом арсенале «центра» они предстали самым простым и относительно эффективным способом и одновременно средством коммуника-

ции с фрустрированной и дезориентированной «периферией» – географической и культурной. В этом плане парадоксальная специфика положения томской научно-образовательной локальности относительно других периферийных зон заключалась в том, что она рассматривалась, помимо прочего, еще и как место научной ссылки (в чем, собственно, наглядно и проявляла себя советская вариация внутреннего колониализма): политически неудобные и потенциально неблагонадежные элементы (например, известные ленинградские физики-теоретики П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко) отправлялись сюда на время или навсегда, удаляясь от центра на периферию, но приближая тем самым эту периферию к центру. Одним из следствий этой транслокальности являлась возможность обретения относительной свободы внутри границ местного научного сообщества: сосланных, как правило, больше особо не трогали, а самоцелью как объект репрессивных практик Томск никогда не был.

Пережила эти времена физика Томского госуниверситета относительно благополучно, чего не скажешь о местной школе баллистики, базировавшейся в НИИ математики и механики при университете, а также о биологах. Но и в стороне от шедших процессов она тоже не осталась. Радиофизика ни в СФТИ, ни в целом по Томску не понесла существенных человеческих потерь, но это вовсе не означает, что для нее данный переломный во всех смыслах период прошел бесследно. Выдавливание из института так и не прижившейся там теоретической физики (не без участия В.Н. Кессениха) окончательно закрепило за ним жесткую индустриальную привязку, что не могло не сказаться на характере проводимых там радиофизических исследований. Широта взглядов самого В.Н. Кессениха как лидера направления принципиально уже обозначившуюся тенденцию не меняла: радиофизика здесь все чаще выступала прежде всего как теоретическая база радиотехники и лишь потом – как самоценная сфера научного поиска. Ионосферные исследования, организованные в ТГУ при посредничестве (и по заданию) Академии наук СССР в 1930–1940-е гг. носили преимущественно эмпирический характер и финансировались скудно.

В 1920–1930-е гг. формирование томского радиофизического сообщества шло как «сверху» – посредством реализации государственной научно-технической и научно-образовательной политики через открытие научных и учебных учреждений, так и «снизу» – путем самоорганизации и координации усилий представителей местной профессорско-преподавательской корпорации и участников радиолюбительского движения. Эта координация осуществлялась в двух измерениях: «вертикальном» – следовании мировым и общесоюзным векторам развития радиофизики, и «горизонтальном» – разработке местной радиотехнической тематики под действием периферийных регуляторов, обусловленных актуальными региональными факторами (радиофикация, Урало-Кузнецкая проблема и пр.).

Существенной особенностью начального этапа складывания томской радиофизической корпорации явились теснейшие связи (личные и профессиональные)

ее участников с представителями местного физического сообщества вообще, нашедшие свое главное выражение в той роли, что сыграл в деле укоренения здесь радиофизики один из его общепризнанных (формальных и неформальных) лидеров – основоположник томской научной школы физики твердого тела В.Д. Кузнецов. Открыв в университете профильную для радиофизиков специальность и физико-технический институт, предоставивший им учебно-лабораторную базу, он организовал приезд в Томск В.Н. Кессениха, заложившего под разрозненные поверхностно-интуитивные исследования в области электромагнитных колебаний прочную фундаментальную основу и оформившего их в конечном счете в целый ряд отдельных самостоятельных и перспективных направлений.

Общим же контекстом институционализации радиофизики в рамках томского научно-образовательного комплекса стал возобновившийся в годы культурной революции и индустриализации процесс оформления специфического варианта отечественной модерности, поставленный на паузу в 1917 г. В этом ракурсе очевидно, что судьба томских радиофизиков пронизана логикой становления советского варианта «большой науки» (Д. Прайс), основанной на принципах централизованного планирования исследований, осуществляющихся на базе сети специализированных институтов, и делавшей необходимым реформирование центр-периферийных отношений в научно-образовательной сфере, что было вполне в русле общемировых тенденций и уже намечалось в самых общих чертах еще до прихода большевиков к власти.

В рамках этой индустриализационной по своей сути логики организации науки и высшего образования в период с конца 1920-х до начала 1950-х гг. проходили ситуационные выборы сценариев из имеющихся альтернатив регионализации советской физики в различных направлениях. Окончательно же процесс формирования в СССР научных «центра» и «периферии» завершился приблизительно к середине 1960-х гг. – пика научно-технологического развития, за которым последовало исчерпание модернизационного потенциала советского проекта. Радиофизики и радиотехники Томска уже в довоенный период показали себя способными генерировать, внедрять и тиражировать технологии, что является еще одним безусловным признаком «центра», хотя в данном случае и регионального, – из-за системных ограничений советской научно-образовательной модели (от проблем с финансированием до общей снисходительности центрального руководства по отношению к нуждам и перспективам сибирской науки) и конкуренции со стороны других радиофизических центров (например, Горького).

Регионализация обуславливала пространственную дифференциацию научно-образовательных локальностей, задавая этим ключевые параметры «малой» (Д. Прайс) советской науки. Это придавало томской научно-педагогической корпорации уникальный облик, черты которого органично сочетали в себе организационно-кадровую привязку научной деятельности к образовательным учреждениям и вместе с тем самоценность и самодостаточность науки самой по себе (насколько,

конечно, это было возможно в тех жестких условиях), что дает определенные основания говорить о гибридном характере вузовского кластера местного научно-образовательного комплекса. Одним из символов этой закрепившейся тенденции и стал СФТИ, решавший одновременно учебные, производственные и перспективные научные задачи. В полной мере это относится и к томским радиофизикам, для научных практик которых институт стал «зоной обмена» – средоточием координирующих и распределяющих усилий. Промышленная же ориентация института обеспечивала радиофизикам положительную обратную связь с радиотехниками, что делало структуру радиофизического сообщества в известном смысле гетерогенной за счет включения в него специалистов из смежных областей.

Данный контекст задавал специфику противоречивого положения томской радиофизики в центр-периферийных координатах институционализировавшейся советской науки. Томск, оставшийся «на обочине» индустриализации, обладал в то же время мощным научно-образовательным потенциалом, оказавшимся достаточным для самостоятельного инициирования радиофизических исследований – важнейшего направления современной науки. И этот потенциал был слишком значительным для того, чтобы его игнорировать в ходе советского научного строительства, что и привело к институционализации местной радиофизики на базе связки университет–СФТИ, располагавшей определенными ресурсами для развития уже ведущихся исследований и начала новых. Но этих ресурсов было недостаточно для дальнейшего наращивания потенциала на собственной основе, что в дальнейшей перспективе грозило сужением исследовательских горизонтов до рамок сугубо прикладных опытно-конструкторских разработок, обслуживающих нужды местной инфраструктуры.

Война, прервавшая плановый процесс советской индустриальной модернизации, актуализировала альтернативные формы организации научной деятельности и ее связей с производственной сферой. Университетские радиофизики и радиотехники индустриального института, объединенные на платформе СФТИ, стали активными участниками самодеятельной межпрофильной кооперации местного научного сообщества – Томского комитета ученых (ТКУ). Добровольное объединение лидеров томской науки, не имевшее даже собственного аппарата и регулировавшееся исключительно личной инициативой и неформальными связями, стало вполне рабочей точкой входа на региональный уровень для военной, медицинской и пищевой индустрии [7. Л. 7–7 об.].

Комитет явился акселератором разработок всевозможных изобретений, открытий и рационализаторских предложений, по духу в чем-то предвосхищая практику будущих советских научно-производственных объединений. Лежавшие в его основе проектные методы проведения междисциплинарных исследований, позволявшие изыскивать кратчайшие пути промышленной реализации их результатов, преодолевая ведомственно-отраслевые барьеры в экстремальных условиях эвакуации кадров и производственных мощностей,

являли собой пример успешного опыта внедрения советских инноваций. Такого рода практика стала предтечей процесса перекраивания центр-периферийной модели, активно развернувшегося в 1950–1960-е гг. Опыт координации научных исследований ТКУ поначалу был институционализирован типичным ведомственным способом: он был преобразован в Научный совет при Томском облисполкоме (подобные советы существовали и в других городах СССР, поэтому здесь не было ничего новаторского). Реальный институциональный прорыв на пути слома узкоспециализированного характера производства знаний и внедрения промышленных разработок обозначился с основанием в 1963 г. Межвузовского научного совета – «прародителя» современного Совета ректоров. Это был первый подобного рода орган в системе советской высшей школы [8. С. 5].

Военное четырехлетие закрепило за вузовским сектором Сибири ведущую роль в формировании регионального научного потенциала. В конце 1940-х – начале 1950-х гг., несмотря на процессы резервации, это позволило центральному руководству и местному научному истеблишменту продолжать оптимистично возлагать на него большие надежды в плане решения актуальных социально-экономических задач макрорегионального масштаба (на фоне того, что вузовская наука, в Томске концентрировавшая абсолютное большинство здешних научных работников, традиционно финансировалась советским государством крайне слабо, в отличие от академической и отраслевой).

В принципе, ведущие вузы региональных центров давали определенные на то основания. Прочные позиции успела занять томская радиофизика, распределявшая профильное сообщество между университетом (где сначала была открыта кафедра радиофизики, а затем и радиофизический факультет) и политехническим институтом (выделившим в своем составе радиотехнический факультет), в стенах которого также велась научная работа, постепенно приближавшая его к статусу исследовательского технического университета. Дополнительный вес этой конфигурации придавал резко возросший за годы войны авторитет СФТИ, в котором, собственно, и базировалась университетская радиофизика. При этом институт, как и все томское радиофизическое сообщество в целом, понес известные кадровые потери, что, наряду с недостаточным финансированием и традиционными для Томска инфраструктурными проблемами, делало дальнейшее развитие крайне проблематичным.

Со временем лидерство в прикладной радиофизике начинают постепенно возвращать себе политеховские радиотехники, получившие для организации обучения на новом радиотехническом факультете мощное подкрепление напрямую из центра в лице команды молодых преподавателей из Москвы и Ленинграда. Такое вливание «свежей крови» позволило не только достичь обеспеченности факультета научно-педагогическим составом, но и ставить перед обновленным коллективом принципиально новые перспективные задачи, решая их уже на совершенно ином теоретическом уровне. Это произвело кумулятивный эффект: первое

поколение преподавателей радиотехнического факультета, активно вовлекая в науку студентов, успело воспитать первое поколение преподавателей уже целого радиотехнического вуза – ТИРиЭТа, что прекрасно иллюстрируется примером плодотворного сотрудничества Е.И. Фиалко с Ф.И. Перегудовым [9]. Вскоре смешанные коллективы радиотехников ТПИ, состоявшие из преподавателей, аспирантов и выпускников, приступили к выполнению гособоронзаказа.

В результате томская радиотехника как минимум на ближайшее десятилетие становилась ближней (и стратегически важной) периферией по отношению к столичному центру как в кадровом, так и в идейном отношении, сохраняя тем самым важнейшие черты макрорегионального центра. В масштабах же томского научно-образовательного комплекса произошедшее значительное увеличение численности высококвалифицированных радиоинженеров, занявших собственную исследовательскую нишу, привело к окончательному разделению местного радиофизического сообщества на две равнозначные части – собственно радиофизиков и радиотехников.

Другим итогом первого послевоенного десятилетия стал присущий стыковым эпохам переход количества в качество – томичи вышли на пограничные рубежи радиофизических исследований: на основе статистической радиофизики начинаются разработки проблем кибернетики и системного анализа (признак пятого технологического уклада). Показательно, что они велись одновременно и сообща теоретиками-радиофизиками университета и практиками-радиотехниками «политеха» – под началом Ф.П. Тарасенко и Ф.И. Перегудова соответственно (сказывалась общая принадлежность к научной школе В.Н. Кессениха), имея на выходе признанный мировой научной общественностью результат [10. С. 413–416].

Реализовать же на отечественной ниве полученные наработки, ориентированные на прямое практическое применение, в полной мере так и не удалось – ни в первой половине 1960-х гг., когда на волне совнархозной реформы Ф.И. Перегудов пытался воплотить новые модели управления, предлагая напрямую соединить промышленное специальное конструкторское бюро, которым он руководил, с научными коллективами ТПИ (помешали отмена реформы и возвращение к отраслевым принципам), ни в дальнейшем, когда возглавляемый им творческий коллектив (так называемая «группа Перегудова») пробовал перенести уже апробированные элементы автоматизированной системы управления предприятием на уровень хозяйственного комплекса Томской области [11]. Нетривиальные управленческие решения радиоинженера-системщика и его единомышленников, инспирированные атмосферой хрущевских новаций (центр подстегивал периферию, дав старт «развернутому строительству коммунизма»), стимулировали выстраивание горизонтальных научно-производственных связей и в перспективе, в случае закрепления территориального начала, могли немало поспособствовать переформатированию местного социально-экономического пространства, что и обусловило их столь же системное

отторжение со стороны центр-периферийной вертикали на уровне региона.

Эти периферийные попытки шли параллельно с гораздо более широко известными, но также безуспешными усилиями представителей научного центра (А.И. Китова, В.М. Глушкова, Н.П. Федоренко и др.) по совершенствованию плановой системы управления советской экономикой путем ее математического моделирования и автоматизации. Новый простор для решений, впрочем, открылся в связи с развитием автоматизированных систем управления (АСУ). В 1966–1970-х гг. без всякой координации были созданы более четырехсот независимых АСУ, не связанных никакими сетями передачи данных [12]. Тем самым перспектива создания единой общенациональной компьютерной сети не была реализована ввиду столкновения межведомственных корыстных интересов. Все вместе это следует расценивать как бесплодные старания советской технической структуры по организации прорыва в постиндустриальное измерение, неудача которых на всех уровнях диагностировала фатальное несоответствие управляющего контура сложности управляемой системы [13]. В нашей интерпретации это свидетельствовало о том, что научный потенциал региона уже перерос те рамки, что были отведены ему господствовавшей формой организации центр-периферийных отношений. Успехи в технической кибернетике, стиравшие грань между фундаментальным и прикладным знанием, приближали авангард научного сообщества томской периферии к уровню центра, поднимая вопрос о доступе науки к управлению. Это было нереализуемо в жестких условиях другой вертикальной дихотомии «центр–периферия», где в центре была сосредоточена неразделенная и неразделимая власть-собственность, а наука пребывала на периферии принятия и реализации административно-хозяйственных решений.

Вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг. – это годы инерционной динамики советской модели регионализации науки, осуществлявшейся в рамках протекания субпроцессов позднеиндустриальной модернизации, опиравшейся на научно-технологический задел последнего сталинского десятилетия и питавшейся гуманистическим пафосом «оттепели». В организационном плане это «расширение фронта научных исследований» выражалось в достижении пределов экспансии академических и вузовских структур, что означало окончательное складывание системы центр-периферийных отношений внутри советской науки (как в сугубо территориальном, так и в содержательном смысле). Создание новых точек роста на периферии, ставших в дальнейшем региональными центрами, вокруг которых складывалась собственная внутренняя периферия (куда сбрасывалась энтропия системных противоречий, накопленных на вышестоящих структурных уровнях), позволило на время выйти из управленческого тупика сверхцентрализации – наглядным тому примером является открытие СО АН СССР.

Завершилось и оформление вузовского научно-педагогического сообщества как отдельной корпорации, которая вместе со слоем инженерно-технических

работников была в свое время основным кадровым ресурсом модернизационных трендов в советском социуме. Значимым итогом для Томска стало обретение собственной устойчиво воспроизводящейся прослойки профессиональных радиофизиков и радиотехников, связывавших свою жизнь и карьеру с судьбой города и региона. Для них самих же наиболее важной стала готовность дать идейный, кадровый и организационный ответ на очередной вызов времени – появление практически новой отрасли науки, техники и промышленности в виде радиоэлектроники.

Обращаясь к анализу итогов полувекового развития томского радиофизического сообщества под углом дихотомии «центр-периферийных» отношений в контексте модернизационных практик, нужно отметить следующие результаты проведенного методологического синтеза. Сибирская региональная специфика, детерминированная ходом административно-политического, экономического и культурного освоения края, способствовала формированию самобытного *modus operandi* томских радиофизиков. Их образ действия был основан на открытости и многопрофильности

коллективов, синтетическом характере складывавшихся на их основе научных школ и направлений, междисциплинарности проводимых ими исследований (взаимоперекрывающейся специализацией их участников). Со своей же стороны сообщество томских радиофизиков частично определяло организационные и содержательные контуры сложившегося здесь в результате советского культурного строительства особого научно-образовательного комплекса. В данном разрезе установлена закономерная связь между институционализацией в вузах Томска радиофизики как базовой инновации четвертого технологического уклада, ставшего ядром советского модерна, и реализацией концепций регионализации науки в рамках принятой в СССР мобилизационной парадигмы. В границах двустороннего взаимодействия лидеров вузовской корпорации и основного актора модернизации в лице государства томская радиофизика и радиоэлектроника, ставшие составной частью советской инновационной системы, непосредственно влияли на структурные параметры региональной науки, что, в свою очередь, обуславливало трансформацию научно-образовательного пространства Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В. Центр и периферия в российской истории // Государственный архив Пермской области. URL: <https://web.archive.org/web/20080107104327/http://www.archive.perm.ru/page.php?id=200> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Узбекова Ю.И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10. Томск, 2010. 195 с.
3. Профессора Томского университета : биограф. словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов; гл. ред. С.Ф. Фоминых; Том. гос. ун-т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
4. Фоминых С.Ф., Куш В.В., Потекаев А.И. Организация СФТИ и его деятельность в предвоенный период: исторический очерк // Сибирский физико-технический институт: история создания и становления в документах и материалах (1928–1941 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. С. 7–54.
5. Костерев А.Г. «Отец сибирской физики». Академик В.Д. Кузнецов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2016. 175 с.
6. Епонешникова Г.В., Кессених А.В., Мохова Р.Е., Фоминых С.Ф. Письма физика из Томска. М. : Информ-Знание, 2006. 52 с.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 1078 (Томский комитет ученых). Оп. 1. Д. 1.
8. Совет ректоров вузов Томской области (1963–2013 гг.): история в документах / под ред. Г.В. Майера, П.С. Чубика. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2013. 336 с.
9. Фиалко Е.И., Перегудов Ф.И., Немирова Э.К., Серафинович Л.П., Покровский Л.А., Золотарев И.Д., Зубарев Г.С. Некоторые результаты радиолокационных наблюдений метеоров в Томске в период 1957–1959 гг. // Известия Томского политехнического института. 1962. Т. 100. С. 16–19.
10. Профессора Томского университета : биограф. словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др.; отв. ред. С.Ф. Фоминых; Том. гос. ун-т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 532 с.
11. Денисов В.П., Райзман М.М., Серафинович Л.П. Его жизнь была подобна метеору. Воспоминания о Феликсе Ивановиче Перегудове // Томский политехник. 2000. Вып. 6. С. 20–29.
12. Герович В.А. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byala-sozdana-obshhenacziionalnaya-kompyuternaya-set.html> (дата обращения: 12.09.2021).
13. Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 41–48.

Anton G. Kosterev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Maksim Yu. Kim, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

PROFESSIONAL COMMUNITY OF TOMSK SCIENTISTS-RADIOPHYSICISTS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: CENTER-PERIPHERAL RELATIONS

Keywords: radiophysics, Tomsk State University, Siberian Institute of Physics and Technology, scientific community, center-periphery, modernization theory.

Based on the materials of office documentation and memoirs of contemporaries, the article attempts a methodological understanding of the theory of center-peripheral relations as applied to the study of the scientific community of radiophysicists in Tomsk in the first half of the 20th century. It is emphasized that certain provisions of the modernization theory, critically rethought taking into account the Soviet socio-political realities, can claim the role of a tool for rethinking.

We note that the institutionalization of radiophysical research in Siberia and the formation of the Tomsk radiophysical community on its basis are inextricably linked with the problem of regionalization of domestic science and higher education and the restructuring of the country's scientific and educational potential. It is emphasized that in the 1920s-1930s the formation of the Tomsk radiophysical community proceeded both "from above" – through the implementation of the state scientific-technical and scientific-educational policy through the opening of scientific and educational institutions, and "from below" – through self-organization and coordination of efforts of representatives of the local teaching corporation and members of the radio amateur movement. Since the early 1930s, the leaders of the community have come to the fore: V.N. Kessenikh and A.B. Sapozhnikov, who became the founders of the radiophysical school at TSU and SPTI.

We also note that the Great Patriotic War gave impetus to the development of alternative forms of organizing scientific activities. One of them was the Tomsk Committee of Scientists – an accelerator for the development of all kinds of inventions, discoveries and rationalization proposals, which was based on design methods for conducting interdisciplinary research, which made it possible to find the shortest ways to industrialize their results.

In the 1950s – 1960s, Tomsk residents reached the borderline of radiophysical research, which was a sign of the fifth technological order. However, it was not possible to fully implement the obtained developments, focused on direct practical application, due to the systemic rejection from the center-peripheral vertical of everything that did not fit into the already formed management system.

We conclude that there is a natural connection between the institutionalization of radiophysics in the universities of Tomsk and the implementation of the concepts of regionalization of science within the framework of the mobilization paradigm adopted in the USSR. Within the boundaries of bilateral interaction between the leaders of the university corporation and the main actor of modernization, represented by the state, Tomsk radio physics and radio electronics directly influenced the structural parameters of regional science, which, in turn, determined the transformation of the scientific and educational space of Siberia.

REFERENCES

1. Alekseev, V.V. (2008) *Tsentr i periferiya v rossiyskoy istorii* [The center and periphery in Russian history]. The State Archives of the Perm Region. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20080107104327/http://www.archive.perm.ru/page.php?id=200> (Accessed: 10th September 2021).
2. Uzbekova, Yu.I. (2010) *"Tsentr" i "periferiya" v razviti akademicheskoy nauki v vostochnykh regionakh strany v XX v.* [The "Center" and "periphery" in the development of academic science in the eastern regions of the country in the 20th century]. History Cand. Diss. Tomsk.
3. Fominykh, S.F. (ed.) (1998) *Professora Tomskogo universiteta* [Professors of Tomsk University]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Fominykh, S.F., Kushch, V.V. & Potekaev, A.I. (2005) Organizatsiya SFTI i ego deyatelnost' v predvoennyi period: istoricheskiy ocherk [Organization of SPTI and its activities in the pre-war period: a historical sketch]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut: istoriya sozdaniya i stanovleniya v dokumentakh i materialakh (1928–1941 gg.)* [Siberian Institute of Physics and Technology: history in documents and materials (1928–1941)]. Tomsk: NTL. pp. 7–54.
5. Kosterev, A.G. (2016) *"Otets sibirskoy fiziki". Akademik V.D. Kuznetsov* ["Father of Siberian Physics". Academician V.D. Kuznetsov]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
6. Eponeshnikova, G.V., Kessenikh, A.V., Mokhova, R.E. & Fominykh, S.F. (2006) *Pis'ma fizika iz Tomsk* [A physicist's letters from Tomsk]. Moscow: Inform-Znanie.
7. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region. Fund 1078. List 1. File 1.
8. Mayer, G.V. & Chubik, P.S. (eds) (2013) *Sovet rektorov vuzov Tomskoy oblasti (1963–2013 gg.): istoriya v dokumentakh* [The Council of Rectors of Tomsk universities (1963–2013): history in documents]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Fialko, E.I., Peregudov, F.I., Nemirova, E.K. et al. (1962) Nekotorye rezul'taty radiolokatsionnykh nablyudeniy meteorov v Tomске v period 1957–1959 gg. [Some results of radar observations of meteors in Tomsk in 1957–1959]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta*. 100. pp. 16–19.
10. Fominykh, S.F. (ed.) (1998) *Professora Tomskogo universiteta* [Professors of Tomsk University]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
11. Denisov, V.P., Rayzman, M.M. & Serafinovich, L.P. (2000) Ego zhizn' byla podobna meteoru. Vospominaniya o Felikse Ivanoviche Peregudove [His life was like a meteor. Memories of Felix Ivanovich Peregudov]. *Tomskiy politekhnicheskii zhurnal*. 6. pp. 20–29.
12. Gerovich, V.A. (2011) *Inter-Net! Pochemu v Sovetskom Soyuze ne byla sozdana obshchenatsional'naya kompyuternaya set'* [The Internet! Why was there no nationwide computer network created in the Soviet Union?]. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/1/inter-net-pochemu-v-sovetskom-soyuze-ne-byala-sozdana-obshhenatsionalnaya-kompyuternaya-set.html> (Accessed: 12th September 2021).
13. Kosterev, A.G. (2019) The phenomenon of soviet technocracy: to the formulation of the problem (political-ideological and socio-cultural dimensions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 41–48. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/5

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/74/26

А.С. Пученков

БЕЛОГВАРДЕЕЦ-РОМАНТИК? РЕЦ. НА КН.: ЛАРЬКОВ Н.С. СИБИРСКИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ. ТОМСК: ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2017. 312 с.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Гранта РНФ №21–18–00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Статья посвящена анализу монографии крупного сибирского историка Н.С. Ларькова, главным героем которой является знаменитый белый генерал А.Н. Пепеляев, одна из самых ярких и харизматичных фигур в истории белого движения в Сибири. Монография, основанная на широком круге архивных источников, последовательно рассказывает о жизни А.Н. Пепеляева – от юности, совпавшей с началом XX в., включая Первую мировую войну, участником и героем которой был Пепеляев, до революции 1917 г., перевернувшей жизнь не только героя книги, но и всей России.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война, А. Н. Пепеляев, антибольшевизм, религиозный фактор, Сибирь.

Анатолий Николаевич Пепеляев не принадлежит к числу забытых участников Гражданской войны. Имя его известно читателю не только благодаря исследователям, но и благодаря блестящему документальному роману Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога», посвященному Якутскому походу генерала Пепеляева 1922–1923 гг. [1]. Крупный сибирский историк доктор исторических наук Николай Семенович Ларьков посвятил реконструкции биографии своего героя многие годы, и результатом его труда стала солидная монография, вышедшая в 2017 г. в издательстве Томского университета [2]. В основу монографии легли материалы, отложившиеся в центральных и местных архивах, газеты и мемуаристика. В качестве «сверхзадачи» монографии автор видел постижение психологии А.Н. Пепеляева и мотивации его поступков. Н.С. Ларьков стремился написать о Пепеляеве максимально объективно, опираясь исключительно на источники, с должной их внутренней и внешней критикой, выбирая из анализируемых им документов крупную информацию об Анатолии Николаевиче в первую очередь как о человеке, а во вторую – как о военном профессионале. Капитальной проблемой историка было отсутствие вплоть до момента появления книги Ларькова солидного обобщающего труда, посвященного А.Н. Пепеляеву. Все, что писалось о генерале ранее, казалось Н.С. Ларькову чересчур прямолинейным, односторонним, плоским, не говоря уже о встречающихся в сочинениях историков многочисленных фактических ошибках и сознательных искажениях. Исключением выглядит, пожалуй, только уже упомянутый документальный роман Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога», посвященный, однако, лишь Якутскому походу Пепеляева. Юзефович, впрочем, и не претендует на то, чтобы считать свой

труд биографией Пепеляева, «мужицкого генерала», по определению талантливого романиста [1. С. 18].

Еще одна задача, которую приходилось решать, – необходимость адекватно «вписать» жизненный путь Пепеляева в общий исторический контекст. С одной стороны, это стандартная для историков задача. Однако, с другой стороны, биография Пепеляева насыщена такими событиями, которые оказались судьбоносными как для самого генерала, так и для страны в целом, начиная от Первой мировой войны и заканчивая «большим террором». Главное внимание в книге обращено автором на период Гражданской войны, ставшей для Пепеляева «звездным часом» – за годы междоусобицы произошел его стремительный взлет от капитана в 1917 г. до генерал-лейтенанта в начале 1919 г., а затем командующего антибольшевистской армией; по определению Ларькова, в это время его герой «был одной из ключевых фигур Белого движения». [2. С. 3].

В своей работе Ларьков постарался раскрыть востребованные в эпоху Гражданской войны способности и человеческие качества Пепеляева и вместе с тем отразить его слабости, показать его масштабные победы и не менее масштабные поражения. Историк стремился исправить в своем труде наиболее заметные фактические ошибки, которые присутствовали в других работах, посвященных Анатолию Николаевичу. В книге Ларькова есть и определенные лакуны, связанные с нехваткой источников: во время Гражданской войны погибла документация штаба I Сибирской армии генерала Пепеляева; историку не удалось познакомиться с материалами дела Пепеляева, хранящимися в Центральном архиве ФСБ. Вместе с тем, полагаю, что на сегодняшний день книга Ларькова – самое полное исследование биографии генерала А.Н. Пепеляева.

Анатолий Пепеляев был пятым ребенком в семье потомственных военных, глава которой, Николай Михайлович, дослужился до генеральских чинов. Успешная карьера отца не могла не повлиять на выбор профессии его сыновьями, почти все они выбрали в качестве дела своей жизни служение Отечеству. Не стал исключением и Анатолий, закончивший Омский кадетский корпус, среди выпускников которого значилось имя будущего вождя Белого движения генерала Л.Г. Корнилова. [2. С. 10–11]. Свое образование Анатолий Пепеляев продолжил в прославленном Павловском военном училище, по окончании которого он был произведен в чин подпоручика и направлен для прохождения службы в 42-й Сибирский стрелковый полк, командиром которого как раз в то время был назначен его отец [Там же. С. 14]. В канун нового 1914 года А.Н. Пепеляев был произведен в поручики [Там же. С. 16]. Вряд ли он подозревал, что этот год станет переломным и для него, и для всей армии, и для всей страны, и для всего мира.

Подобно подавляющему большинству русских офицеров, А.Н. Пепеляев встретил начало Первой мировой войны с энтузиазмом. К моменту начала войны, по его собственному признанию, молодой офицер был убежденным монархистом; его политические убеждения «определяло... воспитание и та офицерская среда, в которой... [он] вращался» [Там же. С. 19]. Храбрый офицер возглавлял команду разведчиков; Пепеляев проявил себя как блестящий командир, заслуги которого были отмечены боевыми орденами, среди которых – Георгиевский крест 4-й степени [Там же. С. 19–24]. За два года войны Пепеляев снискал глубокое уважение в военной среде, дослужившись к 1917 г. до чина капитана. Его ожидала, несомненно, успешная военная карьера, предопределенная не только его достоинствами как военного профессионала, но и тем, что Анатолий Николаевич был кадровым офицером, значительная часть которых была выбита за годы войны [Там же. С. 25]. Наступил судьбоносный для России 1917 год. Накануне Февраля Пепеляев, подобно многим представителям русского офицерства, воспринимал царское правительство в качестве основного препятствия на пути к победе над врагом. Деятельность правительства Львова–Керенского и связанный с ней фактический распад старой армии казались ему «гибелью старой России» [Там же. С. 29]. Естественно, что не смог Пепеляев принять и Октябрь: вскоре после большевистской революции Анатолий Николаевич оставил фронт и уехал в Сибирь. В Томске наш герой недолго сидел без дела, начав сотрудничать с антибольшевистским военным подпольем; к этому времени относится и совершенно определенное тяготение Пепеляева к идеям сибирского областничества [Там же. С. 37].

Контрреволюционные организации действовали фактически в отрыве от центра; их взаимодействие, например с белым Югом, было спорадическим, а успех инициативной командующим Добровольческой армией генералом Л.Г. Корниловым миссии в Сибирь генерала В.Е. Флуга вызывает большое сомнение [Там же. С. 38–39]. Немалое внимание Н.С. Ларьков уделяет

феноменальной, на мой взгляд, личности будущего одесского диктатора генерала А.Н. Гришина, выдвигая оригинальную версию происхождения его псевдонима «Алмазов» и высоко оценивая его усилия по консолидации антибольшевистского подполья [Там же. С. 37–42]. Ларьков правомерно определяет Гришина-Алмазова как «руководителя Западно-Сибирского штаба тайных военных организаций» [Там же. С. 45].

Автор подробно рассказывает об истории антисоветского вооруженного восстания в Томске в мае 1918 г. [Там же. С. 48–52], сразу после успеха которого Пепеляев и его соратники по подполью приступили к «организационному оформлению офицерской и добровольческой массы», при этом военная власть в крае сосредоточилась в руках командующего войсками Западно-Сибирского военного округа А.Н. Гришина-Алмазова, а на посту начальника штаба Томского гарнизона оказался подполковник А.Н. Пепеляев [Там же. С. 53]. Последний вскоре был назначен командиром только что сформированного Средне-Сибирского корпуса, входившего в состав Западно-Сибирской армии под командованием Гришина-Алмазова. Должность эту Пепеляев занимал 10 месяцев – с июня 1918 до апреля 1919 г. Рассказывая о Сибирской армии в 1918 г., деятельность которой подробно освещена в блестящей монографии Д.Г. Симонова [3], Ларьков обращает внимание на «революционные» отголоски, перешедшие в повседневную жизнь Средне-Сибирского корпуса под командованием Пепеляева: так, офицеры и солдаты, служившие под началом Анатолия Николаевича, обращались друг к другу на «ты» и «брат»; по обоснованному предположению историка, практика эта была перенята Пепеляевым у чехословацких легионеров [2. С. 61]. Пепеляев, в изображении Ларькова, – не лишенный недюжинного ума и определенной гуманности командир, стремившийся искоренить самовольные расстрелы, насилия и истязания [Там же. С. 68]. И уж абсолютно нехарактерным для специфики новоявленных «бонапартов» времен Гражданской войны выглядит недоумение Пепеляева по случаю его производства в полковники, выраженное в письме А.Н. Гришину: «В дальнейшем я не жду никаких наград для себя (работа моя, боюсь, и так награждена слишком), единственным моим желанием является победа над большевиками, восстановление былой славы родной армии и полное восстановление мощи нашей великой, но обессиленной Родины – этой идее я бескорыстно буду служить, куда хватит моих сил» [Там же. С. 72]. Пожалуй, в этих словах выражено *specto* Анатолия Николаевича, всю жизнь отдававшего себя служению Родине без остатка. Удивительно, правда, что стремительный взлет и военные победы не вскружили молодому офицеру голову. Трудно, пожалуй, найти другой такой пример в антибольшевистском стане – что на Юге, что на Востоке. Пепеляев, несомненно, понимал противоестественность как самой Гражданской войны, так и обстоятельств, способствовавших его быстрому возвышению, – гордиться победами на поле брани над своими соотечественниками он не желал. Уже одно лишь это позволяет расценивать фигуру Анатолия Николаевича как яркую и незаурядную.

Для Пепеляева был характерен абсолютно не наигранный демократизм; он в дни самых кровопролитных боев находился «непосредственно среди бойцов, делил... с ними все трудности боевой обстановки» [Там же. С. 81]. «В старой поношенной шинели, которую он носил еще с германской войны, в обыкновенной солдатской фуражке, сдвинутой набок, он походил на солдата, а не на ответственного начальника, в руках которого находились жизни этих людей, темными, молчаливыми рядами тянувшихся за ним по шпалам», – приводит автор слова мемуариста А. Кирилова [2. С. 81]. Средне-Сибирский корпус Пепеляева, отмечает Н.С. Ларьков, отличался высокой боеспособностью, в чем «сыграл свою роль и высокий удельный вес офицеров в частях корпуса, многие из которых сражались тогда в качестве рядовых бойцов» [Там же. С. 88]. Для Пепеляева 1918 год заканчивался триумфально: его имя неразрывно связано с так называемой «пермской катастрофой» Красной Армии, а имя «героя Перми» было в те дни ничуть не менее популярно, чем имя самого Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. За взятие Перми Пепеляев в начале 1919 г. был произведен в чин генерал-лейтенанта. «Громкий успех, широкий общественный резонанс, новый высокий чин налагали на молодого генерал-лейтенанта повышенную ответственность, от него ждали очередных побед», – констатирует автор [Там же. С. 118]. Пепеляеву на тот момент было всего 27 лет. Молодой генерал обладал харизмой, талантом и огромным авторитетом у подчиненных, который был завоеван им кровью, пролитой на полях сражений. Несомненно, он был настоящим народным вожаком.

Неудачи на фронте вынудили Колчака пойти на серьезную реорганизацию войск. Северная и Южные группы Сибирской армии развертывались в 1-ю и 2-ю Сибирские армии. Командование 1-й армией было вверено генералу Пепеляеву [Там же. С. 170]. Пепеляев принял командование армией в тяжелые для колчаковцев дни. Командарм бросил все силы на укрепление дисциплины, подъем морального духа в войсках после череды поражений и длительного отступления; Пепеляев издал ряд приказов, направленных на искоренение дезертирства и мародерства. Немалое внимание он уделял и идеологической работе: в собственноручно написанных генералом приказах содержалось заверение о созыве, после победы над большевиками, Учредительного собрания, а также в том, что «земля будет принадлежать трудящимся и отойдет к крестьянам» [Там же. С. 172]. В дни решающих боев между Красной Армией и колчаковцами Пепеляеву «в полной мере приходилось использовать и накопленный боевой опыт, и популярность в войсках, и личную храбрость, чтобы остановить отступление или хотя бы сдержать его темпы и спасти от разгрома свою армию» [Там же. С. 195]. Под талантливым пером автора Пепеляев предстает человеком, который буквально горит за судьбу Белого дела: убеждая Колчака в своей правоте, он осеяет себя крестным знаменем, апелляция к Богу содержалась и в его обращениях к чинам армии, и в выступлениях перед солдатами; в полемике с генералом Н.А. Лохвицким Анатолий Николаевич использует матерную

лексику [Там же. С. 200–201]. Все эти усилия не могли, конечно, остановить катастрофу Белого движения в Сибири. Став «генералом без армии» [Там же. С. 246], Пепеляев не прекратил борьбу и не опустил руки, видимо, просто не считая это для себя возможным. Анатолий Николаевич, по предположению Н.С. Ларькова, не верил в успех якутских повстанцев, однако, будучи человеком «слова и чести», генерал не мог отказать им в помощи [Там же. С. 266]. Объясняя свое желание продолжать непримиримую борьбу с большевиками до полной победы над ними или до смерти, Пепеляев писал в январе 1923 г.: «1) веру коммунисты не переносят православную, так постоим до конца за нее, святую, поруганную; 2) народ простой против них, ждет нас, надеется, а я верю только в простой народ (крестьянство). Если и восстановится Россия, то только его простым, но упрямым умом (вспомним, что Л.Н. Толстой называл “главными чертами, составляющими силу русского” простоту и упрямство. – А.П.) и мозолистыми руками; 3) наглый вызывающий тон коммунистичес[еского] письма, полный насмешки, презрения и полный самоуверенности в своей правоте, их хитрость и цинизм; 4) *душевные настроения, хочется чашу страданий испить до дна* (курсив мой. – А.П.)» [Там же. С. 279]. Потрясающий текст, написанный невероятно цельной натурой!

Дальнейшая судьба Пепеляева известна. Якутский поход «аргонавтов белой мечты» закончился неудачей. С 18 июня 1923 г. для А.Н. Пепеляева начинается последний и самый тягостный во всех без исключения смыслах период его жизни – советский плен [Там же. С. 288]. Как он того и желал, генерал испил чашу страданий до дна. Начиналось его заключение с определенных надежд: смертная казнь Пепеляеву была заменена на 10 лет со строгой изоляцией и поражением в правах на 5 лет, при этом «режим содержания А.Н. Пепеляева был настолько смягчен, что днем его камеру стали оставлять открытой, ему была предоставлена возможность беспрепятственного выхода из нее» [Там же. С. 294–295]. Более того, в 1928 г. за Пепеляева ходатайствовал когда-то противостоявший ему на фронте видный красный командир С.С. Востречов, отметивший среди прочих качеств Пепеляева глубокую религиозность, стихийно-меньшевистское мировоззрение, «громадный авторитет среди подчиненных» и предложивший отпустить его на волю и использовать как военспеца. Прошение Востречова было отклонено наркомом К.Е. Ворошиловым, безапелляционно аттестовавшим Пепеляева как «врага» [Там же. С. 296–297]. В 1930-е гг. режим содержания Пепеляева ужесточился, его срок заключения был продлен еще на три года, генералу была запрещена переписка с супругой [Там же. С. 297]. В 1936 г. Пепеляев неожиданно был освобожден из-под стражи, причем его судьба решалась на самом высшем уровне – с фактического одобрения И.В. Сталина. «Воздухом свободы, хотя и ущербной, – констатирует Н.С. Ларьков, – А.Н. Пепеляев дышал более года». [Там же. С. 301]. В августе 1937 г. западносибирские чекисты вспомнили об А.Н. Пепеляеве, «который идеально подходил на роль организатора и руководителя сфабрикованной

ими “контрреволюционной повстанческой организации”» [Там же. С. 302]. В августе 1937 г. Пепеляев был арестован, из него были выбиты абсурдные признания, а 7 декабря 1937 г. «тройка» Управления НКВД по Новосибирской области постановила его расстрелять. 14 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение. «Место его захоронения осталось неизвестным. Лишь спустя полвека, 20 октября 1989 г., сибирский белый генерал был реабилитирован», – отмечает автор книги [2. С. 307].

Пепеляев «был в известном смысле провинциалом, неискушенным в тонкостях политической борьбы, разделявшим к тому же идеи сибирского областничества. Однако всегда выступал сторонником сильного государства, единой России с мощной армией, которая “должна соответствовать национальному характеру страны”. Сильная власть и государство ассоциировались у этого русского офицера с понятиями Родины, Великой России... В условиях глубочайшего идейно-политического раскола общества, кровопролитной Гражданской войны, экономического коллапса, падения нравов, в окружении немалого числа циников А.Н. Пепеляев выглядел, наверное, идеалистом, “белой вороной” среди белых генералов. Однако не этот ли идеализм вкупе с глубокой верой в Бога составляли стержень его человеческой натуры? Не они ли помогли ему выжить в условиях более чем тринадцатилетнего пребывания в советских тюрьмах, в том числе полуторагодичного заключения в одиночной камере?», – пишет Н.С. Ларьков [Там же. С. 308–309]. «Жесткая логика Гражданской войны не оставляла места для третьего пути. Победителем могла выйти только одна из двух военно-террористических диктатур – красная или белая. Генерал А.Н. Пепеляев не стремился ни к одной из них, однако во имя сохранения Великой России во время Гражданской войны он мирился с колчаковской, а после своего разгрома с большевистской диктатурой. Дожить до реализации своей мечты об идеально устроенном обществе сибирскому белому генералу не довелось. Да и достижимо ли оно?» – подводит итог своему повествованию Н.С. Ларьков. [Там же. С. 310].

Пепеляев в определенной мере, как представляется, был белогвардейцем-романтиком; он, несомненно, надеялся, что Россия, пройдя через страшную драму междоусобицы и преодолев опыт большевизма, сможет очиститься и прийти к более справедливому устройству общества. Сильная и возрожденная Россия, обращенная к своим гражданам, была его идеалом – вопрос о форме правления страны и о ее партийном флаге воспринимался им в этой связи как важный, но не первостепенный; да и вообще не следует рядить Анатолия Николаевича в тогу «эсера», «меньшевика», «кадета», «анархиста» или кого-либо еще – его политические взгляды постоянно эволюционировали – то вправо, то влево. «Свойственная Пепеляеву зыбкость политических убеждений, его неспособность безраздельно примкнуть к какой бы то ни было партии – черта не столько даже интеллигента, сколько взыскующего Божьего Града русского праведника», – пишет о своем герое Л.А. Юзефович [1. С. 370]. И действительно: глубоко и искренне верующий православный христианин, Анатолий Николаевич превыше всего ставил офицерскую честь и служение Отечеству. Русский патриот и стихийный демократ, Пепеляев был не только чужд интриг, столь распространенных в военных и политических кругах, но и глубоко презирал их. «Энергичный и умный военачальник» [4. С. 272.], Пепеляев поистине удивительным образом сочетал в себе таланты полководца, пассионарность неукротимого борца с большевиками и идеализм классического русского интеллигента. Генералу были чужды снобизм и фанатерия; несмотря на свои высокие чины, он всегда оставался верным слугой своего народа, вместе с которым и пытался пробить дорогу к счастью. Фундаментом же его поступков была удивительно чистая и буквально религиозная преданность матери-России, неистовая и искренняя вера в ее прекрасное будущее. Пепеляев – одна из наиболее ярких и обаятельных фигур Белого движения, настоящий белогвардеец-романтик.

Был ли закономерен печальный финал жизни этого незаурядного человека? Ответ на этот вопрос читатель сможет найти на страницах прекрасной книги Н.С. Ларькова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
2. Юзефович Л.А. Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923 : документальный роман. М. : АСТ, 2017. 432 с.
3. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. 612 с.
4. Грондейс Л. Война в России и Сибири / под науч. ред. Р.Г. Гагкуева. М. : РОССПЭН, 2018. 456 с.

Alexandr S. Puchenkov, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.puchenkov@spbu.ru

WHITE GUARD ROMANTIC? REVIEW OF THE BOOK: LARKOV N.S. SIBERIAN WHITE GENERAL. TOMSK: PUBLISHING HOUSE OF TOMSK UNIVERSITY, 2017. 312 p.

Keywords: Civil War, A.N. Pepelyaev, A.V. Kolchak, Siberia, N.S. Larkov.

The article examines the monograph of the Tomsk historian N.S. Larkov, the main character of which is General A.N. Pepelyaev, one of the brightest and most charismatic representatives of the generals of the White movement. The monograph, based on a wide range of archival sources, examines the life of General A.N. Pepelyaev, against the background of an era that included the First World War, the 1917 revolution, and the Civil War. It was at the time of the Russian civil strife that Pepelyaev's unprecedented career takeoff, who managed to rise to the rank of general, fell. Pepelyaev is shown by the author as a worthy and courageous person, a talented military leader, a deeply and sincerely believing Orthodox Christian, and a true patriot of his country. From the point of view of Larkov, Pepelyaev's career rise was not an accident: Anatoly Nikolaevich was a professional military man, a brave officer who won his high authority among his subordinates with blood shed on the battlefields. In a long line of Kolchak generals, Pepelyaev stood apart: he was bribed by his undoubted sincerity, faith in the bright future of Russia, his readiness to give his life for her at any moment and without

hesitation – all this, coupled with Pepeliaev's natural democracy, turned him into a real people's leader – a reputation that Anatoly Nikolaevich was very proud of. After the defeat of the Whites in the Civil War, Pepeliaev did not try to find a refuge in emigration – the general could not imagine life without Russia. In the USSR, Pepeliaev's life was truly tragic: the general spent many years in prison, and in 1938 he was repressed and shot. Pepeliaev is one of the brightest and most charming figures of the White movement, a true White Guard romantic.

REFERENCES

1. Larkov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Yuzefovich, L.A. (2017) *Zimnyaya doroga. General A.N. Pepelyaev i anarkhist I.Ya. Strod v Yakutii. 1922–1923: dokumental'nyy roman* [The Winter Road. General A.N. Pepelyaev and anarchist I.Ya. Strod in Yakutia. 1922–1923. A documentary novel]. Moscow: AST.
3. Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
4. Grondijs, L. (2018) *Voyna v Rossii i Sibiri* [The War in Russia and Siberia]. Translated from French and Dutch. Moscow: ROSSPEN.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930 (430): 378.4 (571.16)
DOI: 10.17223/19988613/74/27

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ В СУДЬБЕ СИБИРСКОГО УЧЕНОГО

Рассматриваются научная деятельность и научное наследие известного сибирского историка-германиста, доктора исторических наук, профессора Л.Н. Корневой. На основе анализа ее научных трудов по историографии и истории германского национал-социализма делается вывод о том, что работы автора внесли вклад в современную российскую историческую германистику, особенно в изучение немецкой историографии национал-социализма.

Ключевые слова: история Германии, национал-социализм, историография.

26 октября 2020 года ушла из жизни известный российский историк-германист, видный специалист по истории и историографии германского национал-социализма, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета Лидия Николаевна Корнева.

Л.Н. Корнева (1943–2020) родилась 22 декабря 1943 г. в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области, окончила в 1961 г. школу № 11, затем, в 1967 г., – исторический факультет Томского государственного университета. Выбор изучения Германии Новейшего времени оказался неслучайным: при поступлении в ТГУ Лидия Николаевна была включена в группу с углубленным изучением немецкого языка. Кроме того, большое влияние на ее выбор изучения истории и историографии Германии оказал основатель сибирской школы германистики, доцент томского университета Николай Сергеевич Черкасов, который и стал научным руководителем Лидии Николаевны. Авторы этого текста неоднократно общались с Лидией Николаевной в формальной и неформальной обстановке. Она обладала неподдельным демократизмом в общении, широтой взглядов, была открыта всему новому и интересному в жизни и науке. Эти качества позволили Лидии Николаевне находить хороший контакт с людьми и быть прекрасным педагогом, которого всегда с интересом воспринимали студенты и коллеги. Вспоминая живое общение с Лидией Николаевной, ее личность, нам бы хотелось проанализировать ее научный вклад в изучение историографии и истории германского национал-социализма. Л.Н. Корнева, наряду с заведующим кафедрой новой, новейшей истории КемГУ доктором исторических наук, профессором Ю.В. Галактионовым (1949–2005) [1, 2], сыграла существенную роль в развитии историографических сюжетов в исследовании германского национал-социализма в современной российской исторической германистике.

Несомненно, Л.Н. Корнева внесла значительный вклад в изучение германского национал-социализма, особенно немецкой историографии этого феномена.

Историографическая основа в ее научной работе проявилась уже в кандидатской диссертации. В 1975 г. Лидия Николаевна под руководством Н.С. Черкасова защитила в Томском государственном университете кандидатскую диссертацию на тему «Проблема взаимоотношений крупного капитала и фашистской партии в 1919–1933 гг. в современной западногерманской историографии». Диссертация стала важным шагом в советской исторической науке в процессе расширения ее познания современной западногерманской историографии национал-социализма. Сместив на некоторое время в 1980-х гг. научный интерес к бывшей восточногерманской (ГДР) марксистской историографии национал-социализма [3], Л.Н. Корнева в начале 1990-х гг. вновь возвращается в проблематике западногерманской и затем объединенной германской историографии национал-социализма. Само время подталкивало российских историков-германистов к более объективному изучению зловещей истории германского национал-социализма, в том числе и в историографическом контексте. Этому способствовали и крах идеологических клише, и начало научных контактов и сотрудничества с историками «старой ФРГ». На 1990–2000-х гг. приходится расцвет деятельности Л.Н. Корневой, причем не только научной, но и организационной. В 1999 г. она активно участвовала в создании межрегионального объединения сибирских германистов Западно-Сибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ).

Историографические идеи Л.Н. Корневой разбросаны в многочисленных статьях и тезисах. Здесь же мы хотим остановиться на анализе ее наиболее принципиальных трудов, которые, собственно, и подготавливали ее основные исследования. В 1998 г. вышло учебное пособие Л.Н. Корневой «Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы)» [4]. Это небольшое учебное пособие (128 страниц) стало своего рода уникальным изданием, задачи которого выходили за рамки учебной литературы. Автор отмечает, что, несмотря на наличие в современной исторической германистике работ, посвященных западногерманской

историографии германского нацизма, большинство из них написано еще в советский период и несет отпечаток идейной борьбы с «буржуазной» историографией национал-социализма [4. С. 9]. Автор же ставит своей целью дать объективную картину развития германской историографии нацизма в целом, абстрагируясь от ее идейной подоплеки как с буржуазной, так с марксистской точки зрения. В учебном пособии проявилась характерная черта Корневой-исследователя: сочетание учебно-просветительских и научных задач (ниже мы еще вернемся к этой черте). Она сама так пишет об этом: «Автор стремилась сделать учебное пособие, с одной стороны, достаточно научным, с другой – доступным для студентов и всех интересующихся историей фашизма» [Там же. С. 11].

В основе авторского анализа германской историографии фашизма лежит рассмотрение дискуссионных теоретико-методологических подходов германских историков. В частности, в западногерманской историографии национал-социализма 1945–1990-х гг. Корнева выделила несколько этапов ее развития и дала характеристику каждому из них. Она отмечает, что немецкие историки проделали огромную работу по изучению национал-социализма [Там же. С. 102], что было обусловлено не только их научным интересом, но и общественно-политическим долгом рассказать немецкому народу о преступном характере нацистского режима. Плюралистические теоретико-методологические подходы западногерманских историков позволили, по мнению автора, дать более объективную оценку национал-социализму. В то же время Корнева отмечает и роль историографии ГДР в изучении феномена германского фашизма. Идеологически обусловленная марксистская фундированность помогла историкам ГДР, согласно автору, подробно и объективно исследовать экономические параметры Третьего рейха, его континуитет с прошлой германской историей. Иными словами, послевоенные историографические исследования национал-социализма западногерманских и восточногерманских ученых вне зависимости от своих идейных и теоретических установок дополняли друг друга. Необходимо отметить, что учебное пособие «Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы)», несмотря на то что было опубликовано более 20 лет назад, до сих пор не утратило своей актуальности.

Как показало время, данное учебное пособие стало серьезной основой для работы Л.Н. Корневой над докторской диссертацией. Диссертация «Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005 гг.)» [5] и изданная на ее основе в 2007 г. монография «Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005)» [6] стали заметным явлением в современной российской исторической германистике. По словам автора, к настоящему времени германская историография накопила большой материал по истории национал-социализма. «Его систематизация – важнейшая задача сегодняшнего дня» [Там же. С. 6]. В центре внимания Л.Н. Корневой – современный этап развития

германской историографии национал-социализма, начавшийся в середине 1980-х гг. с так называемого «спора историков». По мнению автора, именно современный этап германской историографии национал-социализма подвел итог ее развитию, выявил ее характерные черты и на этой основе привел к расширению проблемного поля исследования.

Автор, отмечая объем проделанной немецкими историками работы, сразу ограничивает себя определенными сюжетами, объясняя при этом, почему именно эти сюжеты попали в ее поле зрения. В итоге две главы исследования посвящены институциональным и теоретико-методологическим проблемам исследования национал-социализма немецкими учеными, а две остальные – актуальным темам истории нацизма: расизму, геноциду и холокосту, Второй мировой войне, войне на Востоке и т.д. Отправной точкой исследования Л.Н. Корневой проблем современной германской историографии национал-социализма стал сюжет, связанный со знаменитым «спором историков» в середине 1980-х гг., который вызвал к жизни новый этап интереса немецких историков к нацизму и отчасти привел к пересмотру их прежних взглядов на его историю. Именно этот этап германской историографии нацизма и стал предметом исследования автора. Несмотря на сосредоточенность Л.Н. Корневой на анализе современной германской историографии национал-социализма, в диссертации и монографии четко прослеживается авторская концепция о взаимосвязи и преемственности различных этапов послевоенной германской историографии нацизма.

Рассмотрев германскую историографию национал-социализма последних десятилетий, Л.Н. Корнева пришла к важному выводу о ее значении для науки и общества: «Немецкая историография национал-социализма имеет большие заслуги перед наукой и обществом» [Там же. С. 264]. Профессионализм, традиции немецкой исторической науки и одновременно восприятие новых тенденций и методов изучения истории, тщательность работы с источниками, объективность в оценке событий, даже несмотря на некоторую политическую ангажированность, сделали, по мнению автора, германскую историографию национал-социализма неким образцом и эталоном в контексте исследования данной проблематики и важной частью демократического воспитательного процесса как в ФРГ, так и на Западе в целом.

С наступлением XXI столетия в научной и педагогической деятельности Л.Н. Корневой появляются новые сюжеты. От рассмотрения немецкой историографии германского фашизма она переходит к анализу его непосредственной истории. Это связано с подготовкой и изданием коллективом авторов – членов ЗСЦГИ – известного трехтомника, учебного пособия «История Германии» [7]. Л.Н. Корнева не только активно участвовала в подготовке этого пособия, в частности была одним из редакторов 3-го тома «Документы и материалы», но и стала автором главы, посвященной истории Германии в период нацистской диктатуры [8].

Автор подробно, с использованием и анализом большого фактического материала, описывает двенадцати-

летнюю историю Третьего рейха, стараясь при этом выдержать объективную оценку событий, избегая какого-либо морализаторства. Так, говоря, об ответственности немецкого народа за поддержку нацистской диктатуры, автор пишет: «“Консолидация” режима произошла на базе умелого сочетания террора, организационно-политического воздействия и пропаганды. К концу 1938 г. нацистская власть стала опираться и на согласие большинства немецкого народа. Этому способствовали успехи в экономике и внешней политике Германии в 1933–1938 гг.» [9. С. 228] (в данной статье мы используем второе издание учебного пособия). Согласно автору, экономика вообще сыграла ключевую роль в укреплении нацистского режима. «Популярность экономических мероприятий нацистов обеспечивалась не только реальным преодолением кризиса, но и массово-психологическим воздействием на население... Эмоциональный подъем, вызванный нацистской пропагандой, был одним из важных стимулов к экономическому росту» [Там же. С. 231]. Но, как отметит Л.Н. Корнева, у этого процесса была и обратная сторона: «...экономические успехи и пропагандистский шум вокруг них затеняли неприглядную сторону режима: разрастание террористического аппарата, разрушение правового строя, подготовку новой войны за передел мира» [Там же].

Однако, по мнению автора, идейная и социально-экономическая изощренность нацистского режима не только проявлялась в экономических успехах, а основывалась на идее «народного сообщества». «Осуществление грандиозных империалистических целей нацистов по завоеванию Европы, “жизненного пространства на Востоке”, и переустройству мира требовали надежного тыла в собственной стране. Только террором и пропагандой нельзя было привлечь население на свою сторону. Свои завоевательные цели нацисты прикрывали достаточно привлекательной для широких масс идеей построения в Германии “народного сообщества”, т.е. созданием на расовой основе некоего нивелированного, с нечеткими классовыми границами общества» [Там же. С. 235].

В заключение своей обширной главы о Третьем рейхе Л.Н. Корнева возвращается к историографии нацизма. Несмотря на то, что она отмечает важность интернационального характера изучения нацизма, для немецкой историографии проблема преодоления нацистского прошлого являлась критически значимой. «Кри-

тическое обсуждение, “исторические дебаты” вокруг проблем возникновения, существования и “наследия” Третьего рейха стали важнейшим элементом формирования новой политической культуры двух послевоенных немецких государств» [Там же. С. 308].

Последней крупной работой Л.Н. Корневой стала четвертая глава «Преодоление последствий войны и социальная политика в Германии (1945–1949 гг.)» в учебном пособии о социальной политике в Германии [10]. Исследование проблем послевоенной Германии изначально не входило в круг научных интересов Л.Н. Корневой. Тем не менее данную главу можно считать логическим продолжением ее исследований нацистского режима в Германии и преодоления его последствий. Автор показывает, как на руинах Третьего рейха и прежней Германии постепенно возникает новая немецкая общность и формируются контуры двух немецких государств – ФРГ и ГДР. Такова была плата за двенадцатилетний Третий рейх. Оккупационные и новые немецкие власти сделали все возможное, чтобы на демократической основе возродить мирную жизнь немецкого народа. Автор рассматривает и анализирует различные аспекты этого процесса, от возрождения государственности до повседневной жизни. В этой связи она пишет: «В эти трудные годы особое значение для преодоления послевоенной депрессии, моральной подавленности нации от “немецкой катастрофы”, ужасов нацистских преступлений имели организация досуга и оживление культурной жизни» [Там же. С. 239], а «общество руин» постепенно превращалось в «общество надежды» [Там же. С. 241].

Труды Л.Н. Корневой, несомненно, внесли значительный вклад в отечественную историческую германистику. В ходе эволюции своих научных взглядов она прошла путь от марксистского восприятия исторического процесса (в советскую эпоху) до утверждения его плюралистической основы на современном этапе развития исторической науки. Свои наиболее важные работы Л.Н. Корнева написала уже в современной России, что делает их особенно актуальными и значимыми для российской исторической германистики на современном этапе ее развития и состояния. Ее труды, посвященные исследованию германской историографии национал-социализма, стали заметным явлением в современной исторической германистике, что неоднократно отмечали российские и немецкие коллеги Л.Н. Корневой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х гг. Новое прочтение. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 170 с.
2. Галактионов Ю.В. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения, пути преодоления : избранные труды. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. 166 с.
3. Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С. Марксистская историография германского фашизма. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1988. 83 с.
4. Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы). Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1998. 128 с.
5. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2007. 46 с.
6. Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. 275 с.
7. История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. Т. 1. 504 с.; Т. 2. 624 с.; Т. 3. 544 с.

8. Корнева Л.Н. Германия в годы нацистской диктатуры (30 января 1933 г. – 8 мая 1945 г.) // История Германии : учеб. пособие для студентов вузов : в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеца, Ю.В. Галактионова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. С. 190–283.
9. Корнева Л.Н. Германия в годы нацистской диктатуры (30 января 1933 г. – 8 мая 1945 г.) // История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеца, Ю.В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. С. 212–312.
10. Социальная политика и социальное государство в Германии : учеб. пособие / отв. ред. Л.Н. Корнева. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2014. 455 с.

Oleg E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terehov1968@mail.ru

Oksana N. Terekhova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksanan1970@mail.ru

HISTORY OF GERMANY IN THE FATE OF A SIBERIAN SCIENTIST

Keywords: history of Germany, National Socialism, historiography.

The life and scientific activity of Doctor of Historical Sciences, Professor L.N. Korneva is inextricably linked with two university centers in Western Siberia: the oldest university in Siberia, Tomsk University and Kemerovo University, where she has worked practically from the moment of its foundation. L.N. Korneva is rightfully considered one of the leading modern Russian Germanists, one of the founders and later chairman of the West Siberian Center for German Studies. The purpose of the article is to examine the scientific heritage of L.N. Korneva and to analyze her contribution as a German historian to the study of the problems of German National Socialism. The sources for this article were the works of L.N. Korneva.

From the very beginning of L.N. Korneva's scientific activity, the focus of her attention was the German historiography of National Socialism. Her worldview and scientific views were formed at the turn of the ages. Having defended her Candidate of Science thesis in the Soviet era, L.N. Korneva wrote her doctoral dissertation and main works already in modern Russia. This allowed her to impartially examine the German historiography of National Socialism at different stages of its development and state. The author deduced the characteristic features of the German historiography of National Socialism, identified its main stages, analyzed the main problem areas, gave a comparative analysis of the West German and East German historiography of National Socialism, and showed its state in a united Germany.

The main conclusion of L.N. Korneva about the place and role of German historiography in the study of National Socialism was that she had great services to science and society in the study of this problem. It would not be an exaggeration to say that in modern Russian historical Germanic studies L.N. Korneva was a leading specialist in the field of German historiography of National Socialism. However, L.N. Korneva's interest in the history of National Socialism was not limited only to historiographic subjects. She took an active part in writing, editing and publishing two textbooks dedicated to the history of Germany "History of Germany" (3 volumes) and "Social policy and welfare state in Germany". The chapters in textbooks devoted directly to the history of the Third Reich and the consequences of its collapse, written by her, contain a large amount of factual material, a balanced analysis of the history of Germany under the rule of the Nazis, and at the same time a negative assessment of the brown plague of the 20th century.

Thus, the textbooks demonstrated a new feature of L.N. Korneva's scientific heritage. They revealed her capabilities as an empirical historian. L.N. Korneva's works were highly appreciated by her colleagues.

REFERENCES

1. Galaktionov, Yu.V. (1996) *Germanskiy fashizm v zerkale istoriografii 20–40-kh gg. Novoe prochtenie* [German fascism in the mirror of the historiography of the 1920s – 1940s. A new rendition]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
2. Galaktionov, Yu.V. (2006) *Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya, puti preodoleniya: izbrannye trudy* [National Socialism in Germany: Problems of Study, Ways to Overcome: Selected Works]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Galaktionov, Yu.V., Korneva, L.N. & Cherkasov, N.S. (1988) *Marksiistskaya istoriografiya germanskogo fashizma* [Marxist historiography of German fascism]. Kemerovo: Kemerovo State University.
4. Korneva, L.N. (1998) *Germanskiy fashizm: nemetskie istoriki v poiskakh ob'yasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945–90-e gody)* [German Fascism: German Historians in Search of an Explanation of the Phenomenon of National Socialism (1945–90s)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
5. Korneva, L.N. (2007) *Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985–2005 gg.)* [German historiography of National Socialism: research problems and trends in modern development (1985–2005)]. Abstract of History Dr. Diss. Kemerovo.
6. Korneva, L.N. (2007) *Germanskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremennogo razvitiya (1985–2005)* [German historiography of National Socialism: research problems and trends in modern development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
7. Bonvech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2005) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Korneva, L.N. (2005) *Germaniya v gody natsistskoy diktatury (30 yanvarya 1933 g. – 8 maya 1945 g.)* [Germany during the Nazi dictatorship (January 30, 1933 – May 8, 1945)]. In: Bonvech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 190–283.
9. Korneva, L.N. (2008) *Germaniya v gody natsistskoy diktatury (30 yanvarya 1933 g. – 8 maya 1945 g.)* [Germany during the Nazi dictatorship (January 30, 1933 – May 8, 1945)]. In: Bonvech, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Vol. 2. Moscow: KDU. pp. 212–312.
10. Korneva, L.N. (ed.) (2014) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and social state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

УДК 94:338(470)"192"
DOI: 10.17223/19988613/74/28

С.В. Шарапов, В.П. Зиновьев

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ» (г. НОВОСИБИРСК, 16–17 СЕНТЯБРЯ 2021 г.)

*Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».*

Сообщается о Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении», состоявшейся в сентябре 2021 г. в Новосибирске. Ее участниками стали историки, экономисты, архивисты из разных городов Российской Федерации. Конференция была приурочена к столетнему юбилею перехода к НЭПу. При этом научно-исследовательские задачи, которые стояли перед участниками конференции, выходили далеко за рамки изучения исключительно экономической политики 1920-х гг. В ходе конференции планировалось обсудить реформы в России на протяжении длительного периода ее истории (со второй половины XIX до начала XXI в.), прослеживая континуальность экономической политики. В обзоре приводится информация об основных положениях докладов, посвященных теме преемственности реформ в России.

Ключевые слова: экономическая история России, конференция, экономические реформы.

16–17 сентября 2021 г. в г. Новосибирске прошла Всероссийская научная конференция «Российские экономические реформы в региональном измерении», приуроченная к столетней годовщине введения НЭПа. Организаторами конференции выступили Научный совет Российской академии наук по экономической истории, Институт истории СО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Алтайский государственный университет, экономический факультет Новосибирского национального исследовательского государственного университета, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. В конференции приняли участие историки, экономисты, архивисты из 20 городов Российской Федерации: Барнаула, Бийска, Владивостока, Вологды, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саранска, Томска, Улан-Удэ, Уфы, Чебоксар, Челябинска.

Тематика прозвучавших в дни работы конференции докладов выходила далеко за рамки исследования Новой экономической политики и затрагивала проблемы экономической истории России со второй половины XIX до начала XXI в. Одна из основных задач конференции – проследить взаимосвязь экономической политики на длительной исторической дистанции, учитывая смену режимов, идеологий, экономических и социальных укладов. Второй, не менее важной задачей, стоявшей перед участниками научного мероприятия, было изучение процессов реализации экономических реформ на трех уровнях: общестрановом, региональном и локальном. Исходя из поставленных задач определялась тематика секций и группировка докладов.

На пленарном заседании тон обсуждению континуальности экономических реформ в России задал И.В. Побережников, сравнив процессы модернизации в Российской империи и СССР. Он выделил общие

закономерности: во-первых, как имперская, так и советская модернизация испытывала воздействие механизма структурно-функциональной дифференциации (прогресс был следствием нарастания специализации и разделения труда в экономике); во-вторых, обе стратегии основывались на индустриализации как основной цели модернизации; в-третьих, обе они испытывали на себе внешнее влияние (основывались на идеях и ценностях Просвещения, зависели от адаптации иностранных технологий, институтов и т.д.). При этом автор доклада, разумеется, не отрицал наличия принципиальных различий между двумя проектами модернизации. Эти различия касались степени контроля общества со стороны государства, соотношения рыночных и мобилизационных механизмов, конфигурации акторов модернизации.

В докладе В.А. Крюкова, посвященном проектам развития Востока России, подчеркивалась необходимость осмысления исторического опыта для разработки эффективной современной стратегии. По мнению автора доклада, основной отличительной особенностью прежних проектов являлся акцент на создание крупных хозяйственных объектов, которые достигали высокой эффективности за счет действия отраслевого фактора «экономии на масштабе». Одна из важнейших проблем, проистекавшая из такого подхода, – ориентация многих решений на простоту и администрируемость регулируемых экономических процессов. По мнению В.А. Крюкова, на современном этапе требуется создание механизмов обсуждения и реализации проектов экономического развития Востока России на принципах соучастия и реального вовлечения в них представителей региональных и местных сообществ. Рассмотрение и реализация таких проектов должны находиться во взаимосвязи и взаимообусловленности с развитием пространства Сибири и России в целом, а также учитывать исторический опыт и локальные особенности.

Значительное внимание в ходе работы конференции было уделено истории хозяйственного освоения и аграрной колонизации восточных регионов России. Обсуждение данной тематики происходило в рамках работы первой секции конференции. Доклады в основном касались проблем освоения регионов Урала и Сибири.

В докладе В.П. Зиновьева отмечалось, что процесс хозяйственного освоения Сибири Российским государством, несмотря на смену эпох и поколений, носил преемственный характер: царские, советские и современные проекты были подчинены общей логике освоения топливно-сырьевых ресурсов окраины при похожих условиях – дефиците средств, кадров в регионе, стремлении сэкономить на человеческом капитале. Отсюда, подчеркивает автор, характерная для Сибири проблема отставания социальной сферы от производственной.

В докладах первой секции ключевая роль отводилась изучению государственной экономической политики как ведущего фактора хозяйственного освоения регионов. В этом контексте были проанализированы социальные и культурные последствия введения в эксплуатацию Транссиба, его влияние на повседневную жизнь и стратегии поведения представителей сельского сообщества региона (И.И. Кротт), проведен историографический обзор современной литературы по Столыпинской аграрной реформе (Д.Н. Белянин), на региональном материале банковского сектора Южного Урала дана сравнительно-историческая характеристика последствий реформаторских начинаний С.Ю. Витте и П.А. Столыпина (М.И. Роднов), проанализирована история сибирского маслоделия и раскрыты причины стагнации отрасли в связи с изменением структуры цен на сельскохозяйственную продукцию и свертыванием экспорта (А.А. Николаев), на материале Сибири рассмотрены особенности отходничества крестьян в города, существовавшего в дореволюционной России и возродившегося в годы НЭПа (Н.А. Потапова).

Вторая секция конференции была посвящена обсуждению стратегий экономических реформ, реализованных в прошлом и реализуемых в настоящем. В.И. Клисторин в широком хронологическом контексте (от НЭПа до наших дней) рассмотрел проблему децентрализации управления экономикой. На основе анализа экономических реформ в советское время (периоды НЭПа, «оттепели» и «перестройки») он показал, что основной идеей реформ были децентрализация управления и расширение самостоятельности предприятий. Однако угроза потери управляемости в результате их проведения приводила к свертыванию реформ, усилению централизации и расширению функций государственного аппарата. Е.П. Гурова представила анализ муниципальных реформ в исторической ретроспективе и показала роль этого института в развитии общества.

В докладе А.В. Котова было проведено сравнение стратегий пространственного развития страны в 1920-е гг. и в настоящее время. Пространственное стратегирование, отмечает А.В. Котов, традиционно развивалось под сильным влиянием государства, жестко ориентировалось на конкретные хозяйственные задачи. В настоящее время «умное» пространственное развитие регионов остается актуальной задачей, поскольку Россия

ежегодно теряет до 2–3% ВВП от «неправильной» пространственной организации.

Развитие одной из отраслей экономики (военно-промышленного комплекса) а течение всего советского периода проследила И.В. Быстрова. На протяжении XX в., делает вывод докладчик, оборонная промышленность реорганизовывалась несколько раз. И если в период НЭПа она была сокращена до минимума, то в 1930–1980-е гг. эта отрасль шла на подъем, являясь приоритетным объектом для советского государства. Тему военно-экономической политики продолжил Е.Т. Артемов, посвятив доклад послесталинскому периоду развития ВПК. Автор отметил, что после смерти И.В. Сталина «коллективное руководство» принимало меры по ограничению военных расходов, что, однако, не означало отказа от военно-промышленной направленности советской экономики. Однако после разгрома в 1957 г. так называемой «антипартийной группы» Н.С. Хрущев на практике отступил от курса на снижение оборонной нагрузки на экономику.

Анализу проблем функционирования НЭПа была посвящена третья секция конференции «Новая экономическая политика – грани изучения». Основное внимание на секции уделялось анализу историографической концептуализации НЭПа, аграрных преобразований в 1920-е гг., кооперативных институтов хозяйственной деятельности, развитию частного капитала как актора нэповской многоукладности

Значительное внимание в ходе работы конференции было уделено проблеме социальных последствий проводившихся экономических реформ. Непосредственно связанные с «юбилейной» тематикой НЭПа доклады отражали различные аспекты социальных реалий 1920-х гг. в Сибири: от реализации государственной политики в отношении нетрудоспособного населения (А.С. Ковалев) до социально-трудовых конфликтов и взаимоотношений (С.А. Красильников, С.В. Шаратов) и вопросов налогового обложения православного духовенства (С.Г. Петров). Другая группа докладов касалась анализа негативных последствий экономических преобразований периода перестройки и либеральных реформ 1990-х гг. для различных сфер жизнедеятельности сибирских регионов. Проблемам товарного снабжения барнаульцев в контексте реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. посвятили свой совместный доклад Е.В. Демчик и Г.А. Гряникова. Демографические последствия либеральных экономических реформ 1990-х гг. в Красноярском крае рассмотрел в своем выступлении А.В. Задорин. Острые проблемы негативного влияния либеральных реформ 1990-х гг. на систему энергоснабжения на Курилах подняла Е.Н. Чернолуцкая.

Проблемы реформирования системы управления экономикой обсуждались на пятой секции конференции. Доклады были в основном посвящены советскому периоду отечественной истории. А.А. Думчиков рассмотрел в своем выступлении экономические преобразования первых пятилеток в Башкирской АССР. По мнению автора, республика прошла путь от региона с развивающимися металлургией и станкостроением («уральский» вектор развития) до «второго Баку» (новый нефтяной вектор). Нефтедобыча в Башкирии начала

развиваться с 1932 г., и с этого момента за регионом закрепляется репутация «нефтяного» региона.

К.А. Болдовский раскрыл проблемы трансформации региональной системы экономического управления в Ленинграде в период блокады и в первые послевоенные годы. Автор, в частности, полагает, что в это время сложилась особая «ленинградская» практика управления, главная черта которой – полный контроль партийных органов над хозяйственными процессами.

В докладах Д.С. Орлова и С.Н. Андреевкова освещены вопросы развития аграрного сектора экономики. Первый на материалах Западной Сибири проанализировал становление и функционирование экономической модели развития сельского хозяйства между двумя аграрными кризисами (начало 1960-х и начало 1980-х гг.). По мнению автора, одним из важнейших факторов роста сельхозпроизводства на данном этапе являлась частичная децентрализация управления отраслью, а главным фактором торможения ее развития – усиление командно-бюрократического диктата в совокупности с другими негативными процессами.

С.Н. Андреевков обратил внимание участников заседания на важные проблемы развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока на постсоветском этапе и сделал вывод о том, что в ходе рыночных реформ аграрный сектор экономики этих регионов оказался в тяжелейшем положении, ситуация стабилизировалась только к концу 1990-х гг. В начале нового века в аграрном производстве появилась положительная динамика, которая обуславливалась улучшением

экономических условий для деятельности хозяйств, укреплением позиций крупных сельхозпредприятий, использованием ими современных технологий, усилением роли государства в регулировании социально-экономических процессов, благоприятными погодными условиями.

Конференцию завершило заседание круглого стола «НЭП – итоги и перспективы изучения». Помимо проблем историографии его спикеры затрагивали вопросы перспектив НЭПа и альтернатив общественного развития России в 1920-е гг. Обсуждались сравнительные модели индустриального строительства в России, КНР, Вьетнаме и других странах, факторы, влиявшие на выбор модели индустриализации, на поиск оптимального соотношения государственного регулирования и частной инициативы.

Экономисты, историки, архивисты, принявшие участие в работе конференции, обменялись не только результатами исследований, но и идеями, источниками информации. Каждый из докладов вызывал многочисленные вопросы и обсуждения, что свидетельствует об актуальности обсуждаемых в ходе конференции проблем и наличии исследовательских перспектив для историко-экономической проблематики в целом. Участники отмечали необходимость проведения дальнейших междисциплинарных исследований и творческих контактов в рамках подобных конференций. Большая часть сделанных на пленарном заседании и секциях докладов опубликована в сборнике материалов конференции [1]

ЛИТЕРАТУРА

1. Российские экономические реформы в региональном измерении : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала нэпа / отв. ред. В.А. Ильиных, В.М. Рынков. Новосибирск : Параллель, 2021. 452 с.

Sergey V. Sharapov, Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sharapovsv1@yandex.ru
Vasily P. Zinoviev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); National Research Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@mail.tsu.ru

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE “REGIONAL DIMENSION OF THE RUSSIAN ECONOMIC REFORMS” (NOVOSIBIRSK, SEPTEMBER 16-17, 2021)

Keywords: economic history of Russia, conference, economic reforms.

The review considers the reports and messages that were presented at the conference “Regional Dimension of the Russian Economic Reforms” (Novosibirsk, 2021). Among the conference participants were representatives from the cities of Barnaul, Biysk, Vladivostok, Vologda, Gorno-Altai, Yekaterinburg, Irkutsk, Kemerovo, Krasnoyarsk, Moscow, Novosibirsk, Omsk, Perm, St. Petersburg, Saransk, Tomsk, Ulan-Ude, Ufa, Cheboksary, Chelyabinsk. Conference was dedicated to the 100th anniversary of the introduction of NEP. Topics of the reports presented during the conference went far beyond the study of exclusively New Economic Policy and touched upon the problems of economic history of Russia from the second half of the 19th century to the beginning of the 21st century. One of the main tasks of the conference was to trace the interconnection of economic policy over a long historical distance, taking into account change of regimes, ideologies, economic and social structures. The second, no less important task facing the participants of the scientific event was to study the processes of implementing economic reforms at three levels: country-wide, regional and local. Based on the tasks set, topics of the sections and grouping of reports were determined.

Reputable historians and economists from all over the country presented their latest research on the economic history of Russia. The conference discussed the problems of agrarian colonization and economic development of regions, strategies for economic reforms, functioning of the NEP, social consequences of economic reforms, and reforming the system of economic management. Economists, historians, archivists who took part in the conference exchanged not only research results, but also ideas, sources of information. Each of the reports aroused numerous questions and discussions, which testifies to the relevance of problems discussed during the conference and availability of research prospects for historical and economic problems in general. Participants noted the need for further interdisciplinary research and creative contacts within the framework of such conferences. Most of the reports were published in the collection of conference materials.

REFERENCES

1. Ilinykh, V.A. & Rykov, V.M. (eds) (2021) *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii* [Russian economic reforms in the regional dimension]. Novosibirsk: Parallel'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕТМАКАЕВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: btmkv@yandex.ru

БУГРОВ Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук (Екатеринбург); ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

БУРАКОВ Сергей Олегович, старший преподаватель кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: bosq@rambler.ru

БУШУЕВА Анна Андреевна, аспирант Курганского государственного университета. E-mail: mizuki_arashi@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ВОРОБЬЕВА Вероника Сергеевна, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: 63.Oniks@gmail.com

ГАНГУР Дмитрий Иванович, преподаватель кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры. E-mail: gansko@mail.ru

ГАНГУР Наталья Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры. E-mail: gansko@mail.ru

ГИЛЬМИНТИНОВ Роман Радиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник сетевого центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета; докторант факультета истории университета Дьюка. E-mail: rg214@duke.edu

ГОЛИКОВА Ольга Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк). E-mail: momsi@yandex.ru

ГОРБУНОВ Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической Академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева (Бишкек). E-mail: donzhora1967@gmail.com

ДЕРЕНДЯЕВА Анна Дмитриевна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Краснодар). E-mail: erana@mail.ru

ЗАМАН Мухаммед Хамид, Ph.D., профессор Медицинского института Говарда Хьюза; профессор кафедры биомедицинской инженерии и международного здравоохранения Бостонского университета (США). E-mail: zaman@bu.edu

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета. E-mail: vpz@mail.tsu.ru

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

КИМ Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

КОЗЕЛЬЧУК Татьяна Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История и документоведение» Курганского государственного университета. E-mail: netanja-k@mail.ru

КОСТЕРЕВ Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: antonkosterev@rambler.ru

МАЛЫШЕВА Нина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: nina.barnaul@gmail.com

МЕНЩИКОВА Юлия Валерьевна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: menshchikova.yu@mail.ru

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института. E-mail: niksam@mail.ru

ПАРФИРЬЕВ Дмитрий Станиславович, кандидат исторических наук, ведущий редактор ИНИОН РАН. E-mail: parfiryeff@yandex.ru

ПИВОВАРОВ Никита Юрьевич, доцент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук Первого МГМУ им. Сеченова (Сеченовский университет); старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); научный сотрудник кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород). E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

ПУЧЕНКОВ Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность» факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета; младший научный сотрудник НОЦ «Истории и социальной работы» Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники; младший научный сотрудник школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

СИЗОВА Александра Александровна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: sayun@yandex.ru

СОРОКИН Александр Николаевич, кандидат исторических наук, директор школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru

ТЕРЕХОВА Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: oksanan1970@mail.ru

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); научный сотрудник кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород). E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: eft655565@yahoo.com

ФАНДО Роман Алексеевич, доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва). E-mail: fando@mail.ru

ХУДОЛЕЕВ Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института. E-mail: khudoleev73@mail.ru

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: tsvetkovaov@mail.ru

ЧЕРНЫШОВ Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: ashpi@yandex.ru

ШАРАПОВ Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск). E-mail: sharapovsv1@yandex.ru

ШЕВЕЛЕВ Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: shev-dn@yandex.ru

ШОК Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России (Нижний Новгород). E-mail: shok.nataliya@gmail.com

ЮН Сергей Миронович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

ЮРЧЕНКО Дарья Степановна, студент Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: dashenka-yurchenko@mail.ru.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2021 № 74

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 30.12.2021 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 28,0. Усл. печ. л. 26,1. Тираж 50 экз. Заказ № 4831. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.01.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru